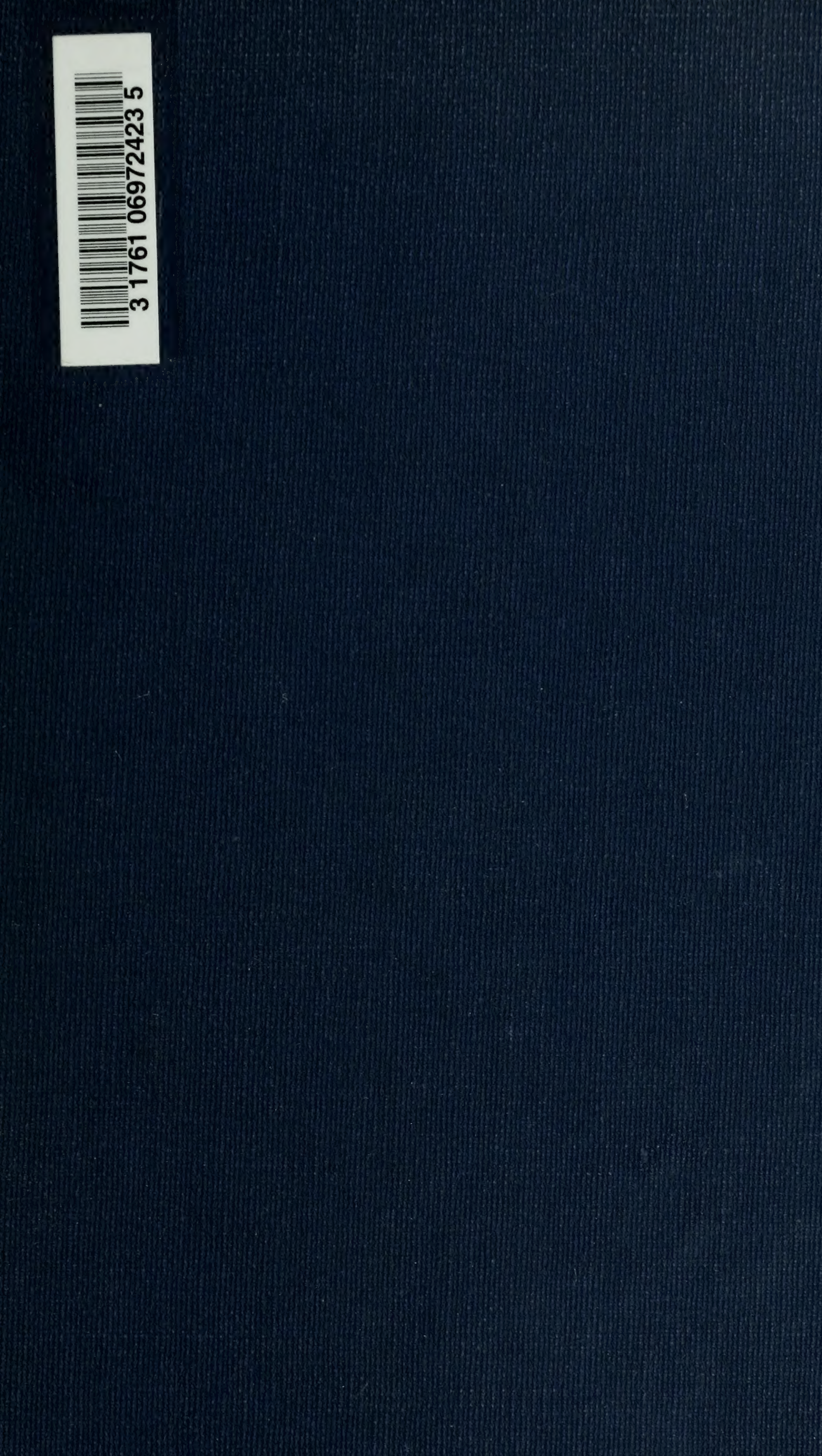
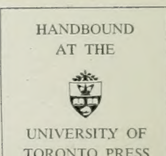

3 1761 06972423 5


HANDBOUND
AT THE
UNIVERSITY OF
TORONTO PRESS

A. A. КИЗЕВЕТТЕРЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

Изъ исторіи политическихъ идей.— Школа и просвѣщеніе.—Русскій городъ въ XVIII ст.—Изъ исторіи Россіи въ XIX ст.

МОСКВА.—1912.

Т-во Скоропечатни А. А. Левенсонъ
Москва, Трехпрудный пер.
1912.

ИЗЪ ИСТОРІИ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ИДЕЙ.

Политическая тенденція древнерусскаго Домостроя.

I.

Домострой по справедливости признается однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для исторіи XVI вѣка. Историческая литература весьма широко пользовалась заключающимися въ немъ данными для самыхъ разнообразныхъ цѣлей. Приходится сознаться, однако, что научная эксплоатація этихъ данныхъ не опиралась на какія-либо устойчивыя, критически обоснованныя точки зрѣнія относительно общаго значенія Домостроя, какъ историческаго памятника.

Къ какой категоріи литературныхъ памятниковъ долженъ быть отнесенъ Домострой, въ какомъ отношеніи мы должны особенно цѣнить его показанія — вотъ вопросы, на которые, какъ намъ кажется, критическій анализъ памятника не далъ еще своего окончательнаго отвѣта, и вотъ почему — еще не опредѣленъ точно тотъ кругъ задачъ, при разрѣшеніи которыхъ вполнѣ законно пользованіе данными Домостроя. Отсюда получились два совершенно противоположныя, но въ тоже время одинаково нежелательныя послѣдствія. Съ одной стороны изслѣдователи невольно злоупотребляли Домостроемъ, какъ историческимъ источникомъ, брали изъ него то, чего тамъ не было; съ другой стороны, они незаслуженно обходили тотъ-же источникъ, какъ разъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ могъ представить въ распоряженіе изслѣдователя въ высшей степени цѣнный, никѣмъ еще въ немъ не затронутый матеріалъ.

Нѣкоторое время въ литературѣ по отношенію къ Домострою установился и теперь еще не совсѣмъ безслѣдно исчезнувшій популярный предразсудокъ. Въ Домостроѣ хотѣли видѣть прежде всего точное воспроизведеніе подлинныхъ типичныхъ чертъ современной этому памятнику русской дѣй-

ствительности. Цѣлыми пригоршнями черпали отсюда благодарный матеріалъ для изображенія интимнаго домашняго обихода нашихъ предковъ XVI—XVII вв. Съ помощью Домостроя мы привыкали представлять себѣ этотъ обиходъ въ формѣ чиннаго, строго размѣреннаго, нерѣдко суроваго, но всегда послѣдовательно проведеннаго ритуала, въ рамкахъ котораго жизнь протекала, какъ по нотамъ, по разъ на всегда составленному и освященному вѣковымъ обычаемъ росписанію. Неразлучной съ нашими обычными представленіями о до-петровской Руси картиной патріархальной семьи мы въ значительнѣйшей степени обязаны знакомству съ Домостроемъ. Автора (или авторовъ) Домостроя цѣнили прежде всего, какъ художника-жанриста, предвосхитившаго выраженную въ «Евгеніи Онѣгинѣ» литературную мечту Пушкина безпритязательно описать «простое русское семейство».

Между тѣмъ, даже и безъ особыхъ усилій вниманія, изъ текста Домостроя можно извлечь иное отношеніе къ значенію нарисованныхъ въ немъ бытовыхъ картинъ, иной взглядъ и на общій смыслъ всего памятника. Это произведеніе не описательное, а дидактическое. Авторъ постоянно становится въ оппозицію къ окружающей его дѣйствительности. Его цѣль—преобразовать современный ему жизненный складъ. Его трактатъ—рядъ предписаній, вытекающихъ изъ нѣкотораго цѣльнаго отвлеченнаго идеала. Большинство этихъ предписаній снабжены оговорками, какъ нельзя болѣе убѣждающими внимательнаго читателя въ томъ, что подлинная жизнь—по убѣжденію самого автора—стоитъ ниже его идеала, враждебна основнымъ чертамъ послѣдняго. Безспорно, многія краски нарисованной въ Домостроѣ картины цѣликомъ заимствованы изъ обыденной дѣйствительности того времени; изображеніе хозяйственнаго обихода семьи, всѣ эти до педантизма обстоятельныя исчисленія съѣстныхъ припасовъ, столовыхъ кушаній, хозяйственныхъ пріемовъ и т. п. несомнѣнно списаны съ подлиннаго домостроительнаго опыта людей того времени; въ нихъ слишкомъ много непосредственной жизненности, тѣхъ ничтожныхъ мелочей, которыя на каждомъ шагу создаются житейской практикой и сразу переносятъ читателя въ атмосферу домашнихъ буденъ. Но впечатлѣніе тотчасъ мѣняется, какъ только мы переходимъ отъ

описанія матеріальной семейной обстановки къ тому, что составляетъ главный нервъ семейной жизни—къ изображенію взаимныхъ отношеній живущихъ въ этой обстановкѣ людей: членовъ семьи и домашней челяди. Здѣсь Домострой уже не фотографируетъ, а поучаетъ и обличаетъ.—Между строкъ его суровыхъ предписаній, налагающихъ строгія рамки на всѣ проявленія частной жизни, превращающихъ жизнь въ сплошной обрядъ—мы постоянно читаемъ о другомъ жизненномъ складѣ, незнающемъ никакихъ сдержекъ, предоставляющемъ полную свободу къ безпрепятственному обнаруженію первобытныхъ инстинктовъ.—Домострой можетъ оказаться надежнымъ источникомъ для изображенія частной жизни нашихъ предковъ, но только въ томъ случаѣ, если мы выберемъ изъ него не то, что онъ рекомендуетъ, а то, что онъ порицаетъ, чего онъ совѣтуетъ избѣгать. Рядомъ съ положительными житейскими правилами Домострой гораздо подробнѣе описываетъ отрицательныя отъ нихъ отклоненія. Эти-то оговорки—драгоцѣнный матеріалъ для бытового историка, на нихъ ярко отпечатлѣлись живыя, непосредственныя наблюденія. Когда Домострой предписываетъ мужу наказывать свою жену вѣжливо, плетью, наединѣ, а не передъ людьми и не бить ее за всякую вину «по уху, по видѣнью, подъ сердце кулакомъ, пинкомъ, посохомъ желѣзнымъ», вызывая тѣмъ членовредительство и увѣчье, то намъ ясно, какими фактами повседневности вызвано это предписаніе: битье по уху, по видѣнью, подъ сердце и т. п. и было заурядным явленіемъ, вызвавшимъ протестъ Домостроя. Подобныя оговорки встрѣчаются на каждомъ шагу при чтеніи Домостроя. Очевидно, онѣ не случайны и ихъ частое, неуклонное повтореніе приводитъ къ убѣжденію, что навѣваемыя ими впечатлѣнія имѣютъ силу не только по отношенію къ отдѣльнымъ мѣстамъ и указаніямъ памятника, но и ко всему памятнику, во всей его совокупности. Не только единичныя предписанія, попавшія въ Домострой, но и общая картина семейной жизни, общая схема домостроительства, слагающаяся изъ этихъ единичныхъ предписаній, должна быть разсматриваема не какъ воспроизведеніе дѣйствительной жизни, а какъ идеалъ, pia desideria тѣхъ общественныхъ и литературныхъ слоевъ, изъ среды которыхъ вышелъ Домострой.—Изложенная точка зрѣнія можетъ быть признана въ настоящее время господствующей. Ее раздѣляетъ боль-

шинство изслѣдователей, или спеціально изучавшихъ Домострой, или пользовавшихся имъ для тѣхъ или иныхъ цѣлей. Назовемъ только наиболѣе авторитетныя имена Буслаева, К. Аксакова, Соловьева, Забѣлина.

Сущность выраженныхъ ими взглядовъ сводится къ тому, что въ предписаніяхъ Домостроя формулированы идеальныя, теоретическія воззрѣнія того времени на нормальный строй семьи, обусловливающій семейное счастіе, воззрѣнія, далеко не осуществлявшіяся въ жизни, но тѣмъ не менѣе постоянно обращавшіяся въ общественномъ сознаніи, составившія такъ сказать, неотъемлемую часть умственнаго и нравственнаго капитала, нажитаго русскимъ обществомъ къ XVI вѣку.

Впрочемъ, изъ поименованныхъ выше писателей одинъ К. Аксаковъ занялъ нѣсколько особое мѣсто. Онъ находилъ еще возможнымъ приписывать весь Домострой перу одного Сильвестра и, отмѣчая съ особеннымъ удареніемъ теоретичность этого произведенія, отказывался признать выраженныя въ немъ воззрѣнія воззрѣніями общенародными. Тогда какъ Забѣлинъ говоритъ о Домостроѣ: «Здѣсь выражалась не личность, а все общество» *), а Соловьевъ замѣчаетъ: «вотъ идеалъ семейной жизни, какъ онъ былъ созданъ древнимъ русскимъ обществомъ» **), К. Аксаковъ думаетъ иначе: «это воззрѣнія и желанія Сильвестра, говоритъ онъ, его личныя желанія и воззрѣнія, или, пожалуй, вообще духовнаго лица того времени, но это нисколько не желанія и не взглядъ народа ***).

Какъ бы то ни было, всѣ поименованные писатели безъ исключенія согласны въ томъ положеніи, что Домострой, взятый въ цѣломъ,—плодъ теоріи, а не итогъ житейской практики.

Мы считаемъ этотъ взглядъ весьма важнымъ пріобрѣтеніемъ въ исторіи разработки нашего вопроса. Но если Домострой—теоретическій трактатъ, если въ основѣ его лежитъ нѣкоторая объединяющая руководящая *тенденція*, то тотчасъ же является вопросъ, къ какому направленію общественной мысли того времени примыкаетъ эта основная его

*) Домашній бытъ русскихъ царицъ.
**) Исторія Россіи, т. VII.
***) Сочиненія, т. I.

тенденція. Разъ передъ нами не художественное воспроизведеніе жизни, а публицистическое освѣщеніе извѣстной идеи, для насъ важно опредѣлить, съ публицистами какого лагеря имѣемъ мы дѣло въ данномъ случаѣ. Намъ говорятъ (Забѣлинъ, Соловьевъ, Порфирьевъ), что это не партійный памфлетъ, а всеобъемлющій сводъ, кодексъ общерусскаго, національнаго міросозерцанія, какъ оно успѣло назрѣть и опредѣлиться къ XVI вѣку. Мы не можемъ удовлетвориться такимъ отвѣтомъ, когда дѣло идетъ о теоретическомъ трактатѣ XVI вѣка. Мы не раздѣляемъ популярнаго воззрѣнія на литературное движеніе XVI вѣка, какъ на движеніе по существу компилятивное, стремившееся кодифицировать накопленное вѣками богатство прожитаго опыта. Условія времени ни мало не благопріятствовали для установленія такого направленія въ тогдашней литературѣ. То было время глубокаго раздвоенія и интересовъ и воззрѣній. Россія переживала страшный кризисъ, сопровождавшійся во всѣхъ сферахъ жизни острыми, болѣзненными потрясеніями. Вездѣ кипѣли жизнь и страсти. На первомъ планѣ стояли вопросы политическіе. Наступалъ послѣдній актъ давнишней, хотя и не равной борьбы двухъ діаметрально противоположныхъ политическихъ укладовъ: московское правительство, докончивъ дѣло объединенія Руси, цѣлымъ рядомъ органическихъ реформъ выбивало изъ выросшаго въ удѣльныхъ преданіяхъ общества его еще не угасшія удѣльныя традиціи. Но за этими столкнувшимися политическими программами стояли цѣлыя міросозерцанія, столь-же враждебныя другъ другу по духу и также подводившія теперь окончательные счеты своей продолжительной распрѣ. Рука объ руку съ московскимъ правительствомъ и группировавшимися около него политическими элементами вела свою линію партія іосифлянъ, вносившая тѣ же начала нетерпимой регламентаціи и всеобщей нивеллировки въ обсужденіе вопросовъ церковной политики, религіозной догматики и соціально-экономическаго быта. Противниками іосифлянъ выступали заволжцы, примыкавшіе по своимъ симпатіямъ и личнымъ связямъ къ слоямъ тогдашней политической оппозиціи. По всѣмъ вопросамъ, по всѣмъ пунктамъ заволжцы высказывали воззрѣнія, прямо противоположныя іосифлянской доктринѣ.

Эти два міровоззрѣнія исключали другъ друга. Между

ними не могло установиться никакого соглашенія. Такъ раздвигались первоначальныя рамки борьбы. Антагонизмъ слишкомъ глубоко въѣдался внутрь тогдашняго общества, захватывая, на ряду съ политическими вопросами, основные вопросы всего народнаго міросозерцанія. Уже по одному этому странно было бы ожидать отъ XVI вѣка сознательныхъ попытокъ систематической кодификаціи этого міросозерцанія. Для такой кодификаціи просто не было еще и матеріала. Общественная мысль находилась въ состояніи возбужденнаго броженія. Въ общей сутолокѣ противорѣчивыхъ идей не легко было выдѣлить въ то время какой либо общепризнанный осадокъ непреложныхъ воззрѣній, который могъ-бы послужить удобнымъ матеріаломъ для всепримиряющей кодификаціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, текущая партійная борьба должна была отвлекать въ другую сторону наличныя литературныя силы.

Литература того времени носила по преимуществу *полемическій* характеръ. Въ то время, какъ орудіями политической борьбы являлись съ одной стороны—террористическія преслѣдованія и органическія реформы, а съ другой—политическія демонстраціи и протесты, культурная борьба двухъ направленій общественной мысли выражалась, какъ всегда, въ литературной полемикѣ. Взаимные счеты двухъ враждебныхъ партій постоянно ставили ребромъ животрепещущіе вопросы, требовавшіе немедленнаго разрѣшенія и отвѣта съ точки зрѣнія того или другого направленія. Это вырабатывало въ литературныхъ дѣятеляхъ эпохи способности и наклонности публицистовъ.

Памфлетъ—вотъ излюбленная литературная форма писателей того времени. Желая охарактеризовать преобладающія литературныя теченія конца XV-го и первой половины XVI-го вѣка, указываютъ обыкновенно на Макарьевскія Минеи, какъ на самое крупное и громкое литературное предпріятіе несомнѣнно кодификаціоннаго характера. Въ предполагаемыхъ мотивахъ этого литературнаго предпріятія, въ формѣ его осуществленія ищутъ отраженія руководящихъ тенденцій тогдашней мысли и затѣмъ утверждаютъ, что эпоха Макарьевскихъ Миней, Степенной книги, Стоглава, Домостроя не можетъ быть признана временемъ творческихъ побѣговъ дѣятельной мысли, ибо это было время остановки литературнаго развитія, когда люди жили однимъ прошлымъ, когда

насущныя задачи литературы ограничивались механическимъ сводомъ наросшаго ранѣе запаса идей и фактовъ. Такимъ образомъ, на ряду съ Минеями проявленiемъ того же господствующаго въ то время компилятивнаго теченiя считается Домострой, какъ сводъ вѣковой домостроительной мудрости предковъ, какъ показатель безсилiя тогдашней литературы открыть какiе либо новые горизонты, поднять какiе либо свѣжiе вопросы.

Мы думаемъ, однако, что не только Домострой, но даже и сами Макарьевскiя Минеи являются литературными фактами совершенно иного порядка. Въ нашихъ глазахъ Минеи, Домострой, Степенная книга не только не заслоняютъ собою цѣлаго ряда чисто публицистическихъ, боевыхъ, такъ сказать, памфлетовъ, которыми отмѣчена разсматриваемая эпоха (Просвѣтитель, заволжскiе отвѣты, Вассiановскiя посланiя, политическiя посланiя Максима Грека, письма Грознаго и Курбскаго, Валаамская бесѣда и т. д.), но сами могутъ быть удовлетворительно поняты и оцѣнены только въ связи съ этой полемической литературой, къ которой—думается намъ— они непосредственно примыкаютъ.

Тщательный анализъ тогдашней партiйной борьбы и тѣхъ маневровъ, къ которымъ прибѣгали боровшiяся партiи, долженъ привести къ тому выводу, что форма крупной литературной компиляцiи сама по себѣ, на-ряду съ памфлетомъ, являлась въ то время однимъ изъ литературныхъ орудiй текущей борьбы. Достаточно отмѣтить, что всѣ эти компиляцiи вовсе не безличный сводъ даннаго матерiала, всѣ онѣ болѣе или менѣе тенденцiозны. Форма свода—это лишь внѣшняя и притомъ, можно думать, умышленно избранная личина, за которой искусно спрятана нѣкоторая руководящая идея. Такъ-называемое «компилятивное или кодификацiонное» теченiе литературы того времени характеризуетъ, такимъ образомъ, не общiй уровень тогдашней мысли, а лишь извѣстный стратегическiй планъ одной изъ враждебныхъ другъ другу партiй. Въ самомъ дѣлѣ, партiя московскаго самодержавiя для наиболѣе вѣрнаго пораженiя своихъ политическихъ противниковъ очень скоро заняла своеобразную и весьма остроумно избранную позицiю: защитники только что народившейся въ Москвѣ власти усиленно стали выдавать защищаемыя ими новыя политическiя формы за изстаринные и исконные факты русской жизни.

Дѣло, прикончившее удѣльный порядокъ, представлялось теперь реставраціей далекой русской старины. Недавно добытый успѣхъ въ сферѣ практической политики старались теперь теоретически оправдать ссылками на данныя исторіи, причемъ, конечно, отнюдь не думали церемониться съ исторической правдой. Перо закрѣпляло теперь успѣхи оружія. Усердіемъ литературныхъ оффиціозовъ московскій порядокъ былъ представляемъ носителемъ вѣчныхъ національныхъ основъ русской жизни, временно искаженныхъ въ эпоху политическаго раздробленія Руси тѣми удѣльными правительствами, которыя только что поплатились за это политической смертью. Историческая компиляція являлась самой подходящей литературной формой для пропаганды подобныхъ воззрѣній. Но въ эту форму исторической компиляціи вкладывался на самомъ дѣлѣ тенденціозно и[illegible]нный матеріалъ. Между тѣмъ, внѣшняя форма *свода*, въ которую облекались подходящія легенды и сказанія, должна была отвести читателю глаза, убѣдить его въ томъ, что онъ стоитъ лицомъ къ лицу съ подлинной русской стариной. Именно такъ возникла Степенная книга, по формѣ—лѣтописный сводъ, по сущности—политическій памфлетъ. Здѣсь мы встрѣчаемся прежде всего съ легендой о пророчествѣ ап. Андрея въ той позднѣйшей ея редакціи, которая къ предсказанію о появленіи въ Россіи христіанства присоединяетъ и другое предсказаніе объ укрѣпленіи въ Россіи «державнаго скипетроправленія». Далѣе, водвореніе въ Россіи Рюрикова княжескаго дома представляется, какъ осуществленіе этого пророчества. Самъ Рюрикъ—потомокъ кесаря Августа по линіи Пруса. Рюрикъ, Игорь называются не иначе, какъ самодержцами. Когда Святославъ отказывается принять крещеніе, ссылаясь на мнѣніе дружины, Ольга въ удивленіи спрашиваетъ его: «кто же можетъ противиться твоему самодержавству?» Наконецъ, въ-третьихъ, утвержденіе московскаго государства представлялось здѣсь прямо, какъ реставрація глубокой старины. Послѣдняя идея подчеркнута особенно усердно. Въ этомъ отношеніи наиболѣе важна глава Степенной книги, носящая заголовокъ: «О московскомъ господоначальствѣ». Здѣсь читаемъ: «Вел. князь Юрій Владиміровичъ (Долгорукій), въ богоспасаемомъ градѣ Москвѣ господствуя, обновляя въ немъ первоначальное скипетродержаніе благочестиваго Царствія, идѣ же нынѣ бла-

городное ихъ сѣмя царское преславно царствуютъ, десницею Божественнаго Промысла укрѣпляеми»... *)

Вся Степенная книга—ничто иное, какъ попытка приноровить къ конкретному историческому матеріалу отмѣченныя идеи. Вотъ—типичная иллюстрація къ истинному характеру и значенію того кодификаціоннаго теченія, которое считаютъ господствующимъ въ литературѣ XVI вѣка.

Тѣ же пріемы литературной стратегіи, повидимому, лежали въ основѣ и другихъ литературныхъ предпріятій того времени, касавшихся вопросовъ не политическаго, а обще-культурнаго характера. И здѣсь изъ подъ оболочки безстрастнаго *свода* выглядываютъ иногда партійныя тенденціи. Мы не имѣемъ еще научной разработки Макарьевскихъ Четьи-Миней. Можетъ быть, такая разработка явственно вскрыла бы нѣкоторыя руководящія тенденціи и въ этомъ литературномъ памятникѣ. По крайней мѣрѣ, можно указать теперь же на нѣкоторыя общія черты, позволяющія надѣяться на подобныя открытія. Душа предпріятія—митрополитъ Макарій былъ правовѣрнымъ іосифляниномъ. Господствовавшая среди іосифлянъ замѣчательная партійная дрессировка служитъ намъ надежнымъ ручательствомъ строгой согласованности всѣхъ его мѣропріятій съ духомъ воззрѣній іосифлянской школы. По внѣшности, Четьи-Минеи—энциклопедія русской письменности. По категорическому заявленію составителя, цѣль предпріятія—«собрать всѣ книги, находящіяся въ русской землѣ». Итакъ, на первомъ планѣ—количество, а не качество, полнота собранія, а не выдержанность его общаго стиля. Но примѣръ Степенной книги долженъ предостеречь насъ отъ вполнѣ довѣрчиваго отношенія къ заявленіямъ компилятора. Нѣкоторыя наблюденія—въ ожиданіи дальнѣйшей разработки занимающаго насъ памятника—еще болѣе укрѣпятъ нашу осторожность. Компиляція сопровождалась тщательнымъ редактированіемъ текста. Всѣ включенныя въ Четьи-Минеи житія выдержаны въ *единообразномъ стилѣ*, подведены подъ общій шаблонъ витіеватой книжной рѣчи. Изъ нѣсколькихъ редакцій житія для Четьи-Миней всегда выбиралась болѣе украшенная **).

---

*) Книга Степенная. М. 1775 ч. I, стр. 250.

**) Проф. Ключевскій. «Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ».

Наконецъ, самая мысль пропагандировать именно *житія* должна была вытечь изъ общаго склада іосифлянскихъ воззрѣній. Житіе, какъ особый видъ письменности, наиболѣе подходитъ по своимъ внутреннимъ качествамъ къ строю іосифлянскаго міросозерцанія. Житіе стираетъ индивидуальныя черты своего героя, беретъ только тѣ стороны жизни лица, которыя подходятъ подъ извѣстную норму, отражаютъ извѣстный стереотипный идеалъ. Лица всѣхъ житій сливаются въ одинъ образъ, трудно подмѣтить въ нихъ особенности каждаго *). Это такое же всенивелирующее условное творчество, какъ и старинная церковная иконопись. Все это, какъ нельзя болѣе, совпадаетъ съ идеями іосифлянской школы, въ которой цѣнилась не личность, а дрессировка, не характеры, а дисциплинарныя нормы, не индивидуальная самодѣятельность, а начала безусловной регламентаціи. Склонность іосифлянина къ литературному жанру такого рода понятна. Но іосифлянинъ шелъ дальше. Объявляя, что его Четьи-Минеи есть собраніе «всѣхъ книгъ», находящихся въ русской землѣ, онъ стремился доказать этимъ, что вся русская письменность цѣликомъ и исключительно проникнута духомъ и воззрѣніями его партіи, его школы, идеалы которой совпадаютъ съ національными идеалами русскаго народа. Заслоняя «житіемъ» другія литературныя теченія прошлаго, составитель Четьи-Миней какъ бы утверждалъ тѣмъ самымъ, что разногласіе съ воззрѣніями его школы есть въ то же время измѣна національному русскому міровоззрѣнію, которое сплошь состоитъ изъ одинхъ іосифлянскихъ тенденцій...

Итакъ, господствующее литературное теченіе XVI-го вѣка не было механически-компилятивнымъ, оно было по существу полемическое, боевое. Оно не резюмировало продуктовъ старины, оно стремилось искусственно придать видъ старины новымъ вѣяніямъ, порожденнымъ событіями текущей политической жизни и партійной борьбы.

Намъ предстоитъ теперь установить отношеніе Домостроя къ только что охарактеризованному общему тону тогдашней литературы. Стоитъ ли этотъ памятникъ совершенно одиноко, какъ безпритязательная жанровая картина быта, чуждая вопросамъ, волновавшимъ въ то время общественныя партіи,

---

*) Ibid.

или и въ Домостроѣ можно вскрыть опредѣленные отголоски тогдашнихъ партійныхъ программъ?

До сихъ поръ не было предпринято попытки вскрыть общественныя, политическія идеи Домостроя. Мало того, въ литературѣ были высказываемы категорическія утвержденія, что Домострой совершенно чуждъ политикѣ. Хлѣбниковъ, сопоставляя Поученіе Владиміра Мономаха съ Домостроемъ, полагаетъ существенное ихъ отличіе въ томъ, между прочимъ, что въ послѣднемъ, въ противоположность поученію Мономаха, нисколько не затронутъ вопросъ объ отношеніяхъ власти къ подданнымъ *). Некрасовъ въ своемъ изслѣдованіи о Домостроѣ прямо противопоставляетъ этотъ памятникъ всей московской письменности XVI-го вѣка, справедливо считая всю эту письменность проникнутой политическими вопросами и интересами, но столь же несправедливо отрицая какую бы то ни было прикосновенность Домостроя къ темамъ политическаго характера **).

Мы ставимъ себѣ задачей показать въ послѣдующемъ изложеніи, что и Домострой долженъ быть разсматриваемъ, какъ одно изъ яркихъ литературныхъ отраженій господствовавшихъ въ то время политическихъ идей. За плечами Домостроя, если можно такъ выразиться, стоитъ цѣлая политическая доктрина, выросшая на почвѣ текущей политической практики устроенія недавно возникшаго Московскаго государства.

Чтобы установить ту точку зрѣнія, съ которой только можетъ открыться глазамъ наблюдателя политическая тенденція Домостроя, необходимо войти въ нѣкоторыя соображенія относительно состава этого памятника. Мы будемъ отправляться въ данномъ случаѣ отъ тѣхъ выводовъ, къ которымъ пришелъ Некрасовъ въ только что названномъ изслѣдованіи.

Домострой—разносоставчатый памятникъ. Полный древнѣйшій изводъ его разбивается на три крупныя самостоятельныя части, составленныя въ разное время, разными лицами и изъ разныхъ источниковъ. На это тройное расчлене-

---

*) Общество и государство въ до-монгольскій періодъ, с. 370—371.

**) Опытъ историко-литерат. изслѣдованія о происхожденіи древнерусскаго Домостроя, с. 183.

ніе имѣется указаніе и въ самомъ предисловіи къ Домострою. Первая часть—«О духовномъ строеніи»: первыя 15 главъ. Эта часть составлена въ началѣ XVI-го или концѣ XV вѣка сторонникомъ усиленія власти московскаго князя. Рядомъ остроумныхъ соображеній Некрасовъ приходитъ къ предположенію, что мѣстомъ составленія этой части Домостроя могъ быть Валаамскій монастырь. Это весьма знаменательно: Валаамскій монастырь, какъ извѣстно, служилъ разсадникомъ іосифлянской партіи. Не менѣе знаменателенъ и другой выводъ Некрасова, также основанный на тщательномъ изученіи текстовъ, что составителю этой первой части принадлежитъ и полный изводъ цѣлаго Домостроя. Вторая часть—«О мірскомъ строеніи». Это—совершенно самостоятельное произведеніе. Въ предисловіи къ Домострою объ этой части говорится въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «и еще въ сей книгѣ изнайдени наказъ *отъ нѣкоего* о мірскомъ строеніи»... Итакъ, настоящая часть прямо приписывается перу особаго составителя. Эта часть старше первой, она составлена не позднѣе XV вѣка. По мнѣнію г. Некрасова, подкрѣпленному разнообразными и интересными наблюденіями, эта часть вышла изъ среды новгородскаго общества, отпечатлѣвъ на себѣ черты новгородскаго городского быта. Третья часть—«О домовномъ строеніи»—имѣла своимъ непосредственнымъ источникомъ текущую домостроительную практику. Въ основу ея выработки легли хозяйственныя описи, упоминаемыя въ Домостроѣ «памяти» получаемаго и выдаваемаго, вносимыя въ эти памяти практическія замѣтки и, наконецъ, поваренныя книги. Здѣсь мы уже несомнѣнно имѣемъ дѣло съ подлинною хозяйственною дѣйствительностью того времени *).

---

*) Въ текстѣ изложены выводы о составѣ Домостроя, къ которымъ пришелъ Некрасовъ въ своемъ спеціальномъ изслѣдованіи о названномъ памятникѣ. Эти выводы не остались безъ возраженій,— Михайловъ подвергъ ихъ критикѣ (см. его статью въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1889 г. №№ 2 и 3 и 1890 г. № 8; ср. отвѣтъ Некрасова въ томъ же журналѣ 1889 г. № 6) и противопоставилъ имъ противоположныя заключенія. Вопреки Некрасову Михайловъ утверждаетъ, что весь Домострой есть цѣльное произведеніе одного автора и всего скорѣе — Сильвестра; что болѣе краткая редакція Домостроя (Коншинскій списокъ) древнѣе, а не моложе пространной и что ни одному отдѣлу Домостроя нѣтъ основанія приписывать новгородскаго про-

Въ каждой изъ отмѣченныхъ частей можно прослѣдить затѣмъ обильныя заимствованія изъ различныхъ памятниковъ древнѣйшей русской литературы. За спискомъ этихъ источниковъ Домостроя отсылаемъ интересующихся къ тому же изслѣдованію Некрасова.

Приведенныя замѣчанія показываютъ, въ какой степени мы должны ограничить себя съ самаго начала, какъ только мы пожелаемъ вскрыть въ Домостроѣ тенденціи и идеи XVI вѣка. На первый взглядъ оказывается, что матеріалъ составителю Домостроя данъ былъ дѣйствительно не XVI вѣкомъ, а всѣмъ предшествующимъ развитіемъ письменности. Составитель полнаго извода Домостроя только сопоставилъ нѣкоторыя выработанныя до него группы статей и прибавилъ къ нимъ свою первую часть, почерпнувъ и для нея очень много идей и текстовъ изъ различныхъ произведеній древней письменности. Это такъ, но мы уже знаемъ, что оперированіе со старинными матеріалами бывало въ то время излюбленнымъ способомъ проводить личныя воззрѣнія компилятора. Допустимъ даже, что всѣ безъ остатка отдѣльные факты и идеи, вошедшіе въ Домострой, взяты его составителемъ на прокатъ изъ чужихъ рукъ. Все же останется область, въ которой составитель могъ проявить и, по нашему мнѣнію, дѣйствительно проявилъ свою собственную личность, свое личное міросозерцаніе. Здѣсь для насъ получаетъ особенное значеніе еще одинъ выводъ Некрасова: «За исключеніемъ Стослова Геннадія нѣтъ ни одного источника, который бы имѣлъ какое-нибудь вліяніе *на планъ* составленія Домостроя. Самый Стословъ далъ содержаніе и планъ только для первыхъ пяти

исхожденія. Этотъ контроверзъ до сихъ поръ остается не разрѣшеннымъ. Недавно г. Орловъ напечаталъ впервые отысканный имъ подлинникъ Коншинскаго списка Домостроя и сопроводилъ свое изданіе изслѣдованіемъ многихъ списковъ этого памятника (см. «Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1908 г. кн. 2 и 1911 г. кн. 1). Изъ этого изслѣдованія можно видѣть, какъ много предстоитъ еще сдѣлать для того, чтобы стали возможны вполнѣ обоснованные и твердые выводы о происхожденіи, составѣ и взаимоотношеніи различныхъ редакцій Домостроя. — Впрочемъ, то или иное разрѣшеніе этихъ вопросовъ ничего не измѣняетъ въ предлагаемомъ мною истолкованіи той *политической доктрины*, которая, по моему мнѣнію, положена въ основу Домостроя, и на которую не обращается почему-то вниманія при характеристикѣ содержанія этого памятника.

главъ. Всѣми же остальными заимствованными отрывками составители Домостроя пользовались свободно, включая ихъ въ главы по составленному ими плану» *).

Итакъ, планъ расположенія статей—вотъ что мы въ полномъ правѣ отнести на счетъ личныхъ цѣлей и личныхъ воззрѣній составителя Домостроя. Составитель собралъ свой матеріалъ изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ. Ему нужно было для своихъ цѣлей набросать картину домашняго хозяйственнаго обихода и онъ взялъ чью-то обработку домашнихъ описей и поваренныхъ книгъ; предстояло коснуться основныхъ догматовъ вѣры, тутъ пригодился Стословъ Геннадія; для изложенія требованій житейской морали сослужили нѣкоторую службу различные древне-русскіе сборники,—но все это: и черты частнаго быта Новгорода, и религіозно-политическіе афоризмы въ духѣ Валаамской обители, и ходячая мораль древнихъ сборниковъ—важно было для составителя Домостроя не само по себѣ, а лишь какъ части задуманнаго имъ цѣлаго. И дѣйствительно, мы только въ томъ случаѣ поймемъ автора Домостроя, если не ограничимся извлеченіемъ фактическаго содержанія изъ отдѣльныхъ статей и частей этого произведенія, но взглянемъ на весь Домострой въ его совокупности, попытаемся установить общую схему воззрѣній составителя, поскольку она обнаруживается въ способѣ расположенія и сопоставленія отдѣльныхъ частей текста. На первый взглядъ можетъ показаться, что содержаніе Домостроя очень пестро: тутъ въ одну кучу сложены такія разнородныя темы, какъ основныя положенія вѣры, ученіе о царской власти, взаимныя отношенія членовъ семьи, кулинарные рецепты, наставленія по домоводству и т. п. При всемъ томъ, между этими отдѣльными частями легко вскрывается тѣсная логическая связь, въ которой и заключается основная сущность произведенія. Домострой—трактатъ съ несомнѣннымъ единствомъ главной темы. И, думается мнѣ, эта главная тема тѣснѣйшимъ образомъ соприкасается съ вопросами политическаго характера.

Мы встрѣчаемся въ Домостроѣ съ тремя формами общежитія: государствомъ, церковью и семьей. Каждая изъ этихъ

*) Некрасовъ, ibid. с. 103—104.

формъ бывала предметомъ разработки и въ прежней письменности. Но онѣ не были нигдѣ разсматриваемы въ той взаимной связи, разсмотрѣніе которой и составляетъ и основную сущность, и оригинальность Домостроя. Между тѣмъ, и занимавшіеся Домостроемъ писатели обыкновенно изучали порознь взгляды Домостроя на царскую власть, на религію, на семейную жизнь. Потому и выходило, что Домострой какъ бы не внесъ ничего новаго въ оборотъ общественной мысли, а только воспроизводилъ старинные шаблоны древней письменности.

Государство, церковь, семья—три звена одной цѣпи учрежденій по воззрѣніямъ Домостроя. Домострой начинается изложеніемъ основныхъ требованій религіи. Вѣра въ Бога—первое условіе разумнаго существованія. Угожденіе Богу, «по Бозѣ жити»—единственная цѣль земной жизни. Это угожденіе Богу достигается неуклонной приверженностью къ вѣрѣ въ Бога, исполненіемъ необходимыхъ для поддержанія въ себѣ божественной благодати обрядовъ, установленныхъ церковью, и выполненіемъ евангельской заповѣди любви по отношенію къ ближнимъ: «печальнаго утѣши, всякому человѣку щедръ, милостивъ, нищекормилецъ, страннопріимникъ, не гордъ... въ отвѣтехъ сладокъ...» и т. п. Совокупностью этихъ обязанностей христіанина обусловливается осуществленіе на землѣ Божественной Правды. При этомъ, однако, Домострой не вѣритъ въ возможность достиженія этого идеала одними успѣхами личнаго совершенствованія отдѣльныхъ индивидуумовъ. Необходима извѣстная *общественная организація*, которая бы воздѣйствовала на людей, живущихъ постоянно въ ея рамкахъ. Такой организаціей является государство. Христіанинъ обязанъ постоянно и живо ощущать присутствіе надъ собой невидимаго Небеснаго Царя. Но этотъ душевный подвигъ превышаетъ силы слабой человѣческой природы. На помощь ей приходитъ государственная организація, представляя въ лицѣ земного царя болѣе доступный, видимый и временный образъ невидимаго Бога. Отсюда необходимо признавать царскую власть, какъ божественное установленіе: «Царя бойся и служи ему вѣрою... яко самому Богу и во всемъ повинуйся ему». Домострой прямо смотритъ на повиновеніе земной власти, какъ на лучшую подготовительную школу къ служенію Богу: «аще земному царю

правдою служащи и боящися его, тако научишися и небеснаго царя боятися». Слѣдовательно, задача государства совпадаетъ съ задачею церкви. Но затѣмъ, благотворная миссія государства тогда лишь можетъ принести свои плоды, когда ни одинъ членъ государства не будетъ имѣть возможности уклониться отъ предъявляемыхъ государственной властью требованій. Гдѣ обезпеченіе такой неуклонной исполнительности? Для того, чтобы государство не превратилось въ фикцію, оно должно опираться на рядъ другихъ общежительныхъ группъ, менѣе обширныхъ по объему и несущихъ передъ государствомъ коллективную отвѣтственность за неуклонное исполненіе ихъ членами государственныхъ предначертаній. Такимъ болѣе мелкимъ союзомъ, представляющимъ собою какъ бы миніатюрное отраженіе государства, и является по Домострою *семья*. Такимъ образомъ, семья, это—*одно изъ государственныхъ учрежденій* и при томъ самое важное, служащее необходимымъ фундаментомъ для всего государственнаго зданія. Теперь мы можемъ, кажется, дать общее опредѣленіе той взаимной связи государства, семьи и церкви, которую имѣетъ въ виду составитель Домостроя.

Государство, — это политическій союзъ, обезпечивающій осуществленіе въ общежитіи Божественной Правды. *Семья*,— это общественный союзъ, задача котораго утверждать своихъ отдѣльныхъ членовъ въ неукоснительномъ поддержаніи такого политическаго идеала. *Церковь*,—это организація, задача которой контролировать сохранность взаимной гармоніи между семьей и государствомъ поддержаніемъ въ людяхъ вѣры въ Бога и покорности властямъ. Приведенная схема нигдѣ не формулирована въ Домостроѣ непосредственно. Тѣмъ не менѣе, она необходимо вытекаетъ изъ сопоставленія его отдѣльныхъ статей. Мы сейчасъ покажемъ справедливость этого утвержденія наблюденіями надъ самымъ текстомъ Домостроя.

Весь внутренній складъ семьи, какъ онъ изображенъ въ Домостроѣ, опредѣляется изложенной выше схемой. Мужъ и отецъ—глава семьи—это отвѣтственный передъ церковью и государствомъ блюститель поддержанія въ семьѣ 1) извѣстнаго духовнаго «чина», 2) извѣстной экономической обезпеченности. Такое блюстительство для него не право, а обя-

занность, его общественная, политическая миссія, его специальное государственное «тягло», какъ мужа и отца. Если мужъ, сказано въ Домостроѣ, не творитъ того, что «въ сей памяти писано», не учитъ жены, не строитъ свой домъ «по Бозѣ», не наставляетъ своихъ дѣтей въ писаніи и законномъ христіанскомъ жительствѣ, то онъ губитъ этимъ «въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ» и себя самого, и весь подвѣдомственный ему домъ (ст. 39). Домъ погибнетъ за отсутствіемъ твердаго руководства—нравственнаго и хозяйственнаго; домохозяина постигнетъ погибель, какъ заслуженная кара за неисполненіе присущихъ его званію обязанностей.

Глава семьи долженъ прежде всего строго поддерживать въ своемъ домѣ церковно-обрядовый чинъ. Члены его семьи должны аккуратно посѣщать церковныя богослуженія, сопровождая эти посѣщенія соотвѣтствующими приношеніями въ церковь (ст. 9). Какъ и всѣ отправленія семейной жизни, посѣщеніе публичнаго богослуженія не должно быть предоставлено личному усмотрѣнію отдѣльныхъ членовъ семьи, за этимъ наблюдаетъ одинъ домохозяинъ, на которомъ лежитъ и отвѣтственность за упущенія по этой части; жена можетъ пойти въ церковь не иначе, какъ съ совѣта и разрѣшенія мужа (ст. 13). По праздникамъ глава семьи долженъ отправлять домашнія молебныя службы, призывая для этого «священническій чинъ въ домъ свой» (ст. 10). Наконецъ, помимо этихъ исключительныхъ церковныхъ торжествъ, въ домѣ должны ежедневно отправляться общесемейныя дневныя и полунощныя молитвы. Здѣсь уже самъ домохозяинъ замѣняетъ священнослужителя. Въ урочные часы всѣ домочадцы собираются вмѣстѣ: «мужъ съ женою и дѣтьми и домочатцы» и подъ управленіемъ домохозяина поютъ вечерню и павечерии и полунощницы, внятно и единогласно, соблюдая положенные поклоны. Пѣніе сопровождается кажденіемъ иконъ, расположенныхъ въ особомъ «благолѣпномъ мѣстѣ», предъ которыми возжигаются свѣтильники. По окончаніи пѣнія свѣтильники погашаются и образница закрывается завѣсой «благочинія ради и бреженія». Это настоящій домашній храмъ, настоятелемъ котораго является домохозяинъ. Онъ опять-таки единственное распоряжающееся и отвѣтственное лицо въ соблюденіи предписаннаго чина: «мужемъ—говорится въ Домостроѣ—отнюдь не погрѣшити по вся дни церковнаго

пѣнія: вечерни, заутрени, обѣдни» (ст. 12 и 8). Впрочемъ и самъ домовладыка, распоряжающійся всѣми членами своего дома, въ свою очередь лишенъ самостоятельной иниціативы въ кругѣ своихъ обязательныхъ задачъ. Каждый шагъ семейной жизни предписанъ свыше, его же дѣло—слѣдить за точнымъ примѣненіемъ этихъ предписаній. Число обязательныхъ поклоновъ, количество времени для періодическихъ молитвословій, способъ обмыванія и вообще береженія иконъ и прочихъ домашнихъ святынь—все это предусмотрѣно и преподано разъ-на-всегда и для всѣхъ одинаково.

Другая — столь же важная — задача домовладыки — поддержаніе въ своемъ домѣ извѣстнаго экономическаго порядка, «наряда», который бы обезпечивалъ экономическую состоятельность семьи, а слѣдовательно, предохраняя ее отъ разрушенія, гарантировалъ бы тѣмъ самымъ непрерывное осуществленіе среди людей съ помощью семейныхъ союзовъ выше отмѣченнаго духовнаго чина. И здѣсь Домострой не довѣряетъ ни самодѣятельности отдѣльныхъ домочадцевъ, ни самостоятельной иниціативѣ домовладыки. И здѣсь для всякаго шага хозяйственной домашней жизни мы встрѣчаемъ предписанія еще болѣе пространныя, педантичныя и детальныя. Впрочемъ, несмотря на многочисленность и пространность всѣхъ этихъ наставленій, заключающаяся въ нихъ практическая философія домоводства крайне не сложна. Вся она сводится къ слѣдующимъ положеніямъ: благоразуміе, бережливость, аккуратность и предусмотрительность. Прежде всего, хозяйство должно быть строго соразмѣрено съ наличными матеріальными рессурсами. Каждый человѣкъ долженъ жить «смѣтя свой животъ». «По приходу и расходъ»— это первая экономическая заповѣдь Домостроя (ст. 26—27). Затѣмъ, необходимые расходы должны быть, насколько возможно, сокращаемы при помощи бережливости. Изъ всякаго предмета домашняго обихода нужно умѣть извлечь сколь возможно болѣе разнообразныхъ пользъ. Ни одна мелочь не должна пропадать даромъ въ хозяйствѣ. Къ покупкамъ слѣдуетъ прибѣгать лишь въ случаяхъ крайней необходимости, до послѣдней возможности обходясь собственными остатками и обрѣзками: «у добраго промысла, у совершеннаго разума все ся лучило дома» (ст. 30), «остатки и обрѣзки живутъ и тѣ остатки и обрѣзки ко всему пригожаются въ до-

мовитомъ дѣлѣ» (ст. 31)—вотъ второе основное положеніе раціональнаго домоводства.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимость заставляетъ прибѣгать къ расходамъ для приращенія домашнихъ припасовъ, нужно производить эти расходы съ крайней предусмотрительностью: покупая возможно дешевле и продавая возможно дороже. Лучшее средство къ достиженію подобнаго результата—запасливость. Хозяинъ долженъ зорко слѣдить за колебаніями рыночныхъ цѣнъ и безотлагательно ловить счастливый моментъ. Лучше купить вещь, въ которой и не ощущается немедленной надобности, но которая въ данный моментъ дешево стоитъ. Напротивъ, для продажи на сторону излишковъ домашняго хозяйства лучше выждать повышенія рыночныхъ цѣнъ (ст. 40). Всего благоразумнѣе сразу заготовить годовой запасъ всякаго продовольствія, обезпечивъ для дома на продолжительное время достатокъ во всемъ необходимомъ (ст. 42). Завѣдываніе домашнимъ имуществомъ должно покоиться на началахъ строгой аккуратности. Все должно быть высчитано, вымѣрено и записано, все должно быть или на запорѣ или на виду и счету хозяина, все должно блестѣть чистотой, всюду долженъ проникать бдительный хозяйскій глазъ (ст. 47). Конечный идеалъ всей этой хозяйственной философіи—минимальныя денежныя траты въ соединеніи съ полнымъ домашнимъ достаткомъ, обезпечивающимъ семьѣ вполнѣ независимое существованіе: «что себѣ ни сдѣлалъ, никто ничего не слыхалъ. Въ чюжій дворъ не идешь ни пошто» (ст. 32). Таковы конечныя задачи дѣятельности домовладыки. Мы видѣли, какъ тѣсно между собою связаны возложенныя на него обязанности. Экономическое благосостояніе—необходимое условіе существованія семьи, а существованіе семьи, въ свою очередь, необходимое условіе осуществленія того духовнаго чина, который освященъ религіей и государствомъ. Итакъ, неправы тѣ писатели, которые считали идеаломъ Домостроя экономическое благосостояніе и въ восклицаніи: «сколько прохлады отъ одного барана!» видѣли всю сущность этого произведенія. Экономическое благосостояніе—не идеалъ Домостроя, а лишь одинъ изъ путей къ этому идеалу.

Жена, дѣти и домашняя челядь—ничто иное, какъ обязательные работники на семейный духовный чинъ и эконо-

мическую обезпеченность подъ верховенствомъ домовладыки. Глава семьи самъ «не печется о домѣ». Въ мѣру его отвѣтственности передъ церковью и государствомъ ему дана обширная власть, но не исполнительная, а распорядительная. Высшая исполнительная власть—въ рукахъ жены. Жена—какъ бы министръ при домохозяинѣ. Она—безпрекословный исполнитель распоряженій мужа: «жены мужей своихъ вопрошають о всякомъ благочиніи, како душа спасти, Богу и мужу угодити и домъ свой добрѣ строити и во всемъ ему покорятися и что мужъ накажетъ, то съ любовью приимати и со страхомъ внимати и творити по его наказанію» (ст. 29). Ежедневно жена докладываетъ мужу о всемъ домашнемъ обиходѣ и получаетъ отъ него надлежащія распоряженія: «а по вся дни бы у мужа жена спрашивалась и совѣтовала о всякомъ обиходѣ и вспоминала, что надобѣть» (ст. 34), а затѣмъ—«препоясавше крѣпко чресла своя, утвердитъ мышцы своя на дѣло: руцѣ своя простираетъ на полезная, локти же своя утверждаетъ на вретено... И чада своя поучаетъ, такоже и рабъ... и не угасаетъ свѣтильникъ ея всю нощь» (ст. 20). Въ предѣлахъ чисто исполнительной власти Домострой предоставляетъ женѣ нѣкоторую долю личнаго усмотрѣнія. Мужъ слишкомъ высоко поставленъ въ семейной іерархіи, чтобы къ нему восходили рѣшительно всѣ вопросы текущаго хозяйства. По Домострою мужъ не равноправный жизненный спутникъ своей жены, не другъ ея сердца, къ которому можно безхитростно обратиться со всякой заботой, это скорѣе какой-то носитель верховной власти въ семьѣ, всякое обращеніе къ нему должно быть оправдано важностью того предмета, который предстоитъ обсудить. Эта черта мужниной власти въ одно и то же время и принижаетъ жену до положенія главной работницы мужа, и сообщаетъ ея дѣятельности въ мелкихъ вопросахъ семейной жизни извѣстную самостоятельность. Домострой даже предоставляетъ въ распоряженіе жены нѣкоторыя суммы, которыми жена располагаетъ по своему усмотрѣнію, не безпокоя мужа мелочными докуками: жена можетъ продавать излишки отъ домашняго обихода, хранить у себя вырученныя деньги и производить безъ вѣдома мужа необходимыя покупки: «а будетъ слишкомъ за обиходомъ надѣлано... ино и продастъ; ино, что надобѣ, купитъ: ино того у мужа не проситъ» (ст. 30).

Дѣти и домашніе рабы—вспомогательные органы домохозяйки. Дѣти—орудія родительской воли. Домострой говоритъ о сыновнихъ чувствахъ, о необходимости дѣтскаго почтенія и заботливости по отношенію къ родителямъ, но все это разсматривается не какъ естественный результатъ духовной гармоніи между членами семьи, а какъ обязанность, повинность «со страхомъ работнѣнно служити родителямъ». У отдѣльныхъ членовъ семьи нѣтъ личной жизни. Все ихъ существованіе въ семьѣ безраздѣльно уходитъ на ту же службу обязательному отвлеченному идеалу семьи, которую несетъ и самъ домовладыка.

Установляемый Домостроемъ порядокъ семейной жизни—какъ и всѣ извнѣ предписанные порядки, выведенные изъ положеній отвлеченной теоріи, а не изъ естественныхъ побужденій заинтересованныхъ сторонъ—поддерживается принудительными мѣрами. Какъ средство крѣпко держать въ рукахъ бразды семейнаго правленія, Домострой рекомендуетъ домовладыкѣ: строгость, послѣдовательность, взыскательность и побои. Эти пріемы управленія примѣняются безразлично ко всѣмъ членамъ семейнаго союза, къ женѣ, дѣтямъ и домашней челяди. Домострой настаиваетъ только на томъ, чтобы и въ этомъ случаѣ былъ соблюдаемъ извѣстный «чинъ», порядокъ, который бы обезпечивалъ цѣлесообразность практикуемыхъ взысканій. Наказаніе не должно принимать такихъ формъ, въ которыхъ выражается личная озлобленность карающаго лица. Цѣль наказанія—не удовлетвореніе личнаго гнѣва кого бы то ни было, но единственно—поддержаніе пошатнутаго порядка. Въ этой цѣли должна находить свои границы степень наказанія. Такъ, напримѣръ, наказаніе не нуждается въ огласкѣ, лишь бы оно воздѣйствовало на дальнѣйшее поведеніе наказуемаго: «достоитъ мужу жена своя наказывати и пользовати страхомъ *наединѣ* и, наказавъ, и пожаловати и промолвити и любовію наказывати и разсужати». Наказаніе не должно превращаться въ истязаніе, которое приноситъ одинъ вредъ наказуемому и разнуздываетъ дурныя страсти наказывающаго: «бережно бити; и разумно и больно, и страшно и здорово» (ст. 38). Но съ другой стороны, разъ мотивомъ наказанія является не субъективное чувство, а исключительно внѣшнее требованіе порядка, то отсюда же вытекаетъ и обратный выводъ: границы

наказанія не могутъ быть опредѣляемы и чувствомъ личнаго милосердія. И вотъ мы читаемъ въ Домостроѣ: «любя сына своего, учащай ему раны, да послѣди о немъ возвеселишися... не даждь ему власти въ юности, но сокруши ему ребра, донележе ростетъ»... Домострой суровъ въ своихъ требованіяхъ: ради отвлеченныхъ схемъ онъ не дѣлаетъ никакихъ уступокъ потребностямъ человѣческаго сердца, онъ запрещаетъ отцу улыбку при видѣ дѣтскихъ игръ во имя идеи грознаго отеческаго авторитета: «воспитай дѣтище съ прещеніемъ... не смѣйся къ нему, игры творя: въ малѣ бѣ ся ослабиши, въ велицѣ поболиши, скорбя» (ст. 17). Разсматривая наказаніе исключительно какъ средство поддержанія извѣстнаго порядка, Домострой въ нѣкоторыхъ случаяхъ совершенно игнорируетъ начало справедливости, рекомендуя наказаніе и безъ наличности проступка, наказаніе *въ кредитъ*, какъ предохранительную мѣру противъ возможныхъ будущихъ нарушеній установленнаго порядка.

Такимъ образомъ, родители, дѣти и домашняя челядь составляютъ какъ бы особый, замкнутый въ себѣ мірокъ, гдѣ безраздѣльно владычествуетъ глава семьи: мужъ, отецъ и господинъ. Но затѣмъ, весь этотъ мірокъ съ своимъ отвѣтственнымъ главой и представителемъ подчиненъ бдительному контролю церкви, органомъ которой является въ данномъ случаѣ духовникъ-священникъ. Роль духовника по Домострою далеко выходитъ за предѣлы духовнаго врачеванія индивидуальной совѣсти.—Духовникъ—соединительное звено между семьей и публичной властью. Главная задача его дѣятельности—слѣдить за тѣмъ, чтобы внутренняя жизнь семьи соотвѣтствовала предначертанному ей обязательному плану. Это—ревизоръ надъ домовладыкой. Онъ властно вторгается внутрь семьи съ цѣлью провѣрки домовладыки, крѣпко ли блюдетъ послѣдній обязательный семейный порядокъ. Отъ него не можетъ быть никакихъ семейныхъ таинъ, потому что семья прежде всего учрежденіе государственное, имѣющее свои политическія задачи, а духовникъ—органъ публичной власти, которому вмѣнена въ обязанность періодическая ревизія этого учрежденія. Онъ «почасту» посѣщаетъ семью и во время этихъ посѣщеній Домострой предписываетъ «извѣщатися ему во всякой совѣсти», слушать его во всемъ, съ любовью принимать его наказанія и «совѣтовати съ нимъ о житіи полез-

номъ... како учити и любити мужу жена своя и чада, а женѣ мужа своего слушати и спрашиватися во вся дни». Но духовникъ—не только органъ надзора, ему принадлежитъ и распорядительная власть, съ помощью которой онъ немедленно устраняетъ недочеты семейной жизни, отмѣняя и видоизмѣняя неправильныя распоряженія домовладыки. Такъ, напримѣръ, духовникъ можетъ смягчать наложенныя домовладыкой не въ мѣру вины наказанія: «а о комъ учнутъ (духовники) печаловаться, ино его слушати и виноватаго пожаловати, по винѣ смотря, съ нимъ же разсудя» (ст. 14). Чрезъ посредство духовника замкнутый въ себѣ мірокъ каждой отдѣльной семьи приходитъ въ соприкосновеніе съ государствомъ, какъ неотъемлемая часть общегосударственной организаціи.

Итакъ Домостроевская семья направлена не на развитіе индивидуальныхъ потребностей и способностей ея отдѣльныхъ членовъ, а лишь на осуществленіе для всѣхъ обязательной отвлеченной нормы. Правда, въ Домостроѣ говорится о взаимной *любви* членовъ семьи, какъ объ одномъ изъ ферментовъ семейнаго союза, но любовь является здѣсь, какъ своего рода повинность, долгъ, вытекающій изъ общаго отвлеченнаго семейнаго идеала, а не какъ живой результатъ взаимной духовной гармоніи членовъ семьи. Бракъ—по Домострою—не союзъ двухъ полноправныхъ и сродственныхъ по духу натуръ, а исключительно комбинація двухъ іерархически подчиненныхъ властей: распорядительной и исполнительной.

Изложенныя данныя позволяютъ намъ теперь опредѣлить съ достаточной точностью политическую тенденцію Домостроя.

Каковы бы ни были источники отдѣльныхъ статей этого памятника, какіе бы жизненные уклады и точки зрѣнія ни отражались въ его отдѣльныхъ частяхъ,—только что отмѣченная нами общая схема расположенія всего матеріала приводитъ насъ къ очень опредѣленному политическому міросозерцанію. Государство есть всеобъемлющій политическій союзъ, поглощающій въ себѣ всѣ интересы націи, не оставляющій мѣста самостоятельному развитію другихъ общежительныхъ союзовъ. На ряду съ государствомъ не мыслимо существованіе какихъ либо общественныхъ группъ, живущихъ

хотя и подъ покровомъ болѣе обширнаго государственнаго союза, но тѣмъ не менѣе имѣющихъ *свою* особую внутреннюю жизнь, развивающихся свободно по *своимъ* внутреннимъ мотивамъ. Всѣ эти мелкія общественныя соединенія могутъ существовать лишь постольку, поскольку имъ присуща чисто служебная роль по отношенію къ общегосударственнымъ задачамъ. Вотъ та общая доктрина, которая отразилась въ Домостроѣ на частномъ примѣрѣ объясненія государственнаго значенія *семьи*. Но въ такомъ случаѣ оказывается, что Домострой вовсе не стоитъ одиноко среди литературныхъ теченій своего времени; какъ разъ наоборотъ, онъ вводитъ насъ въ круговоротъ самыхъ модныхъ, самыхъ животрепещущихъ интересовъ своей эпохи.

Ученіе о всепоглощающей силѣ государства тѣснѣйшимъ образомъ совпадало съ политической програмой московскаго правительства. Подъ давленіемъ военной опасности Московское государство складывалось въ военную, строго централизированную монархію. Разверстка спеціальныхъ государственныхъ повинностей между всѣми общественными классами приводила къ закрѣпощенію всего общества государственному тяглу. Но государственная власть не ограничивалась неуклоннымъ взысканіемъ наложенныхъ повинностей въ опредѣленныхъ однажды размѣрахъ. Она зорко слѣдила за малѣйшимъ ростомъ народныхъ силъ. Помѣстье ратнаго человѣка, капиталы посадскаго торговца, рабочая сила пахотнаго крестьянина, все это разсматривалось, какъ общегосударственный капиталъ, изъ котораго государственная власть въ любой моментъ могла производить какія угодно позаимствованія. Это распространяло область государственной регламентаціи далеко за предѣлы прямыхъ оффиціальныхъ обязанностей человѣка, открывало ей свободный доступъ къ наиболѣе интимнымъ сферамъ частнаго существованія. Члены тогдашняго общества утратили свободу въ распоряженіи своей личностью и имуществомъ. На этихъ началахъ покоился весь государственный строй, возводившійся теперь усиліями московскаго правительства на развалинахъ удѣльной старины. Рука объ руку съ практикой развивалась теорія. Вышедшіе изъ іосифлянской школы публицисты усердно проводили въ своихъ произведеніяхъ идею безгласнаго и безусловнаго повиновенія. Подобно правительственнымъ

дѣльцамъ, эти теоретики разсматривали каждое явленіе общественной жизни съ точки зрѣнія его служебнаго значенія по отношенію къ государственнымъ задачамъ. Характерной иллюстраціей къ воззрѣніямъ этого рода можетъ служить взглядъ главы іосифлянской партіи, самого Іосифа Волоцкаго на значеніе монастыря, какъ одной изъ формъ общежитія. Тогда какъ для заволжцевъ монастырь служилъ исключительно ареной личныхъ подвиговъ душевнаго совершенствованія, Іосифъ разсматриваетъ монастырь, какъ учрежденіе государственное, это—подготовительная школа и постоянный поставщикъ замѣстителей высшихъ постовъ церковной іерархіи. Этой основной задачей, по мысли Іосифа, должна опредѣляться вся внутренняя жизнь монастыря. Совершенно аналогичную точку зрѣнія устанавливаетъ Домострой по отношенію *къ семьѣ*, распространяя государственную регламентацію на самую интимную область общежитія, область супружескихъ и родительскихъ чувствъ: человѣкъ долженъ помнить, что онъ несетъ тягло, какъ слуга и рабъ государства, не только тогда, когда онъ выводитъ на ратное поле вооруженныхъ холоповъ или безвозмездно вкладываетъ свои капиталы въ финансовыя предпріятія казны или жнетъ обложенное податью поле, но и тогда, когда онъ производитъ и воспитываетъ дѣтей, служитъ домашніе молебны, «смѣчаетъ свой животъ», т.-е. ведетъ приходо-расходную книгу своего домашняго хозяйства. Все это—такая же обязательная государева служба.

Такимъ образомъ, политическая тенденція Домостроя вполнѣ отразила общее міросозерцаніе той литературной среды, изъ которой онъ вышелъ. Какъ мы уже упоминали, спеціальный изслѣдователь Домостроя Некрасовъ, пришелъ между прочимъ, къ тому выводу, что полный изводъ цѣлаго Домостроя принадлежитъ составителю его первой части, т.-е. той части, происхожденіе которой онъ относитъ къ литературнымъ кругамъ, близкимъ къ Валаамской обители.

Подведемъ итогъ: Домострой—не жанровая картина быта, а теоретическій трактатъ. Отраженныя въ немъ воззрѣнія не являлись кодификаціей общенароднаго, національнаго міросозерцанія. Это—партійный трактатъ, который слѣдуетъ разсматривать, какъ частное приложеніе къ вопросу о значеніи семьи общихъ воззрѣній іосифлянской партіи.

Правда, іосифлянская партія усердно выдавала себя за выразительницу общенародныхъ, національныхъ началъ русской жизни, но, какъ мы видѣли выше, это былъ лишь полемическій маневръ, неосновательность котораго лучше всего доказывалась существованіемъ въ обществѣ и литературѣ того времени другого, противоположнаго теченія, имѣвшаго въ прошломъ свои историческіе корни.

Русская утопія XVIII столѣтія.

Если гаданіе о будущемъ является естественной функціей человѣческаго ума, а тревожное сознаніе текущихъ соціальныхъ золъ неизбѣжно связано съ разумнымъ существованіемъ въ сложно развитомъ общежитіи, то появленіе такъ-называемыхъ «соціальныхъ утопій» среди разновидностей литературнаго творчества становится какъ нельзя болѣе понятнымъ и объяснимымъ. — И исторія литературы встрѣчается съ зарожденіемъ этой литературной формы уже на раннихъ ступеняхъ культурнаго развитія Европы. Отъ Платона до Беллами (1888 г.) и Гертцка (1890) передъ нами тянется цѣлая вереница болѣе или менѣе смѣлыхъ фантазій на соціальныя темы и нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что этой вереницѣ не суждено оборваться на только что названныхъ новѣйшихъ произведеніяхъ этого рода. Конечно, отдѣльные вклады въ литературу соціальныхъ утопій не отличаются равноцѣнными качествами: вѣдь надъ ихъ созданіемъ трудились люди весьма различныхъ литературныхъ ранговъ — отъ первоклассныхъ мыслителей до простыхъ чернорабочихъ пера. Это не лишаетъ, однако, ни одного изъ подобныхъ произведеній историческаго интереса. Смѣсь сатиры съ пророчествомъ, «соціальная утопія» всегда представляетъ собою сознательное или безсознательное отраженіе господствующихъ духовныхъ стремленій своей эпохи. — Пусть «утопистъ», отдаваясь мечтамъ, опрокидываетъ полетомъ фантазіи всѣ рамки пространства и времени и, отрѣшаясь отъ окружающихъ условій, свободно воспаряетъ къ своему идеалу; онъ, какъ воздушный шаръ, сколько ни подымался-бы въ безпредѣльную высь, никогда не выскользнетъ изъ сферы земного притяженія. Онъ лѣпитъ контуры предполагаемаго будущаго изъ гото-

ваго матеріала, даннаго всей совокупностью оборотныхъ идей своей эпохи. На этомъ то пунктѣ утописта зоветъ къ отвѣту историкъ, усматривающій въ продуктѣ утопическихъ мечтаній одно изъ средствъ для изученія подлинной исторической дѣйствительности. Отдѣльные узоры, которыми украшаются утопическія картины будущаго, могутъ принадлежать, конечно, къ области чистой фантастики, но узоры предполагаютъ канву и на этой-то канвѣ «соціальныхъ утопій» историкъ сосредоточиваетъ свое вниманіе. Онъ расчленяетъ канву на ея составныя нити, открывая въ послѣднихъ господствующіе жизненные мотивы, современные изучаемому памятнику утопической литературы.

До самаго послѣдняго времени историкъ Россіи совершенно былъ лишенъ этого своеобразнаго средства историческаго анализа. Казалось, что «соціальныя утопіи», обойдя многія европейскія литературы, совершенно миновали литературу русскую. Четыре года тому назадъ *) впервые былъ обнародованъ пока единственный извѣстный у насъ памятникъ этого рода. Въ первомъ томѣ собранія сочиненій кн. М. М. Щербатова, вышедшемъ въ свѣтъ въ Петербургѣ въ 1896 г., помѣщено между прочимъ, неизданное ранѣе сочиненіе этого замѣчательнаго писателя XVIII ст. «Путешествіе въ землю Офирскую г-на С..., шведскаго дворянина». Это — не что иное, какъ русская «соціальная утопія». Названное сочиненіе имѣетъ двойное право на пристальное вниманіе изслѣдователей — 1) какъ единственный пока образецъ подобныхъ произведеній на нашей русской почвѣ и 2) въ виду его принадлежности перу такого интереснаго публициста XVIII ст., какимъ былъ кн. Щербатовъ, явившійся краснорѣчивымъ идеологомъ основного процесса нашей соціальной исторіи XVIII ст. — созданія дворянской привилегіи на основѣ крѣпостного крестьянскаго труда. Однако, за четыре года, протекшіе со времени опубликованія Щербатовской утопіи, спеціальная литература почти совсѣмъ не касалась ея. Если не ошибаемся, ея разсмотрѣнію до сихъ поръ были посвящены всего двѣ статьи: статья Пыпина въ «Вѣстникѣ Европы» (ноябрь 1896 г.) и статья г. Чечулина «Русскій соціальный романъ XVIII вѣка» въ журналѣ министерства

*) Настоящая статья была написана въ 1900 г.

народнаго просвѣщенія (январь 1900 г.); г. Мякотинъ, посвятившій прекрасный этюдъ анализу общественныхъ взглядовъ кн. Щербатова («Дворянскій публицистъ Екатерининской эпохи». Русское Богатство 1896 г.) по свойству поставленной себѣ задачи не коснулся спеціальнаго разбора интересующаго насъ произведенія. Пыпинъ ограничился бѣглымъ изложеніемъ содержанія «Путешествія въ землю Офирскую», г. Чечулинъ представилъ нѣкоторыя интересныя замѣчанія о зависимости Щербатовской утопіи отъ иностранныхъ образцовъ, которыми пользовался Щербатовъ, но къ сожалѣнію недостаточно систематично провелъ сближеніе основныхъ идей утопіи съ общимъ міросозерцаніемъ ея автора. Отнюдь не претендуя на заполненіе этого пробѣла, я намѣренъ лишь привести въ нижеслѣдующихъ строкахъ кое-какія соображенія, внушенныя мнѣ чтеніемъ «Путешествія въ землю Офирскую».

I.

Интересующее насъ произведеніе не окончено. Оно неожиданно обрывается на разсмотрѣніи высшихъ правительственныхъ учрежденій идеальнаго государства. Это досадное обстоятельство не мѣшаетъ, однако, вполнѣ отчетливо установить основныя идеи произведенія по той его части, которая лежитъ передъ нами. Въ трудѣ Щербатова имѣются на лицо всѣ обычные элементы соціальной утопіи: и сатира и пророчество. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что подъ именемъ Офирской земли Щербатовъ разумѣетъ Россію. Это явствуетъ и изъ многихъ весьма прозрачныхъ фактическихъ намековъ и изъ топографической номенклатуры, составленной изъ легкихъ передѣлокъ русскихъ названій (Квамо-Москва, Невія-Нева, Голва-Волга, Тервекъ-Тверь, и т. п. Всѣ эти сближенія сведены въ статьѣ г. Чечулина). Въ формѣ упоминаній о прошлыхъ, уже исчезнувшихъ порядкахъ Офирской земли Щербатовъ бичуетъ недостатки современной ему Россіи, а подъ видомъ описанія тѣхъ привлекательныхъ чертъ офирской жизни, которыя представлялись удивленнымъ взорамъ шведскаго дворянина, неожиданно заброшеннаго судьбой въ эту невѣдомую страну, Щербатовъ рисуетъ намъ идеальную Россію будущаго.

Сатирическій элементъ лишь случайными эпизодами переплетается съ изображеніемъ офирскаго благоустройства.

Это кое-какія мелкія крупицы отъ того обширнаго запаса сатирическихъ обличеній, который вошелъ въ знаменитый памфлетъ Щербатова «О поврежденіи нравовъ въ Россіи».

Темы обличеній — тѣ же самыя, но въ утопіи онѣ затронуты вскользь, мимоходомъ, съ гораздо меньшей силой, чѣмъ въ только что названномъ памфлетѣ. Отчужденіе представителей власти отъ непосредственнаго общенія съ жизнью народа, паразитизмъ придворныхъ вельможъ, тщеславное стремленіе правителей къ обширнымъ и совершенно нецѣлесообразнымъ завоеваніямъ и къ фальшивому блеску показного благоустройства, роскошь и развратъ, стирающіе послѣдніе остатки древнихъ суровыхъ добродѣтелей, скороспѣлость правительственныхъ мѣропріятій, вытекающая изъ ложнаго понятія о силѣ единоличныхъ распоряженій, — вотъ тѣ общественныя язвы, которыя и въ разбираемомъ произведеніи Щербатовъ не преминулъ задѣть уколомъ своего пера. Многія изъ этихъ печальныхъ явленій русской дѣйствительности онъ и на этотъ разъ возводитъ къ насильственному перелому, совершенному по его мнѣнію въ русской жизни Петромъ Великимъ. Такъ, разсказывая о прошлыхъ временахъ офирской монархіи, авторъ утопіи упоминаетъ о великомъ государѣ, именуемомъ Перега (Петръ). Онъ учредилъ у офирцевъ порядочное правленіе и, найдя государство при своемъ воцареніи непросвѣщеннымъ и погруженнымъ въ варварство, первый «учредилъ познаніе наукъ и военнаго искусства». Но затѣмъ послѣ побѣдоносной борьбы съ Дысвами (шведами) онъ, «оставя средоточное положеніе въ имперіи древней своей столицы Квамо (Москвы)... противу чаянія и *противу естества вещей*» воздвигнулъ изъ болотъ новый столичный городъ Перегабъ (Петербургъ), гдѣ и основалъ свою резиденцію. Постройка новой столицы стоила несчетныхъ сокровищъ и гибели многихъ тысячъ рабочаго народа. А между тѣмъ, вмѣсто пользы изъ всего этого предпріятія «произтекли слѣдующія злы» — «1) государи наши, бывъ отдалены отъ средоточнаго положенія своей имперіи, знаніе о внутреннихъ обстоятельствахъ оныя потеряли. 2) Вельможи, жившіе при государяхъ, бывъ отдалены отъ своихъ деревень, позабыли *состояніе земской жизни*, а потому потеряли и познаніе, что можетъ тягостно быть народу и оный налогами стали угнетать... 3) бывъ сами сосредоточены у

двора, единый оный отечествомъ своимъ стали почитать, истребя изъ сердца своего всѣ чувства объ общемъ благѣ. 5) Отдаленіе же другихъ странъ чинило, что и вопль народный не доходилъ до сей столицы, 6) древніе примѣры добродѣтели старобытныхъ нашихъ великихъ людей купно съ забвеніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они подвизались, изъ памяти вышли, не были уже побужденіемъ и примѣромъ ихъ потомкамъ».

Если въ приведенномъ только что образцѣ обличительнаго элемента Щербатовской утопіи очевидно имѣется въ виду эпоха Петра I и его ближайшихъ преемниковъ, то въ томъ же произведеніи есть и другія мѣста, гдѣ авторъ смѣло обращается къ общественнымъ порокамъ современной ему Россіи. Здѣсь его сатира жалитъ еще больнѣе и мѣтче. Рисуя идеальнаго государственнаго дѣятеля въ лицѣ офирскаго сановника Бомбея-Горы, Щербатовъ вкладываетъ въ его уста настойчивые протесты противъ завоевательныхъ стремленій его государя и не слышится ли намъ въ этомъ протестъ самого Щербатова противъ агрессивнаго характера внѣшней политики Екатерины II? «Не расширеніе областей составляетъ силу царствъ, но многонародіе и доброе внутреннее управленіе — говоритъ Бомбей-Гора, возражая на завоевательные проекты государя. — Еще много у насъ мѣстъ не заселенныхъ, еще во многихъ мѣстахъ земля ожидаетъ труда человѣческаго, чтобы сторичный плодъ принести. Еще у насъ есть подвластные народы, требующіе привести ихъ въ лучшее состояніе, то не лучше ли исправить сіи внутренности, нежели безнужною войною подвергать народъ гибели и желать покорить или страны пустыя, которыя трудно будетъ и охранять, или народы, отличные во всемъ отъ насъ, которые и черезъ нѣсколько сотъ лѣтъ не пріимутъ духа отечественнаго Офирской имперіи и будутъ подъ именемъ подданныхъ нашихъ тайные намъ враги». Читая эту рѣчь, вложенную авторомъ въ уста Бомбея-Горы, нельзя не вспомнить тѣхъ замѣчаній, которыя Щербатовъ уже отъ своего лица посвящаетъ войнамъ Екатерины въ трактатѣ о поврежденіи нравовъ въ Россіи,.... «все царствованіе сея самодержицы означено дѣяніями, относящимися къ ея *славолюбію*... зачатыя войны еще сіе свидѣтельствуютъ. По пристрастію возвели на польскій престолъ Понятовскаго, хотѣли ему противу вольностей польскихъ прибавить самовластья... чрезъ сіе подали причину

къ турецкой войнѣ, счастливой въ дѣйствіяхъ, но *болье стоящей, чьмъ нежели какая прежде бывшая война;* послали флотъ въ Грецію, который Божескимъ Защищеніемъ побѣду одержалъ; *но мысль въ сей посылкѣ была единое славолюбіе...* Пріобрѣли или, лучше сказать, похитили Крымъ, страну, *по разности своего климата служащую гробницею Россіянамъ»* и т. д. Эти строки были написаны Щербатовымъ въ то время, когда аггрессивный характеръ нашей внѣшней политики еще не достигалъ своего апогея, когда пышные планы «изгнанія турокъ изъ Европы» и возстановленія Византійской имперіи съ вел. княземъ Константиномъ Павловичемъ на ея престолѣ еще не начинали кружить головы нашимъ импровизованнымъ дипломатамъ. Но Щербатовъ уже тогда не одобрялъ «захватчивости» Потемкинской политики, видя въ ней уклоненіе отъ плодотворной преобразовательной работы внутри государства. Послѣдующія событія могли лишь укрѣпить въ немъ эти воззрѣнія, которыя и нашли свое выраженіе въ только что цитированной рѣчи мудраго офирскаго политика.

«Императрица славолюбива и пышна, любитъ лесть и подобострастіе» писалъ Щербатовъ про Екатерину въ трактатѣ о поврежденіи нравовъ. Знаменитое путешествіе Екатерины въ Крымъ, во время котораго императрица такъ охотно позволяла тѣшить себя картинами фальсифицированнаго благоденствія и преуспѣянія подвластныхъ ей странъ, — служило для Щербатова прекраснымъ фактическимъ оправданіемъ его рѣзкаго отзыва и, надо полагать, Щербатовъ думалъ именно объ этомъ крымскомъ путешествіи Екатерины, описывая въ своей утопіи пріѣздъ офирскаго императора въ городъ Перегабъ. — Наблюдая за весьма несложными приготовленіями, которыя дѣлались въ городѣ къ пріему императора, шведскій дворянинъ спросилъ своего офирскаго чичероне: «развѣ не должно вамъ для пріѣзду государева содѣлать поправленіе дорогъ, строеній и нѣкоторый лучшій видъ городамъ дать?»

«На что это? — отвѣчалъ офирецъ — дороги не для одного государя, но и для подданныхъ, а ежели бы мы ихъ для него поправляли, то бы симъ оказали ему лучшее состояніе дорогъ и мостовъ, нежели они есть, и симъ бы скрыли отъ него тягость народную... по благости Божіей мы имѣемъ такихъ

государей и правителей, которыхъ толь грубымъ образомъ обмануть не можно».

Способность «быть обманутой толь грубымъ образомъ», способность довольствоваться наружными, несущественными знаками плодотворности своихъ распоряженій внушала Екатеринѣ, по мнѣнію Щербатова, отвагу на многія неосуществимыя начинанія. «Принимая все на себя, не имѣетъ попеченія о исполненіи» — писалъ Щербатовъ про Екатерину въ трактатѣ о поврежденіи нравовъ, и въ его утопіи мы опять таки находимъ прозрачные намеки на то, какіе именно факты имѣлъ въ виду Щербатовъ, высказывая это сужденіе при составленіи своего сатирическаго памфлета. Въ бесѣдахъ офирскихъ сановниковъ, наставляющихъ шведскаго дворянина въ государственной мудрости, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующіе афоризмы: «власть монарха не содѣлываетъ города, но физическое или политическое положеніе мѣстъ или особливыя обстоятельства... *Не побудитъ торговлю многое число названныхъ мѣщанами* и впадшихъ въ роскошь людей, но побудитъ ее сельская жизнь, воздержность и трудолюбіе». Такъ говорилъ генералъ-губернаторъ города Перегаба, разсказывая шведскому дворянину исторію офирскихъ столицъ (с. 796). Подобныя же мысли развиваетъ старый вельможа Агибѣ, объясняя чужестранцу политическій строй офирскаго государства: «читалъ я въ нашихъ древнихъ памятникахъ, что въ единое время хотѣли таковыя мѣста (т.-е. селенія, служащія административными центрами) городами учинить. Сіе не произвело никакой другой пользы окромѣ приведенія въ распутство судей и отнятія жителей отъ земледѣлія, дабы ихъ разоренными и развратными мѣщанами учинить, а городовъ, достойныхъ сего наименованія не завели, ибо и подлинно не отъ воли государя или правительства зависитъ содѣлать городъ, но надлежитъ для сего удобность мѣста, стеченіе народа и самый достатокъ жителей» (с. 882). Въ этихъ строкахъ нельзя не усмотрѣть язвительной критики градосозидательной горячки, охватившей правительство Екатерины и внушенной планомъ императрицы создать изъ русскаго мѣщанства «третье сословіе» на западно-европейскій манеръ. Всю силу ироніи, заключенной въ трезвыхъ словахъ Щербатова, можно оцѣнить лишь въ связи съ подлинными текстами градосозидательныхъ проектовъ Екатерининской

эпохи. Однимъ почеркомъ пера создавались въ нихъ изъ ничего величественные центры городской культуры. Въ проектѣ города Екатеринослава, составленномъ Потемкинымъ, въ перспективѣ рисуется «храмъ великолѣпный, судилище на подобіе древнихъ базиликъ, лавки полукружіемъ на подобіе пропилей съ биржею и театромъ по серединѣ, фабрика суконная и шелковая, губернаторскій домъ во вкусѣ греческихъ прелестныхъ зданій, университетъ купно съ академіей музыкальною». — Увы! много лѣтъ спустя послѣ постройки этого города, конечно, безъ пропилей и академій, въ немъ не изъ кого было организовать мѣстную ратушу, а для заселенія города Вознесенска, о которомъ прожектеръ пророчилъ: «жители потекутъ сюда во множествѣ съ избытками своими... и многіе, увидѣвъ знаменитость новаго города, возжелаютъ учиниться гражданами его» — для заселенія этого города пришлось впослѣдствіи административнымъ порядкомъ перевести туда изъ Ярославской и другихъ губерній по 100 человѣкъ огородниковъ!

Щербатовъ отнюдь не былъ врагомъ государственнаго вмѣшательства въ жизнь народа, какъ разъ напротивъ — онъ скорѣе грѣшилъ излишнимъ пристрастіемъ къ правительственной регламентаціи, но его разсудительному и ясному уму не могъ не претить административный диллетантизмъ, проявленія котораго въ политикѣ Екатерины онъ безпощадно преслѣдовалъ своимъ желчнымъ перомъ. Приведенныя только что строки его утопіи служатъ тому нагляднымъ образчикомъ.

Наконецъ, Щербатовъ не могъ обойти въ обличительной части своей утопіи еще одной темы, являвшейся, можно сказать, излюбленнымъ конькомъ его сатирической дѣятельности, онъ не могъ не посвятить и здѣсь краснорѣчивой страницы всеобщей нравственной разнузданности, обуявшей наблюдаемое имъ общество. «Древнія исторіи наши — говоритъ шведскому дворянину офирскій священникъ — повѣствуютъ намъ, что было и у насъ поврежденіе нравовъ; что почтенные старики, имѣя важныя препорученія, тогда какъ уже природное побужденіе въ нихъ исчезло, еще роскошь въ нихъ осталась — публично содержали распутныхъ женщинъ; они собесѣдовали имъ въ собраніяхъ, дѣти ихъ, едва ли отъ нихъ рожденные, получали благородство; женщины престарѣлыя,

платя деньги, явно молодыхъ любовниковъ имѣли. Чрезъ примѣръ такихъ людей стыдъ отовсюду быть изгнанъ, нравы повредились, произошла во всѣхъ чинахъ и состояніяхъ разстройка, государство было при краю паденія своего, ежели бы счастливое примѣненіе не обновило офирскую имперію» (с. 811).

Таковы сюжеты, затронутые сатирическою частью занимающей насъ утопіи. Какъ видите, эта сатирическая часть не заключаетъ въ себѣ принципіальнаго, обобщающаго осужденія всего современнаго автору жизненнаго строя. Это — отдѣльные уколы въ кое-какія больныя мѣста современности, случайно попавшія въ поле зрѣнія автора въ моментъ составленія имъ своей утопіи. Сатирическій элементъ не служитъ здѣсь необходимымъ введеніемъ въ утопію, расчищая путь въ область фантазіи разрушеніемъ дѣйствительности, нѣтъ, онъ просто является побочнымъ орнаментомъ изложенія и можетъ быть легко отброшенъ въ сторону при оцѣнкѣ руководящихъ идей интересующаго насъ произведенія. — Если мы хотимъ уловить эти руководящія идеи, мы должны перенести свое вниманіе на «утопическую» часть произведенія, на тѣ мѣста его, гдѣ авторъ пытается сорвать передъ взоромъ читателя завѣсу будущаго.

II.

Вглядываясь въ очертанія Щербатовской утопіи, мы прежде всего поражаемся одной особенностью: въ утопическомъ государствѣ на каждомъ шагу встрѣчаются слишкомъ знакомые намъ аксессуары нашей реальной политической дѣйствительности. — Это все — орудія государственной репрессіи. И какія орудія! тѣ самыя, за которыя наиболѣе цѣпко держатся практическіе государственные люди, всего менѣе расположенные поощрять порывы утопической фантазіи. Такъ, когда потерпѣвшіе кораблекрушеніе европейцы попадаютъ на гостепріимный корабль своихъ спасителей-офирцевъ, первое, на что они обращаютъ вниманіе, это — *пушки*, скромно прикрытыя отъ взоровъ любопытныхъ, но тѣмъ не менѣе готовыя достойно встрѣтить врага (764 с.). Позднѣе шведскій дворянинъ, странствуя по офирскому городу, наталкивается и на литейный домъ, гдѣ льются пушки «безъ всякой разности съ европейскими въ способѣ литья» (с. 789).

На ряду съ пушками фигурируютъ *крѣпости* (с. 770), охраняющія безопасность города. Вооруженный флотъ и сухопутныя крѣпости уже предполагаютъ военную силу и, дѣйствительно, въ разсказѣ о событіяхъ, ознаменовавшихъ прибытіе чужестранцевъ въ офирскую землю, не замедлили выступить на сцену и офирскія *войска* (776 с.). Бокъ-о-бокъ и рука-объ-руку съ военной силой дѣйствуетъ и гражданское войско — широко развѣтвленная *бюрократія*, раздѣленная на чины и классы и украшенная всевозможными знаками служебныхъ отличій — сосновыми шишками на шляпахъ, разноцвѣтными нашивками на платьяхъ, и проч. и проч. (с. 771 и мн. др.). — Гдѣ есть войско и чиновничество, отчего же тамъ не быть *судамъ и тюрьмамъ*? И дѣйствительно, эти учрежденія не только не забыты нашимъ утопистомъ, но даже играютъ весьма важную роль въ исторіи перваго знакомства европейцевъ, прибитыхъ бурей къ берегамъ Офирской земли, съ туземными обитателями послѣдней (с. 776 и слѣд.). Далѣе, мы узнаемъ о существованіи въ государствѣ офирцевъ *арестантскихъ работъ и смертной казни* за политическія преступленія (с. 779, 948), мы узнаемъ о существованіи у нихъ правительственной *цензуры* литературныхъ произведеній.

Пушки и крѣпости, войско и бюрократія, суды, тюрьмы и арестантскія роты, смертная казнь и цензура... да вѣдь это полный комплектъ всѣхъ тѣхъ орудій, которыя пускаетъ въ ходъ современная намъ цивилизація противъ несовершенствъ выработаннаго ею политическаго строя! Спрашивается, гдѣ же въ этой «утопіи» начинается дѣйствительная утопія? Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что размахъ политической фантазіи Щербатова, обнаруженный имъ въ разсматриваемомъ произведеніи, довольно скроменъ. И въ качествѣ автора «утопіи» Щербатовъ не переставалъ быть тѣмъ разсудительнымъ администраторомъ практикомъ, какимъ онъ явился въ своей служебной дѣятельности. Онъ не вѣритъ въ будущее перерожденіе человѣчества. Его идеальное государство, такъ же какъ и всякая реальная политическая организація, расчитана прежде всего на несовершенства, на слабости человѣческой природы. Политическій строй офирской земли является въ его глазахъ совершеннѣйшимъ образцомъ *доступнаго* для людей нормальнаго порядка общежитія, тѣмъ максимумомъ, на который только можно разсчитывать

въ этомъ отношеніи, но и этотъ максимумъ не служитъ въ его глазахъ панацеей отъ всѣхъ золъ и горестей нашей бѣдной земли. И идеальный политическій строй не водворитъ всеобщаго равенства, недовольные существующимъ порядкомъ найдутся и при этомъ строѣ и вотъ почему нашъ утопистъ предполагаетъ въ идеальномъ государствѣ возможными и разбои и насилія надъ отдѣльными гражданами (815—816 с.) и политическіе бунты, направленные на ниспровержение государственнаго порядка (917 с.). Познакомившись съ начертаннымъ Щербатовымъ политическимъ идеаломъ, нельзя не признать, что авторъ имѣлъ достаточно основаній ставить такой мрачный прогнозъ. Дѣло въ томъ, что самъ по себѣ его политическій идеалъ — не особенно высокаго качества. Въ сущности передъ нами — довольно тривіальная картина полицейскаго государства, гдѣ благополучіе гражданъ достигается при помощи самой мелочной правительственной регламентаціи всего жизненнаго распорядка, начиная отъ мѣропріятій по санитарному благоустройству улицъ и жилищъ (811 и слѣд. стр.) и кончая всѣми наиболѣе интимными подробностями частнаго личнаго существованія. Сообразно чинамъ и должностямъ каждому положены правила «какое носить платье, сколько имѣть пространный домъ, сколько имѣть служителей, по скольку блюдъ на столѣ, какіе напитки, даже содержаніе скота, дровъ и освѣщенія положено въ цѣну; дается посуда изъ казны по чинамъ: единымъ жестяная, другимъ — глиняная, а первоклассеымъ серебряная... и по сему каждый долженъ жить, какъ ему предписано» (859 стр.). Но регламентація идетъ и еще дальше, захватывая даже область душевной гигіены: подъ страхомъ не малой пени каждый офирецъ обязанъ отправлять ежедневно положенныя молитвословія и посѣщать храмы въ часы общественныхъ богослуженій (с. 804). — Все это — черты, не обличающія въ авторѣ утопіи своеобразнаго и глубокаго политическаго мыслителя и кто интересуется соціальными утопіями съ точки зрѣнія широты открываемыхъ ими перспективъ, тотъ пусть поскорѣе захлопнетъ трактатъ Щербатова. Но мы уже опредѣлили выше нашу точку зрѣнія на значеніе подобныхъ произведеній и потому, не смущаясь «умѣренностью и аккуратностью» утопической перспективы, развернутой въ трактатѣ, считаемъ не лишнимъ терпѣливо прослѣдить ходъ мысли

его автора, улавливая въ немъ слѣды характерныхъ для своего времени комбинацій идей.

Государство офирцевъ — сословное государство съ рѣзко выраженнымъ неравенствомъ политическихъ правъ отдѣльныхъ общественныхъ классовъ. — Нижній слой общества составляютъ рабы, на верху стоитъ привилегированное вельможество, а среднія ступени общественной іерархіи заняты помѣстнымъ дворянствомъ и малочисленнымъ и малозначущимъ въ государственной жизни классомъ городскихъ торговцевъ и промышленниковъ. За исключеніемъ нѣкоторыхъ специфическихъ черточекъ, которыя мы отмѣтимъ нѣсколько ниже, это — вѣрный снимокъ съ общественнаго строенія Екатерининской Россіи. Всмотримся подробнѣе въ эту схему и начнемъ снизу. — Фундаментомъ соціальнаго строя утопическаго государства является по Щербатову институтъ рабства. Рабы должны быть отданы въ безконтрольное распоряженіе своихъ господъ. Государственное вмѣшательство, опутывая своими нитями всѣ наиболѣе интимныя отношенія гражданъ, останавливается въ почтительномъ безсиліи передъ властью рабовладѣльца. При чтеніи соотвѣтствующихъ строкъ Щербатовской утопіи невольно вспоминается слѣдующая картина. Въ грановитой палатѣ московскаго кремля торжественно засѣдаютъ съѣхавшіеся отовсюду депутаты. Среди спокойнаго засѣданія вдругъ разражается буря. Встаетъ скромный артиллерійскій поручикъ, депутатъ отъ дворянства Козловскаго уѣзда, Григорій Коробьинъ и начинаетъ читать «примѣчаніе» къ законамъ о бѣглыхъ крестьянахъ. Депутатами овладѣваетъ сильное волненіе: до ихъ слуха долетаютъ непривычныя рѣчи. Вмѣсто ожидаемыхъ всѣми предложеній на счетъ усиленія каръ за побѣги Коробьинъ приглашаетъ собраніе вдуматься въ коренныя причины крестьянскихъ побѣговъ, усматриваетъ эти причины въ злоупотребленіяхъ помѣщичьей властью, въ непосильныхъ поборахъ и работахъ, налагаемыхъ помѣщиками на своихъ крестьянъ и въ заключеніе предлагаетъ бороться съ побѣгами не усиленіемъ репрессіи противъ бѣглыхъ, а законодательнымъ урегулированіемъ помѣщичьей власти: «надлежитъ предписать законами, коликую власть имѣютъ помѣщики надъ имѣніями крестьянина, чтобы всякій изъ владѣльцевъ извѣстенъ былъ, что онъ не болѣе отъ своего земле-

дѣльца потребовать можетъ, какъ только то, что законами предписано». Ни одно предложеніе не вызывало въ комиссіи болѣе страстныхъ преній. Въ теченіе нѣсколькихъ дней многочисленные оппоненты «отчитывали» бѣднаго Коробьина. Черезъ двѣ недѣли въ рядахъ этихъ оппонентовъ выступилъ и кн. Щербатовъ, самая крупная ораторская сила въ комиссіи. Онъ отвергалъ предложеніе Коробьина по соображеніямъ практическаго и принципіальнаго свойства. Помѣщичьи насилія возможны, но не въ нихъ заключаются главныя причины побѣговъ по убѣжденію Щербатова. Урегулированіе крестьянскихъ повинностей и работъ законодательнымъ порядкомъ при томъ же и неосуществимо, ибо невозможно выставить такія общеобязательныя нормы, которыя покрыли бы собою все пестрое разнообразіе мѣстныхъ отношеній; мало того, такое урегулированіе было бы вредно для государства и несправедливо по отношенію къ помѣщикамъ-дворянамъ: вредно для государства, потому что сокращеніе помѣщичьей власти ослабило бы цѣпь, связующую крестьянъ съ дворянами и тѣмъ «развратило бы» начальныя основанія правленія, вкоренило бы въ умы «умствованіе равенства» и привело бы къ всеобщему безначалію; несправедливо по отношенію къ дворянству, ибо предоставленное дворянамъ помѣщичье право вытекло изъ ихъ историческихъ заслугъ по многовѣковой оборонѣ отечества «отъ ярости иновѣрцевъ». — Фантастическіе призраки грядущихъ опасностей и не менѣе фантастическія справки съ исторіей возникновенія крѣпостного права, искусно пущенныя въ ходъ опытнымъ ораторомъ, оказали свое дѣйствіе: рѣчь Щербатова окончательно похоронила предложеніе Коробьина. Защищалъ ли Щербатовъ злоупотребленія помѣщичьею властью? Конечно, нѣтъ. Онъ и началъ свою рѣчь съ указанія на то, что онъ «имѣетъ въ омерзѣніи всякую суровость». — Но онъ былъ убѣжденъ, что единственный допустимый путь къ устраненію такихъ злоупотребленій — усовершенствованіе рабовладѣльческой этики въ связи съ общимъ прогрессомъ народныхъ нравовъ. Такъ думалъ онъ, защищая дѣйствительность отъ реформаціонной попытки Коробьина, тѣ же самыя воззрѣнія онъ воспроизвелъ и на страницахъ своей утопіи. Объявивъ институтъ рабства необходимымъ элементомъ идеальнаго государства, Щербатовъ въ опредѣленіи взаимныхъ

отношеній раба и господина ограничивается лишь тѣмъ, что включаетъ въ «катехизисъ законовъ», преподаваемый офирскому юношеству, слѣдующія благія наставленія: «не будь жестокъ къ твоимъ рабамъ..., живущихъ на твоихъ земляхъ; не отяготи излишними податьми и работаю и не оскорби ихъ жестокими наказаніями, ибо правительство на все сіе имѣетъ присмотръ и обличеннаго тебя въ таковыхъ безпорядкахъ лишитъ управленія твоихъ имѣній» (с. 952). Мѣра тягостей, допустимыхъ для рабовъ, здѣсь не опредѣлена, и ея установленіе ввѣрено доброму чувству самихъ владѣльцевъ, а взятіе жестокихъ помѣщиковъ подъ опеку предложено лишь какъ мѣра исключительная, принимаемая въ случаяхъ особенно неистовыхъ звѣрствъ и, въ сущности, могущая лишь въ очень слабой степени отразиться на обычномъ жизненномъ распорядкѣ рабовладѣльческой вотчины.

Таково положеніе рабовъ. На противоположномъ полюсѣ общественной іерархіи стоитъ знать, верхній слой сословія «благородныхъ». Все вообще сословіе «благородныхъ» является привилегированнымъ разрядомъ общества. Ему принадлежатъ исключительныя права на владѣніе населенными имѣніями и вступленіе на государственную службу. Но въ составѣ «благороднаго» сословія различается затѣмъ еще особая группа «вельможной знати».—Эта группа отличена отъ благородныхъ, но не знатныхъ родовъ существеннымъ признакомъ: сословіе «благородныхъ» не является замкнутой кастой, доступъ въ него открытъ для постороннихъ, отличившихся особыми достоинствами (982 с.). Напротивъ того, знать представляетъ собою высшую родовитую аристократію, огражденную отъ проникновенія въ нее какихъ-либо постороннихъ примѣсей. Члены этой «знати» кромѣ уже упомянутыхъ выше преимуществъ «благороднаго» сословія надѣлены еще особыми политическими прерогативами. Это вельможи, раздѣляющіе съ государемъ отправленіе верховной власти.—Упомянутое раздѣленіе привилегированнаго сословія на дворянство и вельможество снова напоминаетъ намъ одинъ изъ шумныхъ эпизодовъ Екатерининской комиссіи 1767 г., въ которомъ наиболѣе видное участіе опять таки выпало на долю Щербатова. При разсмотрѣніи правъ дворянскаго сословія въ комиссіи поднялся вопросъ о правѣ пріобрѣтенія дворянства чиномъ. На почвѣ обсужденія этого вопроса разы-

гралась жаркая стычка между представителями чиновнаго и родовитаго дворянства. Первые защищали установленіе Петра I, открывшаго всѣмъ свободный входъ въ ряды дворянства путемъ выслуги, вторые, съ Щербатовымъ во главѣ, обрушивались на это установленіе съ помощью всевозможныхъ аргументовъ. Щербатовъ нѣсколько разъ подымалъ свой голосъ и произнесенныя имъ въ комиссіи по этому вопросу рѣчи представляютъ собою весьма цѣнный ключъ къ пониманію его утопіи. Полученіе дворянства чиномъ — утверждалъ Щербатовъ — было установлено Петромъ лишь временно, подъ давленіемъ текущихъ потребностей по случаю шведской войны, между тѣмъ какъ по существу дѣла, лишь происхожденіе отъ благородныхъ предковъ обезпечиваетъ человѣку тѣ высокія добродѣтели, которыя являются истинною основой дворянской чести. Чинъ свидѣтельствуетъ лишь о служебной исправности человѣка, знатность происхожденія служитъ залогомъ добродѣтели. Каждый человѣкъ достоинъ того или другого жизненнаго жребія сообразно свойствамъ своей души. Но — и это была основная мысль Щербатова, которую онъ всегда готовъ былъ развивать со всѣмъ жаромъ своего краснорѣчія — *свойства душевной организаціи предрѣшаются принадлежностью къ извѣстной сословной средѣ.* Государственный порядокъ долженъ быть основанъ на этихъ неоспоримыхъ психологическихъ посылкахъ, и потому сліяніе сословій или даже ослабленіе сословныхъ перегородокъ представляется Щербатову противоестественной химерой. Вельможная олигархія, обособленная и замкнутая, надѣленная преимуществами и поставленная впереди народа — должна была служить по мысли Щербатова неувядающимъ разсадникомъ истинныхъ добродѣтелей, свѣточемъ и руководителемъ народа по пути совершенствованія.

Итакъ, полицейское государство, надѣленное всѣми грозными орудіями правительственной репрессіи, и общество, разбитое на отчужденные другъ отъ друга классы съ вельможной олигархіей на верху и бзправной массой рабовъ внизу — таковы тѣ узкія рамки, въ которыхъ заключился размахъ утопической фантазіи Щербатова Но затѣмъ Щербатовъ ухитряется ввести и въ эти рамки нѣкоторые элементы праваго государственнаго порядка.

Офирское государство есть монархія, но верховная власть

монарха не является здѣсь безпредѣльной, ея границы обусловливаются самою сущностью ея основныхъ задачъ: «власть государская соображается съ пользою народною» (с. 751), ибо, какъ гласитъ одна изъ надписей на стѣнахъ Офирскаго императорскаго дворца, «не народъ для царей, но цари для народа, ибо прежде, нежели были цари, былъ народъ», (с. 979). Царь не стоитъ выше закона: «царь долженъ самъ первый законамъ страны своей повиноваться, ибо по законамъ онъ и царь, а разрушая ихъ власть, разрушаетъ и повиновеніе подданныхъ къ себѣ» (с. 980). Помѣщеніе приведенныхъ надписей на стѣнахъ дворца является однимъ изъ педагогическихъ, такъ сказать, средствъ, направленныхъ на удержаніе государей отъ деспотическихъ поползновеній. Есть у Щербатова указанія и на другія, иногда весьма своеобразныя, средства въ томъ же духѣ. Такъ напримѣръ, при встрѣчахъ императора офирцы не позволяютъ себѣ никакихъ привѣтственныхъ восклицаній, ибо такіе «знаки радости» по толкованію Щербатова «могли бы нѣкіимъ государямъ вложить мысли гордости и предубѣжденія, якобы они весьма любимы народомъ, что можетъ вредныя слѣдствія произвести» (с. 894). Постановка памятниковъ умершимъ государямъ подчинена въ назиданіе государямъ живущимъ общественному контролю. Въ теченіе 30 лѣтъ по смерти императора ему не ставятъ памятника. По истеченіи 30 лѣтъ, когда потухнутъ былыя страсти и личные счеты отойдутъ въ прошлое, когда отчетливѣе вскроется смыслъ давно прошедшихъ событій, — созывается «народное собраніе», которое «судитъ» дѣянія умершаго императора и его сподвижниковъ и опредѣляетъ, какіе имъ приличествуютъ памятники (с. 1019). Этотъ судъ бываетъ строгъ и нелицепріятенъ: «единый законъ, безъ разсмотрѣнія учиненный» уже лишаетъ императора загробной чести получить памятникъ на свою могилу (с. 1024). Помимо этихъ, такъ сказать, педагогическихъ пріемовъ, верховная власть офирскаго императора ограничивается и болѣе реальными, политическими гарантіями народной свободы. Императору принадлежитъ высшее распоряженіе военной силой, но ему не полагается никакой почетной вооруженной стражи: «государь, бывъ окруженъ стражею, почтетъ не столь нужну себѣ любовь народную и, не имѣя опасности, можетъ ввергнуться въ таковые поступки, которые ему самому и государ-

ству вредъ нанесутъ вмѣсто того, что не имѣвъ стражи, онъ всегда старается въ любови народной ее себѣ сыскать» (с. 889). Объявленіе войны не предоставлено исключительно иниціативѣ императора. Императоръ можетъ начинать по личному усмотрѣнію лишь оборонительную войну, «но для наступательной онъ долженъ собрать совѣтъ не токмо изъ членовъ хранилища законовъ, но также и всѣхъ обрѣтающихся въ столицѣ четырехъ первыхъ степеней людей» (с. 1004). — Далѣе, изъ круга компетенціи императора изъята законодательная власть: «цари не бываютъ ни ремесленниками, ни купцами, ни стряпчими и не ощущаютъ многихъ нуждъ, которыя ихъ подданные чувствуютъ а потому и неудобны суть сами сочинять законы» (с. 980). — Это тоже одна изъ надписей на стѣнахъ офирскаго дворца, надпись, вдвойнѣ любопытная: 1) она дополняетъ характеристику ограниченія монархической власти въ офирскомъ государствѣ, 2) она выражаетъ идею, не совсѣмъ согласную съ той олигархической тенденціей, которая занимала столь видное мѣсто въ политическомъ міросозерцаніи Щербатова. Законодательная власть, согласно смыслу этой надписи, должна быть отдана въ руки тѣхъ, чьи интересы она затрагиваетъ, иначе говоря, въ руки представителей всѣхъ свободныхъ классовъ общества отъ перваго вельможи до послѣдняго ремесленника.

Какимъ же образомъ совмѣщались въ міровоззрѣніи Щербатова столь разнородныя тенденціи, какимъ образомъ рьяный защитникъ одностороннихъ дворянскихъ привилегій вдругъ становился на всесословную точку зрѣнія, говоря объ организаціи основныхъ законовъ своего идеальнаго государства?

Въ разрѣшеніи этого вопроса и заключается, по нашему мнѣнію, ключъ къ уразумѣнію историческаго значенія политической теоріи Щербатова. Дальнѣйшее знакомство съ содержаніемъ интересующаго насъ трактата поможетъ намъ отвѣтить на этотъ вопросъ.

Намѣтивъ предѣлы верховной власти монарха, Щербатовъ набрасываетъ довольно отчетливый очеркъ правительственныхъ учрежденій офирской имперіи. Во главѣ отдѣльныхъ отраслей администраціи стоятъ «сверхчисленные баи», управляющіе «государственными палатами». Это — министры, назначаемые императоромъ изъ числа трехъ кандидатовъ,

избираемыхъ «вышнимъ правительствомъ» (1059 — 1060 с.). Высшими государственными учрежденіями являются: 1) верховный совѣтъ, 2) вышнее правительство и 3) комиссія для истолкованія и исправленія законовъ. Верховный совѣтъ — органъ вельможной аристократіи «четырехъ первыхъ степеней людей», непосредственный совѣтъ монарха по нѣкоторымъ вопросамъ, какъ, напримѣръ, по вопросу объ объявленіи наступательной войны, созываемый имъ обязательно. Это — нѣчто въ родѣ того олигархическаго верховнаго тайнаго совѣта, о которомъ мечталъ въ 1730 г. Дмитрій Голицынъ.

«Вышнее правительство», являющееся высшимъ средоточіемъ текущаго управленія и суда, рѣзко отличается отъ верховнаго совѣта отсутствіемъ олигархической окраски въ своей организаціи. Это учрежденіе выборное по своему составу. Губернскіе дворянскіе и купеческіе депутаты вмѣстѣ съ наличными «баями», т.-е. членами вышняго правительства, баллотируютъ кандидатовъ на открывшіяся тамъ вакансіи, окончательный выборъ изъ числа всѣхъ выбаллотированныхъ кандидатовъ принадлежитъ императору. Затѣмъ помимо опредѣляемыхъ такимъ образомъ членовъ вышняго правительства въ засѣданіяхъ послѣдняго участвуютъ депутаты отъ дворянства и купечества: отъ каждой губерніи избирается для этой цѣли по пяти дворянскихъ депутатовъ и по одному купеческому, при чемъ купцамъ дозволено выбирать своихъ депутатовъ также и изъ среды мѣщанъ и изъ «ученыхъ людей» живущихъ въ городѣ, за извѣстную плату отъ купеческаго общества. Дворянскіе депутаты засѣдаютъ по группамъ въ каждомъ изъ департаментовъ вышняго правительства съ правомъ голоса, наблюдая, «чтобы не учинено было какого положенія во вредъ какой губерніи», и кромѣ того они имѣютъ право устраивать свои особыя депутатскія собранія для лучшаго взаимнаго согласованія своихъ дѣйствій. Купеческіе депутаты засѣдаютъ съ правомъ голоса лишь въ департаментѣ государственныхъ доходовъ и торговли (с. 1051 — 1052). Такимъ образомъ, всѣ свободные классы общества получаютъ весьма широкое участіе въ дѣятельности «вышняго правительства». Общество не устранено также и отъ участія въ законодательствѣ. Когда передъ «вышнимъ правительствомъ» возникаетъ вопросъ, требующій разрѣшенія въ законодательномъ порядкѣ, составляется *«законодательная комиссія»*,

изъ 20 человѣкъ, избранныхъ по балламъ общимъ собраніемъ вышняго правительства. Комиссія раздѣляется на 4 департамента: первый департаментъ подготовляетъ матеріалы для обсужденія вопроса, второй составляетъ черновой проектъ закона, который затѣмъ обнародывается во всеобщее свѣдѣніе съ тѣмъ, чтобы *втеченіе полугода каждый желающій могъ представить о немъ свое мнѣніе*. Третій департаментъ составляетъ сводъ всѣхъ такихъ мнѣній, сличая ихъ съ первоначальнымъ проектомъ, и, наконецъ, четвертый департаментъ начертываетъ окончательную редакцію проекта, которая и вносится на обсужденіе вышняго правительства.

Если законопроектъ будетъ тамъ отвергнутъ, то онъ трижды можетъ быть переданъ на исправленіе въ законодательную комиссію, которая, перерабатывая свой проектъ, всегда должна, сколько можно, сообразоваться съ народными мнѣніями. Если проектъ закона въ четвертый разъ не будетъ принятъ вышнимъ правительствомъ, тогда устраивается своего рода referendum: проектъ баллотируется *во всѣхъ губерніяхъ* и высшее правительство, «токмо слича всѣ рапорты и число балловъ, утверждаетъ его по превосходящему числу оныхъ (с. 1058 — 1059).

Тѣ же начала общественной самодѣятельности положены въ основу и областной администраціи. Областныя административно-судебныя учрежденія сгруппированы по тремъ инстанціямъ — уѣзднымъ, провинціальнымъ и губернскимъ.

По всѣмъ этимъ инстанціямъ проведены два параллельныхъ ряда учрежденій: 1) коронныхъ, вѣдающихъ дѣла уголовныя и дѣла «учрежденій и доходовъ» и 2) выборныхъ, земскихъ, вѣдающихъ дѣла «земскія». Тѣ и другія могутъ собираться въ случаѣ надобности и въ соединенныя засѣданія. Земскія учрежденія организованы слѣдующимъ образомъ: уѣздные суды состоятъ изъ трехъ выборныхъ дворянами уѣзда судей, изъ которыхъ ежегодно одинъ перемѣняется. Провинціальные суды составляются изъ трехъ членовъ избираемыхъ изъ числа бывшихъ уѣздныхъ судей данной провинціи, отличившихся въ своей прежней должности. Для выбора ихъ созываются провинціальные дворянскіе съѣзды. Губернскіе съѣзды дворянъ выбираютъ трехъ членовъ въ губернскій земскій судъ изъ числа бывшихъ провинціальныхъ судей и, наконецъ, изъ бывшихъ губернскихъ судей избирается отъ каждой гу-

берніи по пяти депутатовъ въ центральное высшее правительство. Совершенно на тѣхъ же началахъ организованы и купеческіе суды по тѣмъ же тремъ инстанціямъ (с. 1050—1052). Полиція выдѣлена въ особое вѣдомство. И здѣсь мы встрѣчаемся съ широко проведеннымъ выборнымъ началомъ. Полицейскія функціи соединены съ должностью священно-служителя. Не останавливаясь на развитыхъ въ Щербатовской утопіи религіозныхъ воззрѣніяхъ, проникнутыхъ духомъ раціоналистическаго деизма, отмѣчу, что въ связи съ этими воззрѣніями служители религіознаго культа въ странѣ офирцевъ поставлены въ положеніе чисто свѣтскихъ государственныхъ чиновниковъ. Они отправляютъ общественныя богослуженія и въ то же время сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ полицію нравовъ и общественнаго благоустройства. Они избираются жителями города изъ числа добродѣтельнѣйшихъ гражданъ по нѣскольку человѣкъ на каждую часть города, а затѣмъ изъ числа всѣхъ священниковъ имперіи избирается одинъ главный начальникъ, утверждаемый въ должности императоромъ (с. 804 — 805). Священники (санкреп) каждаго города, завѣдуя каждый своимъ участкомъ, составляютъ кромѣ того коллегіальное присутствіе для совмѣстнаго обсужденія общихъ вопросовъ. Вопросы, касающіеся общественнаго здравія, разсматриваются въ особомъ трибуналѣ съ участіемъ искусныхъ лекарей и выбранныхъ отъ гражданъ каждой степени по два человѣка (с. 813). Въ довершеніе этого очерка областныхъ учрежденій офирскаго государства остается еще упомянуть, что каждые три года всѣ чины каждой провинціи собираются вмѣстѣ «для разсужденія о своихъ пользахъ и тягостяхъ» (с. 1006).

Окидывая общимъ взглядомъ весь изображенный Щербатовымъ административный механизмъ, мы замѣчаемъ, что и на этотъ разъ авторъ цѣликомъ перенесъ въ свою утопію многія подлинныя черты современной ему дѣйствительности. Комбинація коронныхъ и выборныхъ властей въ строѣ областной администраціи, сословный характеръ выборныхъ учрежденій, раздѣленіе судебныхъ и полицейскихъ функцій — все это начала, уже осуществленныя въ губернскихъ учрежденіяхъ 1775 г. — Но на ряду съ этимъ Щербатовъ дѣлаетъ и крупный шагъ впередъ сравнительно съ дѣйствующими въ его время порядками. Онъ смѣло продвигаетъ выборное

начало и въ сферу *центральной* администраціи, послѣдовательно проводя его до самыхъ верхнихъ ступеней послѣдней. Вмѣсто той глубокой бездны, которая раздѣлила областное и центральное управленіе Россіи со времени Екатерининской административной реформы, Щербатовъ связываетъ эти двѣ сферы единой цѣпью однородныхъ, тѣсно примыкающихъ другъ къ другу учрежденій. Всѣ онѣ построены по одному типу и проникнуты однимъ началомъ замѣны коронной бюрократіи общественнымъ представительствомъ. Кое-какими чертами Щербатовская схема напоминаетъ намъ изящно-стройную схему Сперанскаго, развитую въ его знаменитомъ планѣ государственнаго преобразованія.

Разсматривая эту часть Щербатовской утопіи, интересно слѣдить за тѣмъ, какъ постепенно умѣряются излюбленныя авторомъ олигархическія тенденціи. Заплативъ имъ щедрую дань проектированіемъ верховнаго совѣта, Щербатовъ распространяетъ затѣмъ требованіе общественнаго самоуправленія на всѣ безъ различія свободные слои населенія, одинаково включая сюда и рядовую дворянскую массу, и купечество, и мелкое мѣщанство. Требуя крупныхъ привилегій для родовитыхъ вельможъ, Щербатовъ въ то же время мечтаетъ о созданіи гражданъ, сильныхъ не своимъ происхожденіемъ, но своимъ политическимъ воспитаніемъ, сознаніемъ своихъ законныхъ правъ, присущихъ каждому члену правомѣрнаго государственнаго союза, помимо всякихъ сословныхъ перегородокъ. — Щербатовъ имѣетъ здѣсь въ виду всю совокупность свободнаго населенія. Въ офирскомъ государствѣ существуетъ обязательное — и притомъ даровое — обученіе. Правда, каждое сословіе имѣетъ свои особыя школы (с. 922 и слѣд.), но при этомъ тамъ «нѣтъ ни единаго гражданина, котораго бы въ школахъ не учили правамъ и законамъ ихъ страны». «Вздохнулъ я — пишетъ авторъ утопіи отъ лица своего героя — слыша сіе, подумавъ: знать, что въ Европѣ находятъ сіе естественно, гдѣ развѣ тысячная часть токмо знаетъ свои права и законы страны, подъ которыми они живутъ» (с. 854). Такъ «вздохнулъ» Щербатовъ, составляя сто лѣтъ назадъ свою утопію и не приходится ли намъ, вступающимъ въ XX столѣтіе, только повторить этотъ тяжелый вздохъ? Теоретическое ознакомленіе съ отечественными законами дополняется затѣмъ непосредственнымъ наблюденіемъ

за дѣятельностью государственныхъ учрежденій, чему способствуетъ широкая гласность ихъ засѣданій. Въ каждомъ присутственномъ мѣстѣ, включая сюда и само «вышнее правительство», устроены скамьи для посторонней публики, на которыхъ шведскій дворянинъ при осмотрѣ офирскихъ учрежденій видѣлъ «множество людей обоихъ половъ и даже юношей сидящихъ». «Сіи суть любопытные слушатели, объяснилъ ему его руководитель, — премудрымъ нашимъ императоромъ Сабакуломъ было узаконено, чтобы всѣ дѣла, окромѣ нѣкоторыхъ тайныхъ государственныхъ, безъ закрытія предъ народомъ исправлялись. Мнѣ многіе старые и добродѣтельные судьи признавались, что случалось имъ иногда нѣкою слабостью подвергнутымъ быть дать мнѣніе свое не по сущей справедливости, но зрѣніемъ толикихъ свидѣтелей удержаны были... къ тому же какъ вездѣ у насъ находятся таковые зрители, то самымъ симъ не токмо мужья, но и самыя жены и дѣти съ юности своей научаются законамъ и обрядамъ судебнымъ и тѣмъ самымъ лучшіе и полезнѣйшіе граждане становятся» (1042 — 1043 с.). Пройдя эту двойную теоретическую и практическую школу политическаго воспитанія, офирскіе граждане дѣятельно поддерживаютъ затѣмъ всю свою жизнь сознательно цѣнимыя ими гарантіи правоваго порядка. Они лично участвуютъ въ государственной жизни родины, проходя различныя выборныя службы, они энергично защищаютъ свои права отъ всякаго рода посягательствъ, опираясь на законы, ограждающіе личность гражданина. Такъ, напримѣръ, для производства разнаго рода полицейскихъ дознаній въ законахъ установлены точные сроки. За всякое промедленіе сверхъ этихъ сроковъ полиція обязана выплачивать извѣстную сумму потерпѣвшему отъ ея дѣйствій гражданину (с. 814).

Таковъ Щербатовскій идеалъ правоваго государственнаго порядка. Въ немъ причудливо совмѣщены требованія сословныхъ дворянскихъ привилегій съ провозглашеніемъ общегражданскихъ политическихъ правъ. Во главѣ государства поставлены родовитые олигархи, но они правятъ не безгласной, порабощенной имъ, массой, а свободными полноправными гражданами, что не мѣшаетъ, однако, низшему слою населенія пребывать въ состояніи полнаго рабства. Боярская аристократія до-петровскаго прошлаго, крестьянское рабство

Екатерининскаго настоящаго и правовой гражданскій порядокъ далекаго туманнаго будущаго — все это совокуплено въ одну общую схему фантастическаго офирскаго государства. Ни одинъ изъ этихъ трехъ элементовъ не представлялъ самъ по себѣ ничего утопическаго, но нельзя не сознаться, что *совмѣщеніе* всѣхъ ихъ въ одно нераздѣльное цѣлое являлось, дѣйствительно, довольно несбыточной утопіей. На какой же почвѣ могла возникнуть подобная утопія въ воображеніи русскаго писателя XVIII ст.?

Кто привыкъ видѣть въ Щербатовѣ исключительно апологета привилегій родовитой знати, соединенныхъ съ порабощеніемъ низшей массы, того должна нѣсколько удивить та пестрая комбинація идей, которая вскрывается въ разсмотрѣнномъ нами трактатѣ. Однако, этотъ трактатъ не стоитъ одиноко среди произведеній Щербатова въ указанномъ отношеніи. Въ высшей степени интересно сопоставить его съ другимъ сочиненіемъ Щербатова: «Примѣчанія вѣрнаго сына отечества на дворянскія права на манифестъ» (сочиненія I, с. 269 — 334), т.-е. на жалованную грамоту дворянству 1785 г. Какъ извѣстно, названный законодательный актъ подвелъ окончательный итогъ завершенной къ концу XVIII ст. дворянской эмансипаціи. Казалось бы, кому, какъ не Щербатову, этому признанному и пылкому апологету дворянскихъ привилегій, надлежало радостно привѣтствовать законъ, открывкрывшій собою «дворянскую эру» въ нашей исторіи? И, однако, всѣ Щербатовскія «примѣчанія» на дворянскую грамоту пропитаны духомъ самой ѣдкой и злобной критики. Весьма важно выяснить, съ какихъ точекъ зрѣнія Щербатовъ нападаетъ на указанія Екатерины II о дворянскихъ правахъ и привилегіяхъ.

Перебирая поочередно всѣ статьи дворянской грамоты, Щербатовъ встрѣчаетъ одобреніемъ не болѣе 4 — 5 статей (ст. 23, 32, 35, 70 вызываютъ его одобреніе). — Все остальное вызываетъ съ его стороны сплошную отрицательную критику. Нѣкоторыя статьи онъ не одобряетъ за неясность и небрежность ихъ редакціи (напримѣръ, статьи 6, 57, 64), могущую отразиться неблагопріятно на интересахъ дворянъ при практическомъ примѣненіи этихъ статей. Далѣе идутъ возраженія иного рода — Щербатовъ находитъ, что многія узаконенія грамоты ни на шагъ не подвигаютъ

развитія дворянскихъ привилегій, сравнительно съ предшествующимъ положеніемъ вещей. Въ цѣломъ рядѣ статей онъ видитъ не провозглашеніе какого либо *новаго* права дворянъ, а лишь воспроизведеніе старинныхъ, давно признанныхъ за ними, преимуществъ (см. его примѣчанія на статьи 2, 3, 4, 13, 15, 17, 18, 19, 20, 22, 26, 28, 29, 33, 36, 40, — 45); нѣкоторыя, дѣйствительно, новыя узаконенія кажутся ему лишенными практическаго значенія (21). Наконецъ, противъ нѣкоторыхъ установленій онъ возражаетъ по существу, находя ихъ несогласными съ своими воззрѣніями. Такъ, весьма сочувствуя введенію сословнаго дворянскаго самоуправленія, т.-е. установленію дворянскихъ обществъ, надѣленныхъ извѣстными корпоративными правами, Щербатовъ негодуетъ по поводу сильнаго подчиненія дворянскихъ собраній намѣстничьей власти. Онъ убѣжденъ, что эта власть совершенно убьетъ самодѣятельность дворянскаго сословія. Разбирая 62 ст., онъ опять таки съ негодованіемъ протестуетъ противъ ограниченія участія дворянина въ службахъ по выборамъ имущественнымъ цензомъ. Это идетъ въ разрѣзъ съ его взглядами на сущность дворянскаго достоинства, зависящаго отъ доблести и чести, а не отъ матеріальнаго достатка. Рядъ замѣчаній съ его стороны вызываетъ и ст. 76-я о раздѣленіи родословной книги на шесть частей. Онъ критикуетъ дѣленіе дворянства на разряды и тотъ порядокъ, въ которомъ эти разряды размѣщены, выставляя при этомъ свою излюбленную идею о превосходствѣ дворянства родовитаго надъ дворянствомъ чиновнымъ. До сихъ поръ все это — замѣчанія, вызванныя чисто сословными, дворянскими соображеніями. Щербатовъ не доволенъ грамотою или потому, что она не даетъ дворянству ничего существенно новаго, или потому, что она даетъ дворянству не то, что согласовалось бы достодолжнымъ образомъ съ существомъ дворянскаго достоинства; однимъ словомъ потому, что содержаніе грамоты не отвѣчаетъ процессу созданія дворянской привилегіи, какъ его понимаетъ Щербатовъ. Но вотъ, въ перемежку со всѣми этими замѣчаніями чрезъ всю статью проходятъ и другія, вскрывающія передъ нами совершенно иной уголокъ общественнаго міросозерцанія Щербатова. Напримѣръ, въ 5 ст. дворянской грамоты говорится: «да не лишится дворянинъ или дворянка дворянскаго достоинства, буде сами себя не лишили онаго,

преступленіемъ, основаніямъ дворянскаго достоинства противнымъ». — По поводу этой статьи Щербатовъ замѣтилъ: «чтобъ лишить чести человѣка, то должно, чтобы онъ какое злодѣяніе содѣлалъ, слѣдственно, *сіе есть право всеобщее*, а потому и есть не милость, ни право особливое».

Статьи 8, 9, 10 и 11, въ которыхъ сказано: «безъ суда да не лишится благородный дворянскаго достоинства, чести, жизни и имѣнія», — вызвали-со стороны Щербатова замѣчаніе: «*нѣсть какое особенное право*, ибо нигдѣ и *самый подлѣйшій* злодѣй безъ суда не наказуется». — Противъ ст. 24, которою запрещалось самовольно отбирать у благороднаго имѣніе безъ суда и приговора, Щербатовъ пишетъ: «*не есть право особливое*, но право благоустройства, чтобы суды не были разбойничьи притоны, но все бы по законамъ дѣлалось». О статьѣ 55: «да не взыщется на дворянствѣ вообще личное преступленіе дворянина» Щербатовъ отозвался: «не право, ибо еще *не слыхано, чтобы общество за личное кого одного преступленіе наказывали*...» Наконецъ, относительно ст. 48: «подтверждается собранію дворянства дозволеніе дѣлать представленія и жалобы чрезъ депутатовъ ихъ какъ сенату, такъ и Императорскому Величеству на основаніи узаконеній» — у Щербатова читаемъ: «право весьма полезное, однако, такое, *котораго и каждаго человѣка лишить не можно*, чтобы онъ, въ случаѣ крайняго ему притѣсненія, къ высшему правительству прибѣжища не имѣлъ...»

Вотъ—замѣчанія, весьма знаменательныя въ устахъ апологета исключительныхъ дворянскихъ привилегій! Цѣлымъ рядомъ постановленій грамоты Щербатовъ недоволенъ потому, что онѣ сообщаютъ дворянству въ видѣ сословныхъ привилегій такія преимущества, которыя, съ точки зрѣнія Щербатова, должны быть распространены *на всѣхъ свободныхъ гражданъ*, какъ общеобязательныя нормы благоустроеннаго общежитія. Считая необходимымъ и справедливымъ оставить за родовитымъ дворянствомъ привилегированное положеніе въ государствѣ, Щербатовъ сильно повышаетъ въ этомъ отношеніи свои требованія, но онъ повышаетъ ихъ лишь въ силу того, что уровень самихъ общегражданскихъ правъ, надъ которыми должны возвыситься сословныя привилегіи, самъ по себѣ рисуется ему весьма высокимъ, сравнительно съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей въ Россіи того времени. Такъ,

программа дворянскихъ привилегій, сложившаяся въ умѣ Щербатова, неуловимо вызывала вслѣдъ за собой переходъ къ болѣе широкой программѣ реформы общегражданскихъ отношеній на основахъ правового порядка. Эта своеобразная комбинація идей, составившая отличительную особенность политическаго міровоззрѣнія Щербатова, легла въ основу и разобранной выше его утопіи.

Теперь мы можемъ опредѣлить, въ чемъ и насколько эта утопія соприкасалась съ реальными задатками дальнѣйшаго историческаго развитія Россіи и въ какой мѣрѣ она входила въ область безпочвенной фантастики. Дворянская привилегія въ дѣйствительности явилась у насъ временнымъ переходнымъ звеномъ отъ закрѣпощеннаго режима, завѣщаннаго старымъ московскимъ царствомъ, къ установленію общегражданскихъ правъ, легшихъ въ основу современнаго намъ порядка. Тѣ самыя преимущества, которыя въ XVIII ст. были провозглашены въ качествѣ сословныхъ привилегій дворянскаго класса, превратились въ теченіе XIX ст. въ общегражданскія права, и запоздалыя мечты нѣкоторыхъ общественныхъ группъ снова вернуть этимъ правамъ значеніе сословныхъ привилегій свидѣтельствуютъ только о глубокомъ невѣжествѣ названныхъ мечтателей по части отечественной исторіи.

Какъ бы предугадывая этотъ процессъ превращенія сословныхъ привилегій въ общегражданскія права, Щербатовъ обнаружилъ трезвое чутье исторической дѣйствительности. Но — и тутъ уже начиналась область фантастики — Щербатовъ предполагалъ, что расширеніе общегражданскихъ правъ всѣхъ свободныхъ членовъ государственнаго союза совмѣстится съ двумя условіями: 1) съ дальнѣйшимъ ростомъ исключительныхъ привилегій знати, всегда долженствующей, съ его точки зрѣнія, первенствовать надъ прочими классами; по мѣрѣ того, какъ ея прежнія преимущества будутъ превращаться въ общегражданскія права, она получитъ взамѣнъ того еще болѣе высокія прерогативы, которыя обезпечатъ ей истинно-властное положеніе въ государствѣ; 2) съ незыблемостью крѣпостного права на крестьянъ, которое Щербатовъ готовъ былъ отождествить съ полнымъ порабощеніемъ. Дѣйствительность не оправдала жизнеспособности этой уродливой комбинаціи. Развитіе общегражданскихъ

правъ потрясло и свалило опорные столбы стараго зданія: дворянская привилегія и крестьянская крѣпостная зависимость невозвратно отошли въ міръ историческихъ тѣней.

Утопія Щербатова сплелась изъ предчувствія новыхъ жизненныхъ формъ и безотчетнаго пристрастія къ нѣкоторымъ привычнымъ фактамъ, завѣщаннымъ Екатерининской Россіи историческимъ прошлымъ. Совмѣщеніе этихъ предчувствій и пристрастій должно было неминуемо привести къ ряду внутреннихъ противорѣчій. И дѣйствительно, въ основѣ всей политической теоріи Щербатова лежало одно коренное внутреннее противорѣчіе, изъ котораго проистекали и всѣ прочіе частные его выводы. Основаніе и оправданіе дворянскихъ привилегій Щербатовъ находитъ въ особенностяхъ самой духовной природы дворянина, въ свойствахъ дворянскаго ума и сердца, отличающихъ дворянство, какъ особую породу людей, отъ прочихъ общественныхъ состояній. Но эти особенности Щербатовъ считаетъ не прирожденными, а благопріобрѣтенными путемъ передаваемаго отъ поколѣнія къ поколѣнію вѣкового навыка въ благородныхъ чувствованіяхъ и поступкахъ. Отъ рожденія всѣ равны, съ этимъ соглашается и Щербатовъ: «всѣ люди отъ единаго нашего праотца Адама и потомъ отъ Ноя произошли и потому всѣ суть братья и всѣ суть равно благородные». Онъ идетъ и еще дальше, и признаетъ, что всѣмъ людямъ, безъ различья ихъ сословнаго происхожденія, одинаково могутъ быть свойственны не только *задатки* однѣхъ и тѣхъ же дарованій, но и способность давать этимъ задаткамъ надлежащее дальнѣйшее развитіе. «Не лишенъ отъ природы ни единый человѣкъ способовъ пріобрѣсти всѣ нужныя знанія и, можетъ статься, что между пахарей мы многихъ бы Александровъ и Цезарей нашли, но они, родясь съ сохой, съ сохой и умираютъ, никогда не подозрѣвая такія дарованія имѣть». (Размышленія о дворянствѣ). Итакъ, все дѣло не въ происхожденіи, а въ условіяхъ жизненной обстановки, воспитывающихъ въ людяхъ тѣ или другія свойства. Но условія жизненной обстановки могутъ измѣняться и, въ такомъ случаѣ, не было ли со стороны Щербатова самопротиворѣчіемъ дѣлать изъ своихъ посылокъ тотъ выводъ, что привилегированность дворянства должна явиться не временной исторической категоріей, а незыблемымъ и вѣковѣчнымъ устоемъ правомѣрнаго государственнаго порядка? Мы

видимъ, что наиболѣе страстный апологетъ дворянской привилегированности строилъ ея защиту на очень зыбкомъ теоретическомъ фундаментѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, тѣ самыя учрежденія, которыя проектировалъ Щербатовъ для своего идеальнаго государства въ цѣляхъ гражданскаго воспитанія всего народа, не должны ли были уравнять, въ концѣ концевъ, природныя свойства людей всѣхъ состояній и тѣмъ самымъ уничтожить ту *основу* дворянскихъ привилегій, которая въ глазахъ Щербатова оправдывала ихъ существованіе? Щербатовъ не задавался подобными вопросами и, подѣливъ свои идеалы поровну между будущимъ и прошедшимъ, создалъ себѣ міровоззрѣніе, оказавшееся дѣйствительно неосуществимой утопіей. Но неосуществимость этой утопіи обусловливалась не тѣми ея элементами, которые были обращены къ будущему, а какъ разъ тѣми, которые представляли собой сдѣлку между будущимъ и прошедшимъ.

И намъ невольно приходитъ на мысль другой благородный утопистъ Екатерининской Россіи, смѣлѣе смотрѣвшій въ будущность своей родины. Радищевъ, конечно, не менѣе Щербатова цѣнилъ блага законности и правоваго порядка. Одинъ знаменитый «Сонъ» въ его «Путешествіи изъ Петербурга въ Москву» достаточно свидѣтельствуетъ объ этомъ. Но Радищевъ признавалъ возможнымъ разрѣшеніе политическаго вопроса лишь въ связи съ разрѣшеніемъ великой соціальной проблемы уничтоженія крѣпостнаго права. Подобно Щербатову, Радищевъ требовалъ распространенія общегражданскихъ правъ на всѣхъ *свободныхъ* гражданъ, но лишь при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы свободными были *всѣ* граждане. — Исторія показала, кто изъ двухъ утопистовъ былъ ближе къ исторической правдѣ, исторія показала, что болѣе радикальная утопія была наиболѣе дальновидной, а потому и наименѣе фантастичной.

———

Изъ исторіи русскаго либерализма *).

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ ПНИНЪ.

1773—1805 г.г.

I.

Есть чудная поэма Некрасова; въ ней говорится о людяхъ, посвятившихъ всю свою жизнь служенію благу народа и сошедшихъ въ могилу незамѣченными современниками, которые не были способны понять и оцѣнить ихъ самоотверженныхъ стремленій.—Но придетъ время,—говоритъ поэтъ,— когда предъ ними народъ «святой восторгъ почуетъ, вздохнетъ и совѣсть уврачуетъ, воздвигнувъ пышный мавзолей».

Если мнѣ скажутъ, что мысль поэта неосновательна или преувеличена; что истинныя заслуги передъ обществомъ не могутъ кануть въ Лету и что не среди забытыхъ могилъ слѣдуетъ отыскивать настоящихъ поборниковъ общественнаго блага, — я назову въ отвѣтъ имя человѣка, о которомъ я рѣшился говорить сегодня. Этотъ человѣкъ — Иванъ Петровичъ Пнинъ. Многимъ ли извѣстно это имя? Мнѣ думается, что за предѣлами тѣснаго кружка спеціалистовъ рѣдко кто слышалъ имя Пнина и уже навѣрное тѣ, передъ которыми оно когда-либо случайно и мимолетно промелькнуло, не соединяютъ съ нимъ отчетливыхъ представленій о носившемъ его человѣкѣ.

Какъ разъ теперь является особенный поводъ для русскаго общества «уврачевать свою совѣсть» по отношенію къ этому человѣку, вотъ уже цѣлое столѣтіе дожидающемуся признанія потомства. Сто лѣтъ тому назадъ, въ 1804 г.

*) Публичная лекція, прочитанная въ 1904 г.

на книжномъ рынкѣ появилась маленькая книжечка всего въ 146 стр. малаго формата. Книжечка называлась «Опытъ о просвѣщеніи относительно къ Россіи» *). Авторомъ ея былъ Иванъ Пнинъ. Эпиграфъ къ книгѣ гласилъ: «Блаженны тѣ государи и тѣ страны, гдѣ гражданинъ, имѣя свободу мыслить, можетъ безбоязненно сообщать истины, заключающія въ себѣ благо общественное». Появленіе книжечки пришлось какъ разъ на медовый мѣсяцъ либеральныхъ стремленій правительства Александра I и все-таки скромная книжечка воздвигла цензурную бурю, жертвами которой пали и книжка и ея авторъ. Книжка была истреблена, а потрясенный авторъ вскорѣ послѣ того скончался въ скоротечной чахоткѣ.

«Опытъ о просвѣщеніи» не былъ первымъ литературнымъ дебютомъ Пнина. Выступая съ этимъ «Опытомъ», Пнинъ былъ уже довольно видной литературной величиной своего времени, Онъ уже заявилъ себя и какъ журналистъ и какъ поэтъ. Ни журналистика, ни поэзія не были для него праздной забавой въ часы досуга. Редактируя журналъ и бесѣдуя съ музами, онъ сознательно несъ извѣстное общественное служеніе. Публицистическая струя проникала всю его литературную дѣятельность, и въ качествѣ публициста онъ неизмѣнно шелъ въ руслѣ передовой общественной мысли своего времени. Въ мрачное время Павла, когда по словамъ одного позднѣйшаго сенатскаго доклада, «говорить было страшно, молчать было бѣдственно», когда оправдывалась горькая древняя пословица: «тотъ хорошо устроился, кто хорошо спрятался», — Пнинъ съумѣлъ вести серьезный и содержательный журналъ, гдѣ находили себѣ пріютъ опальныя идеи молодого русскаго либерализма. А съ воцареніемъ Александра I, когда навстрѣчу новому царствованію зазвенѣли хвалебныя оды, Пнинъ также далъ волю своему поэтическому таланту, и твердою рукой взялъ на своей лирѣ нѣсколько сильныхъ аккордовъ той самой «гражданской» поэзіи, которая еще на исходѣ царствованія Екатерины II заискрилась въ одѣ Радищева и вспыхнула яркимъ огнемъ на исходѣ царствованія

---

*) Опытъ о просвѣщеніи относительно къ Россіи. Соч. Ивана Пнина. Съ дозволенія С. Петербургскаго гражданскаго губернатора, СПБ. Въ типографіи Ив. Глазунова. 1804 года

Александра I въ поэтическихъ думахъ Рылѣева. И какъ публицистъ и какъ поэтъ, Пнинъ представилъ собою среднее, соединительное звено въ той литературной традиціи, которая прошла черезъ первую четверть XIX в. отъ Радищева до Рылѣева и въ этомъ смыслѣ дѣятельность Пнина характерна и интересна, какъ одинъ изъ моментовъ въ развитіи русской либеральной доктрины.

Пнинъ вышелъ изъ кружка Радищева. Здѣсь дѣйствовало не только преемство идей, но и преемство дружескихъ связей и непосредственныхъ личныхъ вліяній. Въ качествѣ вступленія въ разсмотрѣніе дѣятельности Пнина необходимо поэтому бросить хотя бы бѣглый взглядъ на зародыши либеральной доктрины въ русскомъ обществѣ XVIII в., роскошнымъ плодомъ которыхъ явились произведенія Радищева.

Мы не будемъ искать зародышей русскаго либерализма въ старомъ московскомъ царствѣ не потому, чтобы русское общество той эпохи вообще было чуждо идейнымъ возбужденіямъ, — нѣтъ, и тамъ шла своя напряженная идейная работа, — а потому, что вся совокупность жизненныхъ условій того времени не благопріятствовала наклону мысли въ сторону либеральнаго «умоначертанія». Какъ могло бы возникнуть что-либо подобное основному догмату либеральной доктрины — о свободѣ самоопредѣленія личности — тамъ, гдѣ все общество сверху до низу, отъ послѣдняго бобыля до перваго боярина признавалось собраніемъ «холоповъ» великаго государя, и гдѣ всѣ отправленія общественнаго организма диктовались единственно нуждами государства, на ряду съ которыми не получали никакого признанія и никакого значенія самостоятельные интересы гражданъ? Мы не будемъ искать зародышей русскаго либерализма и въ преобразовательной программѣ Петра: вѣдь эта программа представляла собою смѣсь старыхъ московскихъ традицій съ такой западно-европейской политической доктриной, которая могла бы только задушить, а никакъ не посѣять зародыши либеральнаго «умоначертанія»: я разумѣю теорію полицейскаго государства, которую развивалъ Петръ въ неуклюжихъ періодахъ своихъ регламентовъ въ цѣляхъ теоретическаго обоснованія вводимыхъ имъ новшествъ.

Мы можемъ начинать исторію русскаго либерализма лишь съ того момента, когда въ составѣ русскаго общества впервые

обозначились группы, сознательно противопоставившія свои самостоятельные интересы всемогуществу государственнаго начала, когда въ рамкахъ государственнаго союза начали слагаться другіе союзы, смотрѣвшіе на себя не только какъ на подпору государственнаго зданія, но и какъ на самодовлѣющія соединенія, которымъ государство обязано предоставить съ своей стороны охрану и поддержку. Такой моментъ падаетъ на конецъ первой и начало второй четверти XVIII в. Тогда зашевелилось общество, тогда была пробита первая брешь въ твердынѣ того стараго уклада, который весь былъ построенъ на поглощеніи личности государствомъ. Извѣстно, при какихъ условіяхъ и подъ какими воздѣйствіями зародилось это движеніе. Оно обнаружилось тотчасъ по смерти Петра I въ различныхъ слояхъ русскаго дворянства. Движеніе разросталось очень быстро и въ ширь въ смыслѣ присоединенія къ движенію все новыхъ элементовъ дворянской массы и въ глубь — въ смыслѣ постепеннаго увеличенія требованій, написанныхъ на его знамени. Начавшись съ соперничества родовитой и новой аристократіи изъ за вліянія на власть путемъ проведенія на тронъ того или другого кандидата, это броженіе въ какихъ-нибудь пять лѣтъ выросло въ крупное политическое движеніе, захватившее широкіе круги рядового провинціальнаго дворянства и сводившееся уже къ требованію коренной реформы политическаго устройства Россіи. Въ это-то время, въ атмосферѣ этой политической борьбы — сложились и закрѣпились первоначальныя очертанія русской либеральной доктрины.

Если мы спросимъ, почему именно дворянство явилось застрѣльщикомъ новаго движенія, потрясшаго твердыню старой государственности, намъ отвѣтятъ на это соціальныя условія русской жизни того времени. Въ средѣ дворянства въ силу историческихъ обстоятельствъ сосредоточивалось тогда обладаніе землей, и именно въ качествѣ землевладѣльческаго класса дворянство держало въ своихъ рукахъ нити народнаго труда, въ полной мѣрѣ подчиненнаго въ крѣпостной Россіи власти земли. Это экономическое первенство и послужило надежной опорой для притязаній дворянства на руководящую роль во всей общественной жизни страны. Въ сознаніи своей матеріальной силы дворянство второй четверти XVIII ст. и подняло впервые голосъ о политическихъ правахъ

и гарантіяхъ въ противовѣсъ старому государственному порядку, построенному на принципѣ обязанности, тягла, закрѣпощенія и вмѣсто какихъ бы то ни было гарантій опиравшемуся на основной политическій догматъ Ивана Грознаго: «жаловать мы своихъ холопей вольны, а и казнить ихъ вольны же». Попытка русскаго дворянина XVIII в. превратиться изъ холопа въ гражданина и была первымъ дебютомъ нарождавшагося русскаго либерализма.

Почва для появленія такой попытки была дана мѣстными условіями общественнаго развитія, но самое осуществленіе ея не могло обойтись безъ услугъ иноземной западно-европейской политической теоріи. Однихъ смутныхъ стремленій къ разрыву съ старой тяготой было еще недостаточно. Предстояло осмыслить и сознательно формулировать свои притязанія, предстояло подыскать имъ оправданіе въ новомъ строѣ понятій, который могъ бы замѣнить собою прадѣдовскій политическій катехизисъ, унаслѣдованный отъ Іосифа, Волоцкаго и Іоанна Грознаго. Практическіе политики должны были заручиться помощью и поддержкой политическихъ теоретиковъ. Какъ часто люди практической дѣятельности высокомѣрно-снисходительно трактуютъ отшельниковъ науки, не видя въ ихъ отвлеченной работѣ ничего, кромѣ невинной игры въ слова и понятія! Какъ часто негодуютъ на этихъ отшельниковъ науки, какъ на эгоистовъ, предпочитающихъ кабинетный покой тяжелой вознѣ съ злободневными общественными нуждами! Но бываютъ въ жизни моменты, когда подъ напоромъ обстоятельствъ вдругъ рушится стѣна взаимныхъ недоразумѣній, и выводы изъ кабинетной думы ученаго оказываются крупной соціальной силой, которою спѣшатъ воспользоваться, какъ необходимымъ орудіемъ, вожди общественной борьбы. Одинъ изъ такихъ моментовъ переживало русское дворянство во второй четверти XVIII ст. Начавшееся въ его средѣ политическое броженіе сопровождалось оживленнымъ идейнымъ движеніемъ, въ вихрѣ котораго передовая русская интеллигенція основательно перетряхнула багажъ своихъ политическихъ воззрѣній.

Сближеніе съ европейскимъ западомъ сдѣлало свое дѣло. Вліяніе западной культуры на умственную жизнь русскаго общества вскорѣ вышло далеко за предѣлы тѣхъ первоначальныхъ задачъ, ради которыхъ русскій человѣкъ ѣхалъ за ру-

бежъ своей родины на выучку къ иноземцамъ. Онъ ѣхалъ туда, чтобы научиться воевать и строить корабли. Онъ возвращался оттуда съ умѣньемъ разсуждать и строить политическія системы. Уже при Петрѣ политическая литература запада — и въ оригиналахъ и въ переводахъ — получаетъ замѣтное распространеніе въ русскомъ обществѣ. И соразмѣрно съ ея успѣхами блекнетъ и шатается авторитетъ старинныхъ завѣтовъ. Въ офиціальныхъ произведеніяхъ Петровскаго времени открыто указывается на то, что на Руси умножились «прекословіемъ свербящія сердца», которыя сѣютъ въ умахъ «мятежей плевелы» и отвергаютъ доводы св. Писанія при обсужденіи политическихъ вопросовъ. Сами политическіе офиціозы чувствовали необходимость при защитѣ своихъ положеній подтверждать доводы отъ Писанія, потерявшіе въ глазахъ многихъ силу доказательности, доводами отъ «естественнаго разума». Такъ поступилъ Ѳеофанъ Прокоповичъ въ своемъ оффиціозномъ трактатѣ «Правда воли монаршей». Въ чемъ же состояло это новое ученіе, завоевывавшее теперь власть надъ умами и расчищавшее почву для свободной критики государственнаго устройства во имя правъ человѣка? То было ученіе «естественнаго права» съ его теоріей договорнаго государства. Гуго Гроцій, Пуффендорфъ, Гоббсъ — стали теоретическими руководителями русской дворянской интеллигенціи на первыхъ шагахъ ея политическаго воспитанія. И русскіе читатели не замедлили не только усвоить, но и попытаться примѣнить на дѣлѣ два практическіе вывода, которые могли быть извлечены изъ названныхъ ученій. Ученіе о договорномъ происхожденіи государства приводило къ выводу о возможности измѣнять существующій политическій строй «общенароднымъ совѣтіемъ». Ученіе о прирожденныхъ правахъ человѣка, соотвѣтствующихъ естественной человѣческой природѣ, — ставило границу государственному вмѣшательству въ гражданское общежитіе и въ частную жизнь гражданина. И тотъ и другой выводъ нашли себѣ выраженіе въ разнообразныхъ конституціонныхъ проектахъ, вышедшихъ изъ среды дворянства, когда въ 1730 г. предъ воцареніемъ Анны Іоанновны рѣшался вопросъ о формѣ правленія въ Россіи. Совокупность этихъ проектовъ можетъ быть признана первымъ манифестомъ русскаго либерализма въ его начальной, зачаточной формѣ.

Я не буду разбирать здѣсь этихъ проектовъ, это отвлекло бы насъ слишкомъ далеко, отъ нашей ближайшей задачи и укажу только на самую характерную черту русскаго дворянскаго либерализма второй четверти XVIII ст. Онъ носилъ яркую сословную окраску. Онъ представлялъ собою своеобразную попытку использованія теоріи естественнаго права для обоснованія сословныхъ дворянскихъ привилегій, въ созданіи которыхъ заключалась конечная цѣль всего движенія. Настаивали на суверенитетѣ народа, ограничивая при этомъ понятіе народа кругомъ привилегированныхъ верховъ общества; подъ «общенароднымъ совѣтіемъ» разумѣли представительныя собранія *шляхетства* и подъ флагомъ естественныхъ правъ человѣка защищали соціально-экономическія притязанія дворянина. Любопытно слѣдить за тѣми извилинами мысли, цѣною которыхъ достигалось такое приноровленіе модной доктрины къ заранѣе предрѣшеннымъ выводамъ. Казалось бы, что могло быть общаго между теоріей естественнаго права и сословными притязаніями дворянства? Вѣдь теорія гласила о томъ, что естественный законъ запечатлѣнъ въ сердцахъ всѣхъ человѣческихъ существъ, она гласила о прирожденныхъ правахъ абстрактнаго человѣка, отвлеченнаго и отъ сословныхъ и отъ всякихъ иныхъ междучеловѣческихъ перегородокъ. Но *мысль* — скользкое и услужливое орудіе человѣческаго *интереса*, и теоретики дворянскаго движенія первой четверти XVIII ст. съумѣли извлечь изъ своихъ посылокъ то, что имъ было нужно. Гордая доктрина послушно уложилась въ рамки ихъ сословныхъ разсчетовъ. Посмотрите, напр., какъ справился съ этой задачей нашъ первый историкъ, бывшій въ то же время и первымъ теоретикомъ русскаго либерализма, Василій Никитичъ Татищевъ. Въ дворянскихъ движеніяхъ 1730 г. онъ игралъ весьма замѣтную роль. Когда проектъ ограниченія самодержавія, выдвинутый Димитріемъ Голицынымъ, вызвалъ въ Москвѣ горячія обсужденія среди шляхетства и въ домѣ сенатора Новосильцева собрались представители дворянскаго генералитета для политическаго совѣщанія, докладчикомъ на этомъ совѣщаніи выступилъ именно Татищевъ, развившій передъ собраніемъ естественно-правовую теорію государства и представившій основанный на этой теоріи подробный конституціонный проектъ. Философскія предпосылки полити-

ческихъ идей Татищева можно съ подробностью прослѣдить по его трактату. «Разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ». Изложеніе началъ естественнаго права Татищевъ начинаетъ тамъ смѣлымъ утвержденіемъ, что «естественный законъ человѣческой природы» — вездѣ, всегда и для всѣхъ людей одинъ и тотъ же. Главное стремленіе человѣческаго естества — стремленіе къ волѣ, т.-е. къ свободѣ. Отсюда ожидается выводъ, что свобода, какъ основной законъ человѣческой природы, должна быть достояніемъ всѣхъ и каждаго безъ различія. Повидимому и Татищевъ клонитъ мысль къ такому выводу. Воля — говоритъ онъ — по естеству настолько нужна и полезна человѣку, что ни одно благополучіе не можетъ сравняться съ нею, ибо «кто воли лишаемъ, тотъ купно всѣхъ благополучій лишается». Насильственное лишеніе свободы противно природѣ, и потому человѣкъ, насильственно обращаемый въ рабство, имѣетъ естественное право на самооборону. «Естество опредѣлило намъ вольность» и потому порабощаемый человѣкъ долженъ воспользоваться первымъ случаемъ, «чтобы разбить наложенныя на него оковы». Читая все это, вы уже начинаете недоумѣвать, какъ могли примириться эти принципы съ рабовладѣльческой практикой того дворянства, отъ лица котораго философствовалъ Татищевъ. Но не слѣдуетъ спѣшить съ недоумѣніями. Маленькій поворотъ мысли, и проповѣдникъ возстанія рабовъ противъ поработителей превращается въ теоретическаго защитника крѣпостнаго права. Рабствомъ — говоритъ Татищевъ — называется только *насильственное* лишеніе воли. Но есть еще два другіе вида неволи, которые мирятся съ естествомъ человѣка: 1) отказъ отъ воли *по договору*, когда человѣкъ свободно отказывается отъ воли, сохраняя право разрывомъ договора снова вернуть ее себѣ, и 2) неволя *по природѣ*, когда человѣкъ по самому своему естеству не сроденъ свободному состоянію по недостатку собственнаго разума. Такъ, напр., дѣти «по естеству» нуждаются въ подчиненіи родительской власти. Вотъ и готова щелка, въ которую можетъ укрыться поклонникъ естественнаго права, чтобы спасти отъ крушенія свои рабовладѣльческіе идеалы: стоило только подвести крестьянскую массу подъ категорію людей съ недостаточнымъ разумомъ и — дѣло было выиграно. Татищевъ такъ именно и поступаетъ: «всякій шляхтичъ — говоритъ онъ — *по природѣ*

есть судья надъ своими холопами, рабами и крестьянами *). Обезпечивъ себя этой оговоркой, либеральный дворянинъ могъ возводить зданіе правового государства на фундаментѣ естественнаго права въ спокойной увѣренности, что полученіе новыхъ правъ не лишитъ его прежнихъ выгодъ и что водвореніе правового порядка въ верхнемъ этажѣ общественнаго зданія совмѣстится съ сохраненіемъ крѣпостного порядка въ томъ подвалѣ этого зданія, гдѣ копошится неразумная масса, по самому естеству обреченная неволѣ. Можно спросить, куда же дѣвалось всеобщее равенство людей въ пользованіи естественными правами? Равенство въ томъ — отвѣтитъ намъ первый теоретикъ русскаго либерализма,— чтобы всѣ одинаково могли жить сообразно своей пользѣ, а *неразумному крестьянину полезно быть порабощеннымъ*. Торжество либеральной доктрины сулило крѣпостному крестьянину только одну перемѣну: прежде онъ несъ ярмо неволи ради нуждъ государства, теперь ему предстояло нести то же ярмо ради собственной пользы. И либеральная совѣсть рабовладѣльца была спокойна: сама гуманность и само «естество» требовали эксплоатированія неразумной массы.

Аргументація Татищева упала на благодарную почву. Она сдѣлалась ходячей въ теченіе всего XVIII ст., и лучшимъ признакомъ ея общераспространенности явилось занесеніе ее на страницы учебныхъ руководствъ того времени. Въ XVIII в. появилось первое русское руководство по естественному праву, принадлежавшее перу Золотницкаго **). Это «естественное право» въ русской редакціи XVIII в. какъ нельзя болѣе характерно для занимающей насъ эпохи. Авторъ руководства весьма озабоченъ необходимостью согласовать теорію «натуральнаго состоянія» съ доказательствомъ законности и исконности сословныхъ привилегій. Онъ смѣло берется за рискованную задачу доказать, что возникновеніе сословныхъ привилегій не противорѣчитъ натуральному равенству людей. Разумѣется, успѣшность его усилій оказывается обратно пропорціональной ихъ смѣлости. «Всѣ люди въ натураль-

*) П. Н. Милюковъ: «Очерки по исторіи русской культуры, ч. III, вып. 2, стр. 210—215.

**) «Сокращеніе естеств. права, выбранное изъ разныхъ авторовъ» 1764 г.

номъ состоянiи между собою равны — говоритъ наше руководство и тотчасъ же добавляетъ: однако не всѣ достойны равнаго мнѣнiя, чести и похвалы... ибо не всякъ имѣетъ тѣ совершенства, отъ которыхъ достоинство мнѣнiя, чести и похвалы зависитъ» *). «Натуральное состоянiе» оказывается такимъ образомъ, какимъ-то фантастическимъ равенствомъ неравныхъ между собою людей, отъ котораго уже идетъ прямой путь къ подмѣнѣ общечеловѣческихъ естественныхъ правъ правами одареннаго особенными совершенствами меньшинства. Въ этихъ осторожныхъ оговоркахъ, которыми первые русскiе популяризаторы естественнаго права считали нужнымъ обставлять свои разсужденiя, уже заключались всѣ зародыши откровеннаго теоретическаго оправданiя наслѣдственныхъ сословныхъ привилегiй дворянства, разработаннаго затѣмъ въ сочиненiяхъ крупнаго русскаго публициста Екатерининской эпохи — кн. Щербатова. Русскiе либералы первой половины XVIII в. говорили, что привилегированное пользованiе нѣкоторыми преимуществами можетъ быть оправдано особыми совершенствами ума и сердца, отличающими иныхъ людей отъ рядовой массы. Кн. Щербатовъ прибавляетъ къ этому, что нравственныя совершенства даются только добрымъ воспитанiемъ и унаслѣдованными отъ предковъ возвышенными традицiями, а то и другое можетъ зародиться только въ тѣсномъ кругу старинныхъ благородныхъ фамилiй, которымъ поэтому и должна принадлежать исключительная монополiя на независимое и руководящее положенiе въ государствѣ. Права человѣка могутъ быть осуществлены въ человѣческомъ общежитiи не иначе, какъ въ формѣ привилегiи родовитаго дворянина. Таковъ былъ окончательный теоретическiй плодъ той либеральной доктрины, которая впервые была посѣяна на русской почвѣ еще въ первые двѣ четверти XVIII ст. русскими поклонниками Гуго Гроцiя и Пуффендорфа.

Но какъ разъ въ то время, когда развертывалась публицистическая дѣятельность кн. Щербатова, откровенно обнажавшая сословную подкладку ранняго русскаго либерализма, на арену литературы выступали представители молодого по-

*) П. Н. Милюковъ «Очерки по исторiи русской культуры, ч. III, стр. 263.

колѣнія, которымъ суждено было произнести свое новое слово, углубившее и расширившее содержаніе русской либеральной доктрины. Это поколѣніе воспитывалось на французской просвѣтительной литературѣ XVIII в. и съумѣло извлечь изъ этой литературы ярко выраженныя демократическія идеи и симпатіи. Опредѣляющую роль въ общественномъ воспитаніи этого поколѣнія сыграли глубокія впечатлѣнія отъ начальныхъ моментовъ великой французской революціи. Взятіе Бастиліи вызвало въ Петербургѣ шумный взрывъ общественнаго энтузіазма. Наблюдатель-очевидецъ пишетъ, что вѣсть объ этомъ событіи быстро облетѣла всю столицу. Въ придворныхъ кругахъ испугались и разсердились. Но на улицахъ Петербурга толпа купцовъ, мѣщанъ и *нѣкоторыхъ молодыхъ людей изъ болѣе высокаго класса* громко выражали свое ликованіе. Люди посреди улицы поздравляли другъ друга, обнимались, точно ихъ самихъ избавили отъ тяжелой цѣпи. Паденіе феодальныхъ привилегій въ знаменитую ночь на 4-е августа еще болѣе подчеркнуло въ глазахъ молодыхъ поклонниковъ свободы демократическій характеръ революціоннаго движенія прежде, чѣмъ они могли разглядѣть сословно-буржуазные элементы этого движенія. И декларація правъ человѣка и гражданина звучала для нихъ истиннымъ манифестомъ того абстрактнаго и абсолютнаго либерализма, для котораго не должно существовать ни еллиновъ, ни іудеевъ, ни господъ, ни рабовъ. Такъ, впечатлѣнія отъ громкихъ событій современности служили для нихъ какъ бы подтвержденіемъ тѣхъ идей, которыя были имъ навѣяны чтеніемъ любимыхъ писателей. А этими писателями были какъ разъ тѣ философы XVIII ст., которые дѣлали наиболѣе демократическіе выводы изъ доктрины естественнаго права и теоріи договорнаго происхожденія государства. Въ первую очередь здѣсь долженъ быть названъ Мабли, доходившій въ отрицаніи какихъ-либо различій въ доступныхъ людямъ правахъ до чистаго коммунизма.

Типичнымъ представителемъ этого молодого поколѣнія русскихъ либераловъ Екатерининской эпохи, выросшихъ подъ указанными только-что вліяніями, является Радищевъ и примыкавшій къ нему кружокъ. Какъ долженъ былъ отнестись Радищевъ къ французскимъ революціоннымъ событіямъ, это можно предугадать по тѣмъ строкамъ его оды «Вольность»,

въ которыхъ онъ касается событій революціи англійской и обращается со слѣдующими словами къ памяти Кромвеля.

«Я чту, Кромвель, въ тебѣ злодѣя,
«Что власть въ рукахъ своихъ имѣя,
«Ты твердь свободы сокрушилъ,
«Но научилъ ты въ родъ и роды,
«Какъ могутъ мстить себя народы:
«Ты Карла на судѣ казнилъ».

Пристальное вниманіе Радищевскаго кружка къ начальнымъ событіямъ французской революціи своеобразно отразилось на одномъ произведеніи Радищева — біографіи его друга Ушакова. Радищевъ разсказываетъ тамъ между прочимъ о годахъ своего студенчества въ Лейпцигѣ, гдѣ онъ вмѣстѣ съ Ушаковымъ и нѣкоторыми другими сверстниками обучался наукамъ въ университетѣ подъ надзоромъ приставленнаго къ нимъ маіора Бокума, грубаго, невѣжественнаго и недобросовѣстнаго человѣка. Подробно излагая столкновенія русскихъ студентовъ съ этимъ маіоромъ, Радищевъ съ большимъ юморомъ уподобляетъ отдѣльные моменты этихъ столкновеній различнымъ эпизодамъ борьбы національнаго собранія съ французскимъ королемъ.

Что же касается вліянія такихъ авторовъ, какъ Мабли, то оно засвидѣтельствовано фактами и автобіографическими показаніями самого Радищева. Проводя въ Лейпцигѣ студенческіе годы, Радищевъ и его товарищи быстро перешли отъ нѣмецкой философской литературы къ увлеченію французскими писателями. Ради чтенія Мабли они стали забрасывать слушаніе профессорскихъ лекцій. Между прочимъ Радищевъ перевелъ одно изъ сочиненій этого писателя на русскій языкъ съ своими комментаріями.

Всѣ эти вліянія и воздѣйствія должны были отбросить молодыхъ русскихъ либераловъ на тысячи верстъ отъ того сословно-дворянскаго либерализма, которымъ дышали предшествующія поколѣнія передовой русской интеллигенціи. Теперь въ катехизисѣ русской передовой политической мысли принципъ свободы тѣсно сплетался съ принципомъ равенства. И если Радищевъ и не примкнулъ къ чисто-коммунистическимъ ученіямъ Мабли, отстаивая въ качествѣ правовѣрнаго либерала индивидуальную собственность, то все же осуществленіе равенства являлось для него необходимой предпо-

сылкой водворенія истинной свободы. «Человѣкъ—писалъ Радищевъ — родится въ міръ равенъ во всемъ одинъ другому». «И потому — говорилъ Радищевъ — нельзя назвать блаженною страну, гдѣ сто гордыхъ граждань утопаютъ въ роскоши, а тысящи не имѣютъ надежнаго пропитанія, ни собственнаго отъ зноя и мраза укрова».

Будучи приложены къ русской дѣйствительности, всѣ эти идеи приводили Радищева къ общественной программѣ, прямо противоположной всему тому, къ чему стремились публицисты типа Татищева и кн. Щербатова. И Радищевъ придавалъ громадное значеніе политической реформѣ, установленію правового порядка, при которомъ всѣ свободные граждане были бы гарантированы отъ правительственнаго произвола. Но онъ ставилъ при этомъ непремѣннымъ условіемъ осуществленіе и реформы соціальной, благодаря которой свободными могли бы сдѣлаться *всѣ* граждане. Уничтоженіе сословныхъ привилегій дворянства и отмѣна крѣпостного права — таковы были практическія задачи, выдвинутыя молодымъ русскимъ либерализмомъ конца Екатерининскаго царствованія въ противовѣсъ старой дворянской либеральной программѣ. Въ своей знаменитой книгѣ «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» Радищевъ, какъ извѣстно, разносторонне разсмотрѣлъ вопросъ о необходимости отмѣны крѣпостного права. Въ послѣдующей обширной литературѣ, направленной противъ крѣпостного права, вредъ крѣпостнаго порядка доказывался съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія, но всѣ эти доводы — этическіе, экономическіе и политическіе — можно уже найти въ книгѣ Радищева. Уже Радищевъ доказывалъ, что закрѣпощеніе народа противно природѣ и требованіямъ человѣческаго сердца; уже Радищевъ разъяснялъ, что рабство *невыгодно* для государства, самихъ рабовладѣльцевъ и всего народнаго хозяйства; уже Радищевъ предупреждалъ, что сохраненіе рабства опасно для устойчивости государственнаго порядка, такъ какъ оно постоянно грозитъ соціальной революціей. Нѣкогда Татищевъ и его единомышленники доказывали, что крестьянину полезно быть порабощеннымъ. Теперь Радищевъ и тѣ, кто пошелъ за нимъ, перевертывали вопросъ и во всеоружіи всесторонняго изслѣдованія утверждали, что государству, націи полезно вымести изъ своихъ предѣловъ всѣ слѣды порабощенія и произвола.

Быть можетъ вы упрекнете меня, мм. гг., въ томъ, что я слишкомъ отдалился отъ ближайшей темы своей лекціи. — На самомъ дѣлѣ я какъ разъ выполнилъ существенную часть своей задачи. Я разсмотрѣлъ происхожденіе того идейнаго движенія, въ атмосферѣ котораго выросъ и воспитался Пнинъ. Радищевскій кружокъ послужилъ для него школой общественнаго воспитанія. Недаромъ Пнинъ оплакалъ кончину своего учителя-друга прочувствованными стихами. И, вѣрный примѣру учителя, Пнинъ вышелъ на арену литературы глашатаемъ свободы человѣческой личности и непримиримымъ врагомъ рабства и произвола.

II.

Иванъ Петровичъ Пнинъ родился въ 1773 г. Онъ былъ незаконнымъ сыномъ кн. Петра Ивановича Репнина. Ему удалось получить хорошее образованіе. Проучившись въ московскомъ благородномъ университетскомъ пансіонѣ, Пнинъ перешелъ въ инженерный кадетскій корпусъ, гдѣ и окончилъ курсъ въ январѣ 1779 г. Литературныя наклонности сказались въ немъ очень рано. — 15-ти лѣтъ онъ сочинилъ уже какую-то оду, которая, впрочемъ, не увидѣла свѣта. Жизненныя обстоятельства надолго оторвали Пнина отъ сосредоточенной умственной работы. Съ началомъ 90-хъ годовъ XVIII ст. для Пнина началась военная походная жизнь. Онъ участвовалъ въ войнахъ противъ Швеціи и Польши. Съ воцареніемъ Павла Пнинъ навсегда разстался съ военнымъ мундиромъ и, вступивъ на гражданскую службу, съ жаромъ предался литературной дѣятельности. Эта перемѣна въ жизни Пнина какъ разъ совпала съ возвращеніемъ изъ сибирской ссылки Радищева, съ которымъ Пнинъ былъ связанъ тѣсными дружескими отношеніями. Въ основѣ этой дружбы лежала общность убѣжденій, гармонія политическихъ стремленій и идеаловъ. Когда Радищевъ умеръ, Пнинъ посвятилъ его памяти стихи, въ которыхъ какъ разъ подчеркнулъ общественныя заслуги своего покойнаго друга, въ особенности близкія и дорогія по духу самому Пнину. Пнинъ восхвалялъ Радищева, какъ гражданина, который «къ счастію велъ путемъ свободы»; какъ вѣрнаго сына отечества, который «ни предъ кѣмъ не изгибался, до гроба лестію гнушался» и «смѣло правду говорилъ». Близость Пнина къ Радищеву сразу указываетъ

на то, къ какому общественному лагерю примкнулъ Пнинъ, подъ какими вліяніями складывались его убѣжденія, въ какихъ кругахъ вращалась въ это время его жизнь. Есть любопытное свидѣтельство, что кружокъ либеральной молодежи, къ которому примкнулъ Пнинъ, вступалъ въ осторожныя и прикровенныя сношенія съ молодымъ наслѣдникомъ престола вел. кн. Александромъ Павловичемъ, на которомъ сосредоточивались надежды тогдашнихъ либераловъ, и который самъ томился и изнывалъ подъ гнетомъ отцовскаго режима. Одна сценка хорошо обрисовываетъ намъ, какъ жилось въ тѣ мрачные дни наслѣднику престола. Какъ-то разъ Павелъ, зайдя въ комнату сына, нашелъ у него на столѣ трагедію Вольтера «Брутъ», раскрытую на словахъ Брута:

«Rome est libre: il suffit,
«Rendons grâce aux dieux» *)

Въ страшномъ гнѣвѣ Павелъ призвалъ сына къ себѣ и показывая на указъ Петра Великаго о несчастномъ царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ, спросилъ Александра: «знаетъ ли онъ исторію этого царевича?»

Задыхаясь въ атмосферѣ подозрительности и мрачнаго деспотизма, чувствуя полное безсиліе сдѣлать хоть что-либо для смягченія сгустившагося надъ Россіей тяжелаго гнета, Александръ ухватился за мысль заняться въ ожиданіи лучшихъ дней распространеніемъ въ обществѣ переводовъ полезныхъ иностранныхъ сочиненій, которыя могли бы приготовить умы къ воспріятію въ будущемъ политической свободы. Онъ съ увлеченіемъ излагалъ эту мечту Лагарпу въ письмѣ, въ которомъ онъ излилъ любимому наставнику свою душу. «Насъ только четверо — писалъ Александръ: — Новосильцевъ, гр. Строгановъ, молодой кн. Черторижскій и я. Мы намѣреваемся въ теченіе нынѣшняго царствованія перевести на русскій языкъ столько полезныхъ книгъ, какъ это только окажется возможнымъ, но предпріятіе наше не можетъ подвигаться впередъ такъ быстро, какъ было бы желательно; всего труднѣе подыскать людей способныхъ исполнить эти переводы». Люди были, но ихъ трудно было находить въ глубокихъ потемкахъ тогдашняго безвременья, когда замерла и останови-

*) Шильдеръ. Исторія имп. Александра I, т. II, стр. 214.

лась всякая сколько-нибудь правильная общественная жизнь. Однако, случайно и ощупью однородные общественные элементы естественно притягивались другъ къ другу, какъ бы ни раздѣляли ихъ внѣшнія преграды. Такъ набрели другъ на друга и кружокъ Пнина съ кружкомъ Александра. Случилось это слѣдующимъ образомъ. Близкій другъ Пнина, Бестужевъ,—отецъ извѣстныхъ декабристовъ Бестужевыхъ — написалъ сочиненіе: «Опытъ военнаго воспитанія» и поднесъ его вел. князю Александру Павловичу. Великій князь попросилъ автора помѣстить эту статью въ какомъ нибудь періодическомъ изданіи. Тогда-то у Пнина и блеснула мысль объ основаніи собственнаго органа. Въ 1798 г. началъ выходить его журналъ подъ названіемъ «Петербургскій журналъ», просуществовавшій ровно годъ. Есть извѣстія, что интимные друзья Александра — Новосильцевъ, Чарторижскій, Строгановъ поддерживали сношенія съ редакціей этого журнала, помѣщая тамъ свои переводы изъ иностранныхъ ученыхъ сочиненій. И дѣйствительно мы встрѣчаемъ тамъ анонимные переводы изъ Монтескье, изъ разсужденій о государственномъ хозяйствѣ Пьера Верри и т. п. Такъ, журналъ Пнина явился связующимъ звеномъ для разрозненныхъ либеральныхъ кружковъ, группировавшихся тогда то около опальнаго писателя, только что возвращеннаго изъ Сибири, то около наслѣдника престола, мечтавшаго осчастливить Россію либеральными учрежденіями. Рѣшеніе заняться изданіемъ журнала было со стороны Пнина по истинѣ актомъ гражданскаго мужества. Не забудемъ, что то былъ годъ разгара Павловскаго режима. Представьте себѣ роль редактора либеральнаго органа въ томъ самомъ городѣ, гдѣ въ девять часовъ вечера обязательно тушились всѣ огни, улицы заграждались цѣпями и рогатками и не позволялось выходить изъ дому никому кромѣ священниковъ съ запасными дарами, врачей и повивальныхъ бабокъ; въ томъ городѣ, гдѣ нѣмецкій пасторъ былъ подвергнутъ 20 ударамъ кнута за устройство библіотеки для чтенія, а любой обыватель, вышедшій погулять не въ установленномъ костюмѣ, рисковалъ вернуться домой полуобнаженнымъ послѣ полицейской встряски: императоръ вдругъ запретилъ ношеніе круглыхъ шляпъ, фраковъ и жилетовъ, усмотрѣвъ въ этихъ принадлежностяхъ костюма порожденіе якобинскаго духа, и вотъ — разсказы-

ваетъ очевидецъ — «съ утра 200 полицейскихъ солдатъ, раздѣленныхъ на три или четыре партіи, бѣгали по улицамъ, срывали съ проходящихъ шляпы, и истребляли ихъ до основанія, у фраковъ отрѣзывали фалды, а жилеты рвали кусками. Къ 12 часамъ кампанія была побѣдоносно кончена и тысяча жителей Петрополя брели въ дома ихъ жительства съ непокровенными головами и въ раздранномъ одѣяніи» *). Представьте себѣ положеніе редактора либеральнаго органа въ тѣ дни, когда, по словамъ Карамзина, «цензура, какъ черный медвѣдь, стала на дорогѣ» и когда цензурный запретъ распространялся не только на понятія, но и на отдѣльныя слова безъ всякаго отношенія къ тексту. Въ 1797 г. вышелъ указъ **), коимъ предписывалось нѣкоторыя слова не употреблять и замѣнять ихъ другими, напр., слово *врачъ* повелѣвалось замѣнить словомъ *лѣкарь*, вмѣсто *пособіе* предписывалось говорить *помощь*, вмѣсто *стража* — *караулъ*, слово *граждане* замѣнялось словомъ *обыватели*, *отечество* замѣнялось *государствомъ*. Слово *общество* совсѣмъ запрещалось употреблять безъ всякой замѣны. До насъ дошелъ рядъ запретительныхъ резолюцій цензурнаго управленія временъ Павла. Стоитъ пробѣжать эти резолюціи, чтобы вполнѣ представить себѣ, что значило заниматься литературой въ это знаменательное время. Цензурный шлагбаумъ опускался не только передъ чисто-политическими вопросами. Представлена была въ цензуру комедія Коцебу «Дитя любви». Цензура задержала комедію, положивъ резолюцію: «что токмо дѣти незаконнорожденные суть дѣти любви, сіе несправедливо и неблагопристойно». Нѣкіе «англійскіе листки» встрѣтили цензурныя препятствія опять-таки ради охраненія нравственности и хорошаго тона. «Авторъ — гласила резолюція — обижаетъ женщинъ, называя *знатную* даму кокеткой, подобно дѣвкѣ въ кухнѣ». Но галантная готовность защищать знатныхъ дамъ не помѣшала цензурѣ запретить книжку «Объ улучшеніи гражданскаго быта женщинъ» въ виду утвержденія автора, что «женщинамъ должно давать одинаковыя права съ мужчинами». Уже одна принадлежность сочиненія женскому перу настораживала цензуру и предрѣшала книжкѣ

*) Записки А. М. Тургенева. Русская Старина, 1885 г. т. 47.

**) Русская Старина 1871 г. № 2.

цензурное крушеніе. Такъ, въ цензуру представленъ былъ между прочимъ «Романъ въ письмахъ», сочиненный дѣвицей Демидовой въ Калугѣ. Цензура нашла, что «сочиненіе сіе не заслуживало бы особаго вниманія, если бы въ немъ не былъ примѣтенъ духъ нѣкоей философіи, несообразной съ государственными правилами, добрыми нравами и любовью къ отечеству.» Романъ постановлено было возвратить автору съ изъясненіемъ, что, «если авторъ подлинно есть дѣвица, то занималась она дѣлами, совсѣмъ ея не касающимися.» Не трудно себѣ представить, что всякій хотя бы отдаленный намекъ на дѣятельность должностныхъ лицъ убивалъ книгу наповалъ. Одна книга была признана недозволительной за то, что въ ней встрѣтилась фраза: «полицеймейстеръ, *не смотря на свой чинъ,* вѣрилъ добродѣтели». Сіе — замѣчалъ цензоръ — основано на мысли, что полиціймейстеры добродѣтели не вѣрятъ». — Не говоря уже о русскихъ полицеймейстерахъ, запретъ распространялся на всякіе неодобрительные отзывы объ иноземныхъ правителяхъ всѣхъ временъ и народовъ. Книжка «Странствованіе по Нидерландамъ» была запрещена за насмѣшливое упоминаніе о Карлѣ V. Въ нѣкоей книжкѣ «Часы досуга» цензура усмотрѣла неблагонадежность по слѣдующему поводу: «говорится, что гишпанскій король и королева назначили игрище битвы быковъ, а затѣмъ сіе игрище называется подлымъ и безчеловѣчнымъ. Сіе не инако, какъ до двора королевскаго относится».

Но самымъ страшнымъ въ глазахъ Павловской цензуры были тѣ мѣста въ книгахъ, гдѣ авторъ хотя бы косвенно и случайно касался великой французской революціи. Одна книга была запрещена за то, что въ ней было между прочимъ сказано, что во Франціи съѣстные припасы стали дешевле, нежели были до революціи. По мнѣнію цензора, печатать этого не надлежало, такъ какъ сіе замѣчаніе относится къ чести революціи. Императоръ Павелъ предписалъ запретить всѣ книги, время изданія которыхъ помѣчено какимъ-нибудь годомъ французской республики, безъ отношенія къ содержанію книгъ, хотя бы то были математическіе задачники или поваренныя книги *).

---

*) Рѣпинскій: «Цензура въ Россіи при имп. Павлѣ», Русская Старина, 1875 г. Ноябрь.

При такихъ условіяхъ проще было бы совсѣмъ запретить ввозъ книгъ изъ-заграницы и печатаніе ихъ у себя дома. Павелъ такъ и сдѣлалъ. Въ 1800 г. предписано было прекратить впускъ изъ-заграницы всякаго рода книгъ на какомъ бы языкѣ онѣ ни были, безъ изъятія, равномѣрно и музыку. Наконецъ, вышелъ указъ о томъ, чтобы всѣ типографіи запечатать и въ нихъ ничего не печатать.

Такова была съ каждымъ годомъ все болѣе сгущавшаяся атмосфера цензурнаго гнета, среди которой Пнинъ смѣло взялся за перо журналиста. Его журналъ выходилъ цѣлый годъ и, какъ сейчасъ увидимъ, далеко не былъ лишенъ общественнаго значенія. Не поступаясь своими убѣжденіями, Пнинъ умѣлъ проводить сквозь игольное ушко Павловской цензуры мысли, привлекавшія вниманіе и наводившія на размышленіе. Уже одно это отводитъ Пнину почетное мѣсто въ исторіи нашего общественнаго развитія. Конечно, Пнину приходилось окутывать боевое остріе своихъ журнальныхъ вылазокъ мягкой ваткой общихъ отвлеченныхъ разсужденій и иносказательныхъ оборотовъ. Въ «Петербургскомъ журналѣ» не мало страницъ отводилось нравоучительной или сентиментальной реторикѣ, въ которой азбучныя истины прописной морали чередовались съ идиллическими картинами счастья любящихъ сердецъ или довольства простодушныхъ поселянъ. Но опытный журналистъ не забывалъ впустить въ этотъ сладкій сиропъ чувствительной морали нѣсколько ѣдкихъ капель сатирическаго обличенія. Среди прекраснодушныхъ періодовъ вдругъ сверкала суровая фраза, мѣтившая въ больное мѣсто современности. Нѣкоторыя статьи цѣликомъ посвящались обсужденію серьезныхъ общественныхъ вопросовъ. Таковы были, наприм., статьи о воспитаніи, въ которыхъ находимъ горячую защиту необходимости уравненія женскаго и мужского образованія.

Чисто-политическія темы также не обходились журналомъ, при чемъ широко были использованы два пріема, столь хорошо вообще знакомые русской литературѣ: вопросы политической современности обсуждались въ формѣ общихъ отвлеченныхъ разсужденій или выдвигалось конкретное изложеніе, но при помощи словеснаго маскарада мѣсто дѣйствія уносилось за тридевять земель отъ Россіи, въ экзотическую обстановку востока.

Политическіе намеки были разсыпаемы по всѣмъ отдѣламъ журнала. Въ отдѣлѣ изящной словесности читатель встрѣчалъ, напр., статью «Алпійскія горы». На нѣсколькихъ страницахъ тянулось приторное описаніе того, какъ благоденствуютъ алпійскіе пастушки на лонѣ горной природы, «покорные простымъ законамъ естества». И вдругъ тонъ статьи измѣнялся. Картинѣ блаженства сыновъ природы противополагалась картина нравственнаго разложенія въ «гордыхъ градахъ», и вопросъ тотчасъ же переставлялся на политическую почву. Тамъ, въ горахъ счастье людей обезпечено потому, что «кроткое владычество любви не ограничивается суровою властью», здѣсь въ «гордыхъ градахъ» счастья быть не можетъ, потому что «жестокій тиранъ наругается жизнью рабовъ своихъ, и порфира его обагрена еще дымящеюся кровью гражданъ *). Такая картина была уже слишкомъ схематична и напыщенна, чтобы будить вниманіе къ окружающимъ условіямъ. Но среди политическихъ разсужденій журнала встрѣчались и болѣе отчетливыя указанія на прямыя особенности именно Павловскаго режима съ его безцѣльной ломкой привычныхъ для общества порядковъ, съ его ослѣпленнымъ стремленіемъ разрушить и принизить все, сдѣланное въ предшествующее царствованіе. И развѣ это былъ не тонкій намекъ на современность, когда въ разгаръ капризныхъ порывовъ самовластья Павла журналъ Пнина—въ формѣ комментарія на «Духъ законовъ»—доказывалъ, что законодатель долженъ сообразоваться съ естественными законами страны, а не ломать все по произволу. «Что подумали бы о законодателѣ — говорилось въ этой статьѣ, — который захотѣлъ бы завести въ Занзибарѣ хрустальные заводы или корабельную верфь на ледяныхъ поляхъ Лапландіи?» **) Въ статьѣ о воспитаніи повторялась та же мысль: перемѣны въ законахъ должны быть вызываемы потребностями въ усовершенствованіи законодательства, а не желаніемъ уничтожить или унизить законы для установленія безпредѣльной власти или, во что бы то ни стало, опорочить величіе предшествующаго царствованія ***). Это писалось, какъ разъ тогда, когда Павелъ

---

*) С.-Петербургскій журналъ. 1798 г., ч. I, стр. 15, 39.

**) Ibid, стр. 111.

***) Ibid, стр. 158.

почеркомъ пера уничтожалъ важнѣйшіе законодательные акты Екатерининскаго царствованія, а Аракчеевъ на торжественныхъ парадахъ громко называлъ побѣдоносныя знамена марширировавшихъ полковъ «Екатерининскими юбками» *). — Разумѣется всѣ такіе пикантные намеки тщательно были упрятаны въ длинныя общія разсужденія на такія темы, какъ вліяніе климата на жизнь народа или свойства добраго воспитанія.

Журналъ не ограничивался нападками на современность. Ему удавалось намекать и на свои положительные политическіе идеалы. Въ тѣхъ же комментаріяхъ на «Духъ законовъ» журналъ доказывалъ, что въ странахъ съ «нашимъ» умѣреннымъ климатомъ нѣтъ надобности въ крутыхъ мѣрахъ правительства, что здѣсь для сообщенія народу правильной дѣятельности довольно одного «преимущества свободы **). Эта свобода, по мнѣнію журнала должна состоять въ свободномъ выраженіи мыслей, въ свободномъ распространеніи просвѣщенія, въ свободномъ участіи народа въ дѣлахъ управленія. Эти идеи журналъ нашелъ возможнымъ выразить въ формѣ разговора восточнаго калифа съ своимъ визиремъ. «Думаете ли вы, — спрашивалъ визирь калифа — что вамъ просвѣщенные народы будутъ лучше повиноваться?» «Да, отвѣчалъ либеральный калифъ, потому что народъ мой будетъ тогда лучше судить о справедливости моихъ законовъ». «Но мудрецы — продолжалъ визирь — захотятъ вмѣшиваться въ дѣла государственнаго управленія». «Тѣмъ лучше сдѣлаютъ — сказалъ калифъ — они должны свободно говорить, что думаютъ. Если бы они не говорили свободно, то поученія ихъ не были бы совершенны. Ихъ же собственныя заблужденія будутъ отвергаться другими».

Современники по достоинству оцѣнили изданіе Пнина, и, когда онъ умеръ, въ посвященныхъ его памяти некрологахъ особенно теплыя слова были сказаны именно по адресу его журнальной дѣятельности. Но «С.-Петербургскій журналъ» продержался только одинъ годъ, потому ли, что даже такую прикровенную проповѣдь либеральныхъ началъ становилось все труднѣе вести, потому ли, что самъ издатель

---

*) Шильдеръ. Исторія Александра I, т. I, стр. 142.
**) «С.-Петербургскій журналъ», ч. I, стр. 105.

не нашелъ внутренняго удовлетворенія въ публицистической работѣ, которую приходилось выполнять съ полузажатымъ ртомъ и съ вѣчной опаской за каждое слово.

Между тѣмъ мрачная пора русской жизни были уже на исходѣ. 12 марта 1801 г. Россія восторженно привѣтствовала начало новаго царствованія. Это царствованіе открылось заявленіями и поступками, въ которыхъ правительство спѣшило выразить свое довѣріе къ обществу, спѣшило доказать, что эпоха зловѣщихъ подозрѣній и преслѣдованій миновала безвозвратно. Открылись двери политическихъ темницъ. Одно за другимъ отпадали стѣсненія, наложенныя на свободу общежитія. Преобразованіе управленія было поставлено на первую очередь и лозунгомъ реформъ было избрано водвореніе законности на мѣсто прежняго произвола. Въ интимномъ комитетѣ подъ председательствомъ государя обсуждался проектъ всемилостивѣйшей грамоты русскому народу, въ которой предполагалось провозгласить свободу вѣры, мысли, слова, письма и дѣянія, не противныхъ государственнымъ законамъ, и отмѣну арестовъ безъ судебнаго обвиненія. Провозглашеніе этихъ правъ должно было составить коренной законъ Россійской Имперіи, и проектъ грамоты открывался слѣдующими словами: «Правиломъ себѣ поставляемъ признать сію истину, что не народы сдѣланы для государей, а сами государи промысломъ Божіимъ установлены для пользы и благополучія народовъ, подъ державою ихъ живущихъ, а потому узаконяемъ и обѣщаемъ императорскимъ нашимъ словомъ, за насъ и преемниковъ нашихъ, яко кореннымъ закономъ слѣдующія статьи» *).

Правда, грамота о правахъ гражданъ не увидѣла свѣта, задуманныя административныя реформы не были доведены до конца, а на свѣтлую перспективу довѣрія власти къ обществу рано начали набѣгать облачка, слившіяся затѣмъ въ зловѣщую тучу Аракчеевщины. Но все же въ достопамятный періодъ «дней Александровыхъ прекраснаго начала» свободнѣе и увѣреннѣе вздохнуло русское общество, и таившіяся въ немъ либеральныя воззрѣнія получили возможность выступить наружу открытѣе и полнѣе. — Встрепенулась литература. — Замелькали новые журналы. Потокъ ликующихъ

---

*) Шильдеръ loc. cit. T. II, стр. 76.

одъ ринулся на встрѣчу благожелательнымъ намѣреніямъ новаго правительства. Пнинъ не отсталъ отъ общаго движенія. Именно въ это время широко развертывается его литературная производительность. Онъ уже не возвращается къ дѣятельности редактора: теперь этого рода дѣятельность стала общедоступнѣе и уже не было надобности пролагать къ ней пути особыми усиліями: цѣлый рядъ вновь возникшихъ изданій заполнялъ теперь арену журналистики. Зато Пнинъ дѣлается теперь усерднымъ сотрудникомъ существующихъ журналовъ, онъ даетъ волю своему поэтическому таланту, пишетъ оды, въ которыхъ въ стихотворной формѣ излагаетъ основы своего міровоззрѣнія. Пнинъ не умѣлъ парить на высотахъ такъ называемаго чистаго искусства. Его оды — философско-политическія произведенія. Какъ поэтъ, онъ — преемникъ Радищева и предшественникъ Рылѣева. Бросивъ взглядъ на поэзію Пнина, мы познакомимся съ содержаніемъ либеральнаго міровоззрѣнія, какъ оно сложилось въ умахъ передовыхъ русскихъ людей начала XIX в.

Основнымъ пунктомъ этого міровоззрѣнія являлась идея о высокомъ значеніи самостоятельной человѣческой личности. Любопытное развитіе этой идеи дано Пнинымъ въ его одѣ «Человѣкъ». И по заглавію, и по тону, и по основной идеѣ эта ода является послѣдовательной и очевидно сознательной антитезой знаменитой одѣ Державина «Богъ». Прославляя величіе Божества, Державинъ низводитъ человѣка на степень червя и раба, который становится царемъ природы лишь по милости Божества безъ участія собственной свободной воли. Ода Державина — пѣснь о величіи Божества и уничиженіи человѣка. — Пнинъ пишетъ оду «Человѣкъ» и, вступая мѣстами въ прямую полемику съ Державинымъ, высоко поднимаетъ значеніе человѣческой личности. Благородною гордостью Прометея проникнуто это замѣчательное стихотвореніе.

Когда я встрѣчаю чистый взоръ Истины — говоритъ поэтъ — я

Другую душу получаю
И человѣка пѣть готовъ.

Итакъ, главное откровеніе Истины заключается въ возвеличеніи человѣка. Человѣкъ — лучшее созданіе природы, онъ — выше всѣхъ существъ, онъ — царь міра.

Едва ты только въ міръ явился,

обращается поэтъ къ человѣку:

И міръ мгновенно покорился,
Пріявъ тебя царемъ себѣ.

Могущество человѣка заключается въ *мысли*.

Ты царь земли, ты царь вселенной,
. . . .
Ты *мыслію* великъ своей.

Власть мысли безгранична. Природа сама по себѣ — «хаосъ вещей нестройныхъ». Мысль человѣка превращаетъ этотъ хаосъ въ порядокъ. Превращеніе мрачныхъ пустырей въ воздѣланныя поля, водвореніе дружества и любви тамъ, гдѣ царили разрушеніе и гибель, — все это твореніе человѣческой мысли.

Далѣе слѣдуетъ полемическій выпадъ противъ Державина, сказавшаго про человѣка: «я царь, — я рабъ, я червь — я Богъ».

Какой умъ слабый, униженный
Тебѣ дать имя *червя* смѣлъ?
То— рабъ несчастный, заключенный,
Который чувствій не имѣлъ:
Въ оковахъ тяжкихъ пресмыкаясь
И съ червемъ подлинно равняясь,
Давимый сильною рукой,
Съ начала въ горести признался,
Потомъ въ сихъ мысляхъ и остался,
Что человѣкъ—лишь червь земной.
Прочь мысль презрѣнная! Ты сродна
Душамъ преподлыхъ лишь рабовъ,
У коихъ вѣкъ мысль благородна
Не озаряла мракъ умовъ.

Человѣкъ и *рабъ* не одно и то же. Цѣлая бездна раздѣляетъ эти два понятія:

Одинъ, какъ солнце въ небѣ ясномъ,
Другой такъ мраченъ, какъ земля.

Человѣкъ — самъ творецъ своей судьбы. Рабъ можетъ мириться съ своимъ положеніемъ только до тѣхъ поръ, пока онъ не подозрѣваетъ, что онъ самъ виновникъ своего рабства. И если бы онъ узналъ это, онъ

Сорвалъ бы цѣпи, что надѣлъ.

И Пнинъ слагаетъ далѣе горячій гимнъ Зиждителю-Человѣку. Опять приводятся примѣры власти человѣка надъ при-

родными стихіями, и затѣмъ человѣкъ прославляется, какъ создатель наукъ и искусствъ. Ода заключается вопросомъ:

Скажи мнѣ, наконецъ, какою
Ты силой свыше вдохновленъ?
Скажи! И ты въ отвѣтъ вѣщаешь...

Но что вѣщаетъ человѣкъ,—къ сожалѣнію остается неизвѣстнымъ, такъ какъ далѣе слѣдуетъ четыре ряда цензурныхъ точекъ. Впрочемъ, общій смыслъ отвѣта можно угадать по заключительной строфѣ оды: чрезъ собственный трудъ, чрезъ собственную опытность улучшаетъ человѣкъ свою судьбу.

Ты на землѣ, что въ небѣ—Богъ *)!

Есть у Пнина и другая ода подъ названіемъ «Богъ». Авторъ развиваетъ здѣсь въ поэтической формѣ извѣстное доказательство бытія Божія изъ цѣлесообразнаго устройства міра. И затѣмъ опять подчеркиваетъ свою основную мысль о томъ, что существованіе Бога не исключаетъ самостоятельности человѣческой воли. Если человѣчество бѣдствуетъ и страдаетъ, ему нечего винить въ этомъ Творца. Въ себѣ самомъ долженъ обрѣсти человѣкъ источникъ обновленія своей жизни. Лишь подъ щитомъ своего разума можетъ онъ открыть и истребить корень своихъ бѣдствій. Сущность человѣческаго достоинства состоитъ въ свободѣ личности. Рабство есть искаженіе человѣческой природы. Человѣкъ и свободное разумное существо, это — синонимы на языкѣ нашего поэта.

Практическимъ выводомъ изъ этой философіи является призывъ человѣка на борьбу за свои права. Человѣкъ не долженъ мириться съ земной неволей въ надеждѣ на небесныя блага. И самъ Пнинъ идетъ на такую борьбу. Онъ пользуется перомъ, какъ орудіемъ для преслѣдованія всего, что давитъ и тѣснитъ свободу человѣческой личности. Онъ не ограничивается однимъ метафизическимъ признаніемъ этой свободы. Онъ требуетъ ея реализаціи въ конкретныхъ условіяхъ человѣческаго общежитія. И въ стихахъ и въ прозѣ онъ бичуетъ уродливости общественнаго порядка, которыя отдаютъ человѣка на жертву произволу, въ какихъ бы формахъ послѣдній ни проявлялся. Ближайшими конкретными темами, которыя онъ при этомъ затрогиваетъ, являются — устраненіе гражданъ отъ участія въ управленіи, цензурный гнетъ надъ пе-

*) Журналъ росс. словесности, 1805 г., ч. I, стр. 38—45.

чатнымъ словомъ, наконецъ, — рабство народа, отравлявшее всю общественную атмосферу тогдашней Россіи.

Мы видѣли, что даже въ мрачное время Павла Пнинъ находилъ возможнымъ затрагивать въ своемъ журналѣ вопросъ объ участіи народныхъ представителей въ дѣлахъ управленія. Тѣмъ настойчивѣе и свободнѣе можно было говорить объ этомъ теперь, когда самъ царь увлекался конституціонными проектами. Въ баснѣ *«Царь и придворный»*, помѣщенной Пнинымъ въ журналѣ его друга Брусилова, *) политическій идеалъ Пнина былъ выраженъ, хотя и въ видѣ притчи, но съ ясностью, не оставляющей жел · бо́льшаго. Царь съ своимъ придворнымъ любуются въ Египтѣ пирамидой. Придворный восхищается блескомъ того камня, который вѣнчаетъ пирамиду. «Смотри, государь, — говоритъ онъ — какъ блеститъ этотъ камень, покрывающій собою всѣ прочіе камни, которые сдѣланы только для него одного. Не вѣрно-ль, государь, сіе изображаетъ народъ твой и тебя? Не тѣ ли межъ тобой и имъ суть отношенья?» Царь отвѣчаетъ:

Тотъ камень, что свой блескъ бросаетъ съ высоты,
Разбился-бъ въ прахъ,—частей его не отыскали,
Когда-бъ минутку хоть одну
Поддерживать его другіе перестали.

Писатель, испытавшій на собственномъ журнальномъ предпріятіи тиски Павловской цензуры, не могъ не отвести свободѣ слова одно изъ первыхъ мѣстъ въ программѣ своихъ либеральныхъ требованій. И Пнинъ выполнилъ защиту этого принципа въ такой остроумной формѣ, что здѣсь стоитъ привести хотя бы въ отрывкахъ его подлинныя слова. Въ томъ же Брусиловскомъ журналѣ **) помѣщенъ былъ написанный Пнинымъ діалогъ подъ видомъ перевода изъ старинной манджурской рукописи подъ заглавіемъ: *«Сочинитель и цензоръ»*.

Сочинитель: — Я имѣю, государь мой, сочиненіе, которое желаю напечатать.

Цензоръ. — Его должно напередъ разсмотрѣть. А подъ какимъ оно названіемъ?

Сочинитель. — Истина, государь мой.

---

*) Журналъ россійской словесности 1805 г., ч. II, стр. 152—153.

**) Ibid. ч. III, стр. 161—168.

Цензоръ. — Истина?! О ее должно разсмотрѣть и строго разсмотрѣть.

Сочинитель. — Вы, мнѣ кажется, излишній на себя берете трудъ. Разсматривать истину? Что это значитъ? Я вамъ скажу, что она не моя и что она существуетъ уже нѣсколько тысячъ лѣтъ... Смертные, любите другъ друга, не обижайте другъ друга, будьте справедливы другъ къ другу... вотъ содержаніе моего сочиненія.

Цензоръ. — Не отнимайте ничего другъ у друга! Будьте справедливы другъ къ другу! Государь мой, сочиненіе ваше непремѣнно разсмотрѣть должно. Покажите мнѣ его скорѣе.

Цензоръ, начавъ читать рукопись, отмѣчаетъ мѣсто, которое не соглашается пропустить. Сочинитель спрашиваетъ о причинѣ запрета.

Цензоръ. — Для того, что я не дозволяю и слѣдовательно это не дозволительно.

Сочинитель. — Да развѣ вы больше г. цензоръ, имѣете право не позволять печатать мою Истину, чѣмъ я предлагать оную?

Цензоръ. — Конечно, потому что я отвѣчаю за нее.

Сочинитель. — Какъ? Вы должны отвѣчать за мою книгу? А развѣ я самъ не могу отвѣчать за мою Истину?

Цензоръ. — Но вы можете заблуждаться.

Сочинитель. — А вы, г. цензоръ, не можете заблуждаться?

Цензоръ. — Нѣтъ, ибо я знаю, что должно и чего не должно позволить.

Сочинитель говоритъ далѣе, что сокращать истину нельзя, это значило бы обезобразить ее.

Цензоръ. — Не всякая истина можетъ быть напечатана.

Сочинитель говоритъ о своихъ трудахъ при начертаніи истины, о томъ, что онъ не щадилъ для этого здоровья, просиживая за работой дни и ночи, и считаетъ книгу своей собственностью. Онъ замѣчаетъ, что цензоръ выражается слишкомъ непозволительно.

Цензоръ. — (Гордо). Я говорю съ вами, какъ цензоръ съ сочинителемъ.

Сочинитель. — (Съ благороднымъ чувствомъ). А я говорю съ вами, какъ гражданинъ съ гражданиномъ.

Цензоръ восклицаетъ — «какая дерзость!» а сочинитель заявляетъ, что послѣ всего этого разговора онъ уже потерялъ

охоту печатать свое произведеніе. «Знайте, однакожъ — заканчиваетъ онъ — что Истина моя пребудетъ неизмѣнно въ сердцѣ моемъ, исполненномъ любви къ человѣчеству и которое не имѣетъ нужды ни въ какихъ свидѣтельствахъ, кромѣ *собственной моей* совѣсти».

Вопросъ о *крѣпостномъ правѣ* Пнинъ разсматриваетъ въ особой книгѣ, въ которой онъ вообще представилъ систематическое изложеніе своихъ политическихъ воззрѣній, и которая собрала надъ его головой цензурную грозу, ускорившую его кончину. Я говорю о книжкѣ Пнина: «Опытъ о просвѣщеніи относительно къ Россіи». Разсмотрѣніемъ этой книжки я и позволю себѣ закончить характеристику литературной дѣятельности Пнина.

Съ первыхъ же страницъ этой книги авторъ ярко подчеркиваетъ, что для него вопросъ о народномъ просвѣщеніи есть вопросъ соціально-политическій. Просвѣщеніе народа есть необходимый фундаментъ государственнаго благоустройства. *Повелѣвать* можно и непросвѣщеннымъ народомъ, ибо повелѣвать значитъ осуществлять самодержавную волю въ зависимости отъ расположенія духа властвующей особы. Но *управлять* народомъ нельзя, не заботясь о его просвѣщеніи, ибо *управлять* значитъ «пещись о народѣ, наблюдать правосудіе, сохранять законы, поощрять трудолюбіе... созидать общее благо». — «Домиціаны и Калигулы *повелѣвали* Римомъ, но Ликурги и Солоны *управляли* Спартою и Аѳинами *). И задачи управленія могутъ быть достигаемы съ надлежащимъ успѣхомъ только среди просвѣщеннаго народа. Уровень просвѣщенія въ странѣ — говоритъ Пнинъ — измѣряется не количествомъ сочинителей, не развитіемъ литературы, но степенью политической зрѣлости народа. Когда каждый членъ общества отчетливо сознаетъ и исполняетъ свои общественныя обязанности, а правительство свято соблюдаетъ границы своей власти, уважая права народа, — тогда можно сказать, что просвѣщеніе достигло своей цѣли **).

Но если высота политическаго развитія есть единственно вѣрный признакъ просвѣщенности страны, то и наоборотъ: для успѣшнаго распространенія просвѣщенія требуются нѣ-

---

*) Опытъ о просвѣщеніи М. 1804 г., стр. 7—8.
**) Ibid. стр. 16—17.

которыя элементарныя условія упорядоченной общественности. Въ качествѣ правовѣрнаго либерала Пнинъ считаетъ такими основными элементами политическаго правопорядка неприкосновенность собственности и личную безопасность гражданина *). Это и даетъ ему поводъ обрушиться со всей силой своего краснорѣчія на крѣпостное право, какъ на такой органическій порокъ русскаго политическаго быта, который отравляетъ и душитъ всякіе зародыши политическаго прогресса. Тамъ, гдѣ многомилліонная масса низведена на положеніе скотовъ, лишена собственности и самыхъ простыхъ гарантій неприкосновенности личнаго достоинства, тамъ — говоритъ Пнинъ — *«общественное зданіе не имѣетъ* надлежащаго основанія, тамъ все покрыто неизвѣстностью, все зависитъ единственно отъ случая. Одно мгновеніе — и общественнаго зданія не станетъ. Одно мгновеніе — и развалины онаго возвѣстятъ о бѣдствіяхъ народныхъ» **).

Пнинъ горячо возстаетъ противъ извѣстнаго афоризма, за который такъ любили укрываться крѣпостники, — что прежде нужно просвѣтить души рабовъ, а потомъ уже даровать имъ свободу. Нѣтъ, говоритъ онъ, только тогда будетъ открытъ рабамъ путь къ истинному просвѣщенію, когда они будутъ укрыты подъ щитомъ законовъ отъ рабовладѣльческаго произвола ***).

Итакъ, свобода личности должна лежать, по мнѣнію Пнина, въ основѣ и политическаго и соціальнаго устройства. Это — высшій законъ человѣческаго общежитія, которому должны подчиняться рѣшенія всѣхъ частныхъ вопросовъ. Признаніе правъ свободной личности безъ различія сословій, національностей и какихъ бы то ни было другихъ перегородокъ и требованіе воплощенія этого принципа въ правомѣрномъ государственномъ порядкѣ, — такова сущность политическаго катехизиса Пнина, который являлся въ этомъ случаѣ ученикомъ и послѣдователемъ Радищева.

Пнинъ писалъ свою книгу, побуждаемый, подобно Радищеву, чувствомъ безкорыстнаго патріотизма. Онъ имѣлъ основаніе думать, что его взгляды раздѣляются государемъ, ко-

---

*) Ibid, стр. 41.
**) Ibid, стр. 43.
***) Ibid, стр. 52—53.

торый нѣкогда наслѣдникомъ престола участвовалъ въ его журналѣ и, взойдя на тронъ, торжественно объявилъ войну рабству и произволу. Но Пнину пришлось убѣдиться на себѣ самомъ въ томъ, что слова, вложенныя имъ въ уста манджурскаго цензора, какъ нельзя болѣе примѣнимы къ Россіи: «не всякая истина можетъ быть напечатана». Первое изданіе его книги увидѣло свѣтъ съ дозволенія петербургскаго губернатора и было расхватано публикой до одного экземпляра съ необычайной быстротой. Вѣроятно, этотъ успѣхъ книги въ публикѣ и обратилъ на себя вниманіе цензуры. Авторъ сдѣлалъ попытку выпустить второе изданіе, и тутъ карающій мечъ цензуры опустился надъ его произведеніемъ. Чрезвычайно характерны были тѣ мотивы, на которыхъ былъ обоснованъ запретъ. Въ вину автору было поставлено *краснорѣчивое изображеніе страданій крѣпостного крестьянства, соединенное съ требованіемъ отмѣны крѣпостного права.* «Авторъ — сказано было въ цензурномъ отзывѣ — съ жаромъ и энтузіазмомъ жалуется на злосчастное состояніе русскихъ крестьянъ, коихъ собственность, свобода и самая жизнь, по мнѣнію его, находятся въ рукахъ какого-нибудь капризнаго паши.... Хотя бы то и справедливо было, что русскіе крестьяне не имѣютъ собственности, ни гражданской свободы, однако зло сіе есть зло, вѣками укоренившееся и требуетъ осторожнаго и повременнаго исправленія... Если бы сочинитель нашелъ или думалъ найти какое-нибудь средство, дабы достигнуть скорѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ безопаснѣе предполагаемой имъ цѣли, т.-е. къ истребленію рабства въ Россіи, то приличнѣе бы было предложить оное правительству. Расгорячать умы, воспалять страсти въ сердцахъ такого класса людей, каковы наши крестьяне, значитъ въ самомъ дѣлѣ собирать надъ Россіей черную губительную тучу» *). Такъ писало цензурное вѣдомство. Можно было бы возразить, конечно, на эту тираду, что крѣпостные крестьяне врядъ ли взволнуются книгой, которую они ни въ коемъ случаѣ не прочтутъ, но это была мелочь, простой редакціонный промахъ при составленіи отзыва и не въ немъ было дѣло. Дѣло было въ томъ, что уста честнаго и патріотически настроеннаго публициста по прежнему оказывались запечатанными, и неза-

*) Сухомлиновъ «Изслѣдованія и статьи», т. I, стр. 432—433.

висимая мысль по прежнему должна была искать потайныхъ путей для своего выраженія. Прекрасныя мечты объ обновленіи литературы и общественной жизни разлетались, какъ дымъ, и не утрачивался ли въ этомъ случаѣ для такого человѣка, какъ Пнинъ, самый смыслъ существованія?

Книга Пнина была конфискована и истреблена. Жаръ и энтузіазмъ были признаны недозволительными для писателя.

Пнинъ уже не могъ оправиться отъ этого удара. Разные литературные планы роились передъ этимъ въ его мысляхъ. Онъ собирался издавать журналъ «Народный вѣстникъ», предполагалъ собрать всѣ свои стихотворенія подъ заглавіемъ: «Моя лира». Все пошло прахомъ. Разыгравшаяся чахотка быстро сдѣлала свое дѣло. Къ литературному горю прибавились тяжелыя семейныя непріятности съ кн. Репнинымъ, который не любилъ своего побочнаго сына, и черезъ годъ Пнина не стало. Такъ безвременно оборвалась жизнь человѣка, въ произведеніяхъ котораго нашли выраженіе принципы русскаго либерализма второй, такъ сказать, Радищевской формаціи. Съ рѣдкой настойчивостью исповѣдывалъ онъ свои убѣжденія, не обращая вниманія на смѣну политической атмосферы: и среди зловѣщихъ тумановъ Павловской реакціи и подъ яснымъ солнцемъ «дней Александровыхъ прекраснаго начала» онъ былъ одинъ и тотъ же—прямой и смѣлый боецъ за свободу человѣческой личности. Онъ палъ въ почетномъ бою, какъ одна изъ первыхъ жертвъ тѣхъ странныхъ непослѣдовательностей Александровскаго режима, которыя предвѣщали «прекрасному началу» этого царствованія такое печальное окончаніе.

ШКОЛА И ПРОСВѢЩЕНІЕ.

Школьные вопросы нашего времени въ документахъ XVIII вѣка.

Исторія распространенія русскаго просвѣщенія въ теченіе всего дореформеннаго періода, со временъ Владиміра и Ярослава и чуть ли не до самыхъ освободительныхъ преобразованій позапрошлаго царствованія, обыкновенно укладывается въ весьма несложную и всѣмъ намъ довольно привычную схему: съ одной стороны—принудительныя мѣропріятія правительства по насажденію офиціальной школы, съ другой стороны — усиленныя попытки общества избѣжать этой школьной тяготы, встрѣчаемой населеніемъ то какъ непонятное и ненужное новшество, то какъ одинъ изъ обременительныхъ видовъ государственнаго тягла. Съ теченіемъ времени офиціальная школа нѣсколько разъ рѣзко мѣняетъ свою физіономію въ зависимости отъ измѣненій той роли, какая ей отводится въ общемъ механизмѣ государственныхъ учрежденій: московская академія—разсадникъ схоластики и инквизиціонная цитадель для обороны государства отъ еретическихъ лжеученій—смѣняется Петровской лабораторіей для искусственнаго разведенія техниковъ и офицеровъ. За ней является Екатерининская оранжерейная теплица для выращиванія нѣжныхъ зародышей новой людской породы,—и среди всѣхъ этихъ революціонныхъ переворотовъ въ строѣ правительственной школы, общество съ неизмѣнной устойчивостью хранитъ свою традиціонную школобоязнь; въ XVIII вѣкѣ, такъ же какъ и во времена Ярослава, родители со слезами разстаются съ дѣтьми у школьнаго порога, а дѣти спѣшатъ при первой возможности вернуть себѣ тайнымъ побѣгомъ внѣшкольную свободу. Изложенная схема оправдывается фактами. Попытка проф. Соболевскаго доказать широкій разливъ школьнаго образованія въ обществѣ древней

Руси *) потерпѣла полное фіаско. Масса туго и медлительно воспринимала шедшія сверху образовательныя начинанія. Пробужденіе общественной иниціативы въ сферѣ образованія — фактъ позднѣйшаго времени. Правда, чѣмъ позднѣе эта иниціатива появилась, тѣмъ интенсивнѣе она проявилась и не достигаетъ ли ея развитіе на нашихъ глазахъ все большей и большей напряженности? Не то было въ дореформенный періодъ, позади преобразовательной эпохи 60-хъ годовъ.

Указанной чертой въ исторіи нашего дореформеннаго просвѣщенія объясняется господствующій тонъ тѣхъ изслѣдованій, которыя посвящены судьбамъ дореформенной школы. Ростъ образовательныхъ идеаловъ изучается въ нихъ обыкновенно лишь по официальнымъ и официознымъ проектамъ и планамъ и по законодательнымъ опытамъ въ области просвѣщенія; историкъ отрывается отъ этихъ официальныхъ матеріаловъ и переноситъ свое вниманіе на само общество лишь для того, чтобы выяснить, насколько это общество оказалось способнымъ воспринять продиктованныя ему сверху начала обученія. Однако, какъ ни естествененъ этотъ пріемъ на первый взглядъ, все же въ немъ можетъ таиться немаловажная методологическая опасность. Онъ можетъ привести изслѣдователей къ игнорированію и тѣхъ— пока, допустимъ, немногочисленныхъ—данныхъ, въ которыхъ роль общества и его представителей въ сферѣ дореформеннаго просвѣщенія является въ иной окраскѣ. Пусть говорятъ, что эти данныя — не болѣе, какъ единичныя исключенія и что изслѣдователь обязанъ предпочитать явленія типичныя явленіямъ исключительнымъ. Все же и исключительныя явленія требуютъ научнаго объясненія. И кто знаетъ, быть можетъ, болѣе пристальное изученіе ихъ покажетъ, что они далеко не такъ исключительны, какъ это представляется въ настоящее время. Быть можетъ, при свѣтѣ ихъ изученія придется заключить, что и равнодушіе общества къ дѣятельности официальной школы старой Россіи не всегда и не всецѣло объяснялось отсутствіемъ у населенія какого бы то ни было позыва къ знанію и образованію, отсутствіемъ какихъ бы то ни было образовательныхъ идеаловъ. Быть можетъ, причина этого равнодушія къ официальной школѣ вскроется, порой не въ *отсутствіи* такихъ идеаловъ, а въ ихъ *своеобразіи*, въ

*) Проф. Соболевскій. Образованность въ древней Руси.

ихъ несовпаденіи съ взглядами, господствующими въ руководящихъ сферахъ. Прежде чѣмъ отвергнуть постановку такихъ вопросовъ, нужно еще доказать, что на нихъ нельзя дать отвѣта. Все это приводитъ къ необходимости заняться отысканіемъ и изученіемъ частныхъ, неофиціальныхъ проектовъ и плановъ, касающихся образовательнаго и учебнаго дѣла и сопоставленіемъ вскрывающихся въ нихъ идей съ руководящими принципами правительственной школьной политики. Съ этой стороны знакомство съ каждымъ новымъ памятникомъ этого рода должно представлять значительный интересъ, хотя бы такой памятникъ и показался на первый взглядъ случайнымъ и отрывочнымъ явленіемъ въ исторіи нашего образованія.

Розысканіе и изученіе старинной литературы частныхъ, неофиціальныхъ образовательныхъ проектовъ можетъ сослужить добрую службу и въ другомъ отношеніи, — не только для выясненія прошлыхъ судебъ нашей школы, но и для разработки нашихъ текущихъ нуждъ въ области народнаго просвѣщенія. Извѣстенъ обычный пріемъ людей, старающихся затормозить торжество прогрессивныхъ начинаній въ той или другой области общественной жизни. Когда не хватаетъ аргументовъ для возраженія противъ этихъ начинаній по существу, переходятъ къ нападенію на неслыханную новизну положенныхъ въ ихъ основаніе идей, настаиваютъ на томъ, что эти идеи чужды русской дѣйствительности, русскому складу ума, измышлены въ кабинетѣ, рабски заимствованы съ Запада. При всей своей шаблонности этотъ пріемъ способенъ смущать нетвердые умы. А между тѣмъ, какъ часто, стоитъ только предоставить исторіи говорить самой за себя, чтобы немедленно вскрылось самозванство ея лицемѣрныхъ приверженцевъ. Историческія справки, наведенныя безъ предвзятой мысли, покажутъ не разъ, что идеи, пугающія многихъ мнимой новизной и отвлеченностью, не были всецѣло чужды сознанію русскаго общества стараго времени и высказывались нѣкогда людьми, совершенно далекими отъ отвлеченно-кабинетной дѣятельности, людьми жизни, разсудительными и трезвыми практиками.

Нижеслѣдующія строки имѣютъ цѣлью представить конкретную иллюстрацію справедливости высказанныхъ положеній.

Время сохранило для насъ одинъ любопытнѣйшій документъ XVIII столѣтія, случайно найденный мною въ одномъ изъ нашихъ архивовъ и заслуживающій, на мой взглядъ, полнаго вниманія всѣхъ интересующихся какъ прошлыми судьбами русской школы, такъ и ея современными наболѣвшими вопросами.

Въ 1760 г. при Высочайшемъ дворѣ, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ императрицы была учреждена такъ называемая «коммиссія о коммерціи», на обязанность которой было возложено разсмотрѣть во всѣхъ отношеніяхъ положеніе русской торговли и промышленности, и намѣтить способы для ихъ дальнѣйшаго развитія. Комиссія открыла свою дѣятельность въ 1764 г. и прежде всего предложила всѣмъ посадскимъ обществамъ доставить подробныя свѣдѣнія о населенности посадовъ, о ихъ экономическомъ состояніи, а также изложить при этомъ свои нужды и желанія. Для торгово-промышленнаго класса XVIII столѣтія это была какъ бы генеральная репетиція подобнаго же опроса, произведеннаго три года спустя уже всѣмъ слоямъ населенія имперіи, кромѣ крѣпостного крестьянства, при созывѣ знаменитой коммиссіи по составленію проекта новаго государственнаго уложенія. Посады откликнулись на призывъ комиссіи о коммерціи. Въ дѣлахъ названной комиссіи сохранилось 69 донесеній отъ разныхъ посадовъ, въ которыхъ на ряду со свѣдѣніями о состояніи посадовъ изложены и различныя давно назрѣвшія desiderata посадскаго населенія*). Среди этихъ донесеній особенное вниманіе обращаетъ на себя донесеніе архангелогородскаго посада. Та часть его, которая посвящена изложенію нуждъ и желаній посадскаго общества, указанію средствъ, могущихъ послужить къ поднятію благосостоянія торгово-промышленнаго класса, обнаруживаетъ тѣсное сродство идей съ извѣстнымъ наказомъ г. Архангельска въ Комиссію 1767 г.**). Однако, донесеніе

*) Архивъ Департ. Тамож. Сборовъ. Дѣла комиссіи о коммерціи. Вязки №№ 45 и 46.

**) Съ содержаніемъ этого наказа знакомитъ г. Латкинъ. «Юридическій Вѣстникъ», 1886 г. № 11.

и наказъ — два самостоятельныя произведенія. Донесеніе, подписанное городовымъ старостой Иваномъ Дружининымъ, составлено въ видѣ небольшого трактата съ строго выдержаннымъ планомъ, очень послѣдовательно развивающимъ свои основныя положенія. Какъ и во всѣхъ прочихъ донесеніяхъ, мы находимъ здѣсь прежде всего констатированіе плачевнаго упадка коммерціи и благосостоянія посадскихъ жителей. Но въ отличіе отъ прочихъ донесеній занимающій насъ трактатъ не ограничивается указаніемъ частныхъ и временныхъ обстоятельствъ, способствующихъ такому упадку, напротивъ, онъ старается вскрыть основныя причины переживаемаго кризиса. Этихъ причинъ указывается двѣ: 1) незнаніе коммерческаго искусства, 2) скудость капиталовъ. Каждая изъ этихъ причинъ подвергается затѣмъ порознь обстоятельному разсмотрѣнію, при чемъ намѣчаются и средства къ ихъ устраненію. Мы оставимъ въ сторонѣ всю ту часть нашего документа, которая посвящена изслѣдованію второго явленія и остановимся на включенномъ въ донесеніе очеркѣ недуговъ нашего профессіональнаго образованія и на средствахъ ихъ уврачеванія.

Постоянные промахи въ веденіи коммерческихъ дѣлъ объясняются въ донесеніи отсутствіемъ профессіональныхъ знаній, необходимыхъ для коммерческой дѣятельности. «Извѣстна истина, — читаемъ въ донесеніи,—если совершенное *знаніе* намѣряемому дѣлу не предшествуетъ, то лишается оно желаемаго конца», и эта истина — сказано далѣе —какъ нельзя лучше подтверждается состояніемъ нашего купечества, упадокъ котораго прежде всего проистекаетъ изъ полнаго почти отсутствія просвѣщенныхъ купцовъ. Все разсматриваемое донесеніе — не что иное, какъ энергичная апологія образованія, какъ главнѣйшаго залога и духовнаго, и матеріальнаго благосостоянія народа. Нашъ трактатъ не доктринерское разсужденіе. Его положеніе и выводы продиктованы глубокимъ знакомствомъ съ реальными жизненными условіями. Не забудемъ объ этомъ, когда перейдемъ ко второй, конструктивной части его содержанія.

Выясняя плачевныя послѣдствія, проистекающія для коммерціи отъ невѣжества русскихъ купцовъ, донесеніе останавливается прежде всего на низкомъ состояніи грамотности среди купечества. Часто простыя орѳографическія ошибки,

допускаемыя въ коммерческой корреспонденціи, не говоря уже о двусмысленномъ и темномъ изложеніи писемъ, причиняютъ торговлѣ существенный ущербъ. Корреспонденты и приказчики, которымъ купцы письменно сообщаютъ свои распоряженія, часто превратно понимаютъ ихъ смыслъ вслѣдствіе неправильнаго написанія и «двоезнаменательнаго» изложенія и своими исполненіями вводятъ купца въ убытокъ. Не менѣе, если не болѣе вреда приноситъ коммерціи скудость ариѳметическихъ знаній. Всѣ купеческія счисленія происходятъ на «костяхъ, называемыхъ счеты», вслѣдствіе незнакомства съ ариѳметическими правилами. Между тѣмъ, при посылкѣ товаровъ на иностранные рынки, а равно и при выписываніи иноземныхъ товаровъ по иностраннымъ прейскурантамъ приходится «счислять иностранныя и притомъ разныя монеты, тамошнія мѣры и вѣсъ, что, полагая противъ своего, произведетъ многія въ счисленіи доли, коихъ на костяхъ положить не можно». При большихъ же счетахъ изъ этихъ малыхъ долей наростаетъ весьма значительная сумма, отбрасываніе которой производитъ уже крупный недочетъ въ общемъ итогѣ. Результаты тѣ же: чувствительные убытки и все возрастающая нерѣшительность при расширеніи торговыхъ оборотовъ. Этого мало, многіе купцы совсѣмъ не понимаютъ иностранныхъ мѣръ и монетъ, не всякій можетъ научиться этому на память «наслышкою отъ другихъ, а на россійскомъ языкѣ, не имѣется по этому предмету ни одного надежнаго руководства. Приходится или слѣпо полагаться на переполненные ошибками счета своихъ торговыхъ корреспондентовъ или «не стыдясь своимъ незнаніемъ, оные счеты для провѣрки другимъ казать» и такимъ образомъ предавать огласкѣ ходъ своихъ операцій, что «купецкимъ интересамъ весьма бываетъ убыточно».

Рядъ другихъ потрясеній испытывается коммерціей отъ совершеннаго незнакомства купечества съ бухгалтеріей, этой— по выраженію донесенія — «опоры и факела купечества», о которой рѣдко знаютъ даже и по наслышкѣ. Благодаря незнакомству съ бухгалтеріей, купцы ведутъ свои операціи какъ во тьмѣ, не знаютъ истиннаго положенія своихъ дѣлъ въ каждый данный моментъ, часто вдаются въ отважныя предпріятія, считая за собой по памяти или по недостаточнымъ и примитивнымъ записямъ блестящіе барыши и затѣмъ

при разсчетѣ съ кредиторами внезапно «какъ невидящіе свѣта, ввергаются въ яму банкрутства».

То же отсутствіе правильнаго счетоводства ставитъ въ безвыходное положеніе молодыхъ и неопытныхъ наслѣдниковъ умершаго купца; со всѣхъ сторонъ на нихъ сыплятся претензіи кредиторовъ, но у нихъ нѣтъ возможности провѣрить основательность этихъ претензій. Наконецъ, несовершенство счетовъ безпрестанно плодитъ купеческія тяжбы, передъ запутанностью и обиліемъ которыхъ судебныя учрежденія оказываются совершенно безсильными. Всѣ подобныя неурядицы въ корнѣ подрываютъ торговый кредитъ и парализуютъ успѣхи коммерціи.

Съ невѣжествомъ въ бухгалтеріи соперничаетъ невѣжество въ географіи, въ силу котораго купцамъ приходится «принимать на счетъ отъ безсовѣстныхъ коммиссіонеровъ таковой же фрахтъ за провозъ товаровъ изъ Амстердама до Лондона, какъ оттуда же въ Кадиксъ и проч.». Незнаніе иностранныхъ языковъ еще болѣе сжимаетъ размѣры нашей иностранной торговли. Не будучи въ состояніи вести корреспонденціи съ иностранными фирмами, русскіе купцы попадаютъ въ зависимость отъ услугъ нѣкоторыхъ амстердамскихъ коммерсантовъ, знающихъ русскій языкъ и извлекающихъ изъ этой посреднической дѣятельности большія выгоды въ ущербъ своимъ русскимъ довѣрителямъ. Донесеніе указываетъ, въ видѣ иллюстраціи на попытки нашихъ купцовъ завести торговые отпуски въ Англію, попытки, потерпѣвшія полное крушеніе именно вслѣдствіе незнанія иностранныхъ языковъ. Наконецъ, не мало убытковъ и заботъ причиняется купечеству отъ незнанія до купечества относящихся *правъ*, какъ русскихъ, такъ и иноземныхъ. Въ этомъ отношеніи купцы находятся въ полной власти приказныхъ подьячихъ, которые, пользуясь своимъ преимуществомъ, изъ корыстныхъ цѣлей заводятъ купцовъ по каждому дѣлу въ непроходимыя дебри канцелярской казуистики.

Сводя во-едино всю эту мрачную картину, донесеніе заключаетъ: «итакъ, если по предъидущему описанію сравнить состояніе нашего купечества съ купечествомъ просвѣщенныхъ народовъ, то съ устыдѣніемъ признать сію истину должно, по достопамятному изрѣченію государя императора Петра Великаго, что купечество наше «яко дѣти, неученія ради».

Это подробное ознакомленіе съ недугами отечественной коммерціи приводитъ авторовъ донесенія къ естественному выводу: необходимо послѣдовать примѣру «просвѣщенныхъ политическихъ націй», которыя прилагаютъ всевозможныя старанія къ распространенію просвѣщенія во всѣхъ слояхъ народа; которыя, по выраженію донесенія, «не токмо во всѣхъ городахъ и пригородкахъ держатъ открытыя школы, но и въ деревняхъ нарочитыхъ тому публично учатъ, что всѣмъ необходимо знать потребно»; которыя не задумываются тратить государственные доходы на умноженіе училищъ, «вѣдая, что просвѣщенные учащихся разумы съ лихвою возвратить оные казнѣ въ состояніи будутъ».

Граждане архангелогородскаго посада, сумѣвшіе оцѣнить по достоинству эту политику «просвѣщенныхъ націй», формулируютъ свои ближайшія желанія въ двухъ пунктахъ: они предлагаютъ, во-первыхъ, озаботиться переводомъ на русскій языкъ новѣйшихъ иностранныхъ сочиненій о коммерціи и, во-вторыхъ, признаютъ необходимымъ учредить въ г. Архангельскѣ *гимназію для* всѣхъ купеческихъ дѣтей Архангельской губерніи. Въ поясненіе перваго пункта въ донесеніи приводится небольшой списочекъ сочиненій, переводъ которыхъ признается желательнымъ; это все — нѣмецкія книжки, какъ-то: «Wohlerfahrener Kaufmann» Бона, «Grundriss eines wohlständigen Kaufmanns Systems» или «Wohlständiges Kaufmanns Lexicon» и т. п.

Второй пунктъ развитъ въ цѣлое самостоятельное произведеніе, пріобщенное къ донесенію въ видѣ приложенія. Это — проектъ «учрежденія гражданской гимназіи въ г. Архангельскѣ». Этотъ проектъ, не лишенный любопытныхъ идей, и долженъ занять теперь наше вниманіе, какъ образчикъ тѣхъ взглядовъ на организацію учебнаго дѣла, которые могли встрѣчаться въ обществѣ того времени.

Авторъ проекта не скрылъ своего имени. Подъ проектомъ стоитъ подпись: «архангелогородецъ Василій Крестининъ». Это имя хорошо извѣстно въ нашей литературѣ. Перу Крестинина принадлежитъ рядъ любопытнѣйшихъ сочиненій по мѣстной исторіи сѣвернаго края. Сынъ разорившагося архангельскаго купца, занимавшій скромныя должности по посадскому самоуправленію Архангельска и умершій пенсіонеромъ Петербургской Академіи Наукъ, корреспонден-

томъ которой онъ сдѣлался при посредствѣ заѣхавшихъ въ Архангельскъ академиковъ-туристовъ Лепехина и Озерецковскаго, Крестининъ соединялъ въ себѣ примѣчательную для своего времени и своего положенія образованность съ живѣйшимъ интересомъ къ текущимъ общественнымъ вопросамъ. Образованность Крестинина обличается въ каждомъ из его произведеній, на страницахъ которыхъ не рѣдкость встрѣтить латинскую цитату изъ Вергилія или Цицерона. Просвѣщенный и трезвый взглядъ на затрогиваемые вопросы, простой и непринужденный языкъ его сочиненій показываетъ, что онъ былъ не рабомъ, а хозяиномъ своей книжной начитанности, серьезно усваивалъ и самостоятельно примѣнялъ почерпаемыя изъ книгъ познанія. Цицеронъ и Вергилій не отрывали его вниманія отъ сѣрыхъ интересовъ родного посада, напротивъ, онъ пристально слѣдилъ за общественной жизнью своего города и даже тщательно перерылъ архивъ мѣстнаго магистрата для того, чтобы лучше понять современное ему положеніе городскихъ дѣлъ. Немудрено, что этотъ мѣстный литераторъ и патріотъ не остался въ сторонѣ, когда по призыву комиссіи о коммерціи потребовалось выяснить настроенія и формулировать нужды мѣстнаго посада. Не слѣдуетъ думать, что Крестининъ выступилъ одиноко, что выражаемыя имъ идеи некому было раздѣлить и поддержать среди его согражданъ и что проектъ архангельской гимназіи, къ которому мы скоро обратимся, интересенъ лишь какъ фактъ его личной біографіи, а не какъ образчикъ взглядовъ извѣстной общественной группы одного изъ провинціальныхъ городовъ XVIII вѣка. У насъ есть свѣдѣнія и о другихъ архангелогородскихъ гражданахъ того времени, не чуждыхъ культурнымъ вкусамъ и интересамъ. Намъ извѣстенъ Александръ Ѳоминъ, архангелогородскій мѣщанинъ, тоже корреспондентъ Академіи, авторъ нѣсколькихъ естественно-историческихъ очерковъ, посвященныхъ описанію жизни Ледовитаго моря, редакторъ знаменитаго наказа г. Архангельска въ комиссію 1767 г., «лучшій—по выраженію Крестинина,—нынѣшняго времени въ архангелогородскомъ посадѣ писецъ въ прозѣ и стихахъ*). Любопытно, что и только что

---

*) Свѣдѣнія о Крестининѣ и Ѳоминѣ см. въ «Словарѣ русскихъ свѣтскихъ писателей» митр. Евгенія, I, с. 318—320, II, с. 389—390,

упомянутый выдающійся наказъ, редактированный Ооминымъ, не былъ плодомъ вполнѣ уединеннаго труда; мысли, въ немъ выраженныя, получили признаніе и поддержку среди лучшихъ элементовъ посадскаго общества. «Въ распоряженіи нуждъ общества, представленнымъ въ онемъ наказѣ,— замѣчаетъ архангельскій историкъ,—всѣ лучшіе архангелогородскіе граждане имѣли участіе»*). Тотъ же Крестининъ разсказываетъ въ своей «Исторіи г. Архангельска» о дѣятельности цѣлаго кружка просвѣщенныхъ архангелогородскихъ граждантъ, задумавшихъ организовать нѣчто въ родѣ теперешнихъ провинціальныхъ ученыхъ архивныхъ коммиссій. Въ 1759 г. четверо архангельскихъ согражданъ составили общество, къ которому примкнули впослѣдствіи и другіе члены для изученія мѣстной исторической старины и собиранія мѣстныхъ древностей. Общество прежде всего поставило себѣ цѣлью розыскать возможно большее количество списковъ извѣстнаго Двинскаго лѣтописца, а также собрать и другіе интересные для исторіи документы, разсѣянные по мѣстнымъ канцелярскимъ и монастырскимъ архивамъ съ тѣмъ, чтобы представить со временемъ всю собранную коллекцію въ Академію наукъ. Сначала общество довольствовалось собираніемъ того, что оказывалось возможнымъ раздобыть «чрезъ дружественное обхожденіе». Скоро, однако, добровольцы археографы обратили вниманіе на архивы мѣстныхъ правительственныхъ учрежденій. Проникнуть въ эти архивы оказалось дѣломъ далеко не легкимъ. Но интересъ общества не ослабѣвалъ. Началась борьба съ равнодушіемъ и невѣжественностью представителей мѣстной администраціи. Насколько трудна была эта борьба, можно ясно видѣть хотя бы изъ слѣдующаго эпизода. Когда въ 1760 г. сенатъ указалъ высылать изъ провинцій въ Академію наукъ сохранившіеся по мѣстамъ старинные лѣтописцы, архангельскія канцеляріи *не осмѣлились* представить въ Академію Двинскую лѣтопись на томъ основаніи, что «лѣтописаніе, сочиненное частными людьми, внѣ присутственныхъ мѣстъ», не можетъ имѣть никакого значенія для правительственнаго

въ «Краткой исторіи города Архангельска» Крестинина, I, с. 32, и у Пыпина «Исторія русской этнографіи», I, с. 128—129.

*) Крестининъ. Краткая исторія г. Архангельска, стран. 32.

учрежденія, каковымъ является Академія. Съ такими-то просвѣщенными ревнителями архивовѣдѣнія пришлось вступить въ борьбу любителямъ мѣстной старины. Сначала археографы постучались въ архивъ главной архангелогородской канцеляріи, бумаги котораго гнили въ сыромъ, никогда не отмыкаемомъ, помѣщеніи. Попытка проникнуть туда не увѣнчалась успѣхомъ. Чиновники взглянули на эту попытку, какъ на праздную затѣю, и не открыли архива. Тогда члены общества рѣшили попробовать счастья въ архивѣ мѣстнаго магистрата и подали въ магистратъ доношеніе о допущеніи ихъ къ архивнымъ занятіямъ. Но магистратъ отвѣтилъ, что относительно историческихъ изысканій въ архивѣ ни откуда не имѣется точнаго указа. Наконецъ, общество прибѣгло къ покровительству мѣстнаго губернатора. Въ 1768 г. общество подало губернатору доношеніе съ просьбою принять на себя предсѣдательство и «для правильнаго теченія трудовъ установить дважды въ недѣлю обычныя засѣданія». Въ этомъ доношеніи общество именуетъ себя «вольнымъ историческимъ для архангелогородскихъ древностей собраніемъ». Какой отвѣтъ послѣдовалъ отъ губернатора, остается неизвѣстнымъ *). Въ изложенномъ эпизодѣ все одинаково знаменательно — какъ просвѣщенный научно-историческій интересъ кучки архангельскихъ граждань, такъ и ихъ почтенная настойчивость въ борьбѣ съ встрѣченными препятствіями. Приведенные факты не мѣшаетъ имѣть въ виду, приступая къ ознакомленію съ интересующимъ насъ документомъ. Пусть подъ этимъ проектомъ стоитъ имя выдающагося лица. Это еще не значитъ, что выраженныя въ немъ идеи являлись въ то время исключительнымъ достояніемъ одного лишь автора проекта, народились, какъ плоды его одинокихъ и никѣмъ не раздѣленныхъ кабинетныхъ думъ. Какъ мы только что видѣли, архангельскіе прогрессисты XVIII вѣка не любили хранить подъ спудомъ своихъ завѣтныхъ плановъ и убѣжденій, и умѣли находить сочувствующихъ сотрудниковъ для совмѣстной работы надъ интересовавшими ихъ вопросами. Надо думать, что и развитыя въ интересующемъ насъ проектѣ идеи о желательной постановкѣ школьнаго дѣла, прежде чѣмъ вылиться на бумагу, не разъ были обсуждаемы на собраніяхъ

*) Ibid., с. 243—247.

архангелогородскихъ гражданъ и не оставались безъ сочувственнаго отголоска среди единомышленниковъ Крестинина. Самъ Крестининъ въ началѣ своего проекта упоминаетъ, что ранѣе его однородныя предложенія были дѣлаемы по этому же предмету въ комиссію о коммерціи кассиромъ архангельской портовой таможни Константиномъ Пономаревымъ. Допустимъ, что эти единомышленники представляли собой наиболѣе передовое *меньшинство*, иначе и не могло быть, но уже самая возможность появленія среди посадскихъ людей провинціальнаго города, болѣе ста лѣтъ тому назадъ, такого меньшинства нельзя не признать знаменательнымъ фактомъ, который не долженъ быть обойденъ въ исторіи развитія образовательныхъ идей въ нашемъ обществѣ.

До настоящаго времени въ литературѣ былъ сдѣланъ лишь одинъ довольно глухой намекъ на труды и предположенія Крестинина въ области народнаго образованія. Въ XXVI томѣ «Исторіи Россіи» Соловьевъ *) привелъ выписку изъ журналовъ и протоколовъ сената за 1764 г., изъ которой видно, что, одновременно съ представленіемъ Крестининскаго проекта въ комиссію о коммерціи, архангелогородскій магистратъ представилъ въ сенатъ и доношеніе Крестинина о планѣ всеобщаго обученія посредствомъ открытія малыхъ школъ для обученія всякаго чина дѣтей обоего пола.

Доношеніе Крестинина встрѣтило самое сочувственное отношеніе со стороны сената и обратило на себя серьезное вниманіе императрицы. Сенатъ записалъ въ своей журнальной резолюціи, что «гражданинъ Крестининъ таковымъ полезнымъ представленіемъ заслуживаетъ себѣ справедливую похвалу», и что выставленныя имъ положенія «признаваются основательными и надежными, юношеству и обществу полезными». На этомъ основаніи сенатъ постановилъ представить на воззрѣніе императрицы слѣдующія предложенія: 1) учредить проектированныя Крестининымъ школы на первый разъ въ городѣ Архангельскѣ, а для примѣра прочимъ городамъ

*) «Исторія Россіи», изд. Обществ. Пользы, книга VI, столб. 260—261.

публиковать о семъ съ пристойною похвалою архангельскому магистрату и Крестинину, чтобъ и другіе магистраты и граждане были поощрены; 2) отпечатать и по освидѣтельствованіи синодомъ разослать въ школы «Краткое ученіе» Өеоөана Прокоповича, азбуку, такую, какъ предлагаетъ Крестининъ, и переводъ составленныхъ Гибнеромъ избранныхъ мѣстъ изъ библейской священной исторіи, 3) для учителей сочинить общее наставленіе. Прежде чѣмъ утвердить предложеніе сената, Екатерина пожелала лично ознакомиться съ произведеніемъ Крестинина и затребовала себѣ для просмотра поступившее въ сенатъ доношеніе архангельскаго магистрата, къ которому былъ приложенъ и текстъ Крестининскаго проекта. Окончательная резолюція императрицы остается неизвѣстной.

Знакомя такъ обстоятельно съ впечатлѣніемъ, которое произвели на сенатъ идеи Крестинина, цитированный Соловьевымъ документъ, къ сожалѣнію, содержитъ въ себѣ лишь отрывочныя указанія на сущность самихъ этихъ идей. Въ журналѣ сената, какъ это оказывается изъ наведенной мною по цитатѣ Соловьева архивной справки*), не помѣщено ни цѣльнаго текста, ни сколько-нибудь значительныхъ дословныхъ выдержекъ изъ труда Крестинина. Дословный текстъ Крестининскаго проекта архангельской гимназіи, сохраненный въ дѣлахъ коммиссіи о коммерціи, раскрываетъ намъ впервые во всей подробности образовательные планы Крестинина и кружка его единомышленниковъ. Повидимому, найденный проектъ представляетъ собою самостоятельное произведеніе Крестинина, отличное отъ того плана, который былъ препровожденъ въ сенатъ. Въ первомъ говорится о гимназіи, во второмъ — о малыхъ школахъ, въ первомъ нѣтъ упоминанія о тѣхъ учебныхъ руководствахъ, которыя, какъ это видно изъ сенатскаго журнала, рекомендованы во второмъ. Тѣмъ не менѣе общее руководящее направленіе, основныя педагогическія тенденціи и тамъ, и здѣсь однѣ и тѣ же. Нашъ документъ лишь развиваетъ далѣе тѣ самые отрывочные намеки на основные принципы педагогическаго міросозерцанія Крестинина, которые мы встрѣчаемъ и въ сенатскомъ журналѣ.

*) Арх. Мин. Юст. Журналы и протоколы сената. Книга 72—3643, лл. 155—158.

Составленный Крестининымъ проектъ раздѣляется на три главы. Первая озаглавлена: «о внѣшнихъ средствахъ, необходимыхъ для добраго содержанія сей гимназіи», вторая: «о внутреннемъ состояніи сей гимназіи» и третья: «о способахъ, служащихъ доброму успѣху въ ученіи сей гимназіи». Каждая глава разбивается въ свою очередь на три параграфа. Не пересказывая здѣсь проекта цѣликомъ, я постараюсь сгруппировать въ извѣстномъ порядкѣ выраженныя въ немъ общія начала. Въ проектѣ можно различить три темы: 1) опредѣленіе програмы школьныхъ занятій и основныхъ дидактическихъ пріемовъ, 2) опредѣленіе общественнаго назначенія школы, какъ фактора культурной жизни мѣстнаго края и 3) опредѣленіе порядка школьной администраціи въ связи съ установленіемъ взаимнаго общенія школы и мѣстнаго общества.

Составляя программу школьнаго обученія, Крестининъ совершенно согласно съ духомъ разсмотрѣннаго выше донесенія исходитъ изъ чисто практическихъ задачъ. Проектируемая гимназія должна явиться разсадникомъ *профессіональнаго* образованія, должна послужить излѣченію тѣхъ недуговъ коммерціи, которые изображены въ донесеніи. Сообразно этому проектъ намѣчаетъ слѣдующій составъ гимназическаго курса: правописаніе и исправное сочиненіе писемъ, ариѳметика, бухгалтерія простая и итальянская, географія политическая и коммерческая, иностранные языки: нѣмецкій, голландскій и французскій, навигація. Перечисляя всѣ эти предметы, проектъ объясняетъ непосредственное отношеніе каждаго изъ нихъ къ нуждамъ коммерціи, при чемъ въ сокращенной формѣ воспроизводитъ тѣ же соображенія, которыя изложены въ донесеніи. Кажется, нельзя подходить къ задачѣ съ болѣе практической точки зрѣнія. И вотъ, представляется въ высшей степени знаменательнымъ, что суровые практики и утилитаристы уже болѣе ста лѣтъ тому назадъ считали необходимымъ внести въ свою строго-профессіональную школу и общеобразовательный элементъ. Въ началѣ списка предметовъ, входящихъ въ гимназическій курсъ, въ проектѣ сказано: «быть и обучать въ сей гимназіи нужнымъ наставленіямъ для произведенія добраго купца и *добраго гражданина*». И дѣйствительно, къ вышеуказаннымъ предметамъ въ спискѣ прибавлены затѣмъ — *ученіе о правахъ* и *исторіи*. Подъ

первой рубрикой на ряду съ изученіемъ русскихъ и иноземныхъ торговыхъ уставовъ и судебныхъ обрядовъ помѣщается усвоеніе «общаго понятія о россійскихъ законахъ» и «толкованіе о должностяхъ человѣка и гражданина изъ Пуфендорфа», а подъ второй рубрикой требуется изученіе древней и новой политической исторіи. Такимъ образомъ, техническое образованіе признается цѣннымъ лишь въ соединеніи съ образованіемъ общественно-гуманитарнымъ, практики XVIII вѣка не забываютъ, что техникъ и коммерсантъ въ то же время членъ общества и государства, и что его профессіональная дѣятельность будетъ вполнѣ плодотворна лишь при правильномъ сознаніи своихъ общественныхъ обязанностей. Согласимся, что общеобразовательный элементъ представленъ здѣсь довольно слабо сравнительно съ профессіональнымъ, но не знаменательно ли уже то, что самая идея необходимости общаго образованія для профессіональныхъ дѣятелей была ясна и неоспорима въ глазахъ провинціальнаго публициста того времени, тогда какъ въ наши дни нерѣдко приходится еще доказывать цифрами и фактами, что эта идея не есть—легкомысленная и пагубная ересь, плодъ теоретическихъ увлеченій.

Въ проектѣ не опредѣляется, во сколько времени долженъ быть пройденъ полный курсъ указанныхъ предметовъ, сколько классовъ должно быть въ гимназіи и какъ распредѣлится по классамъ учебный матеріалъ. Но мы находимъ за то въ проектѣ опредѣленіе продолжительности учебнаго дня и указаніе на общій характеръ желательныхъ дидактическихъ пріемовъ. Обычный учебный день опредѣляется въ пять часовъ, лишь съ половины апрѣля до половины августа прикидывается лишній шестой часъ. Это наша современная норма. За то, не говоря уже о праздникахъ и вообще неприсутственныхъ дняхъ, ученики еженедѣльно награждаются свободой кромѣ воскресеній еще и по субботамъ. Каникулы опредѣлены въ двѣ недѣли и падаютъ на іюль. Что касается основныхъ дидактическихъ пріемовъ, они построены на одной руководящей идеѣ: *гимназія обязана выполнить свое назначеніе по отношенію ко всѣмъ своимъ питомцамъ*. Изъ этого положенія проектъ извлекаетъ чрезвычайно важныя практическія предписанія. Проектъ категорически отрицаетъ исключеніе изъ гимназіи, какъ дисциплинарную мѣру (глава II,

§ 3). Единственный случай, въ которомъ такое исключеніе признается допустимымъ, это — полная неспособность ученика къ наукамъ. Во всѣхъ другихъ случаяхъ проектъ разсматриваетъ исключеніе, какъ отказъ гимназіи отъ выполненія до конца той обязанности, которая возложена на нее для чести и пользы государства. Напротивъ того, лицамъ, которымъ ввѣрено завѣдыванiе гимназіей, предписывается всѣми способами настаивать на возвращеніи въ гимназію для окончанія ученія дѣтей, почему-либо выбывшихъ изъ нея до конца курса.

Сопоставимъ опять идеи этого полутора-столѣтняго проекта съ теоріей и практикой нашего времени. Гдѣ чувствуется болѣе архаическій духъ и чьи взгляды смѣлѣе и свѣжѣе? полтораста лѣтъ назадъ, провинціальный обыватель, чуждый книжнаго доктринерства, представлялъ себѣ дѣло такъ, что всякій подрастающій гражданинъ имѣетъ *право* на попечительныя заботы гимназіи, а гимназія *обязана* во чтобы то ни стало превратить ребенка въ просвѣщеннаго слугу государства и общества, при чемъ обнаружившіяся въ ребенкѣ дурныя наклонности разсматриваются не какъ поводъ къ удаленію изъ школы, а какъ поводъ къ усиленію на него педагогическаго воздѣйствія. Въ основѣ этого положенія лежитъ простое жизненное воззрѣніе: школа создана для борьбы съ неподготовленностью населенія къ воспріятію образованія, слѣдовательно, элементы, наименѣе приблизившіеся къ преслѣдуемымъ школою идеаламъ, наиболѣе нуждаются въ школьномъ вліяніи, и выбрасываніе ихъ изъ школы было бы равносильно удаленію изъ больницы паціента только потому, что болѣзнь его проявилась въ наиболѣе опасной формѣ. Такъ думали уже полтораста лѣтъ тому назадъ нѣкоторые писатели, размышлявшіе о задачахъ школы. Въ наше время дѣло обстоитъ какъ будто иначе. Гимназія слишкомъ склонна ограничиваться экспертизой умственныхъ способностей и нравственныхъ наклонностей ребенка, не особенно охотно беря на себя трудъ ихъ дальнѣйшаго усовершенствованія. Счастье ребенку, если онъ случайно подойдетъ подъ мѣрку школьныхъ, для всѣхъ одинаково единообразныхъ требованій. Тѣхъ, для кого экспертиза оказывается непріятной, просто напросто отбрасываютъ въ сторону. Семья и школа мѣняются ролями сравнительно съ тѣмъ, что мы видѣли въ нашемъ проектѣ. Теперь семья *обязана* поставить школѣ паціента опредѣленнаго типа, если она желаетъ

воспользоваться услугами школы, а школа имѣетъ *право* принять или отвергнуть этого паціента на основаніи своего собственнаго мѣрила.

Но возвратимся къ нашему проекту.

Налагая на гимназію обязанность воздѣйствовать на всѣхъ своихъ питомцевъ безъ исключенія, проектъ не обходитъ вопроса о желательныхъ и возможныхъ путяхъ такого воздѣйствія. Особый параграфъ трактуетъ о «поощреніи прилежности и любопытства учащихся». Характерно, что мы не встрѣчаемъ здѣсь ни одного слова о какихъ-либо принудительныхъ мѣрахъ. Рекомендуемыя проектомъ поощрительныя мѣры сводятся къ слѣдующему. Во-первыхъ, предлагается установить весьма серьезныя льготы по образованію въ отношеніи государственныхъ повинностей: такъ «подлые и небогатые люди», какъ изъ посадскихъ, такъ и изъ крестьянъ, въ совершенствѣ изучившіе навигацію, должны быть освобождаемы отъ рекрутскаго набора и другихъ государственныхъ службъ и сверхъ того, лицъ крестьянскаго званія слѣдуетъ принимать въ этомъ случаѣ въ составъ архангелогородскаго гражданства. Во-вторыхъ, признается необходимымъ возбуждать любознательность учениковъ живымъ призывомъ къ умственной работѣ и поддержаніемъ въ нихъ духа благороднаго соревнованія. Крестининъ проектируетъ дважды или трижды въ годъ устраивать въ гимназіи публичные экзамены, на которыхъ ректору вмѣняется въ обязанность читать передъ собраніемъ рѣчи «о пользѣ наукъ и о прилежаніи къ онымъ». Въ-третьихъ, возбужденію любознательности должно содѣйствовать «внѣклассное чтеніе». На этотъ предметъ проектъ обращаетъ серіозное вниманіе. При гимназіи должна существовать библіотека, всегда открытая для учителей и учениковъ. Къ сожалѣнію, проектъ не намѣчаетъ, хотя бы приблизительно, желательнаго состава этой библіотеки, но по всему, что сказано въ проектѣ о назначеніи и организаціи библіотеки и на чемъ мы остановимся нѣсколько ниже въ другой связи, необходимо заключить, что здѣсь разумѣлось не собраніе учебныхъ пособій, а именно собраніе книгъ для чтенія.

Вопросъ о библіотекѣ приводитъ насъ ко второй темѣ, развитой въ проектѣ.

Прислушиваясь къ чисто практическимъ потребностямъ текущей жизни и рекомендуя въ силу этого учрежденіе школы

профессіональнаго характера, проектъ не упускаетъ изъ виду и болѣе широкихъ образовательныхъ задачъ, не только по отношенію къ одному подростающему молодому поколѣнію, но и по отношенію ко всему населенію данной мѣстности. Разъ возникнувъ, школа, хотя бы и профессіональная, должна стать центромъ культурной жизни мѣстнаго края. Чрезвычайно интересна эта забота составителя проекта возможно тѣснѣе сблизить внутреннюю жизнь школы съ жизнью окружающаго общества, создать изъ школы возможно болѣе серіозный факторъ общественнаго развитія.

Проектируемая школа должна захватить своимъ просвѣтительнымъ вліяніемъ по возможности всѣ слои мѣстнаго населенія. Если гимназія обязана одинаково работать надъ всѣми своими питомцами, то съ другой стороны ея питомцами должны дѣлаться по возможности *всѣ* безъ исключенія дѣти, достигшіе учебнаго возраста. Съ этой цѣлью проектъ требуетъ, чтобы постоянно велись вѣдомости о числѣ и возрастѣ всѣхъ посадскихъ дѣтей городовъ и посадовъ архангело-городской губерніи и чтобы подлежащія власти, опираясь на данныя этихъ вѣдомостей, слѣдили за количествомъ учащагося въ гимназіи юношества, которое должно быть «неоскудно въ разсужденіи числа гражданъ въ тѣхъ мѣстахъ». Высшіе и низшіе слои посадскаго населенія, богатые и бѣдные должны имѣть одинаковый доступъ въ гимназію. Проектъ особенно заботится о томъ, чтобы дѣти бѣдныхъ посадскихъ семействъ, «добрую надежду остроуміемъ своимъ о себѣ подавающіе», не лишались «за бѣдностью и осиротѣніемъ» гимназическаго обученія.

Сверхъ того, что ученіе въ самой гимназіи полагается *безплатнымъ*, проектъ предусматриваетъ еще необходимость предварительныхъ затратъ на подготовку бѣдныхъ дѣтей къ вступленію въ гимназію, такъ какъ отъ вступающихъ требуется уже знаніе словено-россійской грамоты. Въ виду этого, проектъ намѣчаетъ устройство при гимназіи безплатной приготовительной школы для бѣдныхъ дѣтей. Эту школу предполагается создать на «общемъ, гражданскомъ иждивеніи», ею долженъ завѣдывать свой искусный и добронравный учитель, состоящій опять таки на «гражданскомъ» жалованіи.

Хотя мысль о заведеніи гимназіи возникла въ связи съ нуждами мѣстнаго *посадскаго* населенія, тѣмъ не менѣе авторъ

проекта чуждъ узко-сословныхъ принциповъ. Такимъ образомъ, сфера вліянія предположеннаго образовательнаго учрежденія идетъ еще дальше. На ряду съ посадскими дѣтьми въ гимназію могутъ быть принимаемы крестьянскіе мальчики поморскихъ уѣздовъ: архангельскаго и мезенскаго, для которыхъ особенно важнымъ представляется изученіе *навигаціи*, какъ въ интересахъ ихъ собственныхъ поморскихъ промысловъ, такъ и въ интересахъ государства въ смыслѣ подготовки купеческихъ шкиперовъ русскаго происхожденія, въ чемъ чувствуется сильная потребность. Сверхъ того, какъ я уже упоминалъ, крестьянамъ, преуспѣвшимъ въ ученіи, проектъ открываетъ доступъ въ составъ архангельскихъ граждамъ.

Между воспитанниками посадскаго и крестьянскаго происхожденія полагается лишь то различіе, что первые обучаются въ гимназіи безплатно, тогда какъ вторые должны вносить за ученіе отъ 8 до 15 р. въ годъ, по усмотрѣнію гимназической администраціи. Эти деньги пріобщаются къ казеннымъ средствамъ, ассигнуемымъ гимназіею, и расходуются на расширеніе гимназической библіотеки и на переводъ иностранныхъ сочиненій о коммерціи. Нельзя не отмѣтить при этомъ, какъ своеобразно ставится здѣсь вопросъ о платѣ за ученіе. Лишь для отдѣльныхъ категорій учащихся устанавливается плата, но и въ этомъ случаѣ не опредѣляется общей обязательной нормы, съ каждаго взимается по его достатку, при чемъ намѣчаются лишь предѣльныя цифры наименьшаго и наибольшаго взноса. Взимаемыя такимъ образомъ суммы обращаются на удовлетвореніе спеціальныхъ потребностей этого же именно учебнаго заведенія и на образовательныя нужды всего мѣстнаго общества.

Связь гимназіи съ обществомъ не ограничивается воспитаніемъ молодого поколѣнія.

Многоразличными нитями гимназія вступаетъ въ непосредственное общеніе и съ взрослою частью мѣстнаго населенія, какъ источникъ умственнаго свѣта въ широкомъ смыслѣ этого слова. Я уже упоминалъ выше о публичныхъ экзаменахъ, повторяющихся дважды и даже и трижды въ годъ. Несомнѣно, что рѣчи ректора о значеніи образованія и пользѣ наукъ, которыя должны были произноситься на этихъ собраніяхъ, имѣли въ виду не только учащихся юношей, но въ такой же мѣрѣ и присутствующую взрослую публику. Съ помощью

этихъ собраній гимназія могла вести пропаганду образовательныхъ идей въ обширныхъ кругахъ городского общества — идей, царившихъ среди передового интеллигентнаго меньшинства, о которомъ рѣчь была выше. Если гимназическіе акты могли будить общественный интересъ къ вопросамъ воспитанія, то надъ укрѣпленіемъ и развитіемъ общественной любознательности гимназія должна была работать при помощи своей библіотеки. Библіотека намѣчалась, какъ второе соединительное звено между гимназіей и обществомъ. Ей предстояло сдѣлаться столько же гимназической, сколько и публичной библіотекой. Она должна была содержаться «общимъ иждивеніемъ» всѣхъ городовъ и посадовъ архангельской губерніи. Жертвуя средства на созданіе библіотеки, общество не устранялось и отъ участія въ обсужденіи ея организаціи. Управленіе библіотекой поручалось совѣту, состоящему изъ ректора, инспектора и эконома гимназіи и «искусныхъ архангелогородскихъ гражданъ». Двери библіотеки въ опредѣленные дни и часы должны были открываться для «*постороннихъ читателей всякаго чина и состоянія*».

Настойчивое желаніе автора проекта возможно тѣснѣе переплести интересы гимназіи и интересы города и исчерпать во всѣхъ отношеніяхъ благопріятныя для города послѣдствія отъ возникновенія гимназіи, чувствуется и еще въ одномъ предложеніи: ректоръ гимназіи — по мысли проекта, непремѣнно человѣкъ ученый и корреспондентъ Академіи наукъ,— долженъ быть въ то же время преподавателемъ исторіи и правъ, а также *городскимъ исторіографомъ*.

Въ такихъ чертахъ представлялась Крестинину общественная роль гимназіи. Думается, что отъ такой постановки могли выиграть не только городъ, но и самая гимназія, превращавшаяся въ живой органъ мѣстной общественности.

Тѣсная связь съ запросами окружающей среды, постоянное взаимодѣйствіе съ послѣдней, должны были обезпечивать гимназіи симпатіи населенія, предохранять ее отъ тлетворнаго духа бюрократической рутины. Можно замѣтить, конечно, что эта идея проекта недостаточно разработана въ ея практическомъ приложеніи, но нельзя отрицать, что самая идея выражена отчетливо и настойчиво и опять-таки не является ли она для нашего времени не только не устарѣвшей, но напротивъ того даже еще слишкомъ новой и смѣлой?

Мнѣ осталось разсмотрѣть ту часть проекта, которая касается организаціи управленія гимназіей. Здѣсь мы находимъ тѣ же самыя основныя идеи. Гимназія трактуется, какъ учрежденіе государственное, преслѣдующее государственную задачу поднятія коммерціи и промышленности. Но государственный характеръ учебнаго заведенія вовсе не предполагаетъ собою по смыслу проекта устраненія общества отъ самостоятельнаго участія въ гимназической администраціи. Совсѣмъ напротивъ. Государственная цѣль будетъ достигнута тѣмъ полнѣе, чѣмъ шире и свободнѣе общество воспользуется гимназіей въ своихъ интересахъ — такова основная идея этой части проекта.

Въ виду государственной цѣли проектируемаго заведенія средства на его учрежденіе должны быть даны государствомъ. На постройку гимназическаго зданія, на содержаніе гимназіи и состоящаго при ней штата предлагается отчислять опредѣленныя суммы отъ прибавочныхъ сборовъ съ иностранныхъ питей и другихъ чужеземныхъ товаровъ, относящихся къ предметамъ роскоши. Сверхъ того училищное зданіе должно быть освобождено отъ всякихъ полицейскихъ служеній, а въ томъ случаѣ, если зданіе придется построить на оброчной землѣ — и отъ оброчныхъ платежей. Таковы жертвы, ожидаемыя для осуществленія проекта отъ государства. Вспомнимъ, что на ряду съ этимъ и общество не устраняется отъ участія въ расходахъ: на общественныя суммы предполагается устройство при гимназіи подготовительной школы для бѣдныхъ и библіотеки. Въ текущемъ управленіи гимназіею обществу предоставляется самое широкое участіе, и въ этомъ, быть можетъ, состоитъ характернѣйшая черта разсматриваемаго проекта. Это участіе намѣчено въ двухъ формахъ: 1) городской магистратъ, въ которомъ засѣдали, какъ извѣстно, избранники мѣстнаго общества, вступаетъ въ самое тѣсное соотношеніе съ гимназической администраціей, 2) въ нѣкоторые и притомъ весьма важные моменты школьной жизни въ непосредственное соотношеніе съ школой приходитъ все общество въ лицѣ общегражданскаго схода. Городовой магистратъ согласно проекту выполняетъ разнообразныя функціи по отношенію къ завѣдыванію гимназической жизнью, какъ-то:

1) слѣдитъ за составомъ учащихся, сличаетъ вѣдомости дѣтскаго населенія городовъ съ списками наличныхъ воспи-

щиковъ и заботится о томъ, чтобы гимназія неослабно выполняла свое назначеніе дать образованіе всему подрастающему юношеству, чтобъ открывающіяся вакансіи не оставались праздными и своевременно замѣщались, чтобы родители не брали своихъ дѣтей изъ гимназіи до окончанія полнаго курса, въ этомъ послѣднемъ случаѣ магистратъ долженъ дѣйствовать на родителей увѣщаніемъ или даже принужденіемъ и взятыхъ дѣтей возвращать въ школу;

2) завѣдуетъ гимназическими суммами — гимназическая казна хранится въ магистратѣ за общими печатями магистратскихъ членовъ, инспектора гимназіи и эконома; выдачи денегъ на жалованье учителямъ и прочіе гимназическіе расходы производятся не иначе, какъ по письменнымъ представленіямъ инспектора и эконома въ магистратъ. Наконецъ, магистратъ по прошествіи каждаго года свидѣтельствуетъ приходо-расходные счета гимназіи;

3) контролируетъ дѣятельность гимназическаго начальства и учителей, слѣдитъ за тѣмъ, чтобъ инспекторъ и экономъ точно исполняли свои инструкціи и даже, по совѣту съ инспекторомъ и экономомъ, отрѣшаетъ отъ должности учителей «соблазнительнаго житія»;

4) магистратъ является единственной инстанціей для разбора дѣлъ по жалобамъ на учителей и отъ учителей, при чемъ въ такихъ случаяхъ на засѣданіяхъ магистрата присутствуютъ «для чести гимназіи» также и инспекторъ съ экономомъ. Если, такимъ образомъ, посадское общество осуществляетъ свое право на текущій надзоръ за жизнью гимназіи чрезъ посредство членовъ мѣстнаго магистрата, то въ болѣе рѣшающихъ случаяхъ вмѣсто магистрата на сцену выступаетъ *общегражданскій сходъ*. Сходу принадлежитъ немаловажная роль въ опредѣленіи личнаго состава служащихъ при гимназіи. Гимназическій штатъ, считая низшихъ служителей, опредѣленъ въ 11 человѣкъ: это инспекторъ, экономъ, письмоводитель, ректоръ, онъ же преподаватель исторіи и правъ и городской исторіографъ, одинъ преподаватель правописанія и «сочиненія писемъ», онъ же и преподаватель географіи, одинъ преподаватель для англійскаго и французскаго языковъ, два преподавателя нѣмецкаго языка (одинъ для этимологіи, другой — для синтаксиса и «нѣмецкаго штиля»), одинъ преподаватель ариѳметики и бухгалтеріи, одинъ—для

геометріи и навигаціи и, наконецъ, особый учитель приготовительной школы для бѣдныхъ дѣтей.

Во главѣ заведенія стоять инспекторъ и ректоръ. Разграниченіе ихъ функцій недостаточно ясно обрисовано въ проектѣ. Повидимому, дѣятельность инспектора сосредоточивалась болѣе на веденіи отчетности передъ магистратомъ о состояніи какъ хозяйства, такъ и учебнаго дѣла въ заведеніи, тогда какъ ректоръ являлся главнымъ руководителемъ всего преподаванія и главнымъ представителемъ гимназіи въ ея общественно-просвѣтительной дѣятельности въ широкомъ смыслѣ этого слова. Ввѣряемое ректору руководительство преподаваніемъ понимается въ проектѣ не только въ смыслѣ общаго контроля за дѣятельностью преподавателей. Намѣтивъ предметы гимназическаго курса, авторъ проекта воздержался отъ подробной регламентаціи всего распорядка преподаванія и выразилъ при этомъ ту, опять-таки весьма интересную мысль, что распорядокъ преподаванія и не долженъ быть забиваемъ разъ навсегда въ опредѣленныя и неподвижныя рамки, что живое дѣло преподаванія способно дать истинно-плодотворные результаты лишь въ томъ случаѣ, когда оно будетъ быстро примѣняться и приспособляться ко всему разнообразію, всей измѣнчивости текущихъ мѣстныхъ условій. Грузный механизмъ общаго законодательства не можетъ поспѣвать за всей неуловимой пестротой частныхъ житейскихъ комбинацій и вотъ проектъ предлагаетъ *довѣрить* приспособленіе намѣченной программы къ мѣстнымъ условіямъ самимъ руководителямъ данной школы. Школьный уставъ не представляется автору проекта неподвижнымъ канономъ. «Поскольку чего и какимъ образомъ, — читаемъ въ проектѣ, — учителямъ обучать своихъ учениковъ, о томъ издать и *смотря по обстоятельству и времени перемѣнять* ректору школьный уставъ». Такимъ образомъ въ основу проекта положенъ принципъ самаго широкаго *довѣрія* къ педагогическому персоналу. Авторъ проекта былъ вправѣ отважиться на это, такъ какъ выборъ этого персонала ставился имъ подъ двойной компетентный контроль — Академіи Наукъ и общественнаго мнѣнія.

Всѣ преподаватели и ректоръ должны быть присылаемы въ Архангельскъ Академіею наукъ, за исключеніемъ преподавателя навигаціи, назначеніе котораго принадлежитъ адми-

ралтейской коллегіи. Эконома назначаетъ по своему усмотрѣнію инспекторъ, самъ же инспекторъ опредѣляется всегда «*по общему выбору архангелогородскихъ гражданъ*», т.-е. избирается на общепосадскомъ сходѣ. Проектъ рекомендуетъ при выборѣ отдавать предпочтеніе кому-либо изъ магистратскихъ членовъ или гражданскихъ старшинъ, очевидно какъ людямъ, уже облеченнымъ общественнымъ довѣріемъ, оговариваясь при этомъ, что наиболѣе желательнымъ кандидатомъ былъ бы человѣкъ «хотя и не чиновный, но болѣе разумомъ и добродѣтелью, нежели богатствомъ знаменитый и притомъ совершенно или нарочито знающій иностранные языки, также и общее понятіе имѣющій о наукахъ».

Въ тѣхъ же случаяхъ, когда избирательному сходу не удастся прійти къ согласному выбору или если на состоявшійся уже выборъ возникнутъ какія-либо нареканія, «то о такихъ дѣлахъ, — сказано въ проектѣ, — быть рѣшенію въ архангелогородскомъ магистратѣ, а на оной апелляціи — въ канцеляріи Императорской С.-Петербургской Академіи Наукъ, потому что *сіе ученое сословіе большее имѣетъ право рѣшить таковую распрю, гдѣ ученость есть основаніемъ*».

Я исчерпалъ существенное содержаніе занимающаго насъ проекта. Полагаю, что разсмотрѣнный проектъ нельзя не признать весьма своеобразнымъ и знаменательнымъ явленіемъ въ исторіи образовательныхъ идей въ нашемъ обществѣ. Напомню, что мы имѣемъ полное основаніе разсматривать изложенные въ проектѣ принципы, какъ достояніе не только одного автора проекта, но и цѣлой группы передового меньшинства архангельскаго общества. Не все, конечно, въ этихъ принципахъ было для своего времени полною новостью. Самая мысль объ учрежденіи провинціальной гимназіи не исключительно профессіональнаго типа не только высказывалась ранѣе нашего проекта, но даже переходила отчасти и въ практическое осуществленіе. Оставляя въ сторонѣ Петербургъ съ его гимназіей при академическомъ университетѣ и Москву съ ея гимназіями, основанными при московскомъ университетѣ, и ограничиваясь провинціальными городами, мы встрѣчаемся съ гимназіей въ Казани, которая возникаетъ съ 1758 г. какъ единичный опытъ примѣненія смѣлаго плана Шувалова покрыть всю Россію сѣтью провинціальныхъ низшихъ и сред-

нихъ учебныхъ заведеній*). Однако нашъ проектъ стоитъ по своему содержанію совершенно независимо отъ плана Шувалова и отъ Казанскаго опыта его примѣненія. Съ одной стороны, проектъ въ противность Шуваловскому плану блюдетъ еще петровскую традицію профессіональной школы, хотя и намѣчаетъ новый типъ ея, не фигурировавшій среди предположеній и начинаній петровской эпохи. Но въ то же время, внося въ свою профессіональную школу общеобразовательный элементъ, Крестининскій проектъ въ этой своей части идетъ даже нѣсколько дальше самой Шуваловской гимназіи, хотя послѣдняя и была построена по идеѣ на полномъ разрывѣ съ традиціями петровской школьной политики. Правда, въ общеобразовательную часть Крестининской программы не включенъ латинскій языкъ, преподававшійся въ Шуваловской гимназіи, за то кромѣ русскаго и новыхъ иностранныхъ языковъ, ариѳметики, геометріи и географіи, которыми ограничивалась Шуваловская гимназія, Крестининъ выдвигаетъ *исторію* и *правовѣдѣніе*, представленное у него книгою Пуфендорфа «о должности человѣка и гражданина». Здѣсь Крестининъ, опережая Шувалова, частью предвосхищаетъ идею Янковича, программы котораго, заимствованныя изъ Австріи, легли въ основаніе «устава народныхъ училищъ» 1786 г. Любопытно, что даже въ указаніи учебнаго руководства Крестининъ сходится съ Янковичемъ; у послѣдняго тоже фигурируетъ названное выше сочиненіе Пуфендорфа.

Приведенныя сопоставленія опредѣляютъ мѣсто нашего проекта въ исторіи образовательныхъ идей въ Россіи.

Этотъ проектъ отразилъ на себѣ переходный, средній моментъ между узко-профессіональными принципами Петровской эпохи и общеобразовательными теченіями, усвоенными школьной политикой Екатерининскаго царствованія. И вотъ, когда припомнишь то крушеніе, какое пало на долю обоимъ этимъ школьнымъ экспериментамъ правительства при ихъ практическомъ осуществленіи, приходишь къ мысли, что выраженный въ нашемъ проектѣ голосъ самого общества или, лучше сказать, его передовой группы заключалъ въ себѣ зерно болѣе плодотворнаго разрѣшенія школьной про-

*) Полное Собр. Зак. XV, № 10860.

блемы, чѣмъ всѣ эти взаимно-противорѣчивые правительственные эксперименты. Въ самомъ дѣлѣ, въ началѣ вѣка населеніе, какъ показываетъ школьная статистика того времени, упорно отбивалось отъ узко-профессіональной школы, въ которую хотѣлъ его загнать Петръ, но обнаруживало въ то же время нѣкоторое тяготѣніе къ элементарной школѣ грамоты. Прошло пол-столѣтія. Взгляды правительства на задачи школьной политики рѣзко измѣнились. Попрежнему игнорируя степень подготовленности и очередные запросы самого населенія, правительственная власть вдругъ круто оторвала государственную школу отъ профессіональныхъ задачъ, поставивъ ей новую цѣль — общее гуманитарное образованіе. Результаты, между тѣмъ, получились тѣ же: школы пустовали, общество сторонилось отъ нихъ *). Нашъ проектъ, намѣтившій своеобразный смѣшанный типъ школы, въ которой профессіональныя задачи сочетались съ общеобразовательными элементами, вскрываетъ, думается мнѣ, истинныя причины этого неуспѣха. Правительство загоняло населеніе въ профессіональныя школы въ то время, когда обществу оказывалось по плечу лишь элементарное усвоеніе грамоты и мгновенно перескочило отъ профессіональной школы къ общеобразовательной какъ разъ въ тотъ моментъ, когда даже наиболѣе передовые элементы населенія только что освоились съ профессіональными задачами школы и только начинали привыкать къ взгляду на общее образованіе, лишь какъ на желательный фундаментъ профессіональныхъ знаній. Въ нашемъ проектѣ и намѣчена какъ разъ та система школьной политики, которая подсказывалась реальными условіями текущаго момента. Вмѣсто крутой, можно сказать, революціонной ломки старой системы, проектъ предлагалъ постепенно вплетать новые общеобразовательные элементы въ предшествующій строй профессіональной школы. Это былъ бы путь менѣе эффектный, менѣе свободный отъ исторической традиціи, но зато болѣе плодотворный въ смыслѣ непосредственныхъ практическихъ результатовъ. Русская школа не получила бы въ такомъ случаѣ въ концѣ XVIII столѣтія закругленныхъ программъ Янковича, но зато открываемыя

*) Ср. П. Н. Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры, II.

по провинціямъ училища не такъ быстро приходилось бы закрывать по недостатку учениковъ.

Таковъ общій выводъ, къ которому приводитъ разсмотрѣніе разобраннаго проекта. И думается, что чѣмъ шире станетъ наше знакомство съ литературой подобныхъ частныхъ учебныхъ проектовъ, тѣмъ еще болѣе подымется и укрѣпится значеніе этого общаго вывода. Сопоставленіе данныхъ школьной статистики съ предначертаніями правительственныхъ учебныхъ плановъ вскрываетъ передъ нами фактъ повальнаго уклоненія общества отъ дореформенной школы. Прежде чѣмъ оцѣнивать значеніе этого факта, прислушаемся же къ голосамъ представителей самого общества, и фактъ озарится передъ нами новымъ свѣтомъ. Причина вѣковаго школьнаго абсентеизма вскроется не тамъ, гдѣ ее такъ часто ищутъ. Вотъ въ какомъ смыслѣ разысканіе возможно большаго количества частныхъ проектовъ, подобныхъ только что разсмотрѣнному, можетъ быть признано очередной задачей историка старой русской школы*).

Опираясь на тотъ же разсмотрѣнный нами проектъ, можно отмѣтить, что это расхожденіе правительственныхъ плановъ съ общественными запросами въ сферѣ школьнаго дѣла носило двоякій характеръ. Съ одной стороны, какъ мы только что видѣли, правительство шло впереди общества, не считалось съ отсталостью послѣдняго при составленіи своихъ предначертаній, чѣмъ и обрекало на неудачу свои смѣлыя реформаторскія попытки. Но съ другой стороны, въ нашемъ проектѣ есть рядъ и такихъ пунктовъ, по которымъ разногласіе между общественными и правительственными воззрѣніями отнюдь не свидѣтельствуетъ объ отсталости общественныхъ понятій. Во всемъ, что касается организаціи учебнаго заведенія, порядка учебной администраціи, проектъ отразилъ такія свѣжія и своеобразныя идеи, которыя ни прежде, ни послѣ не были всецѣло восприняты правительственной школьной политикой. Принципу офиціальной опеки и регламентаціи въ области школьнаго дѣла здѣсь былъ противопоставленъ принципъ самодѣятельности педагогическаго персо-

---

*) Любопытно сопоставить проектъ Крестинина съ проектомъ купца Ларина, извлеченнымъ г. Стасовымъ изъ архива Министер. народн. просвѣщенія и напечатаннымъ въ «Древней и Новой Россіи» 1876 г., томъ I.

нала и тѣсной связи школы съ мѣстнымъ общественнымъ самоуправленіемъ.

Интересъ, представляемый разсмотрѣннымъ проектомъ въ исторіи нашей школы, станетъ еще нагляднѣе, если мы сопоставимъ выраженныя въ немъ положенія не только съ современнымъ ему школьнымъ законодательствомъ, но и съ господствующимъ строемъ школы нашего времени. Резюмируемъ еще разъ эти положенія. Необходимость общеобразовательныхъ предметовъ въ профессіональной школѣ, предпочтеніе воспитательнаго воздѣйствія убѣжденіемъ и примѣромъ передъ системою наказаній, важное значеніе внѣкласснаго чтенія на ряду съ класснымъ обученіемъ, безплатность обученія, доступность школы для всѣхъ дѣтей школьнаго возраста или всеобщность обученія, установленіе тѣсной связи школы, какъ культурнаго центра, съ мѣстной общественной жизнью и широкое участіе общества во внутренней жизни школы, надѣленіе педагогическаго персонала самостоятельной иниціативой въ установленіи порядка и пріемовъ преподаванія, видоизмѣненіе школьнаго устава примѣнительно къ даннымъ условіямъ.

Достаточно только перечислить упомянутыя положенія, чтобы спросить себя, что̀ болѣе удивительно — то ли, что полтораста лѣтъ тому назадъ въ проектѣ провинціальнаго обывателя были высказаны столь смѣлые и свѣжіе взгляды на задачи и организацію школы, или то, что сужденія и споры нашихъ дней въ той же области нерѣдко могутъ оказаться архаичнѣе этого древняго проекта?

Одинъ изъ реформаторовъ русской школы.

П. М. Майковъ: «Иванъ Ивановичъ Бецкой». Опытъ его біографіи. С.-Пб., 1904 г.

Иванъ Ивановичъ Бецкой безспорно заслуживаетъ подробной біографіи. Его нельзя причислить къ звѣздамъ первой величины въ средѣ русскихъ историческихъ дѣятелей XVIII столѣтія. Ему недоставало для этого истинно творческой натуры, самобытныхъ, оригинальныхъ дарованій. Его планы были копіями съ чужихъ образцовъ, въ его стараніяхъ приспособить изобрѣтенія западной цивилизаціи къ своеобразію отечественныхъ условій, рѣдко проглядывала та способность къ неожиданнымъ остроумнымъ комбинаціямъ, которая дается вдохновеніемъ, посѣщающимъ только избранныя натуры. Онъ рисуется намъ въ высшей степени способнымъ ученикомъ, какъ губка впитывающимъ въ себя лучшія идеи современнаго ему вѣка и послушно воспроизводившимъ затѣмъ эти идеи, не оставляя на нихъ сколько-нибудь глубокаго штемпеля личнаго замысла, самостоятельной переработки. Справедливость требуетъ прибавить, что онъ умѣлъ не только учиться и выучиваться, но также и выбирать себѣ учителей, вѣрнымъ чутьемъ угадывая, гдѣ заложены добро и истина и, какъ растеніе къ солнцу, притягиваясь лучшими сторонами своей души къ наиболѣе свѣтлымъ лучамъ умственнаго движенія своей эпохи. Обостренной и хорошо направленной воспріимчивостью не ограничивались однако особенности его души. Это была не созерцательная, а дѣятельная натура. Ему никогда не случалось увлекаться какой-нибудь идеей, не пытаясь приступить къ ея практическому осуществленію, а жизнь сложилась для него такъ, что для удовлетворенія

коренной потребности его характера претворять мысль въ дѣло ему открывалось довольно свободное и обширное поприще. И вотъ, въ этихъ настойчивыхъ попыткахъ Бецкого провести въ жизнь мечтанія лучшихъ умовъ своего времени, достигнуть конкретнаго воплощенія этихъ мечтаній на почвѣ родной русской дѣйствительности,—передъ нами вскрываются черты, въ высшей степени характерныя не только для самого Бецкого, но и для всей русской общественности второй половины XVIII столѣтія. Бецкой интересенъ и важенъ для историка русской культуры не по размѣрамъ его личныхъ дарованій, а по чрезвычайной типичности его стремленій и дѣяній: они были, какъ нельзя болѣе, типичны для той общественной группы, въ рядахъ которой онъ дѣйствовалъ, для той эпохи, въ которой онъ жилъ и которой онъ служилъ.

Писалось о Бецкомъ до сихъ поръ не мало. Въ статьяхъ, спеціально посвященныхъ отдѣльнымъ сторонамъ его дѣятельности, не было недостатка. Почти ни одинъ общій трудъ по исторіи русской литературы и по исторіи екатерининской эпохи также не обходился безъ болѣе или менѣе обстоятельнаго экскурса о Бецкомъ и основанныхъ имъ учрежденіяхъ. И все таки въ нашей литературѣ не имѣлось цѣльнаго изображенія всей жизни и дѣятельности Бецкого, которое представило бы передъ нами эту характерную фигуру во весь ея ростъ и со всѣми ея деталями. Г. П. М. Майковъ задался цѣлью восполнить этотъ пробѣлъ и въ результатѣ его настойчивыхъ работъ, какъ надъ печатнымъ, такъ и надъ архивнымъ матеріаломъ, получился недавно выпущенный имъ въ свѣтъ объемистый томъ, заглавіе котораго приведено выше въ подзаголовкѣ нашего очерка. Книга появилась какъ нельзя болѣе кстати. Только что минуло *) двухсотлѣтіе со времени рожденія Бецкого **), и русскому обществу отнюдь не слѣдовало пропускать этого срока безъ надлежащихъ литературныхъ поминокъ. Мы не скажемъ, чтобы г. Майкову удалось справить эти поминки съ такимъ безспорнымъ успѣхомъ, который бы не оставлялъ желать ничего большаго. Намъ кажется, что и теперь, послѣ выхода этой книги, Бецкому все еще пред-

*) Статья написана въ 1904 г.

**) Нерѣдко время рожденія Бецкого относятъ къ 1703 г., но есть показанія, отодвигающія это время на 1704 г.

стоитъ ждать будущаго біографа. Г. Майковъ тщательно собралъ и разсортировалъ фактическій матеріалъ, касающійся его героя, чѣмъ и ограничилось содержаніе его труда, но онъ не далъ читателю возсозданія личности Бецкого, — эпохи, которая его породила, дѣла, которое было имъ совершено.

Собраны кирпичи, но зданіе не построено. Однако и собираніе кирпичей — трудъ почтенный и необходимый и, если онъ выполненъ обстоятельно и добросовѣстно, нельзя не принести за него искренней благодарности. Мы считаемъ нелишнимъ остановить вниманіе читателей на результатахъ этого труда, представляющихъ не мало интересныхъ и поучительныхъ чертъ и позволяющихъ намъ обосновать на несомнѣнныхъ фактахъ, частью извѣстныхъ и ранѣе, частью впервые извлеченныхъ г. Майковымъ изъ архивныхъ документовъ — приведенное выше общее сужденіе о значеніи общественной дѣятельности Бецкого.

I.

Прежде всего нѣсколько словъ о личной судьбѣ Бецкого. Много неясностей остается здѣсь для біографа послѣ самыхъ тщательныхъ разысканій. Туманно самое происхожденіе нашего героя. До насъ дошло собственное показаніе Бецкого, въ которомъ онъ опредѣленно называетъ себя «породою польскимъ шляхтичемъ» и свое появленіе на русской службѣ объясняетъ весьма обстоятельно слѣдующимъ образомъ: въ 1722 г. жилъ онъ «для науки» въ Парижѣ, гдѣ и былъ принятъ на русскую службу нашимъ посломъ кн. Вас. Лук. Долгорукимъ, при которомъ отправлялъ секретарскую должность.

Затѣмъ, *по требованію кн. Ивана Юрьевича Трубецкого* былъ онъ высланъ въ Кіевъ для отправленія секретныхъ дѣлъ и корреспонденціи ея величества на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ и затѣмъ опредѣлился при кн. Трубецкомъ въ флигель-адъютанты. Такъ началось служеніе Бецкого Россіи. Это — показаніе самого Бецкого. Однако упорная молва, установившаяся еще съ начала XVIII ст. и затѣмъ не разъ подтвержденная очень компетентными свидѣтельствами, гласила иначе. Она переносила мѣсто рожденія Бецкого изъ Польши въ Стокгольмъ, а кн. Ивана Юрьевича Трубецкого называла виновникомъ появленія Бецкого не только

въ Россіи, но и вообще на Божьемъ свѣтѣ. Согласно твердо укоренившемуся и общепринятому еще съ XVIII ст. мнѣнію, Бецкой былъ незаконный сынъ кн. Трубецкого, прижитый послѣднимъ въ Стокгольмѣ, въ плѣну у шведовъ, куда князь попалъ въ 1700 г. послѣ несчастной битвы подъ Нарвой и гдѣ онъ пробылъ вплоть до размѣна плѣнныхъ въ 1718 году. Легенда окружила происхожденіе Бецкого заманчивыми подробностями. Говорили, что кн. Трубецкой проводилъ дни своего плѣна съ большимъ комфортомъ и свободой, былъ принятъ въ высшихъ кругахъ стокгольмской аристократіи, смѣло срывалъ тамъ цвѣты всевозможныхъ удовольствій и такъ серьезно увлекъ своей особой одну знатную баронесу — по однимъ показаніямъ Спарре, по другимъ — Вреде, что вступилъ съ нею въ связь, въ результатѣ которой Россія и получила Ивана Ивановича Бецкого. Г. Майковъ подвергъ вполнѣ основательному сомнѣнію детали этой блестящей исторіи. Предпринятыя имъ справки въ исторіи дворянскихъ фамилій Спарре и Вреде не открыли никакихъ слѣдовъ упомянутой связи. Въ то же время рядъ косвенныхъ соображеній сильно колеблетъ вѣроятность всей этой исторіи. Во-первыхъ, у насъ есть данныя, рисующія жизнь русскихъ плѣнниковъ въ Швеціи далеко не радужными красками. Въ письмахъ кн. Хилкова изъ Швеціи говорилось, что плѣнныхъ русскихъ генераловъ содержали тамъ «какъ звѣрей», взаперти и впроголодь, съ такими утѣсненіями и тяжкими мучительствами, которыхъ, по словамъ Хилкова, и «въ самыхъ *барбаризахъ* (т.-е. варварскихъ странахъ) не обрѣтается». Возможно, конечно, что съ годами тяжесть неволи пооcлабѣла, однако общее отношеніе къ русскимъ плѣнникамъ очевидно было весьма суровое и малодоброжелательное. Притомъ рожденіе Бецкого падаетъ на первые годы плѣна, и даже какъ разъ на такой періодъ, когда кн. Трубецкой всего менѣе могъ разсчитывать на радушное гостепріимство аристократическихъ салоновъ. Въ 1703 г. князь сдѣлалъ попытку бѣжать изъ плѣна, былъ пойманъ и подвергнутъ особенно тяжелому заключенію; его заперли въ домъ, гдѣ сидѣли осужденные къ смерти подъ самымъ строгимъ карауломъ. Наконецъ, не лишены значенія и личныя свойства отца Бецкого для сужденія о степени его возможныхъ успѣховъ въ избранномъ обществѣ Стокгольма. По отзывамъ англійскаго посла

Карлейля шведская знать того времени была самой блестящей во всей Европѣ. Что же представлялъ изъ себя князь Ив. Трубецкой? По отзыву дюка-де Лирія это былъ «невѣжа, какихъ мало», при томъ же заика и человѣкъ, исполненный тщеславія и не пользовавшійся уваженіемъ и у себя на родинѣ.

Въ виду всѣхъ этихъ данныхъ становится весьма вѣроятнымъ, что происхожденіе Бецкого было гораздо скромнѣе, чѣмъ разгласила позднѣйшая молва, и не въ кругахъ стокгольмскаго бомонда надлежало бы искать слѣдовъ его матери. Намъ приходитъ на мысль, что приведенное выше автобіографическое показаніе Бецкого можетъ быть согласно съ его происхожденіемъ отъ кн. Ив. Трубецкого.

Если мы припомнимъ, что послѣ битвы подъ Нарвой Карлъ XII напалъ на Польшу, мы получимъ полную возможность предположить, что мать Бецкого принадлежала къ плѣннымъ польскимъ шляхтянкамъ, попавшимъ въ Стокгольмъ. Романъ плѣннаго русскаго генерала съ плѣнной шляхтянкой гораздо болѣе вяжется со всѣми разсмотрѣнными выше обстоятельствами, чѣмъ легендарные слухи объ успѣхахъ кн. Трубецкого въ будуарахъ шведскихъ баронессъ. Потому-то и самъ Бецкой, котораго не зачѣмъ подозрѣвать въ лживости, могъ оффиціально называть себя позднѣе польскимъ шляхтичемъ, умалчивая о личности незаконнаго отца и разумѣя свое происхожденіе съ материнской стороны*).

Какъ бы то ни было, одно представляется несомнѣннымъ: князь Ив. Трубецкой, дѣйтвительно, былъ отцемъ Бецкаго. Это подтверждается и позднѣйшими заботами князя о служебной карьерѣ и матеріальномъ обезпеченіи Бецкого и положительными указаніями лицъ, которыя въ данномъ случаѣ не могли ошибиться.

Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XVIII в. видную роль въ высшемъ обществѣ Петербурга и при самомъ дворѣ играла дочь кн. Трубецкого Анастасія Ивановна, бывшая замужемъ сначала за бывшимъ молдавскимъ господаремъ Кантеміромъ, потомъ за герцогомъ гессенъ-гомбургскимъ. Блиставшая красотой

---

*) Легенда вообще не мало поработала въ составленіи біографіи Бецкого. Называли же Бецкого отцомъ Екатерины II! Положительно удостовѣрено, между тѣмъ, что Бецкой въ годъ рожденія Екатерины и непосредственно передъ этимъ не выѣзжалъ изъ Россіи.

и образованіемъ, Анастасія Ивановна была любимицею императрицы Елизаветы. Бецкой всегда находился съ ней въ самой тѣсной дружбѣ, жилъ съ ней въ одномъ помѣщеніи и въ письмахъ близкихъ къ ея дому людей Бецкой постоянно называется ея кровнымъ братомъ.

Эти родственныя отношенія не мало повліяли на первоначальные успѣхи карьеры Бецкого. Отецъ далъ Бецкому хорошее образованіе, воспиталъ его, по словамъ записокъ Пащокина, «съ преизряднымъ ученіемъ», пославъ его для этой цѣли за границу уже по возвращеніи своемъ изъ шведскаго плѣна. Показанія о мѣстѣ обученія Бецкого чрезвычайно противорѣчивы. Основываясь исключительно на словахъ самого Бецкого, можно съ увѣренностью утверждать только то, что Бецкой пробылъ сколько-то времени въ копенгагенскомъ кадетскомъ корпусѣ, а потомъ явился «для науки» въ Парижъ, гдѣ началъ и служебное свое поприще исполненіемъ секретарскихъ обязанностей при россійскомъ послѣ кн. Долгорукомъ. Скоро однако отецъ вызвалъ его въ Россію и опредѣлилъ при себѣ флигель-адъютантомъ. Въ этой должности Бецкой пережилъ достопамятныя событія, разыгравшіяся за смертью Петра II передъ воцареніемъ Анны. Вмѣстѣ съ своимъ отцомъ онъ принадлежалъ къ сторонникамъ сохраненія неограниченнаго самодержавія и его имя стоитъ среди подписей подъ челобитной, въ которой Анну просили уничтожить уже подписанные ею въ Митавѣ ограничительные пункты и принять самодержавную власть по примѣру предковъ. Какъ извѣстно, челобитная и вручена была императрицѣ княземъ Иваномъ Юрьевичемъ Трубецкимъ.

Въ 1738—39 гг. Бецкой совершилъ вторую заграничную поѣздку, объѣхавъ Германію для сопровожденія своей сестры Анастасіи Ивановны съ ея мужемъ, герцогомъ гессенъ-гомбургскимъ. Новый государственный переворотъ, доставившій престолъ Елизаветѣ, открывалъ и для Бецкого новыя служебныя перспективы: мы уже знаемъ, что сестра Бецкого, жившая съ нимъ въ такой дружбѣ, была любимицей новой императрицы. Самъ Бецкой принималъ нѣкоторое участіе въ подготовкѣ переворота, онъ служилъ посредникомъ въ сношеніяхъ Елизаветы съ Шетарди. Съ этихъ поръ онъ становится на виду. Въ 1741 г. онъ былъ пожалованъ въ камергеры къ наслѣднику престола. Образованный и даровитый, онъ положительно

выдѣлялся изъ круга посредственностей, окружавшихъ молодой дворъ, и не могъ остаться незамѣченнымъ тою, чье царствованіе было впослѣдствіи украшено его своеобразными проектами и начинаніями. Еще прежде, чѣмъ Екатерина успѣла оцѣнить въ Бецкомъ умнаго и занимательнаго собесѣдника, ея мать, принцесса Іоанна-Елизавета поспѣшила оцѣнить въ немъ привлекательнаго мужчину. Жизнь улыбалась Бецкому. Служебные успѣхи переплетались съ удачами въ любви. Но болѣе широкая жизненная дорога оказалась и болѣе скользкой, и Бецкой поскользнулся очень скоро. Молодой дворъ былъ окруженъ цѣлымъ роемъ интригъ, главной зачинщицей которыхъ явилась легкомысленная, суетливая и безтолковая мать Екатерины. Она примкнула къ врагамъ всесильнаго тогда канцлера Бестужева и въ концѣ концовъ сама попалась въ собственную паутину. Послѣдовалъ разгромъ всего приставленнаго къ молодому двору штата. Іоанна-Елизавета была выслана на родину. Камергеры великокняжескаго двора отставлены отъ должностей. Эту участь долженъ былъ раздѣлить и Бецкой, уволенный по прошенію отъ службы съ чиномъ генералъ-майора. На все остальное время царствованія Елизаветы, съ 1747 по 1762 годъ, Бецкой покинулъ Россію.

Эта третья заграничная поѣздка Бецкого имѣла въ высшей степени важное значеніе въ его жизни. Временная житейская неудача была для него поистинѣ благодѣяніемъ судьбы. Она оторвала его отъ затхлой сферы придворныхъ интригъ и будуарныхъ приключеній, она дала ему досугъ для умственной работы, открыла ему возможность многое узнать и увидѣть и въ эпоху полнаго расцвѣта духовныхъ силъ свободно подышать воздухомъ самыхъ чистыхъ вершинъ европейской интеллигенціи.

Первый разъ онъ попалъ за границу еще мальчикомъ, вторая поѣздка была сдѣлана наспѣхъ, притомъ въ зависимости отъ маршрута свадебнаго путешествія его сестры, теперь онъ поѣхалъ не покататься по Европѣ, а пожить въ ней, ѣхалъ съ большимъ запасомъ интереса къ особенностямъ западной культуры и, можно думать, съ достаточно опредѣлившимися уже умственными наклонностями и житейскими взглядами. Можно сказать смѣло: эта поѣздка по Европѣ (онъ жилъ въ разныхъ мѣстахъ — въ Италіи, Франціи, Гол-

ландіи, Австріи и т. п.) доставила ему тотъ основной идейный капиталъ, процентами съ котораго онъ пользовался затѣмъ въ теченіе всей своей государственной дѣятельности, которая еще предстояла ему въ Россіи.

«Когда я путешествовалъ, — вспоминалъ впослѣдствіи Бецкой объ этомъ времени въ одномъ письмѣ, — я не терялъ времени, нѣжась въ дорогѣ въ шлафрокахъ... никогда не занимался обѣдами въ пути на почтовыхъ дворахъ, а спѣшилъ въ городъ, гдѣ могъ просвѣтить себя осматриваніемъ полезнаго, чѣмъ до полудня занимался; остальное время проводилъ въ почтенныхъ и просвѣщенныхъ обществахъ, а потомъ, прежде нежели ложился спать, писалъ мой журналъ». Путешествуя, Бецкой безпрерывно наблюдалъ и учился. Къ сожалѣнію, его путевой журналъ остается неизвѣстнымъ. Но и по тѣмъ случайнымъ отрывкамъ изъ его путевыхъ воспоминаній, которыя разсыпаны по его позднѣйшимъ произведеніямъ, мы можемъ судить, какъ внимателенъ и чутокъ былъ его глазъ и умъ по отношенію ко всему, что представляло какой-нибудь образовательный интересъ. Составляя проекты образовательныхъ и филантропическихъ учрежденій, Бецкой постоянно ссылается на свои личныя впечатлѣнія отъ видѣннаго имъ въ западной Европѣ. Госпитали и благотворительныя заведенія онъ подвергалъ особенно тщательному осмотру. Здѣсь-то зарождались въ его умѣ планы дальнѣйшихъ трудовъ на пользу родины. Въ Парижѣ онъ попалъ въ самый центръ умственной аристократіи. У насъ имѣются документальныя доказательства его хорошаго знакомства съ извѣстной г-жей Жоффренъ, салонъ который притягивалъ къ себѣ цвѣтъ перворазрядныхъ знаменитостей научнаго и литературнаго міра тогдашней Франціи. Бецкой впитывалъ въ себя сокъ просвѣтительной философіи у самаго ея источника. Вопросы воспитанія заняли тогда видное мѣсто въ кругу темъ, волновавшихъ общественное мнѣніе. Какъ разъ въ то время появился въ свѣтъ «Эмиль» Руссо, съ такой «невѣдомою силой» ударившій по сердцамъ читателей и читательницъ. Цѣлое откровеніе развертывалось передъ мыслящими людьми, и Бецкой вернулся въ Россію, весь охваченный строемъ просвѣтительныхъ воззрѣній.

Возвращеніе на родину сдѣлалось для него возможнымъ благодаря смерти Елизаветы и воцаренію Петра III. Новый государь самъ вспомнилъ опальнаго камергера и вызвалъ его

въ Россію. Бецкой былъ назначенъ директоромъ «канцеляріи отъ строеній». Такъ называлось учрежденіе, завѣдовавшее сооруженіями, принадлежавшими къ дворцовому вѣдомству. Съ высоты идеальныхъ мечтаній объ усовершенствованіи человѣчества пришлось опуститься сразу въ тину самыхъ мелочныхъ заботъ о ремонтѣ дворцовыхъ конюшенъ или о сазанахъ, уснувшихъ въ пруду какой-нибудь дворцовой мызы. Остается не вполнѣ выясненнымъ, какую позицію занималъ Бецкой при дворѣ во время все усиливавшихся недоразумѣній и даже столкновеній между императоромъ и императрицей. Различно толкуется роль Бецкого и въ моментъ переворота 1762 г. Извѣстенъ разсказъ княгини Дашковой о томъ, какъ Бецкой требовалъ отъ Екатерины признанія своихъ заслугъ по устройству переворота и успокоился не прежде, чѣмъ получилъ въ ознаменованіе этихъ заслугъ почетное, — а вѣроятно также и доходное, — порученіе завѣдовать приготовленіемъ новой большей короны для предстоящей коронаціи. Г. Майковъ частью подвергаетъ сомнѣнію справедливость всѣхъ подробностей этого разсказа, частью пытается дать ему новое толкованіе, предполагая, что кн. Дашкова извратила или просто не сумѣла ясно передать смыслъ этой сцены. Г. Майковъ утверждаетъ, что Бецкой не былъ въ числѣ сторонниковъ императрицы во время переворота. Подтвержденіемъ этому мнѣнію могутъ служить главнымъ образомъ два обстоятельства: 1) по свидѣтельству Штелина Бецкой находился на галерѣ Петра III при отплытіи послѣдняго изъ Петергофа въ Ораніенбаумъ въ ночь съ 28-го на 29-е іюня, и 2) Бецкой не попалъ въ списокъ лицъ, награжденныхъ Екатериной за удачный исходъ переворота.

Какъ бы то ни было, воцареніе Екатерины совпало съ началомъ блестящаго періода государственной дѣятельности Бецкого. Онъ сохранилъ прежнія служебныя назначенія, къ которымъ вскорѣ присоединились новыя, гораздо болѣе важныя и соотвѣтствовавшія его гуманистическимъ идеаламъ. Бецкой былъ уже почти 60-лѣтнимъ старикомъ при воцареніи Екатерины. Близился закатъ жизни. Но для Бецкого — вопреки распространенному на Руси явленію — закатъ жизни совпалъ съ расцвѣтомъ дѣятельности, которая всѣмъ своимъ историческимъ значеніемъ всецѣло принадлежала царствованію Екатерины. Екатерина не была особенно располо-

жена къ Бецкому. Она не питала къ нему не только симпатіи, но даже и безусловнаго довѣрія*). И тѣмъ не менѣе, они были родными по духу, ихъ умы были обвѣяны одними и тѣми же вліяніями, общая вѣра двигала ихъ дѣйствіями, однѣ и тѣ же иллюзіи обрекали ихъ на одинаковыя увлеченія и ошибки.

Мы отмѣтимъ теперь основныя черты общественныхъ начинаній Бецкого и попытаемся указать ихъ значеніе въ исторіи русской общественности и русской школы.

II.

При изложеніи біографіи Бецкого г. Майкову пришлось не мало потрудиться для разъясненія многихъ спорныхъ и темныхъ пунктовъ и для разрушенія ни на чемъ не основанныхъ легендъ, приросшихъ къ имени Бецкого и въ значительной мѣрѣ искажавшихъ правильныя очертанія его личной исторіи. Изъ предшествующей краткой передачи тѣхъ результатовъ, къ которымъ пришелъ г. Майковъ въ этомъ отношеніи, свѣдующій читатель усмотритъ, насколько выиграли теперь наши представленія о жизни Бецкого въ опредѣленности, простотѣ и ясности.

Въ иномъ положеніи находился г. Майковъ при характеристикѣ общественныхъ идеаловъ и государственныхъ начинаній своего героя. Здѣсь онъ стоялъ на твердой почвѣ, имѣя цѣлый рядъ предшественниковъ, не разъ уже подробно характеризовавшихъ воззрѣнія Бецкого на основаніи собственныхъ произведеній послѣдняго. Новому біографу предстояло подвести итогъ тому, что было сказано до него въ литературѣ о Бецкомъ, и въ связи съ критически-изученными біографическими данными представить читателямъ выпуклую обобщающую характеристику Бецкого, указавъ мѣсто, которое онъ занялъ въ исторіи нашего общественнаго развитія. Г. Майковъ уклонился отъ выполненія такой задачи и ограничился разработкой другой стороны дѣла: онъ тщательно разобралъ архивы тѣхъ учрежденій, во главѣ которыхъ стоялъ Бецкой, изслѣдовалъ весьма подробно служебную переписку послѣдняго и постарался извлечь изъ этихъ бумагъ факти-

---

*) Въ книгѣ г. Майкова собрано не мало фактовъ, подтверждающихъ это положеніе.

ческій матеріалъ, показывающій, какъ дѣйствовалъ Бецкой при практическомъ осуществленіи одушевлявшихъ его началъ. Бецкой — писатель, Бецкой — мыслитель занимаетъ вниманіе г. Майкова въ гораздо меньшей степени, нежели повседневное практическое участіе Бецкого въ жизни созданныхъ имъ учрежденій.

Неполнота, проистекающая изъ такого, нѣсколько односторонняго изложенія, выкупается, однако, новизной приводимыхъ г. Майковымъ данныхъ, въ которыхъ разсыпано не мало живыхъ чертъ, дополняющихъ знакомый намъ образъ Бецкого характерными подробностями. Предстоитъ только собрать и объединить всѣ эти черточки, мелькающія тамъ и сямъ въ излагаемыхъ г. Майковымъ документахъ. Мы попытаемся сдѣлать это съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что память Бецкого блистательно выдерживаетъ этотъ историческій экзаменъ, и образъ русскаго гуманнаго филантропа не только не проигрываетъ, но, наоборотъ, озаряется еще болѣе привлекательнымъ освѣщеніемъ послѣ знакомства съ новыми документами. Мы привыкли чтить Бецкого по его словамъ. Новые документы даютъ возможность оцѣнить его по его *поступкамъ*.

Многообразная дѣятельность Бецкого распредѣлялась между цѣлымъ рядомъ учрежденій. «Канцелярія отъ строеній», воспитательные дома съ примыкавшими къ нимъ разнородными учрежденіями, «воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ», академія художествъ, сухопутный шляхетскій кадетскій корпусъ, коммерческое училище, — таковъ былъ довольно пестрый подборъ «служебныхъ мѣстъ», въ которыхъ проходила общественная работа Бецкого. Впрочемъ, эта пестрота была чисто-внѣшняя. Въ ней легко уловить ясно выраженное единство наклонностей и интересовъ. Благотворительность и воспитаніе — вотъ родная стихія Бецкого. Видимая разбросанность его общественныхъ начинаній проистекала изъ естественнаго стремленія примѣнить дорогіе ему принципы вездѣ, гдѣ только можно. Но самые принципы, ради торжества которыхъ работалъ Бецкой, оставались для него одинаково неизмѣнными на всѣхъ путяхъ его разносторонней дѣятельности. Въ этомъ отношеніи Бецкой представлялъ собою удивительно цѣльный типъ общественнаго дѣятеля, каждый шагъ котораго всегда былъ одухотворенъ

единствомъ ясно сознанной и разъ навсегда хорошо продуманной мысли.

Одна только «канцелярія отъ строеній» врѣзывалась какимъ-то чуждымъ клиномъ въ кругъ его занятій и заботъ. Мы не будемъ останавливаться на этой сторонѣ служебной дѣятельности Бецкого, не имѣющей отношенія къ тому, чѣмъ имя Бецкого вписано въ исторію Россіи, и не лишенной нѣкотораго интереса развѣ только для личной его біографіи и для разъясненія его отношеній къ Екатеринѣ II. То былъ докучный міръ мелочныхъ хозяйственныхъ дрязгъ, не предоставлявшій никакой пищи для ума и сердца, но не мало обременявшій душу тревожными хлопотами и незаслуженными непріятностями. Приходилось исполнять быстро смѣнявшія другъ друга затѣи Екатерины въ области дворцовыхъ построекъ, остерегаясь, однако, заводить рѣчь объ отпускѣ необходимыхъ для этого суммъ, и помня, что отсрочиваніе новыхъ работъ ради покрытія долговъ по прежнимъ заказамъ всегда могло вызвать не особенно милостивую записку отъ императрицы въ родѣ слѣдующей: «старый хрычь (т.-е. Бецкой) вмѣсто того, чтобъ Петергофъ чинить, чортъ знаетъ, что изъ тѣхъ денегъ сдѣлалъ. Я думаю, что они *долги канцеляріи отъ строенія* заплатили отчасти»*).

Можно представить себѣ, какъ способствовала эта служба спокойствію духа Бецкого и насколько ею удовлетворялись его умственные интересы и запросы. Г. Майковъ подробно разсматриваетъ труды Бецкого по канцеляріи строеній, посвящая этому предмету цѣлую особую главу, къ которой мы и отсылаемъ интересующихся читателей.

Мы послѣдуемъ за Бецкимъ въ ту область его дѣятельности, гдѣ онъ былъ самимъ собою, гдѣ онъ получалъ возможность въ своихъ общественныхъ начинаніяхъ дать исходъ внутреннимъ потребностямъ собственной души. Мы уже сказали, что то была область благотворительности и воспитанія. Но этимъ сказано еще далеко не все. Одною изъ характерныхъ и въ то же время наиболѣе привлекательныхъ чертъ Бецкого было постоянное стремленіе связать вопросы благотворительности и воспитанія со всею совокупностью назрѣвшихъ общественныхъ потребностей.

---

*) *Майковъ*, стран. 89. «Сб. Р. Ист. Общ.», т. X, стран. 225.

Бѣдность и отсутствіе добраго воспитанія представлялись ему основаніями всѣхъ общественныхъ бѣдствій, всей общественной неправды, и вотъ почему — борьба съ этимъ двоякимъ корнемъ соціальныхъ недуговъ принимала, согласно его замыслу, внушительныя очертанія всеобъемлющей общественной реформы. Въ планахъ и уставахъ, которые были составлены Бецкимъ для основанныхъ имъ разнообразныхъ учрежденій, онъ очень рѣдко былъ оригинальнымъ. Изслѣдованіе г. Майкова, по нашему мнѣнію, окончательно устранило на этотъ счетъ всякія сомнѣнія.

При устройствѣ воспитательныхъ домовъ Бецкой слѣдовалъ образцамъ, лично изученнымъ имъ на Западѣ во время заграничныхъ поѣздокъ, уставъ воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ скопированъ съ устава Сенъ-Сира *), а уставъ шляхетнаго кадетскаго корпуса очень близко воспроизводилъ уставъ воспитательнаго общества **); наконецъ, составляя уставъ академіи художествъ, Бецкой широко воспользовался старымъ проектомъ, составленнымъ для академіи еще при Шуваловѣ ***). Но, какъ пчела, обирая медъ съ готовыхъ цвѣтовъ, заимствуя чужія мысли и даже пользуясь цѣликомъ чужими работами, Бецкой умѣлъ одухотворять тѣ и другія путеводной идеей, которая лежала въ основаніи всѣхъ его гуманитарныхъ стремленій. То была идея о неразрывной связи прогресса воспитательнаго дѣла съ общимъ обновленіемъ всѣхъ жизненныхъ отношеній, съ общими успѣхами истины, добра, справедливости въ человѣческомъ общежитіи. Онъ смотрѣлъ на школу, какъ на источникъ всякаго нравственнаго тепла и свѣта, и вѣрилъ въ то, что нормальная постановка школы повлечетъ за собою оздоровленіе всей той жизненной сферы, съ которой школа будетъ соприкасаться. И вотъ, при изученіи педагогическихъ плановъ Бецкого становится въ высшей степени интереснымъ слѣдить за тѣмъ, какъ искусно переплетаетъ онъ съ вопросами воспитанія цѣлый рядъ другихъ вопросовъ, соприкасавшихся такъ или иначе съ наиболѣе передовыми теченіями и запросами времени. Борьба съ крѣпостнымъ правомъ, борьба съ тѣлес-

*) *Майковъ*, стран. 265: наглядное сопоставленіе этихъ двухъ уставовъ.
**) Ibid, стран. 367.
***) Ibid, стран. 320

ными наказаніями, требованіе равноправія обоихъ половъ въ отношеніи образованія, настойчивое выдвиганіе необходимости общаго образованія насчетъ ранней спеціализаціи, поощреніе общественной самодѣятельности и инціативы въ разнаго рода начинаніяхъ, направленныхъ на пользу самого общества, пропаганда строгой законности и правомѣрности въ управленіи общественными учрежденіями — вотъ вопросы первостепенной важности, которые подымалъ Бецкой попутно съ разработкой спеціально педагогическихъ своихъ теорій и плановъ. Онъ ставилъ эти вопросы и теоретически — въ своихъ уставахъ и запискахъ, и практически — въ своихъ непосредственныхъ распоряженіяхъ по управляемымъ имъ заведеніямъ. Многіе факты, указанные въ изслѣдованіи г. Майкова на основаніи документальныхъ данныхъ, приводятъ къ отрадному заключенію, что Бецкой не былъ при этомъ человѣкомъ фразы, что слово не расходилось у него съ дѣломъ. Поучительно даже и для нашего времени бросить взглядъ на дѣятельность Бецкого съ только что отмѣченныхъ сторонъ; вѣдь если названные выше вопросы всѣ безъ исключенія отличались свѣжестью смѣлой новизны для той эпохи, въ которой жилъ и дѣйствовалъ Бецкой, то по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ даже и теперь, на зарѣ XX столѣтія, все еще не вышли у насъ вполнѣ изъ круга очередныхъ задачъ, ожидающихъ своего безповоротнаго разрѣшенія.

Мы поставили въ началѣ нашего списка борьбу съ крѣпостнымъ правомъ. Да, борьба съ крѣпостнымъ правомъ дѣйствительно была написана на знамени Бецкого. Онъ понималъ, насколько ученье и рабство несовмѣстимы другъ съ другомъ. Та «новая порода людей», о созданіи которой мечталъ Бецкой и отъ которой онъ ждалъ обновленія человѣчества, не должна была знакомиться съ цѣпями крѣпостной неволи. Общество благородныхъ дѣвицъ и шляхетскій корпусъ предназначались исключительно для дѣтей дворянскаго сословія, самымъ своимъ рожденіемъ обезпеченныхъ на всю жизнь въ неотъемлемомъ пользованіи свободой, а потому и не нуждавшихся въ этомъ отношеніи въ какой-либо спеціальной охранѣ. Въ иномъ положеніи находился третій питомникъ «новой породы людей» — воспитательный домъ, подбиравшій дѣтей, брошенныхъ на произволъ судьбы, безъ роду и племени и безъ всякаго знака ихъ сословнаго происхожденія.

По мысли Бецкого воспитательный домъ долженъ былъ дѣлаться для этихъ дѣтей не только убѣжищемъ отъ нищеты, но и колыбелью полнаго нравственнаго перерожденія. Не происхожденіе, а условія воспитанія предопредѣляютъ нравственную природу человѣка, — разсуждалъ Бецкой, — и потому онъ рекомендовалъ смотрѣть на всѣхъ безвѣстныхъ подкидышей, попавшихъ подъ сѣнь воспитательнаго дома какъ на жатву будущей новой породы людей, не справляясь съ ихъ метрическими свидѣтельствами. И въ уставѣ воспитательнаго дома было спеціально постановлено, что всѣ питомцы этого дома обоего пола и дѣти ихъ и потомки *въ вѣчные роды* останутся *вольными* и никому ни подъ какимъ видомъ закабалены и укрѣплены быть не могутъ. Далѣе, имъ запрещалось вступать въ бракъ съ крѣпостными людьми, а на тотъ случай, если бы такой бракъ въ дѣйствительности какъ-нибудь совершился, постановлялось не только не закрѣплять ихъ самихъ за помѣщиками, но распространить свободу и на другую сторону, вступившую въ супружество съ питомцемъ или питомицей воспитательнаго дома.

Такъ, учрежденіе воспитательнаго дома по мысли Бецкого выходило далеко за предѣлы простой филантропіи; дѣло шло не только о состраданіи къ отдѣльнымъ бѣднякамъ, дѣло шло о пересозданіи всего склада господствовавшихъ въ обществѣ нравственныхъ понятій и соціальныхъ отношеній и, разумѣется, среди прочихъ золъ обреченнаго на разрушеніе ветхаго міра должно было погибнуть при этомъ и крѣпостное право. Любопытно отмѣтить, что самъ Бецкой, какъ это положительно явствуетъ изъ приводимыхъ г. Майковымъ документовъ, вовсе не склоненъ былъ ограничивать составъ питомцевъ воспитательнаго дома одними безвѣстными подкидышами и незаконнорожденными младенцами. Онъ готовъ былъ принимать туда всякаго званія сиротъ или вообще дѣтей, почему-либо лишенныхъ родительскаго попеченія *), даже не особенно стѣсняясь возрастомъ вступающихъ; такъ,

*) При Бецкомъ для принятія въ домъ новаго питомца вопросъ о *законности* рожденія принесеннаго младенца вообще не игралъ никакой роли. Лишь впослѣдствіи при императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ постановлено было принимать въ воспитательный домъ только незаконнорожденныхъ дѣтей.

напримѣръ, послѣ чумы Бецкой настаивалъ на свободномъ пріемѣ туда дѣтей даже 6—7-лѣтняго возраста и старше. Все это еще болѣе расширяло кругъ тѣхъ лицъ, которыя могли быть вырваны при посредствѣ воспитательнаго дома изъ грозившихъ имъ узъ крѣпостной неволи. Но и этого мало. Система воспитанія, разработанная Бецкимъ, неизбѣжно порождала требованіе на внесеніе болѣе смягченныхъ, болѣе гуманныхъ пріемовъ въ сферу самихъ крѣпостныхъ отношеній. Если Бецкой и не подымалъ вопроса о внезапномъ уничтоженіи крѣпостного состоянія, то онъ положительно требовалъ признанія за крѣпостнымъ человѣкомъ его человѣческой личности, требовалъ этого прежде всего съ точки зрѣнія собственныхъ интересовъ самаго владѣльческаго класса. Успѣхи воспитанія всего болѣе зависятъ отъ личныхъ свойствъ воспитателей и наставниковъ. Но кто, какъ не крѣпостной человѣкъ, является первымъ наставникомъ и наперсникомъ дворянскаго ребенка? Держите, — говоритъ Бецкой, — вашихъ рабовъ въ забитости и невѣжествѣ въ томъ убѣжденіи, что рабу ни на что не нужно ученье, — и ваши же собственныя дѣти въ нѣжные годы ранняго младенчества «напитаются всѣми пороками, всею грубостью, всѣми худыми разговорами сихъ рабовъ, которыми столь грубо и надменно пренебрегаете, и отъ сообщества съ ними послѣдуютъ невѣжество, свирѣпство, развратные нравы».

Какъ бы то ни было, крѣпостное право объявлялось несовмѣстимымъ съ этой эрой всеобщаго нравственнаго обновленія, наступленія которой Бецкой ожидалъ отъ примѣненія своей воспитательной системы. То самое крѣпостное право, которое устами рядовой общественной массы того времени провозглашалось священнымъ оплотомъ, краеугольнымъ камнемъ свойственнаго Россіи порядка общежитія и государственнаго устройства, было заклеймено Бецкимъ, какъ позорное пятно, которому предстоитъ исчезнуть вмѣстѣ съ исчезновеніемъ «старой породы людей».

Любопытно отмѣтить, что хотя и косвенная, но тѣмъ не менѣе глубокая связь воспитательныхъ плановъ Бецкого съ эмансипаціонными стремленіями не ускользнула отъ вниманія современниковъ и даже послужила поводомъ къ наиболѣе злымъ нападкамъ на всю просвѣтительную дѣятельность Бецкого. Небезызвѣстный писатель XVIII в. Эминъ посвя-

тилъ созданнымъ Бецкимъ учрежденіямъ цѣлую сатиру: «Сонъ». Бездарная, какъ и все, что выходило изъ-подъ пера Эмина, — сатира вышучиваетъ заведенія, ввѣренныя завѣдыванію «большого барсука», такъ именуется самъ Бецкой. Содержаніе сатиры мы пересказывать не будемъ: отъ нея вѣетъ безсиліемъ пошлаго зубоскальства, но отмѣтимъ одно неосторожное признаніе автора, вскрывающее намъ источникъ всѣхъ его нападеній. «Барсукъ», — говоритъ Эминъ, — *своихъ животныхъ* не любитъ (т.-е. дворянъ?) и главное намѣреніе его состоитъ въ томъ, чтобы въ обществѣ когда-нибудь возстановить *вольность*, не разсуждая, что *вольность обществу принесетъ разореніе*».

Громко требуя смягченія крѣпостной неволи въ ожиданіи ея полнаго уничтоженія, настаивая на необходимости гуманнаго и просвѣщеннаго обращенія съ рабами, Бецкой съ еще большимъ жаромъ вооружается противъ грубыхъ воспитательныхъ пріемовъ, унижающихъ человѣческую личность въ ребенкѣ. Въ тотъ вѣкъ, когда въ русскомъ обществѣ еще пользовался полнымъ правомъ гражданства завѣтъ «Домостроя»: «любя сына, сокруши ему ребра», Бецкой рѣзко поднялъ свой голосъ противъ примѣненія тѣлеснаго наказанія къ воспитанію дѣтей. Въ этомъ вопросѣ онъ былъ неумолимо послѣдователенъ, отступивъ даже отъ своего иноземнаго авторитета — Локка. Локкъ допускаетъ тѣлесное наказаніе въ видѣ компромисса съ укоренившимися въ обществѣ обычаями, хотя и осуждаетъ его принципіально. Бецкой, наоборотъ, не желаетъ итти на какія бы то ни было уступки. Онъ пишетъ въ генеральномъ планѣ воспитательнаго дома: «единожды на всегда ввести въ сей домъ *неподвижный законъ* и строго утвердить *никогда* и *ни за что* не бить дѣтей». Наказывать слѣдуетъ не жестокостью, а стыдомъ. Жестокость въ наказаніяхъ коверкаетъ нравственную природу дѣтей, заращивая въ ихъ души суровость, мстительность и притворство. Кромѣ того, Бецкой выставлялъ еще одно важное соображеніе въ пользу своего нововведенія: съ ребенкомъ, котораго воспитываютъ «къ новому бытію», нельзя поступать, какъ съ рабомъ; не можетъ служить цѣли добраго воспитанія то, что связывается съ униженіемъ человѣческаго достоинства.

И, вѣрный своему принципу, Бецкой шелъ еще дальше: не только воспитываемые дѣти, но и самые низшіе служи-

тели, состоящіе при воспитательныхъ заведеніяхъ, объявлялись имъ свободными отъ тѣлеснаго наказанія съ тою цѣлью, чтобы зрѣлище наказанныхъ побоями людей не повліяло тлетворнымъ образомъ на дѣтскія души. Нѣтъ надобности прибавлять, что изгнаніе тѣлеснаго наказанія изъ системы воспитательныхъ средствъ не ограничивалось воспитательнымъ домомъ, но распространялось и на всѣ другія созданныя Бецкимъ образовательныя учрежденія.

Ту же широту взгляда и ту же смѣлость въ противоборствѣ общепринятымъ предразсудкамъ проявилъ Бецкой и въ другомъ вопросѣ: объ уравненіи мужского и женскаго образованія. Въ этомъ случаѣ Бецкой опередилъ свое время, по крайней мѣрѣ, на цѣлое столѣтіе. Онъ не считалъ нужнымъ дѣлать какое-нибудь различіе между программами обученія мужскихъ и женскихъ школъ и проводилъ эту идею настолько послѣдовательно, что предлагалъ ввести въ кругъ предметовъ, преподаваемыхъ въ обществѣ дѣвицъ, анатомію, между тѣмъ, какъ одна мысль о преподаваніи дѣвицамъ не только анатоміи человѣка, но и вообще естественныхъ наукъ считалась еще въ первой половинѣ XIX в. совершенно недозволительною; г. Майковъ приводитъ интересныя данныя о попыткахъ Бецкого въ указанномъ направленіи,—попыткахъ, разбивившихся о косныя предубѣжденія его современниковъ. Сама Екатерина, первоначально раздѣлявшая воззрѣнія Бецкого на необходимость знакомить дѣвицъ со всѣми тѣми науками, которымъ обучаются и мальчики, во вторую половину своего царствованія отступила отъ этой программы и уже не оказывала поддержки широкимъ просвѣтительнымъ планамъ Бецкого.

Съ учрежденіемъ «Коммиссіи объ установленіи народныхъ училищъ въ государствѣ», этой комиссіи поручено было пересмотрѣть программы преподаванія въ обществѣ благородныхъ дѣвицъ; пересмотръ былъ произведенъ безъ всякаго участія и даже безъ вѣдома Бецкого и во многомъ, — вразрѣзъ съ руководящими идеями послѣдняго. Дѣвицъ было рѣшено вообще учить поменьше, признавалось достаточнымъ приготовить изъ нихъ хорошихъ домашнихъ хозяекъ, отодвинувъ на второй планъ задачи всесторонняго просвѣщенія ихъ ума и сердца. Такъ, уже при Екатеринѣ подготовлялась та реакція противъ широкой постановки женскаго образова-

нія, которая пошла затѣмъ полнымъ ходомъ въ эпоху императрицы Маріи Ѳеодоровны. Смѣлыя мечты Бецкого объ уравненіи учебныхъ курсовъ для мужчинъ и женщинъ не выдержали столкновенія съ предразсудками вѣка, что, конечно, нисколько не умаляетъ ихъ значенія въ исторіи педагогическихъ идей въ нашемъ отечествѣ.

Борьба противъ спеціализаціи женскаго образованія являлась для Бецкого лишь частнымъ приложеніемъ еще болѣе широкой идеи о нежелательности вообще всякаго рода спеціализаціи впредь до пріобрѣтенія извѣстнаго минимума общихъ познаній и достиженія извѣстной степени нравственной воспитанности, одинаково необходимыхъ для всякаго человѣка и гражданина, на чемъ бы ни сосредоточилась впослѣдствіи его спеціальность. Прежде чѣмъ фабриковать спеціалиста, школа должна создать истинно просвѣщеннаго умомъ и сердцемъ *человѣка*, и только при условіи такой просвѣщенности сами спеціалисты получатъ возможность съ истинной пользой для дѣла примѣнять на практикѣ свои техническія познанія и навыки. Вотъ золотая мысль, которую настойчиво проводилъ Бецкой во всѣхъ своихъ образовательныхъ планахъ и учрежденіяхъ. И опять-таки позволительно спросить: такъ ли уже далеко ушли мы и въ этомъ отношеніи отъ современниковъ Бецкого, съ предразсудками и недомысліемъ которыхъ ему приходилось упорно бороться? Развѣ не возникаютъ и въ наше время жаркіе дебаты по этому вопросу, который стоялъ внѣ спора для просвѣщеннаго вельможи екатерининской эпохи? Развѣ не приходится и теперь ученымъ спеціалистамъ съ крупными именами затрачивать трудъ и время на составленіе цѣлыхъ трактатовъ съ обширной аргументаціей, съ тяжелымъ арсеналомъ подкрѣпляющихъ цифръ для того, чтобы защитить отъ близорукихъ нападокъ эту простую и невинную мысль о необходимости общеобразовательнаго фундамента для успѣшности всякаго рода спеціальнаго, техническаго образованія? Какъ почувствовалъ бы себя Бецкой, какимъ-нибудь чудомъ очутившись за столомъ иного современнаго намъ совѣщательнаго собранія въ разгаръ жаркихъ споровъ о томъ, повышаетъ ли грамотность производительность труда рабочаго, или представляется ли нужнымъ и возможнымъ допустить прочтеніе какого-нибудь общеобразовательнаго курса въ профессіональ-

номъ учебномъ заведеніи? И что почувствовали бы иные современные ораторы, если бы этотъ пришелецъ изъ иного міра развернулъ передъ ними свои ветхіе школьные уставы со словами: «вотъ что я писалъ, господа, лѣтъ полтораста тому назадъ и на что получилъ въ свое время полное одобреніе своей всемилостивѣйшей государыни»: «училище искусныхъ офицеровъ должно быть также и училищемъ знатныхъ (т.-е. хорошихъ) гражданъ» или «если учрежденіе коммерческаго воспитанія будетъ взято единственно *по разумѣнію наименованія*, то, конечно, покажется изъ того плана предписанныхъ къ изученіе наукъ много излишнихъ. Но мною за основаніе принято *не по одной той нитѣ* юношество проводить... ибо, какъ извѣстно, многіе изъ воспитанниковъ найдутся, кои или способности, или склонности къ произведенію коммерческаго дѣйствія имѣть не могутъ, а къ прочимъ знаніямъ свойственны, то дабы ни лѣтъ ихъ напрасно ни потратить принужденіемъ, ни врожденной склонности не препятствовать, прочія знанія и присовокуплены...» Къ тому же многія общія науки полезны и необходимы и для самихъ профессіональныхъ цѣлей: «напримѣръ, физика, химія совсѣмъ, кажется, отдаленное должно почитаться знаніе отъ купечества; но, ежели свойство оной разобрать, то, конечно, найдется весьма нужною; она послужитъ и къ сохраненію товаровъ и къ узнанію времени къ покупкѣ оныхъ, а чрезъ таковое знаніе торгующій предохранитъ себя отъ убытка и тому послѣдующихъ опасностей; такъ и о прочихъ подобно тому разумѣть должно».

Такъ, Бецкимъ были выдвинуты и хорошо оцѣнены обѣ категоріи обычныхъ возраженій противъ ранней и узкой спеціализаціи образованія: такая спеціализація, согласно его убѣжденію, во-первыхъ, ограничиваетъ распространеніе въ странѣ общаго просвѣщенія, которое само по себѣ имѣетъ для блага народа не меньшее значеніе, нежели успѣхи техническаго прогресса, во-вторыхъ, вредитъ плодотворности и самихъ спеціальныхъ занятій.

Наконецъ, нельзя не замѣтить, что работая надъ поднятіемъ въ русскомъ обществѣ истиннаго просвѣщенія и духа гуманности и подготовляя возникновеніе «новой людской породы», Бецкой считалъ необходимымъ вызвать въ своихъ современникахъ подъемъ самостоятельнаго почина и созна-

тельной самодѣятельности. Онъ какъ нельзя лучше понималъ, что живое дѣло просвѣщенія и филантропіи не должно быть забиваемо въ мертвящія рамки бюрократическаго формализма, что это дѣло должно быть учреждаемо, по его собственному выраженію, «на вѣрности, а не на приказныхъ обрядахъ», не при помощи *чиновниковъ*, а при содѣйствіи вѣрныхъ и трудолюбивыхъ людей. Устраивая свои образцовыя заведенія, Бецкой разсчитывалъ на то, что общество заинтересуется этими образцами и проявитъ самостоятельную готовность къ дальнѣйшему развитію начатаго имъ дѣла.

Въ генеральномъ планѣ прямо былъ сдѣланъ въ этомъ смыслѣ призывъ къ обществу. Эти надежды не были лишены основаній. Въ книгѣ г. Майкова приводится, напримѣръ, любопытный списокъ частныхъ воспитательныхъ домовъ, возникавшихъ въ 70-хъ и 80-хъ гг. XVIII ст. въ различныхъ городахъ Россіи. Въ числѣ городовъ, въ этомъ далеко не полномъ, а лишь примѣрномъ спискѣ, -- фигурируютъ: Новгородъ, Олонецъ, Енисейскъ, Осташковъ, Юрьевъ-Повольскій, Тихвинъ, Каргополь, Бѣлозерскъ, Вологда и т. д., а въ числѣ основателей филантропическихъ и образовательныхъ учрежденій — люди разнообразныхъ положеній: купцы, священники, судебные засѣдатели и даже крестьяне. Конечно, мы отнюдь не хотимъ сказать, что все это были филантропы и педагоги по образу и подобію Бецкого. Мы хотимъ только отмѣтить, что въ обществѣ дѣйствительно зашевелилось нѣкоторое движеніе въ указанномъ Бецкимъ направленіи. И если это движеніе не получило дальнѣйшаго развитія, то не въ инертности общества приходится искать объясненія его остановки. 31 октября 1808 г. состоялось Высочайшее запрещеніе устраивать въ губерніяхъ новые воспитательные дома (запрещеніе, отмѣненное только въ 1898 г.), а что касается всякаго рода другихъ филантропическихъ и образовательныхъ учрежденій, то въ этомъ отношеніи частная иниціатива скоро была отстранена приказами общественнаго призрѣнія, которые дѣйствовали въ чисто бюрократическомъ направленіи, замораживая живое дѣло холодомъ канцелярской рутины.

Самъ Бецкой всего менѣе былъ повиненъ въ склонности бюрократизировать дѣятельность созданныхъ имъ учрежденій. Въ составленныхъ имъ уставахъ, въ письмахъ и запискахъ, гдѣ онъ развивалъ свои основные взгляды на задачи

этихъ учрежденій, на каждомъ шагу встрѣчаешь заботливое стремленіе поставить сущность дѣла выше его формы и вызвать въ непосредственныхъ исполнителяхъ своихъ плановъ внутренній неподдѣльный интересъ къ поручаемой имъ отвѣтственной работѣ. Теперь, изъ документовъ, изученныхъ г. Майковымъ, мы знаемъ, что и въ этомъ случаѣ Бецкой строго слѣдовалъ въ собственной практикѣ тѣмъ началамъ, которыя онъ такъ убѣдительно и краснорѣчиво развивалъ въ своихъ писаніяхъ. Среди обвиненій, брошенныхъ по адресу Бецкого его недоброжелателями, встрѣчаемъ, между прочимъ, указаніе кн. Щербатова въ его обличительномъ памфлетѣ «О поврежденіи нравовъ» на то, что Бецкой являлся въ руководимыхъ имъ заведеніяхъ, «деспотомъ» и старался только о томъ, чтобы лестью и угодничествомъ отвлечь вниманіе Екатерины отъ своихъ своевольныхъ поступковъ. Документальныя данныя безслѣдно разрушаютъ это необоснованное обвиненіе. Слѣдя по архивнымъ документамъ за служебною дѣятельностью Бецкого, поражаешься тѣмъ, съ какой послѣдовательностью и корректностью поддерживалъ онъ повсюду коллегіальное начало въ управленіи ввѣренными ему учрежденіями, какъ охотно онъ ограничивалъ себя самого, встрѣчая несогласія съ своими предложеніями, хотя бы для него и была до очевидности ясна его собственная правота. Принудительнымъ проведеніемъ собственныхъ воззрѣній онъ боялся придавить живой духъ самодѣятельности въ управляемыхъ имъ заведеніяхъ, и ради оберeганія этого духа онъ готовъ былъ мириться съ невыполненностью нѣкоторыхъ своихъ предположеній. Пріемы управленія, которымъ слѣдовалъ Бецкой, могли служить высокимъ образцомъ для бюрократическихъ учрежденій того времени, проникнутыхъ атмосферой крѣпостническаго произвола и своеволія*).

До сихъ поръ мы умышленно говорили о такихъ сторонахъ дѣятельности Бецкого, которыя имѣли лишь болѣе или менѣе косвенное отношеніе къ главному дѣлу его жизни — къ

*) Мы не приводимъ здѣсь фактовъ, на которыхъ основано высказанное въ текстѣ сужденіе объ административной дѣятельности Бецкого. Интересующихся отсылаемъ къ соотвѣтствующимъ страницамъ книги г. Майкова, стран. 146, 155, 162, 165, 179, 186, 190—195, 321—326 331, 335, 409.

пропагандѣ новой педагогической теоріи, почерпнутой имъ изъ сочиненій передовыхъ западныхъ авторитетовъ. И мы могли убѣдиться, что, ставъ во главѣ цѣлой системы разнообразныхъ учрежденій, имъ самимъ созданныхъ, Бецкой невольно раскидывалъ благотворное вліяніе своей дѣятельности на многія области русской жизни, подымая рядъ свѣжихъ вопросовъ, даже и не имѣвшихъ исключительно школьнаго характера и, что особенно важно, подымая ихъ не книжнымъ отвлеченнымъ образомъ, а въ связи съ живымъ практическимъ дѣломъ, которое было у всѣхъ на виду.

Разносторонности этого вліянія удивляться не приходится. Бецкой былъ по своей ближайшей спеціальности школьнымъ реформаторомъ. Но дѣло школы онъ понималъ широко и основательно, а при сколько-нибудь широкой постановкѣ вопросы школы всегда неминуемо переплетутся съ самыми насущными вопросами жизни.

Мы лично склонны даже придавать большее значеніе этимъ, если можно такъ выразиться, эпизодическимъ элементамъ въ дѣятельности Бецкого, чѣмъ его спеціально педагогической теоріи. Нѣтъ спору, конечно, его педагогическое ученіе вносило яркій лучъ свѣта въ темное царство самодѣльной русской педагогіи того времени. Но вѣдь не мало было въ этой теоріи и ошибочныхъ увлеченій, которыми Бецкой заплатилъ щедрую дань философскимъ предразсудкамъ своего вѣка. И расплачиваться за эти увлеченія пришлось послѣдующимъ поколѣніямъ, испытавшимъ на себѣ практическія неудобства того, что рисовалось въ такихъ плѣнительныхъ очертаніяхъ съ высоты философскихъ аксіомъ XVIII столѣтія. Система закрытыхъ учебныхъ заведеній, наглухо отрѣзанныхъ отъ окружающей жизни — при всѣхъ своихъ частныхъ положительныхъ свойствахъ, особенно для того времени, когда она только что возникла, въ общемъ врядъ ли можетъ быть причислена къ отраднымъ пріобрѣтеніямъ русской общественности.

Педагогическія воззрѣнія Бецкого не разъ уже излагались въ различныхъ книгахъ и статьяхъ и, можно думать, что они достаточно извѣстны читающей публикѣ.

Вотъ почему мы воздержимся отъ ихъ подробнаго анализа и ограничимся немногими замѣчаніями, поскольку это необходимо для законченности общей характеристики личности

и дѣятельности Бецкого. Руководящими авторитетами въ теоретическихъ вопросахъ педагогіи были для Бецкого, какъ извѣстно, Монтень, Локкъ, Руссо. Бецкой не былъ первымъ и единственнымъ пропагандистомъ педагогическихъ идей этихъ мыслителей въ русскомъ обществѣ. Еще въ 1759 г. вышелъ въ свѣтъ русскій переводъ трактата Локка «О воспитаніи», сдѣланный профессоромъ Московскаго университета Поповскимъ, въ 1768 г. Шаденъ перевелъ на русскій языкъ «Orbis visibilis» Амоса Коменскаго. Въ планѣ воспитанія вел. князя Павла Петровича Никита Ивановичъ Панинъ высказывалъ мысли, замѣчательно сходныя съ идеями Локка и Монтеня. Очевидно, свѣжая струя новыхъ педагогическихъ воззрѣній уже нашла доступъ въ русскій педагогическій міръ, и Бецкой не долженъ былъ чувствовать себя совершенно одинокимъ, развивая воспринятые имъ взгляды и говоря съ соотечественниками на языкѣ своихъ иноземныхъ авторитетовъ. Личная заслуга Бецкого заключалась въ подысканіи такого рода практической организаціи, при помощи которой можно было бы осуществить требованія педагогической теоріи при тогдашнихъ условіяхъ русской жизни. Сущность этой теоріи сводилась къ стремленію возможно болѣе согласовать порядокъ и направленіе воспитанія съ естественнымъ строемъ душевной жизни ребенка. Ея содержаніе можно свести къ нѣсколькимъ основнымъ положеніямъ, въ которыхъ замѣчательно здоровыя и свѣтлыя мысли переплетаются съ односторонними увлеченіями. Воспитаніе должно окружать ребенка атмосферою радости и веселья — вотъ краеугольное требованіе разбираемой теоріи. Всякое нормальное отправленіе какъ физической, такъ и духовной жизни, не противорѣчащее природѣ, но вытекающее изъ ея естественныхъ требованій, совершается безболѣзненно и соединяется съ чувствомъ удовольствія; слѣдовательно, воспитательные пріемы, погружающіе душу ребенка въ безотчетное уныніе, страхъ и печаль, непремѣнно заключаютъ въ себѣ какое-нибудь уродливое насиліе надъ человѣческой природой. *Дѣти должны чувствовать себя счастливыми*. Безъ этого нѣтъ истиннаго воспитанія.

«Дабы произвести подданныхъ, отечеству полезныхъ, — говоритъ Бецкой, — надобно необходимо воспитателямъ и всѣмъ приставникамъ хранить въ сердцахъ питомцевъ своихъ

веселость, вольныя дѣйствія души и *пріятное учтивство*... отвергнуть надлежитъ печаль и уныніе... быть всегда веселу, пѣть и смѣяться есть прямой способъ къ произведенію людей здоровыхъ, добраго сердца и остраго разума». И въ другомъ мѣстѣ: «мысли юношества надлежитъ приводить всегда въ ободреніе, а напротивъ того, искоренять все то, что токмо скукою, задумчивостью и прискорбіемъ называться можетъ».

Не казармой или инквизиціоннымъ трибуналомъ должна выглядѣть школа, а привѣтливымъ очагомъ радости и ласки. Заманчивая, плѣнительная перспектива! Какъ можно достигнуть ея? Прежде всего, нормальнымъ *физическимъ* воспитаніемъ. Здоровый духъ развивается только въ здоровомъ тѣлѣ. Руководствуясь наставленіями Локка и доктора Санчеса, Бецкой составилъ особыя «Физическія примѣчанія о воспитаніи дѣтей отъ рожденія до юношества». Не излагая этихъ «примѣчаній», достаточно указать, что всѣ они сводились къ двумъ основнымъ требованіямъ: 1) нужно предоставить организму всѣ условія для свободнаго и ничѣмъ не стѣсняемаго роста и 2) «не дѣлая натурѣ принужденія», нужно пріучить организмъ къ стойкому перенесенію всякаго рода лишеній и болѣзнетворныхъ вліяній. Но все это лишь необходимая предварительная ступень. Физическое развитіе должно сопровождаться моральнымъ, иначе это будетъ только «питаніе», но не воспитаніе. Основнымъ правиломъ моральнаго воспитанія Бецкой считаетъ то же самое требованіе — не насиловать естественныхъ наклонностей человѣческой природы. Было бы противно здравому разсудку ожидать, чтобы «яблоня приносила ананасы»; точно такъ же, говоритъ Бецкой, неразумно и вредно искусственно исторгать изъ души ребенка несродныя ей настроенія. Невозможно веселиться по приказанію, невозможно чувствовать вопреки собственной склонности. Задача педагога — угадывать, открывать природныя способности дѣтей и облегчать ихъ свободное развитіе. Пріемы воспитанія должны индивидуализироваться примѣнительно къ каждому отдѣльному ребенку. Воспитатель долженъ помогать природѣ, не насилуя ея процессовъ своими преждевременными требованіями. Только въ согласіи съ природой воспитаніе можетъ добиться благодѣтельныхъ результатовъ.

Въ связи съ этими руководящими принципами Бецкой желалъ бы удалить всякіе принудительные элементы и изъ процесса обученія. «Возможность учительскаго искусства, — говоритъ онъ, — состоитъ въ томъ, чтобы въ ученіи питомцы полагали забаву». Эта свѣтлая мысль не лишена была однако нѣкоторой односторонности. Она была важна, какъ благодѣтельный протестъ противъ педагогическаго изувѣрства, превращающаго ученье въ несносную страду и ожидающаго учебныхъ успѣховъ не отъ возбужденія любознательности, а отъ пассивнаго повиновенія учениковъ, внутренно проклинающихъ налагаемое на нихъ неудобоносимое бремя мертвой схоластической науки. Но, съ другой стороны, превращеніе ученья въ забаву представляло противоположную крайность. Работа живой любознательности вполнѣ совмѣстима съ серьезными трудовыми усиліями, лишь бы эти усилія свободно истекали изъ внутренней потребности заинтересованной въ работѣ души. Трудъ и забава должны ясно разграничиваться въ представленіи ребенка, котораго слѣдуетъ пріучать находить одинаковое наслажденіе не только въ забавѣ, но и въ трудѣ. Указанная односторонность въ воззрѣніяхъ Бецкого не была случайнымъ увлеченіемъ. Если до нѣкоторой степени она являлась простой реакціей противъ обычныхъ злоупотребленій школьной рутины, превращавшей ученье въ мучительство, то, съ другой стороны, въ основѣ этой односторонности лежала общая идея, которая составляла одинъ изъ основныхъ догматовъ воспринятой Бецкимъ педагогической теоріи. То была идея о приматѣ чувства надъ разумомъ, о предпочтительной важности культуры сердца надъ культурою ума. Пусть ученье будетъ только милой забавой, а не упорнымъ серьезнымъ трудомъ: вѣдь увеличеніе знаній и изощреніе мыслительной способности и само по себѣ вовсе не такъ цѣнно для усовершенствованія человѣчества, какъ воспитаніе сердца. «Качество разума не занимаетъ первой степени въ достоинствахъ человѣческихъ; она украшаетъ оныя, а не составляетъ». Успѣхи разума могутъ быть даже вредны при отсутствіи добродѣтели. Итакъ, на первомъ планѣ должно стоять воспитаніе, а не обученіе, наставленіе въ добродѣтели, а не расширеніе умственнаго кругозора. Таковы были убѣжденія Бецкого, цѣликомъ воспринятыя имъ изъ передовой философской и педагогической литературы того вре-

мени. Эта реакція противъ «разума» во имя «чувства», противъ науки во имя добродѣтели, овладѣвшая на нѣкоторое время передовою мыслью западной Европы, имѣла весьма сложное происхожденіе, лежавшее далеко за предѣлами спеціально педагогическихъ и школьныхъ проблемъ. И Бецкой воспринялъ въ готовомъ видѣ примѣненіе этой реакціи къ теоріи воспитанія, разумѣется, не отдавая себѣ отчета въ истинныхъ условіяхъ ея возникновенія въ умственной жизни европейскаго Запада. Онъ простодушно довѣрился послѣднимъ словамъ иноземной мудрости, не пытаясь подвергнуть ихъ самостоятельному анализу. Можетъ быть, такой анализъ уже тогда подсказалъ бы ему, что нельзя механически разсѣкать человѣческую душу на обособленныя свойства и противопоставлять другъ другу [illegible]ъ и чувство, какъ двѣ независимыя духовныя силы; нельзя разсчитывать на тонкую работу чувства, если спитъ мысль. Какъ бы то ни было, увлеченіе модной теоріей еще не приводило Бецкого въ данномъ случаѣ къ особенно нежелательнымъ практическимъ выводамъ и предпочтеніе добродѣтели разуму не помѣшало ему составить такія учебныя программы, которыя его противники считали нужнымъ не добавлять, а сокращать, не помѣшало ему ратовать и за введеніе точныхъ наукъ въ кругъ преподаванія: вспомнимъ, напримѣръ, его отношеніе къ преподаванію анатоміи.

Остается отвѣтить еще на одинъ вопросъ: какими способами надѣялся Бецкой примѣнять на практикѣ свою педагогическую теорію. Здѣсь мы подходимъ къ такому пункту возрѣній Бецкого, въ которомъ нѣкоторые изслѣдователи считаютъ его наиболѣе оригинальнымъ и который въ то же время представлялъ наиболѣе уязвимое мѣсто всей его системы. Я разумѣю мечту Бецкого о созданіи новой породы людей, воспитанныхъ по всѣмъ правиламъ здравой педагогіи, путемъ искусственнаго разобщенія воспитываемаго юношества съ окружающимъ ихъ испорченнымъ и нравственно разлагающимся міромъ при помощи системы закрытыхъ интернатовъ. Въ литературѣ было указываемо, что эта идея принадлежала лично самому Бецкому, тогда какъ въ его иноземныхъ источникахъ говорилось только о частномъ, а не объ общественномъ воспитаніи. Руссо признавалъ, правда, что при условіи охраненія ребенка отъ всякихъ дурныхъ впечатлѣній, и со-

вершенной изоляціи его отъ окружающей среды, изъ ребенка могъ бы выйти совершеннѣйшій l'homme de la nature, чуждый всякой нравственной порчи. Но и Руссо признавалъ такую мечту вполнѣ неосуществимой, замѣчая, что для выполненія этой задачи пришлось бы искать мѣста на лунѣ или на необитаемомъ островѣ. Бецкой оказался отважнѣе самого Руссо и рѣшилъ замѣнить луну и необитаемый островъ обществомъ благородныхъ дѣвицъ и сухопутнымъ шляхетскимъ корпусомъ. Результаты этого опыта извѣстны. Въ *отдѣльныхъ случаяхъ* созданныя Бецкимъ воспитательныя теплицы выращивали чудные цвѣтки, прикрывая ихъ до времени отъ бушевавшаго кругомъ нравственнаго одичанія. И до насъ дошли нѣкоторыя воспоминанія питомцевъ и питомицъ названныхъ заведеній временъ Бецкого объ ихъ дѣтствѣ, полныя искренняго благодарнаго чувства къ этому человѣку. Но какъ общая реформа русскаго воспитанія, какъ попытка создать новую *породу* людей въ стѣнахъ закрытыхъ интернатовъ, система Бецкого не могла не оказаться несостоятельнымъ недоразумѣніемъ. Явныя логическія несообразности лежали въ основаніи этой системы. Во-первыхъ, интернатъ вовсе не изолировалъ безусловно воспитанниковъ отъ окружающей дѣйствительности, хотя и отрѣзывалъ для нихъ пути къ свободному и нормальному общенію съ внѣшнимъ міромъ. Дѣтей отрывали отъ родителей, но къ нимъ приставляли воспитателей, надзирателей и прислугу, — все людей взятыхъ изъ той же признанной за порочную и осужденной на нравственную гибель дѣйствительности. Далѣе, предполагалось, что воспитанники закрытыхъ заведеній, закаливъ свою душу за время затворничества въ правилахъ возвышенной добродѣтели, выйдутъ затѣмъ въ жизнь на борьбу со зломъ и порокомъ и принесутъ съ собою туда сѣмена нравственнаго обновленія общества. При этомъ упускалось изъ виду, что для борьбы за добродѣтель нужно научить не только добродѣтели, но и борьбѣ. Между тѣмъ, замкнутое воспитаніе исключало идею борьбы съ тѣмъ зломъ, самое существованіе котораго тщательно должно было скрываться отъ воспитываемаго подъ крылышкомъ интерната юношества. И мудрено ли, что при этихъ условіяхъ нравственные задатки, вынесенные изъ воспитанія, далеко не всегда обнаруживали настоящую жизнеспособность, быстро глохли подобно тому, какъ тухнетъ свѣча, вынесенная на-

встрѣчу бурному вѣтру? Наконецъ, что могла значить выпускаемая изъ интернатовъ горсточка добродѣтельныхъ людей лицомъ къ лицу со всей общественной массой, разъ эта масса огуломъ была признана самимъ реформаторомъ исполненной нравственной порчи? Таковы возраженія, которыя всегда можно было бы предъявить системѣ Бецкого даже и въ томъ случаѣ, если бы созданныя имъ заведенія сами по себѣ выполняли съ полной безупречностью предписанную имъ программу дѣятельности.

Къ чести прозорливости Бецкого слѣдуетъ упомянуть, что онъ и самъ не былъ чуждъ сознанія слабыхъ сторонъ своей системы. Въ его сочиненіяхъ прорываются иногда признанія, убійственныя для самыхъ основныхъ положеній его теоріи. Въ «разсужденіяхъ объ установленіи кадетскаго корпуса» вдругъ встрѣчаемъ фразу, которая въ сущности зачеркиваетъ всѣ планы и мечты Бецкого: «почти невозможно, — говоритъ онъ, — чтобы воспитаніе нѣкотораго числа людей превозмогло надъ общимъ примѣромъ». Какъ выходилъ Бецкой изъ такихъ самопротиворѣчій? Повидимому, ему трудно было изъ нихъ выпутываться. Онъ пытался иногда какъ бы оправдываться передъ самимъ собой въ возможномъ неуспѣхѣ своихъ начинаній. Эти оправданія съ головой выдаютъ Бецкого: сомнѣніе точило его душу.

Положимъ, — говорилъ онъ, — что питомецъ школы, получа отъ воспитанія все, что должно, потомъ, выйдя въ свѣтъ, уклонится отъ истиннаго пути, «но вѣдь сіе уже не можетъ относиться къ воспитанію». Представимъ себѣ, — поясняетъ Бецкой въ другомъ мѣстѣ, что садовнику поручатъ для ухода молодое деревцо. Искусствомъ и заботами садовникъ взраститъ деревцо и вернетъ его собственнику покрытымъ цвѣтами и обѣщающимъ въ будущемъ плоды. Но послѣ, уже у собственника, деревцо завянетъ. Садовникъ ли будетъ виноватъ въ этомъ? Въ подобныхъ разсужденіяхъ Бецкого не трудно разглядѣть большую тревогу насчетъ дальнѣйшей судьбы его учрежденій.

Въ словахъ его какъ бы проглядываетъ мысль: дай Богъ, чтобы по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ школьной жизни питомцы оправдали своимъ поведеніемъ приложенныя къ нимъ заботы, и то будетъ прекрасно; что станется съ ними дальше, за порогомъ школы, за это уже нельзя поручиться. Бецкой

какъ бы забывалъ при такихъ самоутѣшеніяхъ, что воспитательная работа ведется именно ради всей послѣдующей жизни воспитанника, онъ забывалъ, что его цѣлью было обновить людскую породу и посредствомъ школы перевернуть весь складъ общественной жизни. Уступка, которую онъ готовъ былъ сдѣлать въ минуту тяжелыхъ сомнѣній, равнялась для него настоящему идейному самоубійству.

Коренная ошибка его системы заключалась въ томъ, что, мечтая о возрожденіи міра путемъ воспитанія, онъ заранѣе поставилъ крестъ надъ всѣми наличными поколѣніями, и признавъ все общество за омертвѣвшую пустыню, сосредоточилъ свою любовную заботливость на устроенныхъ имъ отдѣльныхъ оазисахъ. Онъ упустилъ изъ виду, что оазисы, какъ бы ни были они сами по себѣ роскошны, не способны оплодотворить окрестную пустыню и, наоборотъ, сами ежечасно рискуютъ быть засыпанными ея песками.

Мы старались въ нашемъ бѣгломъ очеркѣ равномѣрно освѣтить какъ безспорныя заслуги, такъ и ошибочныя увлеченія Бецкого. И мы думаемъ, что какъ тѣ, такъ и другія имѣютъ одинаковую важность въ исторіи нашего общественнаго развитія и въ частности въ исторіи русской школы. Поучительны стремленія Бецкого разбить оковы формализма, тяготѣвшія надъ школой, оживотворить школьное дѣло духомъ гуманной любви и свѣтлаго довѣрія къ неиспорченной природѣ ребенка. Поучительны его стремленія возбудить общественную самодѣятельность и иниціативу въ области просвѣтительныхъ начинаній. Но столь же поучительна и неудача, постигшая предпринятую имъ попытку реформировать школу, изолируя ее отъ окружающей жизни. Реформа школы, внушенная самыми благими и великодушными намѣреніями, не можетъ быть удачной внѣ связи съ параллельной реформой всего государственнаго быта; таково, думается намъ, основное нравоученіе, вытекающее изъ опыта понесенной Бецкимъ неудачи.

Нельзя отгородить школу отъ жизни китайской стѣной и надѣяться достигнуть благополучія школы независимо отъ общаго улучшенія внутренняго положенія. Школьная по-

литика есть только часть общей внутренней политики и, пока эта истина не войдетъ въ общее сознаніе, въ результатѣ всѣхъ опытовъ школьныхъ преобразованій и улучшеній всегда получится нѣчто среднее между воздушнымъ замкомъ и карточнымъ домикомъ.

Ошибочныя увлеченія Бецкого не умаляютъ нашего уваженія къ его исторической памяти: вѣдь эти увлеченія были подсказаны лучшими стремленіями его вѣка. Онъ ошибался въ хорошей компаніи: вмѣстѣ съ Монтенемъ, Локкомъ, Руссо. Теперь, когда философскіе постулаты, служившіе отдаленнымъ основаніемъ для этихъ ошибокъ, потеряли для насъ прежнее значеніе, повтореніе и въ наше время такихъ же ошибокъ свидѣтельствовало бы лишь объ одномъ: о нашей близорукости и недостаточной вдумчивости въ смыслъ общественныхъ явленій.

Изъ исторіи борьбы съ просвѣщеніемъ.

(Н. П. Загоскинъ. Исторія императорскаго казанскаго университета за первыя сто лѣтъ его существованія тт. I, II и III).

I.

[illegible]ая литература по исторіи русскихъ университетовъ недавно увеличилась новымъ объемистымъ трудомъ профессора Загоскина, посвященнымъ исторіи казанскаго университета. О размѣрахъ этого труда можно судить по тому обстоятельству, что вышедшіе пока три огромные его тома обнимаютъ лишь первые двадцать три года изъ вѣкового существованія этого университета. Прекрасно изданные, снабженные многими портретами и рисунками, эти тома уже одной внѣшностью невольно привлекаютъ вниманіе читателя. Пріятной внѣшности соотвѣтствуетъ и полное увлекательнаго интереса содержаніе.

Исторія казанскаго университета въ двоякомъ отношеніи способна заинтересовать всѣхъ, кого занимаютъ судьбы русскаго просвѣщенія. Во-первыхъ, по своему географическому положенію казанскій университетъ былъ поставленъ въ особыя мѣстныя условія, которыя не могли не наложить своеобразнаго отпечатка на характеръ его просвѣтительной дѣятельности. Если и всѣмъ вообще дѣятелямъ русской университетской науки въ началѣ XIX вѣка приходилось чувствовать себя піонерами только что начинающагося дѣла, первыми работниками на едва-едва затронутой нови, то это чувство должно было сказываться съ удвоенною силой для тѣхъ, кто отправлялся насаждать университетское образованіе въ Казань, считавшуюся тогда окраиною европейскаго міра, преддверіемъ Азіи, чуть ли не самою Азіей. Казанскій университетъ возникалъ, какъ отдаленная колонія европейской

науки на монголо-татарскомъ востокѣ. Оторванность отъ болѣе оживленныхъ центровъ умственной жизни не могла не затруднять для казанскихъ профессоровъ отправленіе ихъ просвѣтительной миссіи. Но, съ другой стороны, своеобразіе мѣстныхъ условій само по себѣ являлось важнымъ стимуломъ научной работы. Представитель любой спеціальности находилъ здѣсь обильный матеріалъ для расширенія своего кругозора. Природа края была богата особенными мѣстными формами. На каждомъ шагу встрѣчались разнообразные памятники исторической старины, столь замѣчательной послѣдовательной смѣной многоразличныхъ культуръ. Лингвистъ и этнографъ всегда находили обильную жатву для своихъ научныхъ изысканій въ пестрой смѣси здѣшняго населенія, въ составѣ котораго такъ прихотливо перемежались славянскіе, финскіе и тюрко-монгольскіе элементы. Было надъ чѣмъ поработать, было къ чему приложить научную пытливость! И казанскій университетъ въ теченіе своего столѣтняго существованія не отвертывался отъ разрѣшенія этихъ привлекательныхъ научныхъ задачъ. При относительной скудости образовательныхъ средствъ, объясняемой сравнительной отдаленностью края, онъ выставилъ изъ своей среды не мало крупныхъ научныхъ дѣятелей, двинувшихъ впередъ разработку какъ разъ тѣхъ самыхъ научныхъ дисциплинъ, которыя всего тѣснѣе соприкасались съ особенностями мѣстной жизни. Наконецъ, на ряду съ этими научными заслугами на долю казанскаго университета выпали особаго рода задачи и въ дѣлѣ распространенія образованія среди массы населенія. По удачному выраженію проф. Загоскина просвѣтительная роль казанскаго университета приняла въ силу мѣстныхъ условій «инородческо-миссіонерское» направленіе. На ряду съ распространеніемъ высшаго образованія въ кругу мѣстнаго общества казанскій университетъ дѣлалъ и другое дѣло: работалъ надъ пріобщеніемъ къ европейской культурѣ инородческихъ элементовъ мѣстнаго населенія. Въ виду всѣхъ указанныхъ обстоятельствъ исторія казанскаго университета пріобрѣтаетъ особенный, ей одной свойственный интересъ въ общемъ ходѣ историческихъ судебъ нашего просвѣщенія.

Но есть и другая сторона въ исторіи этого университета, представляющая не меньшее значеніе для тѣхъ, кого инте-

ресуетъ прошлое нашей высшей школы. Случилось такъ, что нѣкоторыя наиболѣе характерныя и знаменательныя перипетіи нашей общей политики по университетскому вопросу отразились особенно ярко какъ разъ на судьбахъ казанскаго университета, и такимъ образомъ факты мѣстной университетской жизни Казани всего лучше разъясняютъ намъ сущность иныхъ таинственныхъ махинацій, подготовлявшихся на берегахъ Невы для цѣлой Россіи.

Вышедшая до сихъ поръ часть сочиненія проф. Загоскина содержитъ особенно много любопытнаго матеріала именно въ этомъ послѣднемъ отношеніи. Въ настоящемъ очеркѣ мы намѣрены остановиться на нѣкоторыхъ эпизодахъ, разработанныхъ проф. Загоскинымъ, которые бросаютъ особенно яркій свѣтъ на кое-какія типичныя черты нашей университетской политики первой четверти XIX столѣтія. Это тѣмъ болѣе интересно, что многіе пріемы управленія высшимъ образованіемъ, о которыхъ повѣствуетъ историкъ, необычайно прочно утвердились въ традиціяхъ министерства народнаго просвѣщенія и не одинъ разъ при чтеніи хроники давно минувшихъ лѣтъ изъ жизни нашихъ университетовъ, мы невольно готовы принять факты далекаго прошлаго какъ бы за откровенные намеки на самыя послѣднія новинки переживаемой нами современности. Офиціальныхъ направителей нашего высшаго образованія нельзя упрекнуть въ оторванности отъ стародавнихъ преданій. Къ сожалѣнію, «повторять» исторію еще не значитъ руководиться ея уроками. Можно «ничего не забыть» и въ то же время «ничему не научиться». Мы не думаемъ, чтобы кто-нибудь вынесъ чувство удовлетворенія изъ того открытія, что иные новѣйшіе циркуляры и распоряженія по вѣдомству народнаго просвѣщенія воскрешаютъ передъ нами завѣты Магницкаго и Рунича. Но что же дѣлать, если такое открытіе само собою кидается въ глаза при тщательномъ изученіи минувшихъ эпохъ изъ жизни нашихъ университетовъ? Мы должны отмѣтить такое открытіе и постараться учесть его значеніе.

При составленіи своего повѣствованія проф. Загоскинъ широко пользуется архивомъ казанскаго университета. Въ какой мѣрѣ ему удалось исчерпать богатыя данныя названнаго архива, о томъ могутъ судить лишь мѣстные изслѣдователи, имѣющіе непосредственный доступъ въ это храни-

лице. Заранѣе можно предположить, что такая обширная работа, выполняемая единоличными силами на основаніи нетронутаго ранѣе матеріала, не могла обойтись безъ нѣкоторыхъ недосмотровъ и пробѣловъ. Но и довольствуясь тѣмъ, что намъ дано въ трехъ громадныхъ томахъ, выпущенныхъ проф. Загоскинымъ, мы получаемъ обильныя фактическія данныя для характеристики университетской жизни въ Россіи первой четверти XIX столѣтія. Авторъ не ограничивается сухими статистическими обозрѣніями состоянія различныхъ сторонъ университетскаго быта. Онъ удѣляетъ много старанія на то, чтобы изобразить теченіе университетской жизни во всей ея конкретности, съ ея плотью и кровью; онъ непосредственно вводитъ насъ въ общество живыхъ людей, работавшихъ въ стѣнахъ университета; рисуетъ ихъ взаимныя отношенія, вскрываетъ интимную подкладку важнѣйшихъ университетскихъ событій. Читатель только выигрываетъ отъ такой обстоятельности: передъ нимъ развертывается во всѣхъ подробностяхъ любопытная страничка изъ исторіи русской культуры и офиціальныя мѣропріятія, касающіяся университетовъ, получаютъ болѣе широкое освѣщеніе на фонѣ общихъ условій русской жизни того времени. Въ этомъ отношеніи проф. Загоскинъ совершенно правильно пошелъ по стопамъ своего предшественника по разработкѣ исторіи казанскаго университета, проф. Булича, извѣстный трудъ котораго *) не мало помогъ ему при составленіи первой части его сочиненія.

Факты, собранные проф. Загоскинымъ, говорятъ сами за себя, краснорѣчиво разрушая многія ходячія воззрѣнія на историческое развитіе учебнаго дѣла въ Россіи. Нельзя не замѣтить, что самъ проф. Загоскинъ цѣликомъ стоитъ на почвѣ этихъ ходячихъ воззрѣній, опровергаемыхъ какъ нельзя лучше фактическимъ матеріаломъ его же собственнаго сочиненія. Во введеніи къ своей книгѣ онъ довольно подробно развиваетъ ту мысль, что процессъ насажденія высшаго образованія шелъ въ Россіи исключительно сверху и только попечительнымъ заботамъ правительства обязана была наша родина пріобщеніемъ широкихъ массъ населенія къ книжному знанію. Общество, — говоритъ онъ, — инертно относилось къ

*) Н. Н. Буличъ. «Изъ первыхъ лѣтъ казанскаго университета.

попыткамъ правительства завести школы и университеты и необычайно туго воспринимало всякія просвѣтительныя начинанія, предпринимавшіяся властью. Не мало горькихъ жалобъ на косность русскаго общества расточено по этому поводу въ разныхъ мѣстахъ сочиненія проф. Загоскина.

Мы никакъ не можемъ примкнуть къ такой постановкѣ вопроса. Настойчивое уклоненіе общества отъ правительственной школы всякаго рода есть несомнѣнный фактъ, красной нитью проходящій чрезъ всю исторію нашего просвѣщенія и вполнѣ точно засвидѣтельствованный данными школьной статистики. Мы не считаемъ возможнымъ оспаривать этотъ фактъ, но мы готовы очень сильно спорить, когда намъ говорятъ, что холодное и даже непріязненное отношеніе общества къ правительственной школѣ всецѣло объяснялось косной отчужденностью русскаго общества отъ серьезныхъ образовательныхъ запросовъ. Историки нашей школы склонны представлять ходъ возникновенія учебнаго дѣла въ Россіи какъ многолѣтнее нарушеніе заповѣди Христа о неметаніи бисера передъ извѣстнымъ разрядомъ безсмысленныхъ животныхъ: просвѣщенная власть метала бисеръ, а невѣжественное общество упорно топтало его ногами. Суровъ этотъ приговоръ по отношенію къ русскому обществу. Однако, прежде чѣмъ подъ нимъ подписаться, не мѣшаетъ повнимательнѣе разсмотрѣть, что это былъ за бисеръ, который сыпался на учащуюся Россію съ высоты петербургскихъ канцелярій? Такъ ли уже онъ былъ многоцѣненъ, чтобы недостаточно бережное къ нему отношеніе могло давать поводъ къ обвиненію русскаго общества въ безнадежномъ умственномъ одичаніи? Краснорѣчивый отвѣтъ на этотъ вопросъ и даетъ намъ исторія нашей школьной политики.

Существуетъ легенда о томъ, какъ нѣкій магъ вызвалъ духа, надѣясь получить въ его лицѣ послушнаго исполнителя своихъ приказаній. Но духъ оказался строптивымъ и непокорнымъ, а между тѣмъ отослать его обратно въ міръ подземныхъ тѣней не было уже во власти мага, и сталъ этотъ магъ всячески стѣснять и обуздывать волю своего страшнаго спутника. Исторія нашей школы одна изъ варіацій этой самой легенды. По указамъ изъ Петербурга заведены были школы и университеты. Но, заведя ихъ, власть тотчасъ же объявила борьбу своему собственному созданію. Выходило какъ будто

такъ, что разсадники науки были учреждаемы не столько съ цѣлью свободнаго развитія по странѣ истиннаго просвѣщенія, сколько съ цѣлью созданія новыхъ удобныхъ объектовъ для упражненія административной энергіи по части «обузданія» и «пресѣченія». Могло ли способствовать такое направленіе школьной политики укрѣпленію въ обществѣ довѣрчивыхъ симпатій къ офиціальной школѣ? И что именно сказывалось въ отчужденіи общества отъ школы — недовѣріе къ наукѣ или недовѣріе къ тѣмъ своеобразнымъ пріемамъ, при помощи которыхъ эта наука насаждалась? Вотъ вопросъ, надъ которымъ стоитъ поразмыслить, прежде чѣмъ приравнивать русское общество къ тому животному, которое топчетъ бисеръ. Исторія казанскаго университета, изложенная проф. Загоскинымъ, содержитъ какъ разъ чрезвычайно поучительный матеріалъ для освѣщенія этого вопроса. Въ 1804 г. торжественно провозгласили учрежденіе казанскаго университета и даровали ему прекрасно составленный уставъ, но при этомъ было рѣшено, что уставъ, только что дарованный, не долженъ вступать въ силу впредь до дальнѣйшихъ распоряженій. Это «впредь» растянулось на цѣлыхъ десять лѣтъ, въ теченіе которыхъ университетъ влачилъ жалкое существованіе въ качествѣ какого-то безформеннаго и подчиненнаго отдѣленія мѣстной гимназіи. Иначе говоря, въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ со дня открытія университетъ въ сущности не былъ университетомъ и всякое поползновеніе членовъ профессорской коллегіи воспользоваться предоставленными ей по уставу правами самоуправленія разсматривалось учебнымъ начальствомъ, какъ дерзновенный бунтъ противъ властей. Каковы были плоды такого режима, это мы скоро увидимъ.

Наконецъ, въ 1814 году воспослѣдовало такъ называемое «полное открытіе» университета на точномъ основаніи устава 1804 г. И лишь только университетъ сталъ дѣйствительнымъ университетомъ, онъ тотчасъ былъ «взятъ подъ подозрѣніе». Не прошло и пяти лѣтъ со времени этого вторичнаго открытія, какъ университетъ былъ подвергнутъ такому безсмысленному разгрому, такой чудовищно-нелѣпой экзекуціи, какую трудно было бы представить и самому пылкому воображенію, если бы о ней не свидѣтельствовали офиціальные документы университетскаго архива. Передъ несомнѣн-

ными историческими фактами знаменитой «ревизіи» Магницкаго и послѣдовавшаго за нею восьмилѣтняго его попечительства блѣднѣютъ самые яркіе образы сатирической фантазіи безсмертнаго автора «Исторіи одного города». То было организованное официальное *издѣвательство* надъ университетской наукой, надъ чувствами элементарной порядочности и надъ простымъ здравымъ смысломъ всѣхъ прикосновенныхъ къ университету людей. Въ какой мѣрѣ могъ выиграть престижъ университета въ глазахъ населенія въ виду возможности такихъ экспериментовъ, объ этомъ не можетъ быть двухъ мнѣній. Повтореніе «ревизіи Магницкаго» со всѣми ея подробностями, съ точнымъ воспроизведеніемъ всѣхъ ея смѣхотворно-отвратительныхъ пріемовъ — въ наше время немыслимо. Но было бы ошибкой предполагать, что этотъ эпизодъ изъ исторіи русскихъ университетовъ сохранилъ теперь одинъ лишь археологическій интересъ. Если внѣшніе пріемы, къ которымъ прибѣгалъ Магницкій, въ большинствѣ канули въ вѣчность, то «духъ» его дѣятельности не умеръ, онъ все еще паритъ надъ нашими храмами науки, торжествуя надъ силою времени. Да и въ программѣ внѣшнихъ пріемовъ достопамятнаго казанскаго ревизора и попечителя все еще найдется не мало такихъ «номеровъ», которыхъ не чуждается и наша «дирижирующая современность», какъ любилъ выражаться покойный Салтыковъ: слишкомъ срослись иные изъ этихъ пріемовъ со всей совокупностью нашего «режима». Кое-что изъ этихъ пріемовъ оживало прямо у насъ на глазахъ изъ мрака забвенія, сообщая новый живо трепещущій интересъ инымъ отдаленнымъ моментамъ изъ исторіи нашихъ университетовъ. Въ виду этихъ соображеній мы считаемъ не лишнимъ остановить вниманіе читателя на нѣкоторыхъ эпизодахъ, вошедшихъ въ повѣствованіе профессора Загоскина, частью извѣстныхъ и въ прежней литературѣ по исторіи казанскаго университета, частью впервые извлеченныхъ авторомъ изъ документовъ университетскаго архива.

II.

5 ноября 1804 г. имп. Александромъ I былъ подписанъ «Уставъ» вновь образуемаго казанскаго университета. Общаго университетскаго устава въ то время не существовало —

первый общій уставъ былъ выработанъ въ 1835 г., но всѣ уставы отдѣльныхъ университетовъ, изданные въ царствованіе Александра I, были построены на однихъ и тѣхъ же началахъ, отмѣченныхъ широкимъ довѣріемъ къ самодѣятельности университетскихъ корпорацій. Сто лѣтъ тому назадъ принципъ университетской автономіи не казался составителямъ университетскихъ уставовъ страшнымъ жупеломъ. Руководствуясь совѣтомъ признанныхъ знатоковъ европейской академической жизни, авторы этихъ уставовъ сознали ту истину, что служеніе наукѣ и просвѣщенію не можетъ быть забито въ рамки приказнаго чинопочитанія, и вотъ почему университетскіе уставы Александровской эпохи, а въ томъ числѣ и уставъ казанскаго университета 1804 г. — остались памятниками истинной государственной мудрости въ глазахъ университетскихъ дѣятелей всѣхъ послѣдующихъ поколѣній. Въ административномъ строѣ университетовъ съ полной послѣдовательностью проводилось выборное начало — ректоръ и его помощникъ, деканы и всѣ органы университетской инспекціи должны были избираться совѣтомъ университета. Инспекторъ избирался изъ среды ординарныхъ профессоровъ, два его помощника — изъ среды магистровъ или кандидатовъ. Во главѣ всего управленія университетомъ былъ поставленъ совѣтъ профессоровъ. Совѣтъ направлялъ всю учебную часть университета и утверждалъ постановленія отдѣльныхъ факультетовъ. Хозяйственную часть вѣдало правленіе, состоявшее изъ ректора и декановъ и обязанное отчетностью предъ тѣмъ же совѣтомъ. Широко поставлена была по уставамъ 1804 г. организація университетскаго суда, имѣвшаго три инстанціи — ректоръ, правленіе и совѣтъ. Нѣкоторыя дѣла совѣтъ рѣшалъ окончательно, другія могли переходить по апелляціи въ правительствующій сенатъ. Юрисдикція университетскаго суда обнимала всѣ дѣла, затрогивающія прикосновенныхъ къ университету лицъ. Регламентація студенческаго быта всецѣло предоставлялась усмотрѣнію совѣта. Упомянемъ наконецъ, что на университеты Александровской эпохи возлагалось завѣдываніе цензурой и управленіе всѣми училищами въ предѣлахъ даннаго округа.

Отмѣченныя особенности университетскихъ уставовъ Александровской эпохи отразили на себѣ свѣтлыя воззрѣнія на сущность академической свободы, почерпнутыя составителями

этихъ уставовъ изъ университетскихъ сферъ Германіи. Была однако и у этихъ уставовъ своя ахиллесова пята. Стройное зданіе автономнаго университета было увѣнчано довольно тяжелымъ куполомъ весьма неопредѣленнаго и сомнительнаго стиля. Надъ университетомъ возвышалась власть попечителя учебнаго округа. Предѣлы этой власти были такъ широки и такъ неясно очерчены, что для попечителя открывалась возможность самымъ рѣшительнымъ образомъ влiять на всѣ стороны университетской жизни, подчиняя ея теченіе своимъ личнымъ взглядамъ и даже капризамъ. Это, по выраженію проф. Загоскина, «властное и неограниченное, самостоятельное» положеніе попечителя по отношенію къ университетамъ бросается въ глаза, какъ рѣзкое противорѣчіе началамъ автономіи, провозглашеннымъ въ разсмотрѣнныхъ нами уставахъ. Возникло это противорѣчіе въ силу совершенно особаго взгляда на сущность попечительской должности, сложившагося при первоначальномъ возникновеніи этого института. Въ попечителѣ хотѣли видѣть не министерскаго чиновника, не областного начальника по учебной части, а именно «попечителя», т.-е. авторитетнаго и заботливаго охранителя интересовъ учебныхъ заведеній, ихъ искренняго друга и покровителя, всегда готоваго взять подъ свою высокую руку защиту ихъ правъ, удовлетвореніе ихъ нуждъ. Предполагалось, что вновь возникающіе университеты явятся слишкомъ нѣжнымъ растеніемъ на неподготовленной для ихъ культивированія русской почвѣ и въ виду этого рѣшено было дать имъ особыхъ патроновъ, сильныхъ вліяніемъ и властью. Теоретически выходило такъ, что расширеніе власти попечителя не должно было составлять угрозы для прочности университетской автономіи; наоборотъ — сила попечительской власти разсматривалась, какъ надежная опора для предоставленныхъ университетамъ прерогативъ. Однако, практика показала, что начало опеки, хотя бы и установляемое съ самыми доброжелательными намѣреніями, не можетъ мирно сплестись съ началомъ самоуправленія, и университетскія коллегіи при сношеніяхъ съ своими «покровителями» не разъ могли почувствовать горькую мудрость изреченія «избавь меня Боже отъ друзей, а съ врагами я и самъ справлюсь». Но бывали и такія мрачныя полосы въ исторіи нашей высшей школы, когда «покровитель» превращался въ открытаго «врага»,

уродуя и топча тѣ самыя права университетскихъ корпорацій, которыя онъ былъ призванъ бережно защищать. И тогда-то раскрывалось все пагубное значеніе предоставленныхъ попечителямъ исключительныхъ полномочій. Имена Рунича и Магницкаго достаточно свидѣтельствуютъ объ этомъ.

Теперь мы и перейдемъ отъ благожелательнаго краснорѣчія университетскихъ уставовъ начала XIX вѣка къ способамъ и пріемамъ ихъ практическаго примѣненія.

Составивъ прекрасный уставъ, устроители казанскаго университета прежде всего рѣшили подольше повременить его примѣненіемъ. Попечитель казанскаго округа Румовскій, довольно крупный въ свое время ученый, но, къ моменту своего назначенія попечителемъ, одряхлѣвшій семидесятилѣтній старикъ, рѣшилъ избѣжать сложныхъ хлопотъ, которыя были необходимы для оборудованія настоящаго университета, и устроить все дѣло скромнымъ, экономическимъ и, такъ сказать, домашнимъ способомъ. Въ Казани существовала гимназія. Четырехъ гимназическихъ преподавателей превратили въ «адъюнктовъ» математики, физики, лингвистики и философіи, къ нимъ присоединили оператора пермской врачебной управы штабъ-лѣкаря Протасова въ качествѣ «профессора патологіи, терапіи и клиники» и нѣмецкаго доктора философіи Цеплина, занесеннаго судьбою въ Казань еще за годъ до образованія здѣсь университета, — въ качествѣ профессора всемірной исторіи, статистики и географіи; наконецъ, директора казанской гимназіи Яковкина опредѣлили профессоромъ россійской исторіи, статистики и географіи; предоставили шести названнымъ лицамъ читать лекціи сорока студентамъ подъ общимъ распорядительнымъ управленіемъ Яковкина, который въ качествѣ директора гимназіи принялъ подъ свое завѣдываніе и эти, какъ бы при гимназіи организованныя, лекціи и все описанное несложное устройство и рѣшили — по молчаливому соглашенію властей — признавать казанскимъ университетомъ. Тѣмъ и ограничилось на долгое время осуществленіе пышныхъ предначертаній устава 1804 г. Какъ же могла совершиться такая грубая подмѣна всего того, что было обѣщано въ законѣ? Какъ я уже сказалъ, она совершилась по молчаливому согласію властей. Въ своемъ отвѣтѣ на представленіе Румовскаго о предположенномъ порядкѣ открытія университета министръ на-

роднаго просвѣщенія Завадовскій, опредѣленно утвердивъ различныя предложенія попечителя, просто-напросто обошелъ молчаніемъ вопросъ объ административномъ устройствѣ университета и о предначертанномъ попечителемъ подчиненіи всѣхъ университетскихъ дѣлъ гимназическому директору. Попечитель принялъ это молчаніе за знакъ согласія и такимъ образомъ въ Казани вошла въ силу неслыханная комбинація учебныхъ учрежденій; не гимназія должна была состоять при университетѣ, а университетъ — при гимназіи и въ полной подчиненной зависимости отъ гимназическаго начальства! Такъ, первый же шагъ при образованіи университета въ Казани ознаменовался произвольнымъ нарушеніемъ закона. По справедливому замѣчанію проф. Загоскина, «уродливое состояніе казанскаго университета въ эпоху 1805—1813 гг. было дѣломъ факта, личнаго усмотрѣнія, не только стоявшаго въ разрѣзъ съ закономъ, но не облеченнаго санкціей хотя бы только министерства народнаго просвѣщенія».

Любопытно отмѣтить, что учебныя власти какъ будто сами были сконфужены произведеннымъ ими «упрощеніемъ» Высочайше утвержденнаго университетскаго устава. По крайней мѣрѣ открытіе столь своеобразно организованнаго университета, послѣдовавшее 14 февраля 1805 г., было обставлено какой-то странной и двусмысленной таинственностью. Попечитель Румовскій лично отправился изъ Петербурга въ Казань открывать университетъ, но во всей офиціальной перепискѣ, связанной съ этой поѣздкой, ни слова не было сказано объ истинной цѣли путешествія Румовскаго, офиціально онъ отправлялся въ Казань «для осмотра нѣкоторыхъ училищъ». Мѣстное казанское общество не только не было приглашено къ участію въ актѣ открытія университета, но не было даже извѣщено о готовящемся событіи. Келейно, съ комическимъ опасеніемъ огласки, точно какой-то незаконный плодъ получилъ казанскій университетъ свое офиціальное крещеніе. Въ виду этихъ фактовъ особенно странными кажутся намъ тѣ упреки, которые бросаютъ по адресу общества историки казанскаго университета — Буличъ, а за нимъ и проф. Загоскинъ — въ «гробовомъ молчаніи», въ «тупомъ восточномъ равнодушіи», съ какимъ отнеслось это общество къ дарованному ему университету. Умѣстны ли эти упреки? Общество ли виновато въ томъ, что учебныя

власти заботливо прятали свое новое дѣтище отъ нескромныхъ постороннихъ взоровъ? И какое дѣло было обществу до того, что было задумано и устроено безъ его участія, притомъ съ явнымъ нарушеніемъ всѣхъ обѣщанныхъ въ законѣ правилъ? Высочайше утвержденный уставъ говорилъ о созданіи независимой, авторитетной университетской коллегіи, которая могла бы сдѣлать изъ университета храмъ истинной науки; а вмѣсто того подъ именемъ университета сочинили какое-то отдѣленіе при гимназіи и предоставили въ немъ хозяйничать гимназическому директору Яковкину, который очень хорошо былъ извѣстенъ казанскому обществу отталкивающими чертами своего характера. Ликовать, потрясать тимпанами и сыпать пожертвованія неизвѣстно въ чье распоряженіе было бы по этому поводу по меньшей мѣрѣ преждевременно, и потому, вопреки мнѣнію названныхъ историковъ, мы склонны усматривать въ «гробовомъ молчаніи» общества не столько «восточное равнодушіе», сколько западную осмотрительность.

Два человѣка несомнѣнно выигрывали отъ только что описанной подмѣны настоящаго университета импровизированнымъ университетскимъ отдѣленіемъ при гимназіи. То были казанскій директоръ Яковкинъ и казанскій попечитель Румовскій. Яковкинъ — хищникъ и интриганъ съ нечистыми руками и необузданнымъ честолюбіемъ — получалъ возможность расположиться полнымъ хозяиномъ въ возникавшемъ университетѣ. И онъ дѣйствительно сдѣлался на цѣлыхъ 10 лѣтъ «отцомъ и командиромъ» казанскаго университета, фактически замѣняя своей особой весь сложный аппаратъ университетской администраціи, предписанный уставомъ. А пока въ Казани царилъ Яковкинъ, одряхлѣвшій Румовскій, завѣдовавшій казанскимъ учебнымъ округомъ изъ далекаго Петербурга, могъ спать спокойно, уступая бразды правленія своему энергичному и «безъ лести преданному» клеврету. Такое «уродливое», — по выраженію проф. Загоскина — состояніе университетскаго управленія могло бы, еще быть оправдано до нѣкоторой степени на первыхъ порахъ, пока университетъ оставался почти безъ профессоровъ, пока онъ существовалъ болѣе по имени, чѣмъ на дѣлѣ — хотя, съ другой стороны, возникаетъ вопросъ — почему университетъ былъ сначала открытъ, а потомъ уже устроенъ, а не

наоборотъ? — но вотъ съ теченіемъ времени преподавательскій персоналъ университета пополнился новыми лицами, среди которыхъ явились иностранные ученые съ видными именами въ наукѣ, хорошо знакомые съ принципами академическаго устройства, усвоенными уставомъ 1804 г. Казалось, осуществленіе устава въ полномъ его объемѣ уже не могло бы встрѣтить теперь никакихъ препятствій. Но на стражѣ первоначальнаго порядка упорно стоялъ Яковкинъ, не имѣвшій ни малѣйшаго желанія разстаться съ своимъ привилегированнымъ положеніемъ единоличнаго вершителя университетскихъ дѣлъ, и воля Яковкина оказалась сильнѣе воли монарха, Высочайше утвердившаго уставъ 1804 г.

Иностранные ученые, принявшіе приглашеніе русскаго правительства занять каѳедры въ *университетъ*, чувствовали себя обманутыми, попавъ въ какую-то безтолковую школу подъ неограниченную власть грубаго интригана, никогда не видавшаго, по ихъ словамъ, «организма университета» А русскія учебныя власти, заманивъ этихъ иностранцевъ на далекую окраину, тотчасъ же брали ихъ подъ подозрѣніе и готовы были вѣрить на слово всякому о нихъ извѣту Яковкина, исповѣдовавшаго одинъ принципъ: «университетъ, это — я» Профессора настаивали на введеніи правильныхъ коллегіальныхъ формъ въ университетское управленіе, на осуществленіи академической автономіи, предписанной уставомъ, а Яковкинъ отвѣчалъ имъ, что они — бунтовщики и что онъ не потерпитъ крамолы въ управляемомъ имъ университетѣ. Яковкинъ зналъ, что каждое его слово имѣетъ непререкаемый авторитетъ въ глазахъ одряхлѣвшаго попечителя и въ Петербургъ летѣли донесенія за донесеніями, наполненныя грязными сплетнями и завѣдомою ложью на счетъ всякаго, кто пытался оградить права профессорской коллегіи отъ самоуправства директора. Въ такой атмосферѣ просуществовалъ казанскій университетъ цѣлое десятилѣтіе. Мы позволимъ себѣ привести изъ обширнаго матеріала, сообщаемаго проф. Загоскинымъ объ этомъ времени, нѣсколько фактовъ, живо характеризующихъ отношеніе учебной власти къ вопросамъ академическаго быта и въ частности къ преподавательскому персоналу университета.

Основнымъ вопросомъ, около котораго вращались всѣ университетскія замѣшательства и столкновенія этой поры,

являлся вопросъ о правахъ совѣта, попираемыхъ на каждомъ шагу произволомъ директора съ согласія попечителя. Иностранные профессора, практически знакомые съ «организмомъ университета» по своей дѣятельности на родинѣ, не могли помириться съ ролью молчаливыхъ статистовъ при самовластномъ директорѣ, тѣмъ болѣе, что притязанія послѣдняго явно противорѣчили и русскимъ университетскимъ уставамъ. Немудрено, что именно иностранные профессора всего чаще становились во главѣ совѣтской оппозиціи противозаконнымъ распоряженіямъ начальства. И Яковкинъ не даромъ выражалъ опасеніе въ письмахъ къ попечителю, «чтобы умноженіе иностранцевъ, чиновниковъ университета *), не навлекло высшему начальству безпокойствъ, когда и съ нынѣшними нѣмцами ладить чрезвычайно трудно по причинѣ ихъ самомнѣнія». Съ своей стороны и попечитель Румовскій, приглашая новыхъ профессоровъ, весьма озабочивался не только ихъ учеными познаніями, но и свойствами ихъ нрава. Извѣщая Яковкина о назначеніи въ Казань новаго профессора Германа, Румовскій прежде всего отмѣчаетъ: «онъ человѣкъ пожилой и, сколько я могъ замѣтить, *тихій*». Набрать профессоровъ *потише, поугодливѣе*, — вотъ что заботило казанскаго директора и попечителя. Увы, задача, которую они ставили, оказывалась недостижимой, да и могло ли быть иначе, когда *быть тихимъ* на языкѣ учебнаго начальства значило забыть разъ навсегда о своихъ правахъ, о своемъ человѣческомъ достоинствѣ. Иностранные ученые, привлекаемые въ Казань перспективою мирной работы, вовсе не были согласны купить душевный покой цѣною униженія своей личности. Справедливость требуетъ прибавить, что къ иностранцамъ примыкали въ этомъ отношеніи и русскіе преподаватели университета, за исключеніемъ нѣкоторыхъ искательныхъ клевретовъ начальства. Такимъ образомъ, «если иностранцы и задавали руководящій тонъ совѣтской оппозиціи, то все же университетская борьба за права совѣта отнюдь не носила національнаго характера. То была борьба двухъ непримиримыхъ элементовъ — ученой интеллигенціи и мелкотрав-

*) Офиціальная терминологія того времени была откровеннѣе нынѣшней: профессоровъ такъ прямо и называли «чиновниками университета».

чатой бюрократіи, желавшей видѣть въ профессорахъ не болѣе, какъ «чиновниковъ университета». Написать уставъ и запретить имъ пользоваться, провозгласить на бумагѣ права и преимущества и затѣмъ гнать, какъ мятежниковъ и бунтовщиковъ, всѣхъ, кто на эти права и преимущества посмѣетъ ссылаться, — развѣ мы не узнаемъ во всемъ этомъ излюбленныхъ пріемовъ бюрократіи всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ? Правда, эти пріемы могутъ примѣняться съ различной степенью изощренности, въ зависимости отъ того, насколько утончены формы общежитія въ данный моментъ, въ данной странѣ. Но суть дѣла остается всегда одна и та же. Доморощенная россійская бюрократія начала XIX в. въ лицѣ казанскаго директора Яковкина проводила свою обычную программу со всей той грубой аляповатостью, которая была присуща всему жизненному строю полудикой, крѣпостнической Россіи того времени.

И тѣмъ яснѣе и откровеннѣе выступаютъ передъ нами пружины этихъ бюрократическихъ махинацій. Знакомясь съ ними, мы наблюдаемъ, такъ сказать, простѣйшую схему чиновничьей политики, освобожденную отъ тѣхъ сложныхъ внѣшнихъ покрововъ, которыми ее окутываетъ подъ часъ позднѣйшая изощренная практика нашихъ канцелярій. Здѣсь все было просто и опредѣленно. Адъюнктъ Карташевскій — одна изъ свѣтлыхъ и талантливыхъ личностей среди русскихъ преподавателей университета — заявилъ въ одномъ изъ своихъ особыхъ мнѣній, что кругъ дѣлъ, предоставляемыхъ на разсмотрѣніе совѣта, гораздо уже того, который предусмотрѣнъ уставомъ; и тотчасъ вслѣдъ за этимъ попечитель, вдохновленный директоромъ, приказываетъ: сдѣлать Карташевскому черезъ г. директора выговоръ передъ всѣмъ совѣтомъ и объявить ему, что «ежели онъ находитъ кругъ совѣта для себя ограниченнымъ и тѣснымъ, то въ его волѣ искать себѣ внѣ гимназіи другого обширнѣйшаго». Однажды, при обсужденіи въ совѣтѣ спорнаго инцидента одинъ профессоръ, усматривая неправильности въ направленіи дѣла, сдѣлалъ секретарю совѣта запросъ относительно предписанныхъ уставомъ порядковъ дѣлопроизводства. И тотчасъ къ попечителю полетѣлъ директорскій доносъ о томъ, что въ совѣтѣ подняла голову «гидра мятежа», а попечитель поспѣшилъ отвѣтить на этотъ доносъ соотвѣтствующими начальственными перунами.

И такъ далѣе, все въ томъ же родѣ. Неудивительно, что при такой готовности учебнаго начальства приравнивать къ «мятежу» всякое сколько-нибудь независимое дѣйствіе профессорскаго персонала совѣтъ казанскаго университета въ глазахъ начальства, можно сказать, не выходилъ изъ хроническаго, непрерывнаго «мятежа» и всѣ усилія высшей университетской администраціи сосредоточивались около того, чтобы сломить эту «мятежную гидру», иначе говоря — чтобы отбить у только что приглашенныхъ въ университетъ профессоровъ всякую охоту къ дѣятельной работѣ на пользу университета. Весьма любопытно взглянуть на нѣкоторые пріемы, съ помощью которыхъ надѣялись «донечь» строптивыхъ «чиновниковъ университета». Опальный профессоръ подвергался самому всестороннему гласному и негласному надзору. Профессоръ всеобщей исторіи Ценлинъ опоздалъ на университетскій актъ на два часа. Ценлинъ былъ главою совѣтской оппозиціи и директоръ не замедлилъ донести попечителю о служебномъ «проступкѣ» своего врага. По иниціативѣ попечителя возникло «дѣло» о проступкѣ Ценлина, которому пришлось принести офиціальное объясненіе о томъ, что у него въ тѣ роковые два часа «шла носомъ кровь». Не ускользали отъ наблюденія начальства поступки профессоровъ и внѣ ихъ служебныхъ обязанностей. Око начальства пронизывало самыя стѣны профессорскихъ жилищъ. Профессора-иностранцы нерѣдко собирались коротать вечера за музыкой, бесѣдой и картами въ домѣ учителя музыки Неймана. Казалось бы, это невинное времяпровожденіе не могло имѣть никакого отношенія ни къ благосостоянію государства, ни къ служебной компетенціи директора. Но посѣтители Неймановскихъ журфиксовъ были сторонниками автономіи совѣта, и директоръ не преминулъ возбудить дѣло «о тайныхъ сборищахъ у учителя Неймана съ подозрительными цѣлями», а попечитель положилъ по дѣлу резолюцію, достойную быть упомянутой въ исторіи русскихъ университетовъ: такъ какъ, писалъ попечитель, въ квартирѣ учителя Неймана примѣчены по вечерамъ собранія съ картами и музыкой, похожія на клубъ, что «ученому мѣсту ни мало не прилично», то — «призвавъ учителя Неймана, объявить ему, чтобы онъ отъ сего воздержался». Ну, какъ тутъ не вспомнить историческое восклицаніе — sancta simplicitas! — Добрые люди серьезно смотрѣли

на университетъ, какъ на казарму, а на профессоровъ съ европейскими именами, какъ на молодыхъ рекрутовъ. Однако тѣ же добрые люди умѣли проявлять при случаѣ и чисто маккіавелевское коварство все съ той же цѣлью «утѣсненія» ими же приглашенныхъ профессоровъ. Какъ вамъ понравится напримѣръ слѣдующая стратагема, придуманная престарѣлымъ попечителемъ. Получая настоятельныя заявленія профессоровъ о необходимости «вывести совѣтъ университета изъ неопредѣлительнаго положенія», попечитель поручилъ самому совѣту заняться выясненіемъ этого вопроса и въ то же время секретно писалъ директору: «не мѣшайтесь въ ихъ разсужденія, дайте волю писать, что заблагоразсудится, но отъ подписи журнала уклонитесь. Когда совѣтъ обнаружитъ свои мысли, кои совершенно пахнуть будутъ безначаліемъ, тогда я съ моими объясненіями представлю ихъ министру просвѣщенія. Вы видите, что планъ, мною обдуманный, есть такого рода, что необходимо нужно мнѣ знать имена главныхъ зачинщиковъ». Такъ опекалъ попечитель права и преимущества, дарованныя университету. Пускались въ ходъ и болѣе откровенныя стратагемы. Въ 1805 г. возникъ вопросъ о порядкѣ выдачи профессорамъ квартирныхъ денегъ. Резолюція попечителя по этому вопросу представляетъ поистинѣ высшую точку бюрократическаго вдохновенія. Попечитель заявилъ, что онъ «долгомъ почитаетъ исходатайствовать квартирныя деньги тѣмъ изъ членовъ совѣта, *кои соблюдаютъ должное къ начальству уваженіе* и не соглашаются съ тѣми, кои въ журналѣ совѣта помѣщаютъ *непристойныя и условныя постановленія*, родъ принужденія и презрѣнія къ начальству въ себѣ заключающія». Что же касается непочтительныхъ профессоровъ, то таковымъ предлагалось обойтись и безъ казенныхъ квартиръ и безъ квартирныхъ денегъ. Патріархальная непринужденность описанныхъ пріемовъ не могла однако удержать лучшихъ профессоровъ на стезѣ бюрократической добродѣтели и чрезъ весь первоначальный періодъ существованія казанскаго университета непрерывно тянутся случаи увольненія профессоровъ отъ службы по ихъ неблагонадежности и строптивости. Въ большинствѣ случаевъ за бортъ университета выбрасывались лучшіе члены университетской корпораціи. Есть данныя, показывающія, что всѣ профессора находились въ сущности на подозрѣніи у

начальства. Въ 1812 г., въ виду нашествія иноземцевъ внутрь Россіи, былъ произведенъ такъ называемый «разборъ иностранцевъ». Начальники всѣхъ вѣдомствъ должны были представить свѣдѣнія о состоящихъ на русской государственной службѣ иностранцахъ въ отношеніи ихъ политической благонадежности. Начальство казанскаго университета объявило ненадежными *всѣхъ* своихъ иностранныхъ профессоровъ, за самыми малыми исключеніями. Невольно возникаетъ вопросъ, какъ можно было вести дѣло высшаго образованія при систематическомъ недовѣріи къ тѣмъ лицамъ, которыхъ считали нужнымъ ставить во главѣ его? Не правильнѣе ли было бы при этихъ условіяхъ просто-напросто закрыть университеты и поставить крестъ надъ успѣхами русскаго просвѣщенія? Такая именно мысль и не замедлила зародиться въ правительственныхъ сферахъ вскорѣ послѣ отечественной войны при первыхъ же симптомахъ надвигающейся на Россію аракчеевщины. Въ началѣ 1817 г. преемникъ Румовскаго по должности казанскаго попечителя, Салтыковъ, человѣкъ, исполненный лучшихъ намѣреній по отношенію къ дѣлу просвѣщенія, съ грустью писалъ своему пріятелю, казанскому профессору Броннеру: «болѣе, нежели вѣроятно, что за исключеніемъ московскаго всѣ остальные университеты будутъ упразднены. Вопросъ о закрытіи университетовъ казанскаго и харьковскаго уже поставленъ на очередь. Клингеръ (попечитель дерптскаго учебнаго округа) ходатайствуетъ о своемъ увольненіи, мотивируя свое рѣшеніе нежеланіемъ присутствовать при похоронахъ ввѣреннаго ему университета. Эта же причина побуждаетъ и меня послѣдовать его примѣру». Да, людямъ въ родѣ Салтыкова надо было уходить. Уничтоженіе университетовъ не состоялось, но имъ пришлось выдержать такую дикую встряску, передъ которой совершенно блѣднѣютъ всѣ нелѣпыя стратагемы во вкусѣ Яковкина и Румовскаго. На горизонтѣ русской школьной политики всходила звѣзда Магницкаго.

III.

Мы разсмотрѣли тѣ пріемы, при помощи которыхъ правительство «насаждало» университетское образованіе въ Казани въ такъ называемую эпоху либеральныхъ вѣяній царствова-

нія Александра I. Эти пріемы сводились, въ сущности говоря, къ борьбѣ правительства съ тѣмъ уставомъ, который оно само только что подарило Россіи. Врядъ ли кто-нибудь согласится признать, что эта борьба могла содѣйствовать процвѣтанію университетскаго дѣла. Но при всемъ томъ, мы не находимъ въ дѣйствіяхъ администраторовъ въ родѣ Яковкина и Румовскаго сознательной вражды къ высшему просвѣщенію. Это просто были люди, неподходящіе къ ввѣренному имъ дѣлу, не имѣвшіе представленія объ «организмѣ университета» и искренно смѣшивавшіе университетъ съ какимъ-нибудь приказнымъ повытьемъ. Ихъ дѣйствія были въ высшей степени нелѣпы, нерѣдко нечистоплотны, но они не были отмѣчены тѣмъ ядовитымъ злопыхательствомъ, которое диктуется безсовѣстнымъ карьеризмомъ высшаго полета.

Печать допотопной эпической патріархальности легла на самыя непривлекательныя проявленія ихъ дѣятельности. Люди иного закала выдвинулись на сцену во вторую половину царствованія Александра I. Наступала пора воинствующей реакціи. «Истреблять крамолу» — таковъ былъ теперь очередной лозунгъ. Для практическаго примѣненія этого лозунга надлежало, во что бы то ни стало, повсюду отыскивать крамольныя сѣмена. Если ихъ нельзя было отыскать, ихъ надо было выдумать. Администраторъ, нигдѣ не нашедшій крамолы, подлежалъ упраздненію. Благодарное поле для подвиговъ крамолоистребителей раскрывалось въ области высшаго образованія: стоило только объявить самую науку и ученость основнымъ источникомъ всякаго нечестія. Вошедшій въ моду мистицизмъ являлся въ этомъ отношеніи превосходнымъ конькомъ для лихихъ наѣздниковъ бюрократическаго сыска. Борьба съ строптивостью профессоровъ теперь осложнилась борьбой съ строптивостью самой науки. Бумажныя придирки и канцелярскія каверзы добраго стараго времени смѣнились крестовымъ походомъ противъ университетскаго вольномыслія, и предводители этого похода выдвинули впередъ всѣ тяжелыя орудія кощунственнаго ханжества. Начальническіе выговоры облекались въ форму мрачныхъ заклятій, а прошенія подчиненныхъ обильно растворялись елеемъ молитвенныхъ воздыханій. Казалось, самые средніе вѣка съ ихъ зловѣщими инквизиціонными трибуналами и кострами готовы были возстать изъ гроба и поглотить бѣдные русскіе

университеты. Можно было бы подумать, что глашатаями этого необычайнаго новаго курса въ сферѣ школьной политики выступили суровые фанатическіе люди, сильные непреклонностью односторонне направленной воли. Къ удивленію изслѣдователя русскіе Савонаролы во фракахъ министерства народнаго просвѣщенія оказываются на повѣрку людьми весьма веселаго нрава и весьма эпикурейскихъ воззрѣній на жизнь и ея грѣшныя радости. Вотъ какъ характеризуетъ дочь Сперанскаго одного изъ этихъ Савонароллъ, Магницкаго, часто бывавшаго въ домѣ ея отца, сотрудникомъ котораго онъ состоялъ въ началѣ своей чиновничьей карьеры. «Магницкій у насъ въ домѣ былъ настоящимъ Протеемъ. За эпиграммою у него слѣдовалъ фарсъ; тамъ опять какое-нибудь передразниваніе, какая-нибудь острая выходка, напоминающая лучшія парижскія гостиныя, какая-нибудь арлекинада, отъ которой всѣ помирали со смѣху». Изъ другихъ источниковъ намъ извѣстно, что этотъ милый салонный шалунъ очень любилъ срывать на жизненномъ пути цвѣты удовольствія, онъ пользовался неотразимымъ вліяніемъ на женщинъ и не отказывалъ себѣ въ романическихъ похожденіяхъ въ то время, какъ, съ именемъ Спасителя на устахъ, объявлялъ русскіе университеты гнѣздами пагубнаго разврата, матеріализма и невѣрія. Крестовый походъ противъ университетовъ былъ тоже одною изъ арлекинадъ, которыми Магницкій прокладывалъ себѣ путь къ чинамъ и звѣздамъ. Онъ сумѣлъ воздвигнуть на почвѣ модныхъ политическихъ тенденцій текущаго момента поистинѣ шутовское издѣвательство и надъ наукой, которую онъ гналъ, и надъ религіей, которой онъ прикрывался, и надъ здравымъ смысломъ собственныхъ начальниковъ, отъ которыхъ онъ жаждалъ получить великія и богатыя милости. Магницкій былъ карьеристомъ до мозга костей. Онъ всю жизнь мѣнялъ личины, всегда присасываясь къ господствующему теченію. Какъ уже сказано, онъ началъ строить карьеру въ лучахъ славы Сперанскаго. Но разсчетъ лопнулъ и Магницкому пришлось раздѣлить опалу своего патрона. Черезъ четыре года онъ выплылъ снова. Въ 1816 г. онъ былъ уже воронежскимъ вице-губернаторомъ, а въ 1817 г. — губернаторомъ въ Симбирскѣ. Здѣсь онъ затѣялъ шумную борьбу съ дворянствомъ, начавъ преслѣдованія злоупотребленій крѣпостнымъ правомъ. Онъ думалъ попасть этимъ въ тонъ чувстви-

тельнымъ наклонностямъ императора. Скоро, однако, онъ почуялъ новыя струи въ политической атмосферѣ и рѣшилъ, что теперь-то ему открывается его истинное призваніе. Во главѣ министерства народнаго просвѣщенія сталъ кн. Голицынъ и отъ всѣхъ министерскихъ распоряженій и циркуляровъ запахло ладаномъ. Наступала пора канцелярскаго насажденія благочестія со всѣми атрибутами кощунственнаго фарисейства. Магницкій всѣми силами началъ кадить новому направленію. Тотчасъ же основалъ онъ въ Симбирскѣ отдѣленіе библейскаго общества и кромѣ того «женское общество христіанскаго милосердія». Онъ сразу понялъ, что можетъ ему дать политика мистической реакціи. Пока другіе будутъ вздыхать и молиться, онъ займется спасеніемъ отечества отъ гидры невѣрія. Борьба съ рабовладѣніемъ выходила изъ моды. Можно было начать борьбу съ просвѣщеніемъ. Это было все равно, лишь бы нахватать звѣздъ и взобраться на верхушку чиновной лѣстницы. Магницкій рѣшилъ дѣйствовать смѣло и рѣшительно. Онъ подалъ въ центральный комитетъ библейскаго общества проектъ, испугавшій самого Голицына. То былъ проектъ всеобщаго уничтоженія зловредныхъ книгъ.

«Собрать всѣ книги, да и сжечь!» Тутъ же, въ Симбирскѣ, въ умѣ Магницкаго зародилась идея предпріятія, обезсмертившаго его имя въ исторіи русскаго мракобѣсія. Въ городѣ Симбирскѣ проживалъ акушеръ симбирской врачебной управы Владимірскій. Въ 1817 г. онъ отважился выступить претендентомъ на каѳедру патологіи и терапіи въ казанскомъ университетѣ, но потерпѣлъ неудачу: совѣтъ казанскаго университета не призналъ въ немъ научныхъ достоинствъ, необходимыхъ для занятія каѳедры. Владимірскій, взбѣшенный отказомъ, началъ вопіять направо и налѣво о неблагонадежности казанскаго университета. Магницкій понялъ, какіе великолѣпные узоры можно вышить по этой канвѣ и рѣшилъ дѣйствовать. Въ январѣ 1819 г. онъ былъ уже членомъ главнаго правленія училищъ и тотчасъ по назначеніи на эту должность получилъ командировку въ Казань для обревизованія университета. Въ офиціальномъ предложеніи министра задачею ревизіи было поставлено выясненіе, «можетъ ли сей университетъ съ пользою существовать впредь». Ополчившись на брань противъ университета, Магницкій не забылъ о Владимірскомъ и сдѣлалъ его своей правою рукой при осу-

ществленіи своихъ «предначертаній». Общій духъ казанской дѣятельности Магницкаго достаточно извѣстенъ. Но въ книгѣ проф. Загоскина находимъ не мало новыхъ архивныхъ данныхъ, вскрывающихъ детальныя черты безпримѣрной казанской эпопеи. Эти детали чрезвычайно характерны. Онѣ всего лучше показываютъ намъ, до какихъ геркулесовыхъ столбовъ кощунственнаго издѣвательства и бюрократическаго озорства могла доходить порой та политика, которую пришлось вынести на своихъ плечахъ нашимъ многострадальнымъ университетамъ.

Ревизія, несмотря на ея рѣшающій характеръ, была произведена чрезвычайно быстро. 8-го марта Магницкій прибылъ въ Казань, а 16-го марта онъ уже объявилъ совѣту университета объ окончаніи возложеннаго на него министромъ порученія. Это была не ревизія, а какой-то половецкій набѣгъ на университетъ, опустошительный и быстрый, какъ всѣ набѣги дикихъ кочевниковъ. 9 апрѣля на столѣ министра уже лежало составленное Магницкимъ «донесеніе по обозрѣнію казанскаго университета». Здѣсь говорилось, что весь университетъ зараженъ противнымъ религіи духомъ деизма, всѣ почти профессора заслуживаютъ примѣрнаго наказанія, а самый университетъ подлежитъ уничтоженію. Неизбѣжность такого исхода своей ревизіи Магницкій ставилъ внѣ сомнѣнія и допускалъ только вопросъ о способахъ, коими университетъ предстоитъ уничтожить: «уничтоженіе сіе, — писалъ Магницкій, — можетъ быть двухъ родовъ: а) въ видѣ пріостановленія университета и б) въ видѣ публичнаго его разрушенія. Я бы предпочелъ послѣднее», добавляетъ смѣлый спаситель отечества.

Министерство, однако, воздержалось отъ обѣихъ частей этой дилеммы и придумало третій выходъ, не менѣе горькій для судебъ русскаго высшаго образованія: оно сохранило университетъ, но назначило «попечителемъ» надъ нимъ самого Магницкаго. Иначе говоря, оно замѣнило казанскому университету смертную казнь прогнаніемъ сквозь строй. Бросимъ же бѣглый взглядъ на *попеченія* Магницкаго объ университетской наукѣ въ Казани. По его собственнымъ словамъ, онъ принимался «за очищеніе и усмиреніе (!) университета, какъ русскій и какъ христіанинъ». Первымъ долгомъ «русскаго и христіанина» Магницкій счелъ — изгнать изъ университета почти всѣхъ профессоровъ и замѣнить ихъ новыми

не иначе, какъ по «достовѣрнымъ свѣдѣніямъ о ихъ нравственности». Изгнать профессоровъ оказалось дѣломъ очень легкимъ. Затѣмъ предстояло набрать новыхъ. Это дѣло вышло потруднѣе. Вѣсть о разгромѣ университета быстро разнеслась по академическимъ кругамъ и изъ сколько-нибудь серьезныхъ ученыхъ не оказалось *никого,* кто пожелалъ бы служить подъ начальствомъ Магницкаго. Бросились съ запросами въ императорскую медико-хирургическую академію и въ московскій учебный округъ. Отвѣтъ былъ отовсюду одинъ и тотъ же: *никто* не желаетъ ѣхать въ Казань. Нечего дѣлать, пришлось обращать взоры за предѣлы Россіи. Но какъ можно было выписывать западно-европейскихъ ученыхъ послѣ всѣхъ тѣхъ громовыхъ проклятій, которыя расточалъ казанскій попечитель по адресу западной науки? Самъ Магницкій писалъ министру: «лучше отказаться отъ учености, нежели прививать къ отечеству нашему духовную заразу»... изъ Германіи. Въ такомъ плачевномъ положеніи Магницкій надумалъ попытать счастья у «карпато-россовъ», т.-е., по-просту говоря, въ Галиціи. Увы! На всѣ обращенные туда запросы и воззванія откликнулся всего-навсего одинъ «карпато-россъ», нѣкій Михаилъ Банія, о достоинствахъ котораго можно судить уже потому, что онъ храбро соглашался занять какую угодно каѳедру по философскому и юридическому отдѣленіямъ. Волей-неволей пришлось въ концѣ-концовъ удовольствоваться услугами разныхъ проходимцевъ изъ числа барскихъ гувернеровъ, учителей гимназій и уѣздныхъ лѣкарей, которые, правда, не могли представить въ подкрѣпленіе своихъ притязаній на каѳедру никакихъ ученыхъ трудовъ, но зато умѣли писать поистинѣ умилительныя прошенія объ опредѣленіи ихъ на службу. «Во врачеваніи, — читаемъ въ одномъ изъ такихъ прошеній, — существеннѣе есть наблюденіе, нежели ученость, и камень, его же небрегутъ зиждущіе, бываетъ во краю угла, а потому «неужели господа ученые скажутъ мнѣ — еда и ты отъ Галилеи еси, а ваше сіятельство прогнѣваетесь, что въ лѣто Господне правленія вашего народнымъ образованіемъ я не безмолвствую и Никодимомъ?» Нечего и прибавлять, что при замѣщеніи каѳедръ людьми, столь блиставшими, если не ученостью, то добродѣтелью, примѣненіе предписаннаго по уставу выборнаго начала было признано совершенно излишнимъ.

Освѣживъ преподавательскій персоналъ университета, Магницкій принялся за преобразованіе всѣхъ сторонъ университетскаго быта «на началахъ священнаго союза», по его собственному выраженію. Высочайше утвержденный и сохранявшій силу закона университетскій уставъ былъ ниспровергнутъ до послѣдней строчки. Управленіе университетомъ было раздѣлено между ректоромъ, завѣдующимъ учебной частью и директоромъ — должность, сочиненная самимъ Магницкимъ, которому ввѣрялась «экономическая, политическая и нравственная части». И ректоръ и директоръ *назначались* Высочайшею властью по представленію университета. На дѣлѣ ректоръ превратился въ простую декорацію, а директоръ — на это мѣсто былъ назначенъ извѣстный намъ Владимірскій — сдѣлался настоящимъ хозяиномъ университета и намѣстникомъ самого Магницкаго, безвыѣздно засѣвшаго въ Петербургѣ. Написанныя Магницкимъ инструкціи ректору и директору должны были полностью замѣнить университетскій уставъ. Новые порядки должны были дисциплинировать и студентовъ и профессоровъ. Студенты были превращены въ какихъ-то монастырскихъ послушниковъ. Инструкціи предписывали сдѣлать душою воспитанія студентовъ «покорность и строжайшее чиночитаніе». Директору вмѣнялось въ обязанность разсматривать всѣ студенческія тетради, слѣдить за студенческими бесѣдами, истребляя въ нихъ всякій духъ вольнодумства, надзирать за ежедневнымъ отправленіемъ студентами должныхъ молитвъ въ положенное время и водить ихъ по праздникамъ къ божественной литургіи. Директоръ долженъ былъ также ободрять студентовъ въ подвигахъ благонравія указаніемъ на то, что христіанская добродѣтель увѣнчивается не только небесной наградой, но и особеннымъ покровительствомъ начальства по службѣ (пунктъ *д* инструкціи). Провинившіеся студенты назывались *грѣшниками*. Ихъ запирали въ «комнату уединенія» (такъ назывался карцеръ), украшенную распятіемъ и картиной Страшнаго Суда. Въ лаптяхъ и крестьянскомъ армякѣ отсиживалъ тамъ грѣшникъ срокъ заключенія, въ то время какъ его товарищи каждое утро передъ лекціями должны были молиться о его душѣ. По истеченіи срока заключенія священникъ исповѣдовалъ и причащалъ освобождаемаго узника.

Для предохраненія студенческихъ душъ отъ яда невѣрія

и вольнодумства организованъ былъ самый строгій надзоръ за ходомъ преподаванія. Магницкій раздѣлялъ науки на двѣ категоріи: 1) науки *положительныя* — богословскія, юридическія, естественныя и математическія и 2) науки *мечтательныя* — философскія, нравственныя и политическія. Первыя отличаются постоянствомъ своего содержанія. Основанія вторыхъ — произвольны и перемѣняются каждые 20 лѣтъ (!), притомъ въ одно и то же время въ разныхъ государствахъ бываютъ различны и даже противоположны. Необходимо, чтобы мечтательныя науки не заражали собою наукъ положительныхъ. Впрочемъ, и сами положительныя науки должны быть преподаваемы не иначе, какъ съ извѣстными предосторожностями. Главное, слѣдуетъ твердо укоренить въ сознаніи учащихся мысль о безсиліи разума и полной призрачности всякаго научнаго знанія. Каждому профессору Магницкій прежде всего вмѣнялъ въ обязанность доказывать съ каѳедры тщету и незначительность преподаваемой имъ науки. Надъ каѳедрою философіи была помѣщена доска, на коей золотыми буквами были начертаны слова ап. Павла «блюдитеся, да никто же васъ будетъ прельщать философіею». Профессоръ политическихъ наукъ долженъ былъ доказывать, что основы политическаго права заключаются въ твореніяхъ Моисея, Давида и Соломона, а не въ книжкахъ ученыхъ философовъ, при чемъ любезное исключеніе сдѣлано было отчасти лишь для Платона и Аристотеля. Профессоръ естественной исторіи обязанъ былъ доказывать, что царство природы для насъ непостижимо, составляя лишь слабый отпечатокъ міра, ожидающаго насъ за гробомъ. Профессора медицинскаго факультета должны были твердить въ одинъ голосъ, что искусство врачеванія безъ духа благочестія есть низкое ремесло. Зато на долю профессоровъ словесности и исторіи доставалась завидная задача воздаванія хвалы великимъ подвигамъ человѣческаго духа. Если историкъ и долженъ былъ показать все ничтожество внѣшняго величія и славы языческихъ народовъ, то, съ другой стороны, ему предстояло изобразить яркими красками успѣхи христіанскаго просвѣщенія, причемъ въ особенности онъ долженъ былъ показать, какъ «наше отечество въ истинномъ просвѣщеніи упреждало другія государства». Таковы были наставленія, которыя преподавалъ Магницкій своимъ достойнымъ сподвижникамъ по возрожденію казан-

скаго университета. Всѣ предметы преподаванія просто и рѣшительно были приспособлены къ основной задачѣ преобразованія, которая сводилась къ тому, чтобы замѣнить изученіе науки шутовскимъ глумленіемъ надъ всякимъ серьезнымъ знаніемъ. Но Магницкій не остановился на реформированіи плановъ проподаванія. Онъ брался столь же смѣло за реформированіе и самихъ наукъ. Во-первыхъ, онъ выступалъ съ проектами совершеннаго упраздненія нѣкоторыхъ наукъ. Такъ, послѣ извѣстнаго инцидента съ книгой проф. Куницына онъ просилъ министра народнаго просвѣщенія совершенно упразднить въ Россіи философію: «сіе странное чудовище, спокойно подрывающее алтари и тронъ». Затѣмъ, оставшись недоволенъ неблагонадежностью науки естественнаго права, онъ предложилъ кому-либо изъ профессоровъ поставить эту науку на новыя основанія, а именно «извлечь естественное право не изъ разума, а изъ библіи». На предложеніе откликнулся профессоръ Городчаниновъ, патентованный круглый невѣжда, котораго самъ Магницкій аттестовалъ въ отчетѣ о своей ревизіи, какъ человѣка «весьма слабыхъ способностей», хотя и рекомендовалъ его вниманію начальства за примѣрное благочестіе. Городчаниновъ состряпалъ глупѣйшее разсужденіе, на заданную попечителемъ тему, и Магницкій съ паѳосомъ докладывалъ министру, что это сочиненіе «послужитъ къ перемѣнѣ основаній науки естественнаго права и честь сего важнаго переворота принадлежать неоспоримо будетъ казанскому университету и составитъ важнѣйшую эпоху не токмо въ лѣтописяхъ его, но и во всемъ ученомъ свѣтѣ».

Немудрено, что подобранные самимъ же Магницкимъ «чиновники университета» не обнаруживали противодѣйствія замысловатымъ начинаніямъ своего попечителя. Наоборотъ, они старались забѣжать впередъ самого начальника въ развитіи его предначертаній, и казанскій университетъ на нѣсколько лѣтъ сдѣлался ареной неприличнѣйшихъ фарсовъ, во время которыхъ самыя священныя слова трепались безъ всякаго смысла къ всеобщему соблазну. Университетъ отпраздновалъ особымъ актомъ свое «обновленіе» и постановилъ ежегодно чествовать такимъ же празднествомъ память этого событія. Тогда же было постановлено «повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества благодарность за попеченія о преуспѣяніи казанскаго университета» и поднести званіе почет-

ныхъ членовъ университета кн. Голицыну и Магницкому. Письменное дѣлопроизводство университета облеклось въ новыя формы, въ которыхъ трудно было уловить, гдѣ кончается раболѣпство и гдѣ начинается шутовство. Во всѣхъ офиціальныхъ бумагахъ теперь употреблялось двойное лѣтосчисленіе: одно отъ Рождества Христова, другое — отъ «возобновленія университета». Самый слогъ офиціальной переписки въ нарушеніе всѣхъ установленныхъ формъ переполнился необычными церковными реченіями. Я уже привелъ выше образецъ прошеній объ опредѣленіи на службу, какія подавались въ этотъ періодъ претендентами на каѳедру. Самъ университетъ наполнялъ исходящія отъ него бумаги такими же словесными фокусами. Дипломъ на званіе почетнаго члена университета, поднесенный Магницкому, весь былъ испещренъ неподражаемыми перлами краснорѣчія. Начать съ того, что министръ народнаго просвѣщенія былъ названъ въ этомъ дипломѣ «видимымъ ангеломъ-хранителемъ церкви россійской»; Магницкій прославлялся за «возсозданіе клонившагося уже къ паденію и вновь поставленнаго на краеугольномъ камени Христа сего святилища наукъ» и за «исторженіе изъ него насаждаемыхъ и питаемыхъ суемудріемъ плевелъ». Канцелярскія бумаги нерѣдко начинались вводными словами: «Во славу Святыя, Единосущныя, Животворящія и Нераздѣльныя Троицы, подъ Высочайшимъ покровительствомъ...» и т. д. Удивительное зрѣлище стали представлять собою университетскіе акты. Они начинались и заканчивались церковными пѣснопѣніями. А въ промежуткѣ профессора читали рѣчи, свидѣтельствовавшія о томъ, какъ послушно шествовало профессорское стадо за своимъ пастыремъ. На одномъ актѣ профессоръ краснорѣчія Городчаниновъ, извѣстный уже намъ преобразователь науки естественнаго права, доказывалъ, что Гомеръ въ своихъ поэмахъ явился лишь робкимъ подражателемъ Моисея. Въ другой разъ профессоръ химіи Дунаевъ посвятилъ рѣчь доказательству того, что естествознаніе «разрушаетъ алтари, Агнцу воздвигнутые» и, будучи преподаваемо въ университетѣ, составляетъ «тамъ мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ». А засимъ, въ концѣ акта, ректоръ обыкновенно провозглашалъ, что университетъ ликуетъ, начиная «новый кругъ бытія подъ защитою высокаго въ чувствованіяхъ и христіанскихъ доблестяхъ, одареннаго духомъ и силами необык-

новенными господина попечителя Михаила Леонтьевича Магницкаго».

Холопское сквернословіе профессоровъ, поставленныхъ Магницкимъ, не ограничивалось годичными торжественными актами. Его потоки ежедневно изливались съ каеедръ на профессорскихъ лекціяхъ. Любопытныя документальныя тому доказательства находимъ въ своеобразномъ источникѣ, самое существованіе котораго какъ нельзя болѣе характерно для эпохи Магницкаго. Я говорю о конспектахъ лекцій, которые должны были представляться профессорами на просмотръ и утвержденіе попечителя. Какихъ только диковинокъ не встрѣтитъ въ этихъ конспектахъ современный читатель! Мы воздержимся отъ выписокъ, такъ какъ трудно сдѣлать выборъ изъ этихъ неподражаемыхъ памятниковъ добровольно юродствующей человѣческой мысли. Интересующіеся пусть обратятся къ соотвѣтствующимъ страницамъ труда проф. Загоскина. Достаточно упомянуть, что профессоръ геометріи находилъ возможнымъ дать слѣдующее научное опредѣленіе гипотенузы: «гипотенуза есть выраженіе соединенія земли съ небомъ, дольняго съ горнимъ».

Магницкій могъ торжествовать. Не получивъ возможности уничтожить университетъ, онъ его опозорилъ. Что хуже?

Намъ остается отмѣтить, въ чемъ выражалось отношеніе общества къ тому, что творилось въ университетѣ подъ эгидой Магницкаго. Здѣсь намъ не придется долго распространяться. Достаточно будетъ указать на слѣдующій характерный фактъ. Магницкій, желая сдѣлать все казанское общество свидѣтелемъ совершеннаго имъ «обновленія» университета, предписалъ ежегодно устраивать *публичные экзамены*. Было составлено цѣлое «положеніе» о порядкѣ такихъ экзаменовъ. Отчетъ о первомъ опытѣ исполненія этой воли попечителя, помѣщенный въ книгѣ проф. Загоскина, какъ нельзя болѣе краснорѣчивъ: 6 іюля 1822 года постановлено было начать въ три часа пополудни публичное испытаніе, о чемъ публика извѣщена была чрезъ «Казанскій Вѣстникъ», а знатнѣйшія лица сверхъ сего приглашены были особыми программами, развезенными проф. Кондыревымъ. «Господинъ директоръ университета, ректоръ и члены совѣта, — гласитъ далѣе отчетъ, — явились въ назначенное время въ залъ собранія *и ожидали кого-либо изъ посѣтителей до 6 часовъ вечера*, но *какъ никто*

изъ нихъ не благоволилъ пожаловать, то и некому было избирать вопросовъ для удостовѣренія въ познаніяхъ учащихся; члены же университета сочли за излишнее повторять то, что имъ уже и по прежнимъ испытаніямъ достовѣрно извѣстно». Та же исторія повторилась и въ слѣдующемъ году: изъ публики на приглашеніе университета не явилось *ни одного человѣка.*

Таковъ былъ достойный отвѣтъ общественнаго мнѣнія на эксперименты Магницкаго. Общество было лишено возможности предотвратить или остановить административное издѣвательство надъ университетомъ, но оно сдѣлало, что было въ его силахъ: оно отказало измышленіямъ сановнаго карьериста въ санкціи своего одобрительнаго вниманія и, если Магницкій не убоялся публичности, то публичность убоялась Магницкаго.

На этотъ разъ и самъ историкъ казанскаго университета не находитъ возможнымъ предъявлять обществу упреки въ косности и равнодушіи къ судьбамъ университетской науки, чувствуя, насколько право было общество, отвертывавшееся отъ позорнаго зрѣлища административной расправы съ наукой и университетомъ. Но, повторимъ еще разъ, историкъ поступилъ бы еще правильнѣе, если бы взглянулъ глубже на ходъ взаимныхъ отношеній общества и власти въ сферѣ учебнаго дѣла на всемъ пространствѣ исторіи нашего высшаго образованія. Пріемы Магницкаго бросаются въ глаза своей исключительностью. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, въ чемъ именно состоитъ ихъ исключительность. Магницкій выходитъ изъ ряда и своихъ предшественниковъ и своихъ преемниковъ по необычайной нелѣпости тѣхъ *внѣшнихъ* формъ, въ которыя онъ ухитрялся облекать основы своей учебной политики.

Но самыя эти *основы,* -- развѣ не пустили глубокихъ корней въ традиціяхъ нашей учебной администраціи? Развѣ русская официальная школа не преслѣдовала и послѣ Магницкаго чисто-полицейскихъ задачъ? Развѣ интересы науки и образованія не приносились на каждомъ шагу въ жертву чиновничьимъ соображеніямъ, слишкомъ далекимъ отъ міра научныхъ идей и потребностей? И развѣ мысль о возможности массовыхъ изгнаній изъ стѣнъ университетовъ и учащихъ и учащихся, мысль о томъ, что для насажденія въ университетѣ благонамѣренности нужно удалить оттуда побольше людей, не оказалась слишкомъ живучей даже и черезъ сто лѣтъ послѣ подвиговъ Магницкаго?

Да, въ дѣйствіяхъ офиціальныхъ руководителей нашей школы вскрывается замѣчательная, достойная лучшаго примѣненія, послѣдовательность. И стоитъ спросить себя — не этимъ ли обстоятельствомъ объясняется съ другой стороны и та послѣдовательность, которую проявляло русское общество въ своемъ недовѣрчивомъ и недружелюбномъ отношеніи къ офиціальнымъ начинаніямъ въ области просвѣщенія?

Когда наша офиціальная школьная политика утратитъ окончательно характеръ борьбы съ истиннымъ просвѣщеніемъ, только тогда имя Магницкаго получитъ интересъ чисто археологическій.

Духовная цензура въ Россіи.

(Ал. Котовичъ: «Духовная цензура въ Россіи 1799—1855 гг.». С.-Пб., 1909 г. Стран. XVI+604.)

I.

Въ нашей литературѣ имѣется рядъ изслѣдованій по исторіи цензуры въ Россіи. Каждое изъ этихъ изслѣдованій служитъ яркимъ подтвержденіемъ того, что исторія цензуры является поистинѣ неисчерпаемымъ кладеземъ невѣроятнѣйшихъ нелѣпостей, про которыя съ полнымъ правомъ можно сказать: «все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно». Можно было бы уже думать, что самая пылкая изобрѣтательность не въ силахъ была бы измыслить что-нибудь, еще болѣе поражающее и неожиданное по части цензурнаго изувѣрства, нежели многіе ранѣе опубликованные факты, показывающіе, какъ далеко за границы здраваго смысла уводило иныхъ цензоровъ ихъ служебное рвеніе. Оказывается, однако, что въ эпохи господства цензурныхъ стѣсненій изощренность цензурнаго террора положительно не знала никакихъ предѣловъ, и знакомство съ новыми документальными матеріалами по исторіи цензуры раскрываетъ передъ нами такія перспективы, которыя заставляютъ признать, что въ области цензурной практики не было ничего невозможнаго, ничего невѣроятнаго. Вѣскимъ тому доказательствомъ служитъ недавно опубликованный трудъ г. Котовича по исторіи русской духовной цензуры, охватывающій массу новаго матеріала, извлеченнаго авторомъ изъ архивовъ св. синода, московской духовной цензуры и петербургскаго, московскаго и кіевскаго духовно-цензурныхъ комитетовъ. Живо и занимательно излагая весь этотъ матеріалъ за всю первую половину XIX столѣтія (1799—1855 гг.), г. Котовичъ съ большимъ знаніемъ дѣла

устанавливаетъ связь разсматриваемыхъ имъ эпизодовъ изъ практики духовной цензуры съ общими условіями нашей политической, церковной и литературной жизни, попутно набрасывая также довольно выразительныя характеристики главнѣйшихъ дѣятелей на поприщѣ духовной цензуры. Все это усиливаетъ интересъ и значеніе этой весьма содержательной книги.

Поистинѣ трагическимъ юморомъ вѣетъ отъ многихъ страницъ повѣствованія г. Котовича. Общія черты цензурнаго изувѣрства, сплошь и рядомъ отзывающіяся глумленіемъ надъ человѣческой мыслью, повторяются и въ спеціальной области духовной цензуры, принимая здѣсь подчасъ еще болѣе неожиданныя, озадачивающія формы. Съ особенно стѣсненнымъ чувствомъ прочтутъ эту книгу цѣнители и друзья духовнаго просвѣщенія. Они увидятъ здѣсь съ полной наглядностью, какъ нива русскаго духовнаго просвѣщенія не разъ покрывалась смѣлыми побѣгами ума и таланта, и какъ безжалостно вытаптывались эти побѣги грубыми ударами цензурнаго пресса. Но не для однихъ только любителей духовнаго просвѣщенія поучительно просмотрѣть эту грустную страницу изъ исторіи нашей культуры. Рѣчь идетъ здѣсь о всемъ русскомъ обществѣ, о тѣхъ условіяхъ его умственной жизни, которыя обрекали успѣхи русской мысли на рабскую зависимость отъ цѣлой системы учрежденій, представлявшихъ своимъ устройствомъ и своей дѣятельностью явную безсмыслицу. Вотъ почему мы позволяемъ себѣ предложить вниманію читателей краткій обзоръ интереснаго изслѣдованія г. Котовича.

Съ 1799 г. по 1828 г. цензурное руководство всей русской духовной литературой сосредоточивалось въ рукахъ «московской духовной цензуры», которая возникла въ качествѣ вспомогательнаго при синодѣ учрежденія, но почему-то была помѣщена не въ Петербургѣ, а въ Москвѣ — въ Донскомъ монастырѣ. При разсмотрѣніи судьбы этого учрежденія ни на минуту не освобождаемся отъ чувства полнаго недоумѣнія. Все здѣсь было исполнено необъяснимыхъ странностей. Начать съ того, что самое учрежденіе спеціальной духовной

цензуры было вызвано стремленіемъ къ оживленію духовной литературы въ виду того, что послѣдняя влачила слишкомъ вялое существованіе! По духовному регламенту Петра Великаго цензурное наблюденіе за духовною литературою возлагалось на св. синодъ, но члены синода, занятые другими обязанностями, не могли удѣлять достаточнаго вниманія организаціи цензурнаго дѣла и въ теченіе почти всего XVIII ст. спеціальная духовная цензура пребывала въ зачаточномъ состояніи. Въ 1796 г. возникли такъ называемые «смѣшанные цензурные комитеты», состоявшіе изъ свѣтскихъ и духовныхъ цензоровъ, совмѣстная дѣятельность которыхъ исключала самую идею выдѣленія духовной цензуры въ особое вѣдомство. Только авторы, принадлежащіе къ духовному сословію, должны были проводить свои сочиненія особо чрезъ цензуру епархіальныхъ архіереевъ и синода. Но вотъ, въ царствованіе Павла, на рубежѣ XIX ст. полагается прочное основаніе организаціи спеціальной духовной цензуры. Изумительна та цѣпь умозаключеній, которая привела правительственную власть того времени къ этому начинанію. Отправной ея точкой явились широкой волной разлившіяся по Россіи въ царствованіе Павла крестьянскія движенія. Было примѣчено, что въ этихъ движеніяхъ значительное участіе приняло сельское духовенство. Петербургскія власти приписали такую неблагонадежность сельскихъ священниковъ ихъ умственной отсталости и невѣжественности. Для борьбы съ этимъ зломъ рѣшено было двинуть развитіе духовной литературы, для чего были учреждены при привилегированныхъ монастыряхъ и придворныхъ соборахъ такъ называемые «соборные» священники. Предполагалось, что эти соборные священники явятся дѣятельными проводниками просвѣщенія въ среду духовенства и своимъ примѣромъ возбудятъ въ этой средѣ оживленное умственное и литературное движеніе. Въ быстрыхъ успѣхахъ этого движенія не сомнѣвались, а потому и сочли необходимымъ тотчасъ же, заблаговременно установить и спеціальную на этотъ предметъ духовную цензуру. Такъ, заботы о просвѣщеніи начали съ того, что прежде всего устроили карцеръ для тѣхъ, кто будетъ чрезмѣрно этимъ просвѣщеніемъ увлекаться. Появленія духовной литературы только что еще ожидали, а цензурныя учрежденія уже были снабжены полнымъ вооруженіемъ, чтобы немедленно грудью встрѣ-

тить ея первые шаги. Такъ родилась въ 1799 г. «московская духовная цензура». Изложенный выше ходъ соображеній, приведшій къ ея возникновенію, можетъ, пожалуй, показаться искусственнымъ измышленіемъ юмористически настроеннаго историка. Но нѣтъ, всѣ эти соображенія полностью изложены въ правительственныхъ актахъ, цитированныхъ г. Котовичемъ. Сельское духовенство волнуетъ крестьянъ и участвуетъ въ крестьянскихъ бунтахъ, значитъ, оно невѣжественно и его нужно просвѣтить, а въ виду неизбѣжности духовнаго просвѣщенія, необходимо заблаговременно учредить и спеціальную духовную цензуру, — таковъ въ дѣйствительности былъ ходъ идей Павловскаго правительства, отпечатлѣвшійся въ офиціальныхъ актахъ *).

Какъ же была организована эта духовная цензура? Согласно духовному регламенту она была ввѣрена вѣдѣнію синода, но по многосложности синодскихъ занятій для ея отправленія учреждался особый подчиненный синоду комитетъ, однако не въ Петербургѣ, а въ Москвѣ и притомъ съ тѣмъ, чтобы провѣрка и утвержденіе отзывовъ этого комитета принадлежала тѣмъ самымъ членамъ синода, которые, по сознанію самихъ составителей положенія 1799 г., «не могутъ съ желаемою поспѣшностью и пользою заниматься онымъ обревизованіемъ». Передъ составителями положенія 1799 г. о духовной цензурѣ стояла дилемма — организовать для этой цѣли или самостоятельное учрежденіе въ Москвѣ, или филіальное отдѣленіе при синодѣ въ Петербургѣ. Вопросъ былъ разрѣшенъ какъ нельзя болѣе безтолково; явилось филіальное отдѣленіе синода, но не въ Петербургѣ, а въ Москвѣ. Двухъярусное строеніе духовно-цензурнаго надзора было осложнено еще тѣмъ, что оба яруса были отдѣлены другъ отъ друга нѣсколькими сотнями верстъ.

Мы не будемъ долго останавливаться на характеристикѣ тѣхъ пріемовъ, съ помощью которыхъ возникшая въ 1799 г. «московская духовная цензура» охраняла свою паству отъ «словеснаго буйства». Пріемы эти не отличались сложностью. «Lasciate ogni speranza» — вотъ что надлежало бы начертать на фронтонѣ помѣщенія этой цензуры по адресу авторовъ, предлагавшихъ на ея разсмотрѣніе плоды своихъ вдохновеній. Доста-

---

*) См. П. С. З. XXIV, № 17, 958; XXV, № 18, 888. *Котовичъ*, стр. 9.

точно привести одинъ образчикъ, чтобы стало ясно, какія безхитростныя и невинныя мысли становились жертвами цензурной гильотины въ литературномъ застѣнкѣ Донского монастыря. На разсмотрѣніе московской духовной цензуры поступила, наприм., въ 1810 г. переведенная съ французскаго и снабженная одобрительнымъ отзывомъ епископа Гедеона небольшая нравоучительная книжечка «Наслажденіе собою». Цензоръ архимандритъ Владиміръ (Третьяковъ) испещрилъ книжечку строгими замѣчаніями. Авторъ книжечки, между прочимъ, отнесся отрицательно къ средневѣковымъ суевѣріямъ. «Въ готическіе вѣка, — писалъ онъ, — предки наши подвергали себя посмѣянію, вѣрили всѣмъ баснямъ, употребляли пытки и простыхъ физиковъ жгли, какъ чародѣевъ». «Не для чего смѣяться предкамъ, — замѣтилъ суровый цензоръ, — подъ благовиднымъ покровомъ басенъ, пытокъ и проч., выходитъ неуваженіе къ священнымъ преданіямъ». Въ другомъ случаѣ авторъ позволилъ себѣ невинное замѣчаніе о томъ, что «благороднѣе всего въ человѣкѣ — человѣкъ, и всѣ титлы, какія не вымышляли бы, суть несравненно его ниже». — «Слова сіи, — гремѣлъ цензоръ на поляхъ книжечки, — отзываются затѣями буйной философіи; хвалитъ жизнь безъ чиновъ, но по какому побужденію?» Вообще слово «философія» было, повидимому, наиболѣе сильнымъ порицательнымъ терминомъ въ репертуарѣ этого цензора. Въ одномъ мѣстѣ авторъ сообщалъ: «человѣкъ, — говорилъ одинъ великій государь, — который вовсе не видалъ меня, который живетъ за сто миль отъ моей столицы, безъ пышности и честолюбія, есть мой счастливецъ». Цензоръ не оставилъ безъ вниманія этого мѣста и замѣтилъ кратко, но сильно — «слишкомъ философски». Какъ видно изъ этихъ замѣчаній, духовная цензура не ограничивалась наблюденіемъ за религіознымъ правовѣріемъ контролируемыхъ авторовъ и съ неменьшимъ рвеніемъ стояла на стражѣ ихъ политической благонадежности. Въ этомъ отношеніи отъ вниманія духовныхъ цензоровъ не ускользала ни одна мелочь. Найдя въ упомянутой книжечкѣ порицаніе дурного обращенія господъ со слугами, цензоръ-архимандритъ сейчасъ подалъ свою реплику: «сдѣлавъ описаніе дурныхъ господъ, забываетъ о добрыхъ, а также пристрастное его ругательство обозначаетъ, что сочинитель держался системы затѣйливой и буйной философіи». Однако

и при высказываніи наиблагонамѣреннѣйшихъ мыслей авторы еще не были обезпечены отъ цензорскаго неудовольствія. Казалось бы, наприм., что уже никакихъ цензурныхъ хлопотъ не должна была вызвать слѣдующая сентенція въ той же книжечкѣ: «общественный порядокъ требуетъ, чтобы были вельможи и рабы, министры и художники, богатые и бѣдные», но нѣтъ: архимандритъ Владиміръ и здѣсь нашелъ матеріалъ для внушенія: «не только общественный порядокъ, но и внутреннее достоинство, и установленіе Божіе: «ина слава солнцу, ина звѣздамъ» и «нѣсть власть, аще не отъ Бога». Поистинѣ можно сказать, что легче верблюду было бы пройти сквозь игольное ушко, нежели невинному правоучительному трактату — сквозь частоколъ «московской духовной цензуры». Не лишено характерности и то обстоятельство, что упомянутый только что цензоръ архимандритъ Владиміръ въ бытность свою цензоромъ нерѣдко страдалъ продолжительными рецидивами «ипохондрической болѣзни». Это не мѣшало ввѣрять ему судьбы различныхъ произведеній той духовной литературы, которую собралось насаждать у насъ высшее духовное начальство.

Итакъ, авторы, которымъ приходилось имѣть дѣло съ «московской духовной цензурой», не имѣли основаній ожидать отъ своихъ цензоровъ благожелательнаго и просвѣщеннаго отношенія къ своимъ произведеніямъ. Наоборотъ, къ каждой рукописи цензора уже заранѣе, еще только приступая къ чтенію ея, склонны были относиться, какъ къ «печатному преступленію». Но этимъ еще не ограничивались злоключенія авторовъ того времени. Въ тѣ времена не такъ-то легко было дождаться отъ цензурныхъ учрежденій вообще какого бы то ни было отзыва; дѣла о просмотрѣ рукописей, представленныхъ въ цензуру, тянулись безъ конца, и цензурная волокита не уступала тогда по своей продолжительности знаменитой волокитѣ дореформенныхъ судовъ. Въ значительной мѣрѣ эта волокита обусловливалась многочисленностью и запутанностью цензурныхъ инстанцій. Нерѣдко рукописямъ приходилось безпріютно странствовать по разнымъ учрежденіямъ, отыскивая того цензора, которому суждено было учинить надъ ними немилостивую расправу. Бывали случаи, когда изъ-за права на рецензированіе той или другой рукописи возгаралась борьба между различными инстанціями, и тогда не предвидѣлось конца междувѣдомственной пики-

ровкѣ и перепискѣ. Съ учрежденіемъ особой «московской духовной цензуры» возникали безпрестанныя пререканія между свѣтской и духовной цензурой изъ-за вопроса о разграниченіи ихъ компетенцій. Каждое вѣдомство стремилось закрѣпить за собою возможно большую область вліянія. Неподражаемые образцы аргументаціи выдвигались при этомъ съ обѣихъ сторонъ. Любопытный турниръ между духовной и свѣтской цензурой произошелъ, напр., изъ-за переведеннаго съ французскаго языка шеститомнаго романа «Матильда» изъ эпохи крестовыхъ походовъ. Духовная цензура заявляла свои права на рецензированіе этого романа на томъ основаніи, что въ немъ встрѣчается много разсужденій о христіанской религіи и цитатъ изъ Св. Писанія. Попечитель петербургскаго учебнаго округа (свѣтская цензура находилась тогда въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія) отпарировалъ эти притязанія находчивымъ замѣчаніемъ: «Прилично ли, — писалъ онъ, — духовной цензурѣ разсматривать подобныя книги, главнымъ предметомъ которыхъ является любовная интрига?» Еще болѣе неожиданный оборотъ приняла переписка между названными вѣдомствами о переведенной на русскій языкъ книгѣ Іерузалема — «Размышленія о важнѣйшихъ истинахъ религіи». Въ 1807 г. переводъ этой книги былъ представленъ въ свѣтскую цензуру, которая по собственному побужденію уступила ее цензурѣ духовной въ виду содержанія книги. Духовная цензура не замедлила наложить на книгу запрещеніе, что повторилось троекратно. Настойчивый переводчикъ, однако, не положилъ оружія. Онъ переждалъ нѣсколько лѣтъ и въ 1814 г. представилъ свой переводъ снова въ свѣтскую цензуру, которая неожиданымъ образомъ пропустила книгу. Духовно-цензурный комитетъ немедленно забилъ тревогу. Положеніе свѣтской цензуры оказалось довольно затруднительнымъ, и вотъ какой доводъ былъ ею измышленъ въ оправданіе своего образа дѣйствій. Если книга Іерузалема, — разсуждалъ петербургскій комитетъ гражданской цензуры, — представляется нѣсколько сомнительной, то лучше уже, чтобы она была пропущена свѣтской цензурой, «ибо книги, одобренныя духовной цензурой, пользуются среди публики гораздо большимъ уваженіемъ въ виду большей строгости духовныхъ цензоровъ!»

Естественно спросить, откуда проистекло это ревнивое

соперничество двухъ цензуръ? Конечно, въ значительной мѣрѣ здѣсь дѣйствовала столь обычная въ бюрократическихъ нравахъ склонность къ междувѣдомственной усобицѣ. Но помимо этого общаго условія духовная цензура, какъ оказывается, имѣла и другое, болѣе спеціальное основаніе къ ревнивой неуступчивости въ указанномъ отношеніи. Составители положенія о духовной цензурѣ 1799 г. были, очевидно, глубокими знатоками той среды, съ которой они имѣли дѣло: они знали, чѣмъ можно всего надежнѣе возжечь въ этой средѣ жаркую ревность о служебномъ долгѣ. Въ положеніи былъ параграфъ, согласно которому всѣ сочиненія, одобренныя духовною цензурою, могли быть печатаемы *исключительно въ типографіяхъ, принадлежащихъ вѣдомству св. синода.* И вотъ, въ то время, какъ при отстаиваніи своихъ правъ передъ свѣтской цензурой изъ-за какой-нибудь «Матильды» духовно-цензурные комитеты выставляли на видъ безпокойство о могущихъ вкрасться въ новыя книги «противностяхъ Закону Божію и благонравію», — въ своей внутренней переискѣ тѣ же комитеты откровенно указывали другой мотивъ своей настойчивости — заботу объ «отвращеніи ущерба типографскому капиталу».

Авторъ, прошедшій черезъ духовную цензуру, оказывался прикрѣпленнымъ къ синодальнымъ типографіямъ. И синодальныя типографіи извлекали изъ этой монополіи не малыя выгоды. Онѣ ничего не печатали въ кредитъ и не дѣлали авторамъ никакихъ уступокъ. Интересы религіи и чистоты вѣры какъ-то неуловимо сливались съ интересами типографіи и приращеніемъ типографскаго капитала. Въ этомъ пунктѣ духовная цензура была неумолима и не допускала никакихъ поблажекъ. Когда періодическія изданія должны были отсылать какую-нибудь отдѣльную статью въ духовную цензуру, послѣдняя требовала, чтобы данная статья была отпечатана въ московской синодальной типографіи.

Соревнованіемъ духовной и свѣтской цензуръ не ограничивались мытарства книгъ и статей по цензурнымъ инстанціямъ. Въ предѣлахъ самой духовной цензуры царила страшная путаница въ распредѣленіи функцій между различными органами. Уже отношенія «московской духовной цензуры» къ синоду порождали масу недоразумѣній и проволочекъ. Сверхъ того въ компетенцію «московской духовной цензуры»

клиномъ врѣзалась власть московскаго митрополита Платона, которому еще съ 1785 г. было предоставлено специальное право цензуры всѣхъ книгъ, переведенныхъ или сочиненныхъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ его вѣдомства. И вмѣшательство митрополита еще болѣе спутывало обычный ходъ цензурнаго дѣла.

Наконецъ, въ 1808 г. возникли еще особые цензурные комитеты при духовныхъ академіяхъ, получившіе въ 1814 г. окончательную организацію и подробно разработанныя правила для своей дѣятельности. Правила 1814 г. явились въ значительной мѣрѣ сколкомъ съ устава гражданской цензуры 1804 г. Уставъ 1804 г. ввелъ окружные цензурные комитеты при университетахъ изъ профессоровъ и магистровъ, подчиненные наблюденію попечителей учебныхъ округовъ и высшему начальству главнаго правленія училищъ. Совершенно параллельно этому правила 1814 г. создавали для духовной цензуры окружные цензурные комитеты при духовныхъ академіяхъ, руководимые епархіальными архіереями и подчиненные комиссіи духовныхъ училищъ. Такъ встали бокъ-о-бокъ другъ съ другомъ двѣ системы духовныхъ цензурныхъ учрежденій: 1) московская духовная цензура — св. синодъ и 2) окружные академическіе цензурные комитеты — комиссія духовныхъ училищъ. Порядокъ взаимныхъ отношеній между этими двумя системами и границы ихъ вѣдѣнія остались совершенно невыясненными. Можно представить себѣ, какая путаница была порождена этой невыясненностью! Вскорѣ, однако, это раздвоеніе духовной цензуры послужило естественной рамкой для болѣе глубокаго раздвоенія всей нашей церковной политики, расколовшаго на два враждебные лагеря высшія сферы церковной администраціи и сообщавшаго жизни русской церкви въ 10-хъ и 20-хъ годахъ XIX ст. окраску довольно драматическаго броженія. Я разумѣю краткій, но бурный поединокъ между двумя направленіями — мистическимъ и правовѣрно-обрядовымъ, Голицынскимъ и Фотіевымъ. Этотъ эпизодъ нашей исторіи глубоко интересенъ между прочимъ и потому, что за спиной Голицына несомнѣнно стоялъ Александръ I, а за спиной Фотія—Аракчеевъ, и побѣда Фотія надъ Голицынымъ въ сущности была побѣдой Аракчеева надъ Александромъ Павловичемъ. Перипетіи этой исторіи не разъ были разска-

-заны въ печати. Но въ книгѣ г. Котовича мы находимъ нѣсколько новыхъ штриховъ, рисующихъ, какъ отражалось ратоборство Голицына и Фотія на текущихъ судьбахъ духовной литературы и духовно-цензурной практики.

II.

«Состояніе умовъ теперь таково, что путаница мыслей не имѣетъ предѣловъ... кидаютъ другъ другу въ лицо выраженіями: религія въ опасности, потрясеніе нравственности, поборникъ иностранныхъ идей, иллюминатъ, философъ, франкъ-масонъ, фанатикъ и т. п.»... такъ охарактеризовалъ попечитель петербургскаго учебнаго округа Уваровъ въ письмѣ къ Штейну то возбужденіе, которымъ сопровождалась борьба Голицына и Фотія. Въ трагическое положеніе попали приэтомъ цензурные церберы! Обличать свободомысліе, искоренять иностранныя идеи, гремѣть противъ иллюминатовъ — все это было для нихъ привычнымъ дѣломъ, давно изученнымъ ремесломъ. Но для безпрепятственнаго отправленія этого ремесла необходимо требовалось, чтобы враги правовѣрія и благонадежности были въ то же время и врагами предержащаго начальства. При этомъ условіи все было просто и ясно. И вдругъ оказывалось, что само предержащее начальство «раздѣлилось на ся». Тогда-то духовная цензура пришла въ полное замѣшательство, не зная, въ какую сторону ей надлежитъ направлять свои перуны. Получалась необычайная картина. Съ высоты начальственнаго Олимпа неслись грозные призывы къ суровымъ карамъ, горячія анаѳемствованія, непрестанные громы и молніи, а подчиненные органы духовной цензуры не двигались, точно ошеломленные, и заботились лишь о томъ, чтобы свалить свои рискованныя обязанности на чьи-либо чужія плечи. При такомъ положеніи вещей новые академическіе цензурные комитеты и старая «московская духовная цензура» вступили въ соревнованіе не во взаимныхъ притязаніяхъ на первенствующую роль, а во взаимной уступчивости: каждому хотѣлось подсунуть непріятныя дѣла своему собрату. Дѣла дѣйствительно принимали все болѣе непріятный характеръ.

Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, нѣкогда принявшій на себя обязанности оберъ-прокурора св. синода,

не вѣруя ни въ Бога, ни въ чорта и не смущаясь своимъ полнымъ религіознымъ индиферентизмомъ, — вдругъ одновременно съ императоромъ Александромъ ощутилъ приступы религіозно-мистическаго настроенія. Онъ объявилъ дѣятельную войну атеизму и религіозному вольномыслію и сталъ на стражу Евангелія и религіознаго просвѣщенія. Но затѣмъ произошло нѣчто еще болѣе неожиданное. Къ великому соблазну подчиненной ему духовной цензуры, новоявленный воинъ Христовъ самъ подпалъ подъ тяжкое подозрѣніе, и св. синодъ во главѣ съ петербургскимъ митрополитомъ, за которымъ стоялъ знаменитый архимандритъ Фотій, ополчился на своего оберъ-прокурора не менѣе пылко, чѣмъ на атеистовъ и раскольниковъ. Голицынскій мистицизмъ былъ признанъ за лютаго врага православія; увлеченія Голицына и покровительствуемыхъ имъ авторовъ «внутренней церковью» въ противоположность «церкви наружной», стремленіе его при посредствѣ библейскаго общества распространить библію среди непосвященной массы,—рисовались членамъ синода, какъ смертоносный подкопъ подъ твердыню православія, какъ бунтъ противъ церкви, возгорѣвшійся въ самыхъ ея нѣдрахъ... Волненіе разрасталось. Вспыхивала полемика между «мистиками» и «правовѣрными», принимавшая весьма острыя формы. Что было дѣлать духовнымъ цензорамъ? Оберъ-прокуроръ св. синода—ихъ несомнѣнный начальникъ—усиленно распространялъ мистическія книги, а самъ синодъ—тоже ихъ несомнѣнный начальникъ—готовъ былъ анаѳемствовать противъ этихъ книгъ, какъ противъ губительной заразы.

Достаточно слѣдующаго образчика, чтобы показать, какъ накалена была атмосфера, созданная этимъ внутреннимъ церковнымъ споромъ. Московскій послѣдователь мистическаго направленія, Невзоровъ, издатель журнала «*Другъ юношества*» распространялъ по Москвѣ слѣдующую филиппику противъ «правовѣрныхъ» гонителей мистицизма. Отмѣтивъ, что духовенство, оставаясь безучастнымъ къ распространенію сочиненій Вольтера и тому подобныхъ потрясателей религіи, возопіяло противъ сочиненій истинно-христіанскихъ, согрѣтыхъ религіознымъ одушевленіемъ и призывающихъ человѣка къ внутреннему душевному возрожденію, авторъ спрашивалъ: «скажите по совѣсти: отчего это?» и самъ давалъ отвѣтъ: «не трудно рѣшить сіе: безъ сомнѣнія оттого, что мы любимъ

больше съ Іисусомъ быть на свадьбѣ въ Канѣ, гдѣ всего вдоволь, и попировать въ Виѳаніи, но отъ Голгоѳы прочь. Мы избрали для Іисуса мѣсто на безконечной высотѣ отъ насъ, посадили его на драгоцѣнномъ престолѣ, дали ему порфиру, корону, свиту и въ такомъ видѣ кланяемся ему въ храмѣ, хвалимъ и величаемъ, когда летятъ отъ него мѣшки золота и серебра, бархаты и мѣха соболья, бриллiантовые кресты и панагіи, бочки стерлядей и т. п. Но если Онъ начнетъ подходить къ намъ въ смиренномъ одѣяніи и вопіять: «Горе вамъ...», тогда мы распыхаемся, раздираемъ ризы и вопіемъ: «да Онъ же не Левіина колѣна, а Іудина! Какъ Онъ смѣетъ намъ такъ говорить!? Скорѣе дреколія, гвоздей». Какъ видно, мистическое направленіе того времени не только витало на высотахъ отвлеченнаго мышленія, но и задѣвало весьма реальныя и жизненныя стороны господствующихъ въ мірѣ порядковъ. Ревнители правовѣрія не остались въ долгу и въ борьбѣ съ мистицизмомъ не преминули выдвинуть помимо богословскихъ соображеній и доводовъ и другое средство, излюбленное всѣми охранителями: обвиненіе своихъ противниковъ въ политической неблагонадежности. Всѣ рѣчи мистиковъ о внутренней церкви и о духовномъ дѣланіи просто-напросто были объявлены скрытымъ призывомъ къ революціи.

Въ 1817 г. была сдѣлана попытка къ умиротворенію страстей, къ установленію нѣкотораго компромисса между враждебными партіями. Кн. Голицынъ былъ назначенъ министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Въ инструкціи ученому комитету при главномъ правленіи училищъ новый министръ опредѣленно выставилъ чисто охранительную программу, поставивъ цѣлью своего вѣдомства укрѣпленіе въ Россіи «постояннаго и спасительнаго согласія между вѣрою, вѣдѣніемъ и властью», а въ циркулярѣ по цензурѣ онъ предписывалъ строжайше запрещать къ печатанію книги, «содержащія мысли и духъ, противные религіи христіанской, обнаруживающія или вольнодумство безбожничества, невѣрія и неблагочестія, или своевольство революціонной необузданности, *мечтательнаго философствованія* или же опорочиванія догматовъ православной церкви». Кажется, ревнители правовѣрія могли быть довольны. Вскорѣ кн. Голицынъ принесъ новую крупную жертву домогательствамъ своихъ противниковъ. Онъ далъ согласіе на запрещеніе главнаго органа

мистическаго направленія, журнала Лабзина *Сіонскій Вѣстникъ*, который передъ тѣмъ пользовался съ его стороны дѣятельной поддержкой и покровительствомъ. Всѣ эти примирительныя попытки не привели ни къ чему. Противная партія отвѣтила на нихъ новыми вызывающими дѣйствіями противъ «мистиковъ». Роль искры, брошенной въ пороховой погребъ, сыграла пропущенная академической цензурой книжка Станевича «Бесѣда на гробѣ младенца», авторъ которой «подъ видомъ защищенія наружной церкви вооружался противъ внутренней». Пропускъ этой книги духовной цензурой привелъ Голицына въ величайшее негодованіе. Принявъ появленіе «Бесѣды» чуть ли не за личное оскорбленіе, онъ исходатайствовалъ у государя высочайшій выговоръ цензору, пропустившему книгу, и съ этого момента возобновилъ дѣятельную пропаганду сочиненій мистическаго направленія. А между тѣмъ дни министерства Голицына были уже сочтены.

Какъ разъ въ этотъ моментъ составился тріумвиратъ архимандрита Фотія, митрополита Серафима и Аракчеева, которые повели компанію противъ Голицына самыми вѣрными средствами. Они забросали государя доносами на издаваемыя сторонниками Голицына мистическія книги, настойчиво выдвигая противъ нихъ обвиненія *политическаго* характера. Не въ религіи дѣло въ этихъ книгахъ, — твердили они, — а въ скрытыхъ планахъ государственнаго переворота, въ прикровенной проповѣди революціи. «Эта новая религія, — изрекалъ Фотій въ посланіяхъ государю, — есть вѣра въ грядущаго антихриста, дышущая единою революціею, жаждущая кровопролитія, исполненная духа сатанина».

Подготовивъ такимъ образомъ благопріятную почву для своихъ домогательствъ, тріумвиратъ воспользовался для нанесенія послѣдняго удара появленіемъ русскаго перевода сочиненія Госнера, нѣмецкаго проповѣдника, приглашеннаго въ Россію библейскимъ обществомъ. Книга Госнера «Духъ жизни и ученія Іисусъ Христова въ Новомъ Завѣтѣ» была переведена при ближайшемъ содѣйствіи сотрудника Голицына, В. Попова, и это-то обстоятельство и дало тріумвирату возможность, открывъ въ книгѣ всякіе ужасы, которыхъ, конечно, тамъ не было, нанести Голицыну окончательное пораженіе. 15 мая 1824 г. Голицынъ былъ отрѣшенъ отъ должности министра, министерство духовныхъ дѣлъ было

упразднено, а во главѣ министерства народнаго просвѣщенія сталъ твердокаменный въ своихъ воззрѣніяхъ Шишковъ. Буря въ стаканѣ воды улеглась. Въ области церковной жизни и духовнаго просвѣщенія, также какъ и во всѣхъ другихъ областяхъ русской жизни того времени, надолго водворились полная тишина и безпробудный сонъ.

III.

Въ самомъ началѣ царствованія императоръ Николай I предпринялъ нѣкоторыя мѣры, которыя могли внушить поверхностнымъ наблюдателямъ надежду на приближающееся смягченіе крайностей реакціонной политики послѣдней поры Александровскаго царствованія. Главный руководитель этой политики былъ теперь убранъ съ общественнаго поприща: Аракчеева постигла опала. Магницкій долженъ былъ раздѣлить судьбу Аракчеева. Дѣло Госнера, явно раздутое «охранителями», было прекращено, точно такъ же, какъ и дѣло объ уволенныхъ за неблагонадежность профессоровъ петербургскаго университета. Воинствующій реакціонеръ Шишковъ также очень не долго продержался на посту министра народнаго просвѣщенія и вскорѣ былъ замѣненъ болѣе тихимъ и безцвѣтнымъ кн. Ливеномъ.

Однако вовсе не либеральныя вѣянія скрывались за всѣми этими мѣропріятіями. Истинный смыслъ ихъ заключался въ томъ, что политика новаго царствованія не терпѣла *никакого* сколько-нибудь сильнаго и страстнаго общественнаго движенія, хотя бы даже реакціоннаго. Общество вообще не должно было теперь ни разсуждать, ни волноваться. Молчаливо стоять на вытяжкѣ и «ѣсть глазами начальство» — вотъ все, что было дозволено теперь россійскому гражданину. Никакихъ общественныхъ партій, «направленій», «теченій» не могло быть офиціально допущено. Вотъ почему, разгромивъ декабристовъ, правительство заставило умолкнуть и тѣхъ шумныхъ «охранителей» предшествующей поры, которые своимъ воинственнымъ жаромъ вносили все же извѣстную нервную подвижность въ теченіе общественной жизни. Охрана устоевъ государственнаго порядка — дѣло начальственной власти, которая должна выполнять свою функцію съ холоднымъ безстрастіемъ автоматической машины при общемъ без-

молвіи покорнаго общества. Таковъ былъ новый правительственный курсъ, который естественно уже не нуждался ни въ суетливыхъ фразерахъ, въ родѣ Магницкаго, ни въ пылкихъ энтузіастахъ реакціи, въ родѣ Шишкова. Ихъ смѣняли теперь военные и гражданскіе фрунтовики, умѣющіе исполнять волю начальства безъ декламаціи, безъ собственной игры ума.

Штиль по всей линіи, строго-единообразное слѣдованіе однажды установленнымъ формамъ во всѣхъ областяхъ жизни, искорененіе повсюду всякой многоцвѣтности, — вотъ къ чему сводится такъ-называемый «Николаевскій духъ» государственной политики. Этимъ духомъ должна была теперь окончательно пропитаться и область церковной жизни и духовнаго просвѣщенія. — Управлять церковью такъ же просто, какъ командовать фронтомъ, — это правило было положено въ основу Николаевской системы церковнаго управленія. Типичнѣйшимъ выразителемъ и проводникомъ этой системы явился извѣстный «николаевскій» оберъ-прокуроръ св. синода гр. Протасовъ. Вся его программа цѣликомъ отлилась въ его бесѣдѣ съ однимъ архимандритомъ по вопросу о преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній. «Не нужно, — говорилъ онъ, — никакихъ выспренностей богословія. — Каждый кадетъ знаетъ маршъ и ружье, а духовные не знаютъ своихъ духовныхъ *вещей*. На что огромная богословія священнику? Къ чему ему нужна философія, наука вольномыслія, вздоровъ, эгоизма, фанфаронства?» — Достаточно установить краткіе и точные «артикулы» вѣры и церковнаго управленія и вся духовная жизнь церкви и страны пойдетъ, какъ по маслу, подобно фронтовому ученію хорошо выдрессированной роты. Стремленіе къ установленію единообразія во всѣхъ проявленіяхъ духовной жизни проводилось твердо и неуклонно, хотя бы и съ рискомъ дойти при этомъ до карикатурныхъ нелѣпостей. Когда одинъ преподаватель орловской духовной семинаріи предпринялъ изданіе серіи переводовъ лучшихъ сочиненій по этикѣ, то, несмотря даже на покровительство вел. кн. Михаила Павловича, предпріятіе это встрѣтило отпоръ со стороны духовной цензуры на томъ, между прочимъ, основаніи, что въ излагаемыхъ этическихъ ученіяхъ разныхъ авторовъ нѣтъ никакого единства и согласованія съ ученіемъ православной церкви. И тщетно переводчикъ докладывалъ

духовной цензурѣ, что «предпріятіе издать собраніе *разныхъ* системъ науки само по себѣ представляетъ такой случай, въ которомъ нельзя требовать, какъ вещи совершенно невозможной, чтобы всѣ ученія и мнѣнія были *согласны* не только съ нашими понятіями, но и между собою взаимно».

«Николаевская» система снова окрылила духовную цензуру. Эпоха бурной распри между мистиками и правовѣрными, какъ мы уже видѣли, парализовала энергію духовно-цензурныхъ учрежденій. Влекомыя двумя начальствами въ двѣ противоположныя стороны, эти учрежденія застывали въ неподвижности. Академическіе цензурные комитеты старались подбросить рискованныя книжки московской духовной цензурѣ и наоборотъ. Всѣ терялись въ догадкахъ, — что именно нужно высшему начальству? Теперь горизонтъ цензуры былъ снова чистъ и ясенъ. — Въ апрѣлѣ 1828 г. былъ утвержденъ новый уставъ духовной цензуры, въ организаціи которой была уничтожена прежняя двойственность. «Московская духовная цензура» была упразднена и окончательно была замѣнена системою окружныхъ духовно-цензурныхъ комитетовъ, подчиненныхъ синоду, который теперь принялъ весьма дѣятельное фактическое участіе въ отправленіи цензурныхъ функцій, и уже никакой разноголосицы, никакихъ колебаній не замѣчалось болѣе въ тѣхъ директивахъ, которыми приходилось руководствоваться учрежденіямъ духовной цензуры. Оставалось только подвергать запрету все, что возбуждало малѣйшее, хотя бы совершенно призрачное, сомнѣніе и — цензоръ могъ быть спокоенъ относительно твердости своей позиціи. Можно было бы безъ конца цитировать эпизоды — одинъ фантастичнѣе другого — изъ этой эпохи «цензурнаго террора» въ доказательство того, до какихъ геркулесовыхъ столбовъ безсмыслицы доходили при этомъ офиціальные дядьки духовной литературы, съ успѣхомъ оспаривавшіе въ этомъ отношеніи пальму первенства у свѣтскихъ цензоровъ. Въ книгѣ г. Котовича находится богатый подборъ подобнаго матеріала. Ограничимся здѣсь нѣсколькими примѣрами для образца. Предсѣдатель секретнаго цензурнаго комитета Димитрій Бутурлинъ находилъ нужнымъ вырѣзать нѣсколько строкъ даже изъ акаѳиста Покрову Божіей Матери, усмотрѣвъ въ нихъ революціонное направленіе. Блудовъ замѣтилъ Бутурлину, что онъ такимъ образомъ осуждаетъ

13*

своего ангела, св. Димитрія Ростовскаго, который сочинилъ этотъ акаѳистъ и никогда не считался революціонеромъ. «Кто бы ни сочинилъ, — отвѣтилъ Бутурлинъ, — тутъ есть опасныя выраженія, напримѣръ: «Радуйся, незримое укрощеніе владыкъ жестокихъ и звѣроправныхъ»...

А вѣдь Бутурлинъ былъ одинъ изъ тѣхъ, по чьему камертону настраивался тогда согласный хоръ цензоровъ. — Немудрено, что одной тѣни сомнѣнія въ благонадежности сочиненія было достаточно для полнаго его запрещенія какъ свѣтскими, такъ и духовными цензорами. Цензора ухитрялись при этомъ предъявлять требованія правовѣрія священнымъ книгамъ и чужихъ религій. Въ 1830 г. была произведена ревизія тифлисской публичной библіотеки, учрежденной г-жей Котовой. Ревизоры заявили, что въ книгахъ библіотеки содержатся самыя страшныя вещи: «скептицизмъ, аллегоризмъ, мистицизмъ, нашистизмъ, синкретизмъ, эманатизмъ, теософизмъ и фанатизмъ», и въ довершеніе всего постановили изъять изъ библіотеки Алкоранъ Магомета, не найдя въ немъ согласія съ православнымъ христіанствомъ.

Но и въ благонамѣреннѣйшихъ и благочестивѣйшихъ строкахъ цензора умѣли находить крамолу и ересь.

Самое утвержденіе православныхъ истинъ подвергалось иногда неодобренію на томъ основаніи, что *утвержденіе чего-либо какъ бы предполагаетъ возможность отрицанія*. Священникъ Пакатскій представилъ въ духовную цензуру свое стихотворное переложеніе книги Сираха. Тамъ были между прочимъ стихи: «Великій Богъ съ начала міроzданья, вся съ твердымъ разумомъ творилъ свои созданья». Цензоръ отмѣтилъ противъ этого стиха: «твердый разумъ какъ бы предполагаетъ, что можно Богу имѣть и слабый разумъ». Бѣдный авторъ справедливо возопіялъ на это: «но значитъ Бога нельзя навать и благимъ и премудрымъ?!» — Наконецъ, если выражаемыя въ книгѣ мысли не могли внушить даже и такихъ хитросплетенныхъ сомнѣній, все же тысячи разнообразныхъ побочныхъ соображеній могли погубить книгу во мнѣніи цензуры.

Петербургская духовная цензура разсматривала, напр., невиннѣйшую книжку: «Бесѣда съ больнымъ крестьяниномъ». Самъ цензоръ нашелъ, что заключающіяся въ книгѣ поученія основаны на словѣ Божіемъ. Казалось бы, чего же лучше!

Тѣмъ не менѣе книга была признана «совершенно неблагопристойною и съ каноническими постановленіями церкви не сообразною» на томъ основаніи, что бесѣды законоучительныя и основанныя на словѣ Божіемъ въ книгѣ ведетъ съ крестьяниномъ не пастырь, а барышня, и при этомъ въ обращеніяхъ къ наставляемому больному употребляются такія выраженія, какъ «мой милый», «мой сердечный», «голубчикъ», т.-е. слова сердечной нѣжности, «въ которыхъ, по мнѣнію цензора — высокая и святая любовь христіанская не имѣетъ нужды для своего выраженія». Въ одной представленной въ цензуру рукописи была изображена благочестивая жизнь простой иновѣрной служанки, и цензоръ сейчасъ же положилъ резолюцію: «по моему мнѣнію такая исторія можетъ подать поводъ хорошо думать о иновѣріи со вредомъ для православія». — Если цензура не всегда разрѣшала утверждать несомнѣнныя истины, какъ не нуждающіяся въ подкрѣпленіи, то и опроверженіе заблужденій не могло разсчитывать непремѣнно на поощреніе цензуры.

Когда въ духовную цензуру поступило, напр., сочиненіе, содержавшее полемику «съ извѣстными западными идеями о равенствѣ людей въ обществѣ», цензура нашла возбужденіе такого вопроса со стороны духовнаго автора неумѣстнымъ въ политическомъ отношеніи; идеи эти настолько чужды русскому обществу, что нечего и опровергать ихъ публично, ибо самое опроверженіе познакомитъ съ ними разнородныхъ читателей, что вовсе не желательно — таковъ былъ приговоръ духовной цензуры. Вообще политическое свободомысліе озабочивало духовную цензуру нисколько не въ меньшей степени, нежели еретическія заблужденія, и не мудрено, что авторъ излагаемой нами книги отмѣчаетъ, какъ проявленіе особаго мужества со стороны одного цензора, то обстоятельство, что онъ отказался пропустить сочиненіе: «Толкованіе именъ божественныхъ», въ которомъ къ числу божественныхъ словъ было присоединено и слово — «ура».

Совокупность подобныхъ пріемовъ духовной цензуры, внушаемыхъ и поощряемыхъ свыше и отлившихся вскорѣ въ строго послѣдовательную систему, — не замедлила оказать свое дѣйствіе на положеніе нашего духовнаго просвѣщенія. То было дѣйствіе знойнаго, изсушающаго вихря, подъ дыханіемъ котораго всюду водворялась унылая, мертвая пустыня.

Собранные въ книгѣ г. Котовича матеріалы рисуютъ выразительную картину быстраго захирѣнія всѣхъ областей духовнаго просвѣщенія, въ которыхъ успѣли было показаться кое-какіе признаки жизненнаго роста, тотчасъ же опустошаемые рвеніемъ цензуры. Лишь только на поприщѣ духовнаго просвѣщенія обозначалась сколько-нибудь самостоятельная, живая умственная сила, — ей немедленно подрѣзывались крылья, ея порывы приводились къ общему знаменателю. Такъ былъ положенъ насильственный конецъ богословскимъ трудамъ просвѣщеннаго, талантливаго протоіерея Павскаго. Даже московскій митрополитъ Филаретъ, самъ бывшій знаменитымъ охранителемъ «николаевской системы», испыталъ на свободѣ собственнаго литературнаго творчества тяжелыя путы этой системы. Только сѣрая посредственность, да покладистая приспособляемость къ господствующимъ вѣяніямъ жили и дышали свободно.

Дѣятельность Павскаго, предпринявшаго, между прочимъ, переводъ на русскій языкъ нѣкоторыхъ книгъ св. Писанія, представляла собою свѣжую, самостоятельную струю въ области русской богословской науки. Это обстоятельство предрѣшило судьбу его трудовъ. Соорудили цѣлое дѣло о переводахъ Павскаго.

Въ сущности переводы Павскаго выдвигали на очередь чисто-научный вопросъ о сравнительномъ достоинствѣ двухъ текстовъ св. Писанія — семидесяти толковниковъ и мазоретскаго. Но, благодаря «системѣ», научно-литературное обсужденіе этого вопроса отсрочилось до 60-хъ и 70-хъ годовъ XIX ст., а на долю Павскаго выпали вмѣсто научной полемики служебныя непріятности, начальственные громы и сожженіе всѣхъ экземпляровъ «противозаконнаго перевода». — Переводъ библіи, предпринятый синодомъ съ 1816 г., подвигался съ убійственною медленностью, со всякаго рода осложненіями, а между тѣмъ въ правящихъ церковныхъ сферахъ все болѣе укоренялся взглядъ на полную нежелательность передачи св. Писанія на русскомъ, а не славянскомъ языкѣ, и если въ какой-либо книгѣ отыскивался священный текстъ, переданный въ русскомъ переводѣ, — это обстоятельство становилось однимъ изъ рѣшающихъ мотивовъ къ цензурному запрещенію книги безъ дальнѣйшихъ разговоровъ. Къ 50-мъ годамъ прошлаго столѣтія экземпляры «русской библіи» счи-

тались «униками». Ихъ пріобрѣтали въ Лейпцигѣ и провозили мимо таможенъ тайкомъ, словно политическую литературную контрабанду. Впрочемъ, церковное начальство не особенно сочувствовало распространенію въ массѣ и славянской библіи. «Не объ евангелизаціи паствы была тогда забота, — говоритъ г. Котовичъ, — а объ ограниченіи доступа св. Писанія въ массы».

Вмѣсто библіи церковная администрація стремилась дать паствѣ офиціально утвержденное катехизическое изложеніе вѣры. При этомъ мы наталкиваемся на любопытную исторію. Господствующая система не признавала постепенной разработки вѣроученія. Въ правящихъ церковныхъ кругахъ признавалось возможнымъ и необходимымъ создать опредѣленный застывшій и казенною печатью заштемпелеванный образецъ вѣроученія. Такимъ образомъ, составленіе общеобязательнаго катехизиса производилось чисто «казеннымъ» способомъ: офиціально поручалось составить текстъ опредѣленному лицу, и по одобреніи текста духовной цензурой онъ утверждался высшей церковной, а затѣмъ и Высочайшей властью, какъ «чистое выраженіе православія». И что же получалось въ результатѣ? Въ «сферахъ» возникали съ теченіемъ времени новыя «вѣянія» по какому-либо вопросу, относящемуся до катехизическаго изложенія; эти замѣченные вновь частные недостатки приходилось исправлять, но такъ какъ катехизисъ оглашался съ верховнаго одобренія не какъ опытъ отдѣльнаго автора, а какъ незыблемая истина, то и получалась немалая неловкость и соблазнъ: верховные органы церкви оказывались въ противорѣчіи сами съ собой, объявленное «незыблемымъ» подвергалось измѣненіямъ почином той же самой власти, и среди общаго смущенія «вновь редактировался и офиціально утверждался ранѣе изданный по синодальному благословенію и Высочайшему повелѣнію «образецъ вѣры», — до новой катастрофы». — Выходило такъ, что церковь, столь неумолимо преслѣдовавшая всякія «шатанія» религіозной мысли, сама была не тверда въ своей догматикѣ. Стремленіе все подвести подъ казенную печать, все заковать въ общеобязательныя формулы оказывалось на повѣрку весьма предательскимъ для авторитета самихъ «князей церкви». — Дѣло становилось тѣмъ пикантнѣе, что поправлять приходилось при этомъ такого суроваго оберегателя правовѣрія и

всяческихъ авторитетовъ, какъ митрополитъ московскій Филаретъ, ибо составленіе офиціальнаго катехизиса было поручено именно ему. Умный Филаретъ самъ предостерегалъ отъ поспѣшной «канонизаціи» составленнаго имъ катехизиса, но требованія петербургской «системы» пересилили осторожную предусмотрительность московскаго владыки, и въ 1823 г. катехизисъ Филарета былъ распубликованъ, какъ одобренный синодомъ и Высочайше утвержденный.

Между тѣмъ, какъ ни строго стоялъ Филаретъ на стражѣ правовѣрія, гдѣ-то въ сокровенныхъ уголкахъ его души сохранялись нѣкоторые отголоски мистическихъ вѣяній Александровской эпохи, и какъ ни взвѣшивалъ онъ каждое слово, выходившее изъ-подъ его многоопытнаго пера, эти отголоски отпечатлѣлись-таки едва уловимыми черточками на составленномъ имъ катехизическомъ текстѣ. И вотъ, не прошло и года послѣ торжественнаго оглашенія катехизиса, а Шишковъ уже гремѣлъ противъ него, какъ противъ новѣйшаго доказательства «революціонныхъ замысловъ!» Склонность къ передачѣ св. текстовъ общепонятными словами, недостаточно высокая оцѣнка «преданія», протестантскія тенденціи, — вотъ что было поставлено на счетъ Филарету. Продажу катехизиса запретили. Охотники платили бѣшеныя цѣны за опальные экземпляры, до 25 р. за книжку. «Правда ли, преосвященнѣйшій, — спрашивали владыку, — что катехизисъ вашъ запретили?» — «Нѣтъ, не мой, — отвѣчалъ Филаретъ, — а изданный по Высочайшему повелѣнію и одобренный св. синодомъ». — Однако, этотъ опытъ, въ которомъ въ разрядъ неблагонадежныхъ авторовъ попалъ самъ синодъ передъ судомъ собственной цензуры, не показался еще достаточно убѣдительнымъ. Въ 1827 г. переработанный по новому катехизисъ Филарета опять былъ изданъ съ тѣмъ же значеніемъ свыше утвержденнаго канона, а черезъ десять лѣтъ онъ вторично былъ уличенъ въ недостаткѣ уваженія къ церковному преданію и въ большемъ, чѣмъ слѣдовало, вниманіи «къ вепросамъ богопознанія естественнаго». И въ 1839 г. опять послѣдовала переработка «незыблемаго» текста. По мѣткому выраженію А. И. Тургенева, высшія духовныя сферы, какъ бы положили правило «мѣнять катехизисъ съ перемѣною министровъ и оберъ-прокуроровъ».

Такая неустойчивость утверждаемаго синодомъ офиціаль-

наго «образца вѣры» нисколько не мѣшала однако духовной цензурѣ преслѣдовать самымъ строгимъ образомъ всякое проявленіе свободнаго творчества со стороны отдѣльныхъ дѣятелей на поприщѣ духовнаго просвѣщенія и церковной жизни. Эта тенденція сказывалась на каждомъ шагу и во всѣхъ областяхъ.

Въ сочиненіяхъ, относящихся до богослуженія—акаеистахъ, стихирахъ и т. п., цензура вытравляла всякое свободное проявленіе индивидуальнаго вдохновенія. Недаромъ глава цензурнаго вѣдомства, какъ уже упоминалось, косился даже на акаеистъ Богоматери, сочиненный св. Димитріемъ Ростовскимъ.

Зато богослужебныя импровизаціи, служившія выраженіемъ политической благонадежности и вѣрноподданства, легко получали цензурное одобреніе, и нужно было уже слишкомъ сильно пересолить въ этомъ направленіи, чтобы подвергнуться цензурному запрету, какъ это случилось, напр., съ нѣкіимъ свящ. Разумовскимъ, помѣстившемъ въ составленной имъ «Божественной службѣ на высокоторжественные табельные дни» слѣдующую стихиру: «Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ *россійскомъ царствѣ* благоволеніе; яко же бо отъ корени богоизбраннаго пророка царя Давида и отъ плоти пречистыя Дѣвы Маріи возсіялъ намъ Христосъ Избавитель міра: *сице* отъ корене равноапостольнаго князя Владиміра возсіялъ намъ Императоръ нашъ Николай Павловичъ, истинный образъ Іисуса Христа».

Съ 1876 г. строгимъ цензурнымъ надзоромъ сковывается развитіе русской церковной музыки. Рукописныя ноты, употреблявшіяся до того во многихъ церквахъ, совершенно запрещаются, а печатная церковно-музыкальная литература по всей Россіи подчиняется цензурѣ директора придворнаго пѣвческаго хора Бортнянскаго.

Когда извѣстный духовный композиторъ свящ. П. И. Турчаниновъ рѣшилъ приступить къ изданію своихъ замѣчательныхъ произведеній, на это потребовалось особое Высочайшее разрѣшеніе, которое было дано, однако съ ограничительнымъ условіемъ: «не употреблять оныхъ въ полковыхъ церквахъ, но пѣть въ нихъ по книгамъ Бортнянскаго». Съ 1846 г. было предписано въ видѣ общей мѣры нигдѣ въ церквахъ не вводить новыхъ духовно-музыкальныхъ произведе-

ній иначе, какъ по особому одобренію директора придворной капеллы.

Въ началѣ XIX ст. стало обнаруживаться нѣкоторое оживленіе въ области агіографіи. Любители начали предпринимать такія изданія, какъ «Историческій словарь святыхъ», задумывались новые обширные своды житійнаго матеріала.

И эти начинанія были пресѣчены въ самомъ зародышѣ энергичными дѣйствіями духовной цензуры, получившей предписаніе строго слѣдить за неизмѣняемостью всего того, что вошло въ Четьи-Минеи, которымъ было сообщено особенное «охранительное» значеніе.

Настоящій цензурный терроръ свирѣпствовалъ и въ отношеніи ученыхъ трактатовъ и учебныхъ руководствъ по богословію. Спеціалисты усматриваютъ въ тѣ времена нѣкоторыя литературныя явленія, которыя давали основанія ожидать весьма сильнаго развитія богословской науки. Но все было задушено цензурой. Достаточно одного примѣра, слишкомъ характернаго: «Библейская герменевтика» Савваитова, съ 1859 г. введенная въ качествѣ общеобязательнаго учебника въ духовныя семинаріи, была передъ тѣмъ дважды сожжена по требованію духовной цензуры и только цѣною особенныхъ усилій автору удалось доказать, гдѣ слѣдуетъ, неосновательность этой цензурной кары.

Въ Александровскую эпоху передовые дѣятели церкви выдвинули на очередь идею перевода на русскій языкъ святоотеческихъ твореній. Обширную дѣятельность въ этомъ направленіи развернулъ, наприм., не разъ уже упомянутый Павскій.

Съ перемѣною курса синодальная власть поспѣшила и это дѣло забить въ казенныя колодки, да такъ основательно, что оно тотчасъ же обезцвѣтилось и зачахло.

Частная инициатива была воспрещена, а «подъ смотрѣніемъ синода» пошла такая волокита, что дѣло о переводѣ однихъ только словъ Іоанна Златоустаго протянулось свыше 30 лѣтъ.

Можно себѣ представить послѣ всего этого, какъ всполошился синодъ въ виду обозначившагося во вторую четверть XIX ст. стремленія къ распространенію дешевыхъ книгъ духовнаго содержанія для народнаго чтенія. На Высочайшее воззрѣніе поступилъ по этому вопросу особый докладъ

цензурнаго вѣдомства, въ которомъ было сказано, что «приводить низшіе классы общества нѣкоторымъ образомъ въ движеніе и поддерживать оные, какъ бы въ состояніи напряженности не только безполезно, но даже вредно, и потому литературныя предпріятія, которыя клонятся къ пріобрѣтенію вліянія на вышеозначеннаго рода читателей, вовсе не совмѣстимы съ существующимъ у насъ порядкомъ». Резолюція императора Николая Павловича по этому докладу гласила: «отнюдь не дозволять».

Такимъ образомъ частная инціатива и въ этой области была безусловно воспрещена. Курьезные инциденты возникали иногда въ борьбѣ съ этой частной инціативой.

Членъ московскаго тюремнаго комитета камергеръ Львовъ возбудилъ въ 1843 г. ходатайство о дозволеніи ему издавать для простолюдиновъ духовно-нравственныя книги. Оберъ-прокуроръ синода запросилъ мнѣніе митрополита Филарета. Филаретъ высказался за то, чтобы дѣло было поставлено подъ контроль члена тюремнаго комитета изъ священно-служителей. Синодъ между тѣмъ учредилъ для этой цѣли особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ самого Филарета, предоставивъ ему право назначенія членовъ. Тогда Львовъ отказался отъ участія въ этомъ дѣлѣ, и Филаретъ нежданно-негадано самъ очутился въ роли организатора изданія духовныхъ книжекъ для народа. Можно себѣ представить, какъ быстро увяло задуманное Львовымъ предпріятіе при такихъ условіяхъ!

Картина поистинѣ безжалостной расправы съ благородной предпріимчивостью пытливыхъ умовъ развертывается передъ нами за это время и въ области церковнаго права. Епископъ Августинъ Сахаровъ своими силами составилъ къ 30-мъ годамъ до сорока огромныхъ томовъ собранія синодскихъ указовъ со времени учрежденія синода. Это драгоцѣнное историческое собраніе было брошено, какъ негодный хламъ. Синодъ сообщилъ трудолюбивому собирателю, что «труды его пріемлются за благо, но оставляются до будущаго времени». Тѣмъ все и кончилось.

Секретарь синода Гиновскій также составилъ сводъ всѣхъ узаконеній, относящихся до духовнаго управленія. Благодаря своему служебному положенію, онъ имѣлъ возможность придать своему труду исчерпывающую полноту, что дѣлало

этотъ сводъ особенно цѣннымъ въ историческомъ отношеніи. Но какъ разъ эта-то полнота и навлекла на упомянутый трудъ неудовольствіе цензуры. Митрополитъ Филаретъ указалъ на то, что въ собраніи Гиновскаго встрѣчаются и такіе указы синода, какъ запрещеніе ставить въ церквахъ передъ образами слишкомъ много свѣчъ или запрещеніе монахамъ имѣть особыя келіи. Синодъ тотчасъ же воспретилъ опубликованіе труда Гиновскаго.

Извѣстный трудъ Розенкампфа «Обозрѣніе кормчей книги» увидѣлъ свѣтъ только потому, что ему удалось миновать духовную цензуру, а такое безукоризненно академическое сочиненіе, какъ статья Неволина «О собираніи церковныхъ законовъ въ Россіи и Германіи», два года пролежала въ духовной цензурѣ.

Какъ видно, духовная цензура находила не мало пищи для своей работы по части умерщвленія всякихъ живыхъ ростковъ въ области духовнаго просвѣщенія. Однако, этого ей было мало. И она зорко слѣдила за тѣмъ, нельзя ли притянуть къ своей компетенціи и чисто свѣтскія печатныя произведенія.

Иногда она пользовалась при этомъ совершенно случайными и формальными обстоятельствами. Театральная типографія выпустила романъ Загоскина «Юрій Милославскій». Обозначеніе частей романа «первая, вторая и третья» было напечатано славянскими литерами. Этого было достаточно для того, чтобы духовная цензура выступила съ протестомъ противъ изданія названной книги независимо отъ духовнаго вѣдомства. Правда, и свѣтская цензура съ своей стороны не была чужда стремленію вмѣшиваться въ дѣла цензуры духовной. 2 апрѣля 1848 г. былъ, какъ извѣстно, учрежденъ такъ-называемый Бутурлинскій верховный секретный комитетъ для наблюденія надъ «духомъ и направленіемъ книгопечатанія». Эта «сверхцензура», начавъ подтягивать прочія цензурныя учрежденія, не остановилась и передъ попытками читать наставленія и выговоры цензурѣ духовной, несмотря на то, что послѣдняя и безъ того уже усердствовала свыше всякой мѣры. Какъ трудно было уличить духовную цензуру въ послабленіи авторамъ, — на это указываетъ конфузная неудача комитета 2 апрѣля въ его препирательствахъ съ духовной цензурой. Однажды комитетъ 2 апрѣля отмѣтилъ

рядъ «возмутительныхъ» мѣстъ въ пропущенной духовной цензурой книгѣ историческаго содержанія, но всѣ эти мѣста оказались дословными выписками изъ... исторіи Карамзина, напечатанной по Высочайшему повелѣнію.

Другой разъ комитетъ 2 апрѣля обрушился на рядъ еретическихъ мѣстъ въ одномъ богословскомъ сочиненіи, прошедшемъ чрезъ духовную цензуру, а эти мѣста оказались точными словами русскаго перевода Новаго Завѣта!

Для обезпеченія себя отъ пререканій съ комитетомъ 2 апрѣля духовное вѣдомство вскорѣ обзавелось собственнымъ сверх-цензурнымъ комитетомъ, которому въ сущности рѣшительно нечего было дѣлать и который сохранялся вплоть до 1860 г. только въ качествѣ громоотвода отъ докучливыхъ придирокъ Бутурлинскаго комитета къ духовной цензурѣ.

Такъ, соединенными усиліями церковной и свѣтской цензуръ поле русскаго духовнаго просвѣщенія къ срединѣ XIX ст. оказалось столь основательно выполотымъ отъ всякихъ злаковъ, что на немъ совершенно уже ничего не оставалось для жатвы. И все это было сдѣлано ради вящшаго утвержденія церковнаго авторитета въ жизни народа. Исторія духовной цензуры въ Россіи съ полнымъ основаніемъ можетъ быть названа исторіей самопарализаціи церкви.

Я окончилъ краткое изложеніе поучительной книги г. Котовича. Что же прошло передъ нами? «Дѣла давно минувшихъ лѣтъ, преданья старины глубокой?» Такъ ли? А кіевскій миссіонерскій съѣздъ, а дѣло о диссертаціи г. Коновалова? А синодскій походъ на духовныя академіи?... *)

---

*) Статья написана въ 1909 г.

«РУССКІЙ ГОРОДЪ ВЪ XVIII СТ.»

Происхожденіе городскихъ депутатскихъ наказовъ въ Екатерининскую комиссію 1767 г.

I.

Екатерининская комиссія 1767 г., созданная для составленія проекта новаго государственнаго уложенія, давно уже пользовалась преимущественнымъ вниманіемъ изслѣдователей въ ряду явленій русской жизни XVIII столѣтія. Шумно задуманная и обставленная съ исключительною торжественностью, эта комиссія долго интриговала изслѣдователей, какъ отрывочно блеснувшее яркое пятно на общемъ фонѣ русской общественности XVIII вѣка. Но съ тѣхъ поръ, какъ Русское Историческое Общество приступило къ обнародованію любопытнѣйшихъ матеріаловъ, касающихся дѣятельности комиссіи, передъ нами постепенно развертывается все въ болѣе осязательныхъ и конкретныхъ очертаніяхъ ея исторія. Литература уже успѣла воспользоваться этими матеріалами въ различныхъ направленіяхъ: разсматривали внѣшнюю исторію комиссіи, ея организацію, порядокъ ея работъ, причины ея преждевременнаго распущенія, далѣе оцѣнивали степень вліянія ея работъ на послѣдующее законодательство, наконецъ, всего чаще останавливались на содержаніи и значеніи депутатскихъ наказовъ, поскольку послѣдніе отразили на себѣ общественныя язвы и общественные идеалы XVIII столѣтія.

Эта разработка принесла свои плоды. Въ общемъ, она способствовала, такъ сказать, поднятію историческаго значенія Екатерининской комиссіи передъ лицомъ науки. Не-

смотря на преждевременную смерть комиссіи, несмотря на то, что ей не пришлось выполнить офиціально возложенное на нее порученіе, никто уже, думается намъ, не назоветъ ее въ настоящее время безрезультатной затѣей императрицы, никто не станетъ отрицать, что важнѣйшіе законодательные акты Екатерининскаго царствованія въ значительной мѣрѣ выросли изъ собранныхъ, а отчасти и обработанныхъ ею матеріаловъ.

Но историческое значеніе комиссіи должно быть измѣрено не только степенью вліянія ея работъ на послѣдующее законодательство. За этимъ вопросомъ подымается другой, не менѣе важный. Предстоитъ учесть, въ какой мѣрѣ въ работѣ комиссіи обнаружилась самостоятельная общественная иниціатива, насколько широко и насколько умѣло откликнулось русское общество XVIII вѣка на правительственный призывъ къ активному участію въ законодательной дѣятельности. Для выясненія этого второго вопроса, до сихъ поръ еще не подвергнутаго всестороннему разслѣдованію, особую важность получаетъ одинъ моментъ въ исторіи комиссіи, какъ разъ пока всего менѣе освѣщенный научной разработкой. Я разумѣю моментъ выработки текста депутатскихъ наказовъ. За немногими исключеніями намъ неизвѣстны ни авторы, ни редакторы этихъ драгоцѣнныхъ документовъ. Взятые въ своей общей массѣ, депутатскіе наказы являются въ полномъ смыслѣ слова апокрифическимъ произведеніемъ русской провинціи XVIII вѣка. Между тѣмъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ исторія составленія наказовъ способна вызвать особенный интересъ изслѣдователя. Прежде всего, незнакомство съ ходомъ составленія и редактированія наказовъ лишаетъ насъ возможности оцѣнить ихъ, какъ историческій источникъ. Наказы должны были выразить нужды, сознанныя мѣстнымъ обществомъ. Но, пока намъ неизвѣстенъ процессъ составленія наказовъ, мы не можемъ судить, насколько полно и правильно они отразили на себѣ эти нужды. Есть и еще одно обстоятельство, усугубляющее значеніе занимающаго насъ вопроса. Когда депутаты съѣхались въ Москву и приступили къ своимъ занятіямъ, они тотчасъ подпали подъ руководящую опеку офиціальныхъ лицъ, призванныхъ императрицей направлять дѣятельность комиссіи и снабженныхъ съ этой цѣлью спеціальными полномочіями. Въ такихъ же твердо

установленныхъ рамкахъ должны были дѣйствовать и провинціальные избиратели при выборѣ городского головы и депутата въ комиссію. Обрядъ выборовъ предусмотрѣлъ мельчайшія подробности всего хода избирательныхъ собраній. Но вотъ — моментъ, когда провинціальное общество получало право дѣйствовать вполнѣ по собственному почину и усмотрѣнію: моментъ выработки депутатскаго наказа. Конечно, и здѣсь могли быть и бывали въ дѣйствительности случаи давленія со стороны администраціи. Но то были уже прямыя злоупотребленія властью, не находившія себѣ оправданія въ точныхъ предписаніяхъ закона. Офиціально утвержденный «обрядъ выборовъ» посвящаетъ порядку составленія наказовъ всего нѣсколько строкъ, ограничиваясь самыми общими указаніями: избиратели выбираютъ изъ своей среды особую комиссію изъ пяти лицъ, которая подъ смотрѣніемъ градскаго головы въ теченіе трехъ дней занимается «выслушиваніемъ отъ своихъ собратій разсужденій о сочиненіи прошеній и въ чемъ желаютъ поправленія» и ведетъ запись всѣмъ этимъ заявленіямъ; затѣмъ, на основаніи собранныхъ такимъ образомъ матеріаловъ составляетъ окончательную редакцію наказа, которая прочитывается собранію избирателей и скрѣпляется подписями послѣднихъ *). Вотъ и всѣ обязательныя правила, которыя предстояло принять къ руководству при составленіи наказовъ. Эти правила оставляли большой просторъ самодѣятельности общества. Прежде всего общество было совершенно свободно касаться какихъ угодно вопросовъ при обсужденіи своего положенія. Свыше не было намѣчено никакихъ вопросныхъ пунктовъ, никакихъ обязательныхъ рамокъ. Въ «обрядѣ» въ этомъ отношеніи можно найти только одно ограниченіе совершенно общаго характера: въ наказы запрещалось вносить какія-либо частныя претензіи, «партикулярныя дѣла», и надлежало ограничиваться изложеніемъ «общественныхъ нуждъ и отягощеній» **). Далѣе, въ какомъ порядкѣ могли быть подаваемы въ мѣстную редакціонную комиссію тѣ заявленія, которыя должны были послужить матеріаломъ для составленія текста наказа? Разумѣетъ ли здѣсь «обрядъ» подачу записокъ или устныхъ замѣчаній от-

*. П. С. З. т. XVII № 12801. В. п. 25 Г. п. 24.

**) Ibid. В. п. 27. Г. п. 26.

дѣльными лицами, предоставляя редакторамъ сдѣлать общій сводъ всего накопившагося матеріала, или здѣсь предполагается публичное совмѣстное обсужденіе общихъ нуждъ, перекрестныя пренія, при чемъ редакторамъ пришлось бы исходить при окончательной редакціонной работѣ изъ протокола этихъ предварительныхъ совмѣстныхъ обсужденій?

Туманная фраза «обряда» — «комиссія выслушиваетъ отъ своихъ собратій разсужденія о сочиненіи прошеній» одинаково свободно допускаетъ обѣ возможности, и въ этомъ случаѣ открывая самому обществу широкій просторъ такъ или иначе, по собственному усмотрѣнію выполнить возлагаемую на него задачу.

Не имѣя возможности разсмотрѣть теперь вопросъ о происхожденіи наказовъ 1767 г. во всемъ его объемѣ, я остановлюсь лишь на исторіи текста тѣхъ наказовъ, которыми были снабжены депутаты отъ городовъ. Одно обстоятельство особенно побуждаетъ заняться съ этой точки зрѣнія именно городскими наказами. Въ 33-мъ томѣ своего сборника Русское Историческое Общество издало наказы городскихъ депутатовъ Московской губерніи, всего 40 наказовъ. Сравнительное изученіе ихъ текста приводитъ къ любопытному наблюденію. Оказывается, что эти 40 наказовъ отнюдь не представляютъ собой 40 самостоятельныхъ произведеній. Многіе изъ нихъ — нечто иное, какъ или дословное воспроизведеніе, или нѣкоторая компилятивная комбинація очень немногихъ основныхъ редакцій. Какъ объяснить это явленіе? Явилось ли оно въ результатѣ сознательной совмѣстной выработки общаго текста представителями различныхъ городскихъ обществъ, или передъ нами — повальный беззастѣнчивый плагіатъ, которымъ прикрылся повальный общественный индиферентизмъ?

Не имѣя точныхъ свѣдѣній о ходѣ составленія наказовъ, считаясь съ популярнымъ представленіемъ о низкомъ уровнѣ общественнаго развитія въ XVIII столѣтіи, всего легче при первомъ взглядѣ на эти сходные тексты заключить, что большинство городскихъ наказовъ просто механически списано другъ съ друга. Такой выводъ долженъ, съ одной стороны, подорвать значеніе наказовъ, какъ историческаго источника, съ другой стороны, подтвердить тотъ взглядъ, что русское общество было застигнуто Екатерининскимъ начинаніемъ совершенно врасплохъ и, смущенное, не съумѣло обнаружить ничего, кромѣ убожества своей политической подготовки.

Мнѣ думается, однако, что цѣлый рядъ соображеній и наблюденій долженъ удержать насъ отъ такого пессимистическаго вывода, особенно въ столь общей его формѣ.

Прежде всего нельзя не замѣтить, что тѣ отдѣльныя городскія общества, которыя дѣйствительно обнаружили полное непониманіе предстоявшей имъ задачи формулировать мѣстныя общественныя нужды, отнюдь не думали рядиться въ чужія перья для прикрытія собственной культурной наготы, собственнаго индиферентизма. Напротивъ они спѣшили торжественно исповѣдать свою несостоятельность передъ судомъ современниковъ и потомства. Вотъ, напримѣръ, наказъ города Дмитрова. Онъ состоитъ всего изъ двухъ статей. Въ первой удостовѣряется, что дмитровскіе граждане не имѣютъ никакихъ общественныхъ нуждъ, а вторая заключаетъ въ себѣ предписаніе депутату явиться съ этимъ удостовѣреніемъ въ Сенатъ. Подъ наказомъ стоитъ 224 подписи *). То были, однако, исключительные эпизоды, отдѣльныя темныя пятна, не сообщавшія одинаково мрачнаго колорита всей картинѣ. Отнюдь не предполагая доказывать высоту общественнаго развитія русской провинціи XVIII столѣтія, считая подобную задачу совершенно непроизводительной и неблагодарной, я тѣмъ не менѣе нахожу возможнымъ утверждать, что многообразныя мрачныя черты тогдашняго провинціальнаго быта не могли придавить окончательно способности населенія заинтересоваться собственными нуждами. Текущая жизненная практика того времени выработала и нѣкоторыя опредѣленныя формы, въ которыхъ проявлялось активное участіе общества въ разработкѣ большихъ вопросовъ мѣстной жизни. Изученіе этихъ формъ и можетъ, думается намъ, содѣйствовать болѣе правильной постановкѣ вопроса о происхожденіи городскихъ депутатскихъ наказовъ 1767 г.

Въ печати давно уже были оглашены интереснѣйшія данныя по исторіи выборовъ городскихъ депутатовъ. Эти данныя не разъ развертываютъ передъ нами картину сознательныхъ усилій городского купечества по возможности расширить размѣры городского представительства. По иниціативѣ самихъ купцовъ поднимается вопросъ объ увеличеніи круга избирателей на депутатскихъ выборахъ. Такъ, не доволь-

*) Сборникъ Рус. Имп. Истор. Общ. т. 93. Дмитр. наказъ.

ствуясь постановленіемъ «обряда» о привлеченіи къ выборамъ домовладѣльцевъ, нѣкоторые купцы поднимаютъ голосъ за допущеніе къ избирательнымъ урнамъ всякаго купца, имѣющаго самостоятельный торгъ, хотя бы и не владѣющаго домомъ *). Это уже не совсѣмъ гармонируетъ съ обычнымъ утвержденіемъ, что общество взглянуло на правительственный призывъ къ участію въ комиссіи, какъ на новое обязательное бремя, и старалось лишь объ одномъ, какъ бы удачнѣе схорониться отъ новой тяготы, подобно тому, какъ оно ранѣе хоронилось всякими средствами отъ смотровъ, походовъ, обязательныхъ экзаменовъ и податныхъ взносовъ. Извѣстны далеко не одинокіе случаи, когда обойденный пунктъ городского поселенія не только не радовался тому, что его миновала новая «повинность» депутатскаго выбора, но, наоборотъ, настойчиво требовалъ для себя права на эту повинность. Возьмемъ для примѣра Гжатскую пристань. По смыслу «обряда» посадъ, выросшій у этой пристани, какъ не имѣвшій своего уѣзда, долженъ былъ выбрать депутата сообща съ жителями своего уѣзднаго города. И вотъ бургомистръ Гжатской пристани подаетъ губернатору энергическое доношеніе, гдѣ, ссылаясь на всю исторію развитія гжатскаго посада, требуетъ для него права на выборъ самостоятельнаго депутата, а, слѣдовательно, и на составленіе *самостоятельнаго наказа*. Примѣру Гжатска послѣдовали многія слободы. Такъ, городскія общества XVIII вѣка умѣли въ нѣкоторыхъ случаяхъ не только цѣнить даруемыя имъ права, но и завоевывать себѣ эти права съ усиліемъ и настойчивостью. До какихъ размѣровъ могла выростать эта настойчивость, ярко видно на примѣрѣ города Скопина. Скопинъ выбралъ на ряду съ другими городами своего депутата. Герольдмейстерская контора отказала въ утвержденіи этого депутата на томъ основаніи, что Скопинъ «не городъ, но волость и состоитъ въ вѣдомствѣ дворцовой конюшенной канцеляріи». Скопинское купечество не хотѣло уступить и обжаловало это рѣшеніе въ сенатъ. Достаточно прочитать текстъ одной этой жалобы, чтобы живо почувствовать, какъ сознательно цѣнило городское населеніе право выбрать въ комиссію депутата

*) Лишинскій. «Новыя данныя для исторіи Екатер. комиссіи». Журн. Мин. Нар. Просв. 1887. Іюнь, стр. 258.

и *снабдить его наказомъ.* Изложивъ различные признаки, приравнивающіе Скопинъ къ обычному городу, скопинскіе купцы заявляютъ, что лишеніе ихъ права представительства въ комиссіи они признаютъ себѣ за «великую тщету», учрежденіе комиссіи почитаютъ великою милостью, изліянною отъ Ея Имп. Величества на всероссійское государство, и въ посылкѣ въ комиссію депутата видятъ способъ избавиться «отъ несносныхъ и тяжкихъ притѣсненій и разореній» *). Выборъ того или иного депутата тоже далеко не всегда былъ безразличенъ для избирателей, не сводился къ простой формальности. Избиратели умѣли подчасъ ревностно отстаивать своего кандидата въ случаѣ встрѣчаемыхъ со стороны мѣстной администраціи затрудненій къ его утвержденію. Извѣстна, наприм., длинная и сложная борьба, разыгравшаяся на этой почвѣ между гражданами города Гороховца и мѣстнымъ воеводой, борьба, опять таки доходившая до сената и кончившаяся побѣдой городскихъ избирателей **). При свѣтѣ приведенныхъ данныхъ получаетъ особое значеніе и любопытное сообщеніе Крестинина о составленіи наказа въ городѣ Архангельскѣ. Въ своей исторіи города Архангельска этотъ точный и добросовѣстный писатель-современникъ не поскупился на

*) Липинскій, loc. cit. стр. 261.

**) Ibid., стр. 283—287. Болѣе общеизвѣстенъ другой эпизодъ подобнаго же рода, разыгравшійся между нѣжинскими шляхтичами и ген.-губернаторомъ Малороссіи Румянцевымъ и наиболѣе полно разсказанный на основаніи свѣжихъ архивныхъ матеріаловъ В. А. Мякотинымъ (Академич. рецензія на книгу А. М. Лазаревича «Описаніе Старой Малороссіи» т. II. Оттискъ изъ отчета о 37-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова, стр. 25—39). Хотя этотъ эпизодъ относится къ шляхетскимъ, а не къ городскимъ избирателямъ, но по аналогіи и его детали могутъ имѣть косвенное значеніе для нашего вопроса. Не смотря на то, что нѣжинцы въ противоположность гороховцамъ потерпѣли, въ концѣ концовъ, полное фіаско, мы не находимъ, чтобы нѣжинская исторія 1767 г. свидѣтельствовала объ апатичномъ отношеніи общества къ дѣлу комиссіи. Какъ разъ наоборотъ: рядомъ съ картиной грубаго административнаго произвола всесильнаго ген.-губернатора передъ нами встаетъ здѣсь картина сознательныхъ стремленій шляхетства отстоять своего депутата и свой текстъ наказа, стремленій, обнаружившихся не смотря на перспективу тяжкихъ административныхъ каръ и судебнаго преслѣдованія. Нѣжинцы потерпѣли пораженіе за отсутствіемъ *средствъ* борьбы, а не за недостаткомъ доброй воли вести борьбу.

изображеніе многихъ весьма мрачныхъ моментовъ изъ жизни архангельскаго посада XVIII столѣтія. Крестинина всего менѣе можно заподозрить въ попыткахъ украсить, расцвѣтить печальную дѣйствительность. Между тѣмъ, вотъ что сообщаетъ онъ о составленіи наказа. «Въ февралѣ мѣсяцѣ 1767 г. по обряду выбранъ отъ архангельскаго городского посада въ депутаты коммисіи новаго уложенія знатный, богатый и благоразумный архангелогородскій купецъ Николай Алексѣевичъ Свѣшниковъ, а надъ сочиненіемъ даннаго ему отъ гражданства наказа трудился гражданинъ Александръ Оомипъ, сынъ нашего защитника гражданскія свободы Ивана Оомина, лучшій нынѣшняго времени въ архангелогородскомъ посадѣ писецъ въ прозѣ и стихахъ». И какъ бы предвидя возможность того вывода изъ этихъ словъ, что составленіе наказа было единоличнымъ дѣломъ мѣстнаго литератора, Крестининъ прибавляетъ: «...въ расположеніи нуждъ общества, представленныхъ въ ономъ наказѣ, всѣ лучшіе граждана имѣли участіе» *). Опытное перо мѣстнаго грамотея явилось орудіемъ для выраженія желаній всѣхъ гражданъ.

Подобные факты — а количество аналогичныхъ примѣровъ можно было бы умножить — показываютъ, думается намъ, что предположеніе о повальной неспособности провинціальнаго общества XVIII вѣка оцѣнить важность предстоявшаго ему акта оглашенія своихъ нуждъ и желаній не соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

Но, сознательно цѣня это право, городское общество не обнаружило и приписываемаго ему иногда безсилія реализировать это право на практикѣ. Согласимся, что Екатерининскій экспериментъ законодательной реформы при посредствѣ народнаго представительства превышалъ наличные рессурсы тогдашняго общества; согласимся, что идея быстрой отмѣны исторически назрѣвшей системы законодательныхъ нормъ была вдохновлена не столько знакомствомъ съ уровнемъ народнаго развитія, сколько всегда присущимъ Екатеринѣ оптимизмомъ въ связи съ господствовавшими философскими предразсудками вѣка о всемогуществѣ раціональной законодательной инпціативы. Въ *этомъ* смыслѣ мы дѣйствительно вправѣ говорить о малоподготовленности тогдашняго общества

---

*) Крестининъ. Краткая исторія о г. Архангельскомъ, стр. 32.

къ разрѣшенію *такъ* поставленной задачи. Намъ трудно представить себѣ безъ улыбки обывателя какого-нибудь тогдашняго Устьсысольска или Царевококшайска, внезапно очутившагося по долгу службы за перекройкой Уложенія царя Алексѣя Михайловича по рецепту Беккарія и Монтескье. Но эту конечную цѣль всего предпріятія нельзя смѣшивать съ тѣми предварительными и подготовительными актами, къ которымъ должно быть отнесено, между прочимъ, и составленіе депутатскихъ наказовъ. Когда мы переносимъ то же представленіе о безпомощности русскаго провинціальнаго общества и на первую стадію связанныхъ съ созывомъ комиссіи работъ и на этомъ основаніи заподозриваемъ городское населеніе въ невольномъ уклоненіи отъ выработки самостоятельныхъ депутатскихъ наказовъ, — мы смѣшиваемъ такіе разнородные моменты въ дѣятельности комиссіи, которые были строго различены и на практикѣ, и въ предначертаніяхъ самой императрицы. Раскроемъ высочайшій манифестъ объ учрежденіи комиссіи. Тамъ точно разграничены двѣ самостоятельныя задачи, изъ совокупности которыхъ должно было сложиться дѣло комиссіи. Во первыхъ, тамъ сказано: «...для того, дабы лучше намъ *узнать было можно нужды и чувствительные недостатки нашего народа*, повелѣваемъ... прислать депутатовъ»; и затѣмъ ниже: «...сихъ депутатовъ... мы созываемъ *не только* для того, чтобы отъ нихъ выслушать нужды и недостатки каждаго мѣста, *но и допущены быть имѣютъ въ комиссію*, которой дадимъ наказъ и обрядъ управленія для заготовленія проекта новаго уложенія къ поднесенію намъ для конфирмаціи». Итакъ, комиссія должна была выполнить двѣ роли — чисто справочную, послужить орудіемъ обслѣдованія общественныхъ неустройствъ, и законодательную—выработать проектъ новаго уложенія. Эти двѣ роли подѣлены между депутатами и ихъ избирателями. Составленіе уложенія всецѣло возлагается на депутатовъ. Задача избирателей ограничена лишь формулированіемъ и оглашеніемъ мѣстныхъ нуждъ, и для осуществленія этой задачи имъ предоставлены два средства—посылка въ комиссію депутата и составленіе наказа. Обязанность депутата въ отношеніи къ первой, такъ сказать, справочной роли комиссіи сводится къ доставкѣ въ комиссію даннаго имъ наказа и присоединеніи къ наказу тѣхъ дополнительныхъ заявленій,

какія оказались бы нужными по ходу коммиссіонныхъ работъ*).

Въ этомъ отношеніи депутатъ являлся лишь передаточнымъ орудіемъ для оглашенія заявленій его избирателей, и многія указанія убѣждаютъ въ томъ, что не въ этомъ полагалась главная сущность депутатскихъ обязанностей. Такъ, депутаты, ограничившіе этой стороной своей дѣятельности свое участіе въ комиссіи, были устранены отъ пользованія привилегіями, присвоенными депутатскому званію. Эти привилегіи распространились лишь на тѣхъ депутатовъ, которые принимали активное участіе въ составленіи той или другой части проекта уложенія, т.-е. работали въ одной изъ тѣхъ частныхъ комиссій, гдѣ изготовлялись законопроекты **), и сенатъ строго слѣдилъ за примѣненіемъ этого ограниченія на практикѣ ***).

Но, если на депутатовъ должна была пасть прежде всего законодательная дѣятельность комиссіи, то обществу, призванному къ составленію наказовъ, предстояло ограничиться констатированіемъ своихъ нуждъ и потребностей. Такъ именно и поняло общество свою задачу. Правительство получило, чего желало. Безплодно было бы искать въ наказахъ сколько-нибудь широкихъ теоретическихъ обобщеній, какихъ-либо смѣлыхъ плановъ коренного переустройства существующихъ порядковъ. Составители наказовъ — скромные практики. Они крѣпко стоятъ на почвѣ текущей дѣйствительности. Правда, они сплошь и рядомъ жалуются на ея недочеты и изъяны, но этотъ анализъ не идетъ дальше ближайшихъ причинъ и ближайшихъ послѣдствій занимающихъ ихъ явленій. Однако, ничего иного и не требовалось отъ составителей наказовъ. Между правительствомъ и обществомъ не произошло по этому пункту никакого недоразумѣнія. Депутатскій наказъ, по опредѣленію манифеста объ учрежденіи комиссіи — списокъ текущихъ нуждъ и отягощеній и ничего больше.

Но въ такомъ случаѣ мы уже никакъ не въ правѣ считать задачу составленія наказовъ непосильнымъ, непривычнымъ и отяготительнымъ бременемъ, наложеннымъ на общество,

---

*) Пол. Собр. Зак. т. XVII, № 12801 стр. 1093.

**) Ibid, стр. 1094.

***) Лишинскій, стр. 235—236.

а близость другъ къ другу текста нѣкоторыхъ наказовъ объяснять только въ силу одного этого пассивнымъ заимствованіемъ продуктовъ чужой работы. Нѣтъ ничего ошибочнѣе, какъ представлять себѣ составителей наказовъ 1767 г. неподготовленными дебютантами на поприщѣ лѣтописательства общественныхъ нестроеній. За ихъ плечами стоялъ въ этомъ отношеніи долголѣтній опытъ. Представляя себѣ призывъ къ составленію наказовъ особенно торжественнымъ моментомъ въ жизни русскаго города XVIII вѣка, впервые потревожившимъ мирный сонъ обывательской души, мы забываемъ, что посадскія общества въ теченіе всего вѣка, отнюдь не дожидаясь спеціальнаго правительственнаго призыва, постоянно, можно сказать, осаждали высшія правительственныя мѣста пространными перечисленіями своихъ отягощеній. Дѣлопроизводство провинціальныхъ магистратовъ XVIII столѣтія переполнено всевозможными образчиками этой обильной «челобитной» литературы. Въ этой-то литературѣ посадскихъ «челобитій» мы и должны искать объяснительнаго ключа къ исторіи текста городскихъ депутатскихъ наказовъ 1767 г. Текстъ этихъ наказовъ не былъ выработанъ впопыхахъ, ad hoc, для спеціальныхъ цѣлей одной Екатерининской коммиссіи. Онъ, можно сказать, исторически наслаивался параллельно съ постепеннымъ назрѣваніемъ самихъ мѣстныхъ нуждъ. Посадскія общества XVIII столѣтія не имѣли обыкновенія оставаться безгласными исполнителями всѣхъ предъявляемыхъ къ нимъ правительственныхъ требованій. Падавшее на нихъ бремя обязательныхъ службъ и повинностей было очень велико. Помимо окладныхъ платежей и постоянныхъ «очередныхъ» мѣстныхъ службъ, на каждый посадъ сыпался непрерывный градъ экстренныхъ сборовъ и — еще чаще — экстренныхъ служебныхъ посылокъ: по запросамъ различныхъ учрежденій каждый посадъ то и дѣло долженъ былъ разсылать во всѣ концы выборныхъ изъ своей среды лицъ для исполненія порученій; нерѣдко бывало, что *всѣ* наличные служилоспособные члены посадской общины оказывались разобранными по разнымъ мѣстнымъ и отъѣзжимъ службамъ. Неся столь тяжелое и часто непосильное бремя, посадъ XVIII вѣка не подчинялся, однако, своей участи молчаливо и безропотно. Возложеніе на него каждой новой службы сопровождалось стономъ, отливавшимся въ форму «мірского челобитья». Эти

челобитья почти никогда не достигали цѣли. Обыкновенно главный магитратъ — сборный резервуаръ, куда стекались со всѣхъ сторонъ такія челобитья — отвѣчалъ на нихъ дословнымъ повтореніемъ предшествующаго приказанія съ присоединеніемъ обѣщанія жестокой кары за дальнѣйшее промедленіе. И все-таки посады неизмѣнно противопоставляли настойчивому постоянству такихъ отказовъ столь же настойчивое постоянство своихъ челобитій. Челобитье объ отмѣнѣ службы, за которымъ неизбѣжно слѣдовало выполненіе этой самой службы, сдѣлалось какъ бы нормальной составной частью обычнаго дѣлопроизводства. Подобныя «мірскія челобитья» или «доношенія», утвержденныя на мірскихъ посадскихъ сходахъ, скрѣпленныя подписями членовъ посадской общины и препровожденныя въ высшія инстанціи отъ имени всей общины, содержали въ себѣ не одну только просьбу о снятіи съ посада данной новой службы. То были просьбы, мотивированныя обстоятельнымъ перечисленіемъ всѣхъ мѣстныхъ тягостей и неустройствъ, развертывающія передъ нами яркія картины посадскаго разоренія. Къ основной просьбѣ объ избавленіи отъ новой службы присоединялся рядъ другихъ просьбъ, обнимавшихъ собою разнообразныя стороны посадскаго быта. Такъ какъ поводы къ подачѣ такихъ просьбъ были весьма часты, а содержаніе посадскихъ стремленій мало мѣнялось, потому что посадъ намѣчалъ въ нихъ не столько временныя нужды, сколько основныя, коренныя причины посадской тяготы, то непрерывающаяся практика такихъ челобитій создавала во многихъ мѣстахъ какъ бы стереотипный, традиціонный текстъ, который лишь съ незначительными случайными варіаціями и воспроизводился изъ года въ годъ при подачѣ каждаго новаго челобитья. Почти у каждаго посада всегда имѣлся наготовѣ такой скорбный листъ собственныхъ недуговъ. Эти челобитья подавались въ высшія учрежденія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ или непосредственно самимъ «міромъ», т.-е. земскимъ старостой посада въ формѣ протокола посадскаго схода, на которомъ земскій староста предсѣдательствовалъ, или препровожденіе такого челобитья бралъ на себя мѣстный магистратъ, хотя опять таки не иначе, какъ «съ общаго градскихъ людей совѣта», т.-е. по предварительномъ опросѣ посадскаго схода *). *Изъ такихъ-то тради-*

*) Архивъ Мин. Юст. Дѣла главн. магистр, вязка VII, № 9. л.л 147—150.

ціонныхъ, освященныхъ многолѣтнею давностью текстовъ мірскихъ челобитій выросли и городскіе наказы 1767 г. Безъ предварительнаго изученія посадскихъ челобитій невозможно приступать къ анализу городскихъ депутатскихъ наказовъ. Текстуальное родство тѣхъ и другихъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Вотъ почему наказы, какъ и челобитья, за самыми незначительными исключеніями, носятъ, если можно такъ выразиться, *оборонительный*, а не *наступательный* характеръ. Сущность ихъ содержанія можетъ быть сведена къ слѣдующимъ двумъ основнымъ мотивамъ: а) къ просьбамъ о количественномъ сокращеніи падавшаго на посадъ тяглаго бремени, объ уменьшеніи или отмѣнѣ тѣхъ или другихъ посадскихъ службъ и б) къ просьбамъ о принудительномъ урегулированіи отношеній между посадскими тяглецами и бѣломѣстцами-разночинцами, урегулированіи на старомъ началѣ сословной спеціализаціи государственныхъ тяглъ. Этотъ второй мотивъ тѣсно переплетался съ первымъ. Борьба посада съ внѣпосадскими элементами населенія носила тотъ же оборонительный характеръ; посадъ не хотѣлъ дѣлиться съ этими элементами своимъ правомъ на торговлю и промыслы, такъ какъ онъ оплачивалъ это право спеціальнымъ посадскимъ тягломъ; съ другой стороны, посадъ противился возложенію на него такихъ службъ, которыя не вытекали непосредственно изъ его торгово-промышленнаго характера, и требовалъ распространенія такихъ службъ и на прочіе слои городского населенія. Отсюда постоянное взаимное треніе различныхъ группъ этого населенія, постоянная перекрестная вражда, характеризовавшая внутреннюю жизнь тогдашняго города. Все это — тѣ самые больные вопросы посадской жизни, которые во всѣхъ деталяхъ разработаны обильной литературой посадскихъ «мірскихъ челобитій». Весьма вѣроятно, что по изданіи полныхъ текстовъ всѣхъ городскихъ наказовъ 1767 г. откроется возможность прослѣдить въ нѣкоторыхъ наказахъ воспроизведеніе цѣликомъ такихъ стереотипныхъ челобитій. Теперь же, пользуясь текстами 40 изданныхъ доселѣ *) наказовъ городовъ Московской губерніи, мы убѣждаемся во всякомъ случаѣ въ томъ, что эти наказы, если и не являются простыми копіями такихъ

**) Со времени написанія настоящей статьи были напечатаны наказы городовъ и другихъ губерній.

челобитій, то все же самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ ними какъ по внѣшней формѣ, такъ и по внутреннему содержанію.

Предложенное сближеніе депутатскихъ наказовъ 1767 г. съ посадскими челобитьями можетъ вызвать одно возраженіе. Знакомый и привычный актъ обращенія къ правительству съ письменнымъ изложеніемъ мѣстныхъ нуждъ былъ обставленъ на этотъ разъ, въ 1767 г., нѣкоторыми новыми условіями, которыя были несомнѣнно чужды предшествующей практикѣ посадскихъ челобитій. Челобитья, о которыхъ мы только что говорили, подавались отъ *посада*. Депутатскіе наказы 1767 г. должны были включить въ себя просьбы не посада, но всего *города*. Понятіе посада не покрывало собою понятія города. Посадская община была корпораціей торгово-промышленныхъ тяглецовъ, доступъ въ которую былъ возможенъ для стороннихъ элементовъ лишь при условіи вступленія въ посадское тягло, участія во всѣхъ общепосадскихъ платежахъ и службахъ на основаніи уравнительной мірской раскладки. Какъ прекрасно было доказано проф. Дитятинымъ, въ «обрядѣ выборовъ» 1767 г. въ первый разъ лишь блеснула новая и совершенно чуждая какъ до-петровской, такъ и петровской Россіи идея о «градскомъ обществѣ», какъ о такой корпораціи, которая обнимаетъ своимъ личнымъ составомъ *всѣхъ* постоянныхъ обывателей города, при чемъ признакомъ городской осѣдлости было избрано владѣніе домомъ въ чертѣ города. Соотвѣтственно съ этимъ «обрядъ выборовъ» предначертывалъ какъ для выборовъ городского депутата, такъ, слѣдовательно, и для содержанія городского депутатскаго наказа *всесословный* характеръ. Для этой цѣли прежнія посадскія челобитья не годились. Они не только не могли послужить исходнымъ пунктомъ для объединенія различныхъ слоевъ городского населенія, но во многихъ своихъ частяхъ представляли собой какъ разъ орудіе междоусобной борьбы, разъѣдавшей внутреннюю жизнь города... Спрашивается, какимъ образомъ при этомъ условіи депутатскіе наказы могли оказаться въ значительной своей части простымъ воспроизведеніемъ старыхъ посадскихъ челобитій?

Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, мы считаемъ не лишнимъ остановиться нѣсколько на нѣкоторыхъ выраженныхъ въ спеціальной литературѣ взглядахъ, съ точки зрѣнія

которыхъ самая постановка такого вопроса должна быть признана излишней. Установленное проф. Дитятинымъ пониманіе «обряда выборовъ» 1767 г. въ отношеніи къ организаціи городского представительства встрѣтило въ литературѣ различныя возраженія. Основанныя на недоразумѣніяхъ, эти возраженія не поколебали, на мой взглядъ, выводовъ Дитятина. Но ихъ нельзя обойти молчаніемъ, такъ какъ они способны внести значительную путаницу въ ясное пониманіе нашего вопроса. Съ одной стороны, проф. Сергѣевичъ и проф. Латкинъ пытаются доказать вопреки мнѣнію Дитятина, что «обрядъ» 1767 г. не становился въ противорѣчіе со старыми началами, не разсматривалъ городскихъ депутатовъ, какъ представителей всего города въ смыслѣ территоріальной единицы, не вводилъ для городовъ всесословнаго представительства, въ которомъ должна была бы раствориться старая особность посада. Подъ «городскими обывателями по преимуществу» попрежнему разумѣлись члены торгово-промышленной посадской общины, къ городскимъ выборамъ, также какъ и къ уѣзднымъ, примѣненъ былъ сословный принципъ. Доводы, на которыхъ основывается это воззрѣніе, не выдерживаютъ критики.

Разберемъ ихъ. Прежде всего, проф. Латкинъ ссылается на *практику* выборовъ и обращаетъ вниманіе на подавляющее преобладаніе купеческихъ и мѣщанскихъ подписей подъ городскими наказами. Замѣчая, что дворянскія подписи совершенно блещутъ отсутствіемъ подъ городскими наказами, г. Латкинъ заключаетъ, что дворянство, за исключеніемъ столицъ, не принимало участія въ городскомъ представительствѣ *). Противъ этого аргумента можно выставить двоякаго рода возраженія. Во-первыхъ, въ указаніяхъ проф. Латкина заключается фактическая ошибка. Послѣ изслѣдованія г. Липинскаго, послѣ обнародованія документовъ, касающихся исторіи городскихъ выборовъ въ малороссійскихъ городахъ, нѣтъ уже никакой возможности отрицать, что участіе какъ дворянства, такъ и другихъ внѣпосадскихъ элементовъ городского населенія въ городскихъ выборахъ представлялось необходимымъ и со стороны мѣстной администраціи, слѣдив-

*) Латкинъ. Законодат. комиссіи въ Россіи въ XVIII ст., стр. 203, прим. 2.

шей за ходомъ выборовъ, и со стороны сената при повѣркѣ законности депутатскихъ полномочій. Г. Латкина не удовлетворяетъ приведенный г. Липинскимъ примѣръ города Венева, депутатъ котораго не былъ утвержденъ сенатомъ только потому, что въ его избраніи участвовали одни купцы безъ прочихъ жителей города. Г. Латкинъ полагаетъ, что здѣсь подъ «прочими жителями» разумѣлись другіе разряды торговопромышленнаго же класса, какъ-то фабриканты, заводчики, цеховые ремесленники и т. п., а не дворяне *). Однако, по утвержденію г. Липинскаго, резолюція сената была вызвана какъ разъ заявленіемъ депутата о томъ, что въ г. Веневѣ, кромѣ купцовъ, живутъ также и дворяне, подписей которыхъ подъ наказомъ не оказалось. Мы не имѣли возможности провѣрить архивную цитату г. Липинскаго, но такой провѣрки не произвелъ и г. Латкинъ, конъектуру котораго нельзя не признать поэтому совершенно произвольной.

Впрочемъ, и помимо Венева у насъ есть свѣдѣнія и о другихъ пунктахъ, гдѣ мѣстная администрація настаивала такимъ же образомъ на участіи дворянъ въ городскихъ выборахъ, опираясь на предписаніе «обряда». Такъ, въ г. Прилукахъ присланный для наблюденія за выборами премьеръ-маіоръ Стремоуховъ, «приглася къ себѣ нѣсколькихъ изъ лучшаго пребывающаго въ городѣ шляхетства и присутствующихъ въ полковой канцеляріи старшинъ, объяснилъ имъ, что въ манифестѣ и при ономъ приложенномъ обрядѣ не однимъ мѣщанамъ, но всѣмъ въ городѣ жительствующимъ велѣно избрать голову и депутата». Правда, шляхетство во многихъ мѣстностяхъ брезгливо сторонилось отъ участія въ городскихъ выборахъ, не желая смѣшиваться въ одну толпу съ посадскими «мужиками». Тѣмъ не менѣе ему приходилось обыкновенно уступать настояніямъ администраціи. Мы видимъ участіе шляхетства въ городскихъ выборахъ въ Прилукахъ, Козельцѣ, Лубнахъ, Полтавѣ и проч. **). Но вопросъ не ограничивается однимъ дворянствомъ. Существовали и другіе внѣпосадскіе элементы городского населенія, участіе которыхъ въ город-

*) Ibid. Примѣчаніе передъ главою I.

**) Наказы малорос. депутатамъ 1767 г. и акты о выборахъ депутатовъ въ комиссію. Изданіе «Кіевской Старины», Стр. 226—227, 253, 259—268, 285—286. Мы уже не говоримъ о двухъ столицахъ, гдѣ участіе дворянства выразилось особенно широко.

скихъ выборахъ точно также лишало городское представительство специально посадской окраски. Въ той же статьѣ г. Липинскаго приводится случай кассированія выборовъ въ г. Зарайскѣ на томъ основаніи, что отъ выборовъ были устранены приказные служители, унтеръ-офицеры и солдаты, имѣющіе свои дворы. При вторичномъ баллотированіи участвовали уже всѣ городскіе жители безъ исключенія *). Анализъ текста городскихъ наказовъ убѣждаетъ въ томъ, что эти стороннie посаду городскіе обыватели далеко не въ единичныхъ случаяхъ принимали участіе въ составленіи наказовъ, и мы скоро увидимъ, въ какихъ формахъ проявлялось это участіе.

Итакъ, практика выборовъ не на сторонѣ проф. Латкина. Но мы думаемъ, что ссылка на практику выборовъ вообще не имѣетъ въ данномъ случаѣ того значенія, какое приписываетъ ей проф. Латкинъ. Вопросъ заключается въ томъ, какія принципіальныя основанія городского представительства установлены «обрядомъ выборовъ» 1767 г. Какъ бы ни были сбивчивы и спутаны постановленія «обряда», отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть извлеченъ только изъ текста самого «обряда», а никакъ не изъ фактовъ его примѣненія на практикѣ, иначе мы допустимъ такое смѣшеніе права и факта, которое ничего не доказываетъ и которое является особенно неожиданнымъ подъ перомъ писателя-юриста. Правда, проф. Латкинъ, слѣдуя на этотъ разъ проф. Сергѣевичу, подкрѣпляетъ затѣмъ свое толкованіе и текстомъ самого «обряда». «Обрядъ — говоритъ онъ — устанавливаетъ по одному депутату отъ каждаго *города*, но въ понятіе города, какъ оно установлено законодательствомъ Петра I, *которое и дѣйствовало въ моментъ выборовъ*, высшее сословіе не входило, потому-то городскіе выборы по смыслу «обряда» и не могли носить всесословнаго характера»**). Такъ ли это однако? «Обрядъ выборовъ» очень точно опредѣлилъ кругъ городскихъ избирателей, и не нужно особой прозорливости, чтобы убѣдиться, какъ далеко разошлось это опредѣленіе со смысломъ прежняго законодательства. По занимающему насъ вопросу въ моментъ депутатскихъ выборовъ 1767 г. дѣйствовало не законодательство Петра I, какъ утверждаютъ проф. Сергѣевичъ и проф. Лат-

*) Липинскій, стр. 257.

**) Латкинъ, стр. 203. Прим. 2.

кинъ, а постановленіе «обряда», которое имѣло силу закона и шло въ разрѣзъ съ законодательствомъ Петра I. Гг. Сергѣевичъ и Латкинъ берутъ одинъ третій пунктъ «положенія», гдѣ сказано: «отъ жителей *каждаго города* по одному депутату», но они игнорируютъ при этомъ то мѣсто «обряда» (литера Г, ст. 5), гдѣ какъ разъ самымъ точнымъ образомъ объяснено, кого именно разумѣетъ «обрядъ» подъ «жителями города», это — всѣ, имѣющіе или *домъ*, или домъ и торгъ, или домъ и ремесло, или домъ и промыселъ. Итакъ, уже одно владѣніе домомъ въ чертѣ городской осѣдлости, независимо отъ принадлежности къ торгово-промышленному классу, пріобщало городского обывателя къ числу избирателей. Это постановленіе, какъ совершенно справедливо полагали еще Дитятинъ и Липинскій, расширяло понятіе города далеко за предѣлы торгово-промышленной посадской общины.

Но если, такимъ образомъ, проф. Сергѣевичъ и проф. Латкинъ безъ достаточныхъ основаній отказываются видѣть въ «обрядѣ» 1767 г. выраженіе новаго взгляда на городское общество, шедшаго въ разрѣзъ съ старыми началами, то въ статьѣ г. Семенова *) мы встрѣтили противоположную крайность, въ совершенно иномъ направленіи отступающую отъ взглядовъ Дитятина и г. Липинскаго. Г. Семеновъ полагаетъ, что начало всесословнаго городского представительства не только было провозглашено «обрядомъ», но и нашло себѣ широкое признаніе и вполнѣ подготовленную почву въ стремленіяхъ самого городского населенія того времени. Мы думаемъ, что и этотъ взглядъ противорѣчитъ очевиднымъ фактамъ. Г. Семеновъ убѣжденъ, что тенденція всесословности въ строѣ городского управленія ведетъ свое начало еще изъ старой до-петровской Руси и, вопреки законодательнымъ опытамъ Петра, доживаетъ въ сознаніи населенія до половины XVIII вѣка, когда Екатерининскія постановленія помогаютъ ей обнаружиться во всей широтѣ и свободѣ. Что касается до-петровской Руси, то въ этомъ отношеніи выводы автора основываются исключительно на ошибочномъ представленіи о «посадѣ» и о «посадскихъ людяхъ» московскаго государства Изъ многихъ мѣстъ статьи г. Семенова очевидно, что авторъ

---

*) Дм. Семеновъ· Городское представительство въ Екатерининскую эпоху. Русское Богатство 1898 г. № 1.

понимаетъ терминъ «посадскіе» въ смыслѣ чисто территоріальномъ, въ смыслѣ всей совокупности коренного городского населенія безъ различія «чиновъ» и состояній. На этомъ основаніи онъ причисляетъ, напримѣръ, къ посадскимъ даже ратныхъ людей, имѣвшихъ въ городскомъ кремлѣ «осадные» дворы *). Мы уже видѣли выше, какъ далекъ такой взглядъ отъ подлинной дѣйствительности. «Посадскіе» — лишь одинъ изъ тѣхъ «чиновъ», члены которыхъ скучивались вмѣстѣ въ чертѣ городской осѣдлости, но отнюдь не смѣшивались другъ съ другомъ. Не «начало всеобщности», о которомъ говоритъ г. Семеновъ, а рознь и взаимное отчужденіе между посадомъ и внѣ-посадскими элементами городского населенія характеризуютъ жизнь стараго русскаго города. — Эта застарѣлая рознь сказалась и въ моментъ созванія Екатерининской комиссіи. Г. Семеновъ тщательно собралъ различныя указанія на проявленіе, какъ онъ выражается, «общегородскихъ теченій» въ наказахъ отъ городовъ 1767 г., теченій, шедшихъ якобы навстрѣчу провозглашенному въ «обрядѣ» принципу всесословности городского представительства. Эти указанія представляются намъ опять таки построенными на недоразумѣніяхъ и натяжкахъ. Если тульское купечество требуетъ въ своемъ наказѣ, чтобы фабриканты и заводчики были во всемъ подвѣдомственны магистрату, если шуйское купечество проситъ о дозволеніи выбирать въ гражданскія службы также и раскольниковъ, «чѣмъ бы *все купечество* имѣло пользоваться въ равенствѣ всеобщественно», то ясно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ попыткой раздвинуть предѣлы посадской общины, включивъ въ нее и внѣ-посадскіе элементы, а со стремленіемъ заградить выходъ *изъ нея* нѣкоторымъ слоямъ посадскаго класса, которые подпали подъ дѣйствіе спеціальныхъ узаконеній. Совершенно неосновательно усматривать проявленіе «общегородского теченія» въ просьбѣ переяславцевъ ежегодно избирать членовъ магистрата «обще со всего земскаго совѣту». «Земскій совѣтъ» на языкѣ актовъ XVIII в. — не общегородское собраніе, а спеціальный *посадскій* сходъ. Толкованіе воротынскаго наказа, предложенное г. Семеновымъ, опять таки не можетъ быть принято, такъ какъ оно основано на усвоенномъ авторомъ превратномъ пониманіи термина «по-

*) Ib. стр. 38, ср. стр. 47.

садскіе люди». Г. Семеновъ указываетъ далѣе на то, что въ городскихъ наказахъ встрѣчаются просьбы одинаковаго содержанія какъ въ интересахъ купцовъ, такъ и въ интересахъ дворянъ и разночинцевъ. Совершенно вѣрно. Но въ этихъ случаяхъ каждый чинъ испрашиваетъ себѣ одну и ту же льготу не для всего города, а только для себя, и если эти однородныя просьбы сталкиваются въ одномъ и томъ же наказѣ, то это обстоятельство объясняется своеобразными техническими пріемами составленія общегородскаго наказа, къ разсмотрѣнію которыхъ намъ и предстоитъ скоро обратиться. Мы вовсе не намѣрены утверждать, что «общегородскія теченія», какъ выражается г. Семеновъ, были совершенно чужды русскому обществу того времени. Нѣтъ, онѣ несомнѣнно существовали и высказывались, какъ личныя мнѣнія, нѣкоторыми отдѣльными лицами. Не даромъ же онѣ были усвоены Екатерининскимъ законодательствомъ. Ихъ отголоски звучатъ кое-гдѣ и въ депутатскихъ преніяхъ, въ рѣчахъ такихъ депутатовъ, какъ, напр., кн. Щербатовъ, и въ нѣкоторыхъ наказахъ, напримѣръ, въ такомъ исключительномъ наказѣ, какъ московскій. Но мы считаемъ ошибочнымъ видѣть въ этихъ теченіяхъ продуктъ предшествующей исторіи русскаго города и разсматривать ихъ, какъ общее стремленіе всего городского класса.

Изложенныя соображенія побуждаютъ насъ вернуться къ старымъ выводамъ Дитятина и Липинскаго. Для насъ несомнѣнно, что «обрядъ выборовъ» 1767 г. устанавливалъ принципъ всесословнаго городского представительства, и въ одинаковой степени несомнѣнно, что, устанавливая этотъ принципъ, «обрядъ» вступалъ въ коллизію съ историческими прецедентами.

II.

Итакъ, передъ нами остается во всей своей силѣ поставленный выше вопросъ: какимъ образомъ *всесословные* депутатскіе наказы отъ городовъ могли вырости изъ *посадскихъ* мірскихъ челобитій? Если задача письменнаго изложенія своихъ нуждъ не была для посадскихъ людей непривычной новостью, то безспорною новостью являлась необходимость впервые заняться этимъ дѣломъ совмѣстно съ прочими слоями городского

населенія, выбрать съ ними одного депутата и составить общій депутатскій наказъ. Разсматривая текстъ городскихъ наказовъ 1767 г., мы убѣждаемся, однако, что это осложненіе нисколько не помѣшало на практикѣ включить въ новые всесословные наказы старыя специально-посадскія мірскія челобитья. Произошло то, что не разъ случалось въ нашей исторіи. Жизненная практика, такъ сказать, перемалывала реформаторскія предначертанія правительственныхъ указовъ и регламентовъ. Постановленія, которыя, казалось, должны были открыть новую эру государственной жизни, нерѣдко превращались въ нарядныя личины, подъ покровомъ которыхъ продолжали послѣдовательно развертываться старинные процессы народной жизни. Смѣлое и новое стушевывалось въ практическомъ примѣненіи закона, а тѣ стороны закона, которыми онъ соприкасался съ исторической традиціей, понимаемыя односторонне и примѣняемыя изолированно отъ общаго смысла реформы, въ значительной мѣрѣ лишали всю реформу ея истиннаго значенія. Такъ случилось и съ «обрядомъ выборовъ». Въ нѣкоторыхъ, болѣе рѣдкихъ, случаяхъ на практикѣ былъ допущенъ даже и съ формальной стороны прямой обходъ закона. Игнорируя идею всесословности выборовъ, игнорируя постановленіе «обряда» о выборѣ отъ цѣлаго города *одного* депутата, нѣкоторые города остались вполнѣ вѣрны старинному началу дробимости городского населенія на рядъ замкнутыхъ въ себѣ группъ. Такъ, г. Астрахань избралъ въ комиссію не одного, а пять депутатовъ, которые и были снабжены пятью самостоятельными наказами. Были попытки установить средній путь. Такъ, Нѣжинъ выбралъ одного депутата, но этотъ депутатъ привезъ съ собой пять отдѣльныхъ и взаимно-противорѣчивыхъ по содержанію наказовъ; принципъ всесословности былъ примѣненъ къ депутатскому выбору, но не распространился на порядокъ выработки депутатскаго наказа.

Большинство городовъ съ формальной стороны въ точности выполнило предписаніе «обряда»: выбрало по одному депутату и составило по одному наказу. Но было бы крупной ошибкой предположить, что этимъ достигалось всесословное единеніе всѣхъ группъ городского населенія. Выработка общегородского наказа достигалась механической сшивкой въ одну тетрадь съ общей нумераціей статей нѣсколькихъ самостоятельныхъ наказовъ, составленныхъ отдѣльно и обыкновенно

проникнутыхъ духомъ сословной вражды и розни. Иногда эта спивка ясно отмѣчена даже внѣшнимъ образомъ, статьи наказа раздѣляются на группы отдѣльными заголовками. Такъ, Костромской наказъ дробится на группы: 1) ст. 1—19 подъ общемъ заголовкомъ «купечество», 2) ст. 20—21 подъ заголовкомъ «фабриканты», 3) ст. 22—23 подъ заголовкомъ «разночинцы». Точно также въ наказѣ отъ Углича встрѣчаемъ слѣдующіе заголовки: ст. 1—12: «отъ бѣлаго духовенства съ причтомъ», ст. 13—44: «отъ углицкаго купечества», ст. 45—49: «отъ содержателей фабрикъ», ст. 50—56: «отъ городскихъ приказныхъ служителей и разночинцевъ», наконецъ, ст. 57—61: «отъ ямщиковъ». Но и при отсутствіи такой рубрикаціи нѣтъ никакого труда различить искусственно соединенныя части общегородскихъ наказовъ. Просмотрите серпуховскій наказъ. Тамъ и при отсутствіи спеціальныхъ надписаній какъ нельзя отчетливѣе выдѣляется втиснутый между статьями посадскаго наказа спеціальный наказъ отъ серпуховскихъ слободъ. Дробленіе шло и дальше. Тульская оружейная слобода составила свой наказъ, особый отъ тульскаго наказа. Но среди его статей мы въ свою очередь вскрываемъ особый наказъ гончарной слободы. Гончарная слобода примыкала къ оружейной: жители обѣихъ слободъ составляли одну группу «оружейнаго дѣла мастеровыхъ людей». Но, примкнувъ къ оружейной слободѣ при составленіи наказа, жители гончарной слободы все же составили свою часть наказа самостоятельно. Составленныя ими четыре статьи (см. 35—39) представляютъ собой какъ бы отдѣльный вставной наказикъ, и по внѣшности отличающійся отъ остального текста: такъ всѣ другія статьи этого наказа снабжены каждая своимъ заглавіемъ, тогда какъ статьи 35—39, касающіяся нуждъ гончарной слободы, вставлены безъ всякихъ надписаній.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что всѣ эти частные наказы вырабатывались *обособленно* и уже въ готовомъ видѣ вносились въ общій наказъ. Передъ 19 статьей серпуховскаго наказа, излагающей заявленія жителей Казенной слободы г. Серпухова, есть помѣта: «отъ старосты Ивана Замошникова *со всѣми той слободы жителями*». Ясно, что эта часть общаго серпуховского наказа выработана на особомъ *слободскомъ* сходѣ подъ предсѣдательствомъ слободского старосты и уже въ готовомъ видѣ сдана въ мѣстную редакціонную пятичленную

комиссію. — Самое содержаніе статей обнаруживаетъ именно такой ходъ составленія общаго наказа враздробь, по тѣмъ отдѣльнымъ группамъ, на которыя распадалось городское населеніе. Въ разныхъ частяхъ одного и того же наказа часто находимъ повтореніе одинаковыхъ заявленій — естественный результатъ того, что каждая группа городского населенія составила свои заявленія особо, а не совмѣстно. Сравни, напр., статьи 19 и 3 серпуховского наказа, заключающія въ себѣ дважды повторенную просьбу относительно облегченія постойной повинности: въ ст. 3 эта просьба заявлена отъ имени посадскихъ, въ ст. 19 отъ имени слобожанъ. Еще осязательнѣе другой признакъ: не менѣе часто различныя статьи одного и того же наказа рѣзко полемизируютъ другъ съ другомъ, выставляя требованія, взаимно противоположныя и выражающія антагонистическіе интересы различныхъ группъ городского населенія. По всѣмъ этимъ признакамъ не трудно расшить каждый наказъ на его первоначальныя составныя части. Гораздо труднѣе представить себѣ положеніе депутата, вооруженнаго такимъ пестрымъ и полнымъ противорѣчій полномочіемъ.

Такъ извратился въ практическомъ примѣненіи принципъ всесословности, предписанный обрядомъ, какъ для выборовъ городского депутата, такъ и для выработки городского наказа. Совмѣстность работы различныхъ группъ городского населенія надъ выясненіемъ общихъ нуждъ осуществилась буквально только на бумагѣ, въ формѣ соединенія въ одну тетрадку предварительно выработанныхъ особо пунктовъ *). Торжественно провозглашенное Екатериной объединеніе всего города въ одно всесословное общество, и въ переносномъ и въ прямомъ смыслѣ, оказалось сшитымъ бѣлыми нитками.

Это-то обстоятельство и дало возможность посадскимъ общинамъ, не смущаясь предписаннымъ сотрудничествомъ чуждыхъ имъ элементовъ городского населенія, цѣликомъ

---

*) Въ веневскомъ наказѣ находимъ любопытный намекъ на то, какъ привыкшія къ замкнутости посадскія общины далеки были отъ расширенія понятія городского общества на всѣ слои городского населенія. Статьи наказа дѣлятся на двѣ группы: первая озаглавлена: «пункты о приказныхъ служителяхъ и военныхъ служилыхъ людяхъ», а вторая: «пункты, подлежащіе до купечества, *общественные*».

пересадить въ депутатскіе наказы свои старыя посадскія челобитья.

Изложенныя наблюденія приводятъ къ тому заключенію, что составленіе городскихъ депутатскихъ наказовъ 1767 г. осуществилось на почвѣ старыхъ, всѣмъ хорошо привычныхъ и долго уже практиковавшихся пріемовъ. Вотъ почему при составленіи этихъ наказовъ городскимъ обществамъ просто не было надобности прибѣгать къ механическому заимствованію иногороднихъ текстовъ. Матеріалы для составленія самостоятельнаго наказа, провѣренные самой жизнью, давно были готовы и лежали подъ рукой, въ архивѣ мѣстнаго магистрата, для немедленнаго представленія по начальству по первой надобности.

Теперь обратимся къ самимъ инкриминируемымъ текстамъ и посмотримъ, въ какихъ формахъ выразилось сходство отдѣльныхъ наказовъ. Прежде всего нельзя не замѣтить, что на ряду съ частымъ совпаденіемъ текстовъ чрезъ литературу наказовъ столь же рѣзко проходитъ и другая отличительная черта: тѣсная связь каждаго отдѣльнаго наказа съ *мѣстными* бытовыми условіями. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эта связь устанавливается документально самымъ текстомъ наказа. Вотъ, напримѣръ, боровскій наказъ. Въ немъ всего пять статей. Это — статьи, повторяющіяся во многихъ другихъ наказахъ — объ отмѣнѣ баннаго сбора, о переложеніи на деньги рекрутской повинности, о посадскомъ управленіи. Не нужно, однако, долго вчитываться въ боровскій наказъ, чтобы замѣтить, какъ несправедливо было бы заподозрѣть боровчанъ въ механическомъ копированіи чужихъ наказовъ. Заимствованіе было произведено, очевидно, на основаніи сознательной оцѣнки мѣстныхъ боровскихъ условій. Въ томъ же наказѣ находимъ сообщенія о характерныхъ и важныхъ подробностяхъ мѣстной жизни. Наказъ открывается подробной исторіей боровскаго городского выгона съ обстоятельнымъ изложеніемъ поземельныхъ споровъ города съ окрестнымъ населеніемъ, со ссылками на оправдательные документы. Далѣе идетъ не менѣе пространная повѣсть о получающихся для города отягощеніяхъ отъ постоя Тенгинскаго пѣхотнаго полка. Въ иныхъ случаяхъ эта тѣсная связь наказовъ съ фактами текущей *мѣстной* жизни даже переходитъ законныя границы. Въ наказы попадаютъ обрывки личныхъ тяжбъ, и депутатъ

по смыслу этихъ заявленій превращается изъ представителя общественныхъ интересовъ въ частнаго ходатая по дѣламъ. Такъ, напр., въ кашинскомъ наказѣ, среди ряда заявленій общаго характера, встрѣчаемъ статью (30), все содержаніе которой исчерпывается просьбой двухъ ямщиковъ Неклюдовыхъ объ отписаніи ихъ отъ углицкаго яма и зачисленіи въ кашинское купечество. Это одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые разрѣшались городовыми магистратами въ порядкѣ обычнаго дѣлопроизводства и обыкновенно не восходили выше главнаго магистрата. Включеніе такого частнаго ходатайства въ депутатскій наказъ свидѣтельствуетъ, конечно, о недостаточной подготовкѣ общества къ различенію законодательной нормы отъ административнаго распоряженія на основаніи существующихъ узаконеній, но оно свидѣтельствуетъ также и о томъ, что наказы вбирали въ себя текущую мѣстную жизнь со всѣми ея мелкими перипетіями. Сличая наказы одной и той же редакціи, мы даже и въ совпадающихъ статьяхъ наслѣживаемъ иногда нѣкоторыя черты, документально указывающія на то, что заимствованіе чужегородняго текста не всегда свидѣтельствовало объ игнорированіи мѣстныхъ условій. Вотъ перемышльскій наказъ. Онъ списанъ съ воротынскаго. Нѣкоторыя статьи совпадаютъ дословно, нѣкоторыя едва различаются большей или меньшей распространенностью отдѣльныхъ фразъ. Здѣсь легко заподозрѣть съ перваго взгляда механическое копированіе. Но вотъ въ ст. 9-й перемышльскаго наказа открываемъ драгоцѣнную оговорку, бросающую совершенно иной свѣтъ на исторію его выработки. Эта статья воспроизводитъ дословно заявленіе 4 статьи воротынскаго наказа о необходимости дозволить профессіональнымъ хлѣботорговцамъ покупать въ торговые дни хлѣбъ на торгу въ теченіе всего торга, тогда какъ по существующему порядку профессіональные хлѣботорговцы могли приступать къ сдѣлкамъ лишь послѣ полудня, когда закончатъ свои покупки «разнаго званія люди». Воспроизводя это заявленіе, перемышльскій наказъ обронилъ въ поясненіе, что въ г. Перемышлѣ всего одинъ торговый день на недѣлѣ, при чемъ весь торгъ продолжается какъ разъ только до полудня, такъ что профессіональные хлѣботорговцы лишены всякой возможности когда бы то ни было производить на торгу необходимыя закупки. Вотъ чисто мѣстная особенность, заставившая соста-

вителей перемышльскаго наказа ухватиться за столь подходящую для нихъ соотвѣтствующую статью наказа воротынскаго. Заимствованіе вызвано здѣсь самостоятельной оцѣнкой мѣстныхъ условій. Возьмемъ еще примѣръ: алексинскій наказъ, за исключеніемъ немногихъ статей — воспроизведеніе тульскаго. Пятая статья тульскаго наказа касается одной своеобразной группы въ составѣ тульскаго купечества: бывшихъ тульскихъ оружейниковъ, сенатскимъ указомъ переведенныхъ въ купечество, но положенныхъ при этомъ въ двойной окладъ на томъ основаніи, что на первыхъ порахъ по переводѣ въ посадъ они были освобождены отъ гражданскихъ службъ и платежей за рекрутскій наборъ. Наказъ ходатайствуетъ о снятіи съ нихъ двойного оклада, такъ какъ съ теченіемъ времени они совершенно сравнялись съ прочимъ купечествомъ въ несеніи платежей и службъ и стали «обращаться по купеческому порядку». Пятая статья алексинскаго наказа содержитъ въ себѣ точно такую же просьбу, при чемъ совпаденіе статей обоихъ наказовъ прямо вызвано совпаденіемъ мѣстныхъ условій: въ составѣ алексинскаго купечества тоже оказались группы, обложенныя двойнымъ окладомъ, бывшіе казенные кузнецы, прежнихъ службъ служилые люди, дворцовые крестьяне, переведенные въ купечество изъ разныхъ слободъ. Характерно, что эти случайныя оговорки, указывающія на общность мѣстныхъ условій, встрѣчаются какъ разъ въ такихъ наказахъ, тексты которыхъ совпадаютъ почти по всѣмъ статьямъ. Очевидно, мы въ правѣ предполагать совпаденіе мѣстныхъ условій и при прочихъ статьяхъ совпадающихъ наказовъ. Сознательный характеръ допущенныхъ заимствованій выразился и въ томъ, что на ряду съ наказами-копіями мы встрѣчаемъ и наказы-компиляціи, собранныя по кусочкамъ изъ различныхъ другихъ наказовъ съ выборомъ изъ каждаго статей, наиболѣе подходящихъ къ мѣстнымъ условіямъ. Любопытенъ въ этомъ отношеніи верейскій наказъ. Въ немъ есть статьи несомнѣнно мѣстнаго происхожденія (1, 2, 12, 13) и на ряду съ этимъ мы находимъ въ немъ дословныя заимствованія изъ *нѣсколькихъ* другихъ наказовъ, напр., гжатскаго, малоярославскаго. Итакъ, въ литературѣ наказовъ можно выдѣлить, такъ сказать, стереотипныя, странствующія статьи, которыя включались въ различные самостоятельные наказы.

Я остановился на этихъ, быть можетъ, нѣсколько мелоч-

ныхъ наблюденіяхъ, такъ какъ они — думается мнѣ — раскрываютъ нѣкоторыя черты въ процессѣ составленія наказовъ. Эти наблюденія приводятъ къ двумъ выводамъ. — Во-первыхъ, составители наказовъ исходили прежде всего изъ мѣстныхъ потребностей и нуждъ. Во-вторыхъ, посадскія общества пользовались при составленіи наказовъ широкой взаимопомощью, но эта взаимопомощь отнюдь не сводилась къ механическому списыванію чужихъ текстовъ. Источникъ и характеръ этой взаимопомощи вскроется передъ нами, если мы снова обратимся къ условіямъ обыденной, будничной жизни посадскихъ общинъ, въ которой слагались и крѣпли основныя особенности посадскаго быта. Только принявъ во вниманіе эти подробности обыденнаго строя посадской жизни, мы получимъ возможность понять дѣятельность посадскихъ общинъ и въ торжественный моментъ созванія Екатерининской комиссіи.

Взаимное текстуальное сходство занимающихъ насъ наказовъ унаслѣдовано ими отъ тѣхъ же старыхъ посадскихъ мірскихъ челобитій, которыя легли въ основу ихъ текста. Стереотипные тексты этихъ челобитій сами отмѣчены такою же взаимной близостью, возникшей не на почвѣ плагіата, а на почвѣ исторически выработаннаго навыка къ коллективному обсужденію посадскихъ нуждъ представителями различныхъ посадскихъ общинъ. Здѣсь мы должны обратить вниманіе еще на одно любопытное явленіе посадской жизни, показывающее, что совмѣстная разработка важнѣйшихъ вопросовъ посадской жизни представителями различныхъ посадовъ опять-таки была для посадовъ Екатерининской эпохи не новостью, а старинной и всѣмъ привычной «пошлиной». Я разумѣю *междупосадскіе съѣзды.* Дѣлопроизводство магистратскихъ учрежденій XVIII столѣтія открываетъ не мало данныхъ о такихъ съѣздахъ и о программахъ ихъ дѣятельности. Уже г. Латкинымъ были отмѣчены провинціальные съѣзды посадскихъ представителей, имѣвшіе мѣсто за шесть лѣтъ до Екатерининской комиссіи для выборовъ депутатовъ въ Елизаветинскую законодательную комиссію 1761 г. Сенатскимъ указомъ 29 сентября 1761 г. было поставлено выслать въ эту комиссію для слушанія проекта новаго уложенія изъ каждой провинціи по 2 дворянина и по одному купцу. Для выбора дворянскихъ представителей указомъ прямо предписывалось созывать провинціальные избирательные дворян-

скіе съѣзды; относительно купеческихъ депутатовъ говорилось глухо: «купцовъ же выбирать всему тѣхъ городовъ купечеству *и выслать магистратамъ*» *). Какъ видно изъ данныхъ, опубликованныхъ г. Латкинымъ, для выбора купеческихъ депутатовъ тоже были организованы избирательные съѣзды: въ провинціальный городъ съѣзжались представители, выбранные посадскими общинами приписныхъ городовъ и снабженные отъ своихъ избирателей спеціальными полномочіями. На такомъ провинціальномъ съѣздѣ и избирался затѣмъ депутатъ отъ всей провинціи **). Съѣзды 1761 г. не были исключительнымъ явленіемъ. Магистратское дѣлопроизводство полно указаній на то, что междупосадскіе съѣзды практиковались постоянно въ теченіе XVIII столѣтія по иниціативѣ самихъ магистратовъ. Мы встрѣчаемъ среди нихъ съѣзды погубернскіе, провинціальные и даже всероссійскіе. На этихъ-то съѣздахъ и вырабатывались нерѣдко тексты мірскихъ челобитій о нуждахъ посадскаго населенія. Приведу примѣры. Въ 1747 г. бѣлогородскій губернскій магистратъ разослалъ указы во всѣ провинціальные и городовые магистраты Бѣлогородской губерніи съ предписаніемъ, чтобы изъ всѣхъ тѣхъ магистратовъ и ратушъ были высланы въ Бѣлгородъ по одному члену «для сочиненія обще съ бѣлогородскимъ магистратомъ *къ пользѣ купеческой нѣкотораго мнѣнія*», т.-е. для составленія мірского челобитія о посадскихъ нуждахъ ***). На созывъ даннаго съѣзда не было издано какого-либо спеціальнаго предписанія со стороны сената или даже главнаго магистрата; при наличности такого предписанія бѣлогородскій магистратъ по правиламъ тогдашняго дѣлопроизводства непремѣнно привелъ бы его in extenso въ началѣ своего указа. Ясно, что губернскій бѣлогородскій магистратъ дѣйствуетъ въ данномъ случаѣ по собственной иниціативѣ, опираясь на установленный практикой обычай. Образцы тѣхъ вопросовъ, которые были обсуждаемы на подобныхъ съѣздахъ, довольно обстоятельно сгруппированы въ другомъ дѣлѣ. 23-го февраля 1754 г. псковскій бургомистръ Трубинскій подалъ въ псковскій провинціальный магистратъ любопытное пред-

---

*) П. С. З. т. XV, № 11.335.

**) Латкинъ, стр. 103. 106—7, 109, 111. Ср. Приложенія стр. 550—595.

***) Арх. Мин. Юст. Дѣла орловск. маг., вязка I, № 34.

ложеніе. «Довольно магистрату извѣстно есть — говорилось въ этомъ предложеніи — въ какое отъ непорядочнаго въ Псковѣ купечества производжденія и отъ нераспредѣленія на гильдіи и отъ необученія гулякъ малолѣтнихъ мастерству и отъ прочихъ непорядковъ... псковское купечество пришло въ всекрайнее разореніе и убожество, что едва нынѣ во всемъ Псковѣ можно ли обрѣсти до пяти домовъ, имѣющихъ свой хорошій капиталъ». Какъ видно изъ того же доношенія Трубинскаго, псковскій магистратъ уже ранѣе озабочивался всѣми этими нестроеніями и доносилъ о нихъ главному магистрату не получая, однако, на свои доношенія никакого отвѣта. Теперь Трубинскій намѣчаетъ слѣдующій планъ дѣйствій: онъ предлагаетъ просить у главнаго магистрата командировать въ Псковъ авторитетное и особо уполномоченное лицо для проведенія необходимыхъ мѣропріятій, а, между тѣмъ, ко времени пріѣзда этого лица отобрать у купцовъ письменныя мнѣнія о «добрыхъ распорядкахъ», которые желательно было бы ввести. Эти письменныя мнѣнія должны быть выработаны на сотенныхъ сходахъ главныхъ и среднихъ купцовъ. Псковскій магистратъ составилъ и программу вопросовъ, подлежащихъ обсужденію посадскаго схода, программу, разработанную очень подробно и серьезно. Она касалась: 1) реорганизаціи магистратскаго дѣлопроизводства. Здѣсь предлагалось распредѣлить различныя категоріи дѣлъ между отдѣльными членами магистратскаго присутствія. Цѣль этого предложенія заключалась, какъ видно, въ желаніи дать толчокъ тѣмъ сторонамъ въ дѣятельности магистрата, которыя непосредственно соприкасались съ внутренними интересами посадскаго общества и которыя обыкновенно отступали на задній планъ передъ выполненіемъ различныхъ казенныхъ порученій. Теперь предлагалось, чтобы одинъ изъ магистратскихъ членовъ вѣдалъ спеціально «охраненіе купечества отъ обидъ и заботу объ улучшеніи коммерціи», другому надлежало имѣть спеціальное «попеченіе» о мастеровыхъ и цеховыхъ людяхъ, третьему предназначалась городская полиція, и т. д. То же стремленіе направить заботы магистрата на внутреннія нужды общества внушило и еще одно замѣчательное предложеніе: предлагалось озаботиться, чтобы 18, 19, 20 и 21 главы магистратскаго регламента, трактующія о заведеніи на городскія средства школъ, госпиталей, сиропитательныхъ домовъ

и т. п., не оставались одной мертвой буквой, а переходили и въ жизнь, и съ этой цѣлью проектировалось возбудить ходатайство о возвращеніи отобранныхъ въ казну приборныхъ городскихъ сборовъ; 2) точнаго регулированія посадскаго обложенія: предполагалось установить для всѣхъ сборовъ государственныхъ и гражданскихъ непремѣнные оклады; 3) законодательнаго нормированія правъ и взаимныхъ отношеній различныхъ слоевъ посадскаго населенія: здѣсь предлагалось присвоить каждой гильдіи право на торговлю лишь опредѣленными товарами, предлагались мѣры къ поддержанію нижняго или «подлаго» купечества противъ непосильной для него конкурренціи какъ со стороны первостатейныхъ купцовъ, такъ и со стороны торгующаго крестьянства *).

Здѣсь не мѣсто входить въ анализъ этой любопытной программы, но и приведенныя указанія на ея содержаніе достаточно свидѣтельствуютъ о томъ, какъ широко и серьезно ставилось иногда на посадскихъ сходахъ обсужденіе желательныхъ преобразованій посадскаго быта. Любопытно отмѣтить, между прочимъ, что въ этой программѣ псковскаго магистрата, составленный за десять лѣтъ до созванія Екатерининской коммиссіи, мы встрѣчаемъ нѣкоторыя идеи, повторяющіяся затѣмъ въ знаменитомъ наказѣ города Архангельска **). Упомянутый наказъ, какъ извѣстно, рѣзко выдѣляется среди прочихъ наказовъ систематичностью плана и литературностью изложенія, что объясняется тѣмъ, что его составителемъ былъ извѣстный своими литературными наклонностями Александръ Ѳоминъ. Однако, идеи, выраженныя въ наказѣ, не слѣдуетъ принимать исключительно за личное достояніе автора. Поручивъ редактированіе наказа мѣстному литератору, посадское общество Архангельска не устранилось отъ участія въ этой работѣ, и отмѣченное только что сближеніе лишь подкрѣпляетъ и безъ того авторитетное свидѣтельство Крестинина объ этомъ участіи. Идеи, выраженныя въ архангельскомъ наказѣ и отлитыя здѣсь въ болѣе искусную форму, чѣмъ это дѣлалось обычно, давно уже обращались въ сознаніи посадскаго населенія.

---

*) Арх. Мин. Юст. Дѣла главн. маг. вязка XXXV, № 34.

**) Ср. г. Латкинъ, «Наказъ города Архангельска». «Юридич. Вѣстн.» 1886, № 11.

Теперь мы можемъ яснѣе представить себѣ, какой смыслъ могло имѣть выраженіе указа бѣлогородскаго магистрата: «сочиненіе къ пользѣ купеческой нѣкотораго мнѣнія». Въ Псковѣ выработка мірского челобитья о нуждахъ общественныхъ вручается сходу псковскаго посада; бѣлогородскій магистратъ организуетъ для подобной же цѣли погубернскій съѣздъ представителей всѣхъ посадовъ данной губерніи. Наряду съ губернскими съѣздами мы встрѣчаемъ документальныя свидѣтельства о съѣздахъ провинціальныхъ. Выбираемъ для примѣра на этотъ разъ такой случай, когда созывъ съѣзда былъ вызванъ спеціальнымъ предписаніемъ высшаго установленія. Въ 1739 г. возникъ вопросъ о порядкѣ содержанія пробирнаго мастера Авилова, назначеннаго въ Сѣвскую провинцію. Монетная канцелярія затребовала общаго мнѣнія воеводскихъ канцелярій и купечества Сѣвской провинціи о томъ, на какую сумму и на чей коштъ можно было бы содержать этого мастера. Въ силу этого распоряженія въ маѣ 1740 г. въ Сѣвскъ съѣхались купеческіе депутаты, выбранные на этотъ случай отъ всѣхъ городовъ Сѣвской провинціи. Постановленіе съѣзда сводилось къ тому, чтобы въ теченіе двухъ лѣтъ — 1740 и 1741 гг. содержать Авилова коштомъ всего купечества провинціи, собирая на этотъ предметъ съ написанныхъ въ Сѣвскѣ и приписанныхъ къ Сѣвску въ городахъ въ посады и въ цехи по 1 коп., по $^3/_4$ и $^1/_8$ доли коп. съ души; по прошествіи же двухъ лѣтъ выдавать Авилову жалованье изъ собираемыхъ имъ денегъ съ клейменія золотыхъ и серебряныхъ товаровъ или изъ другихъ неположенныхъ въ штатъ доходовъ по разсмотрѣнію монетной канцеляріи, смотря по его искусству. Въ теченіе двухъ лѣтъ постановленіе съѣзда, получившее утвержденіе, было приводимо въ исполненіе, но затѣмъ, по указу сената, этотъ вопросъ вновь былъ подвергнутъ разсмотрѣнію такого же провинціальнаго съѣзда посадскихъ депутатовъ. О работахъ этого второго съѣзда въ нашемъ документѣ свѣдѣній не имѣется *). Наконецъ, въ XVIII столѣтіи оказывались возможными и *всероссійскіе* съѣзды посадскихъ депутатовъ. Я могу указать на одинъ такой съѣздъ, относящійся къ первой четверти вѣка, собиравшійся въ Москвѣ въ связи съ выработкой инструкціи только что учре-

*) Арх. Мин. Юст. Дѣла Главн. маг., вязка XV, № 96.

жденнымъ тогда городовымъ магистратамъ и, если не ошибаюсь, до сихъ поръ еще не отмѣченный въ литературѣ. Соловьевъ*) и Дитятинъ**) подробно изложили намъ исторію введенія магистратскихъ учрежденій на основаніи указовъ самого Петра и протоколовъ сената. Получилась яркая картина энергичныхъ усилій правительства ускорить проведеніе реформы, разбивавшихся о неподатливый индиферентизмъ общества. Въ 1720 г. въ февралѣ учреждается главный магистратъ на обязанность котораго возлагается «учинить форму правленія магистратскаго» и прежде всего составить инструкцію городовымъ магистратамъ. Эта работа затянулась настолько, что еще въ 1722 г. царь, въ исполненномъ негодованія указѣ, побуждаетъ главный магистратъ къ ея окончанію въ пятимѣсячный срокъ, грозя оберъ-президенту главнаго магистрата и его товарищу каторжной работой. И все-таки инструкція поспѣла не ранѣе, какъ къ концу 1724 года! — Названные ученые имѣли въ своемъ распоряженіи, какъ уже замѣчено, лишь побудительные указы царя, рисующіе медлительность главнаго магистрата, но не объясняющіе причинъ этой медлительности. Документы главнаго магистрата даютъ намъ возможность выслушать и другую сторону, представляя въ иномъ свѣтѣ исторію выработки инструкціи городовымъ магистратамъ. Оказывается, что въ то самое время, когда изъ Петербурга въ Москву летѣли царскія угрозы главному магистрату каторгой за его бездѣятельность, главный магистратъ не только не сидѣлъ, сложа руки, но по собственной иниціативѣ далъ всему дѣлу новую постановку, не предусмотрѣнную царемъ. Не въ «канцелярской тиши» вырабатывалъ главный магистратъ «регулы» для городовыхъ магистратовъ, какъ предположилъ Дитятинъ. Царь требовалъ быстраго изготовленія законопроекта обычнымъ канцелярскимъ порядкомъ. А главный магистратъ созвалъ въ Москвѣ всероссійскій съѣздъ посадскихъ депутатовъ, на обсужденіе котораго и былъ предложенъ проектъ инструкціи, составленный въ главномъ магистратѣ. Съѣздъ былъ созванъ въ августѣ 1722 г., но занятія его затянулись въ виду того, что депутаты, приступивъ къ разсмотрѣнію проекта, къ различнымъ исправленіямъ и до-

*) Ист. Россіи, т. XVIII, столб. 789. Изд. тов. Общ. пользы.

**) Уст. и управл. городовъ въ Россіи, т. I, стран. 205—206.

бавленіямъ, сочли недостаточными свои полномочія и отказались дать свои заключенія «безъ совѣту съ ратушами и прочими гражданами своихъ городовъ». По требованію депутатовъ проектъ былъ разосланъ по городамъ, и такъ какъ отвѣты посадскихъ обществъ получались очень медленно, то главный магистратъ и не могъ своевременно внести инструкцію на апробацію сената*).

Итакъ, съѣзды посадскихъ депутатовъ собираются постоянно на пространствѣ всего столѣтія. Они созываются то по спеціальному предписанію высшихъ установленій, то по собственной инпціативѣ мѣстныхъ магистратовъ. Въ первомъ случаѣ они вырабатываютъ свои заключенія по запросамъ высшихъ правительственныхъ мѣстъ, во второмъ случаѣ предметомъ ихъ дѣятельности является совмѣстное составленіе челобитій о мірскихъ нуждахъ.

Резюмируемъ предшествующее изложеніе. — Текстуальное сходство многихъ городскихъ наказовъ 1767 г. объясняется въ значительной мѣрѣ текстуальнымъ сходствомъ ихъ источника: мірскихъ посадскихъ челобитій, которое въ свою очередь образовалось не на почвѣ плагіата, а на почвѣ совмѣстной разработки насущныхъ вопросовъ посадской жизни представителями различныхъ посадскихъ общинъ. Этотъ выводъ можетъ содѣйствовать поднятію въ нашихъ глазахъ цѣнности городскихъ наказовъ 1767 г., какъ историческаго источника. Близость ихъ текстовъ свидѣтельствуетъ лишь о тѣсной общности основныхъ нуждъ всѣхъ посадскихъ общинъ того времени. Отразивъ на себѣ нѣкоторыя индивидуальныя особенности отдѣльныхъ посадовъ, эти наказы въ еще большей мѣрѣ выразили общія нужды и стремленія всей тогдашней торгово-промышленной Россіи.

---

*) Арх. Мин. Юст. Дѣла Гл. маг., вязка IV, № 29.

Посадская община въ Россіи XVIII столѣтія.

Въ исторіи городского самоуправленія въ Россіи представляетъ нѣкоторый особенный интересъ періодъ, протекшій отъ муниципальной реформы Петра I до изданія городового положенія Екатерины II. За этотъ періодъ городское управленіе становится полемъ взаимнаго столкновенія глубоко-архаическихъ условій городской жизни съ правительственными попытками двинуть городскую жизнь на новые пути по западно-европейскимъ образцамъ. Магистратскій регламентъ Петра I разсматриваетъ русскій городъ, какъ культурный центръ, какъ разсадникъ торговопромышленнаго прогресса, просвѣщенія и благоустройства и, соотвѣтственно этому, надѣляетъ городъ правами и органами самоуправленія въ видѣ системы магистратскихъ учрежденій. Эти мечты преобразователя, несомнѣнно, опережали русскую дѣйствительность того времени. Конечно, въ теченіе XVIII ст. обороты внутренней и внѣшней торговли Россіи и концентрація промышленности дѣлали несомнѣнные успѣхи сравнительно съ эпохою московскаго царства. Но, несмотря на эти успѣхи, имперія XVIII ст. все же оставалась по преимуществу страной натуральнаго хозяйства и мелкой домашней промышленности. Это обнаруживается въ цѣломъ рядѣ явленій: въ области внѣшней торговли — въ преимущественномъ вывозѣ сырья и преимущественномъ привозѣ фабрикатовъ, въ пассивной роли, которая выпадала на долю русскаго купечества въ оборотахъ внѣшней торговли, въ полной зависимости этого купечества отъ иностранныхъ посредниковъ. Въ области внутренней торговли—въ разобщенности внутреннихъ рынковъ, въ преобладаніи ярмарочной торговли, въ хаотической пестротѣ

торговыхъ цѣнъ по сосѣднимъ районамъ и въ рѣзкихъ и капризныхъ колебаніяхъ этихъ цѣнъ по смежнымъ годамъ. Въ области промышленности — въ рѣшительномъ преобладаніи крестьянской кустарной промышленности надъ начальными опытами фабричныхъ предпріятій. Во многихъ и притомъ весьма важныхъ отрасляхъ промышленности фабричное производство возникаетъ впервые лишь въ первой половинѣ XVIII ст., а въ нѣкоторыхъ отрасляхъ — не ранѣе второй половины этого столѣтія.

Соотвѣтственно съ указаннымъ направленіемъ народнаго хозяйства и городъ въ XVIII ст. не могъ стать специфическимъ центромъ торговли и промышленности. Городской рынокъ глохнулъ подъ давленіемъ конкуренціи мелкихъ уѣздныхъ торжковъ, купеческая фабрика быстро уступала преобладающее мѣсто фабрикѣ дворянской. Не располагая достаточными рессурсами для экономической самозащиты, городское купечество стремилось укрыться подъ охрану государственной регламентаціи народнохозяйственныхъ отношеній, домогалось установленія монополизаціи въ его рукахъ торговъ и промысловъ законодательнымъ порядкомъ. Кое въ чемъ правительство старалось помочь ему такого рода распоряженіями. Но то была помощь въ достаточной мѣрѣ эфемерная, и искусственно воздвигнутыя привилегіи и монополіи плохо сдерживали напоръ жизненныхъ условій.

Сплетеніе этихъ жизненныхъ условій складывалось неблагопріятно для развитія городской культуры въ Россіи XVIII ст., и городъ того времени представлялъ собою хрупкій, экономически слабый организмъ, не имѣвшій подъ собою питательной почвы. На бумагѣ въ законодательныхъ предначертаніяхъ городъ вступалъ въ періодъ пышнаго расцвѣта. Въ дѣйствительности онъ еще не выступилъ изъ зачаточнаго періода своего развитія. *Власть* налагала на городъ извѣстныя требованія и обязанности, исходя изъ представленія о его полной жизнеспособности. *Жизнь* представляла городскому населенію слишкомъ немного рессурсовъ для выполненія этихъ требованій и обязательствъ. Какъ же отражался этотъ конфликтъ между запросами власти и данными жизни на фактическомъ состояніи городской общины того времени? Освѣщенію этого вопроса посвящена моя книга, озаглавленная одинаково съ настоящей статьей и основанная на изученіи архивныхъ

дѣлъ старыхъ магистратскихъ учрежденій *). Знакомство съ названными документами даетъ возможность очертить состояніе городской общины за интересующій меня періодъ съ трехъ сторонъ: 1) со стороны ея соціальнаго состава, 2) со стороны возложеннаго на нее государственнаго тягла и 3) со стороны развивавшагося въ ея рамкахъ общественнаго самоуправленія.

Въ виду того, что въ моей книгѣ мнѣ не пришлось изложить результатовъ своихъ изысканій въ достаточно сжатой, и подходящей для неспеціалистовъ формѣ, я рѣшаюсь предложить вниманію читателей настоящій краткій обзоръ тѣхъ главнѣйшихъ положеній, къ которымъ меня привели наблюденія надъ архивнымъ матеріаломъ *въ трехъ вышеуказанныхъ* направленіяхъ.

Въ имперіи XVIII в. такъ же, какъ и въ московскомъ царствѣ, городская община являлась *посадской* общиной, т.-е., не обнимая всей совокупности городского населенія, включала въ себя лишь тяглецовъ, жившихъ на посадѣ и отправлявшихъ спеціальное посадское тягло. Личный составъ этой посадской общины опредѣлялся двумя основными началами: 1) наслѣдственностью посадскаго состоянія и 2) профессіональнымъ характеромъ посадскаго тягла. Примѣненіе этихъ двухъ началъ, какъ сейчасъ увидимъ, нерѣдко шло, такъ сказать, наперерѣзъ другъ другу. Профессіональный характеръ посадскаго тягла получалъ двоякое выраженіе: 1) онъ выражался въ томъ, что всѣмъ, не вложившимся въ посадское тягло, запрещалось имѣть торговлю и промыслы въ предѣлахъ посада и 2) въ томъ, что для вступленія въ посадскую общину со стороны требовалась наличность у вступающаго лица торга и промысла установленнаго размѣра. По узаконеніямъ Петра I вступленіе въ посадское тягло разсматривалось какъ *право* непосадскихъ торговцевъ, которымъ они могли пользоваться по своей доброй волѣ. По узаконеніямъ Елизаветы, когда свобода уѣзднаго торга была уничтожена, уѣзднымъ торговцамъ, не желающимъ прекратить торгъ, было уже вмѣнено *въ обязанность* приписываться къ какой-либо посадской общинѣ. Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ вступленіе въ посадскую общину одинаково обуслов-

*) Посадская община въ Россіи XVIII ст. М. 1903 г.

ливалось наличностью торгово-промышленнаго капитала установленнаго размѣра.

Послѣдовательное примѣненіе начала профессіональнаго характера посадскаго тягла требовало бы также и обязательнаго выключенія изъ состава посадской общины тѣхъ ея членовъ, которые въ силу какихъ-либо обстоятельствъ отбились отъ торговъ и промысловъ. Но въ этомъ случаѣ выступало противодѣйствующее начало наслѣдственности и безвыходности посадскаго состоянія *). Дѣйствіями этихъ началъ объяснялось прикрѣпленіе къ общинному посадскому тяглу и такихъ элементовъ населенія, которые уже утрачивали всякую связь съ торговопромышленною дѣятельностью на посадѣ, а такъ какъ экономическая дѣйствительность того времени не благопріятствовала крѣпости и устойчивости торговопромышленныхъ предпріятій, то мы и не будемъ удивлены, встрѣтивъ въ составѣ посадской общины изучаемой эпохи значительный контингентъ лицъ, не имѣвшихъ ни торговъ, ни промысловъ, жившихъ огородничествомъ, земленашествомъ и наемною черной работою.

Минуя разобранные въ моей книгѣ вопросы о порядкѣ зачисленія въ посадскую общину новыхъ членовъ и о порядкѣ перемѣщенія посадскихъ тяглецовъ изъ одной общины въ другую, я прямо отмѣчу въ связи съ только что сказаннымъ господствующія черты соціальной физіономіи типичной посадской общины XVIII ст.

Магистратскій регламентъ Петра Великаго установилъ слѣдующее расчлененіе городского населенія: 1) городскіе обыватели «кромѣ посадскихъ»: шляхетство, духовенство, иностранцы, 2) регулярное гражданство, раздѣлявшееся на первую и вторую гильдіи, между которыми граждане распредѣлялись по различію *профессій*, а не по *размѣрамъ* животовъ и промысловъ, какъ это было при старомъ дѣленіи посадскихъ людей на *статьи* и 3) «подлые люди», не принадлежавшіе къ регулярнымъ гражданамъ, но тоже «счислявшіеся съ гражданствомъ» и состоявшіе подъ вѣдѣніемъ магистратскихъ учрежденій.

Это дѣленіе, установленное регламентомъ главнаго маги-

---

*) Случаи выхода изъ посадскаго состоянія, разсмотрѣнные въ моей книгѣ, всѣ имѣютъ эпизодическій характеръ.

страта, въ дѣйствительности не было примѣнено, и еще при Петрѣ подверглось существеннымъ измѣненіямъ. Двѣ гильдіи были замѣнены тремя уже въ 20-хъ годахъ XVIII ст., при чемъ на практикѣ дѣленіе на гильдіи совершенно совпало съ старымъ дѣленіемъ на три статьи, т.-е. по гильдіямъ стало распредѣляться городское купечество не по *видамъ* ихъ торговой дѣятельности, а по *размѣрамъ* ихъ животовъ и промысловъ. Ремесленники городскіе, отнесенные магистратскимъ регламентомъ къ 2-й гильдіи, составили особый разрядъ *цеховыхъ*, учрежденный въ 20-хъ же годахъ XVIII ст. Такимъ образомъ въ концѣ-концовъ установилось раздѣленіе на слѣдующіе разряды посадскаго населенія, совпавшее и съ раздѣленіемъ на экономическія группы, входившія въ составъ этого населенія: 1) посадское купечество трехъ гильдій или статей, 2) цеховые ремесленники и 3) подлые люди, т.-е. огородники и чернорабочіе.

Статистическія наблюденія, которыя оказалось возможнымъ сдѣлать на основаніи разработаннаго мною матеріала, приводятъ къ заключенію, что посадская община XVIII ст. не была по своей бытовой соціальной физіономіи не только исключительно, но даже и преимущественно торговой, купеческой общиной; купцы, имѣвшіе торги къ портамъ и пограничнымъ таможнямъ, вмѣстѣ съ купцами, имѣвшими лавочные торги въ своемъ городѣ, — составляли менѣе половины посадскаго населенія по всей Россіи, а нѣсколько болѣе половины его (около 58%) состояло изъ ремесленниковъ, огородниковъ и чернорабочихъ. Затѣмъ въ составѣ самого гильдейскаго купечества замѣчалось весьма рѣзкое численное преобладаніе низшей гильдіи надъ второй и особенно первой гильдіями. Такимъ образомъ типичная посадская община XVIII ст. — небольшая пирамидка съ широкимъ основаніемъ въ видѣ «подлаго» гражданства и съ очень тонкой верхушкой въ видѣ малочисленной группы первостепенныхъ купцовъ.

Таковы главнѣйшія заключенія, къ которымъ я пришелъ въ результатѣ первой части своего изслѣдованія. Затѣмъ я поставилъ себѣ задачей прослѣдить, какую роль играли названные разряды посадскаго поселенія: 1) въ организаціи посадскаго общиннаго тягла и 2) въ организаціи посадскаго общиннаго самоуправленія.

Посадское тягло состояло изъ *службъ* и *податныхъ платежей*.

Вторая часть моей книги заключаетъ въ себѣ анализъ посадскихъ *службъ*, третья часть — анализъ посадскихъ *платежей*.

Относительно посадскихъ службъ я ограничусь здѣсь самыми краткими замѣчаніями. Это были службы при различныхъ казенныхъ учрежденіяхъ въ качествѣ счетчиковъ, оцѣнщиковъ, браковщиковъ, цѣловальниковъ, при пріемѣ и выдачѣ разныхъ казенныхъ вещей и т. п., затѣмъ — службы при казенной продажѣ питей, соли и другихъ казенныхъ товаровъ, при таможняхъ, при казенныхъ мостахъ и другихъ казенныхъ оброчныхъ статьяхъ; далѣе — службы при городской торговой и общей полиціи и при различныхъ казенныхъ сборахъ съ посадскаго населенія. Тяжесть этихъ службъ отрывавшихъ посадскихъ людей на долгое время отъ ихъ собственныхъ торговыхъ дѣлъ, обусловливалась: 1) обиліемъ самихъ службъ, 2) неопредѣленностью состава этихъ службъ, на каждую посадскую общину помимо постоянныхъ службъ сыпались непрерывнымъ градомъ разныя экстренныя службы, которыхъ нельзя было предвидѣть, 3) необходимостью непредвидѣнныхъ обязательныхъ дальнихъ отлучекъ отъ мѣста своего жительства: помимо службъ въ собственномъ городѣ, посадскіе люди несли такъ называемыя «отъѣзжія службы», для отправленія которыхъ приходилось уѣзжать на цѣлый годъ и больше, куда будетъ указано, бросая свой домъ, свою семью, свои дѣла. При отправленіи этихъ далекихъ служебныхъ командировокъ посадскій человѣкъ XVIII ст., можетъ быть, болѣе, чѣмъ въ какомъ либо другомъ случаѣ, чувствовалъ себя «служилымъ человѣкомъ», личность, имущество и время котораго находились въ полномъ распоряженіи администраціи. Онъ совершенно такъ же, какъ солдатъ, могъ быть, по усмотрѣнію власти свободно перебрасываемъ для отправленія службъ куда угодно, по всему лицу русской земли. Въ моей книгѣ приведено достаточное количество фактическихъ тому доказательствъ. Правда, еще въ 30-хъ годахъ XVIII ст. состоялся указъ, запрещавшій назначеніе отъѣзжихъ службъ за предѣлы каждой данной губерніи. Но этотъ указъ остался въ полномъ смыслѣ слова мертвой буквой, нисколько не отразившись на практикѣ посадскихъ службъ;

наконецъ, 4) службы были отяготительны по связанной съ ихъ отправленіемъ финансовой отвѣтственности, которая распространялась какъ на самого служившаго, такъ и на весь посадъ, къ которому онъ принадлежалъ. Большинство этихъ службъ было связано съ веденіемъ различныхъ денежныхъ операцій и всѣ начеты, которые могли открыться по такимъ операціямъ, обязательно покрывались служившимъ лицомъ и всей общиной, несмотря на то, что далеко не во всѣхъ начетахъ, какъ увидимъ нѣсколько ниже, были виноваты собственныя упущенія или корыстныя злоупотребленія состоявшихъ у службы посадскихъ людей. Въ своей книгѣ я привелъ цифровыя данныя, которыя показываютъ, какъ бремя службы, лежавшее на посадскихъ общинахъ, послѣдовательно сокращалось въ теченіе второй половины XVIII ст., въ особенности благодаря отмѣнѣ внутреннихъ таможенъ и многихъ канцелярскихъ сборовъ, а также благодаря утвержденію системы питейныхъ откуповъ насчетъ старинной системы отдачи питейныхъ сборовъ *на вѣру*. Тѣмъ не менѣе, служебное бремя оставалось все же весьма чувствительнымъ для посадскихъ обществъ въ теченіе всего изучаемаго періода, и идеаломъ этихъ обществъ, какъ это видно изъ безчисленныхъ мірскихъ челобитій, а также изъ депутатскихъ наказовъ 1767 г., — всегда было полное избавленіе отъ всякаго рода обязательныхъ казенныхъ службъ. Этотъ идеалъ былъ осуществленъ лишь съ изданіемъ жалованной грамоты городамъ 1785 г., 101 статья которой предписывала: «записавшихся въ гильдіи *не* избирать къ казеннымъ службамъ, гдѣ оныя еще суть». Посадскія службы, о которыхъ только что было сказано, отбывались мірскими очередями, порядокъ которыхъ устанавливался на мірскомъ посадскомъ сходѣ. Я не буду останавливаться здѣсь на всѣхъ подробностяхъ этого порядка и отмѣчу только, какую роль играли въ отбываніи этихъ службъ отдѣльные разряды членовъ посадской общины. Въ общей формѣ можно обозначить распредѣленіе этихъ ролей слѣдующимъ образомъ. *Количественно* большей части службъ, т.-е. болѣе частому отвлеченію отъ собственныхъ «торговъ и промысловъ» подчинялись низшіе слои посадскаго населенія, т.-е. тѣ, у которыхъ этихъ «торговъ и промысловъ» было мало или не было вовсе. За то *качественно* наибольшая служебная тягость возлагалась на первостатейныхъ посадскихъ

людей, на которыхъ падало исполненіе самыхъ важныхъ, руководящихъ выборныхъ должностей, сопряженныхъ съ наиболѣе тяжелой финансовой отвѣтственностью.

Я перехожу теперь къ вопросу о платежахъ, падавшихъ на посадскую общину, вопросу, которому посвящена третья часть моего изслѣдованія.

Въ теченіе первой четверти XVIII ст. составъ этихъ платежей отличается большей пестротой и неустойчивостью. Посады платили 1) подворный налогъ — «стрѣлецкія деньги», 2) налогъ съ животовъ и промысловъ — «десятую деньгу», 3) «запросные сборы, т.-е. экстренные сборы», назначавшіеся то съ двора, то съ рубля десятой деньги и 4) кабацкія, канцелярскія и таможенныя деньги, взимавшіяся по установленнымъ окладамъ вѣрными сборщиками или откупщиками. Въ настоящей статьѣ я не буду останавливаться подробно на разсмотрѣніи этой системы посадскихъ платежей, такъ какъ она подверглась вскорѣ полному измѣненію съ введеніемъ подушной подати. Замѣчу только, что эта система страдала многими недостатками, изнурительными для плательщиковъ и въ то же время невыгодными и для самой казны. Дробность, многообразіе различныхъ сборовъ, невыдержанность основныхъ началъ обложенія, неустойчивость въ составѣ сборовъ: безпрерывное назначеніе экстренныхъ запросныхъ взиманій, благодаря чему община въ началѣ года не могла знать напередъ, какое именно платежное бремя предстоитъ ей выдержать въ теченіе года—вотъ черты, характеризующія податное положеніе посадскихъ обществъ въ первую четверть XVIII ст.

Въ 20-хъ годахъ XVIII ст. осуществилась крупная податная реформа.

Многообразные и дробные сборы, падавшіе на посадское населеніе, замѣняются единымъ подушнымъ налогомъ въ размѣрѣ 1 р. 20 к. съ каждой ревизской посадской души. Съ установленіемъ подушнаго налога всѣ другіе прямые сборы подлежали упраздненію. Какія послѣдствія имѣла эта реформа для посадскихъ обществъ?

На первый взглядъ она должна была принести съ собою для тяглаго населенія важныя преимущества сравнительно съ прежней системой обложенія. Вводилось простое и единообразное основаніе обложенія: количество ревизскихъ душъ;

съ объединеніемъ прямого налога устранялась и путаница между сборами различныхъ наименованій и возможность неожиданныхъ сюрпризовъ въ видѣ запросныхъ сборовъ. Однако всѣ эти преимущества новой системы обложенія блѣднѣли передъ тяжестью вновь введеннаго подушнаго налога. Уже черезъ 4 года послѣ введенія подушной подати обозначились два явленія, краснорѣчиво свидѣтельствовавшія о томъ, какъ сильно напрягла новая подать и безъ того немалое податное бремя посадскихъ обществъ: 1) груда челобитій о сбавкѣ подушнаго оклада и 2) внушительныя цифры недоимокъ въ вѣдомостяхъ подушнаго сбора.

Когда учрежденная въ концѣ 20-хъ годовъ XVIII ст. комиссія о коммерціи обратилась къ посадскимъ обществамъ съ запросомъ о ихъ нуждахъ, она была завалена доношеніями, въ которыхъ обрисовывалось точными цифровыми данными повышеніе податного бремени со времени введенія податной подати. Но высотой подушнаго оклада податное отягощеніе еще не ограничивалось. Обѣщаніе законодателя замѣнить подушной податью всѣ прочіе прямые сборы не было исполнено. И на посады по прежнему частымъ градомъ сыпались такъ-называемые запросные сборы, не прекращавшіеся въ теченіе всего XVIII столѣтія. Они были весьма разнообразны, начиная отъ сборовъ на укомплектованіе кавалеріи лошадьми и на оплату подводъ подъ шествіе Ихъ Величествъ и подъ передвигающіеся полки и кончая обязательной покупкой изданныхъ при академіи книгъ.

Естественнымъ послѣдствіемъ такого положенія вещей служило быстрое наростаніе недоимокъ по прямымъ сборамъ. Подушная недоимка начала наростать съ перваго же года функціонированія подушной подати. За первые четыре года дѣйствія этой подати (1724—1727 гг.) недоимка по всѣмъ посадамъ составляла 64,3% подушнаго оклада, при чемъ недоимочность охватывала почти въ равной степени всю посадскую Россію того времени, принимая, такъ сказать, повальный характеръ.

Переходя къ состоянію косвеннаго обложенія, касавшагося посадскихъ обществъ, замѣтимъ, что различные его виды стягивались въ три группы платежей: кабацкихъ, таможенныхъ и такъ-называемыхъ канцелярскихъ, къ которымъ причислялись разнородные сборы: промысловые, акцизные об-

рочные и т. д. Всѣ эти сборы были *окладными*, т.-е. взимались по опредѣленнымъ окладамъ, независимо отъ измѣнчивости текущихъ поступленій, отъ измѣнчивости потребленія обложенныхъ продуктовъ или развитія обложенныхъ торговыхъ сдѣлокъ. Взиманіе названныхъ сборовъ отдавалось то на откупъ, то на «вѣру», и недоборы по нимъ должны были возмѣщаться казнѣ откупщиками или вѣрными сборщиками и ихъ избирателями. Слѣдовательно, при наличности «вѣрной» системы всей общинѣ приходилось возмѣщать недоборъ до оклада, получавшійся въ результатѣ или упущеній сборщиковъ, или естественныхъ измѣненій въ размѣрѣ потребленія тѣхъ или другихъ предметовъ обложенія.

Итакъ, тяжесть этихъ сборовъ для податного населенія зависѣла отъ высоты опредѣленныхъ для нихъ окладовъ. Очень важно поэтому принять во вниманіе способъ составленія названныхъ окладовъ. Въ 1725 г. для всего государства была составлена окладная книга, и затѣмъ эти оклады оставались въ силѣ въ теченіе 20 лѣтъ. Оклады были выведены такъ: изъ всѣхъ предшествующихъ лѣтъ были выбраны для каждаго сбора три наиболѣе удачные по размѣрамъ поступленій года. Среднее ариѳметическое число отъ поступленій этихъ трехъ наиболѣе удачныхъ лѣтъ и принималось за норму оклада, обязательнаго на будущее время. Легко видѣть, какъ обременительны были оклады, выведенные такимъ образомъ. Выбрать безъ недоимки окладъ исключительнаго по высотѣ поступленій года оказывалось весьма часто дѣломъ въ высшей степени труднымъ. Приходилось до крайности напрягать платежноспособность населенія. Если сборы собиралъ откупщикъ, онъ прибѣгалъ для оправданія оклада къ всевозможнымъ средствамъ и дозволеннымъ и недозволеннымъ для искусственнаго выжиманія поступленій. Если сборы собирали вѣрные сборщики, выбранные населеніемъ, всего чаще получалась большая недоимка, и начиналось выколачиваніе этой недоимки со всей общины, и «лучшіе», т.-е. первостатейные люди общины, по мѣсяцамъ и больше сидѣли на цѣпи, въ желѣзахъ, стояли на правежѣ, а ихъ «животы» продавались съ публичнаго торга.

Но и этого мало. Оклады 1724 г., высокіе сами по себѣ, служили только отправной точкой, отъ которой нельзя было итти внизъ, но отъ которой постоянно шли вверхъ. При от-

дачѣ сбора на откупъ откупщикъ всегда долженъ былъ назначить какую-нибудь «наддачу» къ окладу. Разъ заявленная наддача причислялась затѣмъ къ окладу. Откупщикъ могъ не оправдать своей наддачи, могъ обанкротиться и до истеченія срока бросить откупъ, а все же данный сборъ числился уже въ повышенномъ окладѣ съ прибавкой заявленной откупщикомъ наддачи. Теперь представьте себѣ положеніе общины. Община еле-еле оправдываетъ казенный окладъ, отбывая правежъ за недоборы своихъ вѣрныхъ сборщиковъ. Вдругъ является со стороны откупщикъ и сулитъ казнѣ наддачу сверхъ оклада. Сборъ остается за нимъ. Черезъ нѣсколько времени откупъ лопается. Откупщикъ исчезаетъ, но окладъ уже вздутъ безъ всякаго соотвѣтствія съ платежными средствами населенія, и посадской общинѣ приходится за своею отвѣтственностью выставлять сборщиковъ къ сбору, котораго она завѣдомо полностью собрать не можетъ.

Разореніе плательщика и недоимка въ казнѣ являлись естественнымъ результатомъ описанной финансовой системы, представлявшей собою хроническое вытягиваніе жилъ изъ податного населенія. Съ начала 50-хъ годовъ бремя косвеннаго обложенія существенно сокращается, благодаря отмѣнѣ внутреннихъ таможенъ и цѣлаго ряда канцелярскихъ сборовъ, всего до 17 статей. Но уже въ началѣ 60-хъ годовъ послѣдовалъ новый пароксизмъ нажиманія податного пресса. Расходы по управленію въ виду растущаго и осложняющагося административнаго механизма Россіи, а также и развитіе военныхъ потребностей неизбѣжно приводили и къ новому напряженію податного бремени. Какъ разъ въ это время былъ повышенъ окладъ подушной подати съ купечества до 2 р. съ души; впервые появлялся внѣшній и внутренній долгъ — иностранные займы и бумажныя деньги. Тогда же обращено было серьезное вниманіе и на повышеніе косвеннаго обложенія. Манифестъ 1763 г. вводилъ цѣлый рядъ новыхъ косвенныхъ сборовъ, отмѣненныхъ въ 50-хъ годахъ. Новая отмѣна этихъ сборовъ относится уже къ 70-мъ годамъ XVIII в., къ тому времени, которое выходитъ за хронологическій предѣлъ моей работы.

Упомянутыми выше казенными сборами не исчерпывалась совокупность платежей, падавшихъ на посадскія общества изучаемой эпохи. Существовали еще *«сборы на мірскія нужды»*,

которые устанавливались на мірскихъ посадскихъ сходахъ въ силу предоставленнаго посадскимъ обществамъ права самообложенія.

Источники доходовъ мірской посадской казны были различны. Сюда относились: 1) суммы, собранныя сверхъ оклада вѣрными сборщиками по казеннымъ платежамъ, такъ-называемые *«приборы»;* извѣстная часть этихъ приборныхъ суммъ могла быть обращаема въ пользу общины; 2) доходы отъ эксплоатаціи принадлежавшихъ посадамъ оброчныхъ статей; 3) правительственныя ссуды и безвозвратныя вспоможенія; 4) займы, производившіеся міромъ у частныхъ лицъ, и 5) спеціальные сборы, вотировавшіеся на сходахъ на «мірскія нужды». Подробный анализъ исчисленныхъ доходныхъ статей посадскообщинной кассы, произведенный мною на основаніи дѣлопроизводства посадскихъ мірскихъ избъ, приводитъ къ тому заключенію, что значеніе всѣхъ этихъ статей было далеко не одинаково. Приборныя суммы могли обращаться на мірскія нужды лишь тамъ, гдѣ казенные косвенные сборы состояли на магистратскомъ содержаніи, но даже и въ этомъ случаѣ пользованіе этими суммами странно стѣснялось регламентирующими ограниченіями. Документы дали мнѣ возможность очертить въ моей книгѣ любопытную борьбу, которая шла изъ-за этихъ суммъ между казною и посадскими мірами, на чемъ я уже не буду, впрочемъ, теперь останавливаться. Доходъ отъ эксплоатаціи оброчныхъ угодій былъ ничтоженъ, такъ какъ и въ этомъ случаѣ большинство общинныхъ угодій было экспропріировано казной, займы и субсидіи по самому своему существу служили лишь экстраординарнымъ ресурсомъ. Въ концѣ-концовъ главнымъ источникомъ поступленій въ мірскую общинную кассу и являлись спеціальные мірскіе сборы, вотируемые мірскими сходами. Не трудно представить себѣ, что посадскія общества, въ достаточной мѣрѣ обремененныя государственными платежами, рѣшались прибѣгать къ мірскому обложенію въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, отнюдь не отваживаясь на осуществленіе той широкой программы подъема городской культуры, которая была набросана въ регламентѣ главному магистрату. Обзоръ *расходныхъ* статей посадскаго мірского бюджета какъ нельзя лучше подтверждаетъ это предположеніе. Во-первыхъ, замѣчу, что рядъ расходовъ имѣлъ для мірской кассы *обя-*

зательный характеръ (*указные платежи*), при чемъ многіе изъ этихъ указныхъ расходовъ не имѣли отношенія къ мѣстнымъ общиннымъ нуждамъ, какъ, наприм., расходы на обязательное содержаніе агентовъ власти, присылаемыхъ въ города, наприм., разныхъ подьячихъ, офицеровъ, командируемыхъ для ревизій, слѣдствій и выколачиванія недоимокъ; расходы, связанные съ отправленіемъ повинностей рекрутскихъ, подводной; расходы на содержаніе ссыльныхъ и плѣнныхъ, размѣщаемыхъ по внутреннимъ городамъ Россіи и т. п. Другая категорія указныхъ платежей изъ мірской кассы, хотя и касалась такъ или иначе вопросовъ мѣстнаго благоустройства, какъ, наприм., обязательные расходы на содержаніе лѣкарей, пробирныхъ мастеровъ, устройства кладбищъ, мостовъ и мостовыхъ и т. п., тѣмъ не менѣе представляла собою такое же насильственное вторженіе администраціи въ мірское коммунальное хозяйство, не оправдываемое существомъ дѣла. Мірскія челобитья усиленно вопіяли о сложеніи съ общинъ всѣхъ этихъ обязательныхъ расходовъ. Можно, конечно, при желаніи декламировать по этому поводу о недоразвитости посадскаго населенія того времени, о его косномъ отвращеніи отъ всякихъ прогрессивныхъ начинаній въ области мѣстнаго благоустройства, можно, наприм., изощрять остроуміе надъ заявленіями нѣкоторыхъ такихъ челобитій о томъ, что лѣкарь не нуженъ купцамъ, что принятіе лѣкарствъ — дѣло дворянское; однако безпристрастный анализъ всѣхъ подобныхъ челобитій, показываетъ, что посадскія общества только не умѣли выразить съ должной ясностью свою основную мысль, которая сводилась въ сущности вовсе не къ недовѣрію къ медицинской помощи и другимъ культурнымъ мѣропріятіямъ, а къ тому совершенно здравому положенію, что удовлетвореніе высшихъ культурныхъ задачъ внутренней политики не можетъ быть достигаемо на старой основѣ тягла. Власть требовала отъ посадскихъ обществъ денегъ и за это давала имъ никуда негодный медицинскій персоналъ, лѣкарей, которые «за старостью уже не могутъ службы служить», да и этихъ лѣкарей сажала только по провинціальнымъ городамъ, такъ что многіе посады уѣздныхъ городовъ оплачивали содержаніе лѣкаря, котораго никогда не видали въ глаза. И во многихъ челобитьяхъ вслѣдъ за фразой, что лѣченіе—дѣло дворянское,

находимъ затѣмъ выраженіе пожеланія, чтобы все дѣло организаціи медицинской помощи было поставлено на иныхъ началахъ, чтобы лѣкаремъ пользовались тѣ самыя общества, которыя будутъ оплачивать его содержаніе, чтобы самое распредѣленіе этихъ суммъ было предоставлено усмотрѣнію міра.

Я остановился на вопросѣ о содержаніи лѣкарей лишь какъ на типичномъ образцѣ того, какъ произвольное распредѣленіе мірскихъ суммъ по усмотрѣнію администраціи извращало значеніе даже и тѣхъ мѣропріятій, которыя сами по себѣ могли бы служить къ культурному подъему провинціальной жизни.

Что касается затѣмъ тѣхъ расходовъ изъ мірской кассы, которые производились по иниціативѣ самихъ посадскихъ обществъ, то и среди нихъ большая часть обусловливалась тяглымъ положеніемъ посадской общины, вызывалась не внутренними нуждами общины, а ея податными и служебными обязанностями по отношенію къ государству. Сюда относятся расходы на уплату изъ мірскихъ суммъ подушныхъ денегъ за убылыхъ и малолѣтнихъ, на покрытіе недоборовъ по принятымъ на содержаніе купечества сборамъ, на подмогу купцамъ, выбираемымъ къ «отъѣзжимъ службамъ». На ряду съ этимъ встрѣчаются тамъ и сямъ случаи ассигновокъ на удовлетвореніе и чисто культурныхъ потребностей мѣстнаго населенія, наприм., на устройство школъ, богадѣленъ, пріютовъ, но въ общемъ такого рода расходы были рѣдки и незначительны. Было бы односторонне объяснять это явленіе исключительно малоразвитостью означенныхъ потребностей; важную роль играли при этомъ также и обремененность мірской кассы обязательными платежами и стѣснительная для населенія административная опека надъ всякими общественными начинаніями. Поощряя общество къ заведенію школъ, больницъ, богадѣленъ «на собственное мірское иждивеніе», правительство XVIII ст. въ то же время стремилось обратить каждую свободную общественную копейку на казенныя надобности, не имѣвшія ничего общаго съ мѣстными потребностями посадской общины, и то и дѣло обременяло небогатую мірскую кассу «указными» расходами разнаго рода, а затѣмъ, рекомендуя обществу пожертвованія на общественныя филантропическія и образовательныя учрежденія, не оказывало должнаго довѣрія самодѣятельности общества;

приглашало его платить, но не давало распоряжаться въ создаваемыхъ на свои средства учрежденіяхъ, подчиняя устройство и дѣятельность послѣднихъ бюрократической регламентаціи. Важную роль этихъ обстоятельствъ въ маломъ развитіи производительныхъ затратъ изъ мірскихъ суммъ по инпціативѣ сходовъ я доказываю въ своей книгѣ анализомъ заявленій, встрѣчающихся въ купеческихъ депутатскихъ наказахъ 1767 г., а также изложеніемъ одного примѣрнаго, чрезвычайно любопытнаго дѣла о заведеніи магистратской школы въ Астрахани.

Итакъ, состояніе посадскаго общиннаго хозяйства въ XVIII в. ярко отразило тяглый, закрѣпощенный характеръ посадскихъ обществъ того времени. Придавленная тяжелымъ податнымъ и повинностнымъ бременемъ, туго стянутая обязательной круговой порукой, посадская община не могла представить удобной почвы для того прогресса городской жизни, о которомъ говорилось въ регламентѣ главному магистрату. Порывы къ лучшему устроенію посадскаго быта не были безусловно чужды посадскому населенію. Но дѣйствительность того времени не представляла благопріятныхъ условій для того, чтобы эти порывы могли достигнуть сколько-нибудь значительнаго размаха.

Изложивъ составъ и состояніе посадскихъ платежей за изучаемый періодъ, я съ подробностью остановился въ своемъ изслѣдованіи на механизмѣ общинной раскладки этихъ платежей. Меня интересовалъ этотъ механизмъ главнымъ образомъ постольку, поскольку онъ освѣщаетъ относительную роль различныхъ группъ посадскаго населенія въ общинной жизни посада. Здѣсь я позволю себѣ отмѣтить лишь самые существенные пункты. Подушная подать уже при Петрѣ была превращена закономъ въ репартиціонный налогъ. Числомъ ревизскихъ душъ, записанныхъ за общиной, опредѣлялся лишь размѣръ общаго подушнаго оклада, падавшаго на общину, а затѣмъ этотъ окладъ разводился между дворами посадскихъ тяглецовъ «по разсмотрѣнію ихъ въ пожиткахъ состоянія» (выраженіе инструкціи городовымъ магистратамъ). Разводъ, учиненный для подушнаго сбора, примѣнялся затѣмъ и для мірскихъ сборовъ, которые вотировались на сходахъ въ извѣстномъ количествѣ «съ рубля подушнаго оклада». Разводъ производился избранными на сходахъ окладчиками

и окончательно утверждался на сходѣ. Какіе именно элементы посадской «пожиточности», въ какой послѣдовательности и въ какой пропорціи должны быть приняты въ расчетъ при разводѣ оклада по дворамъ, рѣшеніе этого вопроса зависѣло каждый разъ отъ мірского схода. Иногда сходъ устанавливалъ примѣнить къ каждой изъ трехъ статей посадскаго населенія различныя основанія развода, наприм.: первостатейныхъ облагать по *богатству* и *торгамъ*, среднестатейныхъ — по иждивенію ихъ и торгамъ и *по землѣ*, третьестатейныхъ — только *по землѣ*. Иногда ко всѣмъ тремъ статьямъ примѣнялись безъ различія всѣ три основанія раскладки: и земля, и торгъ, и промыселъ, но съ извѣстной постепенностью, наприм., сначала облагали землю въ извѣстной пропорціи, а затѣмъ уже остающуюся часть окладной суммы раскладывали между купцами по «торгамъ, заводамъ и богатству». Ясно, что принятіе того или другого порядка развода глубоко затрогивало интересы различныхъ группъ посадскаго населенія, и легко себѣ представить, какими бурными оказывались тѣ сходы, на которыхъ устанавливались основанія раскладки и вырабатывались инструкціи окладчикамъ. Результатъ оцѣнки пожитковъ и выражался въ разводѣ по дворамъ окладныхъ душъ. Количество окладныхъ душъ, падавшее на дворы, не совпадало съ количествомъ ревизскихъ душъ, за каждымъ отдѣльнымъ дворомъ записанныхъ. Окладная душа — техническій терминъ, обозначавшій условную счетную единицу налога размѣромъ въ 1 р. 20 к. Количествомъ ревизскихъ душъ опредѣлялось общее число этихъ единицъ со всего посада. Затѣмъ то или другое количество этихъ единицъ, причитаемое на отдѣльный дворъ, выражало степень пожиточности двора, и по числу этихъ единицъ дворъ платилъ свою долю въ общій окладъ всей общины. На этомъ основаніи болѣе пожиточные дворы должны были принимать на себя наваличныя окладныя души сверхъ записанныхъ за ними ревизскихъ, тогда какъ дворы малопожиточные сплошь и рядомъ облагались окладомъ, который не достигалъ размѣровъ даже одной окладной души. Въ любой окладной книгѣ городового посада XVIII ст. можно встрѣтить все одну и ту же картину; среди массы мелкоты, оклады которой пестрятъ мелкими долями въ $^1/_2$ и $^1/_4$ души, возвышается нѣсколько первостатейныхъ столповъ съ окладами въ нѣсколько десятковъ наваличныхъ душъ.

Описанный порядокъ порождалъ рядъ весьма важныхъ послѣдствій. Съ одной стороны, онъ дѣлалъ для общины крайне необходимымъ присутствіе въ ея составѣ крупныхъ первостатейныхъ тяглецовъ. Будучи въ глазахъ правительства опорой платежеспособности общины, эти первостатейные тузы служили и для общины обороной отъ высокихъ окладовъ. Уходъ изъ общины первостатейнаго человѣка грозилъ маломочной массѣ разверсткой на нее тѣхъ окладныхъ душъ, которыя были «навалены» на первостатейнаго человѣка «по его богатству». И въ числѣ причинъ своего «изнеможенія» посадскія общества нерѣдко приводятъ указанія на удаленіе изъ ихъ среды первостатейныхъ людей. Такъ, наприм., административный переводъ городовыхъ первостатейныхъ людей въ Петербургъ при первоначальномъ заселеніи новой столицы вызвалъ громкія жалобы посадскихъ обществъ именно съ только что указанной точки зрѣнія. Но, съ другой стороны, этотъ же порядокъ создавалъ и полную зависимость малотяглыхъ элементовъ общины отъ небольшой кучки наиболѣе капитальныхъ купцовъ. Маломочные члены общины попадали въ фактическую подчиненность къ первостатейнымъ членамъ, а нѣкоторыя предписанія закона давали этой фактической подчиненности и юридическую санкцію. Въ инструкціи старшинамъ и старостамъ (П. С. З. № 8504) предписывалось между прочимъ каждаго маломочнаго подписывать въ особомъ реестрѣ, именно подъ тѣмъ пожиточнымъ человѣкомъ, который за него положенный окладъ несетъ, при чемъ послѣдній долженъ былъ наблюдать за первымъ и побуждать его къ ремесламъ и художествамъ, такъ какъ многіе сознательно не желаютъ заниматься промыслами и пребываютъ въ бѣдности, не платя податей. Итакъ, принятіе на себя навалочныхъ душъ вооружало пожиточнаго человѣка освященнымъ въ законѣ правомъ надзора и распоряженія надъ личностью и дѣятельностью маломочныхъ людей, за которыхъ онъ платилъ окладъ.

Наконецъ, въ-третьихъ, зависимость отдѣльныхъ «неплательщиковъ» отъ лучшихъ людей соединялась съ зависимостью и всей общины въ совокупности отъ распорядительной власти «лучшихъ людей». Въ качествѣ первыхъ отвѣтчиковъ за всю общину передъ правительственною властью эти люди крѣпко забирали въ свои руки весь ходъ обширныхъ мірскихъ дѣлъ, и само государство закрѣпляло за ними си-

лою закона первенствующую роль въ сферѣ общиннаго управленія.

Такимъ образомъ, въ прямой зависимости отъ организаціи посадскаго общиннаго тягла мірское посадское самоуправленіе получало рѣзко выраженную олигархическую окраску.

Четвертая и послѣдняя часть моего изслѣдованія и посвящена разсмотрѣнію посадскаго самоуправленія съ этой именно точки зрѣнія.

Въ виду того, что устройство и дѣятельность такъ называемыхъ магистратскихъ учрежденій была уже всесторонне изучена въ извѣстныхъ трудахъ Пригары, Плошинскаго и Дитятина, я сосредоточилъ свое вниманіе на мірскомъ посадскомъ сходѣ и его исполнительныхъ органахъ. Изученіе названнаго учрежденія представляло для меня тѣмъ большій интересъ, что мірской посадскій сходъ въ гораздо большей мѣрѣ, нежели городовые магистраты, являлся органомъ мірского самоуправленія. Члены магистратскихъ присутствій, хотя и выбираемые міромъ, не были слугами и органами избравшаго ихъ общества ни по содержанію своей дѣятельности, ни по порядку присвоенной имъ отвѣтственности и отчетности. Земскія по выборному составу, эти учрежденія являлись органами бюрократической централизаціи въ сферѣ управленія по всему кругу присвоенныхъ имъ задачъ. Для характеристики предѣловъ и особенностей посадско-общиннаго самоуправленія очеркъ дѣятельности городовыхъ магистратовъ необходимо долженъ быть дополненъ очеркомъ посадскаго мірского схода. Опытъ такого именно очерка и составилъ содержаніе четвертой части моей книги. Минуя подробности, я отмѣчу здѣсь лишь самыя общія и основныя положенія, къ которымъ привело меня изученіе соотвѣтствующихъ архивныхъ матеріаловъ.

Мірской посадскій сходъ не былъ представительнымъ собраніемъ. На немъ участвовали всѣ совершеннолѣтніе тяглецы даннаго посада. Не было опредѣлено и законнаго минимума присутствующихъ, необходимаго для открытія схода. Вотъ почему по численности участниковъ сходы весьма различались въ отдѣльныхъ случаяхъ. Бывали сходы въ нѣсколько сотенъ человѣкъ, и на ряду съ этимъ по большей части на сходы собиралось два-три десятка присутствующихъ. Анализъ личнаго состава мірскихъ сходовъ, поскольку онъ

освѣщается доступными намъ документами, приводитъ къ заключенію, что, будучи юридически общепосадскимъ, фактически сходъ превращался по преимуществу въ собраніе первостатейныхъ тяглецовъ, безъ которыхъ сходъ терялъ свое значеніе, но которые могли обходиться и безъ малотяглой массы, пока она имъ не надобилась для партійныхъ цѣлей. Первостатейные люди выдвигались на первый планъ уже въ силу самаго характера присвояемыхъ мірскому сходу функцій. Разсмотрѣніе различныхъ сторонъ дѣятельности мірскихъ сходовъ показываетъ, что сходамъ предоставлялось не мало такихъ правъ, которыя сами по себѣ могли бы составить въ совокупности надежную основу истиннаго самоуправленія. Таковы права самообложенія и распоряженія мірскими суммами, выбора должностныхъ лицъ и контроля надъ ними, изданія обязательныхъ постановленій по мѣстному благоустройству, возбужденія мірскихъ ходатайствъ о мѣстныхъ нуждахъ передъ высшими государственными установленіями.

Но всѣ эти сравнительно широкія права сходовъ теряли на практикѣ значительную долю своего значенія. Право самообложенія и распоряженія мірскими суммами пересѣкалось полнымъ подчиненіемъ мірской кассы центральному финансовому управленію. Право выбора должностныхъ лицъ и мірского надъ ними контроля парализовалось зависимостью этихъ лицъ, съ мірскимъ старостой во главѣ, отъ магистратскаго начальства. Право распоряженія мѣстнымъ благоустройствомъ опять-таки было пересѣкаемо полицейскою властью воеводской канцеляріи и магистратскаго присутствія. Только правомъ подачи мірскихъ челобитій о нуждахъ и желаніяхъ посада сходы пользовались въ весьма широкой степени. Такимъ образомъ мірское самоуправленіе было поставляемо въ такіе предѣлы и условія, при которыхъ оно являлось главнымъ образомъ орудіемъ осуществленія фискальныхъ задачъ и интересовъ, а при такомъ положеніи дѣла первостатейные члены общины, какъ первые отвѣтчики за дѣйствія міра передъ государственною властію, оказывались естественными хозяевами мірского схода.

Яркую иллюстрацію къ такому порядку мы находимъ въ той сторонѣ дѣятельности мірского схода, которая составляла единственную живую связь между мѣстнымъ міромъ и начальствующимъ надъ нимъ городовымъ магистратомъ.

Я разумѣю выборы магистратскихъ членовъ на мірскихъ посадскихъ сходахъ. Въ послѣдней главѣ своей книги я произвелъ подробный анализъ многочисленныхъ дѣлопроизводствъ о такихъ выборахъ, собранныхъ въ архивѣ главнаго и городовыхъ магистратовъ.

Въ постановкѣ этихъ выборовъ за изученный періодъ можно усмотрѣть борьбу двухъ противоположныхъ теченій. Рядъ признаковъ свидѣтельствуетъ о томъ, что въ средѣ самого посадскаго населенія существовали стремленія придать этимъ выборамъ характеръ правильнаго облеченія избираемыхъ лицъ опредѣленными общественными полномочіями. Сюда относятся попытки установленія правильной избирательной процедуры, которая обезпечивала бы для всѣхъ безъ различія членовъ общины равномѣрное участіе въ выборахъ и дѣлала бы изъ избирательнаго акта дѣйствительное выраженіе коллективной воли общины. Сюда относятся также попытки установить помимо имущественнаго ценза такія условія пассивнаго избирательнаго права, которыя давали бы доступъ къ выборнымъ должностямъ лишь тому, кто по характеру всего своего отношенія къ общественнымъ дѣламъ являлся бы достойнымъ носителемъ общественнаго довѣрія.

Нѣкоторыя наблюденія приводятъ къ заключенію, что всѣ указанныя попытки исходили большею частію изъ среды малотяглыхъ элементовъ посадскаго населенія, которыя искали себѣ защиты отъ произвола первостатейныхъ тузовъ въ установленіи болѣе правомѣрныхъ формъ въ посадско-общинной жизни.

Но, въ противовѣсъ этимъ робкимъ новымъ теченіямъ, въ избирательной практикѣ рѣшительно господствовалъ опиравшійся на изстаринную традицію и поддерживаемый фискальной политикой правительства иной взглядъ на существо мірскихъ выборовъ исключительно, какъ на актъ *поручительства* за избираемаго кандидата, какъ на выдѣленіе изъ среды посадскаго населенія группы такихъ лицъ, съ которыхъ всегда можно было бы взыскать въ пользу казны убытки, нанесенные ей служебными упущеніями выборнаго человѣка. Это былъ глубоко-архаическій взглядъ на существо выборной службы, завѣщанный XVIII столѣтію минувшей эпохой московскаго царства. Съ этой точки зрѣнія избирательный сходъ являлся не органомъ выраженія коллективной воли посадской об-

щины, а лишь мѣстомъ собранія отдѣльныхъ группъ рукоприкладчиковъ-поручителей. И, разумѣется, надежность этого поручительства измѣрялась прежде всего имущественной самостоятельностью, «пожиточностью», «первостатейностью» какъ тѣхъ, кто составлялъ избирательную группу, такъ и тѣхъ, на кого писался «выборъ за руками».

Естественнымъ слѣдствіемъ господства описаннаго взгляда являлись: олигархическій характеръ избирательныхъ сходовъ и замѣна строго упорядоченной избирательной процедуры подборомъ болѣе надежныхъ въ матеріальномъ отношеніи «порукъ» къ каждому выборному «приговору».

Подробно разсматривая въ своей книгѣ количественный и качественный составъ избирательныхъ сходовъ, теченіе самихъ выборовъ, характеръ и пріемы вспыхивавшей на этихъ сходахъ партійной избирательной борьбы, я имѣлъ возможность установить связь всѣхъ относящихся сюда типичныхъ явленій съ этой основной чертой мірскихъ сходовъ въ посадахъ того времени: съ ихъ олигархическимъ характеромъ.

Правда, временами третьестатейные люди переполняли собою эти сходы. Но то было или насильственное завладѣніе сходомъ со стороны третьей статьи въ моментъ повальнаго возстанія малотяглой массы противъ мѣстной олигархіи (случаи — рѣдкіе и исключительные), или, чаще и обычнѣе, слѣдствіе того, что сами первостатейные вожаки привлекали эту массу къ участію въ выборахъ въ качествѣ своего послушнаго орудія.

Таково въ самыхъ общихъ чертахъ содержаніе моей книги.

Мнѣ кажется, можно такъ формулировать взаимоотношеніе тѣхъ сторонъ посадско-общиннаго быта, которыя разсмотрѣны поочередно въ четырехъ частяхъ этой книги. Условія *народнаго* хозяйства разбили составъ посадскаго населенія на многочисленную группу малотяглыхъ людей: ремесленниковъ, работниковъ, мелкихъ торговцевъ и сравнительно небольшую кучку первостатейнаго купечества. Потребности *государственнаго* хозяйства выдвинули эту послѣднюю кучку на первый планъ при организаціи посадско-общиннаго тягла, какъ главную опору тяглоспособности всей общины. Наконецъ, тяглый, крѣпостной характеръ посадской общины отразился и на строѣ посадскаго самоуправленія того времени: на узости тѣхъ границъ, въ которыя оно было вдвинуто, на

преобладаніи первостатейной олигархіи, въ руки которой оно было отдано.

Правда, и въ строѣ посадскаго хозяйства, и въ строѣ посадскаго самоуправленія мы имѣли возможность замѣтить на ряду съ господствомъ основного начала принудительной поруки зародыши нѣкоторыхъ стремленій къ истинной общинной автономіи. Но то были только зародыши, для укрѣпленія и широкаго развитія которыхъ въ окружающей обстановкѣ не доставало благопріятныхъ условій. Эти стремленія могли найти для себя свободный исходъ лишь съ устраненіемъ крѣпостного характера посадской общины, который, хотя и постепенно слабѣя, сохранялъ свое значеніе въ теченіе всего изученнаго мною періода.

Новизна и старина въ Россіи XVIII столѣтія.

Рѣчь передъ магистерскимъ диспутомъ.

Русская исторіографія въ своемъ постепенномъ развитіи съ необычайной послѣдовательностью овладѣвала отдѣльными частями своего предмета. Прежде всего научный анализъ былъ примѣненъ къ отдаленнѣйшимъ временамъ нашей древности и затѣмъ научная разработка съ большой медленностью придвигалась къ болѣе позднимъ эпохамъ нашей исторіи. Когда въ половинѣ XVIII ст. зарождающаяся наука русской исторіи дѣлала свои первые шаги, двѣ проблемы привлекли къ себѣ преимущественный интересъ изслѣдователей: 1) о происхожденіи Руси и 2) о составѣ древнѣйшей лѣтописи. На первой проблемѣ Байеръ изощрялъ свое критическое остроуміе, а Ломоносовъ — свое патріотическое краснорѣчіе. Разработка второй проблемы подарила русскую литературу Шлецеровскимъ «Несторомъ».

Въ сущности говоря, тѣ же самыя проблемы направляли изслѣдовательскую дѣятельность русскихъ историковъ и въ первыя десятилѣтія XIX вѣка. Въ самой тѣсной связи съ вопросомъ о происхожденіи Руси, въ цѣляхъ учета норманскаго вліянія на жизнь древнѣйшей Руси было предпринято то подробное изученіе княжескаго періода нашей исторіи, которое связано съ именемъ Погодина и съ учеными работами, такъ или иначе примыкавшими къ его школѣ.

Лишь начиная съ 40-хъ годовъ XIX ст., центръ тяжести очередной изслѣдовательской работы мало-по-малу передвигается къ эпохѣ московскаго государства. Важнѣйшимъ толчкомъ къ такому переходу послужила знаменитая идейная борьба между западниками и славянофилами. Размышляя надъ путями нашего національнаго развитія, и та и другая

партія ставили центромъ своихъ историческихъ построеній антитезу московскаго царства и петербургской имперіи. Съ этихъ поръ уже не кіевская, а московская Русь дѣлается преимущественнымъ объектомъ изслѣдовательской пытливости. Одни обращались къ изученію московскаго царства съ цѣлью найти тамъ коренныя основы русскаго національнаго духа, другіе — для того, чтобы на примѣрѣ до-петровскаго старорусскаго быта показать пагубныя послѣдствія косной отчужденности отъ всемірно-историческихъ идеаловъ. Съ тѣхъ поръ преобладающій интересъ нашей исторіографіи надолго сосредоточивается на изученіи московскаго государства. Время шло, философскіе постулаты, вдохновлявшіе историковъ славянофильской и западнической школъ, отцвѣли и сами отошли въ область исторіи, какъ уже изжитые факты умственнаго развитія русскаго общества. Философское направленіе русской исторіографіи смѣнилось направленіемъ научно-реалистическимъ. Выдвинулись новые методы и новыя задачи историческаго изученія. Но преобладающій интересъ изслѣдователей, столь видоизмѣненный по своему содержанію, попрежнему сосредоточивался около тѣхъ же хронологическихъ предѣловъ. И это было вполнѣ естественно. Примѣненіе новой методы всего естественнѣе было начать съ расчистки того, что̀ было сдѣлано ранѣе при помощи методы, только что признанной устарѣвшей. Возстановить реальную картину историческаго развитія московскаго государства, разсѣять тѣ абстрактные призраки, которыми были исполнены прежнія представленія о московской Руси — вотъ что являлось естественной очередной задачей, разрѣшеніе которой всего скорѣе могло утвердить науку русской исторіи на новыхъ основаніяхъ, соотвѣтствующихъ общему прогрессу научной мысли.

Такъ объясняется, думается мнѣ, то любопытное явленіе, что монографическое изученіе въ теченіе всего XIX ст., начиная съ 40-хъ годовъ его, по преимуществу вращалось въ кругѣ вопросовъ, относившихся до исторіи московскаго государства. Правда, на ряду съ этимъ, преимущественно кіевская школа дѣятельно поддерживала интересъ къ княжеской эпохѣ нашей исторіи, но не переставая временами заглядывать назадъ, въ до-московскую старину, русская исторіографія не спѣшила распространить и на изученіе имперіи XVIII и XIX вв. тѣ методы и принципы научнаго изслѣдованія, которые

съ такимъ блескомъ и съ такимъ богатствомъ положительныхъ результатовъ были примѣнены къ московскому періоду нашей исторіи.

Я не хочу сказать, что для изученія московскаго царства сдѣлано уже все, что возможно. Нѣтъ, и здѣсь, конечно, найдется еще немало нетронутаго поля для новыхъ изысканій. Но врядъ ли кто-нибудь будетъ отрицать, что московская Русь въ ея историческомъ развитіи представляется намъ уже въ достаточно опредѣленныхъ и отчетливыхъ очертаніяхъ; что здѣсь мы чувствуемъ себя на твердой почвѣ, что самые пробѣлы, которые еще предстоитъ заполнить дальнѣйшимъ изученіемъ, столь ясны для насъ именно потому, что мы въ общемъ хорошо оріентированы въ главнѣйшихъ процессахъ исторической жизни московскаго государства.

Можно ли сказать то же самое относительно имперіи XVIII ст.? Не походитъ ли картина изученія этой имперіи на проведеніе первыхъ бороздъ на дѣвственной нови? Правда, мы имѣемъ уже нѣсколько капитальныхъ монографическихъ работъ также и въ этой области. Я не буду называть ихъ. Онѣ общеизвѣстны. Но развѣ будетъ преувеличеніемъ сравнить эти работы съ отдѣльными партизанскими набѣгами на незавоеванную еще область, — набѣгами, которые покрываютъ истинною славой имена нѣкоторыхъ изъ ихъ участниковъ, но которые еще только подготовляютъ планомѣрное, систематическое, обобщающее изученіе этого важнаго отдѣла нашей исторіи?

Мнѣ думается, что время такого изученія будетъ неуклонно приближаться и что содѣйствіе ускоренію его наступленія составляетъ одну изъ очередныхъ задачъ нашей исторіографіи. Моя скромная работа примыкаетъ къ этимъ, все чаще появляющимся, отдѣльнымъ попыткамъ примѣненія научнаго анализа къ той или другой сторонѣ внутренней жизни русской имперіи XVIII в. До сихъ поръ сравнительно подробнѣе и всестороннѣе изучался административный механизмъ этой имперіи. У насъ есть рядъ монографій, посвященныхъ устройству и дѣятельности центральныхъ, а отчасти и областныхъ правительственныхъ учрежденій XVIII в. Напротивъ того, значительно менѣе охваченъ научнымъ изученіемъ тотъ соціальный грунтъ, на которомъ этотъ механизмъ воздвигался, и тѣ обще-

ственныя силы, которыя приводили въ движеніе или тормозили его колеса. Освѣщена крыша зданія, но стѣны и фундаментъ остаются еще въ глубокой тѣни и лишь въ видѣ отдаленно-слабаго, маловнятнаго шороха доносятся до уха изслѣдователя отголоски той жизни, которая ютилась въ этихъ стѣнахъ и подъ этой кровлей.

Изслѣдованія В. И. Семевскаго приподняли завѣсу надъ внутреннимъ обиходомъ крѣпостной вотчины и вольной крестьянской деревни въ Россіи XVIII ст. Что дѣлалось и какъ жилось въ стѣнахъ русскаго города того времени, оставалось малоизвѣстнымъ. Можно было строить по этому вопросу извѣстныя предположенія на основаніи общихъ соображеній о жизненныхъ условіяхъ тогдашней Россіи. Но документально обоснованной, фактической картины городского быта въ нашемъ распоряженіи не имѣлось. Извѣстныя монографіи, посвященныя русскому городу XVIII ст. и принадлежащія перу Плошинскаго, Пригары, Дитятина, останавливались лишь на анализѣ законодательныхъ опредѣленій и постановленій о городскомъ управленіи, не затрогивая почти вопроса о томъ, какъ примѣнялись эти постановленія, на какую почву онѣ падали и какъ реагировала на нихъ тогдашняя подлинная дѣйствительность.

Вотъ почему мнѣ показалось своевременнымъ и отвѣчающимъ очереднымъ задачамъ нашей науки избрать предметомъ своей работы изученіе фактическаго состоянія русскаго города въ XVIII ст. — Кто имѣетъ хотя бы приблизительное представленіе о громадномъ количествѣ относящагося до этого вопроса матеріала, переполняющаго наши архивы, тотъ, надѣюсь, не упрекнетъ меня за то, что я не отважился на рискованное предпріятіе обнять своимъ изученіемъ всѣ элементы тогдашней городской жизни. Такое обобщающее изученіе — дѣло будущаго, которому должно предшествовать предварительное спеціальное изученіе отдѣльныхъ сторонъ городского быта. Предметомъ такого спеціальнаго изученія я избралъ на свою долю общинную организацію тогдашняго посада. Изученіе дѣлопроизводства магистратскихъ учрежденій XVIII в., въ изобиліи сохранившагося въ нашихъ архивахъ, дало мнѣ возможность разсмотрѣть эту организацію съ трехъ сторонъ: 1) со стороны соціальнаго состава посадскихъ обществъ, 2) со стороны устройства посадскообщиннаго

тягла и 3) со стороны постановки посадскообщиннаго самоуправленія.

Я не буду утомлять сейчасъ вашего вниманія изложеніемъ тѣхъ спеціальныхъ выводовъ, къ которымъ я пришелъ по каждому изъ этихъ вопросовъ. Эти выводы изложены мною въ отпечатанныхъ тезисахъ. Но не одни только спеціальные выводы и положенія выноситъ изслѣдователь изъ многолѣтней работы надъ архивными матеріалами. Въ архивныхъ документахъ, въ этихъ пожелтѣвшихъ отъ времени свиткахъ и тетрадяхъ таятся особыя чары. Вы начинаете читать эти документы. Передъ вами мелькаютъ отрывочные факты давно угасшей жизни. Каждый фактъ самъ по себѣ мелоченъ и ничтоженъ. Но вы продолжаете чтеніе изо дня въ день, связка за связкой, и скоро вашу мысль начинаетъ обволакивать какая-то новая жизненная атмосфера, и вы уже съ волненіемъ слѣдите за тѣмъ, какъ раздвигаются рамки первоначально поставленнаго спеціальнаго вопроса и какъ этотъ спеціальный вопросъ начинаетъ связываться со всѣмъ контекстомъ воскресающей передъ вами, давно отжитой эпохи.

Такъ, и изъ-за картины посадскаго быта, которую я искалъ въ документахъ магистратскихъ учрежденій и которую я старался воспроизвести на страницахъ своей книги, для меня вырисовывалась во время моихъ архивныхъ занятій другая, болѣе широкая картина общихъ условій нашей государственности и общественности за то знаменательное время, когда по выраженію одного новѣйшаго историка, «цѣною разоренія страны Россія возводилась въ рангъ великой европейской державы». Я и позволю себѣ теперь вкратцѣ очертить тѣ болѣе общія впечатлѣнія, которыя были навѣяны на меня разработкой моей спеціальной темы.

Первое, что́ съ особенною силой бросалось въ глаза при разборѣ документовъ, рисующихъ повседневное теченіе русской жизни XVIII ст., это — глубокая бездна, отдѣлявшая Россію краснорѣчивыхъ регламентовъ, инструкцій, указовъ, изготовлявшихся въ петербургскихъ канцеляріяхъ и изукрашенныхъ цвѣтами модной въ то время политической идеологіи, отъ сѣрой и будничной дѣйствительности подлинной Россіи того времени. Читая эти регламенты, инструкціи и указы, вы не можете отдѣлаться отъ впечатлѣнія глубокихъ измѣненій въ строѣ русской жизни, осуществляемыхъ благожелательными

заботами попечительной власти. Какъ будто вся русская жизнь сдвигается на вашихъ глазахъ съ своихъ основаній и изъ-за обломковъ разрушенной старины выростаетъ новая европеизированная Россія. Подъ впечатлѣніемъ этой внушительной картины вы обращаетесь затѣмъ къ изученію этой европеизированной Россіи, но по такимъ документамъ, въ которыхъ записывались не преобразовательныя мечты, а обыденные факты текущей жизни. И скоро отъ вашего миража не остается и слѣда. Съ полувыцвѣтшихъ страницъ этихъ документовъ, изъ-подъ внѣшней оболочки новаго канцелярскаго жаргона на васъ глядитъ старая московская Русь, благополучно переступившая за порогъ XVIII ст. и удобно размѣстившаяся въ новыхъ рамкахъ петербургской имперіи. Научный анализъ не разъ уже вскрывалъ эту трагическую двойственность русской жизни XVIII ст. Чтобы ограничиться указаніемъ на немногія, наиболѣе новыя работы, я упомяну только о подробномъ изображеніи такого столкновенія преобразовательныхъ программъ и жизненной практики, данное въ замѣчательной книгѣ П. Н. Милюкова о государственномъ хозяйствѣ Россіи въ первой четверти XVIII ст., я напомню, какъ годъ тому назадъ съ этой самой каѳедры М. М. Богословскій блестящимъ образомъ охарактеризовалъ намъ тѣ глубоко-архаическіе способы, которыми примѣнялись на практикѣ преобразовательные планы въ XVIII ст. И эта же самая раздвоенность встала предо мною во всей своей рельефности при изученіи посадскообщиннаго быта XVIII вѣка. Въ узкихъ рамкахъ посадской общины разыгрывалась все та же основная драма тогдашней русской жизни. Правительственный регламентъ разсматривалъ русскій городъ, какъ культурный центръ, какъ разсадникъ торговопромышленнаго прогресса, просвѣщенія и благоустройства и соотвѣтственно этому возлагалъ на городское самоуправленіе рядъ новыхъ задачъ, осуществленіе которыхъ требовало отъ мѣстнаго населенія и большой энергіи и значительныхъ затратъ, связанныхъ съ немалыми матеріальными пожертвованіями. Но на повѣрку этотъ европеизированный городъ оставался въ теченіе всего XVIII ст. архаическимъ посадомъ, цѣликомъ перешедшимъ въ новую Россію изъ стараго московскаго царства. Новыя задачи, присвоенныя посадскому самоуправленію, легли на него только новымъ бременемъ, тѣмъ болѣе тяжелымъ, что

средства для несенія этого бремени не подверглись обновленію.

Итакъ, при изученіи особенностей посадско-общиннаго быта въ Россіи XVIII в. мнѣ пришлось констатировать то же самое основное явленіе, которое уже не разъ было подмѣчено и описано изслѣдователями другихъ сторонъ русской жизни того времени: рѣзкое несоотвѣтствіе политической идеологіи, водившей перомъ законодателя, съ тогдашнимъ фактическимъ положеніемъ. Но мнѣ думается, что разработка моей спеціальной темы дастъ возможность нѣсколько дополнить тѣ объясненія, которыя были даны этой раздвоенности въ нашей литературѣ. Сущность этихъ объясненій извѣстна. Въ двухъ словахъ они заключаются въ слѣдующемъ. Своеобразное сплетеніе историческихъ условій привело къ тому, что ростъ государственныхъ потребностей довольно рано началъ у насъ опережать развитіе національныхъ силъ, необходимыхъ для удовлетворенія этихъ потребностей. И потому дѣло государственнаго строительства пошло ненормальнымъ, форсированнымъ ходомъ. Правительственныя начинанія превышали наличные рессурсы общества и реформа государственнаго быта пошла сверху, принудительнымъ путемъ, при помощи страннаго усиленія правительственной репрессіи, а въ результатѣ реформы получилось искусственное прикрѣпленіе чудовищно-разросшагося, громоздкаго правительственнаго аппарата къ неокрѣпшему соціальному фундаменту, который лишь съ большимъ трудомъ могъ выносить его тяжесть. И вотъ почему дѣятельность этого аппарата шла въ значительной мѣрѣ, такъ сказать, поверхъ русской дѣйствительности, страшно напрягая національные рессурсы и все-таки приводя къ слишкомъ скуднымъ положительнымъ результатамъ. Я не предполагаю отрицать вѣрности этой картины и справедливости этихъ заключеній. Я хотѣлъ только отмѣтить и еще одну сторону дѣла, которая представилась мнѣ наиболѣе ясной въ связи съ разработкой моей спеціальной темы. При учетѣ практическихъ результатовъ преобразовательныхъ начинаній XVIII в. не слѣдуетъ упускать изъ виду и того, что всѣ эти преобразованія, при всемъ видимомъ радикализмѣ не отличались полной логической послѣдовательностью и сами въ значительной мѣрѣ были проникнуты отголосками той старины, которую онѣ стремились реформировать. Въ

этомъ нельзя не видѣть одной изъ важныхъ причинъ тѣхъ противорѣчій, которыя вскрывались на каждомъ шагу между замыслами реформатора и результатами ихъ практическаго примѣненія.

По крайней мѣрѣ вся правительственная политика XVIII в. по отношенію къ посадскому самоуправленію можетъ быть охарактеризована, какъ попытка достигнуть совершенно недостижимой цѣли: осуществленія высшихъ культурныхъ задачъ внутренней политики на старой основѣ тягла. Въ результатѣ высшія культурныя задачи осуществленія не получали, а посадское тягло становилось несноснѣе, чѣмъ прежде, и въ сознаніи посадскаго населенія отлагался только одинъ выводъ: что попечительныя заботы правительства стоятъ очень дорого, что жить стало тяжелѣе и отнюдь не лучше.

Въ самомъ дѣлѣ, правительство желало, чтобы посадъ сдѣлался разсадникомъ торговопромышленнаго прогресса и въ то же время попрежнему безпрестанно отрывало посадскихъ людей отъ торговъ и промысловъ, разсылая ихъ по всему лицу русской земли съ разными служебными порученіями, превращало посадскаго торговца въ служилаго человѣка, личность, имущество и время котораго находились въ полномъ распоряженіи администраціи. Въ XVIII в. были посады, гдѣ количество обязательныхъ выборныхъ службъ было настолько несоразмѣрено съ количествомъ служило-способнаго населенія, что у службъ оказывались безперемѣнно всѣ мѣстные тяглецы. Далѣе, правительственный регламентъ требовалъ отъ посадскихъ обществъ устройства на мірскія средства цѣлаго ряда просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учрежденій: школъ, больницъ, богадѣленъ, пріютовъ и т. п. и въ тоже время финансовое управленіе вытягивало изъ мѣстной общинной кассы каждую свободную мірскую копейку на покрытіе такихъ расходныхъ статей, которыя не имѣли ничего общаго съ внутренними потребностями мѣстнаго міра.

Наконецъ, регламентъ надѣлялъ посадскую общину правами самоуправленія и въ то же время административная практика сжимала практическое примѣненіе этихъ правъ до минимальныхъ предѣловъ, опутывала каждое мірское начинаніе регламентирующимъ вмѣшательствомъ, недовѣрчиво и враждебно смотрѣла на всякое проявленіе мѣстной инціативы. Мірское самоуправленіе превращалось на практикѣ въ

орудіе осуществленія фискальныхъ задачъ и интересовъ, и пышныя фразы регламентовъ о подъемѣ городской культуры оставались не болѣе, какъ красивыми эксцессами канцелярской риторики. Муниципальные выборы въ полномъ согласіи съ изложенной системой разсматривались не какъ актъ передачи избираемому лицу общественныхъ полномочій отъ всего избирающаго его міра, а какъ актъ обязательнаго поручительства за избираемое лицо передъ центральною правительственною властью со стороны надежной общественной группы.

Принимая во вниманіе такія условія, вопросъ о взаимодѣйствіи законодательства и жизненной практики примѣнительно къ посадскому общинному устройству приходится поставить нѣсколько иначе. Реформа муниципальнаго быта, произведенная въ XVIII ст., сама по себѣ носила болѣе формальный, чѣмъ принципіальный характеръ. И если отъ фактическаго состоянія посадской жизни XVIII ст. вѣетъ такимъ глубоко архаическимъ духомъ, то и сами правительственныя мѣропріятія, посвященныя посадскообщинному устройству, были еще сильно пропитаны старыми московскими традиціями. Передъ мірскимъ самоуправленіемъ выдвигались новыя задачи, но для достиженія этихъ задачъ предписывались и дозволялись только старыя средства. Новое вино подъема городской культуры вливалось въ старые мѣхи тяглой организаціи посадской общины. И придавленная тяжелымъ податнымъ и повинностнымъ бременемъ, туго стянутая круговой порукой, посадская община не могла явиться основою для того прогресса городской жизни, о которомъ говорилось въ магистратскомъ регламентѣ. Программа этого прогресса, набросанная въ магистратскомъ регламентѣ, могла бы осуществиться лишь при коренномъ измѣненіи самыхъ основаній государственнаго порядка того времени.

Любопытно отмѣтить однако, что и въ то время и при господствѣ тяглой организаціи посадскому населенію не были чужды нѣкоторыя, правда, отрывочныя и робкія поползновенія къ установленію въ посадскомъ мірскомъ хозяйствѣ и управленіи началъ истинной общественной автономіи. Эти попытки не встрѣчали благопріятной почвы для своего расширенія и укрѣпленія и свидѣтельствовали только о томъ, что на извѣстной ступени общественнаго развитія стремленія къ истинному самоуправленію составляютъ ту природу человѣ-

ческаго общежитія, которая влетаетъ въ окно, если ее гонятъ въ дверь. Историческое изученіе минувшихъ эпохъ въ развитіи нашего самоуправленія приводитъ такимъ образомъ къ тому же заключенію, что и наблюденія надъ современной намъ дѣйствительностью: для удовлетворенія самыхъ насущныхъ потребностей и нуждъ нашей родины приходится желать, прежде всего, одного — чтобы навстрѣчу началамъ истинной общественной самодѣятельности широко и свободно распахнулись всѣ двери и всѣ окна государственнаго зданія Россіи.

Императрица Екатерина II, какъ законодательница.

Рѣчь передъ докторскимъ диспутомъ.

Предметомъ моей диссертаціи *) служитъ исторія составленія, опредѣленіе источниковъ и обзоръ первоначальнаго примѣненія Городового Положенія Екатерины II 1785 г. Я остановился именно на этой задачѣ по связи ея съ общимъ ходомъ моихъ изслѣдованій по исторіи русскаго города. Въ своей предшествующей книгѣ «Посадская община въ Россіи XVIII ст.» я изучалъ развитіе русскаго муниципальнаго строя приблизительно до средины 60-хъ гг. XVIII ст. Итти далѣе было невозможно, не подвергнувъ предварительно монографическому обслѣдованію тотъ законодательный актъ, который лежалъ въ основѣ городского устройства отъ 1785 г. и вплоть до 1870 г. Думается, что, избирая эту работу предметомъ своего изслѣдованія, я не уклонился и отъ круга общихъ очередныхъ задачъ нашей исторіографіи. Исторія важнѣйшихъ законодательныхъ актовъ Екатерининскаго царствованія едва-едва затронута спеціальнымъ изученіемъ. Мы имѣемъ передъ собой ихъ окончательные тексты. Но условія и процессъ ихъ выработки остаются для насъ неясными. Нужно ли доказывать, какъ настоятельно необходимо заполненіе этого пробѣла для изученія исторіи Екатерининской эпохи? И въ этомъ отношеніи среди другихъ крупныхъ законодательныхъ актовъ Екатерины II всего менѣе посчастливилось именно ея Городовому Положенію. Какъ шла подготовка «учрежденія о губерніяхъ», объ этомъ мы находимъ нѣкоторыя свѣдѣнія, хотя неполныя и, быть можетъ, односороннія, въ изслѣдованіи Блума о Сиверсѣ. **) На исторію

*) «Городовое Положеніе Екатерины II 1785 г.» М. 1909 г.

**) Въ послѣднее время появилась спеціальная работа г. Григорьева по исторіи Екатерининскаго «Учрежденія о губерніяхъ». Эта работа, однако, оставляетъ желать многаго.

выработки жалованной грамоты дворянству бросило нѣкоторый свѣтъ открытіе «проекта правъ благородныхъ» и опубликованіе преній объ этомъ проектѣ, происходившихъ въ комиссіи 1767 г. Напротивъ того, исторія Городового Положенія Екатерины II оставалась покрытой для насъ полнымъ мракомъ. Здѣсь приходилось признать зіяющій пробѣлъ въ нашихъ свѣдѣніяхъ, и это обстоятельство еще болѣе укрѣпило меня въ намѣреніи попытаться сдѣлать, что окажется въ моихъ силахъ, для хотя бы лишь частичнаго заполненія этого пробѣла.

Я положилъ въ основу своей работы документальныя разысканія въ трехъ архивахъ. Въ петербургскомъ государственномъ архивѣ я изучалъ собственноручныя бумаги Екатерины II, относящіяся до Городового Положенія и, главнымъ образомъ, находящійся въ этихъ бумагахъ рядъ черновыхъ набросковъ и проектовъ интересующаго меня памятника. Все это дало матеріалъ для первой главы моей книги, посвященной исторіи текста Городового Положенія. Затѣмъ въ архивѣ государственнаго совѣта я обслѣдовалъ дѣлопроизводство частныхъ комиссій, образованныхъ при Екатерининской «уложенной» комиссіи 1767—1772 гг. На основаніи этого матеріала написана вторая глава моей книги, посвященная трудному и сложному вопросу объ источникахъ Городового Положенія 1785 г. Наконецъ, по документамъ московскаго архива министерства юстиціи написана третья глава, въ которой я слѣжу за практическимъ примѣненіемъ Екатерининскаго Городового Положенія въ теченіе послѣдняго десятилѣтія Екатерининскаго царствованія.

Я не смѣю утруждать вниманіе присутствующихъ изложеніемъ спеціальныхъ выводовъ, къ которымъ я прихожу по затронутымъ мною вопросамъ. Въ краткомъ видѣ эти выводы изложены мною въ печатныхъ тезисахъ. Я позволю себѣ сказать лишь нѣсколько словъ по вопросу о томъ, въ какомъ отношеніи моя спеціальная и частная работа могла бы быть использована для цѣлей общей исторической характеристики Екатерининской эпохи. Рѣшаюсь сказать, что моя книга даетъ нѣкоторый матеріалъ для установленія связи между двумя періодами законодательныхъ работъ Екатерининскаго царствованія,—періодами, которые нерѣдко съ чрезмѣрной рѣзкостью противопоставляются другъ другу. Какъ извѣстно, въ первой половинѣ своего царствованія Екатерина

предпринимаетъ грандіозный опытъ законодательной работы при помощи народнаго представительства. Въ грановитую палату Московскаго Кремля созываются депутаты изъ всѣхъ мѣстностей Россіи и почти отъ всѣхъ сословій. На открытомъ поприщѣ всенароднаго обсужденія, при свѣтѣ широкой гласности, трудами представителей народныхъ предположено было вести дѣло составленія новаго Государственнаго Уложенія. Внѣшняя судьба этого предпріятія извѣстна. Комиссія была распущена въ то время, какъ ея работы находились еще въ самомъ началѣ. *Поводомъ* къ распущенію комиссіи послужила война съ Турціей и отправленіе большинства членовъ комиссіи на театръ военныхъ дѣйствій; но *причины* ликвидаціи этого столь торжественно инсценированнаго предпріятія лежали глубже. Когда тотчасъ послѣ своего открытія комиссія занялась пространнымъ обсужденіемъ хвалебнаго титула, который она желала поднести императрицѣ, Екатерина отозвалась на это насмѣшливой шуткой: «я созвала ихъ обсуждать законы, а они занялись анатоміей моихъ качествъ». Однако лишь только комиссія приступила къ обсужденію законовъ, Екатерина перестала шутить и начала сердиться. Депутаты не выдвигали никакихъ острыхъ политическихъ вопросовъ, они держали себя по терминологіи нашихъ дней «законопослушно» и «работоспособно», и тѣмъ не менѣе, чѣмъ далѣе, тѣмъ все чаще императрицѣ приходилось убѣждаться въ томъ, что обращеніе къ народному представительству влечетъ за собой необходимость признавать рядомъ съ своей властью какую-то другую силу, самостоятельную и не всегда укладывающуюся по первому мановенію въ рамки указанныхъ свыше предначертаній. Въ практикѣ комиссіи появились случаи, когда внушенныя императрицей предложенія, если и проходили при голосованіи, то далеко не гладко, собирая противъ себя значительное количество отрицательныхъ голосовъ. Вотъ причина, по которой коммиссія, отсроченная по случайному обстоятельству, никогда уже не была возстановлена и Екатерина вскорѣ усвоила себѣ совершенно иные пріемы и методы законодательной работы. Въ 70-хъ годахъ, въ промежуткѣ между завоевательными внѣшними предпріятіями и подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ отъ глубокихъ внутреннихъ неурядицъ и смутъ, разросшихся до грозной Пугачевщины, Екатерина отдалась новому приступу «легисломаніи». Но о

собраніи депутатовъ теперь уже нѣтъ и рѣчи. Императрица ограничивается келейными совѣщаніями съ двумя-тремя спеціалистами экспертами. Вся подготовительная работа по государственнымъ преобразованіямъ протекаетъ въ тиши кабинета, сокрытая отъ публики, и законодательные акты появляются въ законченномъ видѣ внезапно, какъ Минерва изъ головы Юпитера. Сама Екатерина въ своихъ письмахъ любила подчеркивать полную независимость этихъ новыхъ своихъ работъ отъ прежнихъ опытовъ съ народнымъ представительствомъ. И со словъ Екатерины такое представленіе утвердилось на нѣкоторое время и въ исторической литературѣ. Екатерина любила сообщать своимъ корреспондентамъ, какъ она трудится въ уединеніи надъ чтеніемъ юридическихъ трактатовъ съ Блекстономъ во главѣ, и какъ по мѣрѣ этого чтенія въ ея головѣ рождаются счастливыя идеи и цѣлые законодательные акты выливаются изъ подъ ея пера, какъ свободный плодъ одинокихъ размышленій. На основаніи этихъ автобіографическихъ показаній и въ виду отсутствія документальныхъ данныхъ объ источникахъ крупнѣйшихъ законодательныхъ актовъ второй половины Екатерининскаго царствованія и превозобладалъ взглядъ на эти акты, какъ на своего рода шедевры индивидуальной законодательной импровизаціи. Такъ и установилось рѣзкое противоположеніе этихъ двухъ періодовъ Екатерининскаго законодательства: первый періодъ — законодательные опыты съ народнымъ представительствомъ, не приведшіе ни къ чему, и второй періодъ — личнаго законодательнаго творчества мудрой монархини, которое подарило Россію рядомъ крупныхъ реформъ.

Вотъ это-то противопоставленіе двухъ періодовъ и разсѣивается при ближайшемъ изученіи архивнаго матеріала. Документы показываютъ, что въ 70-хъ и 80-хъ годахъ своего царствованія Екатерина дѣйствительно усерднѣйшимъ образомъ штудировала Блекстона, но въ то же время она имѣла къ своимъ услугамъ обильныя и разнообразныя собранія матеріаловъ, давно обработанныя и систематизированныя, изъ которыхъ можно было съ удобствомъ черпать цѣлыми пригоршнями при составленіи законовъ о дворянскомъ и городскомъ самоуправленіи. Бóльшая часть этихъ подготовительныхъ работъ была выполнена какъ разъ при депутатской комиссіи 1767 г. Законодательные акты 70-хъ и 80-хъ гг.

Екатерининскаго царствованія, представляли собою, если не цѣликомъ, то въ значительной мѣрѣ проценты съ того капитала, который былъ накопленъ трудами народныхъ представителей, созванныхъ Екатериною въ началѣ ея царствованія.

Давно уже былъ открытъ главнѣйшій источникъ дворянской жалованной грамоты 1785 г. и этимъ источникомъ оказался «Проектъ правъ благородныхъ», дебатированный въ комиссіи 1767 г. Теперь, при изученіи исторіи Городового Положенія 1785 г. мнѣ довелось установить такую же тѣсную связь и этого законодательнаго памятника съ работами той же коммиссіи 1767 г.

Значительныя части Городового Положенія 1785 г. оказались заимствованными изъ иноземныхъ источниковъ весьма разнообразнаго происхожденія — остзейскихъ, шведскихъ, прусскихъ. Сюда относится, прежде всего, Ремесленное Положеніе; сюда относится противъ ожиданія и весь первый отдѣлъ Городового Положенія. При первомъ взглядѣ на характеръ этихъ заимствованій поражаешься энциклопедичной освѣдомленностью составительницы этого памятника. Передъ нами настоящая мозаика выписокъ изъ всевозможныхъ городскихъ статутовъ и ремесленныхъ уставовъ разныхъ эпохъ и странъ. Кто продѣлалъ эту громадную подготовительную работу, о которой Екатерина и не заикается въ своихъ письмахъ? Оказывается, что эта работа была продѣлана при «уложенной» комиссіи и Екатеринѣ въ 80-хъ годахъ оставалось только воспользоваться готовыми плодами ея трудовъ. Въ дѣлахъ «уложенной» коммиссіи, хранящихся въ архивѣ государственнаго совѣта, я нашелъ обширный кодификаціонный трудъ, подъ названіемъ: «Экстракты изъ законовъ лифляндскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ, выбранные при комиссіи сочиненія проекта новаго уложенія». Эти экстракты представляютъ собою систематическій сводъ обширнаго законодательнаго матеріала, расположеннаго на рубрики по предметамъ. Сравненіе экстрактовъ съ собственноручными выписками императрицы, хранящимися въ ея бумагахъ, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что именно эти экстракты послужили для Екатерины путеводной нитью при пользованіи иноземными источниками во время работъ надъ законодательными актами второй половины ея царствованія. Такъ смыкаются въ непрерывную цѣпь два момента законодательной

дѣятельности Екатерины II, которые нерѣдко мыслились, какъ совершенно раздѣльные и независимые другъ отъ друга.

Впрочемъ, къ этому наблюденію необходимо прибавить и другое. Екатерина пользовалась работами «уложенной» комиссіи, какъ подготовительнымъ матеріаломъ. Но, вылѣпляя изъ этого матеріала законченныя фигуры, она накладывала на нихъ штемпель собственной политической идеи. Въ чемъ состояла эта идея? Мнѣ кажется, я не ошибусь, если скажу, что идея эта сводилась къ установленію общественныхъ союзовъ и корпорацій, по формѣ самоуправляющихся, по существу служащихъ подчиненными органами коронной администраціи. Эта идея проходитъ красной чертой чрезъ всѣ крупнѣйшіе законодательные акты Екатерининскаго царствованія. Мы находимъ ее и въ учрежденіи о губерніяхъ, и въ обѣихъ жалованныхъ грамотахъ. Россія Петра Великаго знала лишь закрѣпощенныя—служилыя и тяглыя—общественныя группы. Вотъ почему попытки Петра подвести подъ государственное зданіе фундаментъ самоуправляющихся союзовъ потерпѣли неудачу. Введенная Петромъ ландратура отцвѣла, не успѣвши разцвѣсть. Петровскіе городскіе магистраты не могли послужить зерномъ для развитія городского самоуправленія. Но съ Петра до Екатерины въ русской жизни развернулись глубокія соціальныя метаморфозы. Дворянство превратилось изъ служилыхъ людей въ классъ привилегированныхъ землевладѣльцевъ и душевладѣльцевъ. Усложненіе и развитіе экономическихъ отношеній въ странѣ до извѣстной степени повысило уровень городской культуры. Все это создавало новые соціальные элементы, которымъ надлежало отвести свое опредѣленное мѣсто въ строѣ государственной жизни. Законодательство Екатерины и было направлено на то, чтобъ использовать эти новые элементы, давъ имъ такую юридическую организацію, которая возможно болѣе приспособила бы ихъ къ старымъ основамъ русской государственности. На этой идеѣ построено «учрежденіе о губерніяхъ». Въ основу новаго строя мѣстнаго управленія полагалось самое широкое примѣненіе выборной службы; львиная доля участія въ этой выборной службѣ предоставлялась дворянству, но и другія свободныя сословія получили къ ней доступъ, и даже были введены нѣкоторыя учрежденія для совмѣстной объединенной дѣятельности представителей

всѣхъ свободныхъ сословій. Это былъ отвѣтъ законодательной власти на столь ярко выразившіяся въ депутатскихъ наказахъ 1767 г. стремленія свободныхъ сословій къ самостоятельному участію въ дѣлахъ мѣстнаго управленія. Однако вся эта система выборныхъ учрежденій была въ то же время парализована властью Намѣстника или генералъ-губернатора, который былъ названъ *хозяиномъ губерніи* и которому были присвоены самыя обширныя и самыя неопредѣленныя по своимъ границамъ полномочія. Выборные судьи не были сдѣланы несмѣняемыми, а другія выборныя должностныя лица—напр. капитанъ-исправникъ—въ сущности представляли собой тѣхъ же правительственныхъ чиновниковъ, вполнѣ зависимыхъ отъ коронной администраціи. Старое вино въ новыхъ мѣхахъ — вотъ что находимъ мы на каждомъ шагу въ «учрежденіи о губерніяхъ» 1775 г.

Другой памятникъ Екатерининскаго законодательства—Дворянская жалованная грамота — по справедливости разсматривается всегда, какъ краеугольный камень привилегій нашего дореформеннаго дворянства. Грамота закрѣпляла итоги полувѣковаго процесса освобожденія дворянскаго сословія отъ прежняго его служилаго характера и установляла для дворянства сословное самоуправленіе. Очень характерно однако, что эта дворянская Magna Charta встрѣтила самую раздражительную и ѣдкую критику со стороны такого правовѣрнаго представителя дворянскихъ интересовъ Екатерининской эпохи, какимъ былъ кн. Щербатовъ. Если рядовая дворянская масса славословила этотъ актъ, какъ палладіумъ своихъ преимуществъ, — то такой крупный человѣкъ, какъ Щербатовъ, тотчасъ же отмѣтилъ основную черту грамоты: стремленіе превратить дворянскія привилегіи въ новый фундаментъ для стараго государственнаго порядка, основаннаго на произволѣ. Чрезвычайно любопытная критика Щербатова сводится, въ сущности, къ тому, что дворянству предоставлены грамотой лишь такія права, которыя въ правильно устроенномъ государствѣ должны составлять неотъемлемое достояніе всѣхъ вообще гражданъ, но грамота и не заикается о такихъ преимуществахъ, которыя могли бы сообщить дворянской аристократіи значеніе самостоятельной политической силы, ограничивающей само-

державно-бюрократическій произволъ. Даже служилый характеръ не вполнѣ былъ снятъ съ дворянства этой грамотой: 20 ст. грамоты все-таки обязывала дворянина являться на службу по первому призыву самодержавной власти; 64 ст. лишала не служившаго дворянина права голоса въ дворянскомъ собраніи и права занимать должности, замѣщаемыя по выбору дворянства. И, въ сущности, не далекъ былъ отъ истины покойный Лохвицкій въ своемъ на первый взглядъ парадоксальномъ утвержденіи, что совокупностью постановленій учрежденія о губерніяхъ и дворянской жалованной грамоты дворянство не избавлялось отъ своего прежняго служилаго характера, а было лишь перечислено по службѣ изъ министерства военнаго въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

И вотъ та же основная тенденція Екатерининскаго законодательства — вводя нѣкоторыя новыя формы государственнаго устройства, подчинять ихъ дѣйствію старыхъ началъ государственной жизни — обнаруживается во всей силѣ и въ Екатерининскомъ Городовомъ Положеніи. Уже Дитятинъ, анализируя текстъ Городового Положенія, — совершенно правильно указалъ, что созданіе городскихъ думъ при Екатеринѣ не избавляло городское хозяйство отъ подчиненія распоряженіямъ коронныхъ властей. Законъ предоставлялъ однѣ и тѣ же функціи въ области городского хозяйства и Думѣ и Управѣ Благочинія, не регулируя сколько нибудь точно ихъ взаимныя отношенія. Въ результатѣ на долю Думы пришлось собираніе различныхъ взносовъ съ городского населенія, а распоряженіе этими суммами сосредоточилось въ рукахъ коронныхъ властей. Я разобралъ дѣлопроизводство московской городской думы Екатерининской эпохи и долженъ сказать на основаніи этого разбора, что *практика* городского управленія того времени вела подчиненіе Думъ коронымъ властямъ еще гораздо далѣе, чѣмъ на это уполномочивала *буква закона*. Городовое Положеніе вводило весьма своеобразную и, я бы сказалъ, неуклюжую комбинацію городскихъ учрежденій: во главѣ города были поставлены — «собраніе градскаго общества», двѣ думы — общая и шестигласная и, наконецъ, магистратъ. Взаимныя отношенія всѣхъ этихъ учрежденій были очерчены въ законѣ весьма неопредѣленными чертами и на практикѣ принимали

сплошь и рядомъ самый неустойчивый и запутанный характеръ. «Собраніе градскаго общества» составлялось только изъ купцовъ двухъ первыхъ гильдій и нѣкоторыхъ именитыхъ людей. Это собраніе избирало градскаго голову, засѣдателей магистрата и совѣстнаго суда и утверждало городовую обывательскую книгу. Всѣ другіе вопросы городского управленія одновременно вѣдало и это «собраніе градскаго общества», состоявшее только изъ крупныхъ цензовиковъ изъ среды богатаго купечества, и Общая Дума, составлявшаяся изъ представителей всѣхъ шести разрядовъ городскаго населенія, выбиравшихся по шести различнымъ куріямъ. Далѣе, при Общей Думѣ состояла выбираемая изъ ея среды дума шестигласная, отношеніе которой къ Общей Думѣ было весьма неопредѣленно. Не то это былъ исполнительный органъ при Общей Думѣ, не то лишь болѣе тѣсный совѣтъ, хотя и направляемый руководствомъ Общей Думы, но по многимъ дѣламъ вполнѣ замѣнявшій собою Общую Думу и дѣйствовавшій самостоятельно. Въ довершеніе путаницы цѣлый рядъ сторонъ городского управленія одновременно съ двумя всесословными думами былъ ввѣренъ еще и магистратамъ, — учрежденіямъ опять-таки сословнымъ по составу, избиравшимся только купечествомъ и мѣщанствомъ и, наконецъ, въ то же самое время думы были поставлены въ іерархическое подчиненіе губернскому магистрату, который долженъ былъ принимать и разсматривать жалобы на неправильныя рѣшенія думъ. Получалась весьма странная комбинація: въ основѣ ея было поставлено «собраніе общества градскаго» изъ одного крупнаго купечества, затѣмъ слѣдовали всесословныя думы, а увѣнчивалась вся комбинація опять чисто-купеческимъ учрежденіемъ — губернскимъ магистратомъ. Эта многосложность и запутанность разнородныхъ городскихъ учрежденій, конечно, не могла способствовать укрѣпленію силы городского самоуправленія. Но еще важнѣе было то, что надъ всей этой нестройной кучей городскихъ учрежденій возвышалась совершенно придавливавшая ее власть губернскаго правленія и губернатора. Если уже по закону губернатору предоставлены были довольно обширныя полномочія по отношенію къ городскому самоуправленію, то на практикѣ, какъ я это показываю въ своей книгѣ, дѣло сводилось къ тому, что думы не могли сдѣлать буквально

ни одного шага безъ испрошенія спеціальнаго разрѣшенія губернской власти. Такое положеніе вещей всецѣло парализовало значеніе многихъ статей Городового Положенія. Не даромъ московская дума въ одномъ изъ своихъ рапортовъ заявляла, что къ умноженію въ городѣ полезныхъ заведеній она «смѣлости не имѣетъ ни малѣйшей»; а общій характеръ отношенія къ думѣ коронныхъ учрежденій былъ обрисованъ въ другомъ думскомъ рапортѣ въ такихъ выраженіяхъ: «дума примѣчаетъ, что требованія ея пріемлются безъ уваженія *и едва только и считается ли городская дума въ числѣ прочихъ въ Москвѣ присутственныхъ мѣстъ»*.

Таковъ былъ общій характеръ городской реформы Екатерины. Мы встрѣчаемся здѣсь съ тѣмъ же явленіемъ, какое было отмѣчено выше по отношенію къ другимъ крупнымъ ея преобразованіямъ. Подновлялся и перекраивался *фасадъ* государственнаго зданія, но все, прикрываемое этимъ фасадомъ, лишь въ слабой степени затрогивалось вводимыми перемѣнами.

Въ одной изъ своихъ статей В. О. Ключевскій сравнилъ царствованіе Екатерины II съ картиной, написанной широкими и грубыми мазками и потому расчитанной на *отдаленнаго* зрителя. Мы, историки, не можемъ позволять себѣ удовольствія держаться въ отдаленіи отъ этой картины. Рискуя утратить эстетическое наслажденіе, мы подходимъ къ ней вплотную и разглядываемъ ее во всѣхъ деталяхъ, ибо выше требованій эстетической гармоніи стоятъ для насъ требованія исторической правды. Я старался въ своей книгѣ поспособствовать болѣе отчетливому освѣщенію одного изъ уголковъ этой картины. Удалось ли мнѣ достигнуть въ этомъ направленіи какихъ-нибудь заслуживающихъ вниманія результатовъ, объ этомъ, конечно, судить не мнѣ, и потому здѣсь я замолкаю въ ожиданіи компетентныхъ замѣчаній моихъ уважаемыхъ оппонентовъ.

———

ИЗЪ ИСТОРІИ РОССІИ ВЪ XIX СТОЛѢТІИ.

Императоръ Александръ I и Аракчеевъ.

Не мало написано и напечатано о жизни и дѣятельности графа Аракчеева. Въ многочисленныхъ мемуарахъ начала XIX ст. встрѣчаемъ нерѣдко отзывы современниковъ о личности знаменитаго временщика и разсказы о различныхъ фактахъ изъ его жизни. Къ этимъ даннымъ мемуарной литературы присоединяется значительный запасъ подлинныхъ документовъ, писемъ и разнаго рода офиціальныхъ актовъ, бросающихъ свѣтъ на жизненный и служебный путь этого страшнаго человѣка, при одномъ упоминаніи о которомъ тысячи нашихъ недавнихъ предковъ дрожали и крестились отъ ужаса. Однако всѣ эти данныя, отрывочныя и разбросанныя, до сихъ поръ еще не сведены въ одно цѣлое*). А вѣдь стоитъ заняться такой сводкой. Аракчеевъ далъ свое имя цѣлому тринадцатилѣтію нашей исторіи (1812—1825 гг.), которое зовется «аракчеевщиной» подобно тому, какъ въ XVIII ст. время правленія Анны было прозвано «бироновщиной». Интересъ къ Аракчееву усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что время его всевластія пало на царствованіе государя, вступившаго на престолъ въ ореолѣ поборника либеральныхъ началъ. Какимъ образомъ «аракчеевщина» стала возможной подъ скипетромъ Александра I? Что связывало эти двѣ столь несродныя натуры? Какое сочетаніе условій создало ко второй половинѣ царствованія Александра I

*) Во II томѣ «Русскаго біографическаго словаря» помѣщена біографія Аракчеева, но эта статья цѣнна лишь въ качествѣ надежной хронологической канвы жизни и службы Аракчеева. О личности Аракчеева и его исторической роли названная статья, написанная тономъ какой-то офиціальной реляціи, не даетъ правильнаго понятія.

безудержный ростъ воинствующей реакціи, тупо и безсмысленно загонявшей въ революціонное подполье лучшій цвѣтъ общественныхъ силъ? Всѣ эти вопросы, неизбѣжно возникающіе около имени Аракчеева, имѣютъ большую важность какъ для изученія царствованія Александра I, такъ и для размышленій надъ болѣе общимъ вопросомъ объ исторической природѣ тѣхъ бурныхъ пароксизмовъ реакціоннаго террора, которые не перестаютъ вспыхивать время отъ времени на всемъ пространствѣ нашей новой исторіи вплоть до самыхъ послѣднихъ ея моментовъ.

Пушкинъ, разговаривая со Сперанскимъ, сказалъ: «Вы и Аракчеевъ, вы стоите въ дверяхъ противоположныхъ этого царствованія, какъ геніи зла и блага» *).

Салтыковъ въ поразительной по силѣ сатирическаго удара «Исторіи одного города» попытался заглянуть въ душу страшнаго временщика и въ своемъ Угрюмъ-Бурчеевѣ создалъ поистинѣ ужасающую фигуру героя безсмысленной воли, у котораго стихійная, всесокрушающая настойчивость шла вровень только съ безумной нелѣпостью занимавшихъ его плановъ и начинаній. «Закапывай рѣку, вороти ее вспять!» приказываетъ Угрюмъ-Бурчеевъ подвластной толпѣ и тысячи народа истекаютъ кровью надъ исполненіемъ завѣдомо безсмысленнаго приказа, покоряясь желѣзной волѣ своего повелителя.

Взгляды Пушкина и Салтыкова на дѣятельность Аракчеева примыкаютъ къ наиболѣе распространенному воззрѣнію, которое, на мой взглядъ, представляетъ Аракчеева выше его дѣйствительнаго духовнаго роста. Мрачный ли духъ зла, двигающій ли массами фанатикъ безсмысленныхъ плановъ, —и въ томъ и въ другомъ случаѣ Аракчеевъ рисуется, какъ человѣкъ сильнаго почина, властно порабощающій себѣ окружающихъ людей.

Такое воззрѣніе совпадаетъ съ распространеннымъ объясненіемъ происхожденія «аракчеевщины»: Аракчеевъ подчинилъ себѣ духовно Александра, Ариманъ восторжествовалъ надъ Ормуздомъ и, слѣдовательно, аракчеевщина возникла вопреки Александру; самого же Александра можно

---

*) Пушкинъ—«Отрывки изъ дневника». Сочиненія. М., 1882 г., т. V, стран. 233.

упрекнуть только въ слабости воли, въ мягкой уступчивости, въ томъ, что онъ не сумѣлъ совладать съ своимъ злымъ демономъ. И относя все мрачное на счетъ Аракчеева, это воззрѣніе создаетъ изъ него, какъ изъ нѣкоей темной глыбы, лишь пьедесталъ для вящшаго возвеличенія духовной красоты того, кому онъ служилъ.

Историческая дѣйствительность, однако, отнюдь не подтверждаетъ этого распространеннаго воззрѣнія. На самомъ дѣлѣ все было совершенно иначе. И прежде всего въ самомъ Аракчеевѣ при внимательномъ изученіи его личности нельзя подмѣтить ни одного грана крупной духовной силы, хотя бы мрачной, хотя бы извращенной. Онъ самъ охарактеризовалъ себя гораздо правильнѣе, нежели Пушкинъ и Салтыковъ. Онъ вовсе не притязалъ на роль демона или стихійно-фанатичнаго изувѣра. Онъ любилъ называть себя просто: «истинно-русскій неученый дворянинъ» — и только. Знаютъ ли современные «истинно-русскіе» дворяне, что первоначальнымъ творцемъ того прозвища, которымъ они теперь такъ гордятся, былъ ихъ прямой историческій предокъ — графъ Аракчеевъ? «Истинно-русскій неученый дворянинъ», это — нѣчто гораздо болѣе прозаическое, нежели «демонъ зла» и нѣчто гораздо менѣе устойчивое, нежели фанатикъ, хотя бы и безсмысленной идеи. Это просто — служилый холопъ, преданный «безъ лести», но при непремѣнномъ условіи полученія за свою преданность соотвѣтствующихъ подачекъ. Такимъ и былъ другъ сердца Александра, графъ Аракчеевъ. Взаимныя отношенія этихъ двухъ друзей располагались обратно тому, какъ гласитъ распространенная легенда. Александръ вдохновлялъ. Аракчеевъ исполнялъ. Разумѣется, способы исполненія соотвѣтствовали натурѣ исполнителя.

Аракчеевъ не былъ демономъ-искусителемъ. Скорѣе онъ былъ той тѣнью, которую отбрасывала отъ себя на Россію импозантная фигура Александра, вся сіявшая блескомъ славы, вся окруженная оиміамомъ восторженныхъ восхваленій. Блестящій предметъ и его тѣнь, — какъ будто два контраста. Но развѣ очертанія тѣни не обусловлены фигурою предмета, которому она сопутствуетъ?

Глава первая.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I.

Если Аракчеевъ не былъ рожденъ для того, чтобы духовно покорять, то и Александръ не былъ рожденъ для того, чтобы легко отдаваться во власть чужихъ чаръ. Александръ превосходно сыгралъ свою роль на жизненной сценѣ. Не даромъ Наполеонъ называлъ его «сѣвернымъ Тальма». Только очень опытный и вдумчиво наблюдательный глазъ могъ отличать природныя краски нравственной физіономіи Александра отъ вѣчно покрывавшаго ее художественнаго грима. Въ глазахъ большинства современниковъ и ихъ потомковъ Александръ представлялъ собою лучезарное видѣніе какой-то небесной духовной красоты. «Это — сущій прельститель», сказалъ про него многоопытный Сперанскій. Онъ владѣлъ тайной той чарующей улыбки, которая растопляетъ самыя суровыя сердца и вмигъ разсѣиваетъ всѣ предубѣжденія. И всѣмъ, кто испыталъ на себѣ магнетическое дѣйствіе этой улыбки или хотя бы только слышалъ отъ другихъ о ея невыразимой прелести, не могло не казаться, что кроткое сердце этого человѣка способно излучать лишь милость и благоволеніе, несущее съ собой всеобщее счастье. «Ваша душа — лучшая конституція для вашего народа», сказала Александру ярая конституціоналистка г-жа Сталь. Но въ такомъ случаѣ, какъ же объяснить себѣ всѣ эти капризные изгибы политики Александра, эту непрерывную цѣпь противорѣчій въ его начинаніяхъ, въ которыхъ возвышенные планы облагодѣтельствованія подданныхъ чередовались съ суровыми мѣрами, сѣявшими столько острыхъ обидъ, столько горя и несчастій? Для поклонниковъ «сущаго прельстителя» возможно было подыскать только одно объясненіе этому явленію: исполненный лучшихъ намѣреній и возвышенныхъ чувствъ, Александръ былъ слишкомъ впечатлителенъ и слабоволенъ и его нѣжное сердце, какъ тонкая трость отъ порывовъ вѣтра, безпомощно гнулось подъ разнообразными и противоположными вліяніями. Такъ создавалось представленіе о чрезмѣрной уступчивости, какъ объ основной чертѣ въ душевномъ складѣ Але-

ксандра *). Опираясь на это представленіе, легко уже было затѣмъ объяснить всѣ мрачныя стороны Александрова царствованія дѣломъ рукъ вліятельныхъ временщиковъ съ Аракчеевымъ во главѣ, оставляя на долю Александра роль жертвы собственнаго слабоволія.

Я не имѣю въ виду дать здѣсь исчерпывающую характеристику Александра. Эта трудная задача по силамъ лишь крупному художнику. Для моей частной цѣли предстоитъ изслѣдовать лишь вопросъ о степени самостоятельности Александра въ выборѣ своихъ жизненныхъ путей и своихъ политическихъ направленій. Однако и для разсмотрѣнія этого частнаго вопроса неминуемо приходится заглянуть въ тотъ извилистый, запутанный лабиринтъ, какимъ представляется душевная организація «неразгаданнаго сфинкса». Теменъ путь по этому лабиринту. Но одно для меня совершенно ясно: Александръ вовсе не обладалъ сердцемъ изъ мягкаго воска; столь многими подчеркнутая «уступчивость» его характера — не болѣе, какъ психологическій миражъ. Александръ частью безсознательно казался уступчивымъ человѣкомъ, — благодаря тому, что онъ дѣйствительно былъ равнодушенъ ко многимъ изъ тѣхъ вопросовъ, по которымъ онъ не настаивалъ на своемъ мнѣніи; частью и, можетъ быть, еще въ большей мѣрѣ, онъ сознательно и съ расчетомъ надѣвалъ на себя личину уступчивости какъ разъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ твердо и рѣшительно ставилъ себѣ опредѣленныя цѣли и неотступно шелъ къ нимъ, виртуозно вводя въ заблужденіе окружающихъ людей: Александръ всего болѣе умѣлъ заставлять служить своимъ планамъ именно тѣхъ лицъ, которымъ онъ съ особенною предупредительностью дѣлалъ видимыя уступки. Такъ, «уступчивость» Александра вовсе не свидѣтельствовала о слабоволіи: въ однихъ случаяхъ она являлась естественнымъ слѣдствіемъ лѣности и холодности его души; въ другихъ — служила тонко отточеннымъ орудіемъ государственной и житейской политики.

Обѣ указанныя основныя черты психическаго склада Александра — тяжеловѣсность душевныхъ движеній и изво-

*) Это представленіе положено въ основу и послѣдней по времени появленія работѣ о личности Александра I—*Н. Н. Өирсовъ:* «Императоръ Александръ I и его душевная драма», 1910 г.

ротливость при достиженіи поставленныхъ себѣ цѣлей — вскрываются передъ нами уже съ самаго ранняго его младенчества. До насъ дошелъ рядъ писемъ Екатерины II, рисующихъ ходъ начальнаго воспитанія Александра. Эти письма проникнуты чувствомъ влюбленности старой бабушки въ перваго внука. Содержаніе писемъ — сплошной панегирикъ «господину Александру», который рисуется перомъ бабушки, какъ геніальный ребенокъ, поражающій привлекательностью, душевныхъ качествъ, безграничными и быстро развивающимися способностями. Екатерина въ особенности восторгается однимъ свойствомъ своего внука: Александръ никогда никому не доставляетъ безпокойства; онъ никогда не капризничаетъ. Его душа — мягкая глина, изъ которой можно лѣпить, что угодно. Его ни къ чему не приходится принуждать; «нѣтъ ни выговоровъ, ни дурного расположенія, ни упрямства, ни слезъ, ни крика»; читать книжку онъ готовъ съ такимъ же удовольствіемъ, какъ вскочить въ лодку, чтобы грести. Эти признанія счастливой бабушки какъ будто подтверждаютъ мнѣніе объ уступчивости Александра. Однако надо помнить, что отзывы счастливыхъ бабушекъ вообще — самый ненадежный источникъ для характеристики ихъ внуковъ; изъ этихъ отзывовъ можно брать факты, но за объясненіемъ такихъ фактовъ предпочтительно обращаться къ другимъ даннымъ. Драгоцѣннымъ дополненіемъ и коррективомъ къ письмамъ Екатерины о младенчествѣ Александра служатъ отзывы его первоначальныхъ воспитателей. Здѣсь меньше восторговъ и больше безпристрастія и наблюдательности. Одинъ изъ этихъ воспитателей даетъ отзывъ, прямо противоположный тому, что читается въ письмахъ Екатерины: «замѣчается въ Его Высочествѣ лишнее самолюбіе, а отъ того *упорство въ мнѣніяхъ своихъ* и что онъ во всемъ будто увѣритъ и переувѣритъ человѣка, какъ захочетъ. Изъ сего открывается нѣкоторая хитрость, ибо въ затмѣваніи истины и въ желаніи быть всегда правымъ неминуемо нужно приступать къ подлогамъ»*). Итакъ, Александръ — ребенокъ, умѣющій упрямиться и упорствовать въ своихъ мнѣніяхъ, умѣющій добиваться того, что̀ составляетъ предметъ его желаній. Почему же

---

*) *Русскій Архивъ* 1866 г., с. 99. Замѣтка помѣчена апрѣлемъ 1792 г.

передъ бабушкой тотъ же ребенокъ являлся какимъ-то добронравнымъ автоматомъ? Сопоставленіе свидѣтельствъ Екатерины съ показаніями воспитателей наводитъ на предположеніе, что Александръ либо находилъ неудобнымъ въ чемъ-либо перечить бабушкѣ, либо просто смотрѣлъ съ одинаковымъ равнодушіемъ на каждое изъ тѣхъ занятій, которыя она ему предлагала. Все, что мы знаемъ о личности Александра за все время его жизни, доказываетъ равномѣрную допустимость обоихъ этихъ предположеній. Въ самомъ дѣлѣ, замѣтки воспитателей Александра рисуютъ намъ его ребенкомъ живымъ, даровитымъ, пріятнымъ, но неглубокимъ, легко схватывающимъ на-лету новыя впечатлѣнія, но неспособнымъ глубоко сродниться съ ними, быстро утомляющимся отъ послѣдовательныхъ занятій однимъ и тѣмъ же предметомъ. Александръ, по наблюденіямъ воспитателей, кажется способнымъ ко многому, но ничто въ частности не привлекаетъ къ себѣ его серьезнаго интереса. Эта природная наклонность скользить по поверхности окружающихъ явленій, оставаясь въ глубинѣ души къ нимъ равнодушнымъ и скучая ихъ пристальнымъ изученіемъ, могла только возрасти и укрѣпиться подъ вліяніемъ той школы, которую Александру пришлось пройти въ годы систематическаго обученія. Главный менторъ Александра, Лагарпъ составилъ первоначально довольно обширный планъ занятій. Предполагалось начать съ курса о происхожденіи обществъ, затѣмъ — остановиться на рядѣ поучительныхъ эпизодовъ изъ всемірной исторіи съ цѣлью привить Александру нѣкоторые возвышенные принципы, которые могли быть ему полезны при послѣдующей государственной дѣятельности, и, наконецъ, предполагалось подвести подъ эти уроки отвлеченной политической морали фундаментъ болѣе систематическаго обзора конкретныхъ историческихъ фактовъ. Составляя этотъ планъ, Лагарпъ очевидно разсчитывалъ на то, что онъ будетъ полнымъ хозяиномъ класснаго времени и получитъ возможность неспѣша вести учебныя занятія съ своимъ воспитанникомъ. Онъ упустилъ изъ виду, что требованія дворцоваго этикета ежеминутно станутъ врываться въ классную комнату великаго князя и ходъ ученія придется подчинять многимъ соображеніямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ школьной систематикой. Во-первыхъ, правильный курсъ ученія Александра очень

рано оборвался: частью по педагогическимъ, частью по династическимъ соображеніямъ Екатерина слишкомъ посиѣшила женить внука. Шестнадцати лѣтъ Александръ уже сталъ мужемъ четырнадцатилѣтней супруги, впослѣдствіи столь несчастной Елизаветы Алексѣевны. Разумѣется, правильное ученье послѣ этого стало невозможнымъ. Во-вторыхъ, и въ краткій періодъ систематическаго ученія многочисленныя отвлеченія постоянно нарушали строгій ходъ занятій. Приходилось по кускамъ воровать время для школьной работы отъ суетливой придворной жизни и въ то же время искажать и комкать намѣченный учебный планъ. Какой же частью надлежало пожертвовать? Отбросить воспитательно-моралистическую часть Лагарпъ не считалъ возможнымъ. Онъ призванъ былъ воспитать не ученаго, а государя. И вотъ, уже не гоняясь за систематическимъ изученіемъ, Лагарпъ спѣшилъ воспользоваться свободными для занятій часами, чтобы хотя въ общей формѣ раскрыть передъ будущимъ императоромъ міръ своихъ возвышенныхъ идей. Такое преподаваніе имѣло ту отрицательную сторону, что оно потворствовало и безъ того свойственной натурѣ Александра наклонности къ поверхностному воспріятію окружающихъ впечатлѣній, которыя схватывались имъ на-лету и очень рѣдко задѣвали самую глубину его расположенной къ дремотной лѣни души. Слушая Лагарпа, Александръ усвоилъ нѣсколько теоретическихъ понятій о свободѣ, равенствѣ, общемъ благѣ и т. п. Но онъ не взялъ этихъ понятій съ бою, не сроднился съ ними органически путемъ самостоятельной упорной мыслительной работы. Онъ привыкъ чисто эстетически цѣнить всѣ эти идеи и любоваться ихъ красотой такъ же пассивно, какъ любуется туристъ открывающимися передъ его вагоннымъ окномъ красивыми пейзажами, — любуется и ѣдетъ дальше. Александръ не воспиталъ въ себѣ жгучей потребности во что бы ни стало добиться воплощенія симпатичныхъ ему идей въ дѣйствительной жизни. Ему была совершенно чужда та страстность, при которой настоящіе борцы за идею отождествляютъ судьбу своихъ плановъ съ судьбою своей личности, та страстность, которая внушаетъ человѣку безповоротное рѣшеніе либо побѣдить, либо умереть. Созерцательный эстетикъ въ политикѣ, Александръ любилъ строить широкіе политическіе планы. Но онъ всегда предпочиталъ вынашивать эти, обыкно-

венно довольно фантастическіе и далекіе отъ реальныхъ жизненныхъ нуждъ, замыслы несмѣшна, въ мечтательномъ спокойствіи, заранѣе отодвигая ихъ практическое осуществленіе въ неопредѣленную даль будущаго. Для всякаго пассивнаго мечтателя тѣмъ дороже мечта, чѣмъ она отдаленнѣе отъ грубаго міра дѣйствительности; воплотить мечту не значитъ ли разсѣять окружающее ее обаяніе? И Александръ говорилъ о своихъ любимыхъ планахъ съ спокойныхъ и холоднымъ краснорѣчіемъ, отнюдь не смущаясь полнымъ несоотвѣтствіемъ этихъ отдаленныхъ замысловъ своимъ текущимъ дѣламъ. Этотъ-то постоянный разладъ слова съ дѣломъ, обѣщанія съ выполненіемъ и внушалъ многимъ предположеніе либо о неискренности, либо о слабовольной уступчивости Александра постороннимъ вліяніямъ. Между тѣмъ Александръ совершенно искренно любовался своими мечтательными замыслами и совершенно самопроизвольно, помимо какой бы то ни было уступчивости, сплошь и рядомъ велъ политику, на первый взглядъ ничего общаго съ этими замыслами не имѣвшую. Все дѣло было въ томъ, что заманчивые планы относились на счетъ далекаго будущаго, а длинный къ нимъ путь лежалъ въ воображеніи мечтателя какъ разъ чрезъ непригляднную дѣйствительность текущаго дня; такъ было удобно и пріятно — не нарушалась ни цѣлостность мечты, ни душевный покой на каждый данный моментъ. Эти отдаленные планы, постоянно роившіеся въ умѣ Александра, всегда имѣли нѣсколько незаконченный, полуоформленный видъ. Александръ любилъ оставлять за ними характеръ грезы, которая начиналась здѣсь, въ рамкахъ осязаемой дѣйствительности, и затѣмъ неуловимо расплывалась въ какой-то туманной неопредѣленности. И ничѣмъ нельзя было прогнѣвать его въ большей степени, какъ попыткой придать теперь же рѣзко опредѣленныя черты этимъ умышленно неяснымъ контурамъ манившихъ его воображеніе идей. Тогда онъ тотчасъ же испытывалъ такое чувство, какъ будто его грубо сталкиваютъ съ берега на опасный просторъ морскихъ волнъ, и это оскорбляло его созерцательную мечтательность: онъ любилъ всматриваться въ безпредѣльное море своей мечты не иначе, какъ чувствуя себя на берегу, на крѣпкой землѣ привычныхъ и давно налаженныхъ житейскихъ порядковъ и отношеній. Готовясь къ вступленію на престолъ и, затѣмъ, въ теченіе

первой половины своего царствованія онъ былъ увлеченъ планомъ облагодѣтельствованія Россіи, водворенія въ ней политической свободы на мѣсто прежняго деспотизма. Онъ предавался этой мечтѣ съ большимъ одушевленіемъ, пока на престолѣ находился его отецъ и вопросъ о практическомъ осуществленіи либеральной политической реформы не могъ стать на очередь. Но вотъ Александръ самъ сдѣлался императоромъ и въ тѣсномъ кругу своихъ друзей и единомышленниковъ, въ такъ-называемомъ «неофиціальномъ комитетѣ» приступилъ къ разработкѣ ближайшаго плана преобразованій. Отчего же первымъ рѣшеніемъ этого неофиціальнаго комитета было — отсрочить введеніе въ Россіи народнаго представительства на неопредѣленное далекое будущее и замѣнить первоначальный планъ конституціонной реформы утопическимъ проектомъ совмѣщенія политической свободы съ неограниченнымъ самодержавіемъ? Была ли это уступка со стороны «слабовольнаго» Александра? Ничего подобнаго.

Обнародованный въ настоящее время полный текстъ протоколовъ неофиціальнаго комитета показываетъ, что среди членовъ этого комитета, вообще отнюдь не склонныхъ къ радикальнымъ преобразованіямъ, самъ Александръ былъ наименѣе расположенъ къ какимъ-либо рѣшительнымъ шагамъ по пути политическихъ нововведеній. Можетъ быть, тутъ дѣйствовало жизненное чутье, подсказавшее Александру, — вопреки его предшествующимъ увлеченіямъ,—ту мысль, что его страна еще не подготовлена къ коренному переустройству государственнаго порядка? И это предположеніе не объясняетъ сущности дѣла, ибо, съ одной стороны, Александръ не переставалъ толковать о своемъ рѣшеніи уничтожить деспотизмъ и основанное на немъ «безобразное зданіе нашего правленія», а съ другой стороны, онъ не задумывался самодержавно ниспровергать и такія гарантіи, которыя уже были узаконены и соблюденіе которыхъ вовсе не требовало съ его стороны борьбы съ закоренѣлыми предразсудками общества. Припомнимъ одинъ характерный эпизодъ, разыгравшійся какъ разъ въ медовый мѣсяцъ «дней Александровыхъ прекраснаго начала». Указомъ о правахъ и преимуществахъ сената этому высшему государственному учрежденію было дано право ремонстраціи, т.-е. доведенія до свѣдѣнія государя указаній на неудобства предполагаемыхъ къ изданію законовъ. Въ пер-

вый же разъ, какъ сенаторы рѣшились осуществить это право, они встрѣтили со стороны Александра самый энергическій отпоръ. Государь принялъ сенаторовъ съ ледяной холодностью, и вскорѣ затѣмъ послѣдовало разъясненіе въ томъ смыслѣ, что упомянутое право сената должно быть относимо лишь къ законамъ, изданнымъ *до* обнародованія указа о правахъ и преимуществахъ сената и не распространяется на будущее время. Иначе говоря, подъ видомъ «разъясненія» состоялось полное упраздненіе только что введенной законодательной нормы, — пріемъ, близко знакомый русскому читателю нашихъ дней. Такъ, Александръ, восторгаясь прекраснымъ призракомъ политической свободы, съ раздраженіемъ отгонялъ отъ себя всякій намекъ на воплощеніе этого призрака въ осязательныхъ земныхъ формахъ. Здѣсь не было ни искренности, ни слабоволія; здѣсь была только холодная и праздная любовь къ мечтѣ, соединенная съ боязнью, что мечта улетучится при первой же дѣйствительной попыткѣ къ ея реализаціи. И Александръ предпочиталъ оставаться при неопредѣленно-расплывчатой формулѣ неофиціальнаго комитета о возможности совмѣстить свободу съ самодержавіемъ; неясность, неуловимость этой формулы какъ разъ и составляла главную привлекательность ея въ глазахъ Александра.

Спустя нѣсколько лѣтъ тяжелыя испытанія отъ неудачъ первыхъ коалицій противъ Наполеона поставили ребромъ вопросъ о необходимости политической реформы. Теперь уже не кабинетныя размышленія о возвышенныхъ принципахъ, а осязательная практическая потребность, всеобщее недовольство и ропотъ, финансовый кризисъ, расшатанность государства настойчиво напоминали о непригодности старыхъ формъ правленія. И отъ расплывчатыхъ мечтаній о политической свободѣ приходилось перейти къ составленію точнаго плана государственнаго преобразованія. Эта потребность выдвинула на авансцену внутренней политики великаго систематика — Сперанскаго. Легко можно представить себѣ, съ какимъ чувствомъ читалъ Александръ проекты Сперанскаго! Вѣдь эти проекты низводили воздушно-безплотную мечту о политической свободѣ на степень сухихъ логическихъ формулъ, точныхъ опредѣленій, законченныхъ параграфовъ. Все получало полную осязательность, принципы формулировались въ учрежденія, и желѣзная логика всѣхъ этихъ «уста-

вовъ» и «наказовъ» не оставляла мѣста никакимъ заманчивымъ недомолвкамъ и поэтическимъ неясностямъ. И главное,— планъ Сперанскаго былъ разработанъ въ цѣляхъ немедленнаго исполненія, при которомъ предстояло сейчасъ же осязательно почувствовать необходимыя послѣдствія введенія новаго порядка на мѣсто прежнихъ привычныхъ отношеній. Планъ Сперанскаго долженъ былъ возбудить въ Александрѣ непріятное чувство болѣе всего именно своею законченностью. И до насъ дѣйствительно дошли указанія на то, что Александръ выражалъ свое недовольство произведеніемъ Сперанскаго и жаловался, что Сперанскій исказилъ первоначальные проекты Лагарпа и с[illegible]никомъ опредѣленно ограничилъ прерогативы монарха*). Александръ былъ большой охотникъ до краснорѣчивыхъ введеній въ конституціонныя хартіи, но онъ отнюдь не одобрялъ точную опредѣленность въ параграфахъ ихъ текста. И не мудрено, что Александръ быстро перешелъ отъ первоначальной мысли о введеніи въ дѣйствіе проекта Сперанскаго цѣликомъ къ частичному осуществленію лишь нѣкоторыхъ его отрывковъ. Паденіе Сперанскаго обусловливалось, какъ извѣстно, многообразными причинами. Но врядъ ли мы ошибемся, предположивъ, что та легкость, съ которой Александръ пошелъ навстрѣчу недоброжелателямъ Сперанскаго, объясняется въ послѣднемъ счетѣ глубокой разностью натуръ этихъ двухъ людей. Сперанскій испугалъ Александра, показавъ ему въ конкретно-воплощенномъ видѣ его смутную и безформенную мечту. И сочиненные Сперанскимъ параграфы встали передъ умственнымъ взоромъ Александра, какъ живой укоръ его мечтательной пассивности, какъ предъявленный къ уплатѣ точно подведенный счетъ. И вотъ, почему, хотя Александръ и цѣплялся за Сперанскаго, повинуясь необходимости, какъ за незамѣнимаго работника, въ то время, когда на очереди стояли конкретныя конституціонныя преобразованія, но между ними никогда не могло установиться настоящей, интимной душевной близости, какъ никогда не могутъ сродниться духомъ мечтатель и реализаторъ. Лишь только Сперанскій исчезъ съ вершины государственной пи-

*) Сообщеніе де-Санглена—ср. ст. Погодина «Сперанскій»—*Русскій Архивъ* 1871 г. № 7—8, стр. 1168—69. По свидѣтельству де-Санглена, Александръ, выражая недовольство проектомъ Сперанскаго, сказалъ: «Сперанскій вовлекъ меня въ глупость».

рамиды, Александръ вновь погрузился въ фантасмагорическій міръ безформенныхъ мечтаній. Принявъ иное направленіе, эти мечтанія не утратили своего прежняго характера. Ихъ отличительной чертой всегда было странно-уродливое совмѣщеніе рѣзкихъ противоположностей. Обыкновенно Александръ начертывалъ себѣ отдаленную цѣль, которая должна была кореннымъ образомъ измѣнить окружающую его дѣйствительность. Но средствомъ для достиженія этой цѣли онъ всегда намѣчалъ усиленное развитіе такой черты этой самой дѣйствительности, которая всего болѣе отдаляла ее отъ задуманной Александромъ конечной цѣли.

Такъ было съ общеизвѣстнымъ планомъ «священнаго союза», такъ было съ гораздо менѣе извѣстнымъ планомъ Александра относительно переустройства россійской имперіи на федеративныхъ началахъ. Проектъ «священнаго союза», написанный собственноручно Александромъ, имѣлъ цѣлью утвержденіе политической системы Европы на завѣтахъ Спасителя. По обыкновенію Александръ не опредѣлялъ точно, въ чемъ именно будетъ состоять преобразованный на этихъ началахъ международный порядокъ. Зато для него было совершенно ясно, что для достиженія этой цѣли христіанскіе государи должны заключить тѣсный союзъ и твердо взять на себя все руководство жизнью своихъ народовъ. Исходъ дѣла общеизвѣстенъ. Меттернихъ посмѣялся надъ мечтательной цѣлью проекта, зато ухватился обѣими руками за рекомендованное имъ средство и сдѣлалъ изъ этого «средства» опорный пунктъ общеевропейской реакціи.

Въ то же время Александръ составилъ не менѣе своеобразный планъ и спеціально для Россіи. Александръ еще въ молодости обнаруживалъ интересъ къ федерализму. Въ виду этого интереса онъ предпринималъ даже попытки къ непосредственному сближенію съ Джефферсономъ*).

Впослѣдствіи, ходъ политическихъ событій привелъ къ образованію на окраинахъ Россіи двухъ государствъ, которыя были соединены съ россійской имперіей связью федеративнаго характера; то были царство польское и великое княжество финляндское. Эти событія оживили въ умѣ Александра

---

*) Ср. ст. г. Козловскаго «Александръ и Джефферсонъ». *Русская Мысль*, 1910 г. октябрь.

его давній интересъ къ федерализму. Составленный по порученію государя Новосильцевымъ проектъ конституціи проникнутъ явными федералистическими тенденціями. Хотя проектъ Новосильцева не получилъ дальнѣйшаго движенія, но мысль самого Александра продолжала работать въ томъ же направленіи, и, какъ теперь извѣстно, плодомъ этой работы явились весьма своеобразные новые планы. Мечтательному уму Александра стала рисоваться Россія въ видѣ группы обособленныхъ областей, изъ которыхъ каждая имѣетъ свое внутреннее устройство, основанное на свойственномъ населенію данной области коренномъ жизненномъ принципѣ. Такимъ образомъ, подобно Польшѣ и Финляндіи, и другія окраины должны были получить свои конституціи, приноровленныя къ жизненнымъ особенностямъ данныхъ мѣстностей. И вотъ съ этой-то федералистической мечтой Александръ ухитрился соединить... свой планъ — военныхъ поселеній. Подобно окраинамъ, и внутреннія части имперіи должны были составить компактную, обособленную область, причемъ въ основу ея политической организаціи долженъ былъ лечь строй военныхъ поселеній, по мнѣнію Александра, наиболѣе соотвѣтствовавшій бытовымъ особенностямъ коренного русскаго населенія.

Создавъ себѣ этотъ планъ, Александръ по обыкновенію не вдумывался въ его подробности и не трудился надъ изысканіемъ способовъ къ его осуществленію во всей совокупности. Предоставляя и то и другое неопредѣленному будущему, Александръ, какъ всегда, сосредоточился на одной изъ частностей, и какъ разъ именно на такой, которая стояла въ наиболѣе нелѣпомъ противорѣчіи съ основной идеей всего замысла. Этой частностью явилось устройство военныхъ поселеній, ставшее излюбленнымъ дѣломъ Александра во вторую половину его царствованія и окончательно закрѣпившее неограниченный фаворъ Аракчеева. Такова была удивительная судьба всѣхъ кабинетныхъ фантазій Александра: романтическая утопія священнаго союза дала осязательный плодъ въ видѣ «меттерниховщины»; а безформенныя мечты о русскихъ монархическихъ соединенныхъ штатахъ какими-то непостижимыми зигзагами мысли приводили къ торжеству «аракчеевщины». И вопреки распространенному мнѣнію о томъ, что Александръ по слабости характера уступилъ вліянію

Аракчеева, отказываясь отъ собственныхъ плановъ, на самомъ дѣлѣ Аракчеевъ съ его военными поселеніями самъ цѣликомъ входилъ въ эти планы царственнаго мечтателя, умѣвшаго, какъ никто, связывать въ своихъ фантазіяхъ самые противоположные элементы. Извѣстно, что мысль о военныхъ поселеніяхъ принадлежала лично Александру, и Аракчеевъ, не одобрявшій этой мысли и возражавшій противъ нея, сталъ во главѣ военныхъ поселеній только изъ угожденія волѣ государя.

Такъ противорѣчивость дѣйствій Александра часто давала иллюзію слабоволія и уступчивости постороннимъ вліяніямъ, а на самомъ дѣлѣ во многихъ случаяхъ она была просто естественнымъ слѣдствіемъ мечтательнаго пристрастія этого человѣка къ безплодной и противорѣчивой фантастикѣ.

Но это была фантастика особаго рода. Александръ не противополагалъ міръ дѣйствительности міру своихъ грезъ, а всегда связывалъ оба эти міра въ какую-то причудливую взаимозависимость. Вотъ почему и Меттернихъ и Аракчеевъ оказывались въ его представленіи необходимыми и наиболѣе вѣрными орудіями для подготовленія на землѣ царства евангельской истины и политической свободы.

Легко понять, что столь своеобразный мечтатель вовсе не былъ безпомощнымъ простакомъ «не отъ міра сего» въ дѣлахъ текущей политики и житейской практики. Любуясь отдаленными перспективами своей фантазіи, Александръ въ то же время отлично умѣлъ справляться съ ближайшими задачами текущей минуты. Здѣсь во всемъ блескѣ развертывался его незаурядный талантъ къ тонкимъ мистификаціямъ. Уже въ ранней молодости ему пришлось пройти тяжелую жизненную школу, которая потребовала отъ него высшаго напряженія осторожной изворотливости. Съ первыхъ же шаговъ его сознательной жизни судьба поставила его между двухъ враждебныхъ лагерей, между Петербургомъ и Гатчиной, между Екатериною и Павломъ. Необходимость безпрерывно лавировать и приспособляться, безпрерывно чувствовать себя словно на остріѣ ножа, изощрила присущую ему отъ природы гибкость души. Хитрость и лукавство, способность носить непроницаемую маску на своемъ прекрасномъ лицѣ стали для него сознательнымъ орудіемъ самосохраненія. Онъ бывалъ и въ Петербургѣ, и въ Гатчинѣ, и бывалъ тамъ

и здѣсь не однимъ и тѣмъ же человѣкомъ. Въ Царскомъ Селѣ и Петербургѣ, въ шитомъ кафтанѣ, шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ съ бантами, онъ читалъ съ бабушкой французскую конституцію 91-го года, восторгался энциклопедистами или присутствовалъ при распашныхъ бесѣдахъ Екатерины съ Зубовымъ, сидѣвшимъ тутъ же въ халатѣ и нерѣдко при Александрѣ зло подсмѣивавшимся надъ «гатчинскимъ чудакомъ»*). А въ Гатчинѣ, — затянутый въ военный мундиръ, въ ботфортахъ и жесткихъ перчаткахъ, онъ восхищалъ отца своимъ увлеченіемъ солдатской муштровкой и любилъ хвастаться при другихъ своими плацпарадными успѣхами, приговаривая при этомъ: «вотъ это по-нашему, по-гатчински!» Незадолго до своей кончины Екатерина задала внуку трудную задачу, разрѣшеніемъ которой Александръ окончательно сдалъ экзаменъ по высшей житейской дипломатіи. Какъ извѣстно, Екатерина въ послѣдніе годы своей жизни рѣшила устранить Павла отъ престола и передать корону непосредственно Александру. Екатерина долго не рѣшалась заговорить съ внукомъ объ этомъ щекотливомъ вопросѣ и первоначально сдѣлала попытку воспользоваться посредничествомъ Лагарпа. Однако Лагарпъ благоразумно уклонился отъ вмѣшательства въ это дѣло. Въ концѣ концовъ Екатерина сообщила свои планы Александру. Какъ принялъ Александръ это сообщеніе, можно судить по слѣдующему письму, которое онъ отправилъ бабушкѣ на другой день послѣ первой бесѣды съ нею по этому вопросу: «Ваше Императорское Величество! Я никогда не буду въ состояніи достаточно выразить свою благодарность за то довѣріе, которымъ ваше величество соблаговолили почтить меня. Я надѣюсь, что ваше Величество, судя по усердію моему заслужить неоцѣненное благоволеніе ваше, убѣдитесь, что я вполнѣ чувствую все значеніе оказанной мнѣ милости. Даже своею кровью я не въ состояніи отплатить за все то, что вы соблаговолили уже и *еще желаете для меня сдѣлать*. Эти бумаги съ полной очевидностью подтверждаютъ всѣ соображенія, которыя вашему величеству благоугодно было недавно сообщить мнѣ и которыя, если мнѣ позволено будетъ высказать это, какъ нельзя болѣе справедливы. Еще разъ повергая къ

---

*) *Русская Старина*, 1903 г., январь,—неизданная глава изъ книги бар. Корфа.

стопамъ вашего Императорскаго величества чувства моей живѣйшей благодарности, осмѣливаюсь быть съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и самою неизмѣнною преданностью вашего Императорскаго величества всенижайшій, всепокорнѣйшій подданный и внукъ Александръ». А наканунѣ отсылки этого письма Екатеринѣ Александръ написалъ другое, Аракчееву, тогда уже первому приближенному Павла въ Гатчинѣ, и здѣсь, еще не дождавшись смерти Екатерины, уже называлъ отца: «Его Императорскимъ Величествомъ».

Воспитанный въ молодости на такихъ урокахъ, Александръ навсегда избралъ главнымъ оружіемъ въ жизненной борьбѣ виртуозную способность строить свои успѣхи на чужой довѣрчивости. Онъ возбуждалъ къ себѣ эту довѣрчивость той видимой готовностью къ уступкамъ, той видимой склонностью признавать чужое превосходство надъ собою и легко очаровываться чужими достоинствами, которыя были принимаемы за чистую монету столь многими современниками и позднѣйшими историками. Баронъ Корфъ, имѣвшій возможность черпать свѣдѣнія объ Александрѣ изъ разсказовъ людей, превосходно его знавшихъ, пишетъ объ этомъ императорѣ: «Подобно Екатеринѣ, Александръ I въ высшей степени умѣлъ покорять себѣ умы и проникать въ души другихъ, утаивая собственныя ощущенія и помыслы. Онъ умѣлъ принимать видъ какой-то вкрадчивой откровенности, даже простосердечія, которымъ тотчасъ привлекались сердца» *).

Графиня Шуазель-Гуфье даетъ въ своихъ запискахъ такое описаніе наружности и обхожденія Александра, относящееся къ 1812 г.: «Несмотря на тонкія и правильныя черты и нѣжный цвѣтъ лица, въ немъ (Александрѣ) прежде всего поражала не красота его, а выраженіе безконечной доброты. Выраженіе это привлекало къ нему сердца всѣхъ окружающихъ, сразу внушало полное къ нему довѣріе. Онъ былъ хорошо сложенъ, былъ высокаго роста, осанку имѣлъ благородную и величественную. Чисто-голубые глаза его, несмотря на близорукость, смотрѣли быстро; въ нихъ просвѣчивалъ умъ и какое-то неподражаемое выраженіе кротости и мягкости. Глаза эти точно улыбались». Изъ дальнѣйшихъ словъ графини видно, однако, что и отъ нея не ускользнула черта нѣкоторой

*) *Русская Старина*, 1903 г., январь.

преднамѣренности во всей этой обаятельной манерѣ Александра держать себя. «Въ его голосѣ и манерѣ, — продолжаетъ графиня, — было безчисленное множество оттѣнковъ: въ разговорѣ съ значительными особами онъ принималъ величественный видъ, хотя былъ съ ними весьма любезенъ; съ приближенными обходился весьма ласково; доброта его доходила иногда до фамильярности; съ пожилыми дамами онъ былъ почтителенъ, съ молодыми — граціозно-любезенъ; тонкая улыбка мелькала на губахъ, глаза его принимали участіе въ разговорѣ...» *). Это былъ прирожденный дипломатъ, подобно тому, какъ его соперникъ Наполеонъ былъ прирожденный полководецъ. Въ области международныхъ дипломатическихъ переговоровъ эти свойства Александра находили себѣ наиболѣе яркое примѣненіе. Замѣчательно мѣтко выразился на этотъ счетъ шведскій посолъ въ Парижѣ, Лагербіелке: «Въ политикѣ Александръ I тонокъ, какъ кончикъ булавки, остеръ, какъ бритва, и фальшивъ, какъ пѣна морская». Въ сферѣ дипломатическаго искусства Александръ чувствовалъ себя въ силѣ помѣряться съ самимъ Наполеономъ. До сихъ поръ во многихъ историческихъ сочиненіяхъ разсказывается старая сказка о томъ, что въ Тильзитѣ Александръ весь отдался безотчетной очарованности геніемъ Наполеона. Живучесть этой сказки — лучшее доказательство того мастерства, съ какимъ Александръ разыгралъ тогда умышленно принятую на себя роль влюбленнаго въ Наполеона молодого человѣка. Мало кто зналъ въ то время, что, уступая сопернику и восторгаясь его величіемъ, Александръ готовилъ ему на будущее тонкія, но опасныя сѣти. Александръ открылъ тогда свою душу только въ письмахъ къ матери, и изъ этихъ писемъ можно видѣть, что маской уступчивости и энтузіастическаго преклоненія передъ Наполеономъ Александръ лишь прикрывалъ холодный и трезвый политическій расчетъ.

Французскій посолъ Лаферроне писалъ объ Александрѣ: «Онъ разсуждаетъ превосходно, неослабно аргументируетъ, — словомъ, изъясняется съ краснорѣчіемъ и жаромъ человѣка, глубоко убѣжденнаго. И между тѣмъ, частые опыты, исторія его жизни, все то, чему я былъ свидѣтелемъ, не позволяетъ ничему этому вполнѣ довѣряться». Повторяя ходячія мнѣнія

*) *Русская Старина*, 1877 г., декабрь.

толпы, Лаферроне склоненъ былъ объяснять ненадежность заявленій Александра его слабоволіемъ. Но болѣе зоркіе наблюдатели судили иначе. Мы имѣемъ отзывъ Шатобріана: «Искренній, какъ человѣкъ, Александръ былъ изворотливъ какъ грекъ, въ области политики». Самъ Наполеонъ, размышляя о прошломъ на островѣ св. Елены, очень опредѣленно охарактеризовалъ своего соперника: «Александръ уменъ, пріятенъ, образованъ. Но ему нельзя довѣрять, онъ неискрененъ; это — истинный византіецъ... тонкій, притворчивый, хитрый». Прикинуться уступчивымъ простачкомъ и тѣмъ подготовить гибель противнику — въ этомъ Александръ полагалъ высшее торжество своего искусства. Можно представить себѣ, съ какой гордой радостью въ душѣ сказалъ онъ Ермолову по въѣздѣ въ Парижъ въ 1814 г.: «12 лѣтъ я слылъ въ Европѣ посредственнымъ человѣкомъ; посмотримъ, что они заговорятъ теперь».

Эта привычка постоянно подходить къ человѣку съ затаенной задней мыслью, постоянно расчетливо играть на слабыхъ струнахъ чужой души развила въ Александрѣ недовѣрчивость и сухость сердца. Очаровывая всѣхъ и каждаго обаятельнымъ благоговѣніемъ, онъ не любилъ и презиралъ людей. «Я не вѣрю никому,—сказалъ однажды Александръ, —я вѣрю лишь въ то, что всѣ люди—мерзавцы». Зрѣлище чужого энтузіазма оставляло его холоднымъ и равнодушнымъ. По ироніи судьбы какъ разъ въ его царствованіе Россія пережила моментъ великаго подъема патріотическаго народнаго одушевленія въ годину отечественной войны. Александръ понялъ цѣну этого воодушевленія, какъ орудія для борьбы съ Наполеономъ, но не раздѣлилъ общенародныхъ чувствъ, не слился съ ними въ общемъ порывѣ, а, наоборотъ, какъ разъ въ этотъ моментъ провелъ рѣзкую раздѣльную черту между собой и своимъ народомъ. Михайловскій-Данилевскій сообщаетъ въ своемъ дневникѣ любопытныя указанія на то, какъ не любилъ Александръ вспоминать о бородинскомъ сраженіи, о великой *народной* войнѣ 1812 г. Бывали случаи, когда годовщина бородинскаго боя проходила ничѣмъ не отмѣченной со стороны Александра, хотя бы даже обыкновеннымъ благодарственнымъ молебномъ. Напротивъ, Александръ чрезвычайно любилъ вспоминать свой въѣздъ въ Парижъ и никогда не уставалъ разсказывать про смотръ при Вер-

тю*). Онъ какъ будто противополагалъ войну 1812 г., какъ дѣло ему постороннее, заграничному походу 1813—14 гг., въ которомъ онъ лично игралъ главную роль, не будучи уже заслоненъ могучимъ порывомъ народнаго движенія. Въ самомъ Парижѣ, на виду у всей Европы Александръ усиленно сторонился отъ роли національнаго царя. Русскія войска, привѣтствуемыя повсюду, какъ герои, спасшіе Европу, только отъ Александра не получили настоящаго признанія своей славы. Въ Парижѣ ихъ изнуряли безъ всякой нужды безконечными строевыми ученіями и за какую-нибудь мелочную оплошность побѣдителей Наполеона подвергали особенно оскорбительнымъ для національнаго чувства наказаніямъ. Дѣло дошло до того, что однажды Александръ приказалъ посадить русскихъ офицеровъ на англійскую гауптвахту. Это вызвало острый взрывъ ропота въ военныхъ кругахъ, и Ермоловъ въ негодующемъ тонѣ сообщилъ о всеобщемъ неудовольствіи великому князю Николаю Павловичу.

Охотно прибѣгая къ изворотливому маскированію своихъ плановъ, Александръ въ то же время не однажды доказалъ, что онъ способенъ настойчиво и рѣшительно итти къ своей цѣли, не уступая противодѣйствію окружающей среды. Шведскій посланникъ Стедингъ замѣтилъ про Александра: «Если его трудно въ чемъ-нибудь убѣдить, то еще труднѣе заставить отказаться отъ мысли, которая однажды въ немъ превозобладала». Въ протоколахъ неофиціальнаго комитета, составленныхъ Строгановымъ, можно найти многочисленныя указанія на то, какъ боялись члены комитета упорства государя въ принятыхъ имъ рѣшеніяхъ**). Эта способность вести свою

*) Смотръ при Вертю происходилъ 29 августа 1814 г. За три дня до этого—26 августа, какъ разъ въ годовщину Бородинской битвы,—была устроена репетиція предстоящаго смотра. Михайловскій-Данилевскій, описывая эту репетицію въ своемъ дневникѣ, передаетъ, между прочимъ, любопытную сценку: генералъ Толь, окидывая взорами выстроившуюся армію, сказалъ государю: «Какъ пріятно, ваше величество, что сегодня память Бородинскому сраженію». Въ тотъ же моментъ къ государю подъѣхалъ лейбъ медикъ Виллье съ точно такими же словами. Александръ не отвѣтилъ ни слова и поспѣшилъ отвернуться.—Шильдеръ, Александръ I, т. III, примѣч. 456.

**) Любопытно отмѣтить, что Строгановъ, задумывая планъ образованія неофиціальнаго комитета, расчитывалъ первоначально какъ разъ на мнимую уступчивость и мягкость Александра. Во время работъ комитета Строганову пришлось однако убѣдиться въ томъ, какъ неосторожны были эти расчеты.

линію наперекоръ господствующимъ вокругъ настроеніямъ, — способность, прямо противоположная распространенной легендѣ объ уступчивости Александра, — ярко выразилась въ исторіи его отношеній къ Наполеону.

Заключивъ тильзитскій союзъ съ Наполеономъ, Александръ сталъ въ рѣзкую оппозицію и русскому общественному мнѣнію, и могущественнымъ придворнымъ кругамъ съ императрицей Маріей Өедоровной во главѣ. Другъ сердца Александра, Нарышкина, также принадлежала къ противофранцузской партіи, и только отвергнутая супруга Александра, Елизавета Алексѣевна, поддерживала въ этомъ вопросѣ своего мужа. Все кругомъ Александра вопіяло противъ союза съ Наполеономъ, всѣ демонстративно повертывались спиной къ посланникамъ новаго союзника. Одинъ Александръ, зная, что онъ дѣлаетъ, велъ свою линію съ несокрушимой настойчивостью. И также рѣшительно, хотя и въ обратномъ смыслѣ, Александръ разошелся съ своими ближайшими совѣтниками послѣ занятія Москвы французами. Въ этотъ моментъ воинственная партія Маріи Өедоровны, охваченная паникой, внезапно отдалась порыву миролюбія, великій князь Константинъ безпрерывно оглашалъ залы дворца криками: «мира, мира!», къ противникамъ продолженія войны примкнулъ и Аракчеевъ, но Александръ твердо повторилъ въ отвѣтъ на всѣ эти призывы свое извѣстное обѣщаніе не положить оружія, доколѣ хотя одинъ непріятель будетъ оставаться въ предѣлахъ Россіи. Такую же безповоротную рѣшимость проявилъ Александръ въ дѣлѣ устройства военныхъ поселеній. Даже Аракчеевъ былъ противъ этой злосчастной затѣи. Кровавый бунтъ, разразившійся въ поселеніяхъ, могъ бы поколебать рѣшимость и очень твердаго человѣка. Но Александръ откликнулся на всѣ эти затрудненія и препятствія лишь слѣдующими словами: «Военныя поселенія будутъ существовать, хотя бы для этого пришлось выложить трупами всю дорогу отъ Петербурга до Новгорода».

Не достаточно ли приведенныхъ указаній для того, чтобы подвергнуть большому сомнѣнію легенду о слабоволіи и уступчивости Александра? Но съ устраненіемъ этой легенды падаетъ и возможность представлять Александра жертвою постороннихъ вліяній, а въ частности падаетъ возможность объяснять и возникновеніе «аракчеевщины» тѣмъ обстоятель-

ствомъ, что Александръ попалъ въ духовный плѣнъ къ «грузинскому отшельнику». Аракчеевъ могъ стать при Александрѣ лишь тѣмъ, что̀ желалъ въ немъ имѣть самъ Александръ. Такимъ образомъ, исторія возникновенія аракчеевщины требуетъ особаго разсмотрѣнія. И прежде всего является вопросъ: какими сторонами своей личности могъ Аракчеевъ привлечь къ себѣ довѣріе и дружбу Александра?

Для отвѣта на этотъ вопросъ необходимо познакомиться короче съ личностью страшнаго графа.

Глава вторая.

АРАКЧЕЕВЪ.

I.

По наружности Аракчеевъ былъ немногимъ благообразнѣе Квазимодо. Въ мемуарахъ современниковъ Аракчеева находимъ нѣсколько выразительныхъ описаній его внѣшности. Въ запискахъ Гриббе, въ 1822 г. впервые увидавшаго Аракчеева при поступленіи въ поселенный по р. Волхову полкъ его имени, читаемъ: «Фигура графа поразила меня своею непривлекательностью; представьте себѣ человѣка средняго роста, сутулаго, съ темными и густыми, какъ щетка, волосами, низкимъ волнистымъ лбомъ, съ небольшими, страшно-холодными и мутными глазами, съ толстымъ, весьма неизящнымъ носомъ формы башмака, довольно длиннымъ подбородкомъ и плотно сжатыми губами, на которыхъ никто, кажется, никогда не видывалъ улыбки или усмѣшки. Верхняя губа была чисто выбрита, что̀ придавало его рту еще болѣе непріятное выраженіе. Прибавьте ко всему этому еще сѣрую куртку, надѣтую сверхъ артиллерійскаго сюртука (такъ онъ одѣвался при осмотрѣ полей, работъ поселянъ). Онъ говорилъ сильно въ носъ и имѣлъ привычку не договаривать окончанія словъ, точно проглатывалъ ихъ»*).

Саблуковъ оставилъ намъ въ своихъ мемуарахъ еще болѣе наглядное изображеніе Аракчеева: «По наружности Аракчеевъ похожъ на большую обезьяну въ мундирѣ. Онъ былъ

---

*) *Русская Старина* 1875 г. Январь.

высокъ ростомъ, худощавъ и жилистъ; въ его складѣ не было ничего стройнаго, такъ какъ онъ былъ очень сутуловатъ и имѣлъ длинную тонкую шею, на которой можно было бы изучать анатомію жилъ, мышцъ и т. п. Сверхъ того, онъ какъ-то судорожно морщилъ подбородокъ. У него были большія мясистыя уши, толстая, безобразная голова, всегда наклоненная въ сторону; цвѣтъ лица его былъ нечистъ, щеки впалыя, носъ широкій и угловатый, ноздри вздутыя, ротъ большой, лобъ нависшій. Чтобы дорисовать его портретъ, — у него были впалые, сѣрые глаза и все выраженіе его лица представляло странную смѣсь ума и злости»*).

Въ противоположность Квазимодо, Аракчеевъ не обманывалъ своею наружностью: его отталкивающей внѣшности соотвѣтствовали крайне непривлекательныя душевныя качества. Здѣсь я долженъ сдѣлать одну оговорку. Изучая личность такого человѣка, какъ Аракчеевъ, который сумѣлъ сосредоточить около своего имени необъятное количество острой ненависти, естественно опасаться, что въ отзывахъ современниковъ, рисующихъ его духовную физіономію, къ исторической правдѣ невольно примѣшалось много всякаго рода преувеличеній, прикрасъ или даже сознательныхъ выдумокъ, продиктованныхъ горькимъ чувствомъ затаенной обиды. Слишкомъ много ужасовъ, иногда невѣроятныхъ, разсказано объ этомъ человѣкѣ въ историческихъ мемуарахъ, чтобы при чтеніи ихъ не задуматься порою надъ вопросомъ: гдѣ можетъ быть проведена та черта, которая твердо отдѣлила бы въ нашихъ свѣдѣніяхъ объ Аракчеевѣ правду отъ вымысла, Wahrheit отъ Dichtung?

Къ счастію, мы можемъ, какъ мнѣ кажется, принять достаточно надежную мѣру предосторожности противъ засоренія нашего очерка подробностями сомнительной достовѣрности. Среди лицъ, писавшихъ объ Аракчеевѣ, не мало такихъ, которыя не только не понесли отъ Аракчеева какой-либо личной обиды, но, какъ разъ наоборотъ, находились у него на хорошемъ счету, пользовались его благоволеніемъ и потому не могли имѣть особыхъ побужденій къ умышленному сгущенію мрачныхъ красокъ при изображеніи его личности. Если воспоминанія этихъ лицъ все-таки дышатъ горечью и

---

*) *Русскій Архивъ* 1869 г. стр. 1897.

развертываютъ передъ нами зловѣщія картины, — мы имѣемъ полное основаніе довѣрять такимъ показаніямъ, не рискуя воспроизвести исторической клеветы*). На такихъ именно источникахъ я основываю нижеслѣдующій очеркъ личности Аракчеева. Осторожность заставляетъ меня пожертвовать нѣкоторыми красочными подробностями, но, думается мнѣ, тѣмъ болѣе выиграютъ въ своей внушительности отобранныя мною данныя.

Перечитавъ многочисленные мемуары, въ которыхъ выведенъ Аракчеевъ, я останавливаюсь и жду, какія черты его личности, прежде всего, сами собою выдѣляются въ памяти изъ всей безконечной вереницы разсказанныхъ мемуаристами

---

*) Укажу здѣсь въ особенности на воспоминанія Кутлубицкаго, который въ царствованіе Павла оберегалъ Аракчеева отъ недоброжелательства Кутайсова и пользовался за это во все послѣдующее время особымъ благоволеніемъ Аракчеева; на воспоминанія Брадке, который во время службы въ военныхъ поселеніяхъ водилъ личное, домашнее знакомство съ Аракчеевымъ, хотя и не былъ въ числѣ его безгласныхъ рабовъ; воспоминанія Маевскаго, имѣвшаго еще болѣе тѣсныя и интимныя служебныя связи съ Аракчеевымъ, на воспоминанія Европеуса, врача въ военныхъ поселеніяхъ, котораго Аракчеевъ въ знакъ благоволенія наградилъ бриліантовымъ перстнемъ и который во время опалы Аракчеева при Николаѣ Павловичѣ былъ домашнимъ врачемъ графа. Въ какомъ свѣтѣ представлялась личность Аракчеева даже тѣмъ, кому онъ благодѣтельствовалъ, всего лучше показываютъ слова, сказанныя Н. Н. Саввантову протоіереемъ Грузинскаго собора Н. С. Ильинскимъ въ объясненіе того, что имъ не были докончены начатыя записки объ Аракчеевѣ: «Графъ дѣлалъ мнѣ добро,—сказалъ протоіерей,—но правду писать о немъ надобно не чернилами, а кровью» (*Русская Старина*, 1872 г., мартъ. стран. 471—472.) Изъ сподвижниковъ Аракчеева вполнѣ восторженно отзываются о немъ только Эйлеръ и Жиркевичъ. Но Эйлеръ — свидѣтель, заинтересованный въ апологіи Аракчеева, а Жиркевичъ самъ выдаетъ наивность своихъ сужденій тѣми фактами, которыми онъ ихъ думаетъ подкрѣпить. Онъ разсказываетъ, напримѣръ, какъ Аракчеевъ однажды отдалъ приказаніе наказать тѣлесно георгіевскихъ кавалеровъ и потомъ подъ благовиднымъ предлогомъ *простилъ* ихъ. Для Жиркевича это—доказательство незлобивости и отходчивости Аракчеева, между тѣмъ ясно, что Аракчеевъ поспѣшилъ лишь выпутаться изъ невозможнаго положенія, созданнаго имъ отдачею такого приказанія, которое *не могло быть* исполнено въ виду его вопіющей противозаконности. Изъ мемуаровъ, принадлежащихъ личнымъ непріятелямъ Аракчеева, важное значеніе имѣютъ мемуары Мертваго, но порукою правдивости сообщаемыхъ въ этихъ мемуарахъ данныхъ служитъ извѣстное благородство души ихъ автора.

фактовъ. Отвѣтъ получается очень ясный и опредѣленный. Сластолюбіе, жестокость и до болѣзненности обостренное тщеславіе несомнѣнно были основными стихіями несложной душевной организаціи друга Александра.

Суровый и мрачный графъ таилъ подъ безобразной наружностью неудержимую падкость до грѣшныхъ плотскихъ «шалостей», какъ онъ самъ обыкновенно выражался. Онъ любилъ строго преслѣдовать и карать развратъ среди подвластныхъ ему людей, и дворня его грузинской вотчины больно испытывала на себѣ моралистическія наклонности графа. Только для самого себя онъ дѣлалъ любезное исключеніе. По свидѣтельству полковника Брадке, мемуары котораго являются однимъ изъ надежнѣйшихъ источниковъ, у Аракчеева никогда не переводились многочисленныя любовныя связи. Сорока лѣтъ онъ, наконецъ, женился на 18-лѣтней дворянкѣ Хомутовой, миловидной и пріятной особѣ. Бракъ оказался слишкомъ недолговѣчнымъ. Аракчеевъ замучилъ жену тяжелыми свойствами своего характера и болѣе всего безудержной ревностью. Однажды, выѣзжая изъ Петербурга, Аракчеевъ строжайше приказалъ слугамъ слѣдить за тѣмъ, чтобы его жена не посѣщала нѣкоторыхъ знакомыхъ семействъ, но самой женѣ ничего не сообщилъ объ этомъ распоряженіи. Черезъ день послѣ отъѣзда графа жена его садится въ карету и велитъ везти себя какъ разъ въ одинъ изъ запретныхъ домовъ. Лакей докладываетъ, что это невозможно и передаетъ волю графа. «Пошелъ къ матушкѣ!» кричитъ оскорбленная графиня; пріѣзжаетъ въ домъ матери и болѣе уже не возвращается къ мужу.

Такъ и прервалась семейная жизнь Аракчеева. Возвратившись въ столицу, Аракчеевъ явился за женой. Вмѣстѣ доѣхали они въ каретѣ до полдороги, затѣмъ карета остановилась, жена сошла на тротуаръ, и супруги разстались навсегда*). Преслѣдуя ревностью молодую жену, Аракчеевъ самъ безпрерывно измѣнялъ ей. Въ самый годъ женитьбы на Хомутовой (1806 г.), графъ соорудилъ въ саду грузинскаго имѣнія чугунную вазу въ честь своей любовницы Настасьи Минкиной. Эта Настасья сыграла важную роль въ жизни Аракчеева. Онъ купилъ ее въ свою дворню откуда-то издалека

*) «Записки Жиркевича», *Русская Старина*, 1874 г., февраль.

и сдѣлалъ своей наложницей. Дородная, красивая смуглянка съ огненными черными глазами крѣпко привязала къ себѣ графа не только красотой, но и силою житейской изворотливости. Въ теченіе многихъ лѣтъ, до самой своей трагической смерти (ее убили дворовые, возмущенные ея жестокимъ съ ними обращеніемъ), Настасья оставалась довѣренной управительницей грузинской вотчины и, можно сказать, всевластно царила въ имѣніи графа. Аракчеевъ былъ несомнѣнно привязанъ къ этой женщинѣ, что̀ въ особенности доказывается тѣмъ бурнымъ отчаяніемъ, которое овладѣло имъ послѣ убійства Минкиной. Аракчеевскіе крестьяне были глубоко убѣждены въ томъ, что Настасья знается съ нечистой силой и съ ея помощью околдовываетъ графа. Разсказывали, что къ Настасьѣ по ночамъ прилеталъ змѣй, исполнявшій ея таинственныя порученія. Эти легенды какъ бы вскрываютъ то убѣжденіе народа, что естественными путями никому невозможно было привязать къ себѣ каменное сердце Аракчеева. До насъ дошла переписка Минкиной съ Аракчеевымъ, и въ ней-то находимъ разгадку долголѣтія этой связи *). Опытная въ житейскихъ дѣлахъ Минкина дѣйствовала на графа разнообразными способами. Она брала свое и хозяйственной дѣловитостью при управленіи имѣніемъ, и грубой, униженной лестью, и постоянными наружными изъявленіями собачьей преданности. Но при всемъ этомъ ея силу составляло также и то, что она никогда не позволяла себѣ докучать графу ревнивыми жалобами и открыто мирилась съ его сердечной вѣтреностью. Въ одномъ изъ писемъ отъ 20 іюля 1819 г. она пишетъ Аракчееву: «Вамъ не надобно сомнѣваться въ Н., которая на каждую минуту посвящаетъ вамъ. Скажу, другъ мой добрый, что часто въ васъ сомнѣваюсь, но все вамъ прощаю; что дѣлать, что молоденькія берутъ верхъ надъ дружбою, но ваша слуга все будетъ до конца своей жизни одинакова...» Разумѣется, такая уступчивость не стоила Настасьѣ никакой душевной борьбы, и тайно отъ графа она находила для себя сердечныя радости, болѣе заманчивыя, нежели аракчеевскія объятія. Зато и графъ—и уже не тайкомъ, а въ открытую — не стѣснялъ себя связью съ Настасьей и, сохраняя Настасью въ Грузинѣ, какъ свой надежный резервъ, никогда не отказывалъ себѣ въ сча-

---

*) *Русскій Архивъ* 1868 г.

стливыхъ атакахъ на сердца петербургскихъ искательницъ графскихъ милостей. Впрочемъ, и въ Петербургѣ, на-ряду съ мимолетными связями, у Аракчеева была также долголѣтняя подруга—жена бывшаго синодскаго секретаря, Варвара Петровна Пукалова, умная, образованная барыня, игравшая, благодаря связи съ Аракчеевымъ, большую роль въ петербургскомъ сановномъ мірѣ и, повидимому, очень падкая до участія въ служебныхъ интригахъ. По Петербургу ходила тогда пародія на заповѣди блаженства, въ которой, между прочимъ, говорилось: «блаженъ, чрезъ Пукалову кто протекцы не искалъ». Тиранъ Сибири Пестель, державшійся Аракчеевымъ, пресмыкался передъ Пукаловой и поселился въ одномъ съ нею домѣ. Въ одномъ письмѣ Дениса Давыдова къ Закревскому, отъ 10 мая 1820 г., встрѣчаемъ любопытныя строки: «Какимъ образомъ Вельяшевъ, который мостилъ сундуки свои червонцами, вымостилъ себѣ ленту? Неужели послужила къ сему та дорога, которую онъ намостилъ шалями для прохода Пукаловой къ Аракчееву?» *).

Нѣтъ сомнѣнія, что въ основѣ всѣхъ этихъ увлеченій Аракчеева лежала грубая чувственность. Всю жизнь онъ былъ падокъ до порнографіи. Можно сказать, что въ его душѣ соперничали двѣ страсти—истязать людей и разглядывать неблагопристойныя картинки. Эти картинки выписывались для него цѣлыми партіями изъ-за границы. Въ садахъ Грузина, среди различныхъ памятниковъ, поэтическихъ гротовъ и руинъ, статуй и бесѣдокъ, на уединенномъ островкѣ одного изъ садовыхъ прудовъ Аракчеевъ соорудилъ таинственный павильонъ, всегда запертый на ключъ. Аракчеевъ посѣщалъ этотъ павильонъ или одинъ, или съ самыми интимными пріятелями. Всѣ стѣны павильона были заняты зеркалами. При нажатіи потаенной пружины зеркала переворачивались, и за ними взорамъ посѣтителей открывались громадныя картины самаго непристойнаго содержанія. На столъ Аракчеева иногда подавался сервизъ, выписанный изъ Парижа. Всѣ тарелки этого сервиза были украшены столь же игривыми изображеніями, напр.: «Венера на бойнѣ», «Любовь заставляетъ плясать трехъ грацій» и т. п. Любопытенъ составъ библіотеки этого перваго сановника въ государствѣ. Половина

*) «Сборникъ Русск. Истор. Общ.», т. 73, стр. 523.

библіотеки была наполнена книгами соблазнительно-игриваго содержанія, напр.: «Любовники и супруги или мужчины и женщины, и то, и сіе», «Нѣжныя объятія въ бракѣ и потѣхи съ любовницами» и т. д. А вперемежку съ этими книгами находились такія, какъ: «Сѣятель благочестія», «О воздыханіи голубицы и пользѣ слезъ», «Великопостный конфектъ» и проч. *) Сладострастіе и ханжество тѣсно переплетались въ лицѣ Аракчеева.

Отдаваясь наклонностямъ сладострастнаго сатира, Аракчеевъ не стѣснялся никакой обстановкой. Любопытную сценку по этой части встрѣчаемъ въ воспоминаніяхъ сенатора Фишера. Это было въ 1824 г. Въ день именинъ императр. Маріи Ѳедоровны, 22 іюля, въ Петергофѣ былъ данъ, какъ всегда, роскошный праздникъ. Горѣла иллюминація. Площадка передъ петергофскимъ дворцомъ, противъ главнаго фонтана «Самсонъ» вся была покрыта массою народа. Фишеръ, тогда 18-лѣтній юноша, привелъ туда свою сестру, 17-лѣтнюю красавицу. Пробираясь къ болѣе удобному мѣсту, они вдругъ замѣтили у самыхъ перилъ старика въ смятой военной фуражкѣ и поношенной шинели, который стоялъ какъ-то одиноко, окруженный незанятымъ никѣмъ пространствомъ. Молодой человѣкъ, недолго думая, продвинулся съ сестрой къ свободному мѣсту, и тотчасъ же генералъ-адъютантъ въ полной формѣ, стоявшій за грязнымъ старикомъ, схватилъ Фишера за руку и строго сказалъ: «нельзя». Однако старикъ — это и былъ Аракчеевъ, — взглянувъ на красавицу, процѣдилъ сквозь зубы: «оставь!» Осмотрѣвшись, Фишеръ замѣтилъ, что за старикомъ стояли три генерала въ полной формѣ, и публика плотнымъ кольцомъ облегала тотъ заповѣдный кругъ, среди котораго находились только—Аракчеевъ и Фишеръ съ сестрой. И вотъ, при генералахъ и публикѣ Аракчеевъ, скрививъ ротъ и въ упоръ глядя на красавицу, началъ гнусливымъ голосомъ отпускать сальныя шуточки. «Allons nous en», шепнулъ сестрѣ растерявшійся Фишеръ, и, когда они удалялись отъ привилегированнаго сосѣдства, Аракчеевъ слѣдилъ за ними съ цинично-насмѣшливой улыбкой, а генералы и

---

*) *Отто*, «Черты изъ жизни гр. Аракчеева по документамъ Грузинскаго архива». *Древняя и Новая Россія*. 1875 г.,

публика смотрѣли на юную пару со смѣшаннымъ выраженіемъ удивленія и любопытства *).

Способный лишь на циническія ласки, Аракчеевъ былъ зато необыкновенно разностороненъ во всемъ, что касалось жестокой расправы и оскорбительнаго издѣвательства надъ подвластными ему людьми. Жестокость гнѣздилась глубоко въ его душевной организаціи и окрашивала собою большую часть поступковъ и дѣйствій этого человѣка. Характерно, что даже Эйлеръ, любимецъ Аракчеева и одинъ изъ его ближайшихъ сотрудниковъ по военнымъ поселеніямъ, записки котораго рѣзко выдѣляются изъ всей мемуарной литературы того времени по его панегиристическому отношенію къ Аракчееву, — даже Эйлеръ, рѣшившійся утверждать, что Аракчеевъ въ теченіе своей жизни никого не сдѣлалъ несчастнымъ,— всетаки замѣчаетъ, что его герой «имѣлъ одно только дурное качество», и этимъ качествомъ оказывается жестокость. Эйлеръ въ преклоненіи передъ Аракчеевымъ доходитъ до того, что называетъ его «однимъ изъ лучшихъ граждан̆ъ Россіи» и даже «дѣятельнѣйшимъ и справедливымъ заступникомъ Россіи передъ престоломъ монарха» (!). И вотъ, даже такой явно пристрастный свидѣтель сознается, что «Аракчеевъ имѣлъ склонность къ жестокости» **). Правда, Эйлеръ сейчасъ же прибавляетъ, что эта жестокость проявлялась лишь въ первомъ пылу сердца, но на эту оговорку приходится отвѣтить лишь тѣмъ, что «первый пылъ» растягивался у Аракчеева на весьма продолжительное время. Жестокость Аракчеева проявлялась не только въ мгновенныхъ порывахъ, но и въ планомѣрныхъ и систематическихъ пріемахъ обращенія съ людьми.

Не говоря уже о полномъ пренебреженіи Аракчеева къ чувству человѣческаго достоинства въ подвластныхъ ему людяхъ, онъ нисколько не щадилъ и физическихъ силъ своихъ подчиненныхъ, безъ всякой нужды для дѣла, доходя въ своей требовательности до изысканнаго истязанія. Смертельная болѣзнь жены или ребенка подчиненнаго нисколько не останавливали Аракчеева отъ предъявленія строгихъ требованій по службѣ. Однажды штабъ-офицеръ со слезами объяснялъ

*) «Записки Фишера», *Историч. Вѣстникъ*, 1908 г. май.,

**) «Записки Эйлера», *Русскій Архивъ* 1880 г., кн. III.

Аракчееву свое промедленіе въ исполненіи какого-то порученія внезапной смертью жены. «Какое мнѣ дѣло до твоей жены?» — вотъ все, что нашелъ нужнымъ отвѣтить Аракчеевъ убитому горемъ офицеру. Передавая этотъ случай, Брадке прибавляетъ къ нему другой, котораго онъ былъ личнымъ свидѣтелемъ. Одинъ офицеръ не могъ подняться по лѣстницѣ къ мѣсту службы вслѣдствіе болѣзни легкихъ и полнаго изнуренія всего организма. «Если онъ сейчасъ же не явится, — сказалъ Аракчеевъ,—я его запру въ казематъ». И несчастный съ сверхъестественными усиліями взобрался-таки по лѣстницѣ и, присѣвъ къ столу рядомъ съ Брадке, объяснилъ послѣднему свою покорность тѣмъ справедливымъ соображеніемъ, что въ казематѣ его здоровью было бы не лучше. Брадке довелось и на себѣ самомъ испытать тяжелую руку Аракчеева. Во время службы въ военныхъ поселеніяхъ Брадке заболѣлъ нервной горячкой. Едва только онъ началъ вставать съ постели, еще не владѣя какъ слѣдуетъ ногами, какъ Аракчеевъ уже сталъ заваливать его срочной работой, не давая ему совершенно оправиться, отчего у Брадке остались на много лѣтъ сильныя нервныя страданія*).

И такъ поступалъ Аракчеевъ съ подчиненнымъ, къ которому онъ вообще благоволилъ и съ которымъ поддерживалъ личное знакомство.

Если такова была безчувственная строгость Аракчеева къ подвластнымъ ему офицерамъ, то можно себѣ представить, какъ жилось въ ежовыхъ рукавицахъ графа крестьянамъ его вотчины. Перебирая журналы и брошюры 20-хъ годовъ XIX ст., вы не разъ встрѣтитесь съ восторженно-слащавыми панегириками, которые въ изобиліи стряпали тогда услужливые борзописцы въ честь несчетныхъ благодѣяній, изливаемыхъ Аракчеевымъ на своихъ крестьянъ. Мы увидимъ далѣе, что Аракчеевъ былъ великимъ мастеромъ по части сооруженія вокругъ себя декоративнаго, показного благоденствія, которое и давало литературнымъ предкамъ г. Меньшикова формальное основаніе для печатныхъ славословій. Въ числѣ сельскихъ учрежденій Аракчеева были и такія, отъ которыхъ крестьяне дѣйствительно получали настоящую пользу, какъ, напримѣръ, основанный Аракчеевымъ въ Грузинѣ мірской

*) «Записки Брадке», *Русскій Архивъ*, 1875 г., кн. I.

банкъ для выдачи крестьянамъ безпроцентныхъ ссудъ на пріобрѣтеніе скота и на хозяйственныя постройки; для учрежденія этого банка Аракчеевъ пожертвовалъ 10,000 руб. *). Но и такія отдѣльныя благодѣтельныя мѣры не могли смягчить для аракчеевскихъ крестьянъ всей тягостности ихъ существованія подъ властью жестокаго помѣщика, что доказывается массовымъ бѣгствомъ крестьянъ изъ аракчеевскихъ вотчинъ. Мучительство и тиранство лежало въ основаніи всего управленія этими вотчинами. Въ Грузинѣ всегда стояли кадки съ разсоломъ, въ которомъ мокли палки и прутья, приготовленные для расправы съ крестьянами и дворовыми. Весь подборъ изощренныхъ наказаній, которыя только знала мрачная эпоха крѣпостничества, нашелъ свое усердное примѣненіе во владѣніяхъ «грузинскаго пустынника», какъ любилъ себя называть Аракчеевъ. По недѣлямъ и мѣсяцамъ ходили люди Аракчеева съ рогатками на шеѣ, которыя не давали имъ возможности прилечь; рогатки надѣвались и на женщинъ, и на дѣвушекъ, и въ такомъ видѣ наказаннымъ приказывали являться въ соборъ къ церковнымъ службамъ. Съ обычной своею акуратностью Аракчеевъ составилъ для своихъ вотчинъ цѣлое уложеніе о наказаніяхъ. За первую вину по этому уложенію полагалось сѣченіе на конюшнѣ; за вторую — отсылка въ поселенный полкъ для наказанія тамъ особыми «аракчеевскими» толстыми палками **); за третью — тѣлесное наказаніе еще болѣе суровое, которое производилось уже передъ окнами господскаго дома вызванными изъ полка палачами (почему-то это лобное мѣсто Аракчеевъ опредѣлилъ передъ окнами *библіотеки*); сверхъ тѣлеснаго наказанія провинившимся грозило еще заключеніе въ домашнюю

*) «Древн. и Новая Россія», 1875 г., ст. Отто.

**) Въ воспоминаніяхъ Гриббе разсказывается, что въ поселенныхъ войскахъ были особые спеціалисты по части безжалостнаго сѣченія. Къ нимъ-то и отсылалъ Аракчеевъ своихъ провинившихся дворовыхъ съ записками, въ родѣ слѣдующей: «Препровождаемаго при семъ прогнать черезъ пятьсотъ человѣкъ одинъ разъ, поручивъ исполненіе этого маіорамъ Писареву и кн. Енгалычеву». Въ цѣляхъ назиданія вмѣстѣ съ виновнымъ присылались обыкновенно и нѣсколько зрителей изъ числа дворни, которые въ парадныхъ ливреяхъ должны были итти по той же «зеленой улицѣ», по которой тащили несчастнаго истязуемаго, и притомъ непосредственно вслѣдъ за нимъ. «Воспоминанія Гриббе», *Русская Старина*, 1875 г., январь.

тюрьму, названную почему-то «Эдикулемъ» — это было темное холодное зданіе, сидѣніе въ которомъ причиняло узникамъ немалыя страданія. Исполнителями своей воли по части муштрованія дворни и крестьянъ Аракчеевъ избиралъ людей, не уступавшихъ ему самому въ жестокости. Главная управительница Грузина, уже упомянутая выше Минкина, стяжала себѣ своимъ обращеніемъ съ подневольными людьми славу Салтычихи и была убита дворовыми за свою безжалостность. Помощникомъ ея по управленію дворней былъ архитекторъ Минутъ, настоящій звѣрь, отъ преслѣдованій котораго дворовые нерѣдко бросались въ прудъ и топились. Какъ-то разъ дворня, не выдержавъ, принесла жалобу Аракчееву на жестокость Минута. Что же Аракчеевъ? Пришелъ къ Минуту да и говоритъ съ обычной своей гнусавой протяжкой: «Не ладно у тебя, братецъ, что люди на тебя *жалятся,* это не дѣло, не люблю я этого; надо такъ наказывать, чтобы и жалиться не смѣли». И стало послѣ того еще хуже, разсказывали дворовые Грузина. Отъ наказаній не были избавляемы и дѣти, которые боялись Аракчеева больше лѣшаго и буки. При въѣздѣ Аракчеева въ какую-нибудь принадлежавшую ему деревню нерѣдко разыгрывалась оригинальная сцена: ребятишки, завидѣвъ графскій экипажъ, со всѣхъ ногъ бросаются во всѣ стороны, врассыпную; графъ, не выносившій такого открытаго изъявленія нелюбви къ нему, въ гнѣвѣ выскакиваетъ изъ экипажа и самъ пускается преслѣдовать ребятъ, настигаетъ нѣкоторыхъ и принимается ихъ наказывать. Бывало, въ добрую минуту давалъ онъ ребятамъ леденцы и пятачки; но юное поколѣніе грузинскихъ селеній не хуже взрослаго знало непрочность господской ласки. Очевидцы разсказывали, какая бурная радость охватила аракчеевскихъ крестьянъ при извѣстіи о смерти графа; и дѣти, и мужики, и бабы не могли опомниться отъ счастья и только одно опасеніе нѣсколько туманило общее веселье: «а ну какъ графъ да снова встанетъ?» *).

Читатель можетъ замѣтить, что вся эта суровая и даже жестокая «муштра» и служебныхъ подчиненныхъ, и крѣпостныхъ людей соотвѣтствовала общему уровню нравовъ той эпохи, и Аракчеевъ въ этомъ отношеніи являлся лишь

---

*) Ibid.

истиннымъ сыномъ своего вѣка. Однако, извѣстны факты, указывающіе на то, что Аракчееву было свойственно находить въ мучительствѣ какое-то особенное сладострастное наслажденіе. Я склоненъ думать, что эта черта доходила у него до чисто патологической маніи *). Толь и Михайловскій-Данилевскій свидѣтельствуютъ, что на разводахъ въ Гатчинѣ при императорѣ Павлѣ Аракчеевъ съ ревностнымъ увлеченіемъ собственноручно вырывалъ у солдатъ усы **); а близко знавшій Аракчеева Мартосъ сообщаетъ, что въ день воцаренія императора Павла Аракчеевъ на разводѣ откусилъ у одного солдата ухо ***). Отсылая дворовыхъ людей для наказанія, Аракчеевъ любилъ потомъ лично осматривать ихъ израненныя спины, и горе было тѣмъ, у кого, по его мнѣнію, оказывалось недостаточно кровавыхъ знаковъ. Бывало, дворовые, отправляясь послѣ наказанія на смотръ къ графу, рѣзали цыплятъ и намазывали ихъ кровью свои рубцы для того, чтобы графъ остался доволенъ результатами расправы и не отдалъ приказа возобновить истязаніе ****). Со стороны Аракчеева это была не только предусмотрительность взыскательнаго барина; это было также удовлетвореніемъ безотчетной мрачной страсти наслаждаться чужими мученіями. Въ причиненіи кому-нибудь боли — физической и нравственной — Аракчеевъ находилъ настоящее душевное удовлетвореніе. Когда онъ лежалъ, разбитый предсмертной болѣзнью, окружающіе чтобы развлечь его отъ тяжелыхъ настроеній (Аракчеевъ страшно боялся смерти), сочли наиболѣе подходящимъ приводить къ нему мальчика-садовника, якобы въ чемъ-нибудь провинившагося, и Аракчеевъ, равномѣрно ударяя по

---

*) Служившій при военныхъ поселеніяхъ докторъ Европеусъ говоритъ, что Аракчеевъ былъ человѣкомъ съ развинченной психикой и страдалъ глубокимъ разстройствомъ всей нервной системы. Отсюда — его мнительность, припадки тоски и безсонницы и вспыльчивость до полнаго умоизступленія. Онъ могъ прослезиться при слушаніи печальной исторіи и тутъ же приказать строго наказать 10-лѣтнюю дѣвочку за нечисто выметенную дорожку. *Русская Стар.*, 1872 г., сентябрь.

**) *Шильдеръ:* «Александръ I и его царствованіе», т. I, стр. 181.

***) «Записки Мартоса», *Русск. Архивъ*, 1893 г., т. II.

****) *Русская Старина*, 1884 г., мартъ, ст. *В.:* «Настасья Ѳедоровна Минкина».

носу мальчика аршиномъ, находилъ въ этомъ занятіи отраду и успокоеніе отъ мрачной тоски *).

Мучительство было у Аракчеева нормальной формой обращенія съ подвластными ему людьми. Грубость его натуры, быть можетъ, въ особенной мѣрѣ сказывалась въ томъ, что онъ не измѣнялъ своихъ мучительскихъ замашекъ даже и въ тѣхъ особыхъ случаяхъ, въ которыхъ самая элементарная деликатность требовала бы извѣстной осмотрительности и самоограниченія. Приведу два такихъ случая.

Отецъ Аракчеева — помѣщикъ средней руки, отставной поручикъ — былъ по натурѣ прямой противоположностью своему сыну; это былъ добрый, привязчивый къ своимъ людямъ баринъ. Когда умеръ одинъ изъ его любимыхъ слугъ, Василій, онъ, провожая его гробъ до могилы, плакалъ, какъ ребенокъ, а сына этого слуги оставилъ при себѣ и воспитывалъ его вмѣстѣ съ собственнымъ сыномъ — будущимъ графомъ; даже мыли ихъ въ одномъ корытѣ.

И вотъ этотъ-то товарищъ дѣтства Аракчеева, ставъ впослѣдствіи камердинеромъ графа, всю жизнь терпѣлъ отъ него самое звѣрское обращеніе. Аракчеевъ неустанно его билъ, давалъ ему пощечины, приказывалъ его сѣчь. Степанъ — такъ звали камердинера — началъ хворать и, по отзывамъ докторовъ, «впалъ въ меланхолію и сталъ мучиться разными воображеніями». Наконецъ, онъ упалъ передъ бариномъ на колѣни, умоляя не мучить его болѣе, а лучше сослать въ Сибирь. Аракчеевъ отвѣтилъ: «Въ Сибирь не сошлю, а самъ забью».

Уже на склонѣ жизни, послѣ смерти своего благодѣтеля императора Александра Павловича, въ опалѣ и уныломъ одиночествѣ, Аракчеевъ пользовался дружескимъ расположеніемъ одной харьковской помѣщицы, которая писала ему письма, наполненныя разными утѣшеніями. Наконецъ, сострадательная дама простерла свою доброту до того, что прислала ходить за Аракчеевымъ своего лучшаго и любимаго слугу, Пархомова. Къ несчастію, этотъ человѣкъ имѣлъ очень серьезную, печально-сосредоточенную физіономію. Аракчееву

---

*) *Русскій Архивъ*, 1875 г. кн. I. Сообщено г. Бартеневымъ со словъ, Кокорева, которому этотъ разсказъ передалъ самъ садовникъ.

это не нравилось. И вотъ, отбросивъ всякую деликатность по отношенію къ своей утѣшительницѣ, онъ началъ изводить чужого слугу, поминутно ругалъ его, билъ по щекамъ и плевалъ ему въ лицо. Въ 1831 г. помѣщица умерла, передъ смертью давъ Пархомову вольную. Аракчеевъ долго не отпускалъ его отъ себя. Наконецъ, Пархомовъ письменно доложилъ графу, что ранѣе переносилъ онъ всѣ мучительства графа только изъ уваженія къ своей госпожѣ, а теперь, какъ уже человѣкъ свободный, болѣе оставаться у графа не желаетъ. Письмо Пархомова заканчивалось замѣчательными словами: «любовь и вниманіе не строгостью, не угрозами и не клеветою пріобрѣтаются, которыя, напротивъ, удаляютъ и послѣднюю искру любви гасятъ». Съ какимъ чувствомъ читалъ Аракчеевъ это письмо одного изъ тѣхъ дворовыхъ людей, которыхъ онъ привыкъ трактовать какъ безсловесную скотину?

До какихъ предѣловъ могла доходить жестокость Аракчеева, видно по тѣмъ неистовствамъ, которымъ онъ предался въ Грузинѣ, обезумѣвъ отъ горя послѣ убійства Минкиной. Очевидецъ этихъ печальныхъ событій Гриббе пишетъ: «Цѣлыя рѣки крови пролиты были тогда на берегахъ Волхова». Примчавшись въ Грузино послѣ убійства Минкиной, Аракчеевъ, еще не разбирая дѣла, предалъ всѣхъ дворовыхъ страшнымъ пыткамъ и истязаніямъ. Грузино сдѣлалось ареной сценъ, возмущавшихъ душу безпристрастныхъ свидѣтелей. А когда закончился немилостивый и неправедный судъ надъ участниками убійства, проведенный съ вопіющими нарушеніями правилъ судопроизводства, то въ Грузинѣ же была произведена и заключительная экзекуція. Моя рота,—описываетъ эту экзекуцію Гриббе,—была приведена на военное положеніе и назначена къ походу въ Грузино. Каждому солдату было выдано по 60 патроновъ. Въ 9 часовъ утра рота оцѣпила въ Грузинѣ лобное мѣсто среди большой поляны. Кругомъ стояла толпа народа до 4,000 челов. Посрединѣ поляны былъ врытъ въ землю станокъ, по обѣимъ сторонамъ котораго горѣли огни въ виду холоднаго времени. У станка была поставлена огромная бутыль водки, къ которой поминутно прикладывались палачи. «Мнѣ еще и теперь, — пишетъ Гриббе въ своихъ мемуарахъ, — слышатся рѣзкіе, свистящіе звуки кнута, страшные стоны и крики истязуемыхъ

и глухой, подавленный вздохъ тысячной толпы народа*)

Я уже сказалъ, что Аракчеевъ былъ разносторонenъ въ жестокости. На ряду съ кровавымъ звѣрствомъ въ немъ была сильно развита наклонность къ изощренному издѣвательству надъ слабымъ, находящимся въ его власти противникомъ, и въ изобрѣтательности, которую онъ при этомъ обнаруживалъ, сказывалась вся низость его души. Онъ не удовлетворялся истязаніемъ противника; ему нужно было еще насладиться зрѣлищемъ моральнаго униженія того, кто подпалъ его гнѣву. Дворовые люди Аракчеева тотчасъ послѣ перенесеннаго тѣлеснаго наказанія должны были писать своему барину длинныя чувствительныя письма, наполнявшіяся подневольной лживой риторикой. Въ этихъ письмахъ говорилось о томъ, что само Провидѣніе внушило графу справедливый гнѣвъ; что наказанный мучится угрызеніями совѣсти и, чувствуя себя презрѣннымъ преступникомъ, проситъ униженно и благоговѣйно прощенія, со слезами и чистымъ, сокрушеннымъ сердцемъ. Затѣмъ должна была слѣдовать подпись, въ которой писавшіе именовали себя «презрѣнными, вѣрноподданными рабами» графа **).

Въ воспоминаніяхъ Гриббе разсказана, между прочимъ, интересная исторія нѣкоего Ефимова. Неграмотный, грубый, неотесанный, -- онъ выдвинулся въ военномъ поселеніи, какъ самый рьяный «аракчеевецъ» и дослужился до ротнаго командира. Аракчеевъ не чаялъ въ немъ души, а онъ самъ зато являлся сущимъ бичемъ Божіимъ для солдатъ. Вдругъ открылись странныя злоупотребленія Ефимова по военному хозяйству. Этого Аракчеевъ не прощалъ, и Ефимовъ былъ разжалованъ въ рядовые. Онъ перенесъ этотъ ударъ съ удивительнымъ самообладаніемъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, изъ грознаго начальника сталъ образцовымъ по исполнительности солдатомъ. Но въ его душѣ мгновенно произошелъ цѣлый переворотъ. Вся его суровость исчезла. Онъ сталъ истиннымъ другомъ своихъ товарищей-солдатъ, самоотверженно во всемъ помогалъ, кому только могъ, и скоро пріобрѣлъ общую сердечную любовь. Это обстоятельство въ глазахъ

*) «Воспоминанія Гриббе», *Русская Старина*, 1875 г., январь.

**) *Отто*, loc. cit.

Аракчеева было, пожалуй, еще большимъ преступленіемъ, нежели растрата казенныхъ суммъ. Съ этого времени Аракчеевъ возненавидѣлъ Ефимова. Въ началѣ 1825 года въ той ротѣ, которою нѣкогда командовалъ Ефимовъ, произошло рѣзкое столкновеніе солдатъ съ командиромъ полка Фрикеномъ. Ефимовъ не имѣлъ никакого отношенія къ этой исторіи, но, помимо всякихъ основаній, именно его объявили виновникомъ происшествія. Аракчеевъ велѣлъ заковать его въ желѣза наглухо и самъ явился присутствовать при униженіи своего недавняго пріятеля. Съ послѣднимъ ударомъ кузнечнаго молотка о забиваемые кандалы Аракчеевъ ударилъ Ефимова въ шею такъ сильно, что тотъ едва не грохнулся о-земь *). Въ этой отвратительной сценѣ сказалась вся душа Аракчеева: онъ былъ храбръ только съ безоружными и связанными противниками.

Я привелъ примѣры грубаго издѣвательства Аракчеева надъ подвластными людьми, при которомъ не требовалось никакой изобрѣтательности и находчивости и достаточно было одной только душевной низости. Однако Аракчеевъ умѣлъ при случаѣ блеснуть и тонкимъ коварствомъ, умѣлъ не безъ игривости позабавиться надъ соперникомъ, какъ котъ надъ мышью. Съ особенной виртуозностью проявилъ онъ таланты этого рода въ сношеніяхъ со Сперанскимъ. Я еще буду имѣть случай коснуться исторіи отношеній между этими сподвижниками имп. Александра. Теперь приведу только одинъ относящійся сюда эпизодъ. Въ то время, когда звѣзда Аракчеева всходила все выше по небосклону царскихъ милостей, Сперанскій томился въ Перми, не переставая тоскливо мечтать о возможности вернуть прошлое. Сперанскій прошелъ при этомъ всю гамму уступокъ, которыхъ потребовала отъ его гордости тягость его положенія. Сначала — письма къ государю, полныя чувства собственнаго достоинства, свидѣтельствующія о сознаніи своей правоты; потомъ уже просительныя, смиренныя посланія къ сильнымъ людямъ, въ томъ числѣ и къ Аракчееву; а тамъ — личное паломничество въ Грузино и даже... печатная апологія военныхъ поселеній! Аракчеевъ, никогда не простившій Сперанскому того, что нѣкогда, на краткій моментъ, Сперанскій заслонилъ отъ него

*) «Воспоминанія Гриббе», *Русская Старина*, 1875 г.

государя, съ торжествомъ слѣдилъ теперь за этими печальными усиліями своего былого соперника избавиться отъ опалы цѣною тяжелыхъ моральныхъ уступокъ. И время отъ времени Аракчеевъ подбавлялъ горечи въ душу Сперанскаго, не упуская случая уколоть его душевныя раны тонкой шпилькой ядовитой насмѣшки. Въ 1816 г. Сперанскому, наконецъ, дозволено было оставить Пензу. Въ ожиданіи рѣшенія своей дальнѣйшей судьбы онъ жилъ въ Великопольскомъ имѣніи и оттуда написалъ Аракчееву письмо, которое Погодинъ по справедливости назвалъ «образцомъ ясности, убѣдительности, краткости, силы». Письма оказалось недостаточно, и Сперанскій лично посѣтилъ Грузино. Теперь — думалось ему — испытаніе кончено, и прошлое будетъ зачеркнуто. И вотъ, 30 августа 1816 г. состоялось назначеніе Сперанскаго губернаторомъ въ Пензу, но въ указѣ о назначеніи была вставлена знаменательная фраза: «желая преподать ему способъ усердною службою очистить себя въ полной мѣрѣ». Вотъ оно, тонкое остріе аракчеевскаго жала!*) «Тебя принимаютъ на службу, но ты еще не прощенъ, за тобою все еще слѣдятъ подозрительные и недовѣрчивые взоры» — таковъ смыслъ этого указа по отношенію къ Сперанскому. Сперанскій отправился въ Пензу. Прошло около трехъ лѣтъ. Сперанскому попрежнему страстно хотѣлось получить назначеніе въ Петербургъ, хотя бы, на первое время, на мѣсто сенатора. Онъ неоднократно просился въ отпускъ, въ столицу, но просьбы эти оставались безъ уваженія. Наконецъ, въ 1819 г. вышло новое назначеніе, но не въ Петербургъ, а въ Сибирь, — генералъ-губернаторомъ. «Не избѣжалъ-таки я Сибири», писалъ въ одномъ письмѣ Сперанскій, сильно разочарованный этимъ назначеніемъ. При этомъ-то случаѣ Аракчеевъ снова далъ волю колкой игривости своего пера. Онъ написалъ Сперанскому длинное письмо. Письмо начиналось съ увѣреній въ томъ, что Аракчеевъ всегда душевно любилъ Сперанскаго: «я любилъ васъ душевно тогда, какъ вы были велики и какъ *вы не смотрѣли на нашего брата*, любилъ васъ и тогда, когда по неисповѣдимымъ судьбамъ Всевышняго страдали». А за-

*) О томъ, что эта фраза была вставлена Аракчеевымъ, у насъ имѣется свидѣтельство самого Сперанскаго. *Корфъ:* «Жизнь графа Сперанскаго», ч. III, стр. 120.

тѣмъ Аракчеевъ ухищренно бередитъ душевную рану Сперанскаго, набрасывая передъ нимъ завѣдомо несбыточную картину его новаго возвышенія: «становясь старъ и слабъ здоровьемъ, я долженъ буду очень скоро основать свое всегдашнее пребываніе въ своемъ грузинскомъ монастырѣ, откуда буду утѣшаться, *какъ истинно-русской, новгородской, неученой дворянинъ*, что дѣла государственныя находятся у умнаго человѣка, опытнаго какъ по дѣламъ государственнымъ, *такъ болье еще по дѣламъ суетъ міра сего*, и въ случаѣ обыкновеннаго, по несчастію существующаго у насъ въ отечествѣ, обыкновенія безпокоить удалившихся отъ дѣлъ людей, въ *необходимомъ только случаѣ* отнестись съ нимъ и къ вамъ, милостивому государю».

Корфъ, приведя это письмо, справедливо замѣчаетъ: «если припомнить, что эти строки писалъ возвеличенный временщикъ къ временщику упадшему, баловень милости и счастія къ опальному, то нельзя не согласиться, что трудно было вложить въ нихъ, подъ внѣшнею оболочкою простосердечнаго добродушія, болѣе язвительной ироніи и съ тѣмъ вмѣстѣ показать менѣе великодушія». Сперанскій ничего не отвѣтилъ на это письмо. «Есть мѣра угодливости и ласкательства, — справедливо говоритъ тотъ же Корфъ, — которую и несчастіе краснѣетъ переступить; Сперанскій сохранилъ уваженіе къ самому себѣ и промолчалъ—все, что ему позволяло его положеніе»*).

Мрачный человѣконенавистникъ, Аракчеевъ любилъ принимать отъ людей въ отплату за свою ненависть внѣшніе знаки почета. Тщеславіе — иногда самое пустое и суетное — было третьей основной стихіей его души на-ряду съ сладострастнымъ цинизмомъ и жестокостью. Его жестокость къ людямъ вовсе не была проявленіемъ мрачной духовной силы, вовсе не походила на гордую нелюдимость тѣхъ избранныхъ натуръ, у которыхъ мизантропія является лишь слѣдствіемъ ненормально направленной жажды независимости и самостоятельности духа. Аракчеевъ обладалъ душою мелкой, дряблой и трусливой. Тиранствуя и злобясь, онъ былъ готовъ, когда нужно, пресмыкаться и низкопоклонничать, лишь бы удержать за собою тѣ внѣшнія почести, которыя составляли

---

*) *Корфъ:* «Жизнь гр. Сперанскаго», ч. II, стр. 160—161.

единственную цѣль его тщеславныхъ стремленій. Самая аляповатая, явно обнаруженная лесть, щекотала его мелкое самолюбіе и туманила его голову. Будучи не глупымъ человѣкомъ, онъ подмѣчалъ намѣренія льстеца, и все таки уступалъ своей слабости и положительно расцвѣталъ отъ льстивой лжи подобно тому, какъ иные артисты тѣшатся рукоплесканіями ими же оплаченной клаки. Объ этой чертѣ Аракчеева выразительно разсказалъ, не пощадивъ себя самого, генералъ Маевскій, служившій въ военныхъ поселеніяхъ. Маевскій отчаянно льстилъ своему начальнику. «Всѣ удивляются вашему всеобъемлющему генію», «ваше сіятельство можете быть причислены къ феноменамъ нашего вѣка», «вашъ геній ставитъ васъ выше всѣхъ смертныхъ и если кого можно поставить въ параллель съ вами, то развѣ только Метерниха, Велингтона и Наполеона» — подобныя фразы такъ и сыпались изъ устъ Маевскаго въ бесѣдахъ съ Аракчеевымъ. Эта была лесть, граничившая съ глумленіемъ. Но Аракчеевъ наслаждался и таялъ отъ удовольствія *). Онъ готовъ былъ искать удовлетворенія своему тщеславію въ такихъ формахъ, которыя обнаруживали самую топорную безвкусицу. Въ январѣ 1820 г. Аракчеевъ давалъ въ Петербургѣ костюмированный балъ. Во время танцевъ камергеръ Кокошкинъ, замаскированный бурмистромъ грузинской вотчины, и семья Клейнмихелей, одѣтая крестьянами, бросилась въ ноги Аракчееву, громко благодаря его за милостивое обхожденіе съ крестьянами и за изливаемое на нихъ добро **). Извѣстно, что Аракчеевъ имѣлъ обыкновеніе отказываться отъ различныхъ наградъ, которыя предлагалъ ему имп. Александръ. Аракчеевъ самъ тщательно записалъ всѣ эти отказы на прокладныхъ листахъ своего евангелія, на которые онъ заносилъ время отъ времени автобіографическія замѣтки ***). Здѣсь читаемъ подъ 14 января 1809 г.: «прислалъ прусскій король съ флигель-адъютантомъ брилліантовую звѣзду ордена, но мною не принята, а возвращена обратно»; подъ 6 сентября 1809 г.: «государь императоръ Александръ I изволилъ при-

*) «Мой вѣкъ или исторія Маевскаго», *Русская Старина*, 1873 г.

**) Письмо кн. Волконскаго къ Закревскому отъ 12 января 1820 г. «Сборникъ Русск. историч. общества», т. 73, стр. 12—13.

***) Всѣ эти замѣтки напечатаны въ *Русскомъ Архивѣ*, 1866 г., стр. 922—927.

слать къ графу Аракчееву по случаю мира съ Швеціей съ флигель-адютантомъ орденъ св. апостола Андрея Первозваннаго, тотъ самый, который самъ изволилъ носить, при рескриптѣ своемъ; оный орденъ упросилъ графъ Аракчеевъ того же числа ввечеру взять обратно, что государемъ императоромъ милостиво исполнено»; подъ 31 марта 1814 г.: «въ Парижѣ государь императоръ Александръ I изволилъ произвесть графа Аракчеева въ фельдмаршалы вмѣстѣ съ графомъ Барклаемъ, о чемъ и приказъ собственноручно былъ написанъ, но гр. Аракчеевъ онаго не принялъ и упросилъ государя отмѣнить»; подъ 12 декабря 1815 г.: «государь императоръ Александръ I изволилъ давать графу Аракчееву званіе статсъ-дамы для его матери, но графъ онаго не принялъ и упросилъ оное отмѣнить». Если бы всѣ наши свѣдѣнія о личности Аракчеева ограничивались этими автобіографическими его замѣтками, мы могли бы заключить, что Аракчеевъ былъ образцомъ скромности или философомъ, искренно презиравшимъ суету міра. Но, сопоставляя эти замѣтки со всѣмъ, что намъ извѣстно о жизни ихъ автора, приходится признать, что въ этихъ отказахъ отъ наградъ Аракчеевъ находилъ высшее утоленіе своему тщеславію. Припомнимъ упомянутую уже выше картину петергофскаго праздника, описанную Фишеромъ. Петергофъ залитъ праздничной толпой, всѣ—въ нарядахъ, въ полныхъ парадныхъ формахъ, самъ императоръ въ мундирѣ и эполетахъ, вездѣ звѣзды, ленты, блестящіе султаны. И одинъ только Аракчеевъ стоитъ на главномъ и самомъ видномъ мѣстѣ, распространяя кругомъ подобострастный трепетъ, — въ старой шинели и поношенной фуражкѣ, «точно деньщикъ, идущій изъ бани», какъ выразился Фишеръ. Развѣ это — не вызовъ, развѣ это не высшее тщеславіе? «Только я одинъ могу являться на царскій праздникъ въ такомъ затрапезномъ видѣ; пусть царь дастъ мнѣ ордена и ленты, я не приму ихъ; но и въ затасканной шинели, среди разукрашенныхъ орденами генераловъ я буду всегда первый, главный и самый могущественный»—такова была философія аракчеевской «скромности», за которой крылась высшая мѣра дерзости. И надо было видѣть, какъ свирѣпѣлъ этотъ скромникъ, лишь только лучъ царской милости падалъ на кого-либо, кромѣ него. Подготовляя Маевскаго, устраивавшаго старо-русское военное поселеніе, къ высочайшей аудіенціи,

Аракчеевъ всего усиленнѣе внушалъ ему, чтобы онъ поставилъ государю на видъ, что его во всемъ наставилъ и научилъ Аракчеевъ. «А если ты умнѣй меня, — угрожающе напутствовалъ Аракчеевъ Маевскаго, — то пусть тебя государь назначитъ начальникомъ поселенія вмѣсто меня» *). Въ 1812 г., при началѣ отечественной войны, Александръ I прибылъ въ Москву для призванія населенія къ пожертвованіямъ на устройство ополченія. Въ присутствіи Аракчеева и Балашова московскій главнокомандующій Растопчинъ доложилъ императору, что дворянство и купечество постановили учредить ополченіе на 80,000 чел. и пожертвовали деньгами 13 милл. руб. Александръ обнялъ и поцѣловалъ Растопчина. При выходѣ изъ дворца Аракчеевъ поздравилъ Растопчина съ знакомъ монаршей милости, прибавивъ: «онъ никогда не цѣловалъ меня, хотя я ему служу съ тѣхъ поръ, какъ онъ царствуетъ». «Будьте увѣрены, — сказалъ Растопчину Балашовъ, что Аракчеевъ никогда не забудетъ и не проститъ вамъ этого поцѣлуя». Предсказаніе Балашова, по свидѣтельству Растопчина, оправдалось въ полной мѣрѣ **).

Басаргинъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ аналогичный эпизодъ. Возвращаясь съ веронскаго конгресса, Александръ I осмотрѣлъ вторую армію и, оставшись очень доволенъ ея состояніемъ, былъ необыкновенно привѣтливъ и ласковъ съ Киселевымъ, начальникомъ штаба второй арміи. Онъ взялъ съ собой Киселева въ украинское военное поселеніе, гдѣ государя ожидалъ Аракчеевъ. Аракчеевъ уже зналъ о тріумфѣ Киселева и не могъ съ этимъ примириться. Въ первое же свиданіе съ Киселевымъ Аракчеевъ при многолюдномъ собраніи сказалъ ему язвительно: «мнѣ разсказывалъ государь, какъ вы угодили ему, Павелъ Дмитріевичъ. Онъ такъ доволенъ вами, что я бы желалъ поучиться у вашего превосходительства, какъ угождать его величеству. Позвольте мнѣ пріѣхать для этого къ вамъ во 2-ю армію; даже не худо было-бъ, если бы ваше превосходительство взяли меня на время къ себѣ въ адъютанты». Киселевъ былъ не робкаго десятка и тотчасъ же отвѣчалъ: «Милости просимъ, графъ,

---

*) *Русская Старина*, 1873 г., записки Маевскаго.

**) *Русскій Архивъ*, 1868 г., стр. 1674: «Черты изъ жизни Растопчина».

я буду очень радъ, если вы найдете во 2-й арміи что-нибудь такое, что можно было бы примѣнить къ военнымъ поселеніямъ. Что же касается до того, чтобы взять васъ въ адъютанты, то, извините меня, послѣ этого вы, конечно, захотите сдѣлать и меня своимъ адъютантомъ, а я этого не желаю». Аракчеевъ закусилъ губу и отошелъ *).

Тщеславіе Аракчеева находило себѣ пищу въ томъ трепетѣ, который онъ внушалъ всѣмъ, безъ различія чиновъ и рангов. Смѣльчаки, вродѣ Киселева, были большою рѣдкостью. Масса дрожала и пресмыкалась. Тотъ же Басаргинъ отмѣчаетъ, что кромѣ Киселева всѣ остальные царедворцы такъ подобострастничали передъ Аракчеевымъ, что смѣшно было на нихъ смотрѣть. И Аракчеевъ третировалъ всѣхъ и каждаго, не зная предѣловъ надменности и грубой заносчивости.

Еще при самомъ началѣ своей карьеры, еще при имп. Павлѣ Аракчеевъ выказалъ, до чего могла доходить его дерзкая заносчивость. При первомъ же разводѣ по воцареніи Павла Аракчеевъ закричалъ на гвардейцевъ: «что же вы, ракаліи, не маршируете; впередъ, маршъ!», а инспектируя по порученію Павла екатеринославскій гренадерскій полкъ, онъ дошелъ до того, что публично назвалъ знамена этого полка «екатерининскими юбками» **).

Послѣ этого можно себѣ представить, какой недосягаемостью окружилъ себя Аракчеевъ во время наивысшаго своего фавора при Александрѣ Павловичѣ и какія оскорбительныя выходки безнаказанно сходили ему съ рукъ! Всѣ, наблюдавшіе Аракчеева въ то время, единогласно свидѣтельствуютъ о томъ, что его обращеніе съ окружающими выходило за всякіе предѣлы приличія. Онъ не зналъ никакихъ сдержекъ, и, повидимому, ему доставляло особенное удовольствіе унижать своею грубостью самыхъ крупныхъ сановниковъ. Маевскій говоритъ объ этомъ очень характерно: «Аракчеевъ не знаетъ различія между людьми и всѣхъ считаетъ, какъ одного. Ему кажется, что уже самое слово «человѣкъ» есть злоупотребленіе» ***). «Обращеніе Аракчеева съ товарищами по службѣ, — говорилъ Брадке, — было по-

---

*) «Записки Н. В. Басаргина». М., 1872 г., стр. 24.

**) Сообщеніе Михайловскаго-Данилевскаго. «Шильдеръ», l. cit., т. I, стр. 140.

***) *Маевскаго:* «Мой вѣкъ», *Русская Старина*, 1873 г.

велительное и весьма часто безсовѣстное и грубое». Въ сущности онъ былъ только генераломъ отъ артиллеріи и членомъ государственнаго совѣта. Но въ силу его неофиціальнаго положенія предсѣдатель государственнаго совѣта кн. Лопухинъ и д. т. сов. кн. Куракинъ, предсѣдательствовавшій во многихъ комитетахъ, гдѣ Аракчеевъ состоялъ членомъ, разстилались передъ нимъ, подчинялись всѣмъ его дерзостямъ, ухаживали за его любовницей. Любопытный образчикъ этого подобострастія видныхъ сановниковъ передъ Аракчеевымъ приводится въ одномъ письмѣ Растопчина къ Брекеру отъ 12 января 1815 г. Аракчеевъ, прогнѣвавшись на министра внутреннихъ дѣлъ Козодавлева, запретилъ швейцару принимать его. Несмотря на это, Козодавлевъ все таки сталъ просить у Аракчеева дозволенія навѣстить его въ Грузинѣ и получилъ въ отвѣтъ: «въ семъ отказать вамъ не могу, сожалѣя, что не могу тамъ принять, *какъ въ городѣ*». Въ Грузинѣ Аракчеевъ любилъ иногда разыграть гостепріимнаго хозяина, но примѣнительно къ Аракчееву гостепріимство слѣдуетъ понимать въ весьма относительномъ смыслѣ. По свидѣтельству Брадке, на станціи Чудово, верстахъ въ 20 отъ Грузина былъ сооруженъ флагъ, который, подымаясь и опускаясь, возвѣщалъ, принимаетъ ли графъ въ Грузинѣ или нѣтъ, и нерѣдко высшіе сановники, проскакавъ отъ Петербурга до Чудова, должны были поворачивать оглобли и ни съ чѣмъ возвращаться въ Петербургъ *).

Въ Петербургѣ офиціальные пріемы Аракчеева стали настоящей притчей во языцѣхъ. Уже одинъ внѣшній видъ его пріемной залы наводилъ оторопь на посѣтителя своей гнетущей мрачностью. Маевскій описываетъ эту залу, точно какое-то страшное капище. Домъ, занимаемый Аракчеевымъ, — говоритъ Маевскій (разсказъ относится къ январю 1823 г.), — на углу Кирочной и Литейной, «весьма похожъ на египетскія подземныя таинства». Въ преддверіи васъ встрѣчаетъ курьеръ и ведетъ чрезъ большія сѣни въ адъютантскую; отсюда направо — собственная канцелярія государя, налѣво — департаментъ Аракчеева, а прямо — пріемная. «Вездѣ мистика, вездѣ глубокая тишина; на всѣхъ физіономіяхъ страхъ; вся-

*) «Воспом. Брадке», *Русскій Архивъ*, 1875 г., кн. I; «Письмо Растопчина» въ *Русскомъ Архивѣ*, 1868 г., стр. 1874.

кій бѣжитъ отъ вопроса и отвѣта, всякій движется по мановенію колокольчика и почти никто не открываетъ рта. Это — тайное жилище султана, окруженнаго нѣмыми прислужниками». «Съ четырехъ часовъ ночи начинали съѣзжаться сюда министры и другіе сановники. Дежурный адъютантъ на докладъ графу о прибытіи кого-либо изъ нихъ не получалъ никакого отвѣта, что значило подождать. Нерѣдко и второй докладъ былъ встрѣчаемъ молчаніемъ графа, повидимому, погруженнаго въ занятія за письменнымъ столомъ» *). Пріемная Аракчеева была великою школою терпѣнія и уничиженія. Повидимому, и самъ Аракчеевъ считалъ себя призваннымъ къ воспитательному воздѣйствію на людей въ этомъ направленіи. Фишеръ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что какъ-то разъ, уже при Николаѣ Павловичѣ, дожидаясь въ пріемной Клейнмихеля, онъ проговорилъ: «какая скука ждать, не зная, долго ли это будетъ». Бывшій тутъ же старичокъ Ольденборгеръ, директоръ типографіи военныхъ поселеній, даже вздрогнулъ и взглянулъ на Фишера съ трепетомъ. «Что съ вами?» — спросилъ Фишеръ. «Ахъ, — отвѣчалъ старичокъ, — надобно быть очень осторожнымъ въ пріемныхъ», и разсказалъ при этомъ случаѣ, что было съ нимъ въ прежніе годы: «ждалъ я какъ-то въ пріемной графа Аракчеева; ждалъ часа два; ну... молодъ былъ, дѣла было пропасть; вотъ я и сказалъ — ахъ, скоро ли приметъ меня графъ? адъютантъ входилъ къ графу и выходилъ, звали и того и другого, а я—жду. Передъ обѣдомъ уже адъютантъ объявляетъ мнѣ, что его сіятельство приказалъ мнѣ прійти назавтра въ 8 часовъ утра. Пришелъ. Жду-жду... Въ 2 часа графъ проходитъ мимо со шляпой, не глядя на меня, ѣдетъ со двора; въ 4 часа возвращается, проходитъ мимо, не глядитъ на меня, а я дошелъ почти до обморока. Слышу — сѣлъ обѣдать. Въ 6 часовъ приказываетъ мнѣ явиться завтра къ семи часамъ утра. Я смекнулъ, въ чемъ дѣло. Ѣду на другой день, взялъ въ карманъ корку хлѣба и нѣсколько мятныхъ лепешекъ. Опять жду, но уже спокойнѣе. Наконецъ, въ 12 часовъ зовутъ меня къ графу. Когда я вошелъ въ кабинетъ, графъ говоритъ: «Ну что, любезный, привыкъ?..» **)

---

*) *Маевскій:* «Мой вѣкъ». *Русск. Старина*, 1873 г.; *Шильдеръ*, loc. cit., т. IV., с. 6.

**) *Историч. Вѣстникъ*, 1908 г., май.

Такъ «воспитывалъ» графъ своихъ чиновниковъ, превращая свою пріемную чуть ли не въ пыточный застѣнокъ. Впрочемъ, не всегда испытаніе долготерпѣнія своихъ посѣтителей Аракчеевъ практиковалъ изъ педагогическихъ соображеній. Еще чаще онъ просто тѣшилъ этимъ способомъ свое мелкое тщеславіе.

Уже не второстепенный чиновникъ, а генералъ-провіантмейстеръ Мертваго разсказываетъ, какъ однажды, пріѣхавъ къ Аракчееву, онъ принужденъ былъ дожидаться въ пріемной четыре часа, между тѣмъ, какъ самая бесѣда съ Аракчеевымъ была затѣмъ покончена въ пять минутъ. Въ другой разъ тотъ же Мертваго дожидался пріема одновременно съ двумя генералами и однимъ купцомъ-поставщикомъ. Дежурный адъютантъ вышелъ къ Мертваго съ отвѣтомъ, что графъ тотчасъ ѣдетъ во дворецъ и потому не можетъ принять его, и тутъ же купецъ былъ приглашенъ въ кабинетъ къ Аракчееву *).

Оскорбительныя ожиданія въ пріемной были еще наиболѣе мягкой формой обидъ, которыя приходилось проглатывать тѣмъ, кто имѣлъ несчастіе соприкасаться по службѣ съ Аракчеевымъ. Аракчеевъ особенно любилъ заставлять чиновныхъ и заслуженныхъ людей публично трепетать передъ своимъ гнѣвомъ. Онъ былъ большой мастеръ устраивать подобныя представленія въ присутствіи многочисленныхъ зрителей. Однажды, по сообщенію Маевскаго, онъ такъ разбранилъ генерала Чеодаева передъ цѣлой бригадой, что съ тѣмъ сдѣлались судороги. Маевскій замѣчаетъ, что Аракчеевъ не чуждъ былъ при этомъ коварной демагогіи: нарочно бранилъ начальниковъ передъ подчиненными, чтобы выставить себя самого благодѣтелемъ низшихъ служащихъ. Накричитъ на начальниковъ при тысячной толпѣ военныхъ поселянъ, а потомъ говоритъ поселянамъ: «видите, какъ я съ нимъ поступаю; ежели бы не я, у васъ давно бы спины гнили отъ палокъ; молите Бога за меня», а между тѣмъ начальники только исполняли его же требованія. Впрочемъ, и помимо такихъ коварныхъ хитросплетеній, Аракчеевъ просто сжился съ тѣмъ убѣжденіемъ, что онъ можетъ всѣмъ грубить и всѣхъ оскорблять. Оскорбленія начинались съ перваго же слова, при первомъ же знакомствѣ. Только что назначенный начальникомъ старорус-

*) «Записки Мертваго». *Русск. Арх.*, 1867 г.

скаго военнаго поселенія, Маевскій явился представиться къ Аракчееву, и вотъ то привѣтствіе, которое онъ услышалъ отъ графа для начала знакомства: «я васъ не выбиралъ, а выбралъ государь; но мнѣ выбери государь хоть козла, лишь бы не умничалъ, а дѣлалъ то, что я приказываю». Въ запискахъ Мертваго приводятся любопытныя образчики аракчеевскихъ бесѣдъ, во время которыхъ Аракчеевъ, начиная разговоръ спокойно, затѣмъ распалялся отъ звуковъ собственнаго голоса и все болѣе переходилъ въ тонъ оскорбительный для собесѣдника, багровѣя, дѣлая злые глаза и усиленно ковыряя въ носу — обычный признакъ его гнѣвнаго возбужденія. Во время такихъ бесѣдъ онъ позволялъ себѣ обращаться съ генералами, точно съ малыми ребятишками приготовительнаго класса. Одну изъ такихъ сценъ приводитъ Маевскій въ діалогической формѣ. Приведу изъ нея болѣе характерные отрывки.

Аракчеевъ. — Маевскому: «садитесь, ваше превосходительство; васъ Богъ одарилъ остроуміемъ, и вы могли бы быть министромъ; но у васъ такой спорный характеръ, что вы ни съ кѣмъ не уживетесь. Чуть вамъ скажешь слово, у васъ на лицѣ формируется намѣреніе солгать, притвориться, вывернуться. Посмотри даже и теперь въ зеркало, ты это тотчасъ замѣтишь. Вы говорите, что я называю васъ всѣхъ *генераликами.* Нѣтъ, я постоянно съ вами, какъ генералъ съ генераломъ».

Маевскій. — «Ежели отраженіе физіономіи есть печать чувства, то ваше сіятельство согласитесь, что нельзя быть равнодушнымъ, когда вы насъ браните».

Аракчеевъ. — «Я васъ не браню, а взыскиваю (возвыся голосъ, съ сердцемъ); я — начальникъ и никто мнѣ не запретитъ взыскивать».

Маевскій всталъ.

Аракчеевъ. — «Какъ вы осмѣливаетесь дѣлать мнѣ грубость и непослушаніе, когда я приказываю вамъ сидѣть, а вы встали... Извольте сѣсть».

Маевскій (сѣлъ).—«Позвольте, наконецъ, откровенно доложить вашему сіятельству: какая пріятность въ такой службѣ, гдѣ съ самымъ чистымъ и пламеннымъ усердіемъ поминутно трепещешь или суда или крѣпости?»

Аракчеевъ. — «А что-жъ за бѣда? Я самъ былъ подъ судомъ и въ крѣпости, а все я — Аракчеевъ».

Маевскій. — «Васъ природа одарила и геніемъ, и твердостью души. Я, напротивъ, не перенесу такого страдательнаго положенія (встаетъ и отходитъ къ двери).

Аракчеевъ. — «Не думаешь ли ты уйти? Я приказываю вамъ остаться».

Аракчеевъ началъ читать и писать, а Маевскій долженъ былъ сидѣть молча, точно наказанный мальчикъ, въ ожиданіи, когда его отпустятъ. Наконецъ, гнѣвъ графа остылъ, и онъ сказалъ примирительно: «хорошо, что я тебя не отпустилъ; вотъ идетъ дождь, ты человѣкъ горячій, простудился бы и умеръ», и, тотчасъ опять впадая въ гнѣвное раздраженіе, графъ закричалъ въ заключеніе аудіенціи: «не думаешь ли итти въ отставку? нѣтъ, отъ меня дешево не отдѣлаешься!»*)

Достаточно этого діалога, чтобы понять, какое разстояніе полагалъ Аракчеевъ между собою и подчиненными ему генералами. Не только въ устныхъ бесѣдахъ, но и въ письменномъ офиціальномъ дѣлопроизводствѣ Аракчеевъ не зналъ никакой сдержки въ третированіи подчиненныхъ. Архитекторъ Свіязевъ поступилъ на службу въ военныя поселенія по газетной публикаціи, въ которой архитекторъ приглашался на жалованіе въ 4.000 р. въ годъ. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ жалованье вовсе не выдавалось, а когда Свіязевъ возбудилъ объ этомъ вопросъ, Аракчеевъ предложилъ ему удовлетворяться половиннымъ окладомъ. Разумѣется, Свіязевъ запротестовалъ. «Э, братецъ, — говорилъ ему Аракчеевъ, — брось ты свою вольтеровщину и будь истиннымъ христіаниномъ». Когда же Свіязевъ не согласился съ такимъ неожиданнымъ толкованіемъ христіанства и продолжалъ стоять на своемъ, то Аракчеевъ уволилъ его отъ службы, начавъ форменный, офиціальный приказъ объ увольненіи слѣдующими словами: «Графъ Аракчеевъ весьма удивляется, что *господинъ молодой мальчикъ* Свіязевъ не уважилъ того, что графъ призывалъ его лично къ себѣ и объявилъ рѣшительную свою волю въ разсужденіи назначенія ему жалованья...» и т. д. **).

Всеобщій молчаливый трепетъ былъ отвѣтомъ на всѣ подобныя выходки Аракчеева. Исключеніе составилъ лишь

---

*) «Мой вѣкъ», *Маевскаго*, loc. cit.

**) «Воспоминанія Свіязева», *Русск. Старина*, 1871 г., ноябрь.

Буксгевденъ, который, будучи главнокомандующимъ во время финляндской компаніи 1809 г., не вытерпѣлъ неприличныхъ придирокъ Аракчеева, занимавшаго тогда постъ военнаго министра, и отвѣтилъ ему обширнымъ рѣзкимъ письмомъ, исполненнымъ достоинства. Въ этомъ письмѣ Аракчееву опредѣленно указывалось неприличіе его поведенія и незаконность его вторженій въ область вѣдомства главнокомандующаго. Зато письмо Буксгевдена и прогремѣло тогда по всей Россіи; его жадно переписывали и распространяли въ публикѣ въ многочисленныхъ экземплярахъ. Повидимому, полученіе такого посланія озадачило нѣсколько и самого Аракчеева; у насъ есть указанія на то, что Аракчеевъ нѣкоторые пассажи этого письма выучилъ наизусть. *)

Повелительное и дерзкое обращеніе Аракчеева съ окружающими не было результатомъ сознанія внутренней силы своего духа. Это просто было обычное фанфаронство нахальнаго человѣка, чувствующаго за собой могущественную внѣшнюю поддержку. Но, при малѣйшемъ намекѣ на опасность для себя, этотъ надменный громовержецъ въ самой жалкой формѣ обнаруживалъ трусливость натуры. Аракчеевъ доказалъ свою трусость въ самыхъ разнообразныхъ жизненныхъ положеніяхъ. Страстный охотникъ до истязаній безоружныхъ или подвластныхъ ему людей, Аракчеевъ никогда не рѣшался понюхать непріятельскаго боевого пороха. Онъ любилъ изъ-за печки вмѣшиваться въ военныя распоряженія, но, сопровождая государя во многихъ кампаніяхъ, никогда не показывался на чертѣ выстрѣловъ. Подъ Аустерлицомъ государь вздумалъ было поручить Аракчееву начальство надъ одной колонной, но Аракчеевъ пришелъ въ неописуемое волненіе и отклонилъ порученіе, ссылаясь на слабость нервовъ**). Но и въ мирное время, въ обыденной жизни онъ не отличался мужественностью характера. Врачъ, присутствовавшій при послѣднихъ часахъ его жизни, сообщаетъ, что Аракчеевъ выказалъ во время предсмертной болѣзни самый малодушный страхъ передъ смертью и съ безграничной тоской и ужа-

---

*) Текстъ письма Буксгевдена напечатанъ въ «Чтеніяхъ въ Имп. общ. ист. и древн.», 1858 г., кн. I, стр. 133—137. Ср. объ этомъ письмѣ. *Русск. Арх.*, 1871 г., «Записки Греча». *Русск. Арх.*, 1866 г., стр. 1031—1046.

**) *Шильдеръ*, loc. cit., т. II, стр. 138—139.

сомъ цѣплялся за жизнь *). Но и жизнь была для него полна страховъ. Саблуковъ передаетъ, что Аракчеевъ вѣчно дрожалъ за свою безопасность, рѣдко спалъ двѣ ночи сряду въ одной кровати, обѣдъ принималъ только приготовленный особенно довѣренными людьми, и домашній докторъ долженъ былъ предварительно самъ отвѣдывать всякое кушанье **). Эта мнительность могла только усилиться со времени убійства его любовницы Минкиной. Въ послѣдніе годы его жизни былъ съ нимъ такой случай. Онъ сидѣлъ дома, въ своемъ грузинскомъ имѣніи. Ему доложили, что вдали по дорогѣ показались быстро скачущія тройки. Онъ страшно поблѣднѣлъ, схватилъ завѣтную шкатулку, кинулся въ экипажъ, всегда стоявшій наготовѣ, и понесся во весь духъ. Онъ скакалъ безъ передышки весь день, переночевалъ у какого-то помѣщика, перепугавъ его своимъ внезапнымъ появленіемъ, и на утро продолжалъ столь же поспѣшное бѣгство. Прилетѣвъ въ Новгородъ, онъ присталъ къ дому вице-губернатора. И что же оказалось? Мимо грузинскаго дома просто-напросто ѣхали съ праздника мѣстные священники, которымъ попались рѣзвыя лошадки ***).

Такую же малодушную пугливость обнаруживалъ Аракчеевъ и на поприщѣ служебныхъ отношеній, на которомъ на первый взглядъ онъ былъ такъ увѣренъ въ своемъ могуществѣ. Суровая заносчивость мгновенно смѣнялась въ немъ низкимъ подобострастіемъ, лишь только онъ чувствовалъ, что ему могутъ дать отпоръ. Когда Мертваго вступилъ въ должность генералъ-провіантмейстера, Аракчеевъ, какъ военный министръ, встрѣтилъ его волкомъ. Вскорѣ послѣ первыхъ свиданій Аракчеевъ пригласилъ къ себѣ Мертваго и при немъ приказалъ генералу Копьеву читать толстую тетрадь съ описаніемъ недостатковъ по провіантской части, обнаруженныхъ во время кампаніи въ Финляндіи. Мертваго, какъ только что принявшій вѣдомство, не могъ быть отвѣтственнымъ за эти недостатки. Тѣмъ не менѣе Аракчеевъ во время чтенія, злобно потупя глаза, проговорилъ: «если это правда, такъ я генералъ-провіантмейстера арестую». Мертваго смолчалъ,

---

*) «Записки Брадке». *Русск. Арх.*, 1875 г.

**) «Записки Саблукова». *Русск. Арх.*, 1869 г., стр. 1899—1900.

***) Ст. *Отто:* «Древн. и нов. Россія», 1875 г.

но, пріѣхавъ домой, тотчасъ написалъ государю просьбу объ отставкѣ. Его вызвали во дворецъ, и тамъ Аракчеевъ еще въ передней комнатѣ «подлѣйшимъ образомъ просилъ у Мертваго прощенія и бранилъ себя за строптивый свой нравъ». Затѣмъ послѣдовала высочайшая аудіенція въ присутствіи Аракчеева, который и при государѣ просилъ у Мертваго прощенія и кланялся такъ низко, какъ только можно. Дѣло уладилось, и, выходя изъ дворца, Аракчеевъ суетился, приказывалъ принести шубу Мертваго въ теплый коридоръ, требовалъ, чтобы Мертваго сѣлъ въ его карету, и т. п. Мертваго правильно разсудилъ, что эта вынужденная угодливость не сулитъ ничего добраго. «Съ тѣхъ поръ,— пишетъ Мертваго,— Аракчеевъ непрестанно ставилъ меня на пробу; мнѣ было ясно, что онъ хочетъ меня запутать и погубить» *). Аналогичную исторію передаетъ изъ своей практики управлявшій высоцкою волостью поселеній Мартосъ. Когда крестьяне этой волости послали въ Петербургъ депутатовъ съ жалобою къ государю на Аракчеева, послѣдній страшно разсердился на Мартоса за то, что тотъ допустилъ до этого; вызвалъ Мартоса къ себѣ и нѣсколько дней подъ рядъ «ругалъ его напропалую»:

«Ты долженъ, — кричалъ онъ, — считать за честь, что служишь у меня. Аракчеевъ есть первый человѣкъ въ государствѣ; ты долженъ быть моей правою рукою, а ты хочешь быть добрымъ человѣкомъ, хочешь жить дружно съ офицерами, съ мужиками; ты долженъ быть тамъ, какъ собака на цѣпи». Вдругъ, послѣ нѣсколькихъ дней такихъ нотацій, полная перемѣна: «графъ кланяется, извиняется, проситъ обѣдать, сердится, что я мало ѣмъ, мало пью; проситъ, чтобы я продолжалъ службу, коей онъ всегда былъ доволенъ». — «Его ласки, — замѣчаетъ Мартосъ, — меня ни сколько не удивили; онѣ только обнаружили его характеръ хуже воробьинаго», — дѣло объяснилось тѣмъ, что государь принялъ во дворцѣ благосклонно волостного голову и писаря и велѣлъ имъ выдать денегъ на обратный путь **).

Такія же заискиванія пускалъ въ ходъ Аракчеевъ и по отношенію къ тѣмъ, въ комъ онъ нуждался. Мы видѣли, какъ онъ порывался третировать главнокомандующихъ. Но ко-

*) «Записки Мертваго». *Русск. Арх.*, 1867 г.

**) «Записки Мартоса». *Русск. Арх.*, 1893 г., т. II.

гда въ 1809 г. ему во что бы ни стало нужно было побудить Барклая немедленно осуществить идею государя о нападеніи на Швецію черезъ Кваркенъ по льду, онъ написалъ Барклаю: «на сей разъ я желалъ бы быть не министромъ, а на вашемъ мѣстѣ, ибо министровъ много, а переходъ черезъ Кваркенъ Провидѣніе предоставляетъ одному Барклаю-де-Толли» *). Эти заискиванія Аракчеевъ практиковалъ и въ менѣе отвѣтственныхъ случаяхъ, вводилъ ихъ въ обычную свою систему. Маевскій пишетъ: «графъ дѣятеленъ, какъ муравей, а ядовитъ, какъ тарантулъ; ежели ему хочется кого связать съ собою, то онъ вначалѣ ласкаетъ, обнадеживаетъ и даетъ чины и кресты на словахъ; но какъ утвердитъ его на мѣстѣ, тогда обращается съ нимъ, какъ съ невольникомъ и позволяетъ себѣ всѣ дерзости». Совершенно то же показываетъ докторъ Европеусъ: «къ людямъ, въ которыхъ онъ *нуждался*, графъ былъ необыкновенно вѣжливъ и снисходителенъ; не только съ инженерами, архитекторами, но и съ простыми мужиками-подрядчиками ходилъ подъ руку, выслушивалъ ихъ совѣты». Этой-то чертой характера Аракчеева объясняется та снисходительность, которую онъ проявлялъ, по свидѣтельству Брадке, къ своимъ сотрудникамъ по введенію военныхъ поселеній на первыхъ порахъ, когда онъ еще нуждался въ дѣятельныхъ помощникахъ, когда все еще было невѣрно, въ зачаткахъ. Но и Брадке, оттѣняя эту снисходительность, замѣчаетъ неоднократно: «отлично зная людей и притомъ спеціально искусившись въ разслѣдованіи людскихъ страстей и дурныхъ наклонностей, Аракчеевъ пользовался этими познаніями съ отмѣнной ловкостью и лукавствомъ»; или: «съ безчувственностью Аракчеевъ соединялъ низкое лукавство; его правило было: обѣщать каждому столько, чтобы побудить его къ самой сильной дѣятельности, но не спѣшить съ выполненіемъ обѣщанія, чтобы рвеніе не охладилось» **).

Всѣ разсмотрѣнныя нами до сихъ поръ свойства личности Аракчеева объясняютъ, какъ нельзя лучше, ту острую ненависть, которая скопилась со всѣхъ сторонъ около этого человѣка и къ возбужденію которой по отношенію къ себѣ онъ имѣлъ особенную способность. Въ чувствѣ ненависти къ

*) *Русск. Архивъ*, 1866 г., стр. 1031—1046.

**) *Русск. Архивъ*, 1875 г. «Записки Брадке».

Аракчееву съ полнымъ единодушіемъ сходились самые разнообразные слои общества. Мы видѣли выше, какъ ликовали по случаю смерти Аракчеева его крѣпостные крестьяне. Въ войскѣ его имя поносили и солдаты и офицеры: солдатскія пѣсни и ходившіе въ средѣ офицеровъ сатирическіе стихи въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія часто были посвящаемы выраженію негодующихъ чувствъ по адресу Аракчеева*). Точно такое же отношеніе наблюдается и въ средѣ крупныхъ сановниковъ того времени, любопытнымъ примѣромъ чему можетъ служить напечатанная переписка между кн. Волконскимъ, гр. Закревскимъ, Ермоловымъ, Киселевымъ. Всѣ они въ своихъ письмахъ называютъ Аракчеева не иначе, какъ «змѣй» или «проклятый змѣй» или «неистовый извергъ» и т. п. **). Наконецъ, и въ широкихъ слояхъ, какъ столичной, такъ и провинціальной публики, въ тысячеустой молвѣ народной, имя Аракчеева произносилось съ отвращеніемъ и содроганіемъ. Вигель пишетъ въ своихъ мемуарахъ, что онъ въ раннемъ дѣтствѣ слышалъ въ провинціальномъ захолустьи, какъ Аракчеева съ омерзѣніемъ и ужасомъ называли людоѣдомъ. Самые популярныя остроты, пріобрѣтавшія тогда наибольшую распространенность, неизмѣнно посвящались хулѣ на Аракчеева и, напримѣръ, по сообщенію Фишера, знаменитый девизъ аракчеевскаго герба «Безъ лести преданъ» былъ передѣланъ публикою въ «Бѣсъ, лести преданъ» ***).

Аракчеевъ пожиналъ то, что посѣялъ. Онъ самъ сознательно считалъ способность возбуждать къ себѣ нелюбовь отличительнымъ свойствомъ хорошаго администратора. Въ одномъ своемъ письмѣ къ Маевскому отъ 12 мая 1824 г. онъ пишетъ между прочимъ: «у васъ есть еще правило и хвастовство, чтобы подчиненные любили командира, мое же правило, дабы подчиненные дѣлали свое дѣло и боялись бы начальника, а любовницъ такъ много имѣть невозможно, нынѣ и одну любовницу мудрено сыскать, кольми паче много»****).

---

*) См., напр., въ *Русской Старинѣ*, 1872 г., сентябрь, ноябрь, образцы такихъ стиховъ и пѣсенъ.

**) «Сборн. Русск. Истор. Общ.», т. 73 и 78 passim.

***) *Истор. Вѣстникъ*, 1908 г.; май. Ср. извѣстное стихотвореніе Рылѣева: «Къ временщику». *Русск. Старина*, 1872 г., февраль, и стихи Пушкина: «Всей Россіи притѣснитель»...

****) «Русск. біограф. словарь», т. II, ст. Аракчеевъ.

Считая себя командиромъ всей Россіи, Аракчеевъ и полагалъ цѣлью своего честолюбія, чтобы его не любили, а боялись. Эта цѣль была имъ достигнута въ совершенствѣ.

Но чѣмъ объяснить, что императоръ Александръ составилъ въ этомъ отношеніи столь рѣзкое исключеніе изъ всей Россіи? На примѣрѣ Александра приходится убѣдиться въ томъ, что Аракчеевъ умѣлъ возбуждать къ себѣ, когда ему того хотѣлось, не только ненависть, но и любовь или, по крайней мѣрѣ, довѣрчивую привязанность. Какими же способами?

Мы разсматривали до сихъ поръ такія черты личности Аракчеева, которыя могли лишь отталкивать всѣхъ отъ этого человѣка. Но не было ли еще другихъ чертъ, которыя онъ не раскрывалъ передъ подвластными ему людьми, сберегая ихъ для государя? Мы знаемъ моральный пассивъ Аракчеева. Каковъ же былъ его активъ?

II.

Прежде всего нужно замѣтить, что никто изъ писавшихъ объ Аракчеевѣ не отказываетъ ему въ умѣ и способностяхъ. Эйлеръ въ своихъ запискахъ утверждаетъ даже, что Аракчеевъ «обладалъ умомъ и способностями необыкновенно высокими, постигалъ тотчасъ самые отвлеченные предметы» и былъ «истинно-великимъ государственнымъ человѣкомъ». *) Но Эйлеръ — одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Аракчеева и его безусловный панегиристъ — въ счетъ не идетъ. Однако и совершенно безпристрастный Брадке пишетъ слѣдующее: «Аракчеевъ былъ несомнѣнно человѣкомъ необыкновенныхъ природныхъ дарованій. Быстро охватывая предметъ, онъ не былъ лишенъ глубины мышленія, *когда не увлекался предубѣжденіями.*

Въ математикѣ и военныхъ наукахъ у него были обширныя познанія. Исторія и литература промелькнули мимо него, оставивъ, однако, нѣкоторый слѣдъ. Но всѣ теоріи государственнаго права онъ почиталъ безсмыслицей и искусно умѣлъ осаживать людей, которые толковали объ этомъ заученными фразами» **).

---

*) *Русск. Архивъ*, 1880 г., кн. II, стр. 386.

**) *Русск. Архивъ*, 1875 г., т. I.

Общее мнѣніе знавшихъ Аракчеева сводится къ тому, что, при крайней скудости образованія, онъ обладалъ природнымъ умомъ, яснымъ и точнымъ, тѣмъ счастливымъ здравымъ смысломъ, который и полуневѣжественнаго человѣка ставитъ несравненно выше образованныхъ бездарностей. Мы можемъ судить объ этомъ не только на основаніи отзывовъ мемуаристовъ, но и на основаніи прямыхъ и непосредственныхъ слѣдовъ дѣятельности Аракчеева. Въ этомъ отношеніи въ высшей степени любопытны обнародованныя г. Середонинымъ помѣтки Аракчеева на меморіяхъ комитета министровъ, подносимыхъ государю, за то время, когда Аракчеевъ сталъ единственнымъ докладчикомъ государя по дѣламъ этого учрежденія. Эти помѣтки Аракчеева, съ которыми всегда соглашался государь, несомнѣнно обнаруживаютъ въ ихъ авторѣ острый практическій умъ, способность сразу оріентироваться въ дѣловыхъ вопросахъ и намѣчать наиболѣе цѣлесообразные выходы изъ осложнившихся положеній. Сличая рѣшенія комитета министровъ съ поправками, которыя вносилъ въ нихъ Аракчеевъ, мы не можемъ не признать, что эти поправки вытекали изъ существа дѣла и большею частью свидѣтельствовали о болѣе зрѣломъ и глубокомъ взглядѣ на данные вопросы, нежели заключенія комитета министровъ. Еще любопытнѣе отмѣтить, что эти поправки носили иногда печать заботливости о государственной пользѣ, о справедливости, о правилахъ гуманности! Это наблюденіе можетъ показаться столь неожиданнымъ по отношенію къ Аракчееву, что я считаю нелишнимъ подкрѣпить его здѣсь нѣсколькими фактическими примѣрами. Разсматривая меморіи комитета министровъ, Аракчеевъ зорко слѣдилъ за выгодами казны и старался предупреждать вредныя для казенныхъ интересовъ поползновенія. Совѣту путей сообщенія въ 1820 г. повелѣно было обревизовать работы по московскому шоссе. Главное управленіе путей сообщенія вошло въ комитетъ министровъ съ представленіемъ о томъ, что такое обревизованіе является излишнимъ, такъ какъ главный директоръ уже самъ неоднократно осматривалъ эту часть и въ отчетѣ за 1819 г. доносилъ государю о состояніи работъ на шоссе. Тогда, какъ и въ наши дни, вѣдомства предпочитали настоящимъ ревизіямъ внутреннюю вѣдомственную отчетность. Комитетъ министровъ пошелъ навстрѣчу этому домогательству и постановилъ предста-

вленіе главнаго управленія принять къ свѣдѣнію, но Аракчеевъ надписалъ на этой меморіи комитета: «не кроется ли тутъ умыселъ огромныя издержки на шоссе онымъ самымъ покрыть», и государь положилъ резолюцію: «Замѣчаніе весьма основательное; можно объявить, что я на сіе не согласенъ». Интересно отмѣтить, что заботливость о казенной деньгѣ въ помѣткахъ Аракчеева нерѣдко соединяется съ отстаиваніемъ принциповъ справедливости вопреки домогательствамъ богатыхъ и сильныхъ людей. Умеръ сенаторъ Мясоѣдовъ до срока окончанія назначенной ему аренды. Министръ юстиціи возбудилъ ходатайство о томъ, чтобы выдача аренды была продолжена наслѣдникамъ Мясоѣдова до истеченія срока. Аракчеевъ помѣтилъ: «если это московскій Мясоѣдовъ, то, кажется, онъ богатъ», и государь на основаніи этой помѣты потребовалъ, чтобы министръ финансовъ лично доложилъ ему объ этомъ дѣлѣ.

Министръ внутреннихъ дѣлъ ходатайствовалъ о дозволеніи кіевскому приказу общественнаго призрѣнія выдать генералу-лейтенанту Златницкому сверхъ занятой имъ суммы еще такую же сумму.

Комитетъ министровъ постановилъ удовлетворить ходатайство, но Аракчеевъ помѣтилъ: «кажется, богатому выдается много, а для бѣднаго нечего будетъ выдавать». Нерѣдко Аракчеевъ во имя справедливости принимаетъ сторону слабыхъ и въ такихъ случаяхъ, гдѣ интересы фиска не были непосредственно затронуты.

Вдова актера Полякова и жена актера Лебедева должны были получить по словесному завѣщанію ихъ воспитательницы, помѣщицы Матюшкиной, 10 тысячъ рублей. Графъ Салтыковъ, къ которому перешло это обязательство, уклонялся отъ этого выполненія и не соглашался представить дѣло рѣшенію совѣстнаго суда. Комиссія прошеній, куда истицы вошли со всеподданнѣйшимъ прошеніемъ, нашла, что дѣло должно быть рѣшено третейскимъ судомъ. Комитетъ министровъ, наоборотъ, указалъ, что по закону никто не можетъ быть принуждаемъ къ разбирательству дѣла въ третейскомъ или совѣстномъ судѣ. Аракчеевъ помѣтилъ: «нѣтъ ли тутъ понаровки графу Салтыкову?» Въ резолюціи государя значилось: «вѣроятно, но какъ законъ здѣсь согласенъ съ мнѣніемъ комитета, то нельзя мнѣ рѣшить вопреки». Арендаторы казенныхъ

имѣній въ Бѣлостокской области просили нѣкоторыхъ льготъ по расчетамъ съ казной въ виду неурожая и другихъ мѣстныхъ бѣдствій. Большинство членовъ комитета высказалось за отклоненіе этого ходатайства; пять членовъ, наоборотъ, находили нужнымъ облегчить положеніе просителей въ виду стѣснительности ихъ обстоятельствъ. Аракчеевъ примкнулъ къ болѣе мягкому мнѣнію меньшинства. Приведу, далѣе, двѣ очень любопытныя помѣты Аракчеева, свидѣтельствующія о характерѣ его отношенія къ положенію крестьянъ. Въ Динабургскомъ староствѣ долго тянулись крестьянскія волненія изъ-за недовольства крестьянъ раскладкой повинностей. Комитетъ министровъ утвердилъ выработанное министерствомъ финансовъ положеніе объ ихъ повинностяхъ, въ которомъ повинности распредѣлялись уравнительно между крестьянами-пришельцами и коренными бѣлоруссами.—Аракчеевъ помѣтилъ: «я думаю, что крестьяне опять будутъ недовольны, то кажется лучше было бы велѣть М. Ф. *вытребовать къ себѣ съ департаментъ депутатовъ и сдѣлать съ ними положеніе* и внести въ комитетъ». Резолюція государя гласила: «непремѣнно».—Когда извѣстный откупщикъ Злобинъ былъ объявленъ несостоятельнымъ, крестьяне его настойчиво домогались получить разрѣшеніе выкупиться на свободу. Въ теченіе долгаго времени эти домогательства оставались тщетными. Наконецъ комитетъ министровъ разрѣшилъ допустить ихъ къ торгамъ, обставивъ, однако, это разрѣшеніе крайне тяжелыми для нихъ условіями. Аракчеевъ помѣтилъ: «*кажется, крестьянамъ всѣ способы преграждены; сіе легко можетъ быть для того, чтобы кому-нибудь купить изъ нашихъ братій;* то по крайней мѣрѣ нужно приказать доводить до вашего свѣдѣнія о покупщикахъ». На основаніи этой помѣты государь положилъ резолюцію: «вообще сіе заключеніе (комит. мин.) сдѣлано съ намѣреніемъ затруднить возможность крестьянамъ самимъ себя выкупить и потому я на оное согласиться не могу и требую, чтобы оно было передѣлано, давъ возможныя пособія и облегченіе крестьянамъ для собственнаго выкупа». — Наконецъ, среди помѣтъ Аракчеева на меморіяхъ комитета министровъ встрѣчаются и такія, въ которыхъ страшный и всѣми ненавидимый графъ высказывается за смягченіе предположенныхъ каръ. Новгородскій губернаторъ вошелъ однажды съ представленіемъ

въ сенатъ о нецѣлесообразности одного сенатскаго распоряженія. Сенатъ положилъ подтвердить губернатору прежнее распоряженіе, а за неосновательность представленія сдѣлать выговоръ, объявивъ о немъ по всѣмъ губернскимъ правленіямъ. Комитетъ министровъ согласился съ сенатомъ, но Аракчеевъ помѣтилъ: «нѣтъ ли тутъ излишняго; за представленіе дѣлаютъ выговоръ съ объявленіемъ по всему государству за такое дѣло, которое содержитъ въ себѣ только одно правило». Государь положилъ резолюцію: «весьма согласенъ, выговоръ отмѣнить, чѣмъ и публикованіе онаго уничтожится» *).

Приведя всѣ эти и еще нѣкоторые другіе, подобные тому, факты, г. Середонинъ поспѣшилъ воздать Аракчееву хвалу, какъ дѣятелю, через мѣру, незаслуженно опороченному современниками и историками. Мы думаемъ, что изслѣдованіе закулисной стороны каждаго изъ тѣхъ дѣлъ, къ которымъ относились вышеприведенныя помѣты Аракчеева, значительно понизило бы благожелательный тонъ, съ какимъ г. Середонинъ говоритъ объ Аракчеевѣ. Взять хотя бы гуманную помѣту Аракчеева по дѣлу о выговорѣ новгородскому губернатору. Слишкомъ извѣстно, что Аракчеевъ въ качествѣ новгородскаго землевладѣльца и начальника надъ военными поселеніями, расположенными въ Новгородской губерніи, сажалъ на постъ новгородскаго губернатора свои креатуры и еще большой вопросъ: что́ именно защищалъ Аракчеевъ въ вышеуказанной помѣтѣ — принципъ гуманности или просто *своего* человѣка. Также и оцѣнка всѣхъ другихъ «помѣтъ» Аракчеева съ точки зрѣнія его личной характеристики должна была бы опираться на предварительное разсмотрѣніе связанныхъ съ каждымъ даннымъ дѣломъ личныхъ отношеній, счетовъ и интригъ. Признавая, такимъ образомъ, высказанное г. Середонинымъ похвальное слово по адресу Аракчеева поспѣшнымъ и въ общей его формѣ необоснованнымъ, я тѣмъ не менѣе вовсе не считаю возможнымъ отрицать за приведенными у г. Середонина фактами всякое значеніе, — Аракчеевъ не можетъ рисоваться историку тѣмъ опернымъ злодѣемъ, которому не полагается ни одного симпатичнаго жеста,

---

*) *С. М. Середонинъ:* «Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ», т. I, стр. 24—33.

ни одного добраго душевнаго движенія, не можетъ хотя бы уже по одному тому, что мы и вообще не допускаемъ возможности существованія такихъ одноцвѣтныхъ натуръ. Каковы бы ни были побужденія, водившія рукою Аракчеева при написаніи этихъ помѣтъ, во всякомъ случаѣ въ нихъ выражаются двѣ черты — разсудительная дѣловитость, внушаемая практическимъ здравымъ смысломъ и похвальная привычка вспоминать о казенномъ интересѣ при мотивировкѣ своихъ предположеній.

Не эти ли двѣ черты и вознесли Аракчеева въ глазахъ Александра превыше всей остальной сановной массы, въ которой государь такъ часто встрѣчалъ поверхностное легкомысліе въ государственныхъ вопросахъ и самое циничное хищничество по отношенію къ казеннымъ деньгамъ?

Надо замѣтить, что всѣ тѣ немногіе писатели, которые поднимали свой голосъ въ пользу Аракчеева съ желаніемъ смягчить одіумъ тяготѣющей надъ его памятью репутаціи*), всегда усиленно выдвигали именно эти двѣ черты своего героя — энергичную, серьезную дѣловитость и личную честность.

Посмотримъ же повнимательнѣе, какой оттѣнокъ принимали эти черты въ личности Аракчеева и какую роль могли онѣ сыграть въ исторіи возвышенія Аракчеева при императорѣ Александрѣ.

Аракчеевъ безспорно умѣлъ превосходно «дѣлать дѣло», когда онъ этого желалъ. Его дѣловитость засвидѣтельствована рядомъ фактовъ изъ исторіи его службы. Военные спеціалисты, на авторитетъ которыхъ мы въ данномъ случаѣ полагаемся, весьма высоко ставятъ проведенную Аракчеевымъ реформу русской артиллеріи въ бытность его инспекторомъ всей артиллеріи. Эта часть русскихъ военныхъ силъ находилась къ концу XVIII ст. въ полномъ упадкѣ, въ полной отсталости отъ успѣховъ артиллерійскаго дѣла на Западѣ Европы. Аракчеевъ, по свидѣтельству военныхъ историковъ, своими энергичными мѣропріятіями поднялъ русскую артиллерію на уровень западно-европейской, и результаты этой реформы ярко сказались во время участія Россіи

---

*) Эйлеръ (*Русск. Арх.*, 1880 г.), Липранди (*Русск. Арх.*, 1866 г.), авторъ статьи въ «Русскомъ біограф. словарѣ» и др.

въ коалиціяхъ противъ Наполеона въ 1805 и 1807 гг.*). Другимъ блестящимъ проявленіемъ административной дѣловитости и энергіи Аракчеева считается обыкновенно его дѣятельность въ качествѣ военнаго министра во время финляндской кампаніи 1809 г. Въ спеціальной литературѣ господствуетъ мнѣніе, что только благодаря распорядительности и настойчивости Аракчеева, прибывшаго на театръ войны, удалось побѣдить всѣ препятствія къ подготовкѣ знаменитаго перехода русской арміи по льду Ботническаго залива на шведскій берегъ. Наконецъ, сопоставимъ съ этимъ успѣшное выполненіе Аракчеевымъ порученія иного рода. Я имѣю въ виду составленный Аракчеевымъ въ 1818 г. по порученію государя проектъ освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ. Давая Аракчееву это порученіе, государь поставилъ условіемъ, чтобы въ его проектѣ не заключалось никакихъ мѣръ стѣснительныхъ для помѣщиковъ и чтобы эти мѣры не представляли ничего насильственнаго со стороны правительства. Ограниченный этими условіями, Аракчеевъ все-таки сумѣлъ развить въ своемъ проектѣ вполнѣ обдуманный и осуществимый планъ послѣдовательнаго выкупа крѣпостныхъ крестьянъ въ казну вмѣстѣ съ земельнымъ надѣломъ. В. И. Семевскій усматриваетъ въ этомъ аракчеевскомъ проектѣ начальное зарожденіе мысли о возможности выкупа крестьянъ посредствомъ кредитной операціи.**)

Такъ, Аракчеевъ могъ съ успѣхомъ вести государственныя дѣла разнообразнаго характера. У него была хорошо устроенная голова и золотыя на работу руки. Но эти положительныя качества подсѣкались, мельчали и размѣнивались благодаря основной чертѣ его натуры и его дѣятельности: имъ всегда руководили не стремленія государственнаго человѣка, а корыстныя (въ широкомъ смыслѣ этого слова) домогательства царедворца.

---

*) Адъютантъ гвардейскаго артиллерійскаго баталіона Жиркевичъ такъ выражается въ своихъ запискахъ: «Объ усовершенствованіяхъ артиллерійской части я не буду распространяться: каждый въ Россіи знаетъ, что она въ настоящемъ видѣ *создана* Аракчеевымъ и ежели образовалась до совершенства настоящаго, то онъ же всему положилъ прочное начало». *Русск. Старина*, 1874 г., февраль. Надо замѣтить, что Жиркевичъ вообще принадлежалъ къ панегиристамъ Аракчеева.

**) *Семевскій, В. И.:* «Крестьянскій вопросъ въ Россіи», т. I, стр. 438.

Его дѣловитость зиждилась не на внутреннемъ влеченіи къ общему благу, а на угодливости, на стремленіи отличиться ради укрѣпленія личнаго положенія. Вотъ почему онъ, крѣпостникъ въ душѣ, могъ, *если было приказано*, серьезно и плодотворно заняться составленіемъ освободительнаго проекта и въ то же время, будучи противникомъ военныхъ поселеній, могъ, *въ виду желанія государя*, связать свое имя съ самымъ рьянымъ и неуклоннымъ насажденіемъ этихъ учрежденій. Прикажутъ — и онъ эмансипаторъ; прикажутъ иначе — и онъ бичъ и гроза подневольнаго населенія.

Эта черта накладывала особый отпечатокъ и на самую его дѣловитость. При всей *способности* Аракчеева вникать въ суть дѣла и схватывать своимъ пониманіемъ самую его сердцевину, его *интересъ* сплошь и рядомъ сосредоточивался на показной сторонѣ, на формѣ и наружности, на второстепенныхъ, иногда до смѣшного ничтожныхъ мелочахъ. Онъ *умѣлъ* дѣлать и настоящее дѣло, но онъ *любилъ* больше всего пускать пыль и втирать очки въ глаза тѣмъ, въ чьихъ милостяхъ и благоволеніи онъ нуждался. Петръ Великій сумѣлъ бы выколотить изъ него, какъ и изъ Меньшикова, хорошаго слугу для государственной работы; Александръ Павловичъ отвелъ ему для своихъ личныхъ услугъ такую роль, при исполненіи которой отрицательныя стороны его личности разрастались болѣе пышно, нежели положительныя.

Показной характеръ дѣловитости Аракчеева особенно ярко сказался въ главномъ дѣлѣ его жизни, — въ организаціи военныхъ поселеній. Аракчеевъ очень гордился внѣшнимъ блескомъ этого учрежденія и прекрасно понималъ, какое значеніе для его фавора при государѣ имѣетъ его дѣятельность по этой части.

И можно сказать, что созданное Аракчеевымъ бутафорское великолѣпіе военныхъ поселеній оставило далеко позади себя даже знаменитыя потемкинскія декораціи, сооруженныя во время путешествія въ Крымъ Екатерины II. Сооруженія Потемкина были разсчитаны лишь на краткій моментъ Высочайшаго проѣзда... Аракчеевская феерія должна была создавать постоянный, непрерывный оптическій обманъ, на которомъ Аракчеевъ строилъ свою безраздѣльную силу у царскаго трона.

Читая воспоминанія разныхъ сотрудниковъ Аракчеева

по военнымъ поселеніямъ, мы отчетливо видимъ, въ чемъ состоялъ секретъ той быстроты, съ которой Аракчеевъ осуществлялъ желанія государя. Секретъ этотъ самый несложный. Онъ сводился къ тому, что Аракчеевъ вовсе не считалъ нужнымъ изыскивать для выполненія той или другой работы наиболѣе подготовленныхъ и подходящихъ къ ней людей. Онъ твердо вѣрилъ во всемогущество служебной субординаціи и проповѣдывалъ правило, что на службѣ никто и никогда не можетъ отговариваться незнаніемъ и неумѣніемъ. Достаточно приказать и взыскать, — и любое дѣло будетъ сдѣлано.

Любопытныя указанія на эту аракчеевскую административную магію находимъ въ запискахъ Брадке. Въ 1817 г. Брадке 20-лѣтнимъ подпоручикомъ былъ откомандированъ въ распоряженіе Аракчеева по военнымъ поселеніямъ. Вмѣстѣ съ полковникомъ Паренсовымъ, также назначеннымъ вновь на службу по военнымъ поселеніямъ, Брадке явился къ Аракчееву. Тотъ любезнымъ тономъ объяснилъ предстоящія имъ обязанности: опредѣлять линіи построекъ, приготовлять поля, луга и пастбища для новыхъ поселенцевъ, для чего подъ ихъ команду будетъ назначено нѣсколько баталіоновъ. Брадке и Паренсовъ въ смущеніи заявили, что они оба совершенно несвѣдущи въ сельскомъ хозяйствѣ. Аракчеевъ сразу измѣнился въ лицѣ и сурово отвѣтилъ, что не привыкъ выслушивать такихъ возраженій и что всякій служащій долженъ безпрекословно исполнять возлагаемыя на него обязанности.

Скрѣпя сердце Брадке и Паренсовъ отправились къ мѣсту назначенія. Первоначально они занялись обученіемъ офицеровъ съемкамъ мѣстностей для опредѣленія мѣстъ для полковыхъ штабовъ, ротъ, полей, дорогъ и т. п. Эта операція была имъ знакома и ранѣе, и дѣло шло гладко. Скоро однако пришлось приниматься за расчиску и осушеніе болотъ. Никто изъ офицеровъ не имѣлъ никакого понятія о такихъ работахъ, и, по словамъ Брадке, *начался настоящій хаосъ*. Солдаты кое-какъ приноровлялись къ дѣлу; по вдохновенію, по смекалкѣ, наугадъ принимались сами изобрѣтать пріемы работы, но мудрость ихъ была невелика, и въ ходѣ работъ царили безтолковщина и сумбуръ.

Аракчеевъ твердилъ только одно — что «съ доброю волей можно достигнуть всего и что всякая нерѣшительность изо-

бличаетъ только дурное намѣреніе». Брадке и Наренсовъ указывали ему, что ими все же надѣлано много важныхъ ошибокъ, которыхъ легко избѣжалъ бы свѣдущій человѣкъ. Аракчеевъ никакъ не хотѣлъ признать справедливости такихъ указаній. Лѣтомъ 1819 г. Аракчеевъ отправилъ Брадке въ могилевское военное поселеніе для приведенія въ порядокъ хозяйственныхъ дѣлъ. Брадке опять возражалъ противъ этого назначенія: «это превышаетъ мои силы и знанія, — говорилъ онъ, — я не умѣю отличить овса отъ ржи». — «Все это глупости, — отвѣчалъ Аракчеевъ, — порученія должны быть исполняемы, коль скоро на насъ лежитъ служебная обязанность». — «Но если я ихъ исполню дурно по своему невѣдѣнію?» — продолжалъ обороняться Брадке. — «Тогда я отдамъ васъ подъ судъ», успокоительнымъ тономъ замѣтилъ Аракчеевъ. «И пришлось ѣхать», пишетъ Брадке*).

Совершенно то же самое разсказываетъ Свіязевъ, опредѣлившійся въ началѣ 1825 г. архитекторомъ въ новгородскія военныя поселенія. Свіязеву поручили построить дома для роты австрійскаго полка и отрядили въ его распоряженіе для этой цѣли баталіонъ солдатъ, въ которомъ большею частью были ярославцы, въ увѣренности, что всякій ярославецъ, — непремѣнно каменщикъ. На дѣлѣ оказалось, что во всемъ баталіонѣ только одинъ солдатъ кое-что разумѣетъ по этой части. «И пришлось мнѣ, — разсказываетъ Свіязевъ, — отыскивать старыя записки, веденныя еще въ началѣ практики, и обучать избраннаго мною кондуктора разбивкѣ строенія, приготовленію известковаго раствора, поливкѣ кирпича и т. п. Эйлеръ въ своихъ запискахъ также отмѣчаетъ эту характерную черту службы при Аракчеевѣ, по которой каждый долженъ умѣть дѣлать все, что ему прикажутъ, независимо отъ подготовки.

Разумѣется, такой упрощенный пріемъ управленія громаднымъ и сложнымъ предпріятіемъ, какимъ были военныя поселенія, не могъ приводить къ твердымъ и прочнымъ результатамъ. Но о прочности результатовъ Аракчеевъ какъ разъ и не заботился, была бы только наведена внѣшняя красота на показныя декораціи.

Безпристрастный и сдержанный въ своихъ сужденіяхъ

---

*) *Русск. Арх.*, 1875 г. «Брадке Записки».

Брадке говоритъ прямо: «въ занятіяхъ по военнымъ поселеніямъ — много шуму, много мученій, бѣготни и суеты, а дѣйствительной пользы — никакой». Въ устройствѣ самихъ поселеній, по отзыву того же автора, «на поверхности былъ блескъ, а внутри уныніе и бѣдствіе». На каждомъ шагу встрѣчались тамъ безтолковыя, непроизводительныя затраты и отсутствіе заботливости о дѣйствительной пользѣ дѣла. Слѣпая вѣра руководителей во всемогущество приказа на каждомъ шагу побивалась жизнью, но руководители упрямо отвертывались отъ жизненныхъ уроковъ.

Самый выборъ мѣстностей для устройства поселеній, по словамъ Брадке, былъ «роковымъ». Въ Новгородской губерніи подъ поселенія были взяты мѣста, почти сплошь занятыя старымъ, порченымъ лѣсомъ, съ обширными и глубокими болотами, негодными для обработки, съ населеніемъ, мало привычнымъ къ земледѣлію. Въ Могилевской губерніи избрали обширную волость, откуда нѣсколько тысячъ человѣкъ переселили въ Херсонскую губернію и масса народу погибла при этомъ переселеніи отъ голода, унынія, тоски по родинѣ. А на ихъ мѣсто поступилъ баталіонъ солдатъ, отвыкшихъ отъ земледѣлія, незнакомыхъ съ мѣстностью, лишенныхъ знающихъ руководителей. Въ первое время они страшно бѣдствовали. Построили великолѣпныя зданія для штабовъ, провели всюду шоссе, поставили щегольскіе домики для поселенныхъ солдатъ, но луга и пастбища оказались расположенными далеко за полями и скотъ приходилъ на пастьбу совершенно изнуренный. Выписали дорогой заграничный скотъ, когда луга еще не были нарѣзаны, и скотина падала отъ голода и злокачественности болотныхъ травъ. И ко всѣмъ такимъ тяжелымъ промахамъ присоединялась тягостность педантическаго формализма и безцѣльная жестокость въ пріемахъ управленія. Такъ характеризуетъ Брадке оборотную сторону показной «дѣловитости» аракчеевскаго управленія военными поселеніями. Подтвержденій этой характеристикѣ можно найти сколько угодно въ отзывахъ очевидцевъ и участниковъ этого дѣла. Въ запискахъ Мартоса и Маевскаго встрѣчаемъ выразительное описаніе «благоустройства» тѣхъ жилищъ, или, какъ ихъ именовали тогда, «связей», которыя устраивались для поселенныхъ войскъ по одинаковому, однажды навсегда утвержденному образцу.

«Въ сгорѣвшемъ селѣ Высокомъ, — повѣствуетъ Мартосъ, — начали строить дома. Бухмейеръ былъ главнымъ строителемъ, хотя въ архитектурѣ смыслилъ столько же, какъ и татарскій мурза. Начали громоздить дома, сдѣлали проходныя сѣни, раздѣляющія связь на два жилья, по бокамъ — избу для хозяина въ 3 кв. сажени, рядомъ комнату для постояльцевъ, не больше 3 шаговъ длины, а какъ поставили печки, такъ и повернуться негдѣ. Все это не мѣшало снаружи дать симметрію, насыпать бульваръ, даже на заслонкахъ, литыхъ на чугунныхъ заводахъ, изображены купидончики, которые, играючи, коронуютъ себя вѣночками, другія малютки изъ чугуна пускаютъ мыльные пузырьки. Подлинно, что пустили мужикамъ мыльные пузыри. Издержка непомѣрная, но всѣ сіи дома, объявившіе войну хозяйственному расположенію, представляютъ глазамъ путешественника пріятную деревню»*).

Вотъ впечатлѣнія Маевскаго отъ осмотра поселеннаго имени Аракчеева полка: «Все, что составляетъ наружность, плѣняетъ глазъ до восхищенія, все, что составляетъ внутренность, говоритъ о безпорядкѣ. Чистота и опрятность есть первая добродѣтель въ этомъ поселеніи. Но представьте огромный домъ съ мезониномъ, въ которомъ мерзнутъ люди и пища; представьте сжатое помѣщеніе, — смѣшеніе половъ безъ раздѣленія; представьте, что корова содержится, какъ ружье, а кормъ въ полѣ получается за 12 верстъ; представьте, что капитальные лѣса сожжены, а на строенія покупаются новые изъ Порхова съ тягостною доставкою, что для сохраненія одного деревца употребляютъ сажень дровъ для обставки его клѣткою, — и тогда получите вы понятіе о сей государственной экономіи». «Въ этомъ поселеніи, — пишетъ далѣе Маевскій, — повивальныя бабки, родильныя ванны, носилки, отхожія мѣста — все царскія. Въ больницѣ полы доведены до паркетовъ, но больные не смѣютъ прикасаться къ нимъ, чтобы ихъ не замарать, и вмѣсто того, чтобы выходить черезъ дверь, прямо прыгаютъ съ кровати въ окно. У каждаго поселеннаго полка — богатая мебель и серебряный сервизъ. Но мебель хранится, какъ драгоцѣнность, и на ней никто не смѣетъ сидѣть. То же и съ офицерами — они

---

*) *Русск. Арх.*, 1893 г., т. II. «Записки Мартоса». Мартосъ писалъ свои записки въ 1818 г.

не смѣютъ ни ходить, ни сидѣть, дабы не обтереть и не замарать того, что дано имъ для употребленія*). Такъ, показнымъ благополучіемъ прикрывалось полное пренебреженіе къ нуждамъ и удобствамъ поселенныхъ войскъ. Докторъ Европеусъ, по обязанностямъ объѣзднаго врача близко знакомившійся съ бытомъ и нуждами поселянъ и резервныхъ войскъ, рисуетъ съ натуры картину работъ въ поселеніяхъ: работы были очень обременительны для солдатъ. Солдаты жили во время работъ въ сырыхъ мазанкахъ. Больныхъ было много, смертность — значительная; въ мазанкахъ не было печей, негдѣ было грѣться; лихорадки, поносы, цынга, куриная слѣпота свирѣпствовали въ поселеніяхъ. Солдаты возвращались съ работъ съ пѣснями для начальства, а ночью по всему лагерю слышались оханье и стоны **).

Весь бытъ военныхъ поселеній представлялъ собою цѣпь фальсификацій. Пьянство и даже просто нормальное употребленіе вина было тамъ воспрещено подъ строжайшими карами. Но архитекторъ Свіязевъ, поселившійся въ одной изъ «связей» въ поселенномъ полку короля прусскаго, разсказываетъ, что ночью его то и дѣло будили легкимъ стукомъ въ окно, и оказывалось, что къ нему стучатъ по ошибкѣ, такъ какъ въ сосѣднемъ домѣ по ночамъ секретно продается винцо ***). При объѣздахъ военныхъ поселеній императоромъ Александромъ Павловичемъ все сіяло довольствомъ и благосостояніемъ. Входя въ обѣденное время въ разные дома, государь у каждаго поселенца находилъ на столѣ жаренаго поросенка и гуся. Очевидцы разсказываютъ однако, что эти гусь съ поросенкомъ быстро были переносимы по задворкамъ изъ дома въ домъ по мѣрѣ того, какъ государь переходилъ отъ одного поселенца къ другому. Разумѣется, — прибавляетъ къ этому разсказу очевидецъ,—ни пустыхъ щей, ни побитыхъ спинъ государю не показывали****).

Можетъ возникнуть предположеніе, что и самъ Аракчеевъ былъ вводимъ въ заблужденіе второстепенными начальниками. Дѣйствительно, Аракчеевъ, при всей его пре-

---

*) «Мой вѣкъ». *Русская Старина*, 1873 г.

**) «Воспоминанія Европеуса». *Русская Старина*, 1872 г., сентябрь.

***) «Воспоминанія Свіязева». *Русская Старина*, 1871 г., ноябрь.

****) «Воспоминанія Гриббе». *Русская Старина*, 1875 г., январь.

тензіи на всезнаніе, не разъ попадался на удочку корыстнаго обмана. Что касается системы показного благополучія въ военныхъ поселеніяхъ, то ея источникомъ несомнѣнно служилъ самъ Аракчеевъ. Маевскій, посвященный во всѣ тайны военныхъ поселеній, и Брадке, также близко стоявшій къ администраціи этого учрежденія, согласно говорятъ о томъ, что Аракчеевъ умышленно и сознательно строилъ управленіе поселеніями на лжи и фальши. По свидѣтельству Маевскаго, Аракчеевъ требовалъ щегольства и издержекъ на украшеніе фронта. Отлично понимая, что такія издержки падаютъ на солдата, Аракчеевъ говорилъ: «Я и самъ того мнѣнія, что издержки на украшеніе фронта падаютъ всегда на солдата подъ скрытыми видами. Но пока оно негласно, мнѣ нѣтъ до того дѣла». Иначе говоря, — замѣчаетъ Маевскій, — воруй, да не попадайся», — таково было основаніе системы. «Аракчеевъ, — говоритъ Брадке, — очень хорошо сознавалъ истинное положеніе вещей въ военныхъ поселеніяхъ, но не желалъ его видѣть. То была — игрушка, подносимая имъ государю въ видѣ важнаго дѣла, и при этомъ не останавливались передъ тѣмъ, что она стоила милліоны и дѣлала несчастными многія тысячи людей».

Движимый стремленіями искательнаго царедворца, Аракчеевъ нерѣдко сосредоточивалъ кипучую энергію не на тѣхъ сторонахъ дѣла, которыя были важнѣе, но на тѣхъ, которыя сильнѣе бросались въ глаза. Мы имѣемъ объ этомъ очень важное показаніе Маевскаго. Однажды, передавая Маевскому строго провѣренный строевой рапортъ баталіоннаго командира, кругомъ исписанный своими замѣчаніями, Аракчеевъ въ минуту откровенности сказалъ Маевскому: «Ты скажешь, — графъ занимается такими пустяками посреди важныхъ государственныхъ занятій; а я скажу, что я важными никогда такъ не занимаюсь, какъ пустыми. Когда я найду здѣсь ошибку, то всѣ скажутъ: ежели графъ занимается и видитъ ошибки въ бездѣлицахъ, то что же онъ увидитъ въ важномъ дѣлѣ, которое, конечно, читаетъ онъ съ бо́льшимъ напряженіемъ и вниманіемъ». И Маевскій замѣчаетъ, что по его наблюденіямъ Аракчеевъ дѣйствительно пристальнѣе разсматривалъ бездѣлицы, нежели важныя дѣла. Впрочемъ, и помимо житейскихъ расчетовъ эта мелочность составляла просто непроизвольную черту его натуры. Тотъ же Маевскій отмѣчаетъ,

что Аракчеевъ вѣчно со страстію занимается мелочью и дрязгами: ссоритъ подчиненныхъ, вывѣдываетъ ихъ тайны и потомъ, обнаруживая послѣднія, дѣлаетъ ихъ непримиримыми врагами. Быть можетъ, $^3/_5$ всей его дѣятельности уходили на безплодную мелочную суетливость, совершенно ненужную для существа дѣла. Европеусъ сообщаетъ, что при устройствѣ больницы Аракчеевъ убивалъ массу времени на указанія, куда поставить скамейки, гдѣ долженъ находиться ординаторскій столикъ, даже какого формата должно быть перо при чернильницѣ у ординатора, а именно — непремѣнно безъ бородки. Разъ какъ-то, увидавъ перо съ бородкою, Аракчеевъ поднялъ цѣлую исторію, вызвалъ полковника и врача, прочиталъ пространныя нотаціи, а фельдшеру велѣлъ дать пять розогъ. И въ то же время рядъ очень существенныхъ неустройствъ не привлекалъ его вниманія.

Подмѣна истинной дѣловитости бездушной, мелочной формалистикой рѣзко сказывалась и въ домашнемъ хозяйствѣ Аракчеева; лучшее доказательство того, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не только съ тактическимъ пріемомъ, но и съ непосредственной, природной чертой характера. Истиннымъ наслажденіемъ для Аракчеева было составлять какія-нибудь подробныя расписанія, положенія, регламенты съ самымъ точнымъ распредѣленіемъ каждой мелочи. Колоссальная бумажная работа по государственной службѣ еще не исчерпывала всей его энергіи въ этомъ отношеніи. И для своего Грузина онъ составлялъ и утверждалъ цѣлыя уложенія. Такъ напримѣръ, Аракчеевъ написалъ особый длиннѣйшій церемоніалъ по пунктамъ о порядкѣ пасхальнаго богослуженія въ Грузинскомъ соборѣ; тутъ предусмотрѣно все — вплоть до вопроса о томъ, какіе подсвѣчники ставить на престолъ въ пасхальную ночь. Аракчеевъ и у себя въ Грузинѣ не зналъ ни минуты покоя отъ суетливой хлопотни. Во всѣхъ комнатахъ грузинскаго дома стояло по чернильницѣ съ опущенными въ нихъ перьями,—чтобы Аракчееву можно было налету дѣлать разныя замѣтки. Безчисленное количество всевозможныхъ записныхъ книжекъ всегда окружало графа. Кромѣ того, на главномъ столѣ лежалъ его дневникъ, въ который мельчайшимъ шрифтомъ графъ заносилъ тысячи замѣтокъ о всякой хозяйственной мелочи. Въ домашней канцеляріи графа въ Грузинѣ всегда что-нибудь писали. Если на

минуту останавливалась работа, онъ сейчасъ же измышлялъ что-либо новое. Въ 1820 г., напр., «онъ посвятилъ весь ноябрь составленію положенія о томъ, сколько нужно для грузинской мызы метелокъ, лопатъ, пакли и сколько мякины для птицъ и коровъ». Были произведены подробнѣйшія исчисленія и выкладки. Было исписано громадное количество бумаги. Съ математической точностью было опредѣлено потребное число метелъ и лопатъ различныхъ видовъ и категорій. 21 ноября графъ «утвердилъ» это пространное «положеніе». Когда графъ проживалъ въ Петербургѣ, ему ежедневно присылались изъ Грузина кипы рапортовъ и бумагъ о всѣхъ мелочахъ грузинскаго хозяйства. Всѣ они сортировались, сшивались, и Аракчеевъ самъ надписывалъ на обложкахъ заглавія «дѣлъ» и сдавалъ ихъ въ домашній архивъ*). Трудно рѣшить, какія побужденія въ большей мѣрѣ толкали Аракчеева на все это бумажное крохоборство - плюшкинская скаредность, дрожаніе за свое добро или просто манія къ бездушнымъ бумажнымъ формамъ дѣлопроизводства.

Аракчеевъ несомнѣнно былъ маніакомъ формальнаго, внѣшняго порядка; всегда и во всемъ стремился онъ установить однообразіе и монотонное единство и всюду враждебно преслѣдовалъ ту пестроту и многоцвѣтность, которая порождается свободнымъ движеніемъ духа жизни. Все подстричь подъ общую гребенку, весь окружающій міръ превратить въ совокупность бездушныхъ автоматическихъ приборовъ, — таковъ былъ его идеалъ, ради котораго онъ готовъ былъ развивать неустанную, суетливую дѣятельность. Чистота и порядокъ — прекрасные регуляторы общежитія, но Аракчеевъ, какъ и всѣ фанатики, превращая средство въ самоцѣль, сумѣлъ сдѣлать изъ своего культа чистоты и порядка истинный бичъ для подвластнаго населенія, обрекавшій людей на совершенно нелѣпыя по своей безцѣльности неудобства, лишенія и тяжелыя страданія.

Малѣйшая пылинка на стѣнѣ, едва примѣтная для микроскопическаго наблюденія, будучи замѣчена Аракчеевымъ, вызывала немедленно жестокую расправу — палочные удары для слуги и арестъ для чиновника. Случалось, что графъ, войдя въ комнату и окинувъ взглядомъ стѣны и паркетъ,

---

*) См. Отто въ *Древн. и Нов. Россіи*, 1875 г.

блестѣвшіе, какъ зеркало, все же не довольствовался ихъ внѣшнимъ осмотромъ и, смочивъ платокъ, самъ подлѣзалъ подъ диванъ или подъ кровать и пробовалъ платкомъ чистоту пола. И горе было слугамъ, если на платкѣ оказывалась какая-нибудь пылинка или ниточка. Ради того же фанатическаго культа чистоты онъ ломалъ хозяйственный и домашній бытъ своихъ крестьянъ, не считаясь съ ихъ жизненными потребностями. Напримѣръ, въ интересахъ чистоплотности аракчеевскимъ крестьянамъ строго воспрещалось держать свиней. Къ 1 апрѣля 1816 г. графъ приказалъ перевести всѣхъ свиней въ своей вотчинѣ подъ страхомъ назначенія ослушниковъ на работу въ господскій садъ сверхъ положенія. Для полученія права держать свинью крестьянинъ долженъ былъ выправлять у Аракчеева особый билетъ съ обязательствомъ никогда не выпускать свинью со двора. Свиньи, вышедшія на улицу, немедленно конфисковались. На ряду съ чистотой Аракчеевъ заставлялъ приносить такія же, иногда весьма тяжелыя жертвы и на алтарь мертвенной симметріи. Крестьянскіе дома въ селѣ Грузинѣ всѣ были отстроены по одному типу, казарменной архитектуры, всѣ были выкрашены въ розовую краску и вытянуты въ одну шеренгу. Никакихъ пристроекъ — столь нужныхъ въ хозяйственномъ обиходѣ крестьянина, но нарушающихъ симметричность внѣшняго вида крестьянскаго жилья — Аракчеевъ отнюдь не допускалъ.

Я привожу всѣ эти указанія, — количество которыхъ можно было бы умножить въ значительнѣйшей степени, — лишь для того, чтобы выяснить на конкретныхъ примѣрахъ, на какія пустяки, — иногда только ненужные, иногда прямо вредные и всегда крайне изнурительные для окружающихъ, — способенъ былъ Аракчеевъ размѣнивать свою «дѣловитость». Повторю еще разъ: Аракчеевъ могъ, если хотѣлъ, дѣловито разобраться во всякомъ серьезномъ вопросѣ, но истинную энергію, истинное увлеченіе и душевную страсть онъ вкладывалъ какъ разъ не столько въ серьезныя дѣла, сколько въ мелочные пустяки, которые либо тѣшили его маніаческія наклонности, либо давали ему возможность выставить на показъ неусыпность своихъ хлопотъ, неутомимость и всеобъемлющую распорядительность. Тщеславный честолюбецъ заслонялъ въ немъ серьезнаго государственнаго дѣятеля.

Намъ остается теперь разобрать вопросъ о честности Аракчеева, о его безкорыстной заботливости о казенномъ добрѣ. Эту черту Аракчеева не разъ отмѣчаютъ мемуаристы, въ томъ числѣ иногда и такіе, которые не принадлежатъ къ его безусловнымъ хвалителямъ*). Приведенныя выше помѣтки Аракчеева по дѣламъ комитета министровъ свидѣтельствуютъ о томъ, что Аракчеевъ дѣйствительно умѣлъ беречь казенныя средства отъ покушеній на нихъ со стороны другихъ лицъ. Но оберегалъ ли онъ эти средства столь же строго отъ своихъ собственныхъ покушеній? Думаю, что на этотъ вопросъ нельзя отвѣчать категорическимъ утвержденіемъ. Повидимому, онъ не былъ однимъ изъ тѣхъ грубыхъ казнокрадовъ, которыхъ насчитывалось не мало въ рядахъ высшей сановной знати того времени. Но отсюда было еще очень далеко до рыцарски-честнаго отношенія къ казенной копейкѣ. Подоить казну при удобномъ случаѣ весьма былъ не прочь и Аракчеевъ, а для него удобные случаи къ тому могли представляться чаще, чѣмъ для кого-нибудь другого.

Въ мемуарахъ Фишера приводится разсказъ одного поставщика сѣна въ казну, которому самъ генералъ-провіантмейстеръ Абакумовъ приказалъ закупить поставочное сѣно у Аракчеева въ грузинской вотчинѣ. Какъ видно изъ этого разсказа, Аракчеевъ не стѣснялся извлекать личныя выгоды изъ казенныхъ поставокъ. Мертваго, также бывшій одно время генералъ-провіантмейстеромъ, приводитъ такіе эпизоды изъ дѣйствій Аракчеева въ связи съ поставками на казну, которые указываютъ если не на личное корыстолюбіе Аракчеева, то на его большую склонность приносить интересы казны въ жертву своему своеволію. Лишь бы настоять на своемъ и показать свою власть, онъ не останавливался передъ такими распоряженіями, которыя грозили разстроить капиталъ провіантскаго департамента и обременить казну совершенно излишними издержками. **) Наконецъ, Аракчеевъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ эксплоатировалъ казну въ формѣ привлеченія казенныхъ людей къ обязательнымъ работамъ въ своемъ частномъ хозяйствѣ. Еще при императорѣ Павлѣ Арак-

---

*) См. отзывы Гриббе (*Русск. Старина*, 1875 г.), Жиркевича (*Русская Старина*, 1874 г.), Саблукова (*Русскій Архивъ*, 1869 г.).

**) «Записки Мертваго», *Русскій Архивъ*, 1867 г.

чеевъ отважился выстроить себѣ домъ въ Грузинѣ артиллерійскими солдатами. Кутайсовъ, поссорившись съ Аракчеевымъ, донесъ объ этомъ Павлу, и въ Грузино былъ посланъ флигель-адъютантъ для разслѣдованія дѣла. Это была сущая правда, но Аракчеевъ, во-время предупрежденный Кутлубицкимъ, подготовилъ все, чтобы истина была скрыта, и императору было донесено, что домъ выстроенъ наемными людьми *). Въ царствованіе Александра Павловича, въ годы своего фавора Аракчееву уже нечего было опасаться непріятностей по этой части, и произвольное корыстное распоряженіе казенными людьми вошло у Аракчеева въ систему. Матросы его грузинской яхты получали жалованье отъ адмиралтейства, а исполняли всякія работы на усадьбу графа; г. Отто нашелъ въ дѣлахъ грузинскаго архива много указаній на то, что Аракчеевъ пользовался для своихъ частныхъ нуждъ услугами казенныхъ вѣдомствъ. Въ Грузино массами наряжали казенныхъ инженеровъ, работниковъ, солдатъ **).

Все это не вяжется съ попытками представить Аракчеева образцомъ честности и безкорыстія. Зато подобные факты какъ нельзя болѣе гармонируютъ съ общеизвѣстною скупостью Аракчеева, доходившею до скряжничества. Эта скупость сказывалась на каждомъ шагу въ его домашнемъ обиходѣ. По шоссейнымъ дорогамъ, проведеннымъ въ разныхъ направленіяхъ по грузинской вотчинѣ, воспрещалось ѣздить: при выѣздѣ и въѣздѣ у каждой деревни шоссе запиралось большими чугунными воротами, ключи отъ которыхъ всегда хранились въ графскомъ домѣ. Штрафы обильнымъ и непрерывнымъ дождемъ сыпались на грузинскихъ крестьянъ, и Аракчеевъ дошелъ по этой части до такой изобрѣтательности, что установилъ цѣлую систему штрафовъ съ бабъ за безплодіе. Каждая баба должна рожать ежегодно и лучше сына, чѣмъ дочь, — таково было одно изъ основныхъ правилъ практической домашней экономіи. За рожденіе дочери — полагался опредѣленный штрафъ; за мертваго ребенка и за выкидышъ — штрафъ болѣе крупный, а въ тотъ годъ, когда баба совсѣмъ не забеременѣетъ, съ нея сверхъ штрафа тре-

---

*) Изъ разсказовъ генерала Кутлубицкаго, *Русскій Архивъ*, 1866 г.
**) *Древн. и Новая Россія* 1875 г., ст. Отто.

бовали еще представленія десяти аршинъ точива (холста). Даже въ такіе высокоторжественные для грузинскаго владѣльца моменты, какъ въ дни пребыванія въ Грузинѣ императора, Аракчеевъ не перелагалъ гнѣва на милость, и изъ подарковъ, которые государь дѣлалъ грузинской дворнѣ, Аракчеевъ не забывалъ производить вычеты въ свою пользу съ тѣхъ, кто въ чемъ-либо провинился. На прокладныхъ листахъ аракчеевскаго евангелія, куда Аракчеевымъ заносились памятныя записи о наиболѣе важныхъ событіяхъ его жизни, подъ 8 іюня 1816 г. находимъ подробное описаніе посѣщенія Грузина въ этотъ день императоромъ. И вотъ, упомянувъ въ этомъ торжественномъ описаніи о томъ, что государь пожаловалъ дворовымъ людямъ 1.000 руб., Аракчеевъ съ обычной пунктуальностью тутъ же отмѣчаетъ: «церковному старостѣ не выдается за вину, что разбилъ лампу». Несмотря на громадные доходы, которые имѣлъ Аракчеевъ, на домашнемъ обиходѣ его жизни всегда лежала печать скряжничества. За обѣдомъ ради экономіи вмѣсто жаркого у него подавали соленую телятину, вмѣсто пирожнаго — гречневую кашу съ сахаромъ. Рюмки для вина подавались самыя гомеопатическія. Даже за обѣдомъ съ приглашенными гостями порціи каждаго блюда были строго опредѣлены по числу гостей, и горе было тому, кто отваживался взять лишнюю порцію: онъ могъ разсчитывать на долгое преслѣдованіе со стороны графа. Въ воспоминаніяхъ Гриббе находимъ дышащій невольнымъ юморомъ разсказъ о томъ, какъ на Пасху, на Рождество и въ день своихъ именинъ Аракчеевъ давалъ обѣдъ гренадерамъ своего полка по одному унтеръ-офицеру и рядовому отъ каждой роты. Для угощаемыхъ эти обѣды были сущимъ мученьемъ, отъ котораго каждый старался отдѣлаться. Въ столовой гренадеры выстраивались въ шеренгу. Въ присутствіи хозяина лакей въ парадной ливреѣ вносилъ подносъ, на которомъ красовались маленькій графинъ съ водкой и рюмка синяго стекла съ дамскій наперстокъ. Гренадеры неловко, со страхомъ брали эту рюмку, наливали въ нее дрожащей рукой водку изъ графинчика и выпивъ нѣсколько капель, удивленно смотрѣли другъ на друга и на лакея. Весь пиръ ограничивался щами съ кислой капустой и кашей. А вмѣсто десерта офиціантъ обносилъ подносъ съ бумажными свертками въ видѣ колбасикъ. Каждому давалось

по свертку, а въ сверткѣ заключалось 10 мѣдныхъ пятаковъ *).

Скупость и стяжательность стояли надъ душой Аракчеева слишкомъ властными призраками, чтобы онъ могъ удержаться на той нравственной высотѣ въ обращеніи съ казеннымъ добромъ, на которую его готовы возвести нѣкоторые мемуаристы.

Но и оставляя въ сторонѣ вопросъ о неосторожномъ прикосновеніи къ казенной собственности, мы должны признать, что въ основѣ духовной природы Аракчеева не было настоящей честности. Онъ былъ лживъ, несправедливъ и лицепріятенъ. Онъ вовсе не отличался, хотя бы и суровой, но зато для всѣхъ одинаковой справедливостью. Когда подготовлялся указъ 6 августа 1809 г. объ экзаменахъ для полученія чиновъ гражданскихъ, Аракчеевъ—единственный человѣкъ, кромѣ Сперанскаго, посвященный въ эту тайну—не преминулъ предварительно выпросить чинъ коллежскаго асессора нѣкоторымъ лицамъ, которымъ онъ покровительствовалъ **).

Ради своихъ личныхъ интересовъ онъ готовъ былъ допускать самыя вопіющія нарушенія законовъ. Эта черта ярко выразилась, напримѣръ, при судебномъ разбирательствѣ дѣла о убійствѣ Минкиной. Частью въ угоду Аракчееву, частью подъ прямымъ его давленіемъ названный процессъ ознаменовался грубымъ попраніемъ всѣхъ правилъ судопроизводства и явнымъ нарушеніемъ всякой справедливости ***).

Потворствуя близкимъ людямъ или расправляясь съ врагами, Аракчеевъ нерѣдко шелъ на прямую ложь. При Павлѣ эта черта довела даже Аракчеева до временной опалы. Изъ арсенала украли вещи въ то время, когда тамъ стоялъ караулъ отъ батальона, которымъ командовалъ родной братъ Аракчеева. Аракчеевъ, не долго думая, ложно донесъ Павлу, что караулъ въ этотъ день былъ наряженъ отъ полка генерала Вильде. Императоръ немедленно отставилъ Вильде отъ службы. Кутайсовъ однако раскрылъ правду, и въ послѣдовавшемъ затѣмъ Высочайшемъ указѣ было сказано: «Генералъ-лейтенантъ Аракчеевъ I за *ложное донесеніе* отставляется

*) Сообщенія Евронеуса, Брадке, Гриббе.

**) *Шильдеръ:* «Александръ I и его царствованіе», т. II, примѣч. 445.

***) Этотъ процессъ подробно изложенъ на основаніи подлиннаго сенатскаго дѣла г. Пупаревымъ въ *Русской Старинѣ*, 1872 г., сентябрь.

отъ службы» *). Передъ окончательнымъ укрѣпленіемъ фавора Аракчеева при Александрѣ въ Новгородѣ губернаторствовалъ Павелъ Ивановичъ Сумароковъ, отличавшійся строгой честностью. При подрядахъ и рекрутскихъ наборахъ онъ относился ко всѣмъ помѣщикамъ губерніи съ полнымъ безпристрастіемъ. На этой-то почвѣ между нимъ и грузинскимъ владѣльцемъ и не замедлили возникнуть непріятности, ибо Аракчеевъ никакъ не могъ примириться съ тѣмъ, что его трактуютъ совершенно такъ же, какъ и другихъ землевладѣльцевъ, не дѣлая ему никакихъ поноровокъ. Тогда Аракчеевъ началъ совершенно ложно обвинять Сумарокова передъ государемъ въ пьянствѣ и Сумароковъ былъ отставленъ отъ службы и впалъ въ большую бѣдность **). А на постъ новгородскаго губернатора Аракчеевъ посадилъ своего дальняго родственника Жеребцова, который во всемъ угождалъ своему покровителю. За время своего управленія губерніею Жеребцовъ отдалъ подъ судъ нѣсколько сотъ человѣкъ, прославился необычайной жестокостью и оставилъ до 11 тысячъ нерѣшенныхъ дѣлъ.

Нечего и говорить о томъ, что родственники Аракчеева постоянно пользовались всякими привилегіями со стороны мѣстныхъ властей. Мать Аракчеева жила въ своемъ имѣніи въ Бѣжецкомъ уѣздѣ. Тверскіе губернаторы, назначая въ Бѣжецкъ городничихъ, предписывали имъ — «быть въ точномъ повиновеніи у Елизаветы Андреевны». Какъ-то разъ эта дама была проѣздомъ въ Новгородѣ и губернаторъ, не зная объ этомъ, не представился ей. Какая буря раскаянія и страха поднялась въ губернаторской душѣ, когда ему сталъ извѣстенъ этотъ промахъ. «Боже мой, — писалъ онъ Аракчееву, — какъ я сокрушаюсь! Виноватъ! Причитаю какому-либо злобному намѣренію противъ только что вступившаго губернатора, что лишили меня счастья цѣловать милостивую руку родительницы моего благодѣтеля! У меня слезы наслажденія (!) на глазахъ... Я мучусь этимъ лишеніемъ» ***).

Заканчивая на этомъ разсмотрѣніе личности Аракчеева, я опять ставлю вопросъ: какими элементами своей личности

---

*) *Шильдеръ*, loc. cit., т. II, стр. 184—185.

**) *Русскій Архивъ*, 1880 г., кн. III. «Изъ записокъ Шенига». Въ 1825 г. Аракчеевъ, однако, доставилъ Сумарокову аренду.

***) Ст. Отто въ *Древн. и Новой Россіи*.

могъ Аракчеевъ плѣнить душу Александра Павловича? Въ чемъ можно предположить психологическую почву для ихъ сближенія? У насъ есть данныя, показывающія, что Александръ отнюдь не заблуждался относительно душевныхъ свойствъ своего друга. Императоръ Павелъ не вынесъ лживости Аракчеева, какъ мы только что видѣли въ эпизодѣ съ покражей изъ арсенала. Какъ отнесся къ этому эпизоду Александръ? Узнавъ на плацу, во время развода о замѣнѣ Аракчеева Амбразанцевымъ, Александръ сказалъ Тучкову: «Слава Богу, могли бы опять попасть на такого мерзавца, какъ Аракчеевъ!» И въ то же время Александръ написалъ Аракчееву утѣшительное письмо, въ которомъ читаемъ: «Я надѣюсь, другъ мой, что мнѣ нужды нѣтъ при семъ несчастномъ случаѣ возобновить увѣреніе о моей непрестанной дружбѣ; ты имѣлъ довольно опытовъ объ оной и я увѣренъ, что ты объ ней не сомнѣваешься. Повѣрь, что она никогда не перемѣнится» *).

Всѣ эти факты и наблюденія приводятъ, на мой взглядъ, лишь къ одному выводу: Александръ приближалъ къ себѣ Аракчеева не потому, что былъ плѣненъ его личностью или поддался его вліянію, но потому, что считалъ Аракчеева *необходимымъ* для себя человѣкомъ. Въ чемъ же заключалась эта необходимость?

На этотъ вопросъ можетъ отвѣтить лишь исторія постепеннаго возвышенія Аракчеева.

Глава третья.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I И АРАКЧЕЕВЪ.

I.

Аракчеевъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которымъ условія рожденія отъ самой колыбели предуготовляютъ гладкій и безпрепятственный путь къ служебнымъ отличіямъ и виднымъ государственнымъ постамъ. Лишь благодаря случайному сцѣпленію обстоятельствъ, онъ вынырнулъ на поверхность государственной жизни Россіи съ самаго дна провинціальнаго помѣщичьяго захолустья. Вспоминая о

*) *Шильдеръ*, loc. cit., т. I, стр. 186.

годахъ своей ранней юности, Аракчеевъ любилъ подчеркивать рѣзкое различіе между выпавшимъ на его долю съ теченіемъ времени всемогуществомъ и той болѣе чѣмъ скромной обстановкой, въ которой ему приходилось дѣлать первые шаги на поприщѣ самостоятельной жизни. Повидимому, ради вящшаго эфекта Аракчеевъ склоненъ былъ даже нѣсколько преувеличивать въ своихъ воспоминаніяхъ размѣры испытанныхъ имъ въ юности невзгодъ и затрудненій. Генералъ Маевскій передаетъ, что Аракчеевъ любилъ ему разсказывать, какъ семилѣтнимъ мальчикомъ въ 1783 г. онъ былъ привезенъ отцомъ изъ деревни въ Петербургъ для опредѣленія въ корпусъ и какъ круто пришлось имъ при этомъ вслѣдствіе матеріальной нужды. По тогдашнимъ правиламъ вновь вступающій въ корпусъ кадетъ долженъ былъ имѣть свой форменный фракъ цѣною не болѣе семи рублей. Но у отца Аракчеева такихъ денегъ не было. И вотъ отецъ съ сыномъ пошли къ крыльцу митрополичьяго дома въ часы, когда митрополитъ выходилъ раздавать бѣднымъ милостыню, и встали тамъ съ прочими нищими. Однако митрополитъ далъ имъ на бѣдность всего 1 р. 50 к. Они уже совсѣмъ было собрались назадъ, въ деревню, но отецъ Аракчеева заѣхалъ еще къ одной знакомой, которая и ссудила его семью рублями *). Можетъ быть, что-нибудь въ этомъ родѣ и произошло въ дѣйствительности въ силу какой-либо случайности. Но въ общемъ положительныя данныя, имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи, показываютъ, что семья Аракчеевыхъ вовсе не испытывала такой крайней матеріальной нужды. Когда отецъ Аракчеева въ 1762 г., по манифесту о вольности дворянства, вышелъ въ отставку изъ военной службы съ чиномъ поручика и уѣхалъ въ свои помѣстья, за Аракчеевыми числилось 500 душъ крестьянъ въ Бѣжецкомъ уѣздѣ, два имѣнія въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ, да еще какая-то деревня въ Московской губерніи. У бабушки Аракчеева было свое порядочное состояніе, а мать его, оставшись вдовой, имѣла болѣе сотни крестьянъ, жила самостоятельно и почти никогда не просила помощи у родныхъ. Два села и четыре деревни вполнѣ ее обезпечивали **). Такимъ образомъ, разсказы Аракчеева о

*) *Русск. Старина*, 1873 г., «Мой вѣкъ» Маевскаго.
**) *Древн. и Новая Россія*, 1875 г., ст. Отто.

томъ, что его молодость прошла въ когтяхъ крайней матеріальной нужды, сильно отзывается фантастикой. Зато нельзя не согласиться съ тѣмъ, что Аракчееву, въ виду скромности его происхожденія, предстояла нелегкая задача своимъ горбомъ пробить себѣ дорогу къ независимому и твердому положенію въ жизни. Вступивъ въ корпусъ, онъ сразу же показалъ всѣмъ своимъ поведеніемъ, что онъ сумѣетъ разрѣшить эту задачу какъ нельзя успѣшнѣе. Желѣзное трудолюбіе, пунктуальная исполнительность, безсловесная покорность начальству и какая-то мрачная отчужденность отъ товарищей, — вотъ что прежде всего бросалось въ глаза въ поведеніи юнаго кадета. Товарищи его возненавидѣли, а начальство не чаяло въ немъ души, и Аракчеевъ быстро «пошелъ въ гору». Черезъ семь мѣсяцевъ онъ былъ уже переведенъ въ старшее отдѣленіе корпуса съ аттестаціей примѣрнаго кадета, а на третій годъ онъ былъ произведенъ въ сержанты и пожалованъ вызолоченной медалью за отличіе. Его назначили помощникомъ корпусныхъ офицеровъ, поручали ему надзоръ за порядкомъ въ корпусѣ и даже производство строевыхъ ученій. Тогда уже обнаружился крутой начальственный нравъ этого человѣка. Подчиненные ему младшіе товарищи тотчасъ же почувствовали надъ собой тяжелую руку его власти; зато въ глазахъ начальства его фонды поднимались все выше. Директоръ корпуса Меллиссино доставлялъ ему выгодные уроки въ домахъ вельможъ и, послѣдовательно повышая его по службѣ, выхлопоталъ ему, наконецъ, назначеніе въ свой штабъ старшимъ адъютантомъ съ чиномъ капитана арміи. Вскорѣ послѣ того въ жизни Аракчеева произошелъ рѣшительный и важный переломъ. Цесаревичъ Павелъ Петровичъ пожелалъ ознакомиться съ тѣмъ, какъ задѣлываютъ образовавшуюся въ пушкѣ раковину. Въ тѣ времена это почиталось секретомъ. По просьбѣ цесаревича Меллиссино прислалъ въ Гатчину для этой цѣли секретнаго мастера вмѣстѣ съ своимъ адъютантомъ Аракчеевымъ. Павелъ, не избалованный въ то время быстрымъ исполненіемъ своихъ желаній, привыкшій, наоборотъ, къ тому, что петербургскіе сановники щеголяли равнодушнымъ отношеніемъ къ опальному цесаревичу, былъ очень доволенъ предупредительностью Мелиссино и встрѣтилъ его адъютанта съ необыкновенной любезностью. Аракчеевъ не преминулъ воспользоваться хо-

рошимъ расположеніемъ духа цесаревича и подалъ ему мысль о сформированіи въ составѣ гатчинскихъ войскъ артиллерійской роты. Павелъ съ жаромъ ухватился за эту идею. Рота была сформирована, и Аракчеевъ былъ назначенъ ея командиромъ. 4 сентября 1792 г. онъ вступилъ въ отправленіе новыхъ обязанностей. На первомъ же разводѣ Аракчеевъ цѣликомъ плѣнилъ сердце Павла фанатической служебной исполнительностью. Ученье продолжалось 12 часовъ подъ рядъ, не сходя съ поля. Павелъ былъ въ восторгѣ. Съ этого дня, по словамъ Саблукова, Аракчеевъ «сталъ фактотумомъ гатчинскаго гарнизона, страшилищемъ всѣхъ гатчинскихъ жителей и пріобрѣлъ полное довѣріе великаго князя». Павелъ осыпалъ новаго любимца отличіями и наградами. Аракчееву было дано право постоянно находиться при обѣденномъ столѣ цесаревича. Въ короткое время Аракчеевъ послѣдовательно былъ назначенъ капитаномъ артиллеріи, маіоромъ артиллеріи, инспекторомъ артиллеріи, а затѣмъ и пѣхоты и, наконецъ, незадолго уже до воцаренія Павла, — гатчинскимъ губернаторомъ и подполковникомъ артиллеріи и полковникомъ гатчинскихъ войскъ. Всѣ дѣла, касающіяся гатчинскихъ войскъ, стали проходить черезъ руки Аракчеева. Это видно, напр., изъ письма къ Аракчееву Великаго Князя Александра Павловича отъ 23 сентября 1796 г., въ которомъ Александръ проситъ Аракчеева о производствѣ нѣкоторыхъ назначеній среди гатчинскихъ унтеръ-офицеровъ и офицеровъ. Названное письмо интересно для насъ, какъ первый по времени письменный слѣдъ сношеній Александра съ Аракчеевымъ, а также и потому, что въ этомъ именно письмѣ Александръ именуетъ отца Императорскимъ Величествомъ, еще не дождавшись его воцаренія. Замѣчательно, что и самъ Аракчеевъ титуловалъ Павла Императорскимъ Величествомъ еще до кончины Екатерины. Это наводитъ на мысль, что незадолго до смерти Екатерины II, въ противовѣсъ ея планамъ объ устраненіи Павла отъ престола, Павелъ, Александръ и Аракчеевъ составили своего рода тріумвиратъ, въ основу котораго было положено заблаговременное признаніе Павла законнымъ императоромъ *). Такъ, не было ничего неожиданнаго и въ той

---

*) Объ Аракчеевѣ въ Гатчинѣ—см. главнымъ образомъ въ запискахъ Саблукова, (*Русск. Архивъ.* 1869 г.) и въ запискахъ Кутлубицкаго

знаменитой сценѣ, которая разыгралась въ день кончины Екатерины въ тотъ моментъ, когда императрица еще томилась въ мукахъ агоніи. Павелъ, прибывъ въ Зимній дворецъ, призвалъ къ себѣ Александра и Аракчеева, соединилъ ихъ руки и сказалъ: «будьте друзьями и помогайте мнѣ». Александръ взглянулъ на Аракчеева, прискакавшаго изъ Гатчины въ одномъ мундирѣ и забрызганнаго грязнымъ снѣгомъ отъ быстрой ѣзды, и позвалъ его къ себѣ переодѣться. Александръ далъ при этомъ Аракчееву свою рубашку, которая затѣмъ хранилась въ Грузинѣ, какъ драгоцѣнность, въ сафьянномъ футлярѣ и въ которой Аракчеевъ завѣщалъ положить себя въ могилу. Вскорѣ послѣ того Павелъ хотѣлъ поручить Аракчееву присматривать за Александромъ, какъ за «бабушкинымъ баловнемъ», и доносить обо всѣхъ его поступкахъ. Аракчеевъ упросилъ государя возложить это порученіе на кого-либо другого. *) Аракчеевъ остался вѣренъ той же системѣ, которой онъ слѣдовалъ и раньше: не ссориться съ наслѣдникомъ престола, а напротивъ, готовить себѣ въ его лицѣ на будущее время могущественнаго покровителя. При Екатеринѣ Аракчеевъ тѣсно связалъ свою судьбу съ Павломъ, а при Павлѣ онъ сумѣлъ стать интимнымъ жизненнымъ спутникомъ Александра.

Съ воцареніемъ имп. Павла всѣ почувствовали себя въ какомъ-то мрачномъ вихрѣ. Ни въ чемъ не было устойчивости. Гнѣвъ и милость порывами смѣняли другъ друга. Даже Аракчееву пришлось испытать на себѣ послѣдствія этой порывистости. Въ краткій періодъ павловскаго царствованія Аракчеевъ дважды срывался съ той высоты, на которую онъ былъ вознесенъ личною близостью къ императору. Первые полтора года новаго царствованія были для Аракчеева тріумфальнымъ шествіемъ по пути непрерывныхъ служебныхъ возвышеній. 6 ноября 1796 г. скончалась Екатерина, а 7 ноября Аракчеевъ былъ назначенъ комендантомъ Петербурга, 8 ноября — произведенъ въ генералъ-маіоры, 9 ноября — назначенъ командиромъ своднаго гренадерскаго баталіона Преображен-

---

(*Русск. Архивъ* 1866 г.). Письмо Александра къ Аракчееву отъ 23 сентября 1796 г.—у Шильдера: Александръ I и его царствованіе, т. I., примѣч. 239.

*) Разсказъ самаго Аракчеева Мартосу. *Историч. Вѣстникъ*, 1894 г.

скаго полка, 13 ноября ему пожалована аннинская лента; 12 декабря онъ получилъ отъ Павла въ даръ столь знаменитую впослѣдствіи Грузинскую волость въ Новгородской губерніи. Наконецъ, въ апрѣлѣ 1797 г. онъ получаетъ титулъ барона и назначается генералъ-квартирмейстеромъ всей арміи. Ему была отведена квартира во дворцѣ, въ покояхъ гр. Зубова. Аракчеевъ праздновалъ свое возвышеніе тѣмъ, что давалъ полную волю своему грубому властолюбію. Онъ неистовствовалъ на разводахъ, кичился своимъ могуществомъ передъ другими сановниками и наводилъ панику на весь военный міръ повальнымъ исключеніемъ изъ службы всѣхъ, кто былъ замѣченъ въ малѣйшей неисправности. Эта строгость имѣла извѣстныя основанія. Въ послѣдніе годы екатерининскаго царствованія въ военномъ управленіи такъ же, какъ и въ другихъ областяхъ администраціи, развелась страшная запущенность и распущенность и матеріала для чистки и суровыхъ взысканій накопилось не мало. Но на дѣйствіяхъ Аракчеева лежала печать какой-то кичливости всемогуществомъ, грубостью, презрѣніемъ къ ничтожности всѣхъ людей, кромѣ него самого. Попытки упорядоченія военнаго управленія получали въ его рукахъ характеръ самодурства, въ которомъ чувствовалось стремленіе не столько къ пользѣ дѣла, сколько къ утоленію своего самовластія; потому даже и разумныя мѣропріятія сплошь и рядомъ были испорчены въ его рукахъ безцѣльнымъ измывательствомъ надъ подчиненными ему людьми. На этомъ поприщѣ онъ вскорѣ зарвался настолько, что самъ внезапно подпалъ подъ гнѣвъ государя, и въ началѣ 1798 г. общество вдругъ было ошеломлено извѣстіемъ о томъ, что всемогущій Аракчеевъ уволенъ безъ прошенія въ чистую отставку. Расточая направо и налѣво грубую брань и даже пощечины и удары тростью, Аракчеевъ позволилъ себѣ обругать позорнѣйшими словами подполковника Лена, сподвижника Суворова и георгіевскаго кавалера. Ленъ немедленно застрѣлился. Это обстоятельство и рѣшило судьбу Аракчеева, такъ какъ Ленъ былъ лично извѣстенъ имп. Павлу. Эта первая опала Аракчеева длилась полгода. 11 августа 1798 г. онъ снова былъ принятъ на службу, возстановленъ въ прежнихъ должностяхъ и, кромѣ того, въ началѣ 1799 г. назначенъ инспекторомъ всей артиллеріи, пожалованъ орденомъ Іоанна Іерусалимскаго съ командор-

ствомъ, и наконецъ, 5 мая 1799 г. возведенъ въ графское достоинство, при чемъ на графскомъ гербѣ его Павелъ собственноручно написалъ девизъ: «безъ лести преданъ».

Казалось, только что пережитая опала канула въ прошлое безъ остатка. Но Аракчеевъ не долго продержался на этой высотѣ. 1 октября 1799 г. онъ вторично былъ отставленъ отъ службы, на этотъ разъ уже не за жестокость, а за ложь. Въ предшествующей главѣ я уже разсказалъ этотъ эпизодъ съ ложнымъ донесеніемъ Аракчеева государю относительно обстоятельствъ покражи изъ арсенала. Ложь была вызвана желаніемъ прикрыть своего брата и избавить его отъ страшной отвѣтственности за служебную небрежность. Всего хуже было то, что этой ложью Аракчеевъ ради спасенія брата подвелъ подъ тяжелую кару ни въ чемъ неповиннаго другого человѣка. На этотъ разъ удаленіе Аракчеева отъ службы растянулось уже на три съ половиною года. Павелъ такъ и не пожелалъ его видѣть болѣе. Лишь при Александрѣ и то далеко не сразу, Аракчеевъ возвращается къ первенствующей роли въ управленіи съ тѣмъ, чтобы сторицею вознаградить себя за это краткое вынужденное затворничество въ своемъ Грузинѣ.

Если Аракчееву не удалось окончательно укрѣпить за собою милостиваго расположенія Павла, зато онъ достигъ за это время другой цѣли: онъ сумѣлъ стать необходимымъ человѣкомъ для Александра. Именно здѣсь, въ условіяхъ павловскаго режима, таились, по моему убѣжденію, первоначальныя сѣмена интимной близости этихъ двухъ людей, давшія впослѣдствіи такой пышный цвѣтъ. Вся дальнѣйшая исторія отношеній между Александромъ и Аракчеевымъ была предрѣшена и можетъ быть объяснена обстоятельствами павловскаго времени.

Расположеніе Александра къ Аракчееву не испытывало никакихъ ослабленій въ теченіе всего царствованія Павла. Обѣ опалы Аракчеева, несмотря на поводы, ихъ вызвавшіе, сопровождались изъявленіями горячей дружбы къ Аракчееву со стороны Александра. Когда Аракчеевъ сидѣлъ въ своемъ Грузинѣ послѣ самоубійства Лена, Александръ писалъ ему: «душевно бы желалъ тебя увидѣть и сказать тебѣ изустно, что я такой же тебѣ вѣрный другъ, какъ и прежде»; далѣе Александръ проситъ Аракчеева не забывать своего

друга и писать о себѣ, а также не пренебрегать заботами о своемъ здоровьи. Письмо подписано: *«твой вѣрный другъ»*. То же повторилось и въ 1799 г., когда Аракчеевъ, уличенный во лжи и предательствѣ неповиннаго человѣка, опять долженъ былъ удалиться въ Грузино. Только что назвавъ Аракчеева за глаза «мерзавцемъ», Александръ однако опять шлетъ ему письмо, наполненное увѣреніями въ дружбѣ и преданности вмѣстѣ съ заявленіями о томъ, что онъ не вѣритъ въ виновность своего друга. Откуда же такая несокрушимая дружба, какъ будто не вяжущаяся съ заглазными отзывами Александра о личности Аракчеева?

Припомнимъ положеніе Александра въ царствованіе Павла. Несмотря на всѣ старанія Александра заслужить довѣріе отца и доказать ему свою проникновенность «гатчинскимъ духомъ», Павелъ не переставалъ смотрѣть на старшаго сына, прежде всего, какъ на «бабушкинаго баловня»; онъ считалъ необходимымъ имѣть за Александромъ бдительный надзоръ; мнительныя подозр[illegible]ія никогда не изсякали въ душѣ Павла и при его исключительной раздражительности каждую минуту могли разгорѣться пожаромъ гнѣвной страсти отъ любой ничтожной мелочи. Александру приходилось безпрерывно быть на-чеку, приходилось завоевывать свою безопасность напряженной до послѣднихъ предѣловъ служебной исполнительностью. А для удовлетворенія требовательности Павла въ этомъ отношеніи нужны были по истинѣ гигантскія усилія. Всего труднѣе было услѣдить за разными мелочами, между тѣмъ какъ ошибка въ мелочахъ всего болѣе могла воспламенить гнѣвъ Павла. Недаромъ печать мученичества лежала на лицѣ Александра во все время царствованія его отца. Однѣми собственными силами Александръ не былъ бы въ состояніи выдержать тягости этой службы, которая равнялась пыткѣ. Здѣсь-то Аракчеевъ и взялъ на себя по отношенію къ Александру роль самоотверженнаго дядьки, прикрывающаго молодого барчука отъ грознаго отца. Разсказывая уже на склонѣ лѣтъ Мартосу различные эпизоды изъ своей жизни за время Павла, Аракчеевъ начертилъ, между прочимъ, любопытную картинку. Ежедневно въ пять часовъ утра Павлу подносился рапортъ о состояніи Петербурга, который долженъ былъ подписывать Александръ въ качествѣ военнаго губернатора столицы. Рапортъ подносилъ Аракчеевъ, при

чемъ предполагалось, что цесаревичъ къ этому времени уже давно на ногахъ, при исполненіи своихъ обязанностей, которыя и должны были ежедневно начинаться съ подписанія рапорта государю. На самомъ же дѣлѣ Аракчеевъ приносилъ Александру для подписанія рапортъ, когда тотъ еще лежалъ въ постели. Аракчеевъ входилъ въ спальню цесаревича, супруга Александра Елизавета Алексѣевна закрывалась съ головой одѣяломъ, а Александръ начертывалъ свою подпись, не подымаясь съ постели. Аракчеевъ несъ рапортъ къ императору и всегда докладывалъ послѣднему, что цесаревичъ уже всталъ и занимается дѣлами *).

До насъ дошелъ отъ этого времени рядъ писемъ Александра къ Аракчееву, ярко рисующихъ, чѣмъ былъ тогда для Александра Аракчеевъ, въ какой мѣрѣ Александръ нуждался въ услугахъ послѣдняго. Въ этихъ письмахъ Александръ не скупится на постоянныя изъявленія дружескихъ чувствъ; говоритъ о томъ, что присутствіе Аракчеева «заглаживаетъ для него печаль разлуки съ женою»; тревожится о здоровьи своего друга; выражаетъ нетерпѣніе съ нимъ увидаться и т. д. А вперемежку съ этой лирикой встрѣчаемъ такіе пассажи: «я получилъ бездну дѣлъ, изъ которыхъ тѣ, на которыя я не знаю, какія дѣлать рѣшенія, къ тебѣ посылаю, почитая лучше спросить хорошаго совѣта, нежели надѣлать вздору», и затѣмъ слѣдуютъ 22 пункта, касающіеся различныхъ служебныхъ дѣлъ, передъ которыми Александръ становился втупикъ съ сознаніемъ безпомощности.**) Въ такихъ-то пассажахъ я и нахожу объяснительный ключъ тому тяготѣнію къ Аракчееву, которое обнаруживалъ Александръ въ эти годы, закрывая глаза на всѣ отталкивающія черты и возмутительные поступки своего друга и отворачивая слухъ отъ всеобщихъ горькихъ жалобъ на его поведеніе. Основа связи Александра и Аракчеева въ эпоху Павла заключалась въ томъ, что Аракчеевъ дѣлалъ за Александра то, что было нужно, для угожденія Павлу, для предупрежденія всякаго неудовольствія мнительнаго Павла на его старшаго сына и наслѣдника. Аракчеевъ подучивалъ войска, ввѣренныя командованію Александра; разсматривалъ наиболѣе трудныя слу-

*) *Историч. Вѣстникъ*, 1894 г., октябрь.

**) *Шильдеръ*, loc. cit., т. I, стр. 178—179, 284.

жебныя дѣла, по которымъ Александръ долженъ былъ постановлять рѣшенія; вставалъ до свѣта, чтобы избавить Александра отъ ранняго вставанія и т. п. Однимъ словомъ, Александръ заслонялся Аракчеевымъ отъ отца и для того-то, чтобы обезпечить себѣ это столь необходимое и надежное прикрытіе, онъ всячески цѣплялся за Аракчеева, расточалъ ему нѣжныя признанія въ любви и дружбѣ и не хотѣлъ вѣрить очевиднымъ фактамъ, которые бросали тѣнь на нравственную личность Аракчеева. Здѣсь было не ослѣпленіе личностью Аракчеева, а расчетливое использованіе его услугъ въ интересахъ самосохраненія.

Во все послѣдующее время Аракчеевъ остается жизненнымъ спутникомъ Александра. Но важно отмѣтить, что въ различные моменты александровскаго царствованія этотъ спутникъ держится не въ одинаковомъ разстояніи отъ своей планеты. По письмамъ Александра къ Аракчееву можно заключить, что Александръ просто не можетъ отрѣшиться отъ непосредственнаго душевнаго влеченія къ Аракчееву, а между тѣмъ мы замѣчаемъ, что не на словахъ, а на дѣлѣ Александръ приближаетъ къ себѣ Аракчеева лишь въ извѣстные періоды и всегда именно въ такіе, когда онъ считаетъ почему-либо особенно необходимымъ усилить давленіе власти на общество; наоборотъ, Аракчеевъ тотчасъ же отходитъ куда-то въ тѣнь, поступая временно въ резервъ, лишь только въ текущей политикѣ берутъ верхъ стремленія сблизить власть съ обществомъ путемъ проведенія либеральныхъ преобразованій. Этими колебаніями въ служебной карьерѣ Аракчеева въ царствованіе Александра, можетъ быть, всего отчетливѣе обозначается кривая политическаго курса александровскаго правительства.

Не доказываетъ ли это обстоятельство, что и во все время своего царствованія, также какъ и въ бытность свою наслѣдникомъ престола, Александръ являлся въ своихъ отношеніяхъ къ Аракчееву не жертвою безотчетнаго увлеченія личностью послѣдняго, а, наоборотъ, господиномъ, сознательно употреблявшимъ Аракчеева въ качествѣ орудія для осуществленія своихъ самостоятельныхъ плановъ? Когда Александръ былъ наслѣдникомъ, Аракчеевъ былъ нуженъ, чтобы заслониться имъ отъ [illegible]; когда Александръ началъ царствовать, онъ приближалъ къ себѣ Аракчеева каждый разъ, когда счи-

талъ необходимымъ заслониться имъ отъ своихъ подданныхъ.

Два раза аракчеевская звѣзда въ царствованіе Александра достигала зенита: въ эпоху тильзитскаго мира и въ эпоху священнаго союза. Въ промежуткахъ между указанными моментами Аракчеевъ болѣе или менѣе стушевывался, хотя никогда вполнѣ не исчезалъ съ политической сцены.

II.

Очень любопытно, что Александръ, взойдя на престолъ, вовсе не спѣшилъ возвращеніемъ изъ опалы Аракчеева, которому незадолго передъ тѣмъ онъ самъ же описывалъ, какъ нетерпѣливо ждетъ онъ свиданія съ своимъ другомъ. Цѣлыхъ два года по воцареніи Александра Аракчеевъ продолжалъ числиться въ отставкѣ и жилъ въ Грузинѣ, напрасно ожидая призыва въ Петербургъ. Повидимому, онъ зналъ, что это — лишь временная отсрочка возобновленія его государственной дѣятельности, что онъ не столько въ отставкѣ, сколько въ резервѣ. По крайней мѣрѣ, когда въ 1802 г. въ его усадьбѣ была обнаружена покража 12 тысячъ рублей, лежавшихъ въ грузинской церкви, и онъ написалъ письмо олонецкому губернатору съ просьбою посодѣйствовать открытію преступниковъ, онъ, между прочимъ, счелъ умѣстнымъ вставить въ это письмо замѣчаніе: «дѣятельность ваша въ ономъ дѣлѣ сдѣлаетъ незабвенный въ Россіи анекдотъ» *),

Аракчеевъ былъ убѣжденъ уже въ то время, что все, касающееся его личности, получитъ историческое значеніе. 27 апрѣля 1803 года Аракчеевъ, наконецъ, былъ вызванъ въ Петербургъ и вскорѣ назначенъ вновь инспекторомъ артиллеріи. Любопытно отмѣтить, что возвращеніе Аракчеева произвело удручающее впечатлѣніе на общество. Эйлеръ передаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что артиллеристы «интриговали, чтобы удержать отъ принятія въ службу Аракчеева», но безуспѣшно **). Однако, это возвращеніе не сопровождалось возстановленіемъ Аракчеева во всей мѣрѣ его прежняго значенія. Хотя его личная близость къ государю и давала

---

*) *Русскій Архивъ*, 1866 г., стр. 1047.

**) *Русскій Архивъ*, 1880 г., кн. II, стр. 342.

себя знать, но все же политическая авансцена оставалось занятой другими людьми; то была эпоха такъ называемаго «неофиціальнаго комитета», и Аракчеевъ вращался преимущественно въ спеціальной области своего артиллерійскаго вѣдомства. Тогда-то были имъ начаты важныя преобразованія артиллеріи, высоко оцѣниваемыя спеціалистами. Не ранѣе, какъ черезъ пять лѣтъ послѣ вызова его въ Петербургъ Александромъ, въ его политической карьерѣ совершается крупный поступательный шагъ. 13 января 1808 года онъ назначается военнымъ министромъ, и всѣ показанія современниковъ согласны въ томъ, что это назначеніе имѣло особый характеръ, совпадало съ усиленіемъ и укрѣпленіемъ его политической роли.

Жозефъ де-Местръ, отмѣчавшій въ это время въ своихъ письмахъ главнѣйшія явленія въ политической жизни Россіи, записываетъ въ январѣ 1808 года: «среди военной олигархіи любимцевъ *вдругъ* (куренвъ напнъ) выросъ изъ земли, *безъ всякихъ предварительныхъ знаменій*, генералъ Аракчеевъ... онъ сдѣлался военнымъ министромъ и облеченъ неслыханною властью... Аракчеевъ имѣетъ противъ себя лишь обѣихъ императрицъ, графа Ливена, ген. Уварова, Толстыхъ, словомъ все, что здѣсь имѣетъ вѣсъ. Онъ все давитъ. Передъ нимъ исчезли, какъ туманъ, самыя замѣтныя вліянія. Одинъ высокопоставленный военный человѣкъ говорилъ мнѣ намедни, что дѣло можетъ кончиться страннымъ ударомъ со стороны кого-либо изъ обиженныхъ, но у русскихъ слишкомъ твердыя правила, чтобы убивать министровъ». *)

Въ этомъ любопытномъ сообщеніи Жозефа де-Местра подчеркивается *внезапность* возвышенія Аракчеева въ 1808 г., крупные размѣры пріобрѣтеннаго имъ политическаго вліянія и вызванное всѣмъ этимъ озлобленіе сановныхъ вельможъ, оттѣсненныхъ Аракчеевымъ на второй планъ. Повидимому, только первая черта подлежитъ оговоркѣ. Возвышеніе Аракчеева не было внезапно. Въ сущности оно началось еще въ 1807 году. 27 іюня 1807 г. Аракчеевъ былъ произведенъ въ генералы отъ артиллеріи въ награду за превосходное состояніе артиллеріи, обнаружившееся во время военныхъ дѣйствій, какъ прямо было указано въ рескриптѣ;

*) *Русскій Архивъ*, 1871 г., № 6, стр. 118.

а въ декабрѣ того же года состоялся указъ, ставившій Аракчеева въ совершенно исключительное положеніе; этотъ указъ гласилъ: «объявляемыя генераломъ отъ артиллеріи графомъ Аракчеевымъ Высочайшія повелѣнія считать именными Нашими указами»; тогда же Аракчеевъ былъ назначенъ присутствовать въ военной коллегіи и артиллерійской ея экспедиціи. *) Такимъ образомъ, назначеніе Аракчеева въ 1808 г. военнымъ министромъ не носило характера экспромта, но явилось лишь завершительнымъ актомъ его быстрыхъ служебныхъ повышеній, начавшихся тотчасъ послѣ Тильзита. Эти служебные успѣхи Аракчеева, какъ вѣрно отмѣтилъ де-Местръ, вызвали страшное озлобленіе сановныхъ сферъ. Александръ самъ не скрывалъ того, что онъ возвышаетъ Аракчеева по причинѣ своего крайняго недовольства всѣми другими начальниками, которыхъ государь винилъ въ неудачахъ только что протекшей кампаніи. Аракчеевъ явно и открыто садился на шею другимъ представителямъ правящей бюрократіи: его успѣхъ обозначалъ ихъ опалу. И онъ съ своей стороны не думалъ маскировать или смягчать этого значенія своего возвышенія. Принимая военное министерство, онъ потребовалъ, чтобы генералъ-адъютантъ гр. Ливенъ былъ отстраненъ отъ доклада по военнымъ дѣламъ и чтобы впредь сами главнокомандующіе принимали приказанія военнаго министра. Государь изъявилъ согласіе на всѣ эти требованія. У насъ имѣется рядъ совершенно опредѣленныхъ указаній на то, что это возвышеніе Аракчеева было отвѣтомъ на распространившееся въ различныхъ слояхъ общества возбужденное недовольство правительственной политикой. Тильзитскій миръ и союзъ съ Наполеономъ былъ крайне непопуляренъ въ русскомъ обществѣ. Въ немъ усматривали актъ, унизительный для чувства національнаго достоинства; для иныхъ союзъ съ Наполеономъ являлся своего рода религіознымъ соблазномъ: вѣдь святѣйшій синодъ въ посланіи, разосланномъ передъ вступленіемъ Россіи въ коалицію съ Пруссіей противъ Наполеона, усердно втолковывалъ населенію, что Наполеонъ — самъ антихристъ и борьба съ нимъ есть лучшая заслуга передъ Господомъ. И вдругъ теперь оказывалось, что русскій императоръ, потерпѣвъ отъ этого антихриста пора-

*) *Шильдеръ*, т. II, стр. 214 и слѣд.

женіе на полѣ брани, не только заключилъ съ нимъ миръ, но даже вступилъ съ нимъ въ союзъ. Было отъ чего прійти въ смущеніе простодушнымъ читателямъ синодскихъ посланій! Наконецъ, условія тильзитскаго соглашенія тяжело отзывались на экономическомъ положеніи населенія. Вѣдь тильзитскій миръ сопровождался обязательнымъ присоединеніемъ Россіи къ континентальной системѣ. Результатомъ этого были: общая дороговизна, разстройство торговыхъ оборотовъ, серьезные убытки, падавшіе какъ на купечество, такъ и на землевладѣльческое дворянство, которое только что начало тогда входить въ роль поставщиковъ на рынокъ хлѣбнаго товара. Такъ, патріотическія чувства, религіозные страхи, экономическія затрудненія — все соединилось для того, чтобы привести общество въ состояніе броженія, вызваннаго глубокимъ недовольствомъ существующимъ положеніемъ вещей. Тогда-то Александръ снова почувствовалъ нужду въ Аракчеевѣ, какъ въ человѣкѣ, за котораго онъ привыкъ укрываться въ тяжелыя, критическія минуты. Жозефъ де-Местръ прямо говоритъ въ цитированной уже мною выше замѣткѣ: «въ настоящую минуту порядокъ можетъ быть возстановленъ только человѣкомъ подобнаго закала; остается объяснить, какъ Его Величество рѣшился завести себѣ визиря, ничто не можетъ быть противнѣе его характеру и его системѣ, основное его правило состояло въ томъ, чтобы каждому изъ своихъ помощниковъ удѣлять лишь ограниченную долю довѣрія; полагаю, что онъ захотѣлъ поставить рядомъ съ собою пугало пострашнѣе *по причинѣ внутренняго броженія, здѣсь господствующаго*» (курсивъ мой А. К.). Такъ писалъ Жозефъ де-Местръ. Русскіе наблюдатели тогдашнихъ событій также опредѣленно ставили возвышеніе Аракчеева въ связь съ тѣмъ взаимнымъ охлажденіемъ, которое произошло въ то время между Александромъ и обществомъ.

Распространенные въ тогдашнемъ обществѣ толки отчетливо отразились въ запискахъ Энгельгардта, который именно подчеркиваетъ то обстоятельство, что возвышеніе Аракчеева было подготовлено неудачами Россіи въ ея первыхъ выступленіяхъ противъ Наполеона. «Александръ, — пишетъ Энгельгардтъ, — до того кроткій, довѣрчивый, ласковый, теперь сталъ подозрителенъ, строгъ, неприступенъ и не терпѣлъ слова правды. Къ одному только Аракчееву имѣлъ онъ пол-

ную довѣренность, который по жестокому своему свойству приводилъ государя въ гнѣвъ и тѣмъ отвлекъ отъ него людей, истинно любящихъ его и Россію». Распорядительность, проявленная Аракчеевымъ во время финляндской кампаніи 1808—1809 г., еще болѣе утвердила блескъ его возвышенія. Осуществленіе плана государя о переходѣ русскихъ войскъ въ Швецію по льду Ботническаго залива приписывали всецѣло желѣзной настойчивости Аракчеева, который отправился къ арміи и, не желая слушать никакихъ возраженій, требовалъ немедленнаго исполненія этого плана. Въ обществѣ ходили тогда слухи, что Аракчееву будетъ присвоенъ титулъ «князя Финскаго». *) Эти слухи оказались неосновательными, но Аракчеевъ получилъ другія, неслыханныя дотолѣ почести. Сначала Александръ пожаловалъ Аракчееву орденъ Андрея Первозваннаго, — тотъ самый, который государь надѣвалъ на себя, но Аракчеевъ, по принятому имъ обыкновенію, упросилъ государя взять этотъ орденъ обратно. Тогда Александръ отдалъ повелѣніе, чтобы войска отдавали Аракчееву слѣдуемыя ему почести даже и въ мѣстахъ Высочайшаго пребыванія Императорскаго Величества.

И, однако, все это не было еще окончательнымъ утвержденіемъ безраздѣльнаго аракчеевскаго фавора. Весьма знаменательно, что одновременно съ возвышеніемъ Аракчеева въ эпоху Тильзитскаго союза всходила звѣзда Сперанскаго. Александръ снова становился въ свою любимую позу между двухъ противоположныхъ теченій. Если въ первые годы царствованія Александръ искусно лавировалъ между неофиціальнымъ комитетомъ и партіей старыхъ сенаторовъ, то теперь, послѣ Тильзита, онъ поставилъ себѣ задачей обезпечить равновѣсіе внутренняго политическаго курса, возложивъ на одну чашку вѣсовъ государственной политики вліяніе Аракчеева, а на другую — вліяніе Сперанскаго. Онъ рѣшилъ, повидимому, сдѣлать попытку одновременнаго осуществленія и «успокоенія» и «реформы» и для этой цѣли считалъ наиболѣе цѣлесообразнымъ подѣлить государственную работу между двумя главными своими сотрудниками: на Аракчеева возлагалась миссія «успокоенія» общаго броженія умовъ

*) «Письмо Боголюбова къ кн. А. Б. Куракину». *Русскій Архивъ*, 1893 г., т. II, стр. 286.

мѣрами строгости, а на долю Сперанскаго доставалась подготовка коренной реформы государственнаго строя Россіи. Александръ, повидимому, полагалъ, что оба его сотрудника могутъ дѣлать каждый свое дѣло независимо другъ отъ друга. Но такое раздѣленіе претило тщеславнымъ стремленіямъ Аракчеева къ безраздѣльному господству у ступеней трона. И на этой почвѣ между Александромъ и его давнишнимъ пѣстуномъ скоро пробѣжала тѣнь. Аракчеевъ бѣсился по случаю того, что его не посвящали въ тѣ таинственныя работы, которыя были поручены Сперанскому. А работы Сперанскаго дѣйствительно были окружены непроницаемой таинственностью. Въ ноябрѣ и декабрѣ 1809 г. Сперанскій заканчивалъ проектъ «Образованія Государственнаго Совѣта». Государь въ это время ѣздилъ въ Тверь и затѣмъ въ Москву. Сперанскій высылалъ Александру свою работу отдѣльными тетрадями, при чемъ тетради передавались въ конвертахъ безъ адреса, за какою-то вымышленною печатью, камердинеру Мельникову, который затѣмъ уже и надписывалъ ихъ государю въ Москву. «Мельниковъ — важный человѣкъ!» — злобно пронизировалъ Аракчеевъ по этому поводу. Проектъ показали затѣмъ гр. Салтыкову, кн. Лопухину и гр. Кочубею, и, наконецъ, дали взглянуть на него гр. Румянцеву, государственному канцлеру. Аракчеевъ былъ оставленъ въ сторонѣ. Онъ выходилъ изъ себя и уже собирался удалиться въ Грузино. Наконецъ, почти уже наканунѣ обнародованія реформы, Александръ обѣщалъ Аракчееву прочесть проектъ и ему. Былъ уже назначенъ для этого день и Аракчеевъ дожидался, что его позовутъ во дворецъ. Вдругъ ему доложили, что пріѣхалъ Сперанскій. Оказалось, что Сперанскій привезъ съ собою лишь оглавленіе проекта съ тѣмъ, чтобы на словахъ разсказать существо новой организаціи. Аракчеевъ принялъ это, какъ новое оскорбленіе, отвѣчалъ Сперанскому грубостью, отказался что-либо слушать и тотчасъ уѣхалъ въ Грузино, пославъ государю письмо объ отставкѣ. «Я еще не видывалъ Аракчеева въ такомъ бѣшенствѣ», говоритъ въ своихъ запискахъ Марченко, вошедшій къ Аракчееву тотчасъ послѣ отъѣзда Сперанскаго. *) Три дня прошло послѣ этого въ безпрестанной пересылкѣ фельдъегерей между Петербургомъ и Грузи-

---

*) *Корфъ:* «Жизнь гр. Сперанскаго», I, стр. 115—116.

нымъ. Намъ извѣстны теперь письма, которыми обмѣнялись въ этотъ моментъ Аракчеевъ и Александръ. Аракчеевъ принялъ тонъ «уничиженія паче гордости», ссылался на недостаточность своего образованія, называлъ себя только «ремесленникомъ» въ военномъ дѣлѣ и, указывая на то, что при вновь заводимыхъ учрежденіяхъ потребуются болѣе, нежели онъ, просвѣщенные министры, просился въ отставку.*) Александръ началъ свой отвѣтъ прямо съ заявленія, что всѣ приводимые Аракчеевымъ мотивы просьбы объ отставкѣ онъ не можетъ принять за настоящіе. Затѣмъ Александръ очень удачно попадаетъ въ самое слабое мѣсто Аракчеева, подчеркивая, что обидчивость Аракчеева въ данномъ случаѣ идетъ вразрѣзъ съ его постоянными увѣреніями въ безграничной и беззавѣтной *личной* преданности его Александру, и что онъ предпочитаетъ пользѣ имперіи свое мнимо затронутое честолюбіе. Письмо заканчивалось словами: «при первомъ свиданіи нашемъ вы мнѣ рѣшительно объявите, могу ли я въ васъ видѣть того же графа Аракчеева, на привязанность котораго я думалъ, что твердо могъ надѣяться, или необходимо мнѣ будетъ заняться выборомъ новаго военнаго министра». **)

Размолвка скоро была улажена. Александръ предоставилъ самому Аракчееву рѣшить, желаетъ ли онъ и впредь оставаться военнымъ министромъ или при новомъ образованіи Государственнаго Совѣта предпочтетъ принять постъ предсѣдателя департамента военныхъ дѣлъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Аракчеевъ отвѣчалъ: «лучше самому быть дядькой, нежели имѣть надъ собою дядьку», и сѣлъ на предсѣдательское мѣсто въ департаментѣ Государственнаго Совѣта, уступивъ военное министерство Барклаю де Толли.***) Александръ осыпалъ Аракчеева милостями и ласками, какъ бы стараясь изгладить послѣдніе слѣды огорченія въ душѣ Аракчеева отъ недавней размолвки. Лѣтомъ того же года (въ іюлѣ

---

*) *Шильдеръ*, II, примѣч. 452.

**) *Русскій Архивъ*, 1869 г., стр. 1660—1662.

***) Въ автобіографическихъ записяхъ на прокладныхъ листахъ своего евангелія Аракчеевъ записалъ подъ 1 января 1810 г.: «въ сей день сдалъ званіе военнаго министра. Совѣтую всѣмъ, кто будетъ имѣть сію книгу послѣ меня, помнить, что честному человѣку всегда трудно занимать важныя мѣста въ государствѣ». *Русск. Арх.*, 1866 г., стр. 922—927.

1810 г.) Александръ впервые посѣтилъ Грузино, провелъ тамъ цѣлый день и по возвращеніи въ Петербургъ подписалъ рескриптъ на имя Аракчеева, наполненный самыми лестными похвалами дѣятельности графа по устройству «добраго сельскаго хозяйства», которое есть «первое основаніе хозяйства государственнаго». *)

Въ непродолжительномъ времени судьба подготовила Аракчееву новый тріумфъ. Дни господства его соперника по приближенности къ государю, Сперанскаго, были сочтены. До сихъ поръ не найдено документальныхъ слѣдовъ прямого участія Аракчеева въ томъ комплотѣ, который работалъ надъ сверженіемъ Сперанскаго. Повидимому, Аракчеевъ не принадлежалъ къ дѣятельнымъ членамъ этого комплота, но несомнѣнно паденіе Сперанскаго лило воду на колеса *его* мельницы. Впрочемъ, изъ позднѣйшихъ фактовъ мы знаемъ, что Аракчеевъ отлично умѣлъ руководить подобными комплотами изъ-за кулисъ, не выставляясь на сцену. Какъ бы то ни было, нельзя обойти вниманіемъ отмѣченный еще Погодинымъ знаменательный фактъ: подлинный оригиналъ записки Карамзина «О древней и новой Россіи», сыгравшей рѣшающую роль въ паденіи Сперанскаго, — съ собственноручной надписью вел. княг. Екатерины Павловны: «a mon frère seul», — былъ найденъ въ бумагахъ Аракчеева въ Грузинѣ. **) Это указываетъ, во всякомъ случаѣ, на то, что Александръ сносился съ Аракчеевымъ при обсужденіи участи Сперанскаго. Съ другой стороны, мы имѣемъ документъ, свидѣтельствующій о томъ, что Аракчеевъ отдѣлялъ себя отъ тѣхъ кружковъ чиновной знати, которые пожинали непосредственные плоды паденія Сперанскаго. Это—письмо Аракчеева къ брату Петру отъ 3 апрѣля 1812 г., въ которомъ находимъ слѣдующее мѣсто, важное для интересующаго насъ вопроса: «....теперь приступаю къ описанію, что я думаю извѣстно вамъ уже, о выѣздѣ изъ Петербурга господина Сперанскаго и господина Магницкаго. На нихъ счетъ много здѣсь говорятъ нехорошаго, слѣдовательно, если это такъ, то они и заслужили свою нынѣшнюю участь, но *вмѣсто оныхъ, теперь партія знатныхъ нашихъ господъ сдѣлалась уже чрезвы-*

*) «Чтенія въ Общ. исторіи и древн. росс.» 1868 г., кн. 4.

**) *Русск. Архивъ*, 1871 г., № 7—8.

чайно сильна, состоящая изъ графовъ Салтыковыхъ, Гурьевыхъ, Толстыхъ и Голицыныхъ. Слѣдовательно я, не бывъ съ первыми въ связи, былъ оставленъ безъ дѣла, а *сими посыми патріотами расномѣрно не любимъ*, также буду безъ дѣла и безъ довѣренности. Сіе все меня бы не безпокоило, ибо я уже ничего не хочу, кромѣ уединенія и спокойствія, и предоставляю всѣмъ вышеописаннымъ вертѣть и дѣлать все то, что къ ихъ пользамъ. Но безпокоитъ меня то, что при всемъ ономъ положеніи велятъ мнѣ еще ѣхать и быть въ арміи безъ пользы, а, какъ кажется, только пугаломъ мірскимъ, и я увѣренъ, что пріятели мои употребятъ меня при первомъ возможномъ случаѣ тамъ, гдѣ имѣть я буду вѣрный способъ потерять жизнь, къ чему я и долженъ быть готовъ...» Аракчеевъ подписался подъ этимъ письмомъ такъ: «*невеселый* твой братъ и вѣрный другъ графъ Аракчеевъ». *) Сопоставляя всѣ эти, пока еще отрывочныя и скудныя данныя, можно, кажется, заключить, что Аракчеевъ въ моментъ паденія Сперанскаго былъ самъ еще не настолько силенъ, чтобы сыграть видную роль въ ниспроверженіи своего врага, хотя конечно, онъ не упустилъ случая и съ своей стороны повредить ему, насколько могъ. Опасенія, высказанныя Аракчеевымъ въ письмѣ къ брату относительно грозящей ему печальной участи, должны быть отнесены на счетъ мнительности и даже трусливости его характера. На самомъ дѣлѣ паденіе Сперанскаго и открывшаяся вслѣдъ за тѣмъ война развертывали передъ Аракчеевымъ заманчивыя перспективы. Родовитая, сановная знать могла, сколько ей было угодно, коситься на гатчинскаго выскочку. На его сторонѣ было все его прошлое. Александръ, охотно отдаляясь отъ Аракчеева, пока все шло гладко и ровно, издавна привыкъ цѣпляться за этого человѣка, какъ за пѣстуна и дядьку, лишь только почва начинала колебаться подъ ногами и становилось жутко отъ возможныхъ внезапныхъ опасностей. Война двѣнадцатаго года, бывшая для Александра такой ставкой, на которую человѣкъ отваживается только однажды въ теченіе жизни и которая равносильна дилеммѣ «быть или не быть», выдвигала Аракчеева на первый планъ, возвышала его надъ всѣми партіями и кружками, какъ личнаго тѣлохранителя царя. И Аракчеевъ отлично

*) *Русская Старина*, 1874 г., май.

понялъ ту позицію, которая теперь сама давалась ему въ руки, какъ исходная точка дальнѣйшаго возвышенія его карьеры. При открытіи военныхъ дѣйствій въ кампанію 1812 года Шишковъ и Балашовъ очень хлопотали о томъ, чтобы уговорить Александра оставить армію и поспѣшить въ Москву. Они составили письмо къ государю съ увѣщаніемъ послѣдовать этому совѣту, и просили Аракчеева присоединиться къ ихъ настояніямъ, говоря, что это — единственное средство спасти отечество. И Аракчеевъ произнесъ тогда характерныя слова: «Что мнѣ до отечества! Скажите мнѣ, не въ опасности ли государь, оставаясь долѣе при арміи?». *) Въ этихъ словахъ — ключъ ко всей послѣдующей исторіи возвышенія Аракчеева. Онъ возвышался и господствовалъ не какъ представитель какой-нибудь партіи, программы или того или иного общественнаго слоя, а какъ личный тѣлохранитель царя. Въ этомъ была его сила и только этого поста онъ не хотѣлъ раздѣлить ни съ кѣмъ. Онъ могъ работать и надъ военными поселеніями, и надъ проектомъ освобожденія крестьянъ, смотря по тому, что́ въ данный моментъ было пріятно государю. Онъ могъ мѣнять направленіе своей дѣятельности въ какой угодно степени, но онъ не могъ съ этого момента примириться лишь съ однимъ: чтобы у государя явилась мысль, что кто-нибудь другой можетъ выполнять функціи тѣлохранителя и личнаго пѣстуна лучше или хотя бы даже не хуже, нежели Аракчеевъ. Этого Аракчеевъ допустить не могъ, ибо онъ отлично понималъ, что именно здѣсь — единственная опора всего великолѣпнаго зданія его безграничнаго всевластія.

III.

Войны 1812—14 годовъ окончательно скрѣпили узы, связывавшія Александра и Аракчеева. По свидѣтельству самого Аракчеева, всѣ распоряженія государя во время Отечественной войны проходили черезъ его руки. Въ тѣ тяжелые дни, когда Москва находилась во власти Наполеона, Александръ уединился отъ всѣхъ и допускалъ къ себѣ только одного Аракчеева, съ которымъ и занимался дѣлами, — такъ свидѣтельствуетъ Михайловскій-Данилевскій. Весь походъ

---

*) «Записки гр. Камаровскаго». *Русск. Архивъ*, 1887 г.; «Записки Свербеева». *Русск. Архивъ*, 1871 г.

1813—14 гг. они провели, не разлучаясь. Въ Парижѣ, уклоняясь отъ восторженныхъ оваціи населенія, Александръ рѣшилъ говѣть и вмѣстѣ съ нимъ говѣлъ и пріобщался св. Таинъ и Аракчеевъ. Они разстались лишь при отъѣздѣ Александра въ Англію, куда Аракчеевъ не послѣдовалъ, получивъ отпускъ «на все то время, какое нужно будетъ для поправленія его здоровья». Передъ этой разлукой Александръ и Аракчеевъ обмѣнялись письмами. Въ письмѣ Александра говорилось, что онъ ни къ кому не питаетъ такой довѣренности, какъ къ Аракчееву, и чувствуетъ себя до крайности огорченнымъ предстоящей съ нимъ разлукой. Въ отвѣтъ на это Аракчеевъ завѣряетъ Александра въ своей безпредѣльной любви къ нему и утверждаетъ, что довѣренность государя будетъ имъ употребляться не для полученія наградъ и доходовъ, а для доведенія до Высочайшаго свѣдѣнія несчастій, тягостей и обидъ въ любезномъ отечествѣ. Изобразивъ себя въ этомъ письмѣ чѣмъ-то въ родѣ маркиза Позы, Аракчеевъ отправился въ Ахенъ на лѣченіе. Александръ, возвращаясь изъ Англіи въ Брухзалъ, гдѣ лѣчилась имп. Елизавета Алексѣевна, вызвалъ къ себѣ по дорогѣ Аракчеева въ Кельнъ для свиданія. Послѣ заграничнаго лѣченія Аракчеевъ еще нѣкоторое время отдыхалъ у себя въ Грузинѣ и, наконецъ, 6 августа 1814 г. былъ приглашенъ Александромъ въ Петербургъ. Исключительное и безпримѣрное главенство Аракчеева по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія было теперь окончательно закрѣплено. Александръ уже не могъ обходиться безъ Аракчеева, и во время разлуки, наприм., при поѣздкѣ своей на Вѣнскій конгрессъ, онъ все время посылаетъ съ дороги дружескія записочки оставшемуся въ Петербургѣ Аракчееву *).

«Аракчеевщина» окончательно вступила въ свои права. «У насъ теперь только одинъ вельможа — графъ Аракчеевъ», таковъ былъ отзывъ Карамзина. «Графъ Аракчеевъ есть душа всѣхъ дѣлъ», сказалъ объ этомъ же времени гр. Растопчинъ. Аракчеевъ сталъ единственнымъ докладчикомъ государю всѣхъ дѣлъ, не исключая даже духовныхъ. Всѣ представленія министровъ, всѣ мнѣнія Государственнаго Совѣта восходили къ государю не иначе, какъ черезъ руки Аракчеева. Предварительная явка на поклонъ къ Аракчееву сдѣлалась

*) *Шильдеръ*, т. III, passim.

необходимымъ шагомъ для всякаго, кто хотѣлъ чего-нибудь достигнуть. Даже Карамзинъ, незадолго передъ тѣмъ прогремѣвшій въ высшихъ сферахъ своей «Запиской о древней и новой Россіи», пріѣхавъ въ 1816 г. въ Петербургъ для представленія государю восьми томовъ своей исторіи, лишь цѣною поклона Аракчееву добился Высочайшей аудіенціи. Онъ долго дожидался этой аудіенціи. Императрицы, великія князья осыпали комплиментами его трудъ, приглашали къ себѣ исторіографа на чтеніе отрывковъ изъ «Исторіи», — но вопросъ относительно Высочайшей аудіенціи все оставался открытымъ. Наконецъ, Карамзину объяснили, въ чемъ кроется секретъ успѣха. Исторіографъ надѣлъ мундиръ и поѣхалъ-таки къ Аракчееву. Аракчеевъ былъ милостивъ и даже сказалъ Карамзину: «если бы я былъ моложе, то сталъ бы у васъ учиться; теперь уже поздно». Тотчасъ послѣ этого визита Карамзинъ получилъ и Высочайшую аудіенцію и утвержденіе всѣхъ его желаній относительно печатанія его труда. *)

Новыя назначенія на государственные посты становятся исключительно дѣломъ рукъ Аракчеева. Онъ начинаетъ по своему усмотрѣнію разставлять по министерствамъ свои креатуры, какъ шашки на шахматной доскѣ. По указанію Аракчеева въ 1817 г. мин. юстиціи Трощинскій замѣняется кн. Лобановымъ-Ростовскимъ, про котораго Вигель въ своихъ запискахъ выразился такъ: «не понимаю, какъ рѣшился государь вручить вѣсы правосудія разъяренной обезьянѣ, которая кусать могла только невпопадъ». **) Аракчеевъ же поддерживалъ сибирскаго генералъ-губернатора Пестеля, этого ужаснаго правителя Сибири, ознаменовавшаго свое правленіе неслыханными злоупотребленіями и страшной жестокостью. Полковникъ Шварцъ, жестокое изувѣрство котораго вызвало знаменитый бунтъ Семеновскаго полка, былъ ставленникомъ Аракчеева. По его же указаніямъ кн. Волконскій былъ замѣненъ Дибичемъ, гр. Кочубей — мин. внутр. дѣлъ — пріятелемъ Аракчеева, Кампенгаузеномъ, у котораго Аракчеевъ занималъ деньги; на постъ военнаго министра назначенъ Татищевъ, а на постъ мин. финансовъ вмѣсто Гурьева —

---

*) *Шильдеръ*, IV, с. 6—7. — «Неизданныя сочиненія и переписка Карамзина». Спб., 1862 г.

**) *Вигель*. «Записки», ч. 5, стран. 66.

гр. Канкринъ. Только это послѣднее назначеніе должно быть признано полезнымъ для государства, ибо въ лицѣ Канкрина во главѣ управленія финансами становился человѣкъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, цѣлою головой превышавшій обычный уровень тогдашнихъ министерьяблей по образованности, опытности и серьезному отношенію къ своимъ государственнымъ обязанностямъ. Но это было случайное счастливое исключеніе, помимо котораго, всѣ остальныя креатуры Аракчеева отличались соединеніемъ посредственности съ особенною способностью возбуждать противъ своей дѣятельности рѣзкое и притомъ справедливое неудовольствіе общества.

Между тѣмъ самъ Александръ оказывалъ въ это время Аракчееву необыкновенные знаки расположенія и милости. Государь все чаще пріѣзжаетъ въ Грузино. Со времени своего перваго посѣщенія Грузина 7 іюля 1810 г. Александръ былъ тамъ затѣмъ не менѣе 11 разъ.*)

Каждое изъ этихъ посѣщеній сопровождалось обмѣномъ писемъ между Александромъ и Аракчеевымъ, наполненныхъ краснорѣчивыми признаніями во взаимной любви. **) Отправляясь въ частныя свои поѣздки по Россіи, государь нерѣдко беретъ съ собою Аракчеева и видимо особенно старается о томъ, чтобы наглядно показать населенію, какъ высоко стоитъ значеніе Аракчеева въ государствѣ.

Въ 1816 г., совершая такую поѣздку, государь обыкновенно ѣхалъ въ коляскѣ съ кн. Волконскимъ, но передъ въѣздомъ въ города Волконскій долженъ былъ уступать свое мѣсто въ коляскѣ государя Аракчееву. Въ 1818 г. Аракчеевъ присоединился къ кортежу путешествовавшаго государя уже среди дороги, въ Кишиневѣ, и Михайловскій-Данилевскій отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ, какъ государь, обрадованный этимъ свиданіемъ, весь день ѣхалъ съ графомъ въ одной коляскѣ. Михайловскій-Данилевскій видѣлъ, какъ государь нѣсколько разъ заботливо оправлялъ своими руками плащъ Аракчеева.

---

*) А именно: 7 іюля 1810 г., 8 іюня 1816 г., 19 іюля 1819 г., 4 марта и 26 іюня 1820 г., 22 іюня 1821 г., 15 іюня 1822 г., 15 марта и 3 іюня 1823 г., 24 іюля 1824 г. и 26 іюня 1825 г. — *Русскій Архивъ*, 1869 г., стран. 1462; *Русскій Архивъ*, 1866 г., стр. 922—927.

**) Тексты этихъ писемъ — у *Шильдера*, т. IV.

Для всѣхъ было ясно, что фаворъ Аракчеева достигъ зенита и уже ничѣмъ не можетъ быть поколебленъ. «Со временемъ, — писалъ въ это время кн. Волконскій Закревскому, — государь узнаетъ всѣ неистовства злодѣя (такъ всегда называлея Аракчеевъ въ перепискѣ между названными лицами и другими членами ихъ кружка. А. К.), коихъ честному человѣку переносить нельзя, открыть же ихъ нѣтъ возможности по непонятному ослѣпленію его къ нему. Между тѣмъ растеряетъ онъ много честныхъ людей, возстановится прежнее лихоимство и безпорядокъ въ ходѣ дѣлъ». *)

И дѣйствительно, съ этого времени на весь остатокъ царствованія Александра господство Аракчеева въ дѣлахъ управленія дѣлается безусловнымъ. Онъ держитъ себя всемогущимъ визиремъ и устраняетъ всѣхъ, кто думалъ стать на его пути.

Грузино становится цѣлью безпрерывныхъ паломничествъ. Министры скачутъ изъ Петербурга въ Грузино съ докладами. Масса всевозможнаго люда тянется туда на поклонъ, за подачкой или просто съ цѣлью изъявленія восторга и восхищенія передъ великолѣпіемъ Грузина, дабы обратить на себя вниманіе всесильнаго временщика на будущее время. Чтобы получить что-нибудь въ Петербургѣ, необходимо стало съѣздить въ Грузино и затѣмъ излить на письмѣ свои восторженныя чувства отъ всего тамъ видѣннаго. Типичнымъ образчикомъ такихъ панегириковъ можетъ служить произведеніе Магницкаго «Сонъ въ Грузинѣ» (*Русскій Архивъ*, въ 1863 г., № 12), посланное имъ Аракчееву на другой день послѣ посѣщенія Грузина: грубо-аляповатое, сусальное восхваленіе красотъ и диковинокъ аракчеевской резиденціи.

Въ составленномъ Дубровинымъ сборникѣ писемъ разныхъ лицъ, дошедшихъ до насъ отъ времени царствованія Александра I, можно встрѣтить рядъ другихъ, подобныхъ же расписокъ посѣтителей Грузина въ своемъ искательствѣ и угодничествѣ. Прошелъ по этой дорожкѣ и Сперанскій, не миновалъ ея вполнѣ и Карамзинъ, также посѣтившій Грузино, хотя, впрочемъ, и не оправдавшій надеждъ на то, что и его краснорѣчивое перо отдастъ дань общей повинности востор-

*) «Сборн. Русск. истор. общ.», т. 73, стран. 81.

гаться Грузинымъ и устройствомъ военныхъ поселеній. Карамзинъ былъ въ Грузинѣ и объѣздилъ съ Аракчеевымъ поселенія по желанію самого государя, который надѣялся, что послѣ этого Карамзинъ измѣнитъ свое отрицательное отношеніе къ военнымъ поселеніямъ. Но Карамзинъ остался при своемъ и предпочелъ промолчать. Онъ писалъ къ Дмитріеву объ этой поѣздкѣ: «Зная милостивое расположеніе ко мнѣ государя, графъ Аракчеевъ угостилъ меня съ ласкою необыкновенною. Поселенія удивительны во многихъ отношеніяхъ... но *русскій путешественникъ* уже старъ и лѣнивъ на описанія». *)

Спрашивается теперь, на что именно опиралось это окончательное и безповоротное утвержденіе фавора Аракчеева въ послѣдніе годы царствованія Александра I? Объясняли это тѣмъ, что въ эти годы Александръ, распростившись съ либеральными увлеченіями молодости, усвоилъ реакціонную политику, почему и должны были сойти со сцены всѣ прежніе сотрудники. Такое объясненіе, не будучи неправильнымъ, страдаетъ неполнотой: оно не разрѣшаетъ вопроса, почему на смѣну прежнимъ сотрудникамъ былъ выдвинутъ именно Аракчеевъ, а не кто-либо иной.

Указывалось не однажды на то, что Александръ этой эпохи, погруженный въ меланхолію, истерзанный внутренними душевными тревогами, увлеченный мистикой, чувствовалъ потребность уединиться отъ докучливыхъ впечатлѣній окружающей жизни и ухватился за Аракчеева, какъ за человѣка, на котораго онъ могъ свалить всю тяжесть текущаго управленія, чтобы самому свободно предаваться переживанію своей личной душевной драмы. Факты не подтверждаютъ такого заключенія. Возвышая Аракчеева, Александръ вовсе самъ не отстранялся отъ текущей государственной работы. Мы уже знаемъ, что въ душѣ Александра всякая, а въ томъ числѣ и мистическая, фантастика всегда уживалась съ способностью очень реалистически разсматривать различные текущіе вопросы и жизненные случаи. Мы имѣемъ и прямыя указанія на то, что Александръ вплоть до кончины принималъ дѣятельное участіе въ теку-

---

*) «Письма Карамзина къ Дмитріеву», стран. 400. *Шильдеръ*, т. IV, стран. 246.

щемъ управленіи и очень много самъ, непосредственно, работалъ и писалъ.

Клейнмихель, разбиравшій по смерти Аракчеева его бумаги, открылъ, что черновики многихъ повелѣній и другихъ бумагъ, подписанныхъ Аракчеевымъ, были составлены собственноручно Александромъ.*)

Значитъ, Александръ возвысилъ Аракчеева не какъ своего замѣстителя въ дѣлахъ текущаго управленія, а какъ своего сподручнаго помощника, какъ наиболѣе надежнаго исполнителя тѣхъ дѣлъ, которыя получали теперь въ глазахъ Александра первостепенную важность. Какія же эти были дѣла?

Здѣсь приходится прежде всего повторить то, что было сказано выше относительно возвышенія Аракчеева въ 1808—9 гг. Теперь, какъ и тогда, рѣшающимъ моментомъ въ возвышеніи Аракчеева явился страхъ Александра передъ опасностью общественнаго броженія. «Только Аракчеевъ сможетъ сдавить своей желѣзной рукой порывы общественнаго недовольства»—вотъ къ чему сводилась вѣра Александра въ Аракчеева и вотъ почему эта вѣра вспыхивала съ особенной силой каждый разъ, когда Александру начинало чудиться общественное возмущеніе. Въ 1808—9 гг. Александръ ухватился за Аракчеева, испугавшись широко разлившагося въ обществѣ недовольства послѣдствіями Тильзитскаго соглашенія. Теперь, послѣ Отечественной войны и Вѣнскаго конгресса, въ эпоху священнаго союза, Александру вездѣ—и на Западѣ и у себя дома—чудились призраки заговоровъ и возмущеній, въ любомъ событіи онъ готовъ былъ чувствовать слѣды карбонарскаго яда, все колебалось и сотрясалось въ его глазахъ, и тѣмъ выше всходила звѣзда Аракчеева, какъ испытаннаго и признаннаго защитника отъ любой опасности, за котораго Александръ привыкъ прятаться отъ всякой грозы, будь то гроза отцовскаго гнѣва, будь то гроза политическаго возмущенія подданныхъ. Эти тревоги, возвышавшія фаворъ Аракчеева, обвѣяли душу Александра тотчасъ по окончаніи наполеоновскихъ войнъ. Онѣ питались бурными событіями на западѣ Европы, но Але-

*) *Русская Старина*, 1903 г., январь—неизданная глава изъ книги Корфа о Сперанскомъ.

ксандръ все болѣе сживался съ мыслью, что эпидемія карбонаризма не знаетъ преградъ, что передъ ней безсильны пограничные барьеры, что это не мѣстное, а общественное повѣтріе, отъ дѣйствія котораго не ускользнетъ и Россія.

Онъ уже заранѣе, независимо отъ фактовъ, готовъ былъ истолковать любое происшествіе, какъ подтверждение того, что и въ Россіи подъ государственное зданіе подведена пороховая мина карбонаризма. Вѣсть о возмущеніи Семеновскаго полка упала на его душу, какъ на давно готовую почву. Теперь уже опровергнута старая легенда о томъ, что Александръ взглянулъ на семеновскую исторію, какъ на *политическій* заговоръ, по наущенію Меттерниха. Нѣтъ, онъ тотчасъ же, по собственному рѣшенію пришелъ къ мысли, что это и есть давно уже ожидаемое обнаруженіе гнѣздящейся и въ Россіи заразы политическаго вольнодумства. Напротивъ, Меттернихъ держался иного мнѣнія и не склоненъ былъ приписывать семеновскую исторію политической пропагандѣ. Петербургскіе сановники, имѣвшіе возможность близко знать данныя произведеннаго разслѣдованія, въ одинъ голосъ отрицали политическую подкладку у этого происшествія. Въ этомъ смыслѣ были составлены донесенія Васильчикова государю. Закревскій въ письмѣ къ Волконскому хотя и упоминалъ о распространеніи въ гвардіи духа критики и свободныхъ сужденій, однако сейчасъ же прибавлялъ: «впрочемъ, будьте увѣрены, почтеннѣйшій князь, что происшествіе, въ Семеновскомъ полку бывшее, совершенно не имѣетъ никакихъ побочныхъ причинъ, какъ только единственно ненависть къ Шварцу».*)

Одинъ только Аракчеевъ, самъ выдвинувшій Шварца, поспѣшилъ подтвердить Александру справедливость его предположеній о политической подкладкѣ семеновской исторіи. Александръ писалъ Аракчееву: «никто на свѣтѣ меня не убѣдитъ, чтобы сіе происшествіе было вымыслено солдатами или происходило единственно, какъ показываютъ, отъ жестокаго обращенія со оными полковника Шварца. Онъ былъ всегда за хорошаго и исправнаго офицера, и командовалъ съ честью полкомъ. Отчего вдругъ сдѣлаться ему варваромъ? По моему убѣжденію тутъ кроются другія причины... тутъ бы-

*) «Сборн. истор. общ.», т. 73, стран. 113.

ло внушеніе чуждое, не военное. Вопросъ возникаетъ — какое же? Сіе трудно рѣшить. Признаюсь, что я его приписываю тайнымъ обществамъ, которыя по доказательствамъ, которыя мы имѣемъ, всѣ въ сообщеніяхъ между собою и коимъ весьма непріятно наше соединеніе и работа въ Троппау. Цѣль возмущенія, кажется, была испугать»... *) Аракчеевъ въ отвѣтъ на это письмо поддакиваетъ государю: «думаю такъ,— писалъ онъ — что сія ихъ работа есть пробная и должно быть осторожнымъ, дабы еще не случилось чего подобнаго».**)

Вотъ эта-то боязнь передъ скрытой крамолой и утвердила Александра въ рѣшеніи отдать Россію подъ диктатуру Аракчеева. Разница съ 1808—9 гг. заключалась въ томъ, что въ то время въ планы государя входило одновременно подтянуть общество строгостью и подготовить серьезныя преобразованія, которыя удовлетворили бы общественныя желанія. Потому тогда шло параллельное возвышеніе и Аракчеева и Сперанскаго. Теперь у правительства встали на первый планъ оборонительныя задачи, и Аракчеевъ оказался единственнымъ всемогущимъ человѣкомъ момента.

Творческія стремленія Александра сосредоточились теперь лишь на осуществленіи его несчастнаго замысла о заведеніи военныхъ поселеній. И Аракчеевъ, твердо рѣшивъ ни съ кѣмъ болѣе не дѣлить своего первенствующаго положенія, всецѣло взялъ на себя дѣло военныхъ поселеній, которому онъ самъ не сочувствовалъ, противъ котораго первоначально пытался возражать. Это было второе звено, крѣпко спаявшее теперь Аракчеева съ Александромъ. Я уже говорилъ въ своемъ мѣстѣ о томъ, какъ мало въ сущности заботился Аракчеевъ о дѣйствительномъ благосостояніи военныхъ поселеній, въ возможность котораго онъ и не вѣрилъ. Зато онъ не останавливался ни передъ чѣмъ, ни передъ какими жестокостями, ни передъ какими изнурительными для поселенцевъ экспериментами для того, чтобы довести до совершенства внѣшній показной блескъ и лоскъ этихъ поселеній, тѣшившій государя. Одинъ изъ мемуаристовъ очень мѣтко сказалъ, что Аракчеевъ смотрѣлъ на военныя поселенія, какъ на любимую игрушку Александра, и, руководимый вѣр-

---

*) *Русская Старина*, 1870 г., стран. 479—481.

**) *Шильдеръ*, IV, стран. 186.

нымъ расчетомъ, направлялъ всѣ силы на то, чтобы игрушка блестѣла возможно ярче. Достаточно прочитать письма, которыми обмѣнивались Александръ и Аракчеевъ въ теченіе послѣднихъ семи, восьми лѣтъ александровскаго царствованія, чтобы понять, какую роль сыграли военныя поселенія въ исторіи ихъ взаимныхъ отношеній *).

За указанное время нѣтъ почти ни одного письма въ этой перепискѣ, въ которомъ не встрѣчалось бы длинныхъ пассажей все объ этомъ предметѣ. И замѣчательно, что оба корреспондента упорно твердятъ при этомъ одно и то же, чуть ли не буквально повторяя одинаковыя фразы и выраженія изъ письма въ письмо. Какъ будто безъ конца восхвалять военныя поселенія и умиляться надъ благодѣтельностью этой мѣры стало для нихъ такой же потребностью, какъ для влюбленныхъ — неустанно твердить о любви, не скучая однообразіемъ своихъ увѣреній. Въ каждомъ письмѣ Аракчеевъ рисуетъ идиллію райскаго блаженства, въ которомъ утопаютъ военные поселяне.

Любопытно слѣдить при этомъ, какъ старается Аракчеевъ ввести въ свой корявo-топорный слогъ умилительныя нотки. Въ то время, какъ поселенные солдаты и крестьяне звали Аракчеева людоѣдомъ и проливали кровавыя слезы надъ своимъ положеніемъ, онъ писалъ Александру, что не налюбуется тѣмъ, какъ обмундированныя дѣти, окончивъ работы, спѣшатъ умыться, вычиститься и, подтянувъ свои платья, гуляютъ кучами изъ деревни въ деревню и при встрѣчахъ сами съ радостью становятся во фрунтъ и снимаютъ шапки. Точь въ точь, изъ какой-нибудь статьи г. Меньшикова «о потѣшныхъ». «Крестьянамъ, — добавляетъ Аракчеевъ, — главное полюбилось то, что дѣти ихъ всѣ почти въ одинъ часъ были одѣты въ мундиры».

И въ отвѣтъ на эти письма Александръ поетъ хвалу своему другу и въ нѣжныхъ выраженіяхъ расточаетъ свою благодарность

Бывало, впрочемъ, что неумолимая жизнь вносила разнообразіе въ стереотипную монотонность этихъ изліяній. Порою наступали событія, въ виду которыхъ даже Аракчееву становилось уже невозможнымъ тянуть о военныхъ поселеніяхъ

*) Текстъ этихъ писемъ см. у *Шильдера*, т. IV, passim.

идиллическую канитель и приходилось отписываться на иныя темы. Въ поселеніяхъ вспыхивали временами открытыя возмущенія, которыя Аракчееву приходилось подавлять драконовскими мѣрами. Нужно было докладывать объ этомъ государю послѣ увѣреній въ томъ, что въ поселеніяхъ все идетъ, какъ по маслу. И вотъ, Аракчеевъ старается въ этихъ случаяхъ сыграть на религіозной струнѣ Александра. Въ 1819 г. вспыхнулъ серьезный бунтъ въ Чугуевскомъ военномъ поселеніи. Аракчеевъ, учинивъ жестокую, кровавую расправу надъ мятежниками, доносилъ затѣмъ государю (Александръ въ это время путешествовалъ по Финляндіи), что онъ передъ тѣмъ, какъ приступить къ мѣрамъ строгости, долго призывалъ на помощь всемогущаго Бога и размышлялъ, на что рѣшиться: съ одной стороны, — писалъ онъ,—я видѣлъ, что требуется скорое дѣйствіе, съ другой — «какъ христіанинъ, останавливался въ собственномъ дѣйствіи, полагая, что оное, можетъ быть, по несовершенству человѣческаго творенія, признаться можетъ строгимъ или мщеніемъ за покушеніе на мою жизнь». Изъ дальнѣйшаго содержанія письма оказывалось, что результатомъ этихъ философически-религіозныхъ размышленій явилось присужденіе виновныхъ къ прогнанію сквозь строй черезъ тысячу человѣкъ по 12 разъ. Что это означало, — видно изъ того, что Аракчеевъ не счелъ возможнымъ умолчать въ особой припискѣ, въ видѣ отдѣльнаго частнаго письма, приложеннаго къ формальному донесенію, — что «нѣсколько преступниковъ, послѣ наказанія, закономъ опредѣленнаго, и умерли», «и я,—добавилъ Аракчеевъ,—отъ всего онаго начинаю уставать».*) У насъ имѣется отвѣтъ Александра на это донесеніе. Послѣ всегдашнихъ увѣреній въ любви и дружбѣ къ Аракчееву, Александръ «искренно, отъ чистаго сердца» благодаритъ своего друга за понесенные имъ труды при столь тяжелыхъ происшествіяхъ и при этомъ замѣчаетъ: «могъ я въ надлежащей силѣ цѣнить все, что твоя чувствительная душа должна была терпѣть въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ ты находился». Мнѣ вспоминается одно письмо Петра Великаго къ князю-кесарю Ромодановскому, который, стоя во главѣ Преображенскаго приказа, выдавался звѣрской расправой съ

*) *Шильдеръ*, т. IV, стран. 170.

осужденными. Петръ, какъ извѣстно, самъ былъ тяжелъ на руку, и не одна — не только простонародная, но и сановная — русская спина испытала на себѣ увѣсистость его дубинки. Но получивъ извѣстіе о неистовыхъ жестокостяхъ своего фаворита Ромодановскаго, онъ въ гнѣвѣ написалъ этому Аракчееву начала XVIII столѣтія: «Звѣрь! Долго ли тебѣ людей жечь? И сюда раненые отъ васъ пріѣхали. Перестань знаться съ Ивашкою*). Быть отъ него рожѣ драной».

Александръ, въ противоположность Петру, на всѣхъ сіялъ кроткой улыбкой милости. Но, получая извѣстія о расправѣ Аракчеева съ поселенцами, онъ находилъ въ себѣ сожалѣніе лишь объ огорченіяхъ «чувствительной» души... самого палача.

Казалось, такимъ образомъ, что Аракчеевъ могъ быть спокоенъ на счетъ устойчивости достигнутаго имъ теперь положенія. Но онъ не хотѣлъ терпѣть даже и тѣни какого-либо соперничества, какого-либо раздвоенія симпатій Александра между нимъ и кѣмъ-либо другимъ. Жертвами его нетерпимости въ этомъ отношеніи послѣдовательно пали кн. Волконскій и кн. Голицынъ. Аракчеевъ ненавидѣлъ кн. Волконскаго, который стоялъ между нимъ и государемъ, какъ ближайшій спутникъ государя во всѣхъ его разъѣздахъ, какъ его наиболѣе интимный докладчикъ и собесѣдникъ. Аракчеевъ давно уже держалъ наготовѣ противъ этого человѣка отравленную стрѣлу. Теперь пришла пора спустить ее съ тетивы. Въ 1824 г. Аракчеевъ свалилъ Волконскаго, воспользовавшись затрудненіями при составленіи государственной бюджетной росписи. Волконскому было поручено сократить смѣту военнаго министерства. Онъ предложилъ къ сокращенію 800,000 р. Аракчеевъ сейчасъ же представилъ проектъ сокращеній на 18 милліоновъ руб., и это рѣшило отставку Волконскаго, конечно уже ранѣе исподволь подготовленную.

Вмѣсто его начальникомъ штаба Его Величества былъ назначенъ по указанію Аракчеева — Дибичъ.

Сложнѣе обстояло дѣло съ низложеніемъ кн. Голицына. Очень прочныя узы связывали кн. Голицына съ Алексан-

---

*) Это значило: «перестань пить». Петръ предполагалъ, что Ромодановскій дѣйствовалъ въ опьянѣніи. Соловьевъ: «Ист. Россіи» Изд. «Общ. пользы», т. III,

дромъ: личная дружба со времени младенчества и общія увлеченія мистицизмомъ въ зрѣлые годы. Есть указанія на то, что именно Голицынъ своимъ вліяніемъ окончательно закрѣпилъ въ душѣ Александра влеченіе къ мистикѣ. Александръ самъ разсказывалъ квакерамъ Мобилльe и Аллену, что Голицынъ въ эпоху тяжелыхъ испытаній 1812 года первый внушилъ ему мысль читать Библію. Вскорѣ Голицынъ сталъ во главѣ министерства народнаго просвѣщенія и духовныхъ исповѣданій и явился главнымъ организаторомъ библейскихъ обществъ въ Россіи. Это былъ предметъ не менѣе близкій сердцу Александра, чѣмъ военныя поселенія. Значительность роли Голицына въ это время видна хотя бы уже изъ того, что названные выше квакеры, посѣтивъ Петербургъ въ 1818 г., получили такое впечатлѣніе, что Голицынъ былъ «первымъ министромъ». Аракчеевъ имѣлъ основаніе для тревоги, ибо дѣлить вліяніе съ Голицынымъ онъ не желалъ, а выборъ между тѣмъ и другимъ со стороны Александра зависѣлъ отъ того, какой интересъ въ душѣ Александра окажется сильнѣе: къ библейскимъ обществамъ или къ военнымъ поселеніямъ?

Борьба между Аракчеевымъ и Голицынымъ была неминуема, и она разразилась съ чрезвычайной силой. Аракчеевъ одержалъ полную побѣду, но для этого окончательнаго своего тріумфа ему пришлось пустить въ дѣло сложныя и настойчивыя усилія. Весь планъ кампаніи былъ построенъ на томъ, чтобы опорочить мистическое движеніе съ точки зрѣнія политической благонадежности, убѣдивъ государя, что библейскія общества и другія предпріятія Голицына по части духовнаго просвѣщенія есть та же революція, только прикрытая религіознымъ флагомъ. Для этой цѣли составился цѣлый комплотъ, душою котораго былъ Аракчеевъ, не выходившій, правда, на авансцену борьбы, но настойчиво руководившій ею изъ-за кулисъ. Изъ кого состоялъ комплотъ?

Тутъ мы встрѣчаемъ рядъ очень знакомыхъ фигуръ, типичныхъ для реакціонной клики всѣхъ эпохъ, и между ними на первомъ планѣ: юркаго ренегата въ чиновничьемъ фракѣ и прикрытаго духовной рясой невѣжественнаго и дерзкаго изувѣра, опирающагося на поддержку великосвѣтскихъ знатныхъ барынь. Я разумѣю Магницкаго и игумена Фотія. Магницкій начиналъ карьеру въ лучахъ славы Сперанскаго. Онъ

держалъ себя въ то время, какъ милый салонный шалунъ, душа общества, вѣчно съ неистощимымъ запасомъ каламбуровъ и арлекинадъ. Бойкое перо и острый умъ приблизили его къ Сперанскому. Опала Сперанскаго ранила и Магницкаго, который также былъ сосланъ тогда, только не на востокъ, а на сѣверъ. Теперь онъ явился въ столицу искупать грѣхи прошлаго. Салонный арлекинъ началъ разыгрывать роль Савонароллы, громить развратъ и нечестіе вѣка, проповѣдывать крестовый походъ противъ вольномыслія и свѣтской науки. Его подвиги въ этомъ направленіи въ качествѣ попечителя Казанскаго университета достаточно извѣстны. Конечно, онъ толкнулся къ Аракчееву и тотчасъ же былъ замѣченъ и оцѣненъ. Аракчеевъ и митрополитъ Серафимъ, объединившіеся для совмѣстной работы надъ низложеніемъ Голицына, почувствовали въ немъ надежнаго помощника въ качествѣ мастера интриги. Но для успѣха заговора необходимъ былъ, кромѣ того, судья-обличитель, съ властной, фанатической рѣчью, съ авторитетомъ духовнаго сана. На эту роль и былъ избранъ игуменъ Юрьевскаго монастыря Фотій, «полуфанатикъ, полу-плутъ» по опредѣленію Пушкина. Фотій дѣйствительно отлично умѣлъ наблюдать свои выгоды, разыгрывая изъ себя безстрашнаго и вдохновеннаго свыше изобличителя крамолы и нечестія. Совершенно невѣжественный, онъ производилъ впечатлѣніе безудержной дерзостью своихъ рѣчей, сплошь и рядомъ переполненныхъ простонародной площадной бранью, но эта брань сходила за сильный ораторскій выпадъ, ибо была направляема на людей, поставленныхъ высоко на чиновной лѣстницѣ. Фотій зналъ, что онъ можетъ такъ браниться, не боясь за свою участь, ибо онъ чувствовалъ за собой сильную руку своей фанатичной поклонницы, графини Орловой, принесшей къ ногамъ грубаго и невѣжественнаго монаха свое колоссальное состояніе и въ неудержимости своего поклоненія не побоявшейся даже подставить подъ градъ насмѣшекъ и двусмысленныхъ подозрѣній свою дѣвическую честь.

Этого-то Фотія аракчеевскій кружокъ и намѣтилъ на роль вдохновеннаго пророка, который долженъ былъ сразить Голицына, явившись къ Александру, какъ нѣкогда Сильвестръ къ Іоанну IV, чтобы потрясающей рѣчью открыть императору глаза на окружившія его опасности. Фотій съ готовно-

стью взялся за эту роль. Онъ давно привыкъ выставлять себя чудотворцемъ, отмѣченнымъ Божественной благодатью; всякую мелочь, съ нимъ случившуюся, онъ тотчасъ истолковывалъ, какъ сотворенное имъ чудо, и, кажется, отъ частнаго повторенія подобныхъ выдумокъ въ концѣ-концевъ самъ наполовину имъ повѣрилъ, такъ что, слѣдя за его дѣятельностью, нерѣдко трудно бываетъ рѣшить, гдѣ въ немъ кончался симуляторъ и гдѣ начинался фанатикъ. Теперь по призыву Аракчеева и митр. Серафима онъ «возсталъ на брань» со всѣмъ свойственнымъ ему пыломъ, имѣя основанія ожидать за свое усердіе «великія и богатыя милости».

Впервые Фотій былъ вызванъ изъ Сковородскаго монастыря, гдѣ онъ тогда былъ игуменомъ, въ Петербургъ, на театръ военныхъ дѣйствій противъ Голицына, въ апрѣлѣ 1822 г. Поклонницы Фотія, гр. Орлова, Дарья Державина и другія, возили его по разнымъ аристократическимъ домамъ Петербурга на бесѣду, «а по бесѣдѣ учреждаемы были въ тѣхъ домахъ пѣтія и явствія во славу Божію». Послѣ обѣда Фотій, наораторствовавшись, ложился на диванъ, а дамы подходили цѣловать его руки. Распря между митр. Серафимомъ и Голицынымъ была уже въ полномъ разгарѣ. Фотій отнесся свысока къ обоимъ. Серафима онъ называетъ въ своихъ запискахъ «мужъ простъ, словомъ не силенъ, но ревностенъ сый къ дѣлу Божію». Голицына даже во время наибольшаго обостренія своей вражды къ нему онъ признавалъ въ душѣ кроткимъ и истиннымъ христіаниномъ: «другу не измѣнитъ, врага не обидитъ» (письмо Фотія къ Павлову въ 1823 г.), что не мѣшало тому же Фотію изрыгать на Голицына публично страшныя хулы. Первоначально Фотій повелъ себя по отношенію къ Голицыну чисто по-іезуитски. Называя князя на сторонѣ «врагомъ вѣры», онъ дѣлалъ видъ, что хочетъ примирить его съ митрополитомъ и такъ обворожилъ князя, что тотъ по простосердечію самъ взялся устроить Фотію первую аудіенцію у государя.

Аудіенція состоялась 5 іюня 1822 г. и продолжалась полтора часа. Наканунѣ и Серафимъ и Голицынъ давали Фотію, каждый свои совѣты о томъ, что говорить царю. Но Фотій имѣлъ собственный планъ. Объ этой аудіенціи мы знаемъ со словъ самого Фотія, и, если вѣрить его разсказу, государь казался взволнованнымъ и проникшимся рѣчами Фотія про-

тивъ тайныхъ враговъ святой вѣры. Затѣмъ Фотія представили императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, гдѣ онъ также «стоялъ за Серафима» и рѣзко порицалъ сотрудниковъ Голицына. Между тѣмъ Голицынъ и не подозрѣвалъ, куда гнетъ Фотій, и еще цѣлый годъ послѣ того велъ задушевную переписку и съ Фотіемъ и съ Орловой. Въ этихъ письмахъ Голицынъ восторгается учительными бесѣдами, исходящими изъ медоточивыхъ устъ Фотія, проситъ его совѣтовъ по разнымъ вопросамъ вѣры, совѣтуется съ нимъ о значеніи видѣнныхъ сновъ, *) пересылается подарками; изліянія, поклоненія, превознесеніе духовныхъ совершенствъ Фотія переполняютъ эти письма. Таковы же и письма князя за это время къ гр. Орловой. И здѣсь, чуть ли не въ каждой строкѣ рѣчь идетъ о Фотіѣ, по благословенію котораго князь называетъ графиню «сестрой о Господѣ». Голицынъ собственноручно переписываетъ для Орловой обширный трактатъ Фотія о смерти.**)

Однимъ словомъ, на основаніи этихъ писемъ можно было бы подумать, что между Голицынымъ, Фотіемъ и Орловой завязалось истинное духовное братство.

А между тѣмъ Фотій, послѣ аудіенціи у государя получившій алмазный крестъ и вскорѣ — переводъ на мѣсто игумена въ юрьевскій монастырь, лаская Голицына, только ждалъ знака изъ столицы, чтобы нанести ему послѣдній ударъ. Вскорѣ послѣ аудіенціи и подъ прямымъ ея вліяніемъ вышелъ указъ о закрытіи всѣхъ тайныхъ обществъ и масонскихъ ложъ. Въ 1823 г. Магницкій и Аракчеевъ подняли шумное и нелѣпое обвиненіе противъ сотрудника Голицына, Попова за участіе въ переводѣ на русскій языкъ совершенно невиннаго богословскаго сочиненія Госнера. Изъ этого дѣла состряпали цѣлый процессъ, перетревожили массу людей, и уже по воцареніи Николая I все дѣло лопнуло, какъ мыльный пузырь.

Наконецъ, въ апрѣлѣ 1824 г. Фотій вторично былъ вызванъ въ Петербургъ собственноручнымъ письмомъ Арак-

---

*) Однажды, напр., Голицынъ увидѣлъ во снѣ, что онъ прикоснулся ко лбу и вытащилъ изо лба щетку. Даже и такой сонъ давалъ князю поводъ для мистическихъ размышленій.

**) Письма эти напечатаны въ *Русскомъ Архивѣ* за 1869 г. — къ гр. Орловой; *Русск. Старина*, 1882 г. — къ Фотію.

чеева.*) Въ петербургскомъ домѣ гр. Орловой собрались Серафимъ, Аракчеевъ, Фотій и Магницкій на военный совѣтъ. Рѣшено было, что митр. Серафимъ поѣдетъ къ государю требовать отставки Голицына. Трижды владыка садился въ карету и опять выходилъ изъ нея и въ волненіи возвращался въ домъ, не рѣшаясь ѣхать. Наконецъ, его окончательно уговорили, и вслѣдъ за каретой митрополита поѣхалъ Магницкій наблюдать, чтобы владыка не свернулъ съ дороги. Бесѣда государя съ митр. Серафимомъ длилась до глубокой ночи. А черезъ три дня Аракчеевъ устроилъ Высочайшую аудіенцію и Фотію. Фотій введенъ былъ во дворецъ тайнымъ ходомъ и пробылъ съ государемъ въ теченіе трехъ часовъ. По словамъ Фотія, онъ обратился къ Александру съ громовой рѣчью о томъ, что всюду кипятъ политическіе заговоры, что библейскія общества служатъ гнѣздилищемъ революціи, и необходимы скорыя и рѣшительныя мѣры противъ этого зла. Александръ назвалъ Фотія посланникомъ Бога и поручилъ ему изложить письменно всѣ свои предложенія. Фотій вышелъ отъ царя «съ головы до ногъ, яко водою, пóтомъ смоченъ» и прямо поѣхалъ къ митрополиту передать радостную вѣсть о выигрышѣ дѣла. Черезъ нѣсколько дней митр. Серафимъ принялъ Аракчеева и, снявъ свой бѣлый клобукъ и бросивъ его на столъ, поручилъ передать государю, что онъ лучше откажется отъ сана, но не помирится съ Голицынымъ. Тогда же Фотій отправилъ государю рядъ записокъ, въ которыхъ такъ формулировалъ необходимыя мѣры: 1) уничтожить министерство духовныхъ дѣлъ, а министерство просвѣщенія и почтъ отнять у извѣстной особы (Голицына), 2) уничтожить библейское общество, 3) синоду быть попрежнему и надзирать за просвѣщеніемъ, 4) выгнать проповѣдниковъ Госнера, Феслера, методистовъ. И тогда, — писалъ Фотій, — будетъ одержана «побѣда надъ Наполеономъ духовнымъ въ три минуты одною чертою пера».

Между тѣмъ, самъ Голицынъ, въ наивномъ невѣдѣніи о всѣхъ этихъ козняхъ, пришелъ въ домъ Орловой навѣстить Фотія. Произошла поистинѣ дикая сцена. Я стою на молитвѣ,—разсказываетъ Фотій объ этомъ послѣднемъ своемъ свиданіи съ Голицынымъ,—Евангеліе раскрыто, дары святые

*) Это письмо см. въ *Рус. комъ Архивѣ*, 1868 г.

предстоятъ, горитъ свѣча. Вдругъ входитъ князь, образомъ, яко звѣрь рысь. Фотій отказался благословить его за покровительство сектамъ, лжепророкамъ, за дѣло Госнера, и произнесъ ему анаѳему. Князь побѣжалъ вонъ, хлопнулъ дверью, а Фотій кричалъ ему вслѣдъ: «если не покаешся, снидешь во адъ!» Орлова, узнавъ, что произошло, ужаснулась духомъ, а Фотій радостно скакалъ по дому, восклицая: «Съ нами Богъ!»

Въ тотъ же день вся столица знала, что Фотій проклялъ министра духовныхъ дѣлъ. Это было равносильно его отставкѣ. 15 мая 1824 г. отставка состоялась.

О бурной радости, охватившей враговъ Голицына, свидѣтельствуетъ письмо Фотія къ симоновскому архимандриту Герасиму:

«Порадуйся, старче преподобный! Нечестіе пресѣклось, армія богохульная дьявола паде, ересей и расколовъ языкъ онѣмѣлъ, общества всѣ богопротивныя, яко же адъ, сокрушились. Министръ нашъ одинъ — Господь Іисусъ Христосъ, во славу Бога Отца. Аминь. Нынѣ я чаю, велія радость и на небесахъ». А затѣмъ идетъ приписка, въ которой и вскрывается тотъ, кто былъ истинной душой всего этого дѣла: «Молися о Алексѣѣ Андреевичѣ *Аракчеевѣ*. Онъ явился, рабъ Божій, за св. Церковь и вѣру, яко Георгій Побѣдоносецъ. Спаси его Господи. Все сіе про себя знай». *)

Такъ расправился Аракчеевъ съ своимъ послѣднимъ опаснымъ соперникомъ. Теперь онъ могъ праздновать окончательное наступленіе своего безраздѣльнаго господства. А между тѣмъ исторія его карьеры уже приближалась къ печальной развязкѣ.

Черезъ годъ съ небольшимъ Александръ, отправившись въ предсмертную поѣздку на югъ Россіи, жилъ въ Таганрогѣ съ больной императрицей. Въ это время въ Грузинѣ разразилась катастрофа, потрясшая душу Аракчеева до самой глубины. Его любовница, Настасья Минкина, была зарѣзана дворовыми. Обезумѣвшій отъ горя Аракчеевъ неистовствовалъ, предавалъ истязаніямъ огуломъ всю свою дворню, плакалъ, стоналъ, носилъ на шеѣ платокъ, смоченный кровью убитой, и, не испрашивая на то ничьего разрѣшенія, самовольно от-

*) *Русскій Архивъ*, 1868 г., стран. 946—947.

странился отъ всѣхъ дѣлъ. Въ этотъ моментъ сказалась мѣра его преданности государю, о которой онъ такъ неустанно твердилъ всю жизнь.

Незадолго до грузинской катастрофы Шервудъ подробно написалъ Аракчееву все, что онъ зналъ о замыслахъ тайныхъ обществъ, и просилъ немедленно выслать къ нему въ Харьковъ кого-нибудь для принятія рѣшительныхъ мѣръ къ открытію заговора. Прошло не мало дней послѣ отсылки Шервудомъ этого письма, и онъ все тщетно ждалъ отвѣта. Какъ оказалось впослѣдствіи, промедленіе произошло именно изъ-за того, что Аракчеевъ послѣ убійства Минкиной забросилъ самовольно всѣ дѣла и отъ всего отстранился. Даже извѣстіе о личной опасности, грозившей государю, не побудило Аракчеева вспомнить о тѣхъ увѣреніяхъ въ безраздѣльной преданности «батюшкѣ-государю», которыя онъ такъ льстиво расточалъ изъ своихъ устъ въ глаза Александру. Въ этотъ дѣйствительно критическій для Александра моментъ Аракчеевъ поставилъ свое личное горе выше заботливости о безопасности Александра и не ударилъ палецъ о палецъ для того, чтобы ускорилось производство разслѣдованія по доносу Шервуда. Не будь этого промедленія, — писалъ впослѣдствіи самъ Шервудъ, — «никогда бы возмущенія 14 декабря на Исаакіевской площади не случилось; затѣявшіе бунтъ были бы заблаговременно арестованы». И Шервудъ прибавляетъ къ этому: «не знаю, чему приписать, что такой государственный человѣкъ, какъ графъ Аракчеевъ, которому столько оказано благодѣяній императоромъ Александромъ I и которому онъ былъ такъ преданъ, пренебрегъ опасностью, въ которой находилась жизнь государя и спокойствіе государства, для пьяной, толстой, необразованной, дурного поведенія и злой женщины: есть надъ чѣмъ задуматься»*).

Александръ проявилъ большую заботливость объ участи Аракчеева въ это время. Помимо различныхъ офиціальныхъ распоряженій, отданныхъ имъ въ связи съ происшествіемъ въ Грузинѣ, онъ писалъ Аракчееву утѣшительныя письма, писалъ и близкимъ къ Аракчееву людямъ, напр., къ Фотію, прося ихъ не оставить Аракчеева дружескимъ уходомъ въ

*) *Историческій Вѣстникъ*, 1896 г., январь. «Исповѣдь Шервуда-Вѣрнаго».

столь странное для него время, ибо, какъ выразился государь въ письмѣ къ Фотію: «служеніе Аракчеева драгоцѣнно для отечества». Аракчеевъ пребывалъ въ устраненіи отъ всякихъ дѣлъ вплоть до кончины Александра и тотчасъ вернулся къ исполненію служебныхъ обязанностей, лишь только получилъ сообщеніе, что Александра не стало.

Я не буду уже слѣдить за жизнью Аракчеева въ царствованіе Николая I. Въ сущности это была уже не жизнь, а унылое прозябаніе всѣми презираемаго и ненавидимаго старика, утратившаго со смертью Александра всякую точку опоры для какого бы то ни было значенія. Въ началѣ онъ пытался было заявлять какія то притязанія на признаніе за нимъ прежняго исключительнаго положенія. Это были жалкія попытки, тотчасъ разбивавшіяся о суровую дѣйствительность. Одинъ эпизодъ окончательно уронилъ его въ глазахъ новаго императора. Аракчеевъ былъ уличенъ во лжи: оказалось, что онъ вопреки обѣщанію, данному имъ Николаю Павловичу, издалъ за границей письма къ нему покойнаго государя. Въ концѣ-концовъ Аракчееву пришлось дойти до унизительнаго признанія во лжи и выдать печатные экземпляры названныхъ писемъ.

Послѣ этого эпизода позиція Аракчеева уже вполнѣ опредѣлилась: онъ былъ конченнымъ человѣкомъ. Характернымъ образчикомъ тѣхъ чувствъ, которыя онъ возбуждалъ къ себѣ со стороны окружающихъ, можетъ служить хотя бы слѣдующее письмо Закревскаго къ Волконскому, написанное вскорѣ послѣ кончины Александра: «если-бъ вы знали, сколь несносно теперь его (Аракчеева) существованіе въ глазахъ соотечественниковъ. Мнѣ пишутъ изъ Петербурга, что единогласно почти его ненавидятъ и, какъ чудовища, пугаются. Онъ самъ теперь раскрылъ гнусный свой характеръ тѣмъ, что когда постыдная исторія съ нимъ случилась, то онъ, забывъ совѣсть и долгъ отечеству, бросилъ все и удалился въ нору къ своимъ пресмыкающимся тварямъ, а теперь, когда лишился своего благодѣтеля, имѣлъ столько духу, что выползъ изъ западни и принялся за дѣла. Послѣ столь гнуснаго поступка не трудно угадать, какія низкія чувства у сего выродка ехидны»*).

---

*) «Сборникъ Историч. общества», т. 74, стран. 184.

Здѣсь мы разстанемся съ Аракчеевымъ. Печальный закатъ его жизни не представляетъ общеисторическаго интереса.

———

Мнѣ думается, что факты, изложенные выше, устраняютъ чувство недоумѣнія, которое испытывали многіе изъ тѣхъ, кто задумывался надъ характеромъ отношеній, связывавшихъ Александра и Аракчеева. Недоумѣніе это порождалось, главнымъ образомъ, склонностью многихъ принимать за чистую монету тѣ восхищенія личностью Аракчеева, которыя Александръ щедро разсыпалъ въ своихъ къ нему письмахъ. И являлся недоумѣнный вопросъ: какъ могъ Александру нравиться такой человѣкъ, какъ Аракчеевъ? Теперь мы знаемъ, что отношенія этихъ двухъ людей строились на иныхъ основаніяхъ. Александръ не былъ плѣнникомъ аракчеевскаго очарованія. Онъ былъ лишь тѣмъ расчетливымъ хозяиномъ, который считаетъ не лишнимъ держать у своихъ покоевъ на цѣпи злого сторожевого пса.

И все же невозможно объяснить себѣ столь продолжительной совмѣстной близости между двумя людьми безъ того, чтобы въ ихъ натурахъ не было никакой точки соприкосновенія. И такая точка была. Я вижу ее въ томъ, что и Александръ, и Аракчеевъ по отношенію другъ къ другу все время являлись актерами, одинаково искусно выполнявшими принятую на себя роль. Въ этомъ заключалось внутреннее сродство ихъ натуръ. Александръ ласкалъ Аракчеева, считая его въ душѣ «мерзавцемъ» и даже высказываясь въ этомъ смыслѣ въ минуты невольной откровенности съ окружающими людьми. Аракчеевъ всѣми доступными для него способами афишировалъ безграничную преданность Александру и въ то же время оказался способнымъ махнуть рукой на доносъ Шервуда въ такой моментъ, когда надъ головой Александра скоплялись дѣйствительныя опасности. Въ 1812 г. Аракчеевъ сказалъ: «что мнѣ до отечества, былъ бы лишь въ безопасности государь». Во имя полной искренности онъ могъ бы перефразировать это достопамятное изреченіе и сказать: «что мнѣ до государя, были бы только для меня самого обезпечены его великія и богатыя милости».

Такова именно и была основная сущность политической философіи человѣка, который первый на Руси назвалъ себя «истинно русскимъ дворяниномъ».

———

Императоръ Николай I, какъ конституціонный монархъ.

I.

Въ 131-мъ томѣ *Сборника Русскаго Историческаго Общества*, не такъ давно вышедшемъ изъ печати, помѣщена переписка между императоромъ Николаемъ Павловичемъ и его братомъ цесаревичемъ Константиномъ. Въ совокупности эти письма являются чрезвычайно цѣннымъ историческимъ источникомъ. Содержаніе ихъ почти цѣликомъ посвящено вопросамъ внутренней и внѣшней политики, и такимъ образомъ названный томъ *Сборника* Историческаго Общества представляетъ незамѣнимое пособіе для изученія и общаго политическаго міровоззрѣнія авторовъ этихъ писемъ, и ихъ отношенія къ различнымъ отдѣльнымъ явленіямъ политической жизни того времени. Эта переписка была извѣстна покойному Шильдеру, который и сдѣлалъ изъ нея рядъ существенныхъ извлеченій въ своемъ трудѣ «Императоръ Николай I, его жизнь и царствованіе». Но, разумѣется, цитаты, сдѣланныя Шильдеромъ, не могутъ замѣнить знакомства съ полнымъ текстомъ переписки, который только теперь опубликованъ во всеобщее свѣдѣніе. 131-мъ томомъ *Сборника* придется пользоваться при изученіи самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, связанныхъ съ исторіей царствованія Николая I. Въ настоящей статьѣ я предполагаю сгруппировать тѣ данныя названной переписки, которыя знакомятъ насъ съ отношеніемъ императора Николая I и его брата къ конституціонному вопросу.

Извѣстно, съ какимъ негодованіемъ отнесся императоръ Николай Павловичъ къ нарушенію конституціи Карломъ X. Монархъ, давшій обѣщаніе свято соблюдать конституціонную хартію, не долженъ нарушать своего обѣщанія; всякій coup d'état со стороны конституціоннаго монарха есть не

что иное, какъ измѣна собственному слову, вѣроломство, которое можетъ только расшатать довѣріе къ монархическому началу, — вотъ въ какомъ смыслѣ высказывался Николай Павловичъ объ изданіи Карломъ X тѣхъ противоконституціонныхъ ордонансовъ, которые, какъ извѣстно, послужили толчкомъ къ возбужденію іюльской революціи.

Императору Николаю I приходилось имѣть дѣло съ вопросами конституціоннаго права не только въ качествѣ сторонняго наблюдателя и критика политическихъ событій чужихъ странъ. Были моменты, когда ему самому выпадало на долю дѣйствовать въ качествѣ конституціоннаго государя. Вѣдь онъ вступилъ на престолъ не только самодержцемъ всероссійскимъ, но и конституціоннымъ монархомъ Царства Польскаго. Вотъ почему въ перепискѣ между Николаемъ и Константиномъ Павловичами конституціонные вопросы заняли довольно видное мѣсто, въ особенности въ связи съ нѣкоторыми чрезвычайно важными политическими обстоятельствами, которыя вскрылись въ государственной жизни Царства Польскаго тотчасъ по воцареніи Николая Павловича. Въ высшей степени любопытно бросить взглядъ на то, какія сужденія высказывали по этимъ вопросамъ императоръ Николай Павловичъ и братъ его Константинъ, столь глубоко преданные идеѣ неограниченной монархіи, столь далекіе отъ политическаго либерализма.

Императоръ Николай Павловичъ съ полной откровенностью выражалъ въ своихъ письмахъ къ брату, насколько не по душѣ была ему вообще представительная форма правленія. Въ одномъ письмѣ онъ говоритъ о своемъ отвращеніи (répugnance) и своей отчужденности (éloignement) отъ всего того, что связано съ народнымъ представительствомъ. Мысль о томъ, что въ составѣ его владѣній находятся области, пользующіяся народнымъ представительствомъ, вызывало въ немъ непріятное настроеніе, и порою онъ всѣхъ поляковъ иронически называлъ *депутатами*. Въ 1828 г., во время турецкой войны, въ которой польскія войска вообще не принимали участія, нѣсколько польскихъ офицеровъ были прикомандированы къ русской арміи. Сообщая цесаревичу о прибытіи этихъ офицеровъ въ императорскую квартиру въ лагерѣ близъ Базарджика, Николай Павловичъ пишетъ: «Полезно, чтобы эти *депутаты* (аминь, аминь, разсыпься) при-

смотрѣлись къ намъ и привыкли къ мысли о единствѣ націи и арміи».

«Аминь, аминь, разсыпься», — вотъ что прежде всего подвертывалось подъ перо императора, лишь только онъ вспоминалъ о польской конституціонной хартіи. Но *пока* конституція въ Царствѣ Польскомъ существовала и дѣйствовала,— какъ смотрѣлъ Николай Павловичъ на примѣненіе ея постановленій, на соблюденіе своихъ конституціонныхъ обязательствъ?

Въ перепискѣ императора Николая Павловича съ цесаревичемъ Константиномъ вопросъ о порядкѣ и предѣлахъ примѣненія конституціонной хартіи обсуждался весьма оживленно по нѣсколькимъ поводамъ: въ связи съ судомъ надъ членами польскихъ тайныхъ обществъ, открытыхъ одновременно съ процессомъ декабристовъ, въ связи съ коронаціей Николая Павловича въ Варшавѣ и въ связи съ созывомъ очереднаго сейма. Остановимся на обмѣнѣ мнѣній между императоромъ и цесаревичемъ по каждому изъ этихъ вопросовъ

II.

По мѣрѣ развитія слѣдствія надъ декабристами въ распоряженіе правительства стали поступать свѣдѣнія о томъ, что и въ Польшѣ существуютъ тайныя политическія организаціи, имѣвшія непосредственныя сношенія съ членами Южнаго Общества. Слѣдственная коммиссія узнала объ этомъ изъ показаній Пестеля и Бестужева-Рюмина, а затѣмъ еще болѣе подробный матеріалъ въ этомъ отношеніи былъ добытъ изъ разоблаченій князя Яблоновскаго. Въ виду подобныхъ открытій въ Варшавѣ былъ образованъ въ началѣ февраля 1826 г. особый слѣдственный комитетъ подъ предсѣдательствомъ графа Замойскаго. Комитетъ проработалъ болѣе года, и въ результатѣ его дѣятельности рѣшено было предать суду восемь человѣкъ, — подданныхъ Царства Польскаго и 24 поляка, состоявшихъ въ русскомъ подданствѣ, въ томъ числѣ и самаго князя Яблоновскаго.

Теперь возникалъ вопросъ о томъ, какому именно суду надлежало поручить разбирательство этого дѣла. Императоръ Николай Павловичъ пожелалъ узнать на этотъ счетъ мнѣніе цесаревича. Константинъ Павловичъ сразу сталъ въ

данномъ вопросѣ на почву строгой законности. Любопытно отмѣтить, что, препровождая императору изъ Варшавы докладъ слѣдственнаго комитета при письмѣ отъ 14-го января 1827 г., Константинъ Павловичъ счелъ нужнымъ подчеркнуть въ довольно энергичныхъ выраженіяхъ ту нейтральную позицію, котор[ую] онъ рѣшилъ держаться во все время этого процесса.

«Позволяю себѣ прибавить, — писалъ цесаревичъ въ упомянутомъ письмѣ, — что я не вмѣшивался въ слѣдствіе; образовавъ слѣдственный комитетъ, я не показывался на его засѣданіяхъ, потому что я считаю противнымъ всякому приличію и принципамъ и несвойственнымъ человѣку, сознающему свое достоинство, являться судьей въ собственомъ дѣлѣ, а между тѣмъ всѣ козни подсудимыхъ были направляемы непосредственно противъ Императорской фамиліи и въ частности противъ меня. И потому, я только выполнялъ заключенія комитета объ освобожденіи, арестованіи и распредѣленіи по группамъ подсудимыхъ. Таковъ былъ мой образъ дѣйствій. Я надѣюсь, что при безпристрастной его оцѣнкѣ будетъ отдана справедливость моей лояльности и моему прямодушію». Извѣстно, что императоръ Николай Павловичъ дѣйствовалъ иначе во время слѣдствія по дѣлу о декабристахъ въ Петербургѣ; онъ принималъ самое активное личное участіе въ первоначальныхъ допросахъ и весь дальнѣйшій ходъ дѣла держалъ подъ своимъ непосредственнымъ направляющимъ руководствомъ.

Неодинаково было первоначальное отношеніе братьевъ и къ вопросу объ организаціи суда надъ членами польскихъ тайныхъ обществъ. Николай Павловичъ началъ съ предложенія учредить для этой цѣли въ Варшавѣ судъ на такихъ же началахъ, какъ и петербургскій верховный уголовный судъ, которому были преданы декабристы. Любопытно отмѣтить, что Николай Павловичъ высказывалъ при этомъ весьма высокое мнѣніе о совершенствѣ петербургскаго суда надъ декабристами. «Въ Россіи, — писалъ онъ брату отъ 15-го сентября 1826 г., — я далъ этимъ примѣръ судебнаго процесса, построеннаго почти на представительныхъ началахъ, благодаря чему предъ лицомъ всего міра было доказано, насколько наше дѣло просто, ясно, священно». Цесаревичъ совершенно не раздѣлилъ этого восхищенія передъ

петербургскимъ процессомъ декабристовъ и въ гораздо большемъ согласіи съ дѣйствительностью писалъ онъ императору отъ 12-го октября, что во всѣхъ конституціонныхъ странахъ уже отрицаютъ компетентность и безпристрастіе петербургскаго верховнаго суда, справедливо усматривая въ немъ судъ спеціальный, въ которомъ на ряду съ сенаторами участвовали и судьи, особо для даннаго случая назначенные; его называютъ даже чѣмъ-то въ родѣ военнаго суда, а самую форму процесса признаютъ незаконной по той причинѣ, что подсудимые были обвинены, не получивъ возможности публично защищаться. Раскрывая, такимъ образомъ, странное заблужденіе своего брата относительно мнимыхъ достоинствъ петербургскаго верховнаго суда по дѣлу о декабристахъ, Константинъ Павловичъ энергично возсталъ противъ примѣненія тѣхъ же пріемовъ къ Царству Польскому. Онъ въ особенности подчеркиваетъ при этомъ, что Польша есть страна *конституціонная* и что примѣненіе къ Польшѣ тѣхъ же началъ, на которыхъ былъ построенъ петербургскій судъ надъ декабристами, — «невозможно безъ ниспроверженія всѣхъ конституціонныхъ идей, потому что, — писалъ цесаревичъ, — въ странахъ конституціонныхъ требуются суды постоянные и процессъ гласный, какъ было и здѣсь при разборѣ дѣла Лукасинскаго, хотя это дѣло и разбиралось въ военномъ судѣ». Въ заключеніе цесаревичъ заявлялъ, что онъ изготовитъ по этому предмету особый меморіалъ, «который можетъ оказаться полезнымъ императору и ознакомить его съ тѣмъ, какъ можно будетъ поступить для того, чтобы не сойти съ почвы законности».

Эта законная почва опредѣленно предуказывалась статьей 152-й конституціонной хартіи 1815 года. Въ этой статьѣ было сказано, что дѣла о государственныхъ преступленіяхъ разсматриваются верховнымъ государственнымъ судомъ, который составляется изъ всѣхъ членовъ сената. При этомъ отнюдь не могло быть допущено спеціальное назначеніе въ составъ суда какихъ-либо лицъ кромѣ сенаторовъ. Этотъ именно порядокъ и предложилъ цесаревичъ на точномъ основаніи конституціи. И Николай Павловичъ въ концѣ-концовъ согласился съ точкой зрѣнія цесаревича. Въ отвѣтномъ письмѣ цесаревичу отъ 27-го октября 1826 г. онъ уже самъ повторяетъ мысль брата о томъ, что въ Польшѣ петербургскій

порядокъ непримѣнимъ и что въ данномъ дѣлѣ необходимо поступать въ полномъ согласіи съ закономъ.

Въ результатѣ этой переписки тѣ обвиняемые, которые принадлежали къ польскому подданству, были преданы суду, образованному на основаніи 152-й статьи хартіи, а члены польскихъ обществъ, числившіеся въ русскомъ подданствѣ, были подвергнуты суду русскаго правительствующаго сената.

Во время процесса явилась надобность доставить въ Варшаву для выслушанія ихъ показаній также и тѣхъ поляковъ, которые судились въ Петербургѣ. Въ связи съ этимъ мы встрѣчаемъ въ разсматриваемой перепискѣ небезынтересный эпизодъ. Цесаревичъ выдвинулъ предложеніе (въ письмѣ отъ 27-го мая 1827 г.), чтобы при посылкѣ въ Варшаву петербургскихъ подсудимыхъ ихъ сопровождали делегаты отъ русскаго сената для присутствованія при допросахъ. Императоръ Николай Павловичъ нашелъ это предложеніе совершенно правильнымъ и цѣлесообразнымъ, но при этомъ признался, что ему въ высшей степени трудно подобрать подходящихъ сенаторовъ для такой миссіи, «такъ какъ, — писалъ императоръ въ письмѣ отъ 11-го іюня 1827 г., —представьте, что среди всѣхъ членовъ перваго департамента сената нѣтъ ни одного человѣка, котораго можно было бы, не говорю уже послать съ пользой для дѣла, но даже просто показать *безъ стыда*. Постараюсь найти предлогъ для того, чтобы выбрать трехъ человѣкъ съ разсудительной головой изъ другихъ двухъ департаментовъ».

Читатель, естественно, можетъ удивиться этому рѣзкому отзыву о личномъ составѣ сената въ устахъ государя, который строилъ всю свою политическую систему на господствѣ бюрократіи во всѣхъ сферахъ государственной жизни. Но для тѣхъ, кто изучалъ исторію царствованія Николая I, въ такихъ отзывахъ нѣтъ ничего неожиданнаго. Это было обычное убѣжденіе Николая Павловича, который всегда цѣнилъ очень низко ту самую русскую бюрократію, въ руки которой при немъ было отдано все управленіе страной. До насъ дошли журналы секретнаго комитета, засѣдавшаго съ 1826 по 1830 г. и занимавшагося пересмотромъ всѣхъ законовъ о государственныхъ учрежденіяхъ и общественныхъ состояніяхъ. На этихъ журналахъ имѣется рядъ резолюцій Николая Павловича,

изъ которыхъ съ очевидностью явствуетъ, какимъ недовѣріемъ къ силамъ и способностямъ русской бюрократіи былъ проникнутъ этотъ государь; онъ и здѣсь выдаетъ убійственные аттестаты сенаторамъ; онъ заявляетъ, что не можетъ положиться ни въ чемъ на своихъ губернаторовъ; что все чиновничество никуда не годно. Не оттого ли этотъ государь такъ боялся всякихъ преобразовательныхъ начинаній? Всякій реформаторъ опирается на какую-нибудь вѣру: сторонникъ народоправства вѣритъ въ созидательную силу самодѣятельности народа; просвѣщенный абсолютистъ вѣритъ въ мудрость или исполнительность бюрократіи. Императоръ Николай Павловичъ одновременно и боялся народной самодѣятельности, и отдавалъ себѣ ясный отчетъ въ непригодности русскаго чиновничества для серьезнаго государственнаго дѣла. Немудрено, что его политическимъ идеаломъ стала въ концѣ-концовъ застывшая неподвижность народной жизни.

Возвратимся однако къ ближайшему предмету настоящаго очерка. Вопросъ объ организаціи суда надъ членами польскихъ тайныхъ обществъ былъ разрѣшенъ въ результатѣ настояній цесаревича согласно съ конституціей. Дѣло кончилось въ польскомъ верховномъ судѣ оправданіемъ всѣхъ подсудимыхъ. Этотъ оправдательный приговоръ глубоко поразилъ и цесаревича, и императора. Цесаревичъ, ранѣе заступавшійся передъ императоромъ за польскихъ подсудимыхъ и высказывавшій увѣренность въ томъ, что суды всего міра нашли бы для нихъ смягчающія вину обстоятельства, теперь не находилъ словъ въ своихъ письмахъ для выраженія возмущенія оправдательнымъ вердиктомъ польскаго верховнаго суда. Однако Николай Павловичъ отнесся къ этому дѣлу гораздо сдержаннѣе. Утвержденіе приговора было задержано, административному совѣту царства повелѣно было высказать свое мнѣніе о приговорѣ и о поведеніи сената въ этомъ процессѣ, а сенаторамъ было воспрещено отлучаться изъ Варшавы. Но когда административный совѣтъ высказался въ томъ смыслѣ, что приговоръ былъ поставленъ согласно съ законами и что исходъ процесса надлежитъ объяснить исключительно неудовлетворительностью уголовнаго законодательства,—Николай Павловичъ въ концѣ-концовъ утвердилъ приговоръ, хотя сенаторамъ и былъ объявленъ выговоръ.

III.

Вторымъ поводомъ къ обсужденію конституціонныхъ вопросовъ въ перепискѣ между императоромъ и цесаревичемъ послужилъ вопросъ о коронаціи въ Варшавѣ. По этому предмету конституціонная хартія 1815 г. содержала въ себѣ слѣдующій параграфъ (§ 45-й): «Всѣ Наши наслѣдники по престолу Царства Польскаго обязаны короноваться Царями Польскими въ столицѣ согласно обряду, который будетъ Нами установленъ, и приносить слѣдующую клятву: «Обѣщаюсь и клянусь передъ Богомъ и Евангеліемъ, что буду сохранять и требовать соблюденія Конституціонной Хартіи всею Моею властью».

Николай Павловичъ считалъ необходимымъ выполнить этотъ параграфъ польской конституціи, хотя и не скрывалъ того, насколько ему была непріятна предстоящая въ силу этого параграфа процедура. Онъ сильно желалъ ограничить ея выполненіе лишь самыми неизбѣжными дѣйствіями, по возможности умѣряя торжественность и многозначительность коронаціоннаго обряда, связаннаго съ присягой конституціи.

Прежде всего въ умѣ императора возникъ вопросъ, неизбѣжно ли устройство коронаціи царемъ польскимъ именно въ Варшавѣ. Существуетъ разсказъ о томъ, что Николай Павловичъ подѣлился своими размышленіями на этотъ счетъ съ кн. Ксаверіемъ Друцкимъ-Любецкимъ. «Понимаю,—сказалъ князю императоръ,—что, короновавшись уже императоромъ русскимъ, я долженъ еще короноваться и королемъ польскимъ, потому что этого требуетъ ваша конституція, но не вижу, почему такая коронація должна быть непремѣнно въ Варшавѣ, а не въ Петербургѣ или Москвѣ: вѣдь въ конституціи сказано глухо, что этотъ обрядъ совершается въ столицѣ». — «Такъ точно, — шутливо отвѣтилъ Друцкой-Любецкій, — и нѣтъ ничего легче, какъ исполнить вашу волю; стоитъ только объявить, что конституція, въ которой это постановлено, распространяется и на русскія ваши столицы».

Разумѣется Николай Павловичъ и самъ понималъ, насколько зыбки были основанія для улыбавшагося ему распространительнаго толкованія термина «столица», употребленнаго въ 45-мъ параграфѣ польской конституціи. Ясно,

что въ конституціи Царства Польскаго подъ словомъ «столица», могла разумѣться лишь столица Польши... И въ переписке съ цесаревичемъ Николай Павловичъ прямо уже ведетъ рѣчь о коронаціи въ Варшавѣ. Однако помимо вопроса о мѣстѣ коронаціи предстояло еще обсудить цѣлый рядъ другихъ невыясненныхъ пунктовъ. Въ 45-мъ параграфѣ конституціи обрядъ коронованія не былъ установленъ, было только высказано обѣщаніе установить его впослѣдствіи. При жизни императора Александра Павловича это обѣщаніе такъ и не было выполнено. И теперь предстояло ad hoc восполнить этотъ пробѣлъ конституціонной хартіи.

Николай Павловичъ запросилъ мнѣніе цесаревича по этому вопросу, а цесаревичъ счелъ необходимымъ посовѣтоваться съ Новосильцевымъ. И вотъ начинается любопытный обмѣнъ мнѣній между Варшавой и Петербургомъ. Цесаревичъ и Новосильцевъ предлагаютъ окружить коронацію въ Варшавѣ торжественностью и блескомъ, а Николай Павловичъ не скрываетъ, насколько малопривлекательной представляется ему перспектива коронованія въ конституціонной странѣ и какъ онъ желалъ бы отнять у предстоящей церемоніи всякую внушительность. 6-го іюня 1826 г. онъ пишетъ цесаревичу: «Я очень стою за то, чтобы все это прошло съ возможно меньшими церемоніями; религіозная церемонія, разумѣется, совершенно немыслима». Въ письмѣ отъ 23-го іюня императоръ выражается еще рѣзче: «Повторяю, чѣмъ меньше будетъ *фарсовъ*, тѣмъ болѣе я буду доволенъ». Между тѣмъ Новосильцевъ предложилъ устроить коронаціонную церемонію на Вольскомъ полѣ, Николай Павловичъ рѣшительно отвергнулъ это предложеніе. «Докладная записка Новосильцева, — писалъ императоръ цесаревичу отъ 3-го августа, — весьма удивила меня; я не понимаю, какъ могъ умный человѣкъ предложить мнѣ разыграть изъ себя Квирогу или Пепе на Вольскомъ полѣ! Это уже слишкомъ... Вотъ что я предполагаю: я уже ранѣе принесъ присягу, установленную закономъ; я далъ ее по собственному побужденію и добровольно, какъ лучшее доказательство искренности моихъ намѣреній относительно польскихъ подданныхъ императора и короля. Этимъ я считаю себя выполнившимъ по отношенію къ нимъ все то, что статья хартіи вмѣняетъ мнѣ въ *обязанность* по части формы; что же касается обряда короно-

ванія, то всякая церемонія, какую я *сочту за благо* принять, получитъ силу закона; такимъ образомъ, если я созову чрезвычайный сеймъ, повторю уже принесенную мною народу присягу и *затѣмъ* предпишу отслужить благодарственное молебствіе по римскому обряду подъ открытымъ небомъ, чтобы избѣжать богослуженія въ соборѣ и чтобы при молебствіи могли присутствовать войска, — я думаю, этого будетъ достаточно; если еще прибавить къ этому торжественный выѣздъ и обычныя празднества въ городѣ, — то вотъ и довольно для зѣвакъ и черезчуръ довольно для меня, твоего бѣдняги-брата».

Императоръ былъ правъ въ своемъ истолкованіи конституціи. Установленіе коронаціоннаго обряда хартія дѣйствительно предоставляла въ полной мѣрѣ усмотрѣнію монарха, а единственное обязательное условіе, включенное въ хартію, — принесеніе присяги коронующимся монархомъ, — Николай Павловичъ предполагалъ выполнить въ точности.

Послѣ цитированныхъ только-что писемъ вопросъ о коронаціи въ Варшавѣ заглохъ на три года. До окончанія суда надъ членами польскихъ тайныхъ обществъ о коронаціи нечего было и думать. Въ 1829 г. императоръ и цесаревичъ возвращаются къ этому вопросу, и въ ихъ сужденіяхъ обнаруживаются уже нѣкоторыя отступленія отъ заявленій, сдѣланныхъ ими въ 1826 г. Въ письмѣ отъ 18-го марта 1829 г. Николай Павловичъ уже отказывается отъ своей прежней мысли о томъ, что присяга монарха народу, данная при воцареніи, должна быть повторена при коронаціи. Теперь онъ начертываетъ такой планъ коронаціонной церемоніи: «Должностныя лица и члены сейма соберутся въ залѣ сената; духовенство прибудетъ туда изъ собора процессіей; въ залѣ сената будетъ устроенъ алтарь. Когда всѣ будутъ въ сборѣ, мы явимся; я возложу на себя корону, послѣ чего надѣну на мою жену цѣпь ордена Бѣлаго орла. Затѣмъ епископъ при общемъ колѣнопреклоненіи прочтетъ молитву, полагающуюся у насъ при коронованіи, съ необходимыми измѣненіями. Послѣ я на колѣняхъ прочту то, что читается государемъ при этомъ случаѣ. Въ заключеніе — молебствіе по обряду католической церкви и — все. Далѣе, большой обѣдъ, на слѣдующій день балъ съ польскими дамами. Послѣ того, какъ я уже включилъ формулу присяги въ манифестъ о восшествіи на престолъ,

я считаю безполезнымъ и неподходящимъ повторять ее еще разъ, тѣмъ болѣе, что молитва при коронаціи великолѣпна и представляетъ собой родъ клятвы, приносимой монархомъ Богу, *а не людямъ*» (курсивъ — въ оригиналѣ письма).

Если Николай Павловичъ, вопреки своимъ предположеніямъ 1826 г., отказался теперь отъ произнесенія присяги при самой коронаціи, то цесаревичъ Константинъ, наоборотъ, пошелъ дальше того, что имъ было предлагаемо три года назадъ, и съ особенной настойчивостью сталъ указывать на необходимость церковной церемоніи въ католическомъ соборѣ. «На мой взглядъ, — писалъ цесаревичъ брату въ отвѣтъ на приведенное выше письмо, — вы должны изъ сената отправиться въ соборъ для совершенія молебствія по католическому обряду; это явится доказательствомъ терпимости и покровительства всѣмъ исповѣданіямъ; оттуда вамъ слѣдуетъ прибыть въ нашу часовню въ замкѣ для совершенія молебствія по нашему обряду, и тогда все будетъ правильно. Богъ призвалъ васъ править народомъ иного исповѣданія, нежели ваше, и вамъ надлежитъ покровительствовать этому исповѣданію, уважать его и поддерживать, а не наносить ему удара. Вамъ не подходитъ, какъ всякому другому, вмѣшиваться въ пререканія; предоставьте людямъ свободу вѣры, отъ этого не уменьшится ихъ вѣрность и благодарность; тѣмъ болѣе, что присутствованіе при молебнѣ не означаетъ участія въ таинствѣ, вы будете тамъ лишь зрителемъ, и, наоборотъ, публика будетъ зрительницей нашего молебствія. Таково мнѣніе мое и я не могу измѣнить его. Наши войска присутствуютъ же на торжествахъ при римско-католическихъ мессахъ и дѣлаютъ все то же, что войска польскіе. Таковъ порядокъ, установленный покойнымъ императоромъ, и никто не возражалъ противъ этого. Вы сами были тому свидѣтелемъ во время вашего перваго пребыванія здѣсь, ваша жена также была при этомъ. Послѣдуйте моему совѣту, и, я увѣренъ, вы найдете его хорошимъ».

Николай Павловичъ отвѣтилъ на эти настоянія, что онъ не придаетъ данному вопросу большого значенія, но все же заявилъ, что ему представляется предпочтительнымъ отслужить католическое молебствіе не въ соборѣ, а на открытомъ полѣ въ присутствіи войскъ. «Главное, — писалъ онъ, — нужно избѣжать совмѣщенія обѣихъ церемоній, чтобы не

подать повода къ мысли, что самая коронація была совершена въ католической церкви». Затѣмъ императоръ заявилъ, что русское молебствіе онъ считаетъ излишнимъ на томъ основаніи, что коронованіе царя польскаго *для русскихъ* уже состоялось въ Москвѣ и повторяется въ Варшавѣ только для поляковъ. Однако Константинъ Павловичъ не удовольствовался этимъ отвѣтомъ и въ новомъ письмѣ посвятилъ этому вопросу слѣдующія строки: «Осмѣливаюсь настаивать на молебствіи въ католическомъ соборѣ болѣе, чѣмъ на чемъ-либо иномъ. Молебствіе предъ войскомъ можетъ состояться особо, но оно не будетъ соотвѣтствовать, на мой взглядъ, своему назначенію... Духовенство, присутствуя въ залѣ сената, вполнѣ явится свидѣтелемъ того, что коронованіе совершилось не въ католической церкви, и никто не будетъ противъ этого спорить. Скажу болѣе,—если бы вамъ пришлось короноваться великимъ княземъ Финляндскимъ, я былъ бы того мнѣнія, что вамъ слѣдовало бы присутствовать при лютеранской проповѣди въ знакъ уваженія къ культу, существующему у народа, надъ которымъ волею Бога вы призваны царствовать, и въ доказательство общей вѣротерпимости и отсутствія съ вашей стороны притязаній на право вмѣшиваться въ дѣла совѣсти. Прибавлю, что все это какъ нельзя болѣе будетъ гармонировать съ только-что установленной въ Англіи эмансипаціей католиковъ». Окончательное свое заключеніе по всѣмъ вопросамъ, связаннымъ съ варшавской коронаціей, Николай Павловичъ выразилъ въ письмѣ брату отъ 19-го апрѣля 1829 г. Положенія этого письма сводятся къ слѣдующему.

По вопросу о совершеніи молебствія въ католическомъ соборѣ императоръ въ концѣ-концовъ уступилъ доводамъ цесаревича. Православное молебствіе онъ призналъ окончательно излишнимъ по соображеніямъ, уже приведеннымъ выше. Вопросъ о присягѣ монарха онъ призналъ самымъ важнымъ и окончательно рѣшилъ его въ томъ смыслѣ, что присяга при коронаціи не должна имѣть мѣста, ибо, какъ выразился Николай Павловичъ: «Присяга не можетъ быть повторяема ни Государемъ, ни подданнымъ». Наконецъ, Николай Павловичъ затронулъ вопросъ о коронѣ и рѣшилъ, что корона въ имперіи и въ Царствѣ Польскомъ должна быть одна и та же въ знакъ вѣчнаго соединенія царства съ имперіей. На этомъ закончился обмѣнъ мнѣній между императо-

ромъ и цесаревичемъ по вопросамъ, связаннымъ съ коронаціей въ Варшавѣ.

IV.

Годъ варшавской коронаціи совпадалъ съ установленнымъ конституціонной хартіей срокомъ созыва очередного сейма. Обсужденіе этого вопроса также заняло не мало мѣста въ разсматриваемой перепискѣ. Николай Павловичъ находилъ нужнымъ созвать чрезвычайный сеймъ только для присутствія на коронаціи. И вотъ возникалъ вопросъ, какъ совмѣстить въ одномъ году эти два сейма, — очередной для законодательныхъ работъ и чрезвычайный для присутствія на коронаціи. Въ письмѣ отъ 16-го января 1829 г. Николай Павловичъ высказался за раздѣленіе этихъ двухъ сеймовъ и при этомъ заявилъ, что, по его мнѣнію, сеймъ законодательный не долженъ предшествовать чрезвычайному, «ибо, — писалъ императоръ, — если депутаты на законодательномъ сеймѣ наговорятъ глупостей, будетъ непріятно вторично созывать ихъ для присутствія на коронаціи». Написавъ эти строки, Николай Павловичъ прибавилъ: «Перейдемъ однако къ другому, болѣе пріятному предмету».

Итакъ затрудненіе состояло въ томъ, что согласно конституціи въ 1829 г., необходимо было созвать очередной сеймъ, возможное оппозиціонное поведеніе котораго при обсужденіи законопроектовъ могло испортить желательное для дней коронаціи настроеніе. Между тѣмъ на очереди стояли нѣкоторые вопросы, при обсужденіи которыхъ можно было предвидѣть различныя осложненія. Царству Польскому предстояло заключить заемъ. Императоръ Николай Павловичъ въ письмѣ отъ 14-го января категорически высказался за то, что дѣло о займѣ должно касаться только его самого и министра финансовъ и никого больше. Въ статьяхъ хартіи, посвященныхъ опредѣленію компетенціи сейма, о заключеніи займовъ не было сказано ни слова, хотя сейму предоставлялось утвержденіе бюджета. Цесаревичъ въ отвѣтъ на письмо брата о займѣ прочиталъ ему небольшой урокъ по конституціонному праву, очень любопытный подъ перомъ Константина Павловича. Въ письмѣ отъ 24-го января цесаревичъ писалъ: «Что касается дѣла о займѣ, я, вопреки сказанному вами, не могу согласиться съ вашимъ мнѣніемъ, ибо въ странахъ,

управляемыхъ на основаніи конституціонныхъ формъ, подобная мѣра не можетъ быть принята безъ одобренія палатъ. Доказательствомъ могутъ служить Франція и Англія. При такомъ положеніи вещей бюджеты должны быть гласны, а такъ какъ заемъ долженъ имѣть гарантіи, то онъ и не можетъ быть заключенъ безъ согласія плательщиковъ налоговъ, которымъ рано или поздно придется взять на себя его оплату. Займы Франціи на веденіе войны съ Испаніей и на греческую экспедицію были предложены и голосованы въ палатахъ; это — гарантія для гражданъ за то, что монархъ не начнетъ войны по личному капризу, такъ какъ хотя объявленіе войны и зависитъ отъ него, но, не имѣя денегъ, онъ не будетъ въ состояніи этого выполнить. Въ Англіи — то же самое, и тамъ парламентъ дебатируетъ эти вопросы, къ тому же всякій расходъ долженъ имѣетъ законное обоснованіе, ибо казна принадлежитъ не монарху, какъ у насъ, а государству и гражданамъ, которые лишь помѣщаютъ ее на сохраненіе въ казначейство съ тѣмъ, чтобы она была расходуема согласно бюджету».

Приведя эти истины конституціонализма, цесаревичъ въ томъ же письмѣ опредѣленно высказывается за необходимость созванія сейма въ указываемый конституціей срокъ. «Время коронаціи, — писалъ цесаревичъ, — можетъ быть избрано вполнѣ по вашему усмотрѣнію, но ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ въ связи съ этимъ откладывать сессію сейма». Однако въ виду совпаденія по времени созыва сейма и предполагаемаго срока коронаціи цесаревичъ находилъ въ высшей степени желательнымъ сколь возможно ограничить число вносимыхъ на сеймъ законопроектовъ, во избѣжаніе осложненій и взрыва политическихъ страстей... Если вопросъ о займѣ вообще, по его мнѣнію, не долженъ былъ миновать сейма, то въ данную именно сессію онъ совѣтовалъ свести работы законодательныхъ палатъ лишь къ самому необходимому, избѣгая по возможности всѣхъ щекотливыхъ вопросовъ. Николай Павловичъ вполнѣ согласился съ этими соображеніями и отвѣтилъ брату въ письмѣ отъ 5-го февраля 1829 г. замѣчательными словами: «Подобно вамъ я тоже опасаюсь, что въ виду существующаго настроенія умовъ въ палатахъ возникнутъ пренія, которыя могутъ принять скандальный характеръ, но... я думаю, что опасность возник-

новенія подобныхъ преній не можетъ итти въ сравненіе съ гораздо большей опасностью отъ нарушенія хартіи, если сеймъ не будетъ созванъ въ положенный срокъ».

Оставалось рѣшить вопросъ, когда же созвать сеймъ: весною или осенью 1829 г.? Николай Павловичъ высказался за весну. Цесаревичъ рѣшительно предпочиталъ осень. Какъ тщательно взвѣшивались всѣ обстоятельства при обсужденіи этого вопроса, показываютъ слѣдующія разсужденія цесаревича: къ осени умы лучше успокоятся отъ впечатлѣній, вызванныхъ процессомъ членовъ тайныхъ польскихъ обществъ; правда удобнѣе было бы созвать сеймъ до начала войны, а не послѣ открытія военныхъ дѣйствій, ходъ которыхъ трудно предугадать (предстояла война съ Турціей); но, съ другой стороны, дурная сессія передъ войной имѣетъ свои опасности, она можетъ плохо отразиться на расположенія духа въ рядахъ арміи и возбудить различныя волненія въ тылу ея. Сопоставивъ эти pro и contra, цесаревичъ высказался за созывъ сейма осенью и снова настаивалъ на томъ, чтобы программа работъ сейма была ограничена лишь второстепенными мелочами. Въ этомъ же письмѣ цесаревичъ поднимаетъ и другой вопросъ, — о мѣрахъ къ недопущенію на сеймъ знаменитаго вождя сеймовой оппозиціи Бонавентуры Нѣмоевскаго. Черезъ нѣсколько недѣль цесаревичъ снова пишетъ о сеймѣ и опять убѣждаетъ свести его работы въ предстоящую сессію «къ одной проформѣ», предлагая сейму лишь такіе законопроекты, отверженіе которыхъ не имѣло бы для правительства никакого значенія. «Если право внесенія законопроектовъ принадлежитъ правительству, то, — разсуждалъ цесаревичъ, — сеймъ не можетъ при отсутствіи законопроектовъ спрашивать у правительства, почему оно не пользуется законодательной иниціативой; отвѣтъ былъ бы очень простъ: потому что оно не видитъ въ этомъ нужды».

Въ концѣ-концовъ, какъ извѣстно, коронація состоялась въ Варшавѣ въ маѣ 1829 г., а сессія очереднаго сейма — въ маѣ и іюнѣ 1830 г. Оппозиціонное настроеніе депутатовъ не замедлило обнаружиться весьма опредѣленно во время работъ этого сейма, но въ общемъ сеймъ прошелъ довольно гладко, и опасенія, высказанныя въ письмахъ императора и цесаревича въ связи съ ожидаемой сессіей законодательныхъ палатъ, оказались преувеличенными. Приближался тра-

гическій моментъ, когда уже не сеймъ долженъ былъ явиться поприщемъ политическихъ столкновеній. Борьба готова была загорѣться на иномъ полѣ.

Я исчерпалъ тѣ мѣста разсматриваемой переписки, въ которыхъ императоръ и цесаревичъ затрогивали конституціонные вопросы. На основаніи этихъ мѣстъ можно, кажется, притти къ нѣкоторымъ общимъ заключеніямъ. И Николай Павловичъ, и его братъ не были проникнуты симпатіей къ конституціоннымъ учрежденіямъ. Императоръ Николай Павловичъ совершенно опредѣленно признавалъ, что весь строй его мысли и весь складъ его натуры были глубоко чужды *духу* конституціоннаго режима. И потому Николай Павловичъ воспользовался первымъ случаемъ для того, чтобы формально уничтожить польскую конституцію. Но тѣмъ важнѣе отмѣтить, что, пока эта конституція еще не была уничтожена, Николай Павловичъ, при всемъ стремленіи къ безграничной полнотѣ своей власти, считалъ для себя обязательнымъ точное соблюденіе конституціонныхъ формъ. Нерѣдко онъ обнаруживалъ желаніе упростить и обезцвѣтить эти формы, свести къ возможному минимуму ихъ осуществленіе... Но онъ ясно сознавалъ, какъ отвѣтственъ каждый шагъ въ этомъ направленіи. И отсюда — эти продолжительныя обсужденія подобныхъ вопросовъ въ перепискѣ съ цесаревичемъ, — обсужденія, въ которыхъ такое важное значеніе придавалось обоими корреспондентами тщательному взвѣшиванію каждаго выраженія, употребленнаго въ соотвѣтствующихъ параграфахъ конституціонной хартіи. И мы видѣли выше примѣры того, какъ императоръ Николай Павловичъ отступался порой отъ своихъ первоначальныхъ намѣреній, разъ только изъ Варшавы ему было доказано, что эти намѣренія явно идутъ вразрѣзъ съ буквой хартіи. Самое большее, на что рѣшался итти этотъ государь въ качествѣ конституціоннаго царя Польши, заключалось въ томъ, что онъ склоненъ былъ порой истолковывать въ пользу расширенія своихъ прерогативъ нѣкоторыя недомолвки, неясности, пробѣлы въ текстѣ хартіи, но передъ точно выраженнымъ смысломъ ея постановленій онъ считалъ нужнымъ преклонять свои личные желанія и вкусы. Такъ было по крайней мѣрѣ въ тѣхъ

вопросахъ, которые подвергались обсужденію въ разсматриваемой перепискѣ.

Одно изъ двухъ: или конституцію нужно уничтожить, или, — если она существуетъ, — ее нужно соблюдать, — tertium non datur: такова идея, нашедшая свое выраженіе въ разсмотрѣнныхъ нами письмахъ, вышедшихъ изъ-подъ пера людей, которые всей душой были предрасположены къ началамъ абсолютизма, но въ то же время не находили возможнымъ съ легкимъ сердцемъ и безъ дальнихъ разсужденій игнорировать моральное и политическое значеніе конституціонныхъ обязательствъ.

Внутреняя политика въ царствованіе императора Николая Павловича.

1.

ЗАДАЧИ И СРЕДСТВА ПРАВИТЕЛЬСТВА ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

Широко распространенъ тотъ взглядъ, что внутренняя политика правительства имп. Николая I была безусловно чужда какихъ-либо преобразовательныхъ начинаній, что это была политика застоя par excellence. Этотъ взглядъ не можетъ быть принятъ безъ существенныхъ оговорокъ. Особенность внутренней политики названнаго царствованія заключалась не въ недостаткѣ преобразовательныхъ попытокъ, а скорѣе наоборотъ: въ той самонадѣянности, съ которой правящая бюрократія бралась за разработку широкихъ и коренныхъ государственныхъ задачъ. И если, тѣмъ не менѣе, это царствованіе никогда и никѣмъ не будетъ названо эпохой реформъ, причина тому лежитъ въ своеобразіи пріемовъ и способовъ, посредствомъ которыхъ подготовлялись тогда задуманныя преобразованія и которыя заранѣе обрекали на полное безплодіе всѣ попытки правительства вступить на путь реформаціонной работы. — Врядъ ли кто рѣшится причислить импер. Николая Павловича къ разряду утопистовъ, а между тѣмъ политическая программа его царствованія отличалась чрезвычайной утопичностью. Двѣ несбыточныя идеи лежали въ ея основѣ: 1) мысль о возможности разрѣшенія крупныхъ государственныхъ проблемъ путемъ частичныхъ и нечувствительныхъ измѣненій въ мелкихъ подробностяхъ стараго порядка и 2) надежда провести въ жизнь реформу этого порядка при помощи тѣхъ органовъ, которые сами входили необходи-

мымъ элементомъ въ его составъ. Задумывались реформы, которыя должны были всколыхнуть самыя глубины народной жизни, и при этомъ говорилось, что преобразованіе предстоитъ осуществлять такими мѣрами, которыя «отнюдь не имѣли бы вида какой-нибудь перемѣны». Готовились снимать съ народа цѣпи крѣпостной неволи и ждали разрѣшенія этой великой проблемы отъ сановныхъ бюрократовъ, которые сами выросли цѣликомъ на горбу порабощеннаго крестьянства, а въ то же время всѣ живые побѣги прогрессивной общественной мысли взнуздывались всезахватывающей полицейской опекой. Нетрудно предугадать, что получалось въ результатѣ подготовки государственныхъ преобразованій по такому своеобразному методу. Скрипѣли перья, исписывались горы бумаги, коммиссіи и комитеты безпрерывно смѣняли другъ друга, и дѣятельность правящихъ сферъ носила всѣ видимыя черты интенсивной работы. Но эта бумажная работа не получала реальныхъ отраженій на жизненной практикѣ. Ея содержаніе сводилось къ изощренному словесному развитію нѣкоторыхъ предрѣшенныхъ положеній, въ которыхъ каждая сколько-нибудь жизнеспособная мысль всегда была обставлена коварными ограничительными оговорками, лишавшими ее всякаго практическаго значенія. — То былъ непрерывный бюрократическій «бѣгъ на мѣстѣ», подобный тому, который употребляется въ гимнастикѣ и при которомъ люди, дѣятельно двигаясь, никуда не подвигаются. Только привлеченіе къ государственной работѣ живыхъ общественныхъ силъ могло бы придать реальное значеніе преобразовательнымъ попыткамъ правительства, но такое привлеченіе какъ разъ и не входило въ политическую программу Николаевскаго царствованія: первымъ требованіемъ этой программы было отрицаніе всякаго рода общественной самодѣятельности и инціативы и уже затѣмъ вторымъ нумеромъ ставилась подготовка соціальныхъ преобразованій.

Исторія преобразовательныхъ попытокъ въ царствованіе имп. Николая Павловича представляетъ яркій образчикъ безпомощности всесильной на видъ бюрократіи, отгородившейся отъ всякаго общенія съ живыми силами страны. — Обѣ указанныя выше характеристическія черты этой политики — и сознаніе необходимости серьезныхъ преобразованій и боязнь участія общества въ ихъ разработкѣ — вы-

росли изъ одного и того же зерна, глубоко запавшаго въ душу имп. Николая. То было — 14 декабря 1825 г. — Событіе, разыгравшееся въ этотъ знаменательный день на Сенатской площади Петербурга, не выходило изъ головы императора въ теченіе всей его жизни. Оно произвело на государя двойственное впечатлѣніе. Съ одной стороны, онъ былъ потрясенъ готовностью тайныхъ обществъ прибѣгнуть къ чисто революціоннымъ средствамъ для достиженія своихъ цѣлей, и съ этого времени во всякомъ, хотя бы самомъ невинномъ, проявленіи общественной инициативы ему уже чудился призракъ кроваваго переворота. Отсюда развился тотъ невыносимый полицейскій гнетъ, который нависъ надъ русскимъ обществомъ на все 30-лѣтіе Николаевскаго царствованія. Но, съ другой стороны, декабрьское возмущеніе и вызванное имъ разслѣдованіе дѣятельности тайныхъ обществъ не могло не обнажить передъ глазами правительства картины глубокихъ политическихъ недуговъ, подтачивавшихъ благосостояніе Россіи. Сами декабристы позаботились о томъ, чтобы общественное значеніе ихъ дѣла вскрылось какъ можно ярче на учиненномъ надъ ними судѣ. Для себя лично они уже не ожидали ни снисхожденія, ни справедливости отъ своихъ судей, въ гражданское мужество и безпристрастіе которыхъ они не имѣли основанія вѣрить. Но, чувствуя себя во власти этихъ судей, передъ лицомъ самой смерти они не переставали заботиться о Россіи. Пусть — думали они — хотя бы косвенно, чрезъ фильтръ Слѣдственной Комиссіи дойдетъ до престола голосъ правды о вопіющихъ нуждахъ русской земли и, можетъ быть, кое-что изъ того, что не удалось осуществить путемъ переворота, выполнитъ впослѣдствіи сама самодержавная власть. Движимые этою мыслью, декабристы вставляли въ свои показанія на слѣдствіи обширныя разсужденія о причинахъ царящаго въ Россіи неустройства и о тѣхъ преобразованіяхъ, въ которыхъ, по ихъ мнѣнію, нуждалась страна. Много краснорѣчиваго было ими сказано, напримѣръ, объ ужасахъ крѣпостного права и о чудовищныхъ злоупотребленіяхъ администраціи. На личномъ допросѣ у государя нѣкоторые изъ нихъ ловили всякую удобную минуту, чтобы сообщить царю какую-либо изъ своихъ завѣтныхъ идей. Наконецъ, нѣкоторые декабристы обращались къ государю изъ крѣпости съ письмами, въ которыхъ опять-таки говорилось

о необходимыхъ преобразованіяхъ *). Внимательное и непредубѣжденное ознакомленіе со всѣми этими устными и письменными заявленіями декабристовъ должно было бы внушить правительству высокое представленіе о мужественномъ и безкорыстномъ патріотизмѣ ихъ авторовъ. И у насъ есть нѣкоторыя данныя, свидѣтельствующія о томъ, что правительство склонно было признать въ заявленіяхъ декабристовъ голосъ политической мудрости. Дѣлопроизводителю Слѣдственной Комиссіи Боровкову поручено было составить изъ писемъ и записокъ декабристовъ о внутреннемъ положеніи Россіи систематическій сводъ для представленія государю. Эта работа дѣйствительно была выполнена. Государь оставилъ сводъ у себя въ кабинетѣ, одинъ списокъ съ него сообщилъ цесаревичу Константину, другой — председателю комитета министровъ кн. Кочубею. Впослѣдствіи Кочубей говорилъ Боровкову: «Государь часто просматриваетъ вашъ любопытный сводъ, и черпаетъ изъ него много дѣльнаго, да и я часто къ нему прибѣгаю». — Этотъ сводъ былъ представленъ и комитету 6 декабря 1826 г., въ которомъ обсуждались проекты государственныхъ преобразованій, и о которомъ будетъ подробно разсказано въ своемъ мѣстѣ. Комитетъ, заслушавъ сводъ въ засѣданіи 27 марта 1827 г., въ своемъ «заключеніи» призналъ, что въ сводѣ «содержатся многія истины, на кои правительство отчасти обратило уже вниманіе», и положилъ «извлечь изъ сихъ свѣдѣній возможную пользу при будущихъ трудахъ своихъ», хотя и прибавилъ при этомъ, соблюдая бюрократическое приличіе, «что въ показаніяхъ злоумышленниковъ существующее дѣйствительно зло весьма увеличено, чего и ожидать надлежало отъ людей, желавшихъ прикрыть свой умыселъ благовиднымъ предлогомъ»**).

Въ запискахъ Боровкова приведенъ полный текстъ этого свода, что и дастъ намъ возможность составить понятіе о томъ, въ какой формѣ и въ какомъ объемѣ достигли престола думы, волновавшія декабристовъ и открывшія имъ путь частью на эшафотъ, частью — въ казематы Сибири.

*) Статья В. И. Семевскаго «Крестьянскій вопросъ въ Россіи во второй половинѣ XVIII и первой половинѣ XIX в.» въ сборникѣ «Крестьянскій Строй», т. I, стран. 237—241.

**) Бумаги комитета 1826 г. въ Сборникѣ Историч. Общества, т. 74, стран. 94.

Во введеніи къ своду *) очень кратко, но совершенно правильно указаны причины всеобщаго недовольства существующимъ порядкомъ. Либеральныя начинанія первыхъ лѣтъ Александровскаго царствованія развязали языки и возбудили надежды: «Всѣ свободно говорили, что думали, и по многому хорошему ждали еще лучшаго». Затѣмъ патріотическая борьба съ Наполеономъ пробудила народное самосознаніе и взрастила въ сердцахъ чувство самоуваженія и независимости. Народъ возропталъ усиленно противъ крѣпостной неволи: «Мы проливали кровь за спасеніе отечества — говорили возвратившіеся по домамъ ратники — а насъ опять заставляютъ потѣть на барщинѣ; мы избавили родину отъ тирана, а насъ опять тиранятъ господа»! — Образованное общество мечтало о водвореніи въ Россіи политической свободы. «Войска отъ генераловъ до солдатъ, пришедши въ отечество, только и толковали, какъ хорошо въ чужихъ краяхъ». Обѣщаніе дать Россіи конституцію, провозглашенное императоромъ при открытіи Варшавскаго сейма, было принято обществомъ, какъ лучъ сладкой надежды. И послѣ всего этого рѣзкій поворотъ правительственнаго курса смутилъ и ожесточилъ передовыхъ людей, а пущенная въ ходъ система усиленнаго шпіонства заставила ихъ разговаривать болѣе скрытно и тѣмъ тѣснѣе сближаться другъ съ другомъ. Репрессія сверху породила конспирацію снизу. Глубокое разстройство всѣхъ сторонъ государственной жизни питало общественное недовольство. Въ цѣломъ рядѣ пунктовъ свода перечисляются далѣе главнѣйшія изъ этихъ неустройствъ. *Законы*, полные противорѣчій, не приведены въ систему, отчего «сильные и ябедники торжествуютъ, а бѣдность и невинность страждутъ». *Судопроизводство* страдаетъ сложностью, многочисленностью инстанцій, волокитой и лихоимствомъ. *Система управленія* представляетъ полное искаженіе правильныхъ началъ; губернскія учрежденія Екатерины II извращены — губернаторы и генералъ-губернаторы хозяйничаютъ въ областяхъ, какъ настоящіе сатрапы; центральное управленіе утратило единство и представляетъ нестройную громаду; сенатъ, это хранилище законовъ, блюститель правосудія и благоустройства, обращенъ въ простую типографію, подчиненную каж-

*) «Русская Старина», 1898 г., т. 96, стран. 353—362.

дому лицу, пользующемуся довѣренностью монарха; система министерствъ привела къ полному отсутствію гласности въ дѣлопроизводствѣ и къ постоянному прикрытію злоупотребленій формальной обрядностью; въ результатѣ — произволъ восторжествовалъ по всей линіи. *Жалованье чиновникамъ* распредѣляется крайне неравномѣрно, на ряду съ огромными окладами замѣстителей разныхъ синекуръ громадная масса приказныхъ обречена работать съ утра до вечера за 30 или 40 р. ассигнаціями въ годъ. *Земскія повинности*, изнурительныя для населенія, взимаются безъ всякихъ формъ, безъ всякой повѣрки, безъ всякаго учета. Наложеніе этихъ повинностей предоставляется всецѣло усмотрѣнію мѣстныхъ властей: «Стоило губернатору пожелать награды, и вся губернія, стеная, вынуждена была приносить величайшія пожертвованія». *Выбиваніе недоимокъ* приводитъ населеніе къ полному оскудѣнію и упадку духа.

Казенное хозяйство — лишено планомѣрности и исполнено хищеній; искусно составляемые отчеты не имѣютъ ничего общаго съ дѣйствительнымъ положеніемъ финансовъ; господство казенныхъ монополій подрываетъ промышленность, разоряетъ и развращаетъ народъ. *Торговля* разстроена неустойчивостью тарифной политики. *Состояніе флота* сводится къ отсутствію флота: «корабли ежегодно строились, отводились въ Кронштадтъ и нерѣдко гнили, не сдѣлавъ ни одной кампаніи. Итакъ, переводится послѣдній лѣсъ, тратятся деньги, а флота нѣтъ». *Дворяне-помѣщики и крѣпостные крестьяне* живутъ въ ужасныхъ условіяхъ. Помѣщики неистовствуютъ надъ своими крестьянами, «продавать въ розницу семьи, похищать невинность, развращать крестьянскихъ женъ считается ни во что, что и дѣлается явно, не говоря уже о тягостномъ обремененіи барщиною и оброками. *Духовенство* сельское предано пьянству и не имѣетъ никакого нравственнаго авторитета. *Купечество* находится въ угнетенномъ положеніи, оно страдаетъ и отъ торговопромышленнаго кризиса послѣ 1812 г., расшатавшаго многія состоянія, и отъ стѣснительныхъ узаконеній: права, облагораживающія гражданъ, присвоены закономъ не лицу, а капиталу, и потому добродѣтельный, но бѣдный купецъ остается въ низшемъ званіи, тогда какъ безчестный, но богатый, объявя капиталъ, получаетъ права, равняющія его съ знатнѣйшимъ дворянствомъ.

Казенные крестьяне, отданные въ полную власть земской полиціи, уѣздныхъ судовъ и губернскихъ правленій, совершенно разоряются частыми набѣгами чиновниковъ. Никто о нихъ не печется, никто не отвѣтствуетъ за ихъ благосостояніе. Сводъ заканчивается знаменательнымъ заключеніемъ, въ которомъ, указаны многочисленныя трудныя и сложныя задачи, предстоящія правительству: «надобно даровать ясные, положительные законы, водворить правосудіе учрежденіемъ кратчайшаго судопроизводства, возвысить нравственное образованіе духовенства, подкрѣпить дворянство, упавшее и совершенно разоренное займами въ кредитныхъ учрежденіяхъ, воскресить торговлю и промышленность незыблемыми уставами, направить просвѣщеніе юношества сообразно каждому состоянію, улучшить положеніе земледѣльцевъ, уничтожить унизительную продажу людей, воскресить флотъ, поощрить частныхъ людей къ мореплаванію, словомъ — исправить *неисчисленные безпорядки и злоупотребленія*».

Такими чертами изображено было на основаніи показаній декабристовъ внутреннее состояніе Россіи. Даже и подъ перомъ благонамѣреннаго чиновника, какимъ былъ составитель свода, картина эта сохранила достаточную долю выразительности. Глубокія, коренныя реформы, обнимающія всѣ стороны государственнаго быта, — вотъ что выдвигалось на очередь жизненными потребностями Россіи. Сопоставленіе заключенія свода съ его введеніемъ должно было навести на мысль, что всѣ указанныя реформы могли быть осуществлены лишь при помощи благомыслящихъ передовыхъ представителей самаго общества. Но, какъ уже было сказано, правительство имп. Николая Павловича разъ навсегда отказалось отъ услугъ общественной самодѣятельности. Лучшіе люди земли были посланы на эшафотъ и за Уралъ, а выполненіе выставленной ими программы преобразованій было возложено на сановниковъ, или цѣликомъ вскормленныхъ бюрократической рутиной, или уже утратившихъ подъ ударами жизненныхъ превратностей былую смѣлость независимой мысли. Подъ покровомъ тайны, среди безгласнаго общества пошли черепашьимъ ходомъ правительственныя работы.

Устраняя общество отъ обсужденія государственныхъ вопросовъ и, тѣмъ болѣе, отъ всякаго участія въ ихъ разрѣ-

шеній, правительство Николая I переносило то же недовѣріе и мнительную подозрительность даже и на высшія государственныя учрежденія. Достаточно сказать, что самъ государственный совѣтъ тщательно былъ оберегаемъ отъ ознакомленія съ нѣкоторыми государственными тайнами. Внесеніе дѣла въ государственный совѣтъ почиталось уже опаснымъ шагомъ въ смыслѣ возможнаго разглашенія въ публикѣ офиціальныхъ «предначертаній» и, напримѣръ, для сокрытія истинныхъ размѣровъ государственнаго дефицита въ государственный совѣтъ на обсужденіе вносились завѣдомо подтасованныя бюджетныя росписи *). Правительство пряталось не только отъ общества, но и отъ своихъ собственныхъ органовъ. Для обсужденія плановъ государственныхъ нововведеній ради избѣжанія огласки примѣнялся особый аппаратъ такъ-называемыхъ *«секретныхъ комитетовъ»*. Здѣсь претендовавшее на всемогущество правительство прибѣгало къ пріемамъ настоящихъ заговорщиковъ для сокрытія своихъ замысловъ. Иногда такимъ комитетамъ умышленно присваивалось названіе, совершенно несоотвѣтствовавшее настоящему предмету ихъ работъ. Такъ, когда въ 1839 г. былъ учрежденъ комитетъ по вопросу объ измѣненіи быта крѣпостныхъ крестьянъ, ему было присвоено «съ цѣлью отклоненія всѣхъ подозрѣній и догадокъ» вымышленное названіе «комитета для уравненія земскихъ повинностей въ западныхъ губерніяхъ» **). Тайна этихъ комитетовъ должна была соблюдаться даже для тѣснаго круга тѣхъ сановниковъ, которые сами участвовали въ подобныхъ работахъ, но почему-либо не были назначены въ данный комитетъ. Такъ, когда комитету 6 декабря, — о которомъ см. ниже — явилась надобность выслушать по нѣкоторымъ вопросамъ мнѣніе министра финансовъ Канкрина, не состоявшаго въ числѣ членовъ комитета, государь разрѣшилъ пригласить туда названнаго министра на нѣсколько засѣданій, но «отнюдь не открывая ему о существованіи комитета 6-го декабря» ***). И гр. Канкринъ дѣйствительно засѣдалъ въ комитетѣ, не зная или дѣлая видъ, что не знаетъ, гдѣ онъ находится. Ему было сказано,

---

*) Бліохъ — «Финансы Россіи».

**) Такъ свидѣтельствуетъ участникъ работъ комитета баронъ Корфъ Сборникъ Истор. Общества, т. 98, стран. 107.

***) Сборн. Ист. Общ., т. 74, стран. 335, примѣч.

что онъ приглашенъ въ отдѣльное совѣщаніе, якобы созванное *только* по тому вопросу, по которому понадобилось его заключеніе. Могла ли итти дальше оригинальная конспирація въ практикѣ государственныхъ совѣщательныхъ собраній?!

Общій характеръ дѣятельности всѣхъ этихъ совѣщаній по разработкѣ государственныхъ преобразованій ярко обрисовывается въ слѣдующемъ разговорѣ двухъ членовъ такихъ собраній, переданномъ однимъ изъ участниковъ разговора, тѣмъ же бар. Корфомъ. При разъѣздѣ съ засѣданія одного изъ такихъ комитетовъ нѣкто сказалъ Корфу: «Въ томъ-то и бѣда наша: коснуться *одной* части считаютъ невозможнымъ, не потрясая цѣлаго, а коснуться *цѣлаго* отказываются потому, что, дескать, опасно тронуть 25 милліоновъ народу. Какъ же изъ этого выйти?» — «Очень просто — отвѣчалъ Корфъ — не трогать ни части, ни цѣлаго; такъ мы, можетъ быть, долѣе проживемъ!» *). По возможности ничего не трогать — таковъ и былъ въ дѣйствительности завѣтный лозунгъ сановныхъ реформаторовъ, засѣдавшихъ въ секретныхъ комитетахъ при Николаѣ Павловичѣ. Этотъ лозунгъ не былъ выставляемъ на видъ, но онъ неизмѣнно чувствуется во всѣхъ благожелательныхъ періодахъ канцелярской риторики, которыми наполнялись журналы засѣданій упомянутыхъ комитетовъ. Самъ императоръ охотно шелъ навстрѣчу всякому намеку на желательность ограниченія предполагаемыхъ преобразованій болѣе узкими предѣлами и легко становился на ту точку зрѣнія, что «обсужденіе» реформъ не должно завершаться ихъ «осуществленіемъ». Все это не могло, конечно, способствовать производительности преобразовательныхъ начинаній Николаевскаго правительства.

2.

КОМИТЕТЪ 6 ДЕКАБРЯ.

Длинный рядъ секретныхъ комитетовъ, дѣйствовавшихъ въ царствованіе Николая Павловича, открылся такъ-называемымъ комитетомъ 6 декабря. — Онъ былъ учрежденъ 6 де-

*) Сборн. Истор. Общ., т. 98, стран. 237.

кабря 1826 г. и проработалъ до 1830 г. По нѣкоторымъ соображеніямъ мы считаемъ необходимымъ остановиться съ извѣстной подробностью на работахъ этого комитета. Во-первыхъ, его работы очень полно освѣщены изданными въ печати журналами его засѣданій *). — Во-вторыхъ, въ этомъ первомъ по времени комитетѣ программа задуманныхъ преобразованій была поставлена всего шире и систематичнѣе. Всѣ послѣдующіе комитеты разрабатывали лишь отдѣльныя части этой программы, почти не сходя съ той почвы, на которую онѣ были поставлены въ комитетѣ 6 декабря. Отправныя точки зрѣнія и пріемы обсужденія государственныхъ вопросовъ, усвоенные названнымъ комитетомъ, послужили характеристическимъ образцомъ для всѣхъ совѣщательныхъ собраній Николаевскаго царствованія.

Комитетъ былъ учрежденъ подъ предсѣдательствомъ гр. Кочубея, членами комитета были назначены — гр. Толстой, Васильчиковъ, кн. Голицынъ, бар. Дибичъ, Сперанскій и въ качествѣ дѣлопроизводителя — Блудовъ. Комитету было поручено 1) обозрѣть разныя предположенія, найденныя въ бумагахъ покойнаго императора, 2) по связи этихъ предположеній со всѣми почти важнѣйшими предметами управленія обозрѣть всѣ части управленія и намѣтить правила къ лучшему ихъ устройству. Разсмотрѣніе проектовъ, найденныхъ въ кабинетѣ покойнаго императора, заняло не много времени. Покончивъ довольно быстро съ этими проектами, комитетъ перешелъ къ чтенію существующихъ положеній о высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ — государственномъ совѣтѣ, сенатѣ и министерствахъ, при чемъ по мѣрѣ чтенія намѣчались желательныя измѣненія въ этихъ положеніяхъ. Далѣе комитетомъ былъ разсмотрѣнъ и съ нѣкоторыми измѣненіями принятъ проектъ новаго устройства мѣстнаго управленія, составленный Сперанскимъ. Наконецъ, комитетъ выработалъ проектъ «закона о состояніяхъ», въ которомъ были намѣчены нѣкоторыя измѣненія въ юридическомъ положеніи различныхъ сословій. Главной рабочей силой комитета явился Сперанскій. Его перу принадлежали обширныя записки и проекты, которые легли въ основаніе принятыхъ комитетомъ предположеній. — Ошибочно было бы

*) Сборн. Ист. Общ., т. т. 74 и 90.

принять имя Сперанскаго за ручательство глубины и широты преобразовательныхъ идей, восторжествовавшихъ въ комитетѣ. Самъ Сперанскій не былъ уже въ это время тѣмъ смѣлымъ реформаторомъ, какимъ онъ явился нѣкогда въ періодъ фавора при Александрѣ I. Все, выходившее изъ-подъ его пера, попрежнему было отмѣчено блескомъ удивительнаго техническаго мастерства въ формулированіи сложныхъ вопросовъ. Но былая смѣлость мысли въ его построеніяхъ смѣнилась теперь заботливымъ стремленіемъ къ охранѣ существующихъ отношеній. Онъ уже не предлагалъ коренныхъ реформъ, всѣ усилія его изобрѣтательности были направлены на сооруженіе отдѣльныхъ заплатъ для ветхаго рубища стараго государственнаго порядка. Вотъ почему участіе Сперанскаго въ комитетѣ 6 декабря ни въ чемъ не могло измѣнить общаго тона комитетскихъ работъ, неизмѣнно направлявшихся на то, чтобы свести на нѣтъ результаты предпринятаго пересмотра государственнаго устройства Россіи. — Въ журналѣ одного изъ засѣданій комитетъ ясно высказалъ ту мысль, что онъ ставитъ цѣлью своихъ трудовъ «не полное измѣненіе существующаго порядка управленія, но его усовершеніе посредствомъ нѣкоторыхъ частныхъ перемѣнъ и дополненій» *). — Эта мысль послѣдовательно была проведена черезъ всѣ работы комитета, какъ по отношенію къ переустройству государственныхъ учрежденій, такъ и по отношенію къ пересмотру положенія о сословіяхъ.

Въ основаніе пересмотра «Положеній» о государственныхъ учрежденіяхъ комитетъ поставилъ принципъ раздѣленія властей, принятый имъ, впрочемъ, въ весьма своеобразной формулировкѣ, по которой выходило, что осуществленіе этого принципа органически связано съ самодержавіемъ монарха. Необходимость разграниченія властей комитетъ объяснилъ себѣ тѣмъ, что «государь, будучи самодержавнымъ, не ввѣряетъ никому власти во всемъ пространствѣ ея, но употребляетъ отдѣльно удостоенныя довѣренности его мѣста и лица *или* для совѣщаній при составленіи новыхъ и пересмотрѣ прежде изданныхъ узаконеній, *или* для проведенія въ исполненіе обнародованныхъ законовъ, *или* для наблюденія за точностью и правильностью сего исполне-

*) Сборн. Ист. Общ., т. 74, стран. 264.

нія»*). Комитетъ справедливо полагалъ, что строй государственныхъ учрежденій Россіи представляетъ собою картину полнаго смѣшенія властей — судныя дѣла нерѣдко поступали въ комитетъ министровъ и въ государственный совѣтъ, а, съ другой стороны, сенатъ помимо отправленія судебныхъ функцій входилъ и въ дѣла правительственныя. **). Комитетъ поставилъ себѣ задачей провести точныя разграничительныя линіи между компетенціей различныхъ государственныхъ установленій. При этомъ предполагалось оставить государственному совѣту только законосовѣщательныя функціи. — Функціи верховнаго судилища сосредоточить въ судебномъ сенатѣ, а дѣла управленія раздѣленныя между сенатомъ и комитетомъ министровъ, ввѣрить особому правительствующему сенату, составленному изъ главныхъ начальниковъ разныхъ частей управленія и другихъ лицъ, удостоенныхъ особой довѣренности монарха, при чемъ комитетъ министровъ подлежалъ бы полному упраздненію ***). Всѣ измѣненія, намѣченныя затѣмъ комитетомъ въ дѣйствующихъ положеніяхъ о высшихъ государственныхъ установленіяхъ, и сводились либо къ чисто техническимъ и редакціоннымъ поправкамъ, либо къ болѣе точному разграниченію вѣдомствъ на вышеуказанныхъ основаніяхъ. Комитетъ обнаружилъ при этомъ удивительное мастерство по части подмѣны принципіальныхъ нововведеній чисто формальными, наружными измѣненіями, въ существѣ дѣла ничего не измѣнявшими въ положеніи вещей. Нерѣдко самъ императоръ въ своихъ заключеніяхъ по журналамъ комитета дѣлалъ отмѣтки, выражавшія недоумѣніе передъ словесными фокусами, съ помощью которыхъ комитетъ подъ видомъ чего-то новаго узаконялъ старый порядокъ, только что имъ самимъ обстоятельно и убѣдительно раскритикованный.

Я не буду останавливаться на тѣхъ предложеніяхъ комитета, которыя носили характеръ чисто техническихъ или редакціонныхъ поправокъ къ тексту старыхъ законовъ. Я отмѣчу только тѣ предложенныя комитетомъ перемѣны, которыя исходили изъ принципіальныхъ соображеній комитета.

*) Ibid., стран. 7.
**) Ibid., стран. 9.
***) Ibid., стран. 9.

Мы увидимъ на этихъ примѣрахъ, къ чему сводилось «принціальное» преобразовательное творчество сановныхъ совѣтниковъ имп. Николая I.

Разсматривая учрежденіе государственнаго совѣта, комитетъ призналъ необходимымъ освободить это законосовѣщательное учрежденіе отъ всякихъ судебныхъ и правительственныхъ функцій. Для этой цѣли комитетъ постановилъ категоричнѣе и яснѣе выразить то правило, что «государственный совѣтъ никогда не судитъ дѣлъ частныхъ и всѣ свои заключенія представляетъ въ видѣ закона или учрежденія для разрѣшенія не въ одномъ случаѣ, а во всѣхъ однородныхъ» *). Но одно дѣло — «установленіе правила», другое дѣло — «*приложеніе онаго*». Комитетъ 6 декабря строго различалъ эти два понятія, и если «правило объ отдѣленіи части судной отъ законодательной единогласно признано было въ комитетѣ неоспоримымъ», то, съ другой стороны, «относительно къ приложенію онаго разсуждаемо было», что это «неоспоримое правило» полнаго осуществленія получить не можетъ. Какъ быть съ тѣми дѣлами, которыя раньше восходили изъ сената на разрѣшеніе государя чрезъ государственный совѣтъ? Направлять эти дѣла изъ сената прямо государю, минуя государственный совѣтъ? По мнѣнію комитета, это было бы рискованно «при нынѣшнемъ неустройствѣ части судной» (несмотря на то, что и «судная часть» должна была подвергнуться переустройству въ томъ же самомъ комитетѣ). Попрежнему вносить такія дѣла на разсмотрѣніе государственнаго совѣта? Но это было бы нарушеніемъ только что провозглашеннаго начала разграниченія вѣдомствъ. И вотъ комитетъ придумываетъ слѣдующую комбинацію: разсмотрѣніе докладовъ, подносимыхъ государю отъ сената, не поручать впредь государственному совѣту, дабы устранить изъ него дѣла судныя, но учредить для этого особую комиссію изъ членовъ государственнаго же совѣта съ тѣмъ однако, чтобы она была внѣ совѣта! **)

Императоръ въ своей резолюціи на это предложеніе справедливо замѣтилъ, что порядокъ разсмотрѣнія не измѣнится отъ того, будетъ ли проектируемая комиссія значиться «въ

*) Ibid., стран. 28.
**) Ibid., стран. 20.

совѣтѣ» или «внѣ совѣта». Съ своей стороны государь предложилъ учредить такую комиссію при совѣтѣ, но зато предписать ей такія правила, чтобы она не могла обратиться въ судебную инстанцію, а ограничивалась бы лишь составленіемъ заключеній по докладамъ сената *). Такъ, судебныя дѣла и не были окончательно вынесены изъ круга занятій государственнаго совѣта въ составленныхъ комитетомъ проектахъ.

Вопросъ объ отношеніи государственнаго совѣта къ дѣламъ текущаго *управленія* приводилъ комитетъ къ многократнымъ сужденіямъ о разграниченіи правъ совѣта, сената и министровъ. Принятое комитетомъ начало «раздѣленія вѣдомствъ» требовало, съ одной стороны, полнаго исключенія изъ компетенціи совѣта дѣлъ, принадлежащихъ до «правительственной части», а съ другой стороны, — полнаго запрещенія измѣнять, дополнять и даже толковать законы кому бы то ни было помимо государственнаго совѣта. Однако послѣдовательное примѣненіе этого правила влекло за собой, по авторитетному указанію Сперанскаго, большія практическія неудобства. Пользуясь имъ, и министры, и сенатъ всякое малѣйшее сомнѣніе, встрѣченное при исполненіи закона, предпочитаютъ вносить въ совѣтъ, теченіе дѣлъ останавливается, и количество дѣлъ нерѣшенныхъ — иногда по самымъ маловажнымъ спорамъ — накопляется до чрезмѣрности. Комитетъ задался цѣлью изыскать такой способъ разграниченія функцій различныхъ учрежденій, который бы устранялъ указанныя неудобства и въ то же время предохранялъ отъ своевольнаго толкованія законовъ. Подъ диктовку изощреннаго въ юридическомъ мышленіи Сперанскаго комитетъ положилъ различить *законы* — какъ совокупность правилъ, опредѣляющихъ отношенія подданныхъ къ правительству и другъ къ другу, *учрежденія* — какъ правила, опредѣляющія цѣль и кругъ дѣйствія правительственныхъ мѣстъ, и *уставы* — правила, опредѣляющія формы и порядокъ сихъ дѣйствій. При такомъ различеніи было предположено — *дополненіе законовъ* предоставить исключительно государственному совѣту; *объясненіе законовъ* безъ всякихъ дополненій — сенату, какъ верховному судилищу. Министры, не имѣя права ни дополненія, ни объясненія *законовъ*, полу-

*) Ibid., стран. 22—23.

чили дозволеніе *какъ объяснять, такъ и дополнять учрежденія и уставы*, наблюдая только, чтобы дополненіе и объясненіе не было противно цѣли этихъ учрежденій и уставовъ. Наконецъ, сужденіе объ уничтоженіи или ограниченіи какъ законовъ, такъ и учрежденій и уставовъ, было предоставлено опять-таки исключительно государственному совѣту *). Впослѣдствіи комитетъ счелъ однако нужнымъ и дополненіе учрежденій и уставовъ обставить болѣе стѣснительными правилами. Министрамъ было оставлено право только *объяснять* учрежденія и уставы, *дополненіе* ихъ, но лишь для опредѣленнаго единичнаго случая безъ обращенія въ общее правило, предоставлено правительствующему сенату и наконецъ дополненія общаго и постояннаго характера — только государственному совѣту **).

Надо отдать справедливость и тонкости всѣхъ этихъ различеній и тому усердію, съ которымъ члены комитета готовы были витать въ области отвлеченныхъ юридическихъ построеній. Приходится добавить только, что при установленіи столь дробныхъ и тонкихъ подраздѣленій надлежало бы подумать и о соотвѣтствующихъ реальныхъ гарантіяхъ для точнаго соблюденія всѣхъ этихъ правилъ. Никакихъ намековъ на подобныя гарантіи мы не встрѣчаемъ въ разсужденіяхъ комитета. Въ журналахъ комитета нѣсколько разъ выражена та мысль, что во избѣжаніе нарушенія вышеизложенныхъ правилъ необходимо сколь возможно яснѣе опредѣлить и разграничить въ законѣ понятія *объясненія* и *дополненія* законодательныхъ постановленій, и комитетъ удѣлилъ не мало вниманія логическимъ и стилистическимъ упражненіямъ на эту тему. Но всякій разъ, когда разсужденія подходили къ вопросу о реальныхъ политическихъ гарантіяхъ независимости властей и охраненія силы закона, комитетъ либо снималъ вопросъ съ очереди, ссылаясь на опасность коренныхъ перемѣнъ въ прежнемъ порядкѣ, либо удовлетворялся мѣрами, не имѣвшими никакого практическаго значенія. Мы сейчасъ увидимъ примѣры и того и другого въ разсужденіяхъ комитета объ устройствѣ судебнаго и правительствующаго сенатовъ и министерствъ.

*) Ibid., стран. 25—26.
**) Ibid., стран. 64, 188.

Въ сужденіяхъ комитета о сенатѣ судебномъ наибольшій интересъ представляютъ два пункта: о личномъ составѣ судебнаго сената и о независимости суда. По первому вопросу комитетъ прежде всего обратилъ вниманіе на крайне неудовлетворительный составъ сенаторовъ. «Сенатъ — сказано въ одномъ изъ журналовъ комитета — нерѣдко наполняется людьми, не имѣющими навыка въ дѣлахъ гражданскихъ, не знающими ни отечественныхъ законовъ, ни даже языка, — таковыми, кои никогда не готовили себя къ званію судіи и всю жизнь свою провели на иномъ поприщѣ» и, «ставъ членами верховнаго судилища въ преклонныхъ лѣтахъ, часто должны невольно подчинять себя вліянію товарищей своихъ или канцеляріи». Причину этого печальнаго явленія комитетъ видѣлъ въ томъ, что правительство было крайне стѣснено въ подборѣ способныхъ и достойныхъ сенаторовъ правиломъ объ опредѣленіи въ сенатъ однихъ только дѣйствительныхъ тайныхъ и просто тайныхъ совѣтниковъ. Какъ видно изъ даннаго примѣра, комитетъ могъ подчасъ весьма ярко очертить недостатки стараго строя и даже правильно указать причину этихъ недостатковъ. Оставалось отыскать средство къ устраненію зла. Тутъ-то и развертывалось во всемъ блескѣ глубокомысліе сужденій комитета. — Припомнивъ, что въ проектѣ Сперанскаго 1811 года предполагалось опредѣлять нѣкоторое число сенаторовъ по избранію дворянства, комитетъ безъ дальнихъ разсужденій и безъ всякихъ мотивовъ «отмѣнилъ сіе предположеніе» и вмѣсто того остановился на другомъ способѣ: по мнѣнію комитета, всѣ указанные недостатки должны были исчезнуть, если назначать въ судебный сенатъ не только дѣйствительныхъ тайныхъ и тайныхъ, но также и дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ! — Впрочемъ, опасаясь, чтобы столь рѣшительная мѣра не взволновала общество, комитетъ предложилъ далѣе не присвоивать этимъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникамъ наименованія сенаторовъ, а именовать ихъ «присутствующими», предоставляя имъ однако совершенное равенство съ сенаторами въ сужденіи дѣлъ и въ поданіи голосовъ *), — одна изъ тѣхъ маленькихъ терминологическихъ хитростей, въ которыхъ вельможные мужи совѣта, окружавшіе тронъ Николая Павло-

*) Ibid., стран. 92.

вича, склонны были видѣть высшую государственную мудрость. Замѣчательна резолюція, положенная государемъ на это опредѣленіе комитета. Государь находилъ, что предлагаемая комитетомъ мѣра «не можетъ имѣть тѣхъ полезныхъ послѣдствій, коихъ комитетъ ожидаетъ» въ виду того, что у государя «нѣтъ увѣренности найти въ чинѣ дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ людей, болѣе свѣдущихъ и опытныхъ въ дѣлахъ гражданскихъ» *). — Трудно сказать, что болѣе поразительно въ отмѣченномъ эпизодѣ — предложенный комитетомъ способъ исправленія полнаго разстройства сената или категорически выраженная государемъ увѣренность въ полной непригодности всѣхъ вообще высшихъ чиновниковъ къ государственной дѣятельности! Государь усматривалъ одинъ только возможный выходъ изъ представлявшагося затрудненія — замѣну іерархіи чиновъ іерархіей должностей, которая открыла бы доступъ къ высшимъ ступенямъ службы способнымъ людямъ независимо отъ чиновной выслуги. Ознакомившись на этомъ примѣрѣ съ тѣмъ, что разумѣлъ иногда комитетъ подъ «смѣлыми» нововведеніями, мы уже не удивимся тому, какимъ образомъ комитетъ «покончилъ» съ принципомъ независимости суда отъ администраціи по поводу предложенія о несмѣняемости сенаторовъ судебнаго сената. По обыкновенію комитетъ подробно очертилъ всю важность новаго принципа: «право не быть лишеннымъ мѣста своего противъ воли безъ судебнаго изслѣдованія и приговора — читаемъ въ журналѣ комитета — есть первое основаніе независимости судовъ, по справедливости столь цѣнимой въ образованнѣйшихъ государствахъ Европы». Далѣе было сказано, что правило о несмѣняемости судей «въ существѣ своемъ непреложно и неоспоримо» и тотчасъ же вслѣдъ за этими словами при помощи услужливаго союза «однако», комитетъ перешелъ къ оспариванію этого «неоспоримаго» принципа, для чего ему показались достаточными слѣдующія два соображенія: 1) комитетъ призналъ, что «благонамѣренное правительство не должно лишать себя способа обуздывать людей, не совершенно твердыхъ въ правилахъ чести», а между тѣмъ «иные члены и самыхъ высшихъ судовъ нашихъ» удерживаются отъ нарушенія служебнаго долга

*) Ibid., стран. 107.

единственно «страхомъ передъ справедливымъ гнѣвомъ государя», который можетъ поразить ихъ и тогда, когда допущенныя ими злоупотребленія не будутъ доказаны судебнымъ порядкомъ; 2) комитетъ считалъ невозможнымъ усомниться въ томъ, что верховное правительство и помимо установленія несмѣняемости судебныхъ сенаторовъ само собою будетъ пользоваться правомъ смѣщать этихъ сенаторовъ съ достаточной осторожностью и разборчивостью *). На этомъ и покончень былъ вопросъ о «непреложномъ и неоспоримомъ» принципѣ. Краснорѣчивый журналъ комитета былъ написанъ лишь для того, чтобы, воздавъ словесную хвалу хорошему принципу, оставить въ неприкосновенности противорѣчившій этому принципу старый порядокъ. На этотъ разъ и государь не счелъ нужнымъ что-либо возразить противъ журнальнаго постановленія комитета.

Вопросъ о раздѣленіи сената на два учрежденія — сенатъ судебный и сенатъ правительствующій — возникъ, какъ уже было сказано, въ цѣляхъ точнаго разграниченія суда и управленія. Въ связи съ установленіемъ особаго правительствующаго сената предполагалось совершенно упразднить комитетъ министровъ въ виду того, что это послѣднее учрежденіе, притягивая къ себѣ дѣла самаго разнороднаго характера, нарушало всякую систему и правильность въ разграниченіи компетенціи высшихъ государственныхъ установленій. И снова комитетъ 6 декабря остался вѣренъ своему излюбленному пути — либо опровергать самого себя, либо возстановлять подъ другимъ наименованіемъ учрежденіе, несостоятельность котораго только что имъ самимъ была краснорѣчиво доказана. Осудивъ комитетъ министровъ на полное упраздненіе, комитетъ 6 декабря тотчасъ же призналъ необходимымъ для объединенія дѣйствій отдѣльныхъ министерствъ учредить *внѣ сената* особое *совѣщаніе министровъ* **). Государь и на этотъ разъ не обошелъ своимъ недоумѣніемъ «терминологическую» реформу, рекомендованную комитетомъ. «Предполагаемое комитетомъ внѣ сената присутствіе или совѣщаніе министровъ — гласила резолюція государя — можетъ постепенно и нечувствительно присвоить себѣ особен-

*) Ibid., стран. 243—244.

**) Ibid., стран. 51.

ное мѣсто въ управленіи *подобно нынѣшнему комитету министровъ*, который, какъ было уже и прежде замѣчено, привлекалъ къ себѣ мало-по-малу дѣла всякаго рода» *).

Я исчерпалъ всѣ тѣ случаи, когда комитетъ 6 декабря при пересмотрѣ центральныхъ государственныхъ учрежденій останавливался на болѣе или менѣе общихъ и принципіальныхъ вопросахъ. Всѣ другія разсужденія и предложенія комитета имѣли уже исключительно одинъ техническій интересъ, какъ наприм., предположеніе о новомъ распредѣленіи дѣлъ между министерствами, объ измѣненіи числа департаментовъ въ различныхъ учрежденіяхъ и т. п. Къ чему же сводились въ концѣ концовъ проекты комитета по реформѣ центральныхъ учрежденій? Можно смѣло высказать то положеніе, что, несмотря на горы исписанной бумаги, комитетъ предлагалъ въ сущности оставить въ полной силѣ тотъ самый порядокъ, который онъ былъ призванъ реформировать. Кое-какія колесики государственной машины предлагалось подвергнуть кое-какимъ частичнымъ починкамъ. Но напрасно безпокоилъ себя комитетъ возбужденіемъ различныхъ принципіальныхъ вопросовъ, въ родѣ вопроса о «раздѣленіи властей», о «несмѣняемости судей» или даже — о существенномъ улучшеніи личнаго состава высшихъ правительственныхъ мѣстъ. Подобные вопросы были слишкомъ не по плечу сановнымъ членамъ комитета, и въ той легкости, съ которой они отъ такихъ вопросовъ отдѣлывались, обнаруживалась вся призрачность преобразовательныхъ начинаній Николаевскаго правительства. Да и на чемъ могло бы построить это правительство зданіе сколько-нибудь серьезныхъ реформъ управленія? Всякая — политическая или даже только административная — реформа предполагаетъ наличность вѣры въ силы и мудрость тѣхъ или другихъ общественныхъ элементовъ. Сторонникъ народоправства довѣряетъ мудрости народа, просвѣщенный абсолютистъ вѣритъ въ исполнительность бюрократіи. Правительство Николая Павловича боялось народа, не вѣрило и въ бюрократію. Мысль о привлеченіи общественныхъ избранниковъ къ участію въ высшемъ управленіи «оставлялась безъ уваженія», безъ дальнихъ разсужденій, но въ то же время и коренные агенты пра-

*) Ibid., стран. 58.

вительственной власти, какъ высшіе, такъ и низшіе чиновники, признавались съ высоты престола склонь неспособными или недобросовѣстными людьми, отъ которыхъ нельзя ожидать плодотворной работы на пользу родины. Мы только что видѣли, какъ низко оцѣнивалъ ихъ. Николай Павловичъ въ резолюціяхъ на журналы комитета качества носителей высшихъ гражданскихъ чиновъ въ государствѣ. Скоро мы убѣдимся, что такое же отрицательное и недовѣрчивое отношеніе императоръ распространялъ и на всю остальную массу чиновничества. О какихъ же существенныхъ усовершенствованіяхъ управленія можно было помышлять, отвергая самодѣятельность общества и не довѣряя завѣдомо негодной бюрократіи? Немудрено, что обсужденіе административныхъ реформъ ограничивалось топтаніемъ на мѣстѣ, и всякая сколько-нибудь серьезная преобразовательная идея тотчасъ признавалась неосуществимой въ условіяхъ русской дѣйствительности. Комитетъ 6 декабря не могъ обойтись безъ пространныхъ сужденій о высшихъ принципахъ управленія, это было нужно для соблюденія внѣшняго декорума, но всѣ такія сужденія сводились, въ концѣ концовъ, къ одному и тому же поученію: высшіе принципы прекрасны, непреложны и неоспоримы, но «писаны не про насъ», и о реализаціи ихъ въ Россіи мечтать не приходится. За симъ оставалось обратиться къ частичной технической чинкѣ существующаго государственнаго механизма. Однако и при этой скромной работѣ комитетъ 6 декабря ухитрился свести большую часть своихъ предложеній къ чисто наружнымъ, призрачнымъ измѣненіямъ, порою доходя до того, что подъ видомъ новаго принципа вводился въ дѣйствующую систему, не болѣе, какъ новый терминъ, прикрывавшій прежнее нетронутое содержаніе. Самъ императоръ, отнюдь не бывшій противникомъ умѣренности и осторожности въ нововведеніяхъ, не разъ приходилъ въ полное недоумѣніе передъ этой игрой въ слова, которую комитетъ считалъ серьезнымъ обсужденіемъ реформъ.

Вслѣдъ за пересмотромъ высшихъ государственныхъ учрежденій комитетъ обратился къ обзору необходимыхъ улучшеній *въ мѣстномъ управленіи*. И здѣсь комитетъ поставилъ себѣ весьма почтенную, сложную и отвѣтственную задачу съ тѣмъ, чтобы выполнить ее «легко и просто». Если въ основу

реформы центральнаго управленія комитетъ предполагалъ положить принципъ строгаго разграниченія вѣдомствъ, то при усовершенствованіи мѣстнаго управленія, помимо той же самой задачи, была поставлена еще и другая цѣль: создать надъ дѣйствіями мѣстныхъ учрежденій правильный надзоръ, «не личный и самовластный, каковъ есть надзоръ генералъ-губернатора, не слабый и ничтожный, каковъ есть надзоръ прокурора, а коллегіальный, постоянный, на твердыхъ правилахъ установленный, имѣющій средства не только заявлять безпорядки и злоупотребленія, но прекращать ихъ, останавливать зло не черезъ мѣсяцы и годы, а въ самомъ началѣ его, держать чиновниковъ въ строгой дисциплинѣ и виновныхъ преслѣдовать судомъ» *). Какимъ же способомъ предполагалось выполнить эту важную задачу водворенія строгой законности въ сферѣ мѣстнаго управленія? Казалось бы, указанная задача могла быть осуществлена только путемъ коренного переустройства всей системы мѣстныхъ учрежденій. Но мы уже знаемъ, насколько способенъ былъ комитетъ 6-го декабря къ созданію плановъ широкихъ преобразованій. Комитетъ удовольствовался тѣмъ, что принялъ почти безъ измѣненій составленный Сперанскимъ «проектъ губернскаго учрежденія». Въ этомъ проектѣ весь составъ мѣстныхъ учрежденій былъ оставленъ въ прежнемъ его видѣ, а для обезпеченія правомѣрнаго контроля за дѣйствіями этихъ учрежденій предлагалось только установить общія присутствія всѣхъ административныхъ и отдѣльно всѣхъ судебныхъ мѣстъ въ губерніяхъ и уѣздахъ, давъ этимъ общимъ присутствіямъ особыхъ предсѣдателей: въ губернскомъ общемъ присутствіи предсѣдательство предлагалось поручить гражданскому губернатору, а въ судебномъ общемъ присутствіи — особому чиновнику съ наименованіемъ главнаго губернскаго судьи; предсѣдательство въ уѣздныхъ общихъ присутствіяхъ, если не въ видѣ общеобязательнаго правила, то въ видѣ весьма желательной мѣры, предлагалось возложить на уѣзднаго предводителя дворянства **). Легко видѣть, что удовольствоваться такими мѣрами для водворенія твердой законности въ мѣстномъ управленіи могъ только тотъ реформаторъ, ко-

*) Ibid., стран. 379—380.
**) Ibid., стран. 379—383.

торый заранѣе рѣшилъ воздержаться отъ какой бы то ни было настоящей реформы. Государь одобрилъ сущность предложеній Сперанскаго, но высказалъ сильное сомнѣніе въ осуществимости даже и такого скромнаго нововведенія. Въ этихъ сомнѣніяхъ съ новою силою обнаружилось отсутствіе у государя увѣренности въ жизнеспособности того бюрократическаго строя, который имъ самимъ ставился во главу угла управленія Россіей. Государь недоумѣвалъ, кѣмъ удастся замѣстить должности председателей проектируемыхъ «общихъ присутствій». Найти для замѣщенія этихъ должностей около 500 надежныхъ чиновниковъ представлялось государю невозможнымъ. Предоставленіе названныхъ мѣстъ предводителямъ дворянства въ видѣ общаго правила вызвало бы большія затрудненія: многіе предводители стали бы тяготиться новыми обязанностями, а принужденіе къ принятію этихъ мѣстъ могло бы быть истолковано, какъ нарушеніе преимуществъ, дарованныхъ дворянскою грамотою. Наконецъ, занимая должности правителей уѣздовъ, предводители дворянства могли бы къ ущербу для дѣла увлекаться односторонней защитой интересовъ только одного своего сословія. Можно было бы предоставить губернаторамъ замѣщать эти должности по своему усмотрѣнію, но — спрашивалъ опять императоръ — «можно ли на губернаторовъ положиться?» Въ концѣ концовъ выходило, что при существующихъ порядкахъ ни въ чемъ ни на кого положиться невозможно, а между тѣмъ внести въ эти порядки сколько нибудь основательныя передѣлки разъ навсегда было признано нежелательнымъ и опаснымъ. Получался по истинѣ безвыходный кругъ, въ виду котораго невольно шевелится вопросъ: зачѣмъ безпокоили себя люди созывомъ какихъ-то комитетовъ, составленіемъ какихъ-то протоколовъ и проектовъ, разъ твердо было рѣшено замкнуться въ такомъ кругѣ? Государь остановился въ концѣ концовъ на томъ, чтобы для замѣщенія названныхъ должностей извѣстное число кандидатовъ намѣчалось по выбору дворянства и такое же число — по предложенію губернскаго начальства съ предоставленіемъ окончательнаго выбора высшему правительству *). Иначе говоря, не довѣряя ни дворянамъ, ни чиновникамъ, государь

*) Ibid., стр. 429—430.

предполагалъ возложить опредѣленіе кандидатовъ и на тѣхъ и на другихъ съ тѣмъ, чтобы можно было выборъ однихъ повѣрить выборомъ другихъ. Выходъ изъ затрудненія — весьма проблематичный и очевидно принятый лишь за полной невозможностью придумать что-либо иное при данныхъ условіяхъ.

Въ связи съ обсужденіемъ реформы мѣстнаго управленія комитетомъ 6 декабря былъ разсмотрѣнъ составленный въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ проектъ новаго положенія «о дворянскихъ выборахъ и другихъ дѣйствіяхъ собранія дворянства». Два пункта въ сужденіяхъ комитета по этому вопросу заслуживаютъ быть отмѣченными: 1) комитетъ предлагалъ отмѣнить трехлѣтній срокъ для службы по дворянскимъ выборамъ въ судебныхъ должностяхъ, сдѣлавъ эту службу безсрочной, и 2) комитетъ призналъ необходимымъ ограничить участіе въ дворянскихъ выборахъ мелкомѣстныхъ дворянъ установленіемъ значительнаго имущественнаго ценза для дворянъ-избирателей, безъ распространенія, однако, этихъ цензовыхъ ограниченій на пользованіе пассивнымъ выборнымъ правомъ.

Второе важное дѣло комитета 6 декабря помимо обсужденія административныхъ преобразованій заключалось въ составленіи проекта «закона о состояніяхъ». Исторія составленія этого проекта богата чертами, весьма характерными для соціальной политики императорскаго правительства первой половины XIX вѣка и въ частности для преобразовательныхъ начинаній Николаевскаго царствованія. Дѣло началось съ того, что по одному частному поводу имп. Николай Павловичъ поручилъ комитету 6 декабря заняться вопросомъ о воспрещеніи продажи людей безъ земли *). Комитетъ, по обыкновенію отдавъ должное важности и даже необходимости предполагаемой новой законодательной мѣры, тотчасъ же выдвинулъ рядъ соображеній о неудобствахъ и опасностяхъ ея осуществленія. Запрещеніе продажи крѣпостныхъ безъ земли — разсуждалъ комитетъ — покажется стѣсненіемъ права собственности для многочисленнаго класса необразованныхъ и закоснѣлыхъ въ грубыхъ привычкахъ помѣщиковъ. Хотя комитетъ и замѣтилъ, что «подобные симъ

*) Ibid., стр. 133—134.

предразсудки безъ сомнѣнія *не должны* останавливать мудрое и твердое правительство въ дѣйствіяхъ, съ благомъ государства сообразныхъ», но сдѣлана была эта оговорка лишь для того, чтобы тотчасъ вслѣдъ за этимъ посовѣтовать «мудрому и твердому правительству» по возможности уважить указанные предразсудки. Комитетъ полагалъ необходимымъ обставить изданіе этого закона такими условіями, чтобы, съ одной стороны, помѣщики не огорчились стѣсненіемъ своихъ правъ, а съ другой стороны, и крестьяне «не возмечтали, что правительство только ими одними и занимается» *). Способъ къ тому былъ найденъ въ томъ, чтобы не издавать упомянутаго закона въ видѣ сепаратной мѣры, но включить его, какъ одну изъ статей, въ общій законъ о состояніяхъ, въ которомъ и для всѣхъ другихъ сословій были бы предоставлены нѣкоторыя новыя льготы и преимущества. Такимъ-то путемъ комитетъ и пришелъ къ мысли приступить къ составленію проекта «закона о состояніяхъ», что и было затѣмъ ему поручено государемъ. Хотя, такимъ образомъ, новый законъ долженъ былъ явиться въ сущности совокупностью льготъ и преимуществъ для всѣхъ сословій государства, но легко понять, что эти льготы и преимущества не могли быть сколько-нибудь широки, не могли вносить сколько-нибудь рѣшительныхъ перемѣнъ въ сословную организацію Россіи, если все дѣло составленія этого закона диктовалось двумя задними цѣлями: замаскировать въ глазахъ одного сословія нѣкоторое стѣсненіе его правъ и не допустить въ сознаніи другого сословія мысли о томъ, что его интересы могутъ составлять предметъ особенной заботливости правительства!

Прежде всего было установлено, что новый законъ о состояніяхъ не долженъ давать населенію никакихъ правъ политическихъ **). Затѣмъ, по отношенію къ духовенству прямо былъ принятъ тотъ принципъ, что въ новый законъ не войдетъ никакихъ новыхъ правъ и преимуществъ, а будутъ лишь воспроизведены права, ранѣе признанныя за этимъ сословіемъ. Казалось бы, что въ подтвержденіи новымъ закономъ правилъ, уже признанныхъ въ прежнемъ законодательствѣ, не могло быть никакой надобности. Но комитетъ полагалъ,

---

*) Ibid., стр. 426.
**) Ibid., стр. 194.

что законъ произведетъ болѣе благопріятное впечатлѣніе на общество, если въ немъ не будетъ обойдено ни одно сословіе. Иначе говоря, здѣсь предлагалось просто на просто политическая подтасовка: включеніе въ законъ о новыхъ льготахъ старыхъ, давно дѣйствующихъ правъ для вящшаго усиленія эффекта отъ новаго закона. Правда, комитетъ имѣлъ сношенія съ московскимъ митрополитомъ Филаретомъ по вопросу о способахъ улучшить состояніе духовенства. Но указанныя митр. Филаретомъ желательныя нововведенія касались лишь нѣкоторыхъ частностей быта духовенства, не затрагивая общихъ правъ духовнаго сословія. Эти мѣры не вошли въ проектъ закона о состояніяхъ и получили дальнѣйшую законодательную разработку уже помимо комитета 6 декабря *). Любопытно однако отмѣтить, что даже въ предложеніяхъ московскаго митрополита комитетъ ухитрился отыскать кое-что страшное. Митрополитъ предлагалъ, между прочимъ, ввести въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ преподаваніе всѣхъ предметовъ, кромѣ краснорѣчія и философіи, на русскомъ языкѣ вмѣсто латинскаго. Комитетъ замѣтилъ въ своемъ отзывѣ на это предложеніе, что преподаваніе на русскомъ языкѣ богословскихъ предметовъ вызоветъ изданіе книгъ и руководствъ по догматическому богословію и герменевтикѣ на русскомъ языкѣ, что привлечетъ вниманіе непросвѣщенныхъ людей къ богословскимъ вопросамъ и можетъ «подать случай къ неосновательнымъ толкованіямъ и догадкамъ, нерѣдко ведущимъ за собою пагубныя заблужденія въ мнѣніяхъ о самыхъ важныхъ истинахъ религіи». **)

Покончивъ, такимъ образомъ, съ духовенствомъ, комитетъ занялся другими сословіями. Въ распространеніе правъ дворянства намѣчалось предоставить дворянамъ право вводить въ своихъ имѣніяхъ маіораты. Кромѣ того, въ угоду дворянству предложено было принять мѣры противъ непрестаннаго умноженія этого сословія, стѣснивъ доступъ въ него постороннимъ элементамъ, унижающій дворянское званіе, «столь необходимое въ составѣ монархическаго правленія». Эта мѣра — полагалъ комитетъ — «будетъ принята ко-

*) 2-е П. Собр. Зак., № 3323.

**) Сборн. Ист. Общ., т. 74, стр. 223.

ренымъ дворянствомъ, какъ благодѣяніе, усилитъ въ немъ ревность къ службѣ государя и утвердитъ обоюдно необходимую связь его съ престоломъ» *). Для этой цѣли предлагалось отмѣнить вовсе полученіе дворянскаго достоинства выслугою чиновъ, оставивъ лишь одинъ путь пріобщенія къ дворянскому сословію для стороннихъ элементовъ: высочайшее пожалованіе. Затѣмъ доступъ въ дворянство даже и этимъ путемъ открыть лишь для одного высшаго слоя гражданства. Эти предположенія сами собой приводили къ реформѣ сословной организаціи и «средняго рода людей». Комитетъ намѣтилъ эту реформу въ слѣдующихъ чертахъ.

Въ составѣ людей «средняго состоянія» образовывается особый высшій разрядъ «именитыхъ гражданъ». Выслуга оберъофицерскаго чина или чина VIII-го класса по гражданской службѣ, ранѣе сопряженная съ полученіемъ *дворянскаго* достоинства, впредь открываетъ доступъ лишь въ разрядъ именитыхъ гражданъ. Именитые граждане могутъ получать затѣмъ званіе дворянина лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ и не иначе, какъ по непосредственному усмотрѣнію императора по особымъ высочайшимъ грамотамъ.

Именитые граждане получаютъ право быть избираемыми по волѣ дворянства на мѣста, зависящія отъ дворянскихъ выборовъ, исключая, однако, званія предводителя и депутатовъ; имѣть родовой гербъ, но безъ короны, составляющей отличительный знакъ дворянскаго достоинства, и нѣкоторыя преимущества при вступленіи на службу, но меньшія противъ тѣхъ, кои присвоены дворянству. Они получаютъ право помѣщать своихъ дѣтей въ казенныя учебныя заведенія наравнѣ съ дѣтьми дворянъ за исключеніемъ пажескаго корпуса и царскосельскаго лицея. Прочія права дворянскаго званія на нихъ не распространяются. Затѣмъ остальное «гражданство», уже лишаемое вообще доступа къ дворянскому званію, подраздѣляется на гражданъ потомственныхъ и личныхъ. *Потомственные граждане*, въ составъ которыхъ входятъ тѣ, кто ранѣе долженъ былъ пользоваться личнымъ дворянствомъ, а также купцы 1 и 2 -й гильдій, освобождаются *вмѣстѣ съ дѣтьми ихъ* отъ подушнаго оклада, рекрутскаго набора и тѣлеснаго наказанія. Наконецъ, *личные граждане*

*) Ibid., стр. 151.

пользуются тѣми же преимуществами, но безъ распространенія ихъ на дѣтей этихъ лицъ *). Впослѣдствіи комитетъ нѣсколько разъ измѣнялъ наименованія означенныхъ разрядовъ гражданства, но основанія всей этой группировки не были измѣнены комитетомъ и получили одобреніе государя. Это «обновленіе» средняго рода людей, предпринятое собственно для удовольствія коренного дворянства и представлявшее въ сущности стѣсненіе правъ «гражданства» отнятіемъ у большинства гражданъ права на достиженіе высшей ступени сословной лѣстницы,— представлено было комитетомъ, какъ новая льгота, даруемая гражданству «положеніемъ твердаго основанія среднему состоянію» **).

Послѣдній отдѣлъ «закона о состояніяхъ» посвящался положенію крестьянскаго сословія. При обсужденіи этой части проектируемаго закона впервые при Николаѣ Павловичѣ поставленъ былъ на разсмотрѣніе офиціальныхъ сферъ вопросъ о крѣпостномъ правѣ. Постановка, приданная этому вопросу въ комитетѣ 6 декабря, оказала рѣшающее вліяніе на все дальнѣйшее его движеніе въ теченіе этого царствованія. Не лишне поэтому остановиться со вниманіемъ на сужденіяхъ и предположеніяхъ комитета, сюда относящихся. Какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, руководящая роль въ работахъ комитета и на этотъ разъ выпала на долю Сперанскаго. Сперанскій составилъ для комитета обширную записку, въ которой была начертана цѣлая программа законодательной разработки крестьянскаго вопроса, программа, какъ разъ отвѣчавшая завѣтнымъ желаніямъ членовъ комитета отложить отмѣну крѣпостного права въ возможно болѣе отдаленное будущее. Первое положеніе этой записки заключалось въ томъ, что крѣпостное право на крестьянъ съ теченіемъ времени приняло искаженныя формы, совершенно отдалившись отъ своей первоначальной природы.

Первоначальное крѣпостное право состояло въ прикрѣпленіи крестьянина къ *землѣ* помѣщика, чѣмъ полагалась граница помѣщичьей надъ крестьянами власти: помѣщикъ не могъ отдѣлять крестьянина отъ земли продажею или залогомъ. Впослѣдствіи крѣпостное право превратилось въ

*) Ibid., стр. 159—161.
**) Ibid., стр. 194.

прикрѣпленіе крестьянина къ *лицу* помѣщика, крестьянинъ сдѣлался *движимымъ имуществомъ* своего господина, въ результатѣ чего появились сдѣлки по отчужденію земли безъ крестьянъ и крестьянъ безъ земли, и исчезло всякое различіе между крѣпостными крестьянами и тѣми дворовыми людьми, которые по примѣру прежнихъ холоповъ всегда составляли личную собственность помѣщика. Отсюда Сперанскій дѣлалъ выводъ, что первоначальныя мѣры по отношенію къ крѣпостнымъ крестьянамъ должны свестись къ возстановленію истиннаго крѣпостного права; къ такимъ мѣрамъ онъ причислялъ: запрещеніе отчуждать крестьянъ безъ земли и землю безъ поселенныхъ на ней крѣпостныхъ крестьянъ. Затѣмъ уже Сперанскій полагалъ возможнымъ приступить къ дальнѣйшему преобразованію крѣпостного права для установленія твердыхъ и правильныхъ основаній крестьянскаго быта. Эта цѣль должна быть выполнена не иначе, какъ путемъ постепенныхъ переходныхъ мѣръ, разсчитанныхъ на очень продолжительное время. Къ такимъ мѣрамъ Сперанскій относилъ: 1) измѣненіе порядка отпуска на волю отдѣльныхъ крестьянъ и крестьянскихъ обществъ въ смыслѣ отмѣны различныхъ стѣснительныхъ правилъ, затрудняющихъ отпускъ на волю; 2) улучшеніе быта *казенныхъ* крестьянъ, находящихся въ весьма тягостныхъ условіяхъ, съ тѣмъ, чтобы устройство положенія казенныхъ крестьянъ на усовершенствованныхъ и облегчительныхъ для крестьянъ началахъ могло послужить образцомъ и для владѣльцевъ крѣпостныхъ крестьянъ въ ихъ заботахъ о подвластной имъ деревнѣ.

Лишь послѣ цѣлаго ряда постепенныхъ подготовительныхъ мѣръ въ указанномъ направленіи Сперанскій допускалъ возможность окончательнаго преобразованія крѣпостныхъ отношеній. Въ чемъ же должно было заключаться это окончательное преобразованіе по мысли Сперанскаго? Ни въ чемъ иномъ, какъ въ ограниченіи крѣпостныхъ работъ и повинностей на помѣщика опредѣленными условіями *по договору* между помѣщиками и крестьянами. Дальше этой мѣры не шли самыя отдаленныя предположенія Сперанскаго, и для осуществленія даже такой мѣры онъ указывалъ долгій путь подготовительныхъ палліативовъ *).

*) Ibid., стр. 133, 165, 171—175, 199—201 и др. Семевскій. — Крестьянскій вопросъ въ Россіи, т. II, стр. 1—9.

Не мудрено, что записка Сперанскаго встрѣтила самый радушный пріемъ въ комитетѣ 6 декабря, который всегда былъ готовъ ухватиться за предложенія, отодвигавшія вдаль ту или другую рѣшительную реформу. Отмѣна продажи крѣпостныхъ крестьянъ безъ земли въ сущности была уже предписана комитету государемъ, съ чего и началось все дѣло по составленію проекта «закона о состояніяхъ». Такимъ образомъ, мысль Сперанскаго о немедленномъ воспрещеніи отчужденія крестьянъ безъ земли была принята безъ всякихъ возраженій, и комитетъ озаботился лишь о томъ, чтобы редакція закона была составлена въ такихъ выраженіяхъ, которыя «дали бы почувствовать, сколь священно и неотъемлемо передъ правительствомъ и закономъ право и самихъ помѣщиковъ на собственность владѣемой ими земли». При этомъ комитетъ довелъ свою обычную осторожность до того, что потребовалъ выразить въ новомъ законѣ эту важную мысль «*положительно, но почти мимоходомъ*, какъ о правѣ, которое не можетъ быть подвержено сомнѣнію» *). Выходило такъ, что комитетъ въ одно и то же время рѣшилъ и *подчеркнуть* въ законѣ эту мысль для большаго ея укрѣпленія въ сознаніи населенія и *не подчеркивать* ее, какъ нѣчто само по себѣ безусловное и неоспоримое! Впрочемъ проектъ постановленія о неотчужденіи крестьянъ безъ земли былъ выработанъ затѣмъ особымъ комитетомъ подъ председательствомъ Тутолмина и съ одобренія комитета 6 декабря былъ включенъ въ проектъ «закона о состояніяхъ» **). Въ тотъ же проектъ вошли и постановленія о порядкѣ отпуска крестьянъ на волю, также рекомендованныя Сперанскимъ. Отпускъ крестьянъ на волю дозволялся какъ съ землею, такъ и безъ земли. При выдачѣ отпускной помѣщикъ могъ взыскать съ увольняемаго и единовременно внести за него въ казну подати за все предстоящее время до новой ревизіи; вольноотпущенный обязывался въ теченіе года приписаться къ какому-либо мѣщанскому или сельскому обществу или въ особый разрядъ «вольноотпущенныхъ земледѣльцевъ», при этомъ мѣщанскія и сельскія общества не получали права отказывать такимъ лицамъ въ припискѣ, но не обязаны были на-

---

*) Сб. Ист. Общ., т. 74, стр. 171—172.

**) Ibid., стр. 378, 403—404, 425—426.

дѣлять ихъ землей. Освобожденіе крестьянъ цѣлыми селеніями допускалось впредь или на основаніи указа 1803 г. о свободныхъ хлѣбопашцахъ или по вновь составленнымъ правиламъ, которыя впрочемъ не содержали существенныхъ нововведеній. Н[illegible]ушеніе вольноотпущенными договоровъ, заключенныхъ ими съ ихъ прежними господами, могло повлечь за собою въ случаѣ недостаточности другого рода взысканій и каръ — возвращеніе ихъ въ прежнее крѣпостное состояніе *).

Этимъ и ограничились «льготы и преимущества», намѣченныя для крѣпостныхъ крестьянъ въ проектѣ «закона о состояніяхъ». Затѣмъ комитетъ 6 декабря съ жаромъ ухватился за предложенную Сперанскимъ подмѣну вопроса о крѣпостномъ правѣ вопросомъ объ улучшеніи быта *казенныхъ* крестьянъ. Эта идея была какъ нельзя болѣе на руку сановнымъ крѣпостникамъ, окружавшимъ тронъ имп. Николая Павловича. Комитетъ 6 декабря нѣсколько разъ возвращался къ одобренію этой мысли, высказывая увѣренность, что для смягченія участи *крѣпостныхъ* крестьянъ лучше всего заняться усовершенствованіемъ быта крестьянъ *казенныхъ:* помѣщики, могущіе возроптать на принудительныя мѣры правительства по стѣсненію ихъ владѣльческихъ правъ, добровольно, безъ всякихъ потрясеній общественнаго порядка и не опасаясь крестьянскихъ волненій, послѣдуютъ исподволь благому примѣру казны **). Для подготовки преобразованія быта казенныхъ крестьянъ была учреждена особая комиссія подъ предсѣдательствомъ кн. Куракина, и предположенія этой комиссіи были обсуждены затѣмъ въ комитетѣ 6 декабря ***). Но такъ какъ намѣченныя при этомъ мѣры не вошли въ проектъ закона о состояніяхъ — гдѣ лишь возвѣщалось о намѣреніи правительства приступить къ преобразованію быта казенныхъ крестьянъ — и такъ какъ дальнѣйшее движеніе этой реформы получило вскорѣ иное направленіе. въ твердыхъ рукахъ Киселева, то мы и не будемъ останавливаться на сужденіяхъ комитета 6 декабря по этому вопросу.

Въ видѣ особаго приложенія къ проекту «закона о состоя-

---

*) Сб. Ист. Общ., т. 90, стр. 377—381.

**) Сб. Ист. Общ., т. 74, стр. 173—174, 285, 336.

***) Ibid., стр. 346—352, 352—356, 364, 367—370, 373—37.

ніяхъ» было присоединено «Положеніе о крѣпостныхъ *дворовыхъ* людяхъ», составленное опять-таки на основаніи записки Сперанскаго.

Классъ дворовыхъ людей былъ признанъ особенно вреднымъ и нежелательнымъ продуктомъ крѣпостного права, и въ виду этого рѣшено было изыскать мѣры къ постепенному его сокращенію. Всѣ постановленія, вошедшія въ проектъ о дворовыхъ людяхъ, и были направлены къ этой главной цѣли. Эти постановленія сводились къ слѣдующему: дворовые люди при всѣхъ переписяхъ, начиная съ ближайшей ревизіи, и во всѣхъ крѣпостныхъ актахъ означаются отдѣльно отъ крестьянъ подъ особою рубрикою. Взиманіе подушной подати съ дворовыхъ людей производится отдѣльно отъ крестьянъ, а для отправленія рекрутской повинности изъ дворовыхъ составляются особые отъ крестьянъ рекрутскіе участки. Засимъ слѣдовалъ рядъ мѣръ, затрудняющихъ количественное увеличеніе этого класса или, наоборотъ, ускоряющихъ его сокращеніе. Запрещалось вмѣсто дворовыхъ людей ставить въ рекруты крестьянъ, но дозволялось вмѣсто крестьянъ ставить рекрутъ изъ дворовыхъ. Запрещалось переводить крестьянъ въ дворню, но дозволялось дворовыхъ людей переводить въ крестьяне съ обязательствомъ только не разлучая членовъ одного семейства и въ теченіе двухъ лѣтъ послѣ такого перечисленія дѣйствительно водворять въ деревнѣ переведеннаго въ крестьяне дворового человѣка подъ страхомъ уплаты особой пени *). Съ дворовыхъ людей помѣщикъ обязывался платить двойную подушную подать противъ той, которою обложены крестьяне **).—Помѣщики, не имѣющіе деревень, могутъ приписывать своихъ дворовыхъ въ городахъ къ служебнымъ цехамъ. Дворовые могутъ быть отпускаемы на волю или за единовременный выкупъ или подъ условіемъ уплаты договореннаго оброка пожизненно или въ теченіе какого-либо срока, но съ правомъ навсегда освободиться отъ оброка единовременнымъ взносомъ капитальной суммы. Вольноотпущенные дворовые люди обязаны въ те-

*) Сперанскій первоначально предлагалъ объявлять дворовыхъ въ въ этомъ случаѣ свободными, комитетъ замѣнилъ это взысканіемъ пени съ помѣщика. Сборн. Ист. Общ., т. 74, стр. 165.

**) Сперанскій первоначально предлагалъ тройную.—Ibid., стр. 172.

ченіе года записаться въ служебный цехъ или избрать иной родъ жизни, и помѣщикъ обязанъ платить за нихъ подати не до ревизіи, но только до истеченія этого года; дворовые, не избравшіе рода жизни въ указанный срокъ, считаются бродягами и подлежатъ назначеннымъ для бродягъ взысканіямъ. Дворовыхъ людей, не приписанныхъ къ деревнямъ, запрещается принимать въ залогъ или подъ обезпеченіе какого-либо частнаго или казеннаго взысканія. Точно такъ же воспрещается продавать, закладывать, отдавать по завѣщанію въ другой родъ дворовыхъ людей отдѣльно отъ деревень, къ которымъ они приписаны. Передача личныхъ правъ на дворовыхъ людей въ предѣлахъ одного рода допускается лишь безъ раздробленія семействъ *).

Таковы были работы комитета 6 декабря. Результаты его дѣятельности выразились въ составленіи проектовъ: новаго учрежденія государственнаго совѣта, правительствующаго и судебнаго сенатовъ, комиссіи прошеній, учрежденія для управленія губерніями и закона о состояніяхъ съ приложенными къ нему проектами положенія о дворовыхъ людяхъ и указа объ ограниченіи и раздробленіи недвижимыхъ населенныхъ имуществъ. Изъ всѣхъ этихъ проектовъ только проектъ «закона о состояніяхъ» поступилъ въ государственный совѣтъ прошелъ тамъ съ нѣкоторыми измѣненіями и получилъ даже утвержденіе государя, но — какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, и этотъ законъ не былъ опубликованъ и не вошелъ въ силу.

Тѣмъ не менѣе труды комитета 6 декабря, проработавшаго до 1830 г., не прошли совершенно безслѣдно. Многія заключенія, высказанныя имъ по различнымъ вопросамъ, были восприняты и взяты за основаніе послѣдующими совѣщаніями, которыя были созываемы имп. Николаемъ Павловичемъ для обсужденія преобразовательныхъ предположеній, а главное — труды комитета 6 декабря задали тонъ *общему направленію*, по которому пошла затѣмъ за самыми немногими исключеніями законодательная работа этого царствованія.

Кругъ вопросовъ, которыхъ коснулся комитетъ 6 декабря, былъ достаточно широкъ: все управленіе, и центральное, и мѣстное, вся сословная организація вошли въ программу его занятій. Но при обсужденіи всѣхъ этихъ вопросовъ ко-

*) Сборн. Ист. Общ., т. 90, стр. 386—390.

митетъ обнаружилъ необычайную способность касаться всего, почти ничего не измѣняя, сводить къ немногочисленнымъ формальнымъ перемѣнамъ крупнѣйшія законодательныя проблемы и изыскивать благовидные предлоги для откладыванія въ долгій ящикъ разрѣшенія давно назрѣвшихъ насущныхъ задачъ. Разнообразные хитроумные способы, использованные для всего этого комитетомъ, составили образецъ и вошли въ прочную традицію высшей бюрократіи въ дѣлѣ изготовленія преобразовательныхъ проектовъ.

Всѣ дальнѣйшія реформаціонныя начинанія этого царствованія представляли собой попытки выполненія отдѣльными частями тѣхъ вопросовъ, которые разсматривались въ комитетѣ 6 декабря въ видѣ единой связной программы.

3.

ЦЕНТРАЛЬНЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ. МѢСТНОЕ УПРАВЛЕНІЕ.—САМОУПРАВЛЕНІЕ ДВОРЯНСКОЕ И ГОРОДСКОЕ.

Мы посмотримъ теперь, какъ справлялось правительство Николаевскаго царствованія съ оставшимся послѣ комитета 6 декабря обширнымъ наслѣдствомъ намѣченныхъ, но не разрѣшенныхъ государственныхъ вопросовъ. Устройство *центральныхъ государственныхъ учрежденій* всего менѣе было затронуто преобразовательными предположеніями названнаго комитета. Послѣдующая четверть вѣка Николаевскаго царствованія (комитетъ 6 декабря закрылся въ 1830 г.) не принесла никакихъ существенныхъ перемѣнъ въ этомъ отношеніи. 15 апрѣля 1842 г. было издано новое положеніе о государственномъ совѣтѣ. Оно не заключало въ себѣ какихъ-либо значительныхъ новшествъ сравнительно съ положеніемъ 1810 г. Основанія, на которыхъ было установлено тогда это высшее государственное законосовѣщательное учрежденіе, остались неприкосновенными. Зато на практикѣ авторитетъ государственнаго совѣта не разъ претерпѣвалъ въ царствованіе Николая Павловича чувствительные удары. Императоръ ограничивалъ его законосовѣщательную роль самыми тѣсными предѣлами. Правда, сильно развившаяся при Александрѣ I узурпація правъ государственнаго совѣта комитетомъ

министровъ была значительно ослаблена при Николаѣ I *), но умаленіе роли совѣта шло съ другой стороны. Обсужденіе законопроектовъ все болѣе сосредоточивалось въ секретныхъ комитетахъ, и прохожденіе закона чрезъ государственный совѣтъ сводилось почти къ формальности, судьба законопроекта уже предрѣшалась государемъ на основаніи сужденій, высказанныхъ комитетами. Когда въ 1844 г. спеціальный комитетъ выработалъ проектъ указа о дворовыхъ людяхъ, государь, одобривъ указъ, намѣревался тотчасъ подписать и опубликовать его. Председателю государственнаго совѣта кн. Васильчикову пришлось убѣждать государя не отступать отъ общаго порядка и внести проектъ указа въ совѣтъ. Николай Павловичъ положилъ, наконецъ, слѣдующую резолюцію: «Согласенъ, въ надеждѣ, что не послѣдуетъ въ совѣтѣ *невыгода излишнихъ преній*» **). Въ этихъ словахъ со всей полнотой выразилось отношеніе Николая Павловича къ государственному совѣту, не какъ къ необходимому элементу политической жизни, а какъ къ какому-то излишнему привѣску къ государственному механизму, который приходится терпѣть только потому, что онъ уже существуетъ. Баронъ Корфъ — очевидецъ и участникъ того, что дѣлалось въ высшихъ бюрократическихъ кругахъ описываемаго времени — разсказываетъ въ своихъ интересныхъ мемуарахъ о другомъ аналогичномъ эпизодѣ, также разыгравшемся по вопросу о дворовыхъ людяхъ. Уже въ 1840 г. Блудовымъ были изготовлены предположенія о мѣрахъ къ уменьшенію дворового класса. Государь повелѣлъ разсмотрѣть эти предположенія Блудову, Васильчикову и министру юстиціи и затѣмъ проектъ указа прямо поднести къ подписанію. И въ этотъ разъ Васильчиковъ поднялъ голосъ въ защиту достоинства государственнаго совѣта. — «Да неужели же, — возразилъ государь, — когда самъ я признаю какую-нибудь вещь полезною или благодѣтельною, мнѣ непремѣнно надо спрашивать на нее сперва согласіе совѣта?»

— «Не согласіе, — отвѣчалъ Васильчиковъ, — но мнѣніе

*) С. М. Середонинъ.—Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ. т. I и II.

**) В. И. Семевскій. — Крестьянскій вопросъ въ Россіи, т. II, стр. 131.

непремѣнно, потому что совѣтъ для этого и существуетъ, или надо его уничтожить или охранять тотъ законъ, который сами Вы для него издали». Преніе по этому поводу между государемъ и Васильчиковымъ было длинное и окончилось тѣмъ, что обсужденіе указа было поручено комитету не изъ трехъ, а изъ 12 лицъ, которымъ и поручалось разсмотрѣть какъ самую сущность дѣла, такъ и вопросъ: вносить ли проектъ въ общее собраніе государственнаго совѣта. Хотя комитетъ рѣшилъ послѣдній вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ, но дѣло вскорѣ совершенно заглохло вплоть до 1844 г., когда, какъ мы только что видѣли, государственный совѣтъ снова едва не остался въ сторонѣ и получилъ дозволеніе разсмотрѣть законопроектъ лишь подъ условіемъ принятія его безъ излишнихъ преній*). Изданіе новаго закона помимо государственнаго совѣта было еще не худшей формой умаленія совѣтскаго авторитета. Еще болѣе жалкая роль выпадала на долю совѣта въ тѣхъ случаяхъ, когда среди самой работы совѣтъ встрѣчалъ противодѣйствіе со стороны сильнаго министра. Тотъ же Корфъ передаетъ въ своихъ мемуарахъ въ высшей степени характерный эпизодъ подобнаго рода. Въ 1839 г. въ государственномъ совѣтѣ разсматривался чрезвычайно важный вопросъ о мѣрахъ къ исправленію курса бумажныхъ денегъ. Проектъ министра финансовъ Канкрина былъ отвергнутъ въ совѣтѣ большинствомъ голосовъ. Канкринъ, не дожидаясь представленія государю мнѣній государственнаго совѣта, предложилъ государю свою комбинацію непосредственно отъ своего имени и успѣлъ получить благопріятную для себя высочайшую резолюцію на свой докладъ. Выходило такъ, что совѣтъ собирался, разсуждалъ и баллотировалъ совершенно напрасно: государь рѣшилъ дѣло, даже не поинтересовавшись состоявшимися въ совѣтѣ мнѣніями. Предсѣдатель совѣта Васильчиковъ былъ внѣ себя отъ гнѣва. «Пока *есть* совѣтъ,—восклицалъ онъ,—нельзя имъ такъ играть, министръ не вправѣ самовольно забѣгать къ государю съ своими предложеніями по дѣламъ, рѣшеннымъ въ совѣтѣ!» По настоянію Васильчикова государь приказалъ «сдѣланное Канкринымъ предложеніе обратить къ разсмотрѣнію въ совѣтѣ». Тогда въ свою очередь вознего-

*) Русская Старина, 1899 г., т. 99, стр. 280—282.

довалъ Канкринъ: «Это есть, — говорилъ онъ, — величайшее оскорбленіе самодержавной власти, совѣтъ — мѣсто совѣщательное, куда государь посылаетъ только то, что самому ему разсудится, а тутъ изъ совѣта хотятъ сдѣлать *камеры* и мѣсто *соцарствующее*». Въ самый день засѣданія совѣта Канкринъ получилъ аудіенцію у государя. Совѣтъ собрался, готовый къ *дальнѣйшему обсужденію* мысли Канкрина, но въ самый моментъ открытія засѣданія фельдъегерь привезъ собственноручную записку государя, гдѣ было написано: «Желательно мнѣ, чтобъ принято было....» и дальне излагалось предложеніе Канкрина. Совѣту оставалось только констатировать, что въ запискѣ выражена «прямая воля его величества, требующая одного безмолвнаго исполненія» *). Вопреки мнѣнію Васильчикова оказалось, что государственнымъ совѣтомъ можно играть, какъ угодно. Практика ограничивала сферу вліянія совѣта еще болѣе узкими предѣлами, чѣмъ это было намѣчено въ офиціальномъ о немъ положеніи.

Никакихъ перемѣнъ общаго характера не было произведено и въ строѣ министерствъ. Самымъ крупнымъ явленіемъ въ этой области было возникновеніе новаго министерства государственныхъ имуществъ. — И эта мѣра касалась только перераспредѣленія вѣдомствъ между нѣкоторыми министерствами. Самыя основанія министерскаго устройства не были затронуты законодательствомъ Николая I. Зато въ сферѣ высшаго управленія шелъ другой любопытный процессъ: многія отрасли администраціи извлекались изъ круга министерскаго вѣдѣнія и переходили въ непосредственное вѣдѣніе государя. Въ царствованіе Николая I необычайно разрастается «Собственная Его Императорскаго Величества Канцелярія». *Первое* отдѣленіе этой канцеляріи сосредоточивало въ себѣ дѣла, подлежавшія личному разсмотрѣнію государя, а также наблюденіе за исполненіемъ высочайшихъ повелѣній. Съ 1846 г. сюда же были присоединены дѣла государственной службы гражданскаго вѣдомства. Въ 1826 г. было образовано *второе* отдѣленіе названной канцеляріи — кодификаціонное, замѣнившее собою упраздненную коммисію составленія законовъ. Въ томъ же году возникло знаменитое

*) Ibid., стр. 19—21.

третье отдѣленіе подъ начальствомъ шефа корпуса жандармовъ, вѣдавшее высшую полицію. Видная и громкая печальной памяти роль выпала на долю этого учрежденія въ царствованіе Николая I. Въ 1828 году появляется *четвертое* отдѣленіе для завѣдыванія благотворительными и учебными заведеніями, находившимися подъ покровительствомъ имп-цы Маріи Ѳеодоровны. Въ 1836 г. было открыто временное *пятое* отдѣленіе — для руководства преобразованіемъ управленія казенными крестьянами и наконецъ въ 1843 г. — также временное *шестое* отдѣленіе — для разработки правилъ по устройству Закавказскаго края. Въ этомъ послѣдовательномъ ростѣ собственной Канцеляріи Его Величества нельзя не видѣть проявленія той идеи, что только обыкновенныя или давно налаженныя отрасли администраціи могутъ быть ввѣряемы завѣдыванію министерствъ, но всякое крупное государственное начинаніе, выходящее изъ рамокъ текущей административной практики, должно быть ведено внѣ общаго порядка, должно стать подъ болѣе непосредственный надзоръ и направляющее руководительство самого монарха. Конечно, это было чисто фиктивное разграниченіе, ибо что же представляли собою эти обширныя отдѣленія названной канцеляріи, какъ не тѣ же министерства, построенныя цѣликомъ на обычныхъ бюрократическихъ основаніяхъ?.

Переходя теперь отъ центральныхъ государственныхъ учрежденій къ мѣстному управленію, мы встрѣчаемъ тамъ другой любопытный процессъ. Конечно, и въ области мѣстнаго управленія правительство имп. Николая Павловича всецѣло стояло на почвѣ бюрократической системы. Чиновничество, «крапивное сѣмя», царило по всей линіи. «Общество» разсматривалось, какъ совокупность плательщиковъ государственныхъ повинностей или выполнителей разныхъ «службъ» — военныхъ или гражданскихъ. Мемуаристы того времени разсказываютъ намъ по истинѣ чудовищныя эпопеи произвола, хищничества, взяточничества, волокиты, бумагописанія, подъ гнетомъ которыхъ задыхалась страна и гибла всякая живая мысль, всякое честное намѣреніе. Читайте комедіи Сухово-Кобылина. Тамъ въ точности изображены типичные канцелярскіе порядки Николаевской эпохи, которые превращали правительственныя учрежденія въ настоя-

щіе воровскіе и разбойничьи притоны, куда опасно было заглядывать беззащитному человѣку. Казалось бы, при господствѣ такихъ воззрѣній и такихъ порядковъ не могло быть мѣста никакому проявленію общественной самостоятельности въ сферѣ мѣстнаго управленія. Но жизнь пересиливала систему. Бюрократія мнила себя всесильной. Но на повѣрку она не могла справиться со своими задачами безъ услугъ земства. И вотъ, въ царствованіе Николая Павловича въ самый разгаръ бюрократическаго всевластія начинаютъ возникать подъ давленіемъ необходимости зародыши мѣстнаго самоуправленія. Дворянскія и городскія общества, появившіяся еще при Екатеринѣ II, получаютъ болѣе точную и упорядоченную организацію. Выборные элементы проникаютъ и въ чисто бюрократическія мѣстныя учрежденія въ качествѣ необходимыхъ сотрудниковъ коронnаго чиновничества. Конечно, всѣ эти зародыши земскаго самоуправленія были чахлы, господствующія условія времени обрекали ихъ на жалкое, приниженное существованіе; но уже самое ихъ появленіе въ составѣ мѣстныхъ административныхъ органовъ было знаменательно, оно указывало на то, что полное устраненіе мѣстныхъ общественныхъ силъ отъ участія въ управленіи есть неосуществимая химера.

Въ 1837 г. была упразднена должность генералъ-губернатора, какъ постоянный и повсемѣстно дѣйствующій институтъ, который весьма трудно было согласовать съ властью министровъ Это содѣйствовало усиленію централизаціи въ управленіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ по наказу 1837 г. губернаторъ сдѣлался единственнымъ высшимъ начальникомъ губерніи, и его власть стала простираться на всѣ части управленія. Затѣмъ, по закону 1845 г. губернское правленіе получило болѣе опредѣленную компетенцію и, переставъ дѣйствовать исключительно по предписаніямъ губернатора, пріобрѣло значеніе самостоятельнаго учрежденія. Законъ опредѣлилъ случаи, въ которыхъ губернскія правленія могли дѣйствовать самостоятельно безъ участія губернатора.

Важнѣе всѣхъ указанныхъ только что перемѣнъ были явленія другого рода. Въ мѣстномъ управленіи начинаютъ выдѣляться въ особыя вѣдомства отдѣльныя стороны мѣстнаго хозяйства и благоустройства. Часть санитарная, пути сообщенія, призрѣніе бѣдныхъ, дѣло народнаго продовольствія

организуются мало-по-малу въ специальныя учрежденія. — Въ 1833 г. учреждаются *губернскія дорожныя комиссіи*, соединяющіяся въ 1848 г. съ *строительными комиссіями*, въ 1834 г. основаны *«общія губернскія комиссіи народнаго продовольствія»*, въ 1851 г. возникаютъ *«комитеты о земскихъ повинностяхъ»*. — Всѣ эти учрежденія получаютъ составъ наполовину коронный, наполовину выборный. Въ ихъ дѣятельности намѣчаются первыя отдаленныя очертанія будущихъ земскихъ учрежденій пореформенной Россіи. Я уже указалъ выше на то, въ какихъ неблагопріятныхъ для своего развитія условіяхъ, въ какомъ приниженномъ и придавленномъ положеніи влачили тогда свое существованіе эти зародыши земской самодѣятельности. Поясню эту мысль примѣромъ «комитетовъ о земскихъ повинностяхъ». Въ нихъ участвовали — губернаторъ, въ качествѣ предсѣдателя, начальники палатъ казенной и государственныхъ имуществъ, начальникъ удѣльной конторы и затѣмъ — предводители и депутаты дворянства, городскіе головы губернскихъ городовъ и депутаты отъ городовъ не-губернскихъ. Задачу комитетовъ составляло изготовленіе смѣтъ и раскладокъ земскихъ денежныхъ повинностей для каждой губерніи на три года. Выполненіе даже и этой скромной задачи было обставлено такими условіями, при которыхъ роль земскаго элемента дѣлалась совершенно призрачной. Помимо того, что въ составѣ комитетовъ мѣстные чиновные нотабли заслоняли представителей земли, самая работа комитетовъ была сведена къ подготовительнымъ черновымъ дѣйствіямъ, не имѣвшимъ никакого рѣшающаго значенія. Въ сущности комитеты только давали матеріалъ, на основаніи котораго высшія государственныя учрежденія сами уже составляли смѣты. Изготовленные комитетами проекты смѣтъ отдавались на разсмотрѣніе министрамъ финансовъ, внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ, удѣловъ и генералъ-губернаторамъ. На основаніи замѣчаній всѣхъ этихъ инстанцій министръ финансовъ составлялъ табель повинностямъ и общую роспись денежнымъ сборамъ и расходамъ на земскія повинности. Роспись и табели вносились въ департаментъ экономіи и затѣмъ — въ общее собраніе государственнаго совѣта и наконецъ утверждались императоромъ.

Самыя «земскія повинности», о которыхъ шла рѣчь въ

этомъ случаѣ, далеко не соотвѣтствовали по существу этому названію. На счетъ земскихъ повинностей относились то предметы частныхъ потребностей отдѣльныхъ сословій и обществъ, то предметы государственной необходимости, которые удовлетворялись ранѣе изъ казенныхъ суммъ.

Если участіе общественныхъ представителей въ общихъ административныхъ учрежденіяхъ было столь минимальнымъ и эфемернымъ, то не восполнялся ли этотъ недостатокъ дѣятельностью сословныхъ самоуправляющихся обществъ — дворянскаго и городского, — которыя существовали еще со временъ Екатерины II? И дворянскія собранія и городскія думы были весьма далеки отъ процвѣтанія въ первой четверти XIX столѣтія. Дворянскіе выборы падали очень быстро послѣ первыхъ сравнительно болѣе удачныхъ опытовъ, городскія думы съ самаго начала превратились въ послушное орудіе коронной городской полиціи. Въ царствованіе Николая Павловича были сдѣланы нѣкоторые опыты оживленія и дворянскаго, и городского самоуправленія. Необходимо бросить взглядъ на содержаніе и результаты этихъ опытовъ. Въ 1831 г. было издано *новое положеніе о дворянскихъ обществахъ*. Въ основу этого закона легли двѣ руководящія цѣли: 1) точнѣе и опредѣлительнѣе выяснить подробности устройства этихъ обществъ, слишкомъ недостаточно намѣченныя въ екатерининскомъ законодательствѣ, и 2) улучшить личный составъ дворянскихъ собраній. Первою цѣлью были продиктованы статьи новаго положенія: 1) точнѣе опредѣляющія роды и виды дворянскихъ собраній съ ихъ раздѣленіемъ на губернскія и уѣздныя; обыкновенныя и чрезвычайныя, съ обозначеніемъ порядка созыва и открытія каждаго изъ такихъ собраній; 2) точнѣе опредѣляющія порядокъ выборовъ должностныхъ лицъ на дворянскихъ собраніяхъ; 3) точнѣе обозначающія порядокъ направленія петицій, возбуждаемыхъ дворянскими собраніями; кромѣ того, положеніемъ 1831 г. право петицій существенно расширялось дозволеніемъ ходатайствовать въ нихъ не только о нуждахъ дворянскаго сословія, но и объ устраненіи всякаго рода мѣстныхъ злоупотребленій и неудобствъ, хотя бы и происходящихъ отъ какого-либо общаго постановленія; 4) статьи, впервые точно исчисляющія предметы занятій уѣздныхъ дворянскихъ собраній, вовсе не опредѣленные жалованной грамотой, и, наконецъ, 5) статьи,

касающіяся замѣщенія разныхъ должностей по выбору отъ дворянства; здѣсь въ особенности надлежитъ отмѣтить полное уравненіе мѣстной службы дворянства на выборныхъ должностяхъ съ общею государственною службою въ наградахъ и выгодахъ и расширеніе круга должностей, замѣщаемыхъ дворянскими выборами; такъ, дворянству было предоставлено право выбирать не только членовъ, но и предсѣдателей судебныхъ палатъ. Кромѣ того, узаконенія 1831 г. подробно опредѣляли самый порядокъ замѣщенія дворянами выборныхъ должностей

Вторая цѣль, поставленная законодателемъ, — улучшеніе личнаго состава дворянскихъ избирательныхъ собраній, — вызвала другой рядъ постановленій, въ которыхъ осуществлялась мысль, выдвинутая еще въ комитетѣ 6-го декабря о необходимости сократить участіе въ дворянскихъ избирательныхъ собраніяхъ мелкопомѣстныхъ дворянъ установленіемъ значительнаго избирательнаго ценза. Положеніе 1831 г., развитое и дополненное нѣкоторыми постановленіями 1832 и 1836 гг., значительно повысило активный имущественный цензъ сравнительно съ жалованной грамотой 1785 года: къ непосредственному пользованію активнымъ избирательнымъ правомъ допускались теперь дворяне, имѣющіе не менѣе ста душъ крестьянъ мужского пола, а также не менѣе 3000 десятинъ земли, хотя и незаселенной, но въ одной губерніи. Для дворянъ, пріобрѣвшихъ во время дѣйствительной службы, а не при отставкѣ чинъ полковника или дѣйствительнаго статскаго совѣтника цензъ понижался (по закону 1836 г.) до 5 душъ крестьянъ или 150 десятинъ незаселенной земли. Дворяне, не получившіе указанныхъ выше чиновъ, но обладающіе цензомъ не ниже 5 душъ или 150 десятинъ, получили право участвовать въ выборахъ *чрезъ уполномоченныхъ*. Нельзя отрицать того, что всѣ изложенныя постановленія были внушены желаніемъ оживить дѣятельность дворянскихъ собраній и поднять ихъ значеніе. Цѣль эта не была, однако, достигнута. И не мудрено: дѣятельность самоуправляющихся обществъ не можетъ получить оживленія отъ однихъ техническихъ усовершенствованій ихъ внутренняго распорядка, для этого необходима прежде всего наличность благопріятныхъ общихъ условій въ жизни всей страны, необходима наличность здоровой атмосферы, истинной законности и право-

мѣрной свободы. Въ бюрократическо-крѣпостнической Россіи времени Николая Павловича самоуправляющіеся союзы могли представлять изъ себя не болѣе, какъ карикатурныя пародіи на самоуправленіе, какъ бы подробно ни были разработаны регламенты ихъ устройства и ихъ дѣятельности. Дворянство чувствовало это - сознательно или безсознательно — и не дорожило своимъ сословнымъ самоуправленіемъ. Не даромъ въ тотъ же законъ 1831 г. пришлось включить рядъ постановленій, направленныхъ на побужденіе мѣстнаго дворянства къ дѣятельному участію въ дворянскихъ собраніяхъ. Въ этомъ законѣ участіе дворянъ въ собраніяхъ названо даже *обязанностью*, освобожденіе отъ которой можетъ быть допускаемо только по уважительнымъ причинамъ. За непосѣщеніе собраній безъ уважительныхъ причинъ собранію предоставлялось налагать на дворянина штрафы въ пользу дворянской казны въ размѣрѣ отъ 25 до 250 р. и даже временно исключать его изъ дворянскаго собранія. Но и эти постановленія не принесли желаемыхъ результатовъ. Уклоненіе дворянъ отъ участія въ собраніяхъ и выборахъ составляло хроническое явленіе и въ 30-хъ, и въ 40-хъ, и въ 50-хъ годахъ XIX столѣтія на что имѣются положительныя официальныя указанія.

Вопросъ о *городскомъ самоуправленіи* также не былъ обойденъ законодательствомъ этого царствованія. Выработка новаго Городового положенія для Петербурга (1846 г.) считалась даже въ свое время наиболѣе смѣлымъ шагомъ Николаевскаго правительства на пути преобразованій. Въ Городовомъ положеніи 1846 г. хотѣли видѣть — какъ бы въ исключеніе изъ общаго характера политики этого царствованія — официальное признаніе принципа общественной автономіи. Не даромъ одинъ изъ главныхъ участниковъ этой реформы Николай Милютинъ, получилъ въ придворныхъ сферахъ Петербурга репутацію «краснаго», именно за свои работы по составленію названнаго положенія, репутацію, уже при новомъ государѣ едва не помѣшавшую ему принять участіе въ крестьянской реформѣ! Когда сообразишь возможность такого факта, когда припомнишь, что даже екатерининское Городовое положеніе 1785 г. въ глазахъ петербургскаго генералъ-губернатора въ 1861 г. казалось безвреднымъ въ политическомъ отношеніи только потому, что оставалось

«мертвой буквой» *), — тогда конечно невольно отдаешь полную справедливость стараніямъ Милютина сдѣлать хотя что-нибудь для поддержанія началъ муниципальной автономіи въ періодъ расцвѣта полицейской государственности. Но, вглядываясь безотносительно въ содержаніе Городового положенія 1846 г., нельзя не признать, что злоключенія, испытанныя Милютинымъ, свидѣтельствуютъ не о радикализмѣ преобразовательныхъ идей, вложенныхъ въ этотъ законодательный актъ, а лишь о необычайной политической косности той среды, которая могла усматривать въ этомъ законѣ какую-то новаторскую смѣлость. На самомъ дѣлѣ и Городовое положеніе 1846 г., несмотря на всѣ благія побужденія и стремленія составителей, носило на себѣ глубокую печать своего времени или, если угодно, своего безвременья. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оно являлось даже шагомъ назадъ, по сравненію съ Городовымъ положеніемъ 1785 г.

Екатерининское Городовое положеніе 1785 г. впервые провозглашало два новые въ исторіи нашего муниципальнаго управленія принципа: 1) объединеніе *всѣхъ* элементовъ городского населенія безъ различія ихъ сословнаго происхожденія въ одномъ всесословномъ «обществѣ градскомъ», 2) предоставленіе этому всесословному градскому обществу права самостоятельнаго завѣдыванія мѣстнымъ городскимъ хозяйствомъ не только въ цѣляхъ удовлетворенія фискальныхъ государственныхъ потребностей, но и въ цѣляхъ удовлетворенія нуждъ самого городского населенія. Надо замѣтить однако, что уже въ екатерининскомъ законодательствѣ эти начала, будучи только намѣчены, не были послѣдовательно развиты и проведены въ жизнь. Многочисленными отступленіями и ограниченіями законъ ослабилъ значеніе провозглашенныхъ имъ принциповъ и, можно сказать, отдалъ ихъ на жертву умерщвляющему вліянію жизненной рутины. Послѣдующія царствованія принесли съ собой много измѣненій въ строѣ городского управленія, еще болѣе исказившихъ начала жалованной грамоты 1785 г., и ко времени воцаренія Николая Павловича екатерининское Городовое положеніе, попрежнему офиціально признаваемое дѣйствующимъ зако-

*) Дитятинъ. — Устройство и управленіе городовъ въ Россіи, т. II, стр. 426.

номъ, находилось на самомъ дѣлѣ въ состояніи полнаго разгрома. Планъ Екатерины II объединить всѣхъ городскихъ жителей безъ различія сословій въ общей дружной работѣ на почвѣ городского самоуправленія потерпѣлъ совершенное крушеніе. Нельзя было звать сословія къ общей дѣятельности, оставляя въ силѣ и даже еще болѣе укрѣпляя сословныя перегородки, разобщившія различные элементы населенія. Дворяне гнушались совмѣстной работой съ купцами и мѣщанами, боясь запачкать свое «благородство». Купцы и мѣщане въ свою очередь сторонились отъ дворянъ, опасаясь, какъ бы послѣдніе, проникнувъ въ городскія учрежденія, не захватили въ свои руки все вліяніе на городскія дѣла. Въ результатѣ, несмотря на законъ 1785 г. и прямо вопреки его смыслу и его буквѣ, и «градское общество» и органы этого общества — городскія думы — стали фактически чисто сословными учрежденіями, въ которыхъ живущее въ городахъ дворянство не принимало участія. Это систематическое нарушеніе закона 1785 г. до такой степени укоренилось и вошло въ жизнь, что въ сознаніи общества утвердилась ложная мысль о томъ, что самъ законъ требуетъ такого порядка. Не даромъ въ 1845 г. Милютину пришлось составлять особую обширную записку въ доказательство того, что Городовое положеніе 1785 г. не только не противорѣчитъ участію дворянъ въ городскомъ самоуправленіи, но, наоборотъ, прямо и положительно включаетъ живущихъ въ городахъ дворянъ въ составъ градскаго общества*).

Не въ меньшей степени подверглось крушенію и другое начало муниципальнаго строя, провозглашенное въ 1785 г.: самостоятельность выборныхъ городскихъ учрежденій въ завѣдываніи городскимъ хозяйствомъ.

Уже въ законодательствѣ Екатерины II этотъ вопросъ былъ поставленъ совершенно неудовлетворительно: городскимъ думамъ была предоставлена чисто призрачная самостоятельность. Коронная полиція получила полную власть во всѣхъ отрасляхъ городского хозяйства, ввѣренныхъ попеченію думъ, и не нужно особенной догадливости, чтобы понять, которое изъ этихъ двухъ конкурирующихъ вѣдомствъ заняло на дѣлѣ господствующее положеніе. Неравное соот-

---

*) Ibid., стр. 40.

ношеніе силъ между короннымиадминистративными властями и муниципалитетами еще болѣе обострилось къ невыгодѣ послѣднихъ въ теченіе первой четверти XIX ст. И на практикѣ и по закону органы городского самоуправленія превратились въ безгласное и послушное орудіе короннаго начальства, и все «самоуправленіе» городовъ свелось въ концѣ концовъ къ обязательному доставленію денегъ по запросамъ казны изъ собираемыхъ съ горожанъ суммъ.

Жалкое состояніе, въ которомъ находились русскіе города въ первой четверти XIX ст., побудило правительство имп. Николая Павловича обратить вниманіе на реформу городского управленія. Посредствомъ пересмотра Городового положенія надѣялись вывести русскій городъ на путь преуспѣянія, оживить городскую промышленность и поднять уровень городской культуры.

Вопросъ о томъ, возможно ли возрожденіе городской жизни путемъ одпихъ административныхъ преобразованій безъ измѣненія всѣхъ соціальныхъ условій и отношеній, въ которыхъ пребывала тогдашняя Россія, въ правительственныхъ сферахъ того времени, повидимому, не поднимался. Не задавалось правительство и другимъ вопросомъ — какимъ образомъ офиціальныя совѣщанія и комитеты изыщутъ способы усовершенствовать городское самоуправленіе при общемъ господствѣ полицейской опеки надъ всѣми отраслями народной дѣятельности.

Цѣлый рядъ инстанцій послѣдовательно трудился надъ составленіемъ новаго городового положенія, начиная съ самыхъ первыхъ лѣтъ Николаевскаго царствованія. Еще при Александрѣ I комиссія законовъ вырабатывала проектъ городового положенія. По закрытіи названной комиссіи составленный ею проектъ былъ переданъ на разсмотрѣніе главноуправляющему II Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи Балугьянскому, который забраковалъ работу комиссіи и составилъ собственный проектъ, въ 1827 г. поступившій въ государственный совѣтъ. Государственный совѣтъ не придалъ значенія проекту Балугьянскаго и поручилъ министерству внутреннихъ дѣлъ заняться дальнѣйшей разработкой городской реформы. Министерство въ томъ же 1827 г. учредило для этой цѣли особый комитетъ, въ составъ котораго, кромѣ чиновниковъ министерства, вошли два чиновника,

по назначенію генералъ-губернаторовъ Петербурга и Москвы. Комитетъ долженъ былъ составить городовое положеніе лишь для обѣихъ столицъ. Работа была закончена къ февралю 1828 года. Жестоко раскритикованный столичными генералъ-губернаторами и дворянскими и купеческими обществами обѣихъ столицъ, которымъ онъ былъ переданъ на заключеніе, этотъ проектъ былъ отвергнутъ государственнымъ совѣтомъ. Въ 1836 г. при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ была организована новая комисія для пересмотра этого неудачнаго проекта, но и ея труды не получили одобренія и утвержденія. Въ 1840 г. только что упомянутая комисія была преобразована и съ новымъ составомъ и подъ новымъ наименованіемъ опять принялась за то же дѣло составленія проекта городового положенія. По отзыву министра, комисія «въ занятіяхъ не подвигалась» и потому черезъ два года была распущена. Наконецъ, въ 1842 г. при хозяйственномъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ открылось «временное отдѣленіе для устройства городского хозяйства», въ работахъ котораго дѣятельное участіе принялъ Николай Милютинъ, только еще выступавшій на государственное поприще. Въ теченіе двухъ лѣтъ отдѣленіе составило проектъ городового положенія для Петербурга, которому предшествовали «главныя основанія для начертанія проекта объ общественномъ устройствѣ столичнаго города С.-Петербурга». Обширныя подготовительныя работы были предприняты отдѣленіемъ въ связи съ составленіемъ этого проекта; помимо собиранія прежнихъ законовъ по городскому управленію, начиная съ Петра Великаго, во многіе города были посланы чиновники для обревизованія всѣхъ сторонъ городского управленія и составленія статистическихъ описаній осмотрѣнныхъ ими городовъ.

Въ апрѣлѣ 1844 г. составленныя отдѣленіемъ «главныя основанія» были утверждены государственнымъ совѣтомъ, но самый проектъ былъ возвращенъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ для окончательной обработки. Въ 1845 г. министерство изготовило пересмотрѣнный текстъ проекта, который вторично былъ возвращенъ изъ государственнаго совѣта въ виду послѣдовавшихъ возраженій и замѣчаній. Проектъ вторично былъ переработанъ въ министерствѣ и, наконецъ, послѣ новой его передѣлки уже въ самомъ государственномъ

совѣтѣ 13 февраля 1846 г. онъ получилъ высочайшее утвержденіе и сталъ закономъ.

Во всѣхъ этихъ многочисленныхъ проектахъ на первый планъ выдвигалась идея привлеченія къ дѣйствительному участію въ городскомъ самоуправленіи живущихъ въ городахъ дворянъ. Возстановить предначертанную въ екатерининскомъ положеніи всесословность городскихъ думъ, отнять у нихъ исключительный купечеcко-мѣщанскій характеръ, какой онѣ приняли въ жизни вопреки замысламъ законодательницы, — вотъ въ чемъ видѣли главную задачу обновленія городского управленія составители всѣхъ упомянутыхъ выше проектовъ. Казалось бы, единственнымъ средствомъ къ достиженію этой цѣли могло явиться устраненіе коренныхъ причинъ, препятствовавшихъ до тѣхъ поръ дружному сліянію сословій на почвѣ городского самоуправленія. Такихъ причинъ было двѣ: 1) рѣзкая обособленность сословій во всемъ складѣ русской жизни того времени: лишь глубокая демократизація общественнаго порядка, немыслимая безъ полной перестановки всѣхъ соціально-экономическихъ отношеній, могла бы потушить междусословный антагонизмъ, не дозволявшій дворянину вступать въ общее собраніе съ купцомъ и мѣщаниномъ; 2) безгласное подчиненіе органовъ городского самоуправленія коронному начальству: лишь настоящая независимость и самостоятельность муниципальныхъ учрежденій могла бы сдѣлать ихъ привлекательными для всѣхъ слоевъ населенія. Устранить первую причину крушенія екатерининскаго Городового положенія составители проектовъ новаго закона, конечно, не могли: не росчеркомъ пера, а медленной соціальной эволюціей совершается демократизація обществъ. Устранить вторую причину составители не хотѣли или не считали нужнымъ: стремясь привлечь дворянъ къ фактическому участію въ городскихъ учрежденіяхъ, они не только не ослабляли, но нерѣдко еще усиливали зависимость этихъ учрежденій отъ бюрократическаго надзора и властнаго руководительства короннаго начальства. Не трудно предугадать, насколько успѣшными должны были оказаться при этихъ условіяхъ попытки обновленія муниципальной жизни, хотя бы только въ одномъ Петербургѣ. Окончательнымъ результатомъ всѣхъ этихъ попытокъ явился, какъ уже сказано, за-

конъ 1846 г., вводившій новое городовое положеніе для одного Петербурга. Какое же значеніе могъ получить этотъ законъ въ исторіи городского самоуправленія Россіи? Всего лучше на этотъ вопросъ отвѣтитъ намъ сопоставленіе названнаго закона со старымъ Городовымъ положеніемъ 1785 г.

Совершенно согласно съ общимъ духомъ законодательства Николаевской эпохи, разсматриваемый новый законъ былъ изданъ въ качествѣ «разработки» стараго Положенія, которое въ своихъ основныхъ началахъ было признано подлежащимъ незыблемому сохраненію. Главнѣйшіе пункты, которыхъ коснулась «разработка», состояли въ слѣдующемъ.

Новое Положеніе стремилось прежде всего яснѣе и опредѣленнѣе установить принадлежность къ градскому обществу всѣхъ слоевъ городского населенія, включая и живущихъ въ городахъ дворянъ. И потому вмѣсто простого установленія общаго имущественнаго ценза для участія въ городскомъ обществѣ, теперь поименно перечислялись всѣ разряды населенія, составляющіе городское общество. Но освящая всесословность городского общества, положеніе 1846 г. не дѣлаетъ его *без*сословнымъ. Наоборотъ, теперь еще сильнѣе подчеркивалась раздѣльность тѣхъ сословныхъ группъ, которыя должны были объединиться въ городскомъ управленіи, отнюдь не сливаясь, однако, въ однородную массу. Во-первыхъ, разныя сословія входятъ въ городское общество на различныхъ основаніяхъ: дворяне, почетные граждане и разночинцы — по владѣнію недвижимой собственностью въ чертѣ города, а купцы, мѣщане и цеховые ремесленники — просто въ силу принадлежности къ опредѣленному податному состоянію. Затѣмъ и въ составѣ этого самаго градскаго общества сословныя группы дѣйствуютъ раздѣльно. Для выборовъ гласныхъ въ думу каждое сословіе составляетъ особое избирательное собраніе; далѣе, каждая сословная группа избираетъ гласныхъ только изъ своей собственной среды. «Общая дума», такимъ образомъ составленная, является лишь механическимъ соединеніемъ представителей отдѣльныхъ сословій. Она и формально раздѣляется на 5 отдѣленій по числу городскихъ сословій *). У каждаго отдѣленія—свой сословный старшина.

*) Отдѣленія: 1) потомственныхъ дворянъ, 2) дворянъ личныхъ и почетныхъ гражданъ, 3) купцовъ, 4) мѣщанъ и 5) ремесленниковъ.

Въ высшей степени рѣдко общая дума дѣйствуетъ въ полномъ составѣ, т.-е. въ видѣ общаго собранія гласныхъ всѣхъ отдѣленій. Обыкновенно дума собирается *по отдѣленіямъ*, въ которыхъ гласные каждаго сословія разсматриваютъ особо дѣла, до него касающіяся. Этого мало: даже и такія дѣла, которыя касаются *нѣсколькихъ* сословій, разсматриваются въ каждомъ отдѣленіи думы *порознь*, причемъ приговоромъ думы считается рѣшеніе, за которое выскажется большинство по всѣмъ отдѣленіямъ. Такой же всесословный, но не безсословный составъ приданъ и «распорядительной думѣ»—органъ, соотвѣтствовавшій шестигласной думѣ по положенію 1785 г. Члены распорядительной думы избираются опять-таки по сословіямъ. То же начало было примѣнено и къ городскому депутатскому собранію. Это послѣднее учрежденіе даже по положенію 1785 г. имѣло безсословную организацію. Теперь здѣсь вводятся тѣ же выборы по сословнымъ группамъ и то же производство дѣлъ по обособленнымъ сословнымъ отдѣленіямъ, какъ и въ общей думѣ. Изложенныя постановленія имѣли цѣлью привлечь дворянъ къ фактическому участію въ городскомъ самоуправленіи, не пугая ихъ перспективой полнаго смѣшенія съ сѣрой купеческой и мѣщанской массой. Законодатель пошелъ еще дальше и постарался сосредоточить въ рукахъ высшихъ, или, по выраженію разсматриваемаго закона *старшихъ*, сословій преимущественное руководящее вліяніе на ходъ городскихъ дѣлъ. Такъ при разсмотрѣніи какого-либо вопроса въ нѣсколькихъ отдѣленіяхъ общей думы первоначально должны были постановить свои рѣшенія отдѣленія двухъ «старшихъ» сословій, остальныя отдѣленія получаютъ эти уже готовыя рѣшенія и прямо приступаютъ къ ихъ баллотированію и только, если баллотировка не дастъ благопріятнаго для нихъ результата, младшія отдѣленія приступаютъ къ самостоятельному обсужденію вопроса. На практикѣ этотъ странный порядокъ сводился просто на просто къ тому, что младшія отдѣленія принимали къ подписанію готовыя резолюціи старшихъ, чѣмъ и ограничивалось ихъ участіе въ дѣлахъ думы. Въ думѣ «распорядительной» главенство «старшихъ» сословій выражалось уже въ крайне неравномѣрномъ распредѣленіи мѣстъ, занимавшихся представителями отдѣльныхъ сословій: изъ 12 выборныхъ членовъ распорядительной думы каждое изъ трехъ высшихъ сословій выбираетъ по 3 представителя (итого — 9),

тогда какъ два низшія сословія — мѣщане и ремесленники — оба вмѣстѣ представлены тремя гласными. Всѣ эти заботы по выдвиганію на первый планъ въ дѣятельности думъ представителей дворянства и почетнаго гражданства вытекали изъ увѣренности въ томъ, что одного привлеченія къ городскимъ дѣламъ высшихъ слоевъ городского населенія будетъ достаточно для возрожденія захудалаго городского самоуправленія. Посмотримъ же, какія рамки ставило Положеніе 1846 г. для обновленныхъ по составу и призываемыхъ къ возрожденію городскихъ учрежденій.

Прежде всего достойно упоминанія, что Положеніе 1846 г. значительно сократило количество избирателей при выборахъ въ думу, поднявъ установленный для того имущественный цензъ съ 15 р. серебромъ чистаго дохода до 100 р. с. Количество избираемыхъ въ общую думу гласныхъ опредѣлялось Положеніемъ 1846 г. minimum по 100 и maximum по 150 человѣкъ отъ каждаго сословія, т.-е. на всю общую думу minimum 500 и maximum — 750 гласныхъ *). Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить что всѣ городскія сословія, независимо отъ ихъ численности, выбирали по одинаковому числу гласныхъ, это — новая привилегія для высшихъ сословій, значительно уступавшихъ количественно низшимъ слоямъ городского населенія. Гласные избираются на три года, какъ и по старому Положенію. О раздѣленіи общей думы на секціи было сказано выше. Объединительнымъ органомъ всей думы служилъ городской голова. Въ порядкѣ замѣщенія этой важной должности Положеніе 1846 г. рѣзко отступаетъ отъ стараго положенія къ невыгодѣ для муниципальной автономіи. По законамъ Екатерины II городской голова избирался самимъ градскимъ обществомъ и лишь утверждался въ должности правительствомъ. Теперь дума (а не все градское общество) должна была выбирать изъ своей среды лишь двухъ кандидатовъ, одного изъ которыхъ утверждаетъ императоръ. Кандидаты могутъ быть намѣчаемы лишь изъ среды дворянства, почетнаго гражданства и первогильдейскаго купечества, притомъ не моложе 30 лѣтъ отъ роду и съ недвижимой собственностью не ниже 15 тысячъ рублей Измѣненіемъ порядка

*) Уже въ 1862 г. число гласныхъ общей думы было сокращено до 250 человѣкъ.

при замѣщеніи должности городского головы не ограничились постановленія новаго закона, суживавшія примѣненіе выборнаго начала въ городскомъ управленіи. Такъ, весь составъ думской канцеляріи опредѣлялся правительствомъ.

Въ составъ «распорядительной думы», замѣнившей собою прежнюю шестигласную, сверхъ 12 выборныхъ гласныхъ былъ введенъ еще тринадцатый «членъ отъ короны». Составители Положенія 1846 г. не только не опасались бюрократизаціи муниципальныхъ учрежденій, но наоборотъ усматривали причину неудачи городской реформы 1785 г. какъ разъ въ томъ, что примѣненіе и развитіе началъ екатерининскаго Положенія было предоставлено всецѣло «самимъ *обществамъ*, слишкомъ мало образованнымъ для этого». И вотъ, членъ отъ короны, назначаемый самимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, долженъ былъ по ихъ замыслу оживотворить муниципальное управленіе, внося въ него съ своей стороны административный опытъ и просвѣщенное воззрѣніе на дѣла.

Предѣлы вѣдомства городскихъ думъ, кругъ предоставленныхъ имъ дѣлъ оставался тотъ же, что и по Положенію 1785 г., но при этомъ не только не ослаблялось, но даже еще усиливалось вмѣшательство коронной администраціи въ дѣятельность городскихъ учрежденій. Опека и надзоръ со стороны коронной власти опутывали городское самоуправленіе по рукамъ и ногамъ. Не говоря уже о томъ, что всѣ наиболѣе важныя функціи отправлялись думою не иначе, какъ съ утвержденія «начальства», слѣдуетъ замѣтить, что и внутренній распорядокъ городскихъ учрежденій, взаимныя отношенія отдѣльныхъ муниципальныхъ органовъ въ самой широкой мѣрѣ подчинялись усмотрѣнію различныхъ «начальствъ». Такъ, распорядительная дума, по существу — исполнительный органъ общей думы, была поставлена въ непосредственное подчиненіе не общей думѣ, а коронной администраціи. Всякій приговоръ общей думы, съ которымъ распорядительная дума не согласится, послѣдняя могла представить начальнику губерніи, который съ своей стороны могъ внести спорное дѣло съ своимъ заключеніемъ на разрѣшеніе военнаго генералъ-губернатора. Легко видѣть, что изложенное правило въ сущности сводило къ нулю право общей думы принимать самостоятельныя рѣшенія по управленію городомъ. Но и распорядительная дума въ свою очередь была

поставлена въ такое же положеніе по отношенію къ своему предсѣдателю - городскому головѣ. Мѣстное «главное начальство» получило право предписывать городскому головѣ принимать *лично*, безъ предварительнаго доклада распорядительной думѣ, неотложныя мѣры по дѣламъ общественнаго управленія. Усмотрѣніе коронного начальства продвигалось между головой и распорядительной думой точно такъ-же, какъ и между двумя думами — распорядительной и общей. Система автономныхъ муниципальныхъ учрежденій, воздвигнутая Положеніемъ 1846 г., на повѣрку оказывалась чистой фикціей, и отдѣльныя части этой системы, въ сущности обособленныя другъ отъ друга, превращались просто-напросто въ рядъ исполнительныхъ органовъ коронной власти. Все вообще городское управленіе было отдано по этому Положенію «подъ главное наблюденіе и вѣдѣніе военнаго генералъ-губернатора». Помимо распоряженія этого послѣдняго не могло быть созвано ни одно собраніе «градскаго общества» и общей думы. Военный генералъ-губернаторъ разрѣшалъ несогласія, возникавшія между обѣими думами; онъ же по соглашенію съ министромъ внутрен. дѣлъ составлялъ инструкцію члену отъ короны, входившему въ составъ распорядительной думы; онъ же назначалъ одного изъ выбранныхъ общею думою кандидатовъ на должность городского секретаря, утверждалъ изъ выбранныхъ кандидатовъ сословныхъ старшинъ, утверждалъ въ должности членовъ распорядительной думы и торговой депутаціи. Наконецъ, рѣшенія распорядительной думы по нѣкоторымъ категоріямъ дѣлъ обязательно представлялись на его утвержденіе. Наряду съ военнымъ генералъ-губернаторомъ на городское самоуправленіе Петербурга распространялъ свое «непосредственное вѣдѣніе» и гражданскій губернаторъ. Онъ обязательно предсѣдательствовалъ въ распорядительной думѣ при разсмотрѣніи ежегодной росписи и кромѣ того могъ занять тамъ предсѣдательское мѣсто всегда, когда находилъ это нужнымъ; онъ могъ предписать думѣ внести въ дополнительныя росписи расходъ на тѣ или другія нужды, признанныя имъ неотложными. Справедливо замѣчаетъ Дитятинъ *), что въ этихъ случаяхъ правительственная власть уже не ограни-

*) Устройство и управленіе городовъ въ Россіи, т. II.

чивается *надзоромъ* за городскимъ самоуправленіемъ, а переходитъ къ прямому вмѣшательству въ дѣятельность муниципальныхъ учрежденій. Сообразивъ совокупность всѣхъ этихъ постановленій объ отношеніяхъ городскихъ учрежденій къ «коронному начальству», естественно глубоко усомниться въ томъ, чтобы въ этомъ «обновленномъ» и «переработанномъ» городскомъ самоуправленіи осталась еще хотя бы слабая тѣнь истинной муниципальной автономіи. Императоръ Николай Павловичъ, не склонный поощрять преобразовательную предпріимчивость, могъ спокойно дать этому Положенію силу закона: оно ничего по существу не реформировало, а если и вводило какія-либо новости сравнительно съ Положеніемъ 1785 г., то лишь ради вящшаго торжества той самой бюрократической опеки, которая полагалась во главу угла всей правительственной политики этого царствованія. Слѣдуетъ ли удивляться тому, что городское населеніе Петербурга не сочло для себя особенно заманчивымъ работу въ обновленномъ городскомъ самоуправленіи, и можно ли, — какъ это иногда дѣлается, — приписывать неуспѣхъ этой правительственной реформы косности общества? Городская реформа 1846 г. была чисто бумажной реформой. Она не опиралась на реальное соотношеніе наличныхъ общественныхъ силъ, она не провозглашала какого-либо животворнаго принципа. Ея практическія послѣдствія свелись къ кое-какимъ техническимъ починкамъ старой екатерининской системы городскихъ учрежденій, — и только. Объединить общество на почвѣ городского самоуправленія, раздвинуть рамки муниципальной автономіи и вдохнуть въ ея формы жизненную энергію — такія починки, разумѣется, не могли и, если составители Положенія 1846 г. ставили себѣ подобныя задачи, то совершенное ими дѣло не приходится признать удачной попыткой.

4.

СОСЛОВНЫЯ РЕФОРМЫ: ДВОРЯНСТВО, ПОЧЕТНОЕ ГРАЖДАНСТВО КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ.

Мы уже знаемъ, что къ 1830 г. такъ называемый комитетъ 6 декабря выработалъ проектъ «закона о состояніяхъ», въ которомъ содержались новыя постановленія о всѣхъ сосло-

віяхъ. Намѣченныя въ проектѣ нововведенія были болѣе, чѣмъ скромны: для очистки совѣсти было сказано нѣсколько общихъ фразъ о духовенствѣ, отмѣнялось полученіе дворянскаго достоинства выслугою чиновъ и въ связи съ этимъ проектировалось новое сословіе именитыхъ гражданъ и наконецъ робко затрагивался вопросъ о крѣпостныхъ крестьянахъ съ явнымъ желаніемъ ограничить разработку этого вопроса частными палліативами и подмѣнить задачу раскрѣпощенія владѣльческихъ крестьянъ задачей улучшенія быта крестьянъ казенныхъ. Какъ ни были осторожны и незначительны всѣ эти предположенія, основанный на нихъ проектъ «закона о состояніяхъ» все же не получилъ осуществленія. Судьба этого проекта очень характерна. Она живо рисуетъ безсиліе законодательной машины, направляемой «всемогущей» бюрократіей. По приказанію императора упомянутый проектъ былъ внесенъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. Тамъ онъ былъ принятъ послѣ нѣкоторыхъ поправокъ. Императоръ дважды возвращалъ его въ совѣтъ для исправленій, и наконецъ въ іюнѣ 1830 г. проектъ въ окончательномъ видѣ получилъ утвержденіе государя. Казалось бы, дѣло было кончено, оставалось лишь обнародовать новый законъ установленнымъ порядкомъ. Но въ этотъ послѣдній моментъ сомнѣнія и колебанія овладѣли душою государя. Присущій ему страхъ передъ всякой, хотя бы невинной, реформой сказался со всей силой. Не приступая къ обнародованію закона, государь отправилъ его на предварительное разсмотрѣніе цесаревича Константина Павловича въ Варшаву. Это обстоятельство рѣшило все дѣло. Цесаревичъ представилъ пространный отзывъ, похожій на заклинаніе воздержаться отъ опасной ломки существующихъ порядковъ. По тону отзыва цесаревича можно было бы подумать, что дѣло шло о цѣломъ переворотѣ въ сословной организаціи Россіи. Надежнѣйшая ограда основныхъ государственныхъ законовъ и уставовъ есть ихъ древность; сохраненіе «древняго порядка главныхъ состояній» всего лучше обезпечиваетъ твердость государственнаго быта и потому предположенныя существенныя перемѣны слѣдовало бы «отдать еще на судъ времени» и во всякомъ случаѣ не осуществлять «вдругъ во многихъ предметахъ», какъ это предлагается въ проектѣ.

Мысли, высказанныя цесаревичемъ, произвели глубо-

кое впечатлѣніе на государя тѣмъ болѣе, что онѣ вполнѣ соотвѣтствовали его собственнымъ убѣжденіямъ. Хотя отзывъ цесаревича и былъ переданъ предсѣдателю государственнаго совѣта для отвѣтныхъ объясненій, которыя и были дѣйствительно составлены, но дѣло объ изданіи «закона о состояніяхъ» уже не получило дальнѣйшаго движенія *). На Западѣ поднялась революціонная гроза, въ Польшѣ вспыхнуло возстаніе. Трудно было бы указать, какія точки соприкосновенія могли бы получиться между этими политическими сотрясеніями и обнародованіемъ невиннѣйшаго «закона о состояніяхъ», проектированнаго сановными членами комитета 6-го декабря. Но лозунгъ «не время дѣлать реформы» восторжествовалъ по всей линіи съ полученіемъ вѣстей о западныхъ событіяхъ. Чахлое дѣтище сановныхъ думъ вдругъ показалось страшнымъ призракомъ, и его поспѣшили похоронить въ архивной пыли, откуда оно выглянуло, наконецъ, на свѣтъ Божій не ранѣе 1894 г. въ не разъ уже цитированномъ мною Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества.

Посмотримъ теперь, какъ справлялось законодательство Николаевскаго царствованія съ наслѣдіемъ, оставленнымъ ему комитетомъ 6 декабря по вопросу объ устройствѣ общественныхъ состояній.

Вопросъ о реорганизаціи дворянскаго сословія совсѣмъ не ставился на очередь во всемъ его объемѣ. Предположенія, выдвинутыя комитетомъ 6 декабря, отразились на послѣдующемъ законодательствѣ лишь косвенно и частично. Доступъ въ ряды дворянства посторонимъ элементамъ путемъ выслуги чиновъ отмѣненъ не былъ, но зато были повышены условія для такого доступа въ цѣляхъ его ограниченія. Манифестомъ 1845 г. были повышены чины, какъ по военной, такъ и по гражданской службѣ, дававшіе права потомственнаго дворянства: теперь только первый *штабъ*-офицерскій чинъ долженъ былъ приносить потомственное дворянство, а первый *оберъ*-офицерскій чинъ — лишь личное дворянство, по гражданской же службѣ потомственное дворянство должно было пріобрѣтаться чиномъ 5-го класса, а не 8-го, какъ было установлено табелью о рангахъ. Личное дворянство должно было пріобрѣтаться по гражданской службѣ чиномъ 9 класса,

*) Сборн. Истор. Общ., т. 90, стр. 467—536.

тогда какъ чины ниже 9 класса давали только личное почетное гражданство. Такимъ образомъ, предложенія комитета 6 декабря были осуществлены лишь наполовину: пріобрѣтеніе дворянства чиномъ не было уничтожено, но было затруднено. Въ то же время для дворянъ были установлены сокращенные сроки производства въ чины. Другая мѣра, намѣченная комитетомъ 6 декабря по отношенію къ дворянству, — ограниченіе дробимости дворянскихъ имѣній — была осуществлена закономъ 1845 г. о заповѣдныхъ недвижимыхъ имѣніяхъ. Обширнаго примѣненія этотъ законъ получить не могъ въ виду весьма высокаго минимальнаго размѣра, установленнаго для имѣній, могущихъ быть обращенными въ заповѣдныя: 400 крестьянскихъ дворовъ или 10 тысячъ удобной земли съ доходомъ 12 тыс. р. с. въ годъ.

На ряду съ этими мѣрами, направленными къ поднятію и расширенію привилегій дворянскаго сословія, при Николаѣ Павловичѣ были однако изданы и другого рода узаконенія, которыя ограничивали права дворянства, освященныя еще екатерининской жалованной грамотой. Эти ограничительныя узаконенія были вызваны разнообразными мотивами. Во-первыхъ, и дворянству пришлось принести свои жертвы на алтарь политической реакціи, прочно воцарившейся у насъ при Николаѣ Павловичѣ. Императоръ усиленно старался объ установленіи политическаго карантина на нашей западной границѣ. Онъ усматривалъ страшный вредъ отъ поѣздокъ русскихъ людей въ Западную Европу, обуреваемую либеральными стремленіями, и для предотвращенія этого вреда не остановился передъ нарушеніемъ дворянскихъ правъ, утвержденныхъ грамотой 1785 г. Въ 1831 г. было воспрещено отправлять россійскихъ юношей моложе 18 лѣтъ за границу для усовершенствованія въ наукахъ, въ 1834 г. срокъ дозволеннаго пребыванія въ чужихъ краяхъ съ узаконеннымъ паспортомъ ограничивался для дворянъ пятью годами (для прочихъ сословій — 3-мя годами), въ 1851 г. эти сроки подверглись дальнѣйшему сокращенію: для дворянъ до 3 лѣтъ, для лицъ прочихъ сословій — до двухъ. Въ то же время была сильно повышена оплата заграничныхъ паспортовъ.

Другого рода ограниченія были вызваны желаніемъ привлечь дворянъ къ службѣ въ мѣстныхъ учрежденіяхъ. Въ 1837, въ 1840 гг. вышли запрещенія принимать дворянъ на

службу въ министерства, пока они не прослужатъ установленныхъ сроковъ въ мѣстахъ губернскихъ. Наконецъ, нѣкоторыя ограниченія дворянскихъ преимуществъ стояли въ связи съ попытками правительства по ослабленію крѣпостного права, которыя будутъ отмѣчены ниже при обзорѣ законодательства по крестьянскому вопросу. Сюда относятся: воспрещеніе пріобрѣтать крестьянъ безъ земли тѣмъ дворянамъ, которые не владѣютъ населенными имѣніями (1841 г.); стѣсненіе въ правѣ владѣть населенными имѣніями для возведенныхъ въ дворянское достоинство изъ крестьянъ (1842 г.); запрещеніе продавать крестьянъ безъ земли съ публичнаго торга въ удовлетвореніе частныхъ долговъ, а также продавать крестьянъ съ раздробленіемъ семействъ (1833 г.); воспрещеніе отдавать крестьянъ въ работу на горные заводы (1827 г.); ограничительныя правила о правѣ помѣщиковъ ссылать крестьянъ въ Сибирь (1827 и 1828 гг.); регулированіе закономъ карательныхъ мѣръ, примѣняемыхъ къ крестьянамъ помѣщиками (1845—46 гг.); запрещеніе поручать управителямъ безъ вѣдома самого помѣщика удалять крестьянъ изъ имѣнія или отдавать ихъ въ рекруты (1854 г.); запрещеніе сдавать въ аренду имѣнія, населенныя крѣпостными крестьянами (1853 г.). Конечно, всѣ эти постановленія стѣсняли владѣльческія права дворянъ по отношенію къ крѣпостнымъ крестьянамъ и населеннымъ имѣніямъ. И многимъ дворянамъ уже чудился въ этихъ отрывочныхъ мѣрахъ правительства страшный для нихъ призракъ отмѣны самого крѣпостного права. Эти опасенія не были безосновательны, но для эпохи императора Николая I были еще преждевременны.

Ходатаи за незыблемое сохраненіе крестьянской неволи еще окружали тронъ плотной стѣной. Мы сейчасъ перейдемъ къ дѣятельности этихъ сановныхъ крѣпостниковъ, предварительно бросивъ взглядъ на то, что было сдѣлано законодательствомъ Николая Павловича по устройству «средняго состоянія».

Самой крупной мѣрой по отношенію «къ среднему состоянію» было учрежденіе въ 1832 г. *почетнаго гражданства*. То былъ косвенный отголосокъ тѣхъ предположеній, которыя возникали еще въ комитетѣ 6 декабря. Однако, тогда образованіе особаго привилегированнаго разряда лицъ средняго состоянія ставилось въ связь съ проектированной от-

мѣной полученія дворянскаго достоинства выслугою чиновъ. Какъ мы уже знаемъ, полученіе дворянства чиномъ осталось въ силѣ, а потому и реформа «средняго состоянія» получила иное направленіе. Установленіе почетнаго гражданства въ 1832 г. вызвано было желаніемъ предотвратить обращеніе почетныхъ купеческихъ фамилій въ мѣщанство вслѣдствіе разстройства денежныхъ дѣлъ и невозможности объявить гильдейскій капиталъ. Съ этою цѣлью и былъ созданъ разрядъ «почетныхъ гражданъ», пребываніе въ которомъ не требовало непремѣннаго сохраненія за собою гильдейскаго капитала.

Соотвѣтственно съ этимъ почетнымъ гражданамъ уже не присвоялось той доли дворянскихъ привилегій, которую комитетъ 6 декабря предполагалъ предоставить «именитымъ гражданамъ». Права почетныхъ гражданъ по закону 1832 г. ограничивались свободою отъ рекрутской повинности, подушнаго оклада и тѣлеснаго наказанія. Тѣми же правами пользовалось и гильдейское купечество. Почетное гражданство дѣлилось на потомственное и личное.

Въ составъ перваго вступали — 1) дѣти личныхъ дворянъ и церковнослужителей съ опредѣленнымъ образовательнымъ цензомъ — *по рожденію*, 2) коммерцъ-и мануфактуръ-совѣтники, купцы, пробывшіе 20 лѣтъ сряду въ первой гильдіи, купцы, получившіе внѣ службы чинъ или орденъ, ученые и художники, имѣющіе ученыя степени и дипломы — *по ходатайству*. Въ составъ личнаго почетнаго гражданства вступали: 1) дѣти церковно-служителей, не обладающихъ установленнымъ образовательнымъ цензомъ — *по рожденію*, 2) лица, кончившія университеты, коммерческія училища и мн. др. — *по ходатайству* и 3) *по служебной выслугѣ* — лица, получившія тѣ чины, которые не давали дворянства.

Какъ видимъ, вопросы о сословной организаціи и дворянства и «средняго состоянія» не вызвали усиленнаго движенія въ законодательствѣ Николаевскаго царствованія. Зато вопросъ *крестьянскій* доставилъ наибольшее количество хлопотъ правительству Николая Павловича *). Императоръ живо сознавалъ всю неотложность разрѣшенія этого больного вопроса законодательнымъ порядкомъ. Онъ прямо назвалъ крѣ-

---

*) Семевскій — Крестьянскій вопросъ въ Россіи, т. II.

постное право «зломъ, для всѣхъ ощутительнымъ и очевиднымъ». Въ бесѣдѣ со своимъ лучшимъ совѣтникомъ по крестьянскому дѣлу Киселевымъ онъ высказывалъ, что приготовляется начать «процессъ противъ рабства, когда наступитъ время освободить крестьянъ во всей имперіи», и горько жаловался при этомъ на недостатокъ помощниковъ, сочувствующихъ этой идеѣ и понимающихъ всю важность этого вопроса. Но сознаніе неизбѣжности реформы крѣпостныхъ отношеній соединялось у него съ чувствомъ страха передъ крупными соціальными преобразованіями, а желаніе найти надежныхъ помощниковъ въ этомъ трудномъ дѣлѣ разбивалось объ отчужденіе трона отъ всѣхъ живыхъ, сознательныхъ и передовыхъ элементовъ общества. И попрежнему разработка крестьянскаго вопроса не выходила изъ рамокъ небольшихъ секретныхъ комитетовъ, большинство членовъ которыхъ было завѣдомо враждебно не только отмѣнѣ, но даже и простому смягченію крѣпостного права. Всѣ эти комитеты твердо держались завѣтовъ своего предшественника— комитета 6-го декабря: раздроблять вопросъ на частности и второстепенные палліативы, отнюдь не ставя его во всемъ объемѣ. Отмѣна крѣпостного права, какъ общая мѣра, разъ навсегда была признана дѣломъ лишь отдаленнаго будущаго, пока же считалось возможнымъ обсуждать либо частичные способы смягченія крѣпостной зависимости, либо порядокъ отпуска на волю отдѣльныхъ крестьянъ и крестьянскихъ обществъ. Впрочемъ и при такомъ обсужденіи сами собой намѣчались мало-по-малу общія основанія крестьянской реформы, и въ этомъ отношеніи въ теченіе царствованія Николая Павловича были достигнуты нѣкоторые *теоретическіе* результаты.

Начавъ съ идеи беземельнаго освобожденія, секретные комитеты пришли впослѣдствіи къ мысли о необходимости земельнаго обезпеченія освобождаемаго крестьянина, однако при условіи сохраненія и за помѣщиками права собственности на всѣ ихъ земли.

Впервые послѣ распущенія комитета 6-го декабря крестьянскій вопросъ вновь былъ сдѣланъ предметомъ официальнаго обсужденія въ 1833—34 годахъ. Тогда въ государственномъ совѣтѣ разсматривался вопросъ о запрещеніи продажи крестьянъ безъ земли.

Послѣ долгихъ обсужденій вопросъ въ общей формѣ былъ

похороненъ, и достигнутый законодательный результатъ ограничился воспрещеніемъ продавать крестьянъ безъ земли съ публичнаго торга, а также дробить семьи при продажѣ. Въ мартѣ 1835 г. былъ учрежденъ второй секретный комитетъ «для изысканія средствъ къ улучшенію состоянія крестьянъ разныхъ званій». Въ этомъ комитетѣ уже участвовалъ Киселевъ, дѣятельно занимавшійся крестьянскимъ вопросомъ, изучавшій ходъ крестьянскихъ реформъ въ западныхъ странахъ и самъ практически поработавшій надъ крестьянскимъ дѣломъ въ Молдавіи и Валахіи. Киселевъ имѣлъ свои оригинальныя воззрѣнія на возможныя формы разрѣшенія крестьянскаго вопроса, но въ комитетѣ 1835 г. онъ не игралъ замѣтной роли, уступая первенство старымъ дѣятелямъ — Сперанскому и Канкрину. Немудрено, что комитетъ 1835 г. пошелъ цѣликомъ по прежней дорожкѣ, повторяя общія мѣста изъ протоколовъ комитета 6-го декабря. Единственно вѣрнымъ способомъ разрѣшенія крестьянскаго вопроса былъ признанъ «осторожно размѣренный переходъ отъ одной степени крѣпостной зависимости къ другой, менѣе тяжелой и *нечувствительное* возведеніе крестьянъ отъ состоянія крѣпостного до состоянія свободы».

Старая пѣсня: дѣлать реформы такъ, чтобы никто ихъ не замѣтилъ и не почувствовалъ.

Три степени «состоянія крестьянъ» были намѣчены комитетомъ: 1) полная зависимость отъ помѣщика съ единственнымъ только ограниченіемъ барщинной работы тремя днями въ недѣлю по закону 1797 г.; 2) прикрѣпленіе къ землѣ съ обязательствомъ работать на господина лишь въ указанныхъ закономъ размѣрахъ пропорціонально количеству получаемой отъ помѣщика земли, и 3) безземельное освобожденіе съ правомъ обрабатывать владѣльческія земли на основаніи заключаемыхъ съ помѣщиками договоровъ: порядокъ, установленный въ Остзейскомъ краѣ при Александрѣ I.

Приведеніе всѣхъ крестьянъ различныхъ наименованій на эту третью степень, т.-е. на положеніе остзейскаго крестьянства, комитетъ и считалъ окончательной формой разрѣшенія крестьянскаго вопроса въ Россіи. Иначе говоря, комитетъ допускалъ въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ не иначе, какъ безземельное освобожденіе крестьянъ. Но эта цѣль — совершенно согласно съ характеромъ сужде-

нiй и комитета 6-го декабря считалась достижимой лишь медленнымъ и долгимъ путемъ, такъ какъ, переходъ отъ одного «состоянiя» къ другому предполагался въ видѣ цѣлаго ряда отдѣльныхъ мѣръ и распоряженiй, приводимыхъ въ дѣйствiе постепенно и «съ разстановкою» и притомъ составляющихъ такого рода *измѣненiя* прежняго порядка, которыя «отнюдь не имѣли бы вида какой-либо *перемѣны*». Можно дѣлать нововведенiя, но такъ, чтобы все оставалось по старому! Формулированiемъ этихъ глубокихъ и смѣлыхъ идей относительно крестьянъ крѣпостныхъ, комитетъ и ограничилъ свои занятiя крѣпостнымъ вопросомъ, постановивъ затѣмъ перейти къ казеннымъ крестьянамъ. Министръ финансовъ гр. Канкринъ представилъ на обсужденiе комитету проектъ новаго управленiя казенными имуществами и самъ же заявилъ при этомъ, что — по его мнѣнiю — сочиненный имъ проектъ ни къ чему не приведетъ. Не мудрено, что дѣятельность комитета 1835 г. не ознаменовалась никакими практическими результатами. Сами его члены не вѣрили въ серьезное значенiе собственныхъ занятiй, и комитету оставалось только одно — поскорѣе прекратить свое бездѣльное существованiе.

Въ началѣ 1836 г. онъ былъ распущенъ. Съ этого момента въ разработкѣ крестьянскаго вопроса выдвигается влiянiе Киселева. Кое въ чемъ даровитому и энергичному Киселеву удалось сдвинуть крестьянскiй вопросъ съ мертвой точки, но достигнутые имъ послѣ упорныхъ усилiй результаты, оказались уже предѣльной чертой тѣхъ успѣховъ, до которыхъ вообще способно было дойти Николаевское правительство. Тотчасъ по закрытiи комитета 1835 г. Киселевъ беретъ въ свои руки реформу быта казенныхъ крестьянъ съ тѣмъ, чтобы воплотить въ реальныя формы отвлеченныя разсужденiя предшествующихъ комитетовъ о необходимости подать помѣщикамъ «примѣръ» улучшенiемъ устройства казенныхъ крестьянъ. Киселевъ становится во главѣ вновь образованнаго министерства государственныхъ имуществъ (1836), въ вѣдѣнiе котораго переводятся казенные крестьяне, ранѣе состоявшiе въ вѣдомствѣ министерства финансовъ. На этомъ посту Киселевъ развилъ энергичную дѣятельность.—Не мало было ошибокъ и недочетовъ въ этой дѣятельности, но въ общемъ съ именемъ Киселева несомнѣнно связаны крупные успѣхи въ улучшенiи быта казенныхъ крестьянъ.—Занимаясь казен-

ными крестьянами, Киселевъ не упускалъ изъ виду связи этой ближайшей своей задачи съ крестьянскимъ вопросомъ во всемъ его объемѣ. И когда черезъ три года послѣ закрытія комитета 1836 г. былъ образованъ новый комитетъ по вопросу объ измѣненіи быта крѣпостныхъ крестьянъ, Киселевъ сыгралъ первенствующую роль въ его работахъ. Членами новаго комитета, открытаго подъ предсѣдательствомъ кн. Васильчикова, были назначены — кромѣ Киселева,—гр. Орловъ, мин. юстиціи графъ Панинъ, Блудовъ, Тучковъ, Танѣевъ и управл. мин. вн. дѣлъ гр. Строгановъ. Правителемъ дѣлъ при комитетѣ состоялъ Ханыковъ. Комитетъ 1839—1842 гг. отличается отъ своихъ предшественниковъ уже тѣмъ, что его работы увѣнчались нѣкоторымъ опредѣленнымъ результатомъ: изданіемъ закона 1842 г. объ *обязанныхъ крестьянахъ*. Правда, этотъ законъ не получилъ, да какъ увидимъ, и не могъ получить, сколько-нибудь замѣтнаго практическаго приложенія. Но онъ знаменовалъ собою немаловажный поступательный шагъ въ теоретической постановкѣ крестьянскаго вопроса. Съ этой именно стороны получаетъ особенный интересъ и исторія подготовки названнаго закона въ комитетѣ 1839—1842 гг. При открытіи комитета ему повелѣно было заняться пересмотромъ закона 1802 г. о свободныхъ хлѣбопашцахъ. Комитетъ готовился приступить къ выполненію этой задачи на почвѣ тѣхъ же самыхъ воззрѣній, которыя господствовали въ предшествующихъ офиціальныхъ совѣщаніяхъ по крестьянскому вопросу.

Только три года тому назадъ совѣтники Императора Николая провозгласили *безземельное* освобожденіе крестьянъ единственной формой, въ которой можетъ разрѣшиться въ отдаленномъ будущемъ крестьянскій вопросъ. И теперь большинство ихъ понимало задачу пересмотра закона 1802 г. именно въ смыслѣ приспособленія этого закона къ подготовкѣ *безземельнаго* освобожденія. Законъ 1802 г. какъ разъ не допускалъ беззземельнаго освобожденія и съ этой-то стороны онъ и нуждался, по мнѣнію комитета, въ исправленіи и переработкѣ. Въ предварительной запискѣ, которая была доложена комитету при открытіи его засѣданій, прямо было сказано: «Правительство имѣетъ въ виду улучшить бытъ крестьянъ и постепенно выводить ихъ изъ крѣпостного состоянія, не ослабляя *значущности* достоянія дворянства, *единственно*

въ земляхъ состоящаго». Противъ этой-то програмы *безземельнаго* освобожденія и выступилъ со всей энергіей Киселевъ. И ему удалось, наперекоръ господствующимъ воззрѣніямъ, выдвинуть и закрѣпить законодательнымъ порядкомъ совершенно противоположную мысль — *освобожденіе крестьянина должно неразрывно соединяться съ его земельнымъ обезпеченіемъ*.

Однако, по мысли Киселева земельное обезпеченіе освобождаемыхъ крестьянъ отнюдь не должно было производиться насчетъ сокращенія правъ собственности помѣщиковъ на принадлежащія имъ земли. Нужно дать землю крестьянину, не отнимая ее въ тоже время и у дворянина. Разрѣшенію этой задачи Киселевъ посвятилъ обширную записку, внесенную имъ въ комитетъ и легшую затѣмъ въ основаніе закона объ обязанныхъ крестьянахъ. И безземельное освобожденіе, и передача крестьянамъ части помѣщичьей земли, — говорилось въ запискѣ, — одинаково опасно для правильнаго и спокойнаго развитія государственной жизни. Безземельное освобожденіе породитъ сельскій пролетаріатъ, который явится постояннымъ источникомъ революціонныхъ смутъ. Передача крестьянамъ части помѣщичьей земли поколеблетъ институтъ частной собственности, ослабитъ высшее сословіе, составляющее важнѣйшую нравственную силу въ государствѣ и, наконецъ, повлечетъ за собой участіе въ государственномъ управленіи по праву вотчинной собственности массы народа, которая «силою необузданнаго большинства, ниспровергнетъ равновѣсіе въ частяхъ государственнаго организма». Необходимо избѣжать всѣхъ этихъ опасностей. Какъ же сдѣлать это? Исходъ одинъ — избрать средній путь, крестьянамъ предоставляется личная свобода, вся земля попрежнему остается въ собственности помѣщиковъ. Но при этомъ помѣщики обязуются выдѣлить крестьянамъ въ *пользованіе* опредѣленные земельные надѣлы, которые крестьяне *обязаны* обрабатывать за извѣстное вознагражденіе помѣщикамъ. Помѣщикъ не можетъ согнать крестьянина съ его надѣла, крестьянинъ не можетъ бросить этого надѣла. Личная свобода крестьянина сочетается съ земельнымъ прикрѣпленіемъ, а право собственности помѣщика на принадлежащія ему земли ограничивается обязанностью выдѣлить въ пользованіе крестьянина извѣстный надѣлъ. Остается вопросъ: кѣмъ и какъ

должны быть опредѣлены размѣры этихъ надѣловъ и тѣхъ оброковъ или повинностей, которые пойдутъ съ крестьянъ въ пользу помѣщиковъ за пользованіе надѣлами? Киселевъ высказался въ своей запискѣ, за то, чтобы размѣры того и другого были нормированы закономъ, при чемъ намѣтилъ и самыя нормы. Предложеніе Киселева вызвало въ комитетѣ оживленную оппозицію. Представителемъ сторонниковъ безземельнаго освобожденія крестьянъ на остзейскій манеръ выступилъ кн. Меньшиковъ, въ рядѣ записокъ отвергавшій проектъ Киселева въ самыхъ его основаніяхъ. Другіе члены комитета настаивали главнымъ образомъ на сокращеніи предложенныхъ Киселевымъ нормъ для земельныхъ надѣловъ и крестьянскихъ повинностей. Было ясно, что мысли Киселева не встрѣчали сочувствія; при всей своей умѣренности и консервативности онѣ оказывались слишкомъ смѣлыми для рядовой помѣщичьей массы, не желавшей поступаться ничѣмъ изъ своихъ землевладѣльческихъ привилегій. Но Киселевъ, заранѣе обезпечилъ себѣ выгодную позицію въ противовѣсъ ожидаемымъ противодѣйствіямъ: еще до внесенія своей записки въ комитетъ онъ заручился для нея одобреніемъ государя. Послѣ этого не было уже возможности сомнѣваться въ томъ, что проектъ Киселева не будетъ отвергнутъ комитетомъ, какъ бы ни отнеслось къ нему большинство членовъ. Однако, не рѣшаясь похоронить проектъ Киселева, комитетъ, сумѣлъ въ достаточной мѣрѣ извратить его. Въ запискахъ бар. Корфа, личнаго участника кампаніи, веденной въ это время противъ Киселева, мы находимъ любопытныя указанія на ходъ этого дѣла. Всѣ усилія членовъ комитета были направлены на то, чтобы по возможности свести на нѣтъ реальное значеніе обсуждаемой мѣры. Предсѣдатель кн. Васильчиковъ прямо сказалъ Корфу, что по его мнѣнію весь смыслъ подготовляемаго закона состоитъ въ томъ, чтобы, въ виду разнесшихся въ публикѣ слуховъ о замышляемой будто бы отмѣнѣ крѣпостного права, сдѣлать *что-нибудь* въ доказательство, что *этимъ однимъ* и ограничиваются намѣренія правительства, а потомъ уже рѣшительно прекратить всякое занятіе симъ дѣломъ, чтобы не давать пищи напраснымъ толкамъ и волненіямъ»*). Иначе говоря, хотѣли свести важную

*) Сб. Ист. Общ., т. 98, стран. 110.

законодательную мѣру къ простой канцелярской отпискѣ по поводу общественныхъ толковъ и ожиданій. Проектъ обширнаго закона, предложенный Киселевымъ, былъ замѣненъ въ концѣ концовъ очень небольшимъ проектомъ указа, окончательная редакція котораго была поручена упомянутому бар. Корфу. Важнѣйшее отступленіе, сдѣланное при этомъ отъ первоначальныхъ идей Киселева, состояло въ томъ, что опредѣленіе размѣровъ надѣла и причитающихся за надѣлъ повинностей предоставлялось теперь *свободному* соглашенію помѣщика съ крестьянами съ полнымъ устраненіемъ какихъ-либо общеобязательныхъ нормъ.

Въ такомъ видѣ проектъ указа поступилъ сперва въ соединенные департаменты, а потомъ и въ общее собраніе государственнаго совѣта. Въ послѣднемъ присутствовалъ и государь, произнесшій при этомъ обширную рѣчь. Рѣчь открывалась знаменитымъ заявленіемъ Николая Павловича: «Нѣтъ сомнѣнія, что крѣпостное право въ нынѣшнемъ его положеніи у насъ есть зло для всѣхъ ощутительное и очевидное, но прикасаться къ нему *теперь* было бы дѣломъ еще болѣе гибельнымъ». Какъ понятенъ былъ этотъ языкъ для совѣтниковъ императора Николая, этихъ реформаторовъ, боявшихся реформъ! При обсужденіи указа въ государственномъ совѣтѣ, возникли оживленныя пренія, но въ сущности дѣло было уже предрѣшено волею государя. 2 апрѣля 1842 г. «указъ объ *обязанныхъ* крестьянахъ» получилъ силу закона. И подготовка, и обнародованіе этого указа были встрѣчены большимъ волненіемъ помѣстнаго дворянства, которое на первыхъ порахъ взглянуло на новую мѣру, какъ на опасный ударъ незыблемости крѣпостного права. Не менѣе тревожилось и правительство, ожидавшее общественныхъ смутъ и со стороны дворянства, недовольнаго указомъ, и со стороны крестьянской массы, которая могла всколыхнуться отъ одного намека на облегченіе своей участи.

Вслѣдъ за изданіемъ указа въ провинцію полетѣли и гласные и секретные циркуляры съ предписаніями предупреждать и пресѣкать всякія ложныя и распространительныя толкованія новаго закона и «учредить бдительное секретное наблюденіе за извѣстными въ губерніи вредными разглашателями». Скоро однако выяснилось, что и ропотъ дворянства и страхи правительства были совершенно напрасны. Новый

законъ оказался чисто бумажной мѣрой. Подобно указу о свободныхъ хлѣбопашцахъ онъ не заключалъ въ себѣ никакой принудительной силы. Это были правила о порядкѣ освобожденія крестьянъ для тѣхъ помѣщиковъ, которые *пожелали бы* ими воспользоваться — и не болѣе. Во время преній въ государственномъ совѣтѣ кн. Голицынъ высказалъ правильную мысль, что при оставленіи договоровъ на добрую волю помѣщиковъ едва ли кто-нибудь приступитъ къ ихъ заключенію, и потому предлагалъ прямо ограничить власть помѣщичью обязательными инвентарями. Государь отвѣтилъ на это знаменательными словами: «Я, конечно, самодержавный и самовластный, но на такую мѣру никогда не рѣшусь, какъ не рѣшусь и на то, чтобы *приказать* помѣщикамъ заключать договоры, это должно быть, опять повторю, дѣломъ ихъ доброй воли». Указъ объ обязанныхъ крестьянахъ и явился своеобразнымъ закономъ, лишеннымъ принудительной силы. Помѣстное дворянство, не желавшее никакихъ ограниченій въ своихъ правахъ на землю и на крѣпостныхъ крестьянъ, просто-напросто игнорировало этотъ указъ, оставшійся почти безъ примѣненія. Единичные случаи отпуска на волю крестьянъ на основаніи указа 1842 г. можно перечислить по пальцамъ. Это была самая громкая мѣра, на которую отважилось правительство Николая Павловича по крестьянскому вопросу, но и она оказалась на повѣрку лишенной всякаго реальнаго жизненнаго содержанія. Не мудрено, что правительству вскорѣ опять пришлось столкнуться съ крестьянскимъ вопросомъ все въ той же формѣ, какъ это было и ранѣе. Въ 1846 г. въ четвертый разъ спеціальному комитету была поставлена задача — рѣшить, что дѣлать съ крѣпостнымъ правомъ? И въ четвертый разъ комитетомъ была разыграна, какъ по хорошо разученнымъ нотамъ, привычная пьеса въ трехъ дѣйствіяхъ. Дѣйствіе первое: появленіе обширной записки, намѣчающей рядъ мѣръ для того, чтобы сдвинуть крестьянскій вопросъ съ мертвой точки; дѣйствіе второе: полное одобреніе этихъ мѣръ въ принципѣ, соединенное съ признаніемъ несвоевременности ихъ исполненія; дѣйствіе третье — закрытіе комитета на томъ основаніи, что всего спокойнѣе все оставить постарому.

На этотъ разъ первое дѣйствіе было выполнено мин. внутреннихъ дѣлъ Перовскимъ. Въ составленной имъ запискѣ

онъ въ сущности оставался на почвѣ идей Киселева: — не нужно ни безземельнаго освобожденія, ни передачи крестьянамъ части помѣщичьей земли, нужна личная свобода крестьянина съ правомъ на обработку извѣстной части помѣщичьей земли. Однако, дарованіе крестьянамъ полной личной свободы необходимо подготовить предварительными мѣрами. Главнѣйшія изъ этихъ мѣръ слѣдующія: 1) урегулированіе крестьянскихъ повинностей обязательными инвентарями, 2) огражденіе закономъ права крестьянъ на собственность недвижимую и движимую, 3) запрещеніе отчуждать крестьянъ безъ земли, 4) запрещеніе обращать крестьянъ въ дворовыхъ. Въ будущемъ — въ видѣ отдаленной конечной цѣли—допускался свободный переходъ крестьянъ.

Для обсужденія записки Перовскаго былъ образованъ комитетъ изъ четырехъ лицъ: наслѣдника цесаревича, яраго крѣпостника гр. Орлова, мягкаго оппортуниста кн. Васильчикова, полагавшаго нужнымъ сдѣлать «что нибудь» только для успокоенія общественныхъ толковъ и наконецъ — самого Перовскаго. — Комитетъ въ одно засѣданіе слѣдующимъ образомъ «обсудилъ» всѣ вопросы, возбужденные запиской Перовскаго: 1) составленіе инвентарей невозможно «по совершенной новости этого дѣла»; 2) огражденіе правъ крестьянской собственности необходимо, ибо «собственность есть главнѣйшее изъ благъ земныхъ послѣ жизни», но гласное узаконеніе неприкосновенности крестьянскаго имущества опасно, это можетъ возбудить ропотъ и пререканія «тамъ, гдѣ ихъ теперь не существуетъ». Посему надлежитъ приступить къ составленію проекта соотвѣтствующихъ правилъ, но не издавать ихъ въ видѣ особаго манифеста или указа, а просто поручить Второму Отдѣленію Собственной Е. В. Канцеляріи имѣть въ виду огражденіе крестьянскаго движимаго имущества отъ помѣщичьихъ посягательствъ при составленіи будущаго гражданскаго уложенія. Иначе говоря, — отложить весь этотъ вопросъ ad calendas graecas; 3) необходимо даровать крестьянамъ право жалобъ на злоупотребленія помѣщичьей властью, но «очередь сей необходимой мѣры еще не настала», раньше нужно опредѣлить и обезпечить закономъ права крестьянъ личныя и по имуществу, наконецъ 4) полная отмѣна крѣпостного права въ Россіи невозможна, ибо власть помѣщика надъ крѣпостными крестьянами есть

первое орудіе и опора самодержавной власти россійскаго монарха.

Итакъ, одни нововведенія невозможны по «новости дѣла» (какъ-будто могутъ существовать не новыя нововведенія), другія — должны быть выполнены какъ можно малозамѣтнѣе и медлительнѣе, третьи — должны быть отсрочены впредь до выполненія вторыхъ, и наконецъ всѣ вообще нововведенія не должны поколебать того стараго порядка, на реформированіе котораго онѣ направлены. Составленіемъ этой глубокомысленной политической декларацiи комитетъ 1846 г. и ограничилъ свою дѣятельность.

Мы разсматривали до сихъ поръ такія дѣйствія Николаевскаго правительства, которыя обнаружили полное безсиліе сановной бюрократіи предпринять или подготовить какіе-либо положительные шаги въ развитіи крестьянскаго вопроса.

Намъ остается теперь отмѣтить явленія другого порядка, указывающія на то, какъ хорошо умѣла та же бюрократія обращать вспять движеніе этого вопроса, искажая и уничтожая уже достигнутые имъ успѣхи.

Вскорѣ послѣ закрытія комитета 1846 г. Киселевъ по одному частному поводу возбудилъ въ комитетѣ министровъ вопросъ о необходимости законодательнымъ порядкомъ обезпечить за крестьянами право собственности на пріобрѣтаемое ими на свои средства недвижимое имущество. По справедливому замѣчанію В. И. Семевскаго, этотъ эпизодъ въ исторіи нашего законодательства представляетъ своеобразный случай, гдѣ «дѣло, возбужденное для огражденія правъ крестьянъ, окончилось еще большимъ ухудшеніемъ ихъ положенія». Послѣ продолжительныхъ обсужденій возбужденнаго Киселевымъ вопроса государственный совѣтъ составилъ проектъ закона въ такой своеобразной редакціи и съ такими оговорками, которыя, ничего въ сущности не прибавляя къ правамъ крестьянъ, въ то же время лишали ихъ одного весьма важнаго права, которымъ ранѣе они фактически пользовались. Новый законъ (онъ получилъ утвержденіе государя и вступилъ въ силу 3 марта 1848 г.) дозволялъ крѣпостнымъ крестьянамъ пріобрѣтать въ собственность недвижимыя имущества, кромѣ населенныхъ имѣній, *но не иначе, какъ съ согласія помѣщика*. Все реальное значеніе послѣдней оговорки понять

не трудно. Вмѣстѣ съ тѣмъ законъ повелѣвалъ не принимать отъ крестьянъ никакихъ споровъ и не дѣлать никакихъ разысканій по дѣламъ о присвоеніи себѣ помѣщиками тѣхъ имуществъ, которыя ранѣе были пріобрѣтены крестьянами на имя своихъ господъ. Иначе говоря, помѣщикъ попрежнему могъ запретить крестьянамъ пріобрѣтеніе имуществъ, въ то же время онъ получилъ законную возможность безнаказанно отнять у крестьянъ все то, что ими было пріобрѣтено ранѣе съ его же дозволенія. Такъ умѣла Николаевская бюрократія обрабатывать и редактировать законопроекты, предложен... сторонниками крестьянскихъ интересовъ. Зато въ тѣхъ случаяхъ, когда въ законодательство проникала дѣйствительно облегчительная для крестьянъ мѣра, правящія сферы не успокаивались до тѣхъ поръ, пока не достигали ея полнаго упраздненія. Такъ случилось съ закономъ о правѣ крестьянъ выкупаться на свободу при продажѣ съ публичнаго торга дворянскихъ имѣній. Еще съ 1824 г. такое право было предоставлено грузинскимъ крѣпостнымъ крестьянамъ. Въ 1847 г. баронъ Корфъ, управлявшій тогда Вторымъ Отдѣленіемъ Собственной Е. И. В-ва Канцеляріи, представилъ государю записку о распространеніи этого права на все крѣпостное населеніе имперіи. Государь одобрилъ предположеніе Корфа и поручилъ обсудить ихъ въ келейномъ комитетѣ (пятый секретный комитетъ) въ составѣ гр. Орлова, гр. Левашова, Киселева, Панина, мин. фин. Вронченко, мин. внутреннихъ дѣлъ Перовскаго и Корфа.

Такъ какъ уже имѣлось одобреніе государя задуманной мѣрѣ, комитетъ ограничился обсужденіемъ лишь нѣкоторыхъ частностей, и дѣло быстро перешло въ государственный совѣтъ. Здѣсь возникло даже предположеніе еще болѣе расширить эту мѣру, дозволивъ крестьянамъ выкупаться съ землей не только при продажѣ земли съ аукціона, но и при продажѣ земель между частными людьми. Любопытно, что горячимъ противникомъ этого предложенія выступилъ... иниціаторъ всего дѣла бар. Корфъ. Аргументы, которые были имъ при этомъ выставлены, заслуживаютъ упоминанія. Онъ доказывалъ, что продажи съ аукціона сравнительно рѣдки и потому предлагаемая имъ мѣра будетъ примѣняться лишь въ скромныхъ размѣрахъ, тогда какъ переходы имѣній по частнымъ сдѣлкамъ совершаются постоянно, и выкупъ кре-

стьянъ на свободу при такихъ сдѣлкахъ можетъ получить массовый характеръ; «не откроетъ ли это крестьянамъ,— спрашивалъ Корфъ, — весьма важную и весьма опасную тайну, что они могутъ случайно и безъ воли помѣщика быть *иначе*, нежели *были*?» Передъ нами опять знакомыя намъ черты политической философіи Николаевской эпохи: государственная мѣра хороша только тогда, если она почти не будетъ примѣняться; первой заботой реформатора должно быть стремленіе ограничить и затруднить развитіе и приложеніе реформы. Корфъ, самъ поднявшій вопросъ съ цѣлью обратить на себя вниманіе государя, лишь только дѣло пошло въ ходъ, хлопоталъ лишь о томъ, чтобы его не сочли «личнымъ возбудителемъ вредной и опасной новизны». 8 ноября 1847 г. проектъ Корфа получилъ силу закона. Съ этого момента крѣпостники сосредоточиваютъ всѣ свои усилія на томъ, чтобы добиться уничтоженія этого ненавистнаго имъ закона. Уже въ январѣ 1848 г. Николай Павловичъ счелъ нужнымъ образовать новый (шестой) комитетъ, которому было поручено обсудить, не слѣдуетъ ли дополнить или измѣнить законъ 8-го ноября въ виду возбуждаемаго имъ неудовольствія въ дворянской средѣ. На этотъ разъ благодаря усиліямъ Блудова и Киселева законъ былъ сохраненъ, и комитетъ рѣшилъ, что правительству слѣдуетъ воздержаться отъ какихъ-либо мѣропріятій, ожидая дальнѣйшихъ послѣдствій. Но крѣпостники усугубили свою агитацію. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ государю была представлена записка тульскаго предводителя дворянства Норова, гдѣ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ изображались пагубныя послѣдствія закона 8 ноября 1847 г.: разрушеніе дворянскаго кредита, разореніе самихъ крестьянъ, которые въ цѣляхъ выкупа распродаютъ за безцѣнокъ все, что имѣютъ, лишь бы скопить нужную для выкупа сумму — вотъ къ чему привелъ этотъ законъ. Норовъ еще не подымалъ вопроса объ уничтоженіи закона, но предлагалъ нѣкоторыя мѣры для измѣненія порядка его примѣненія.

Для разсмотрѣнія записки Норова образованъ былъ седьмой секретный комитетъ, открывшій засѣданія въ іюнѣ 1848 г. Мѣры, предложенныя Норовымъ, были весьма непрактичны, и Киселевъ безъ труда раскритиковалъ всю Норовскую записку. Комитетъ отвергъ предложенія Норова, однако, вполнѣ согласился съ тѣмъ, что законъ 1847 г. вызываетъ многочис-

ленныя неудобства. Полная отмѣна этого закона была бы — по мнѣнію комитета — лучшимъ средствомъ избѣжать всѣхъ этихъ неудобствъ. Но секретные совѣтники Николая I боялись всякаго рѣшительнаго шага, хотя бы даже отвѣчающаго ихъ завѣтнымъ желаніямъ. Отмѣна недавно изданнаго закона обнаружила бы колебаніе и неустойчивость правительства, что могло бы повлечь «самыя опасныя послѣдствія». Однимъ словомъ комитетъ совершенно не зналъ, что предпринять, и остановился на довольно странномъ рѣшеніи: отложить окончательное рѣшеніе вопроса на полгода. Но уже черезъ два мѣсяца крѣпостническая партія двинула въ ходъ новое сильное средство, чтобы повліять въ желательномъ для себя смыслѣ на настроеніе государя. Государю была подана анонимная записка, озаглавленная: «О возмутительныхъ началахъ, развивающихся въ Россіи вслѣдствіе новаго распоряженія, предоставляющаго крестьянамъ право выкупа пріобрѣтеніемъ достоянія прежнихъ ихъ владѣльцевъ». Записка мѣтила въ самое больное мѣсто въ чувствахъ государя. На Западѣ опять бушевала революціонная буря, и ничѣмъ нельзя было сильнѣе испугать императора Николая Павловича, какъ указаніемъ на возможность революціонныхъ вспышекъ въ предѣлахъ его собственной имперіи. Авторъ записки съ паѳосомъ изображаетъ законъ 8-го ноября источникомъ грозящихъ Россіи возмущеній: «Передъ глазами всѣхъ кровавый мятежъ, грозящій гибелью всей Европѣ; онъ возникъ тамъ, гдѣ давно уничтожена помѣстная власть дворянства, гдѣ раздроблена поземельная собственность.

«Неужели Господь прогнѣвался на Россію и попуститъ врагамъ увлекать ее по тѣмъ же гибельнымъ стезямъ? Нѣтъ, великъ Богъ земли Русской! не совсѣмъ погибла надежда. Государь силенъ возстановить спокойствіе умовъ своего народа, взволнованнаго соблазномъ своеволія» *).

Записка была передана на разсмотрѣніе прежняго комитета. Киселевъ доказалъ несостоятельность выставленныхъ въ запискѣ предложеній, но комитетъ, отвергнувъ эти предложенія, тѣмъ не менѣе призналъ справедливыми высказанныя въ запискѣ опасенія на счетъ политической зловредности указа 8 ноября 1847 г. Участь этого указа была уже пред-

*) Семевскій.—Исторія крестьянскаго вопроса, т. II. стран. 194.

рѣшена. Всѣ члены государственнаго совѣта, опрошенные государемъ, высказались за отмѣну указа. Но указъ отмѣненъ не былъ. Произошло нѣчто своеобразное. Не будучи формально отмѣненнымъ, законъ 1847 г. былъ фактически похищенъ у Россіи. Въ іюлѣ 1849 г. по повелѣнію государя было составлено новое обширное положеніе о порядкѣ продажи имѣній съ публичныхъ торговъ, и въ это-то положеніе были включены параграфы, въ сущности совершенно упразднявшіе значеніе упомянутаго закона: выкупъ крестьянъ на волю при публичной продажѣ имѣній ставился этими параграфами въ полную зависимость отъ согласія самого помѣщика, иначе говоря, превращался въ отпускъ крестьянъ на волю по желанію помѣщика.

Такъ дѣйствовала бюрократія той эпохи: если ей не удавалось уничтожить значеніе облегчительнаго для крестьянъ закона при самомъ его изданіи, она добивалась своей цѣли уже послѣ того, какъ законъ вступилъ въ силу. Она не любила шума и гласности и вмѣсто отмѣны непріятнаго закона установленнымъ порядкомъ предпочитала въ этомъ случаѣ просто-напросто втихомолку исключить такой законъ при изданіи новыхъ правилъ по тому же предмету.

Разсказанный эпизодъ былъ послѣдней попыткой николаевскаго законодательства затронуть вопросъ о крѣпостныхъ крестьянахъ. Остается еще упомянуть, что въ 40-хъ годахъ дѣйствовали еще два секретныхъ комитета (итакъ, всего было 9 комитетовъ при Николаѣ I), работы которыхъ были посвящены спеціально вопросу о дворовыхъ людяхъ. Уже комитетъ 6-го декабря, какъ мы видѣли выше, проектировалъ рядъ мѣръ, направленныхъ къ постепенному сокращенію класса дворовыхъ людей. Изъ всѣхъ этихъ мѣръ въ 1833 г. было осуществлено только запрещеніе продавать дворовыхъ за долги и казенныя взысканія, а также отчуждать дворовыхъ съ раздробленіемъ семействъ.

Въ 1840 г. Блудовъ снова поднялъ вопросъ о дворовыхъ людяхъ, составивъ записку, въ которой повторялъ предложенія комитета 6-го декабря. Обсужденіе этой записки было поручено особому комитету, имѣвшему три засѣданія. Военный министръ Чернышевъ настойчиво отрицалъ потребность въ какихъ бы то ни было измѣненіяхъ въ положеніи дворовыхъ. Комитетъ ограничился тѣмъ, что намѣтилъ нѣкоторыя

косвенныя и *отдаленныя* мѣры, которыя могли бы подготовить сокращеніе числа дворовыхъ людей. Императоръ Николай не далъ хода предложеніямъ комитета, рѣшивъ «оставить сіе дѣло впредь до удобнаго времени». Въ 1844 г. былъ образованъ новый комитетъ о дворовыхъ людяхъ. На этотъ разъ самъ императоръ принялъ дѣятельное участіе въ засѣданіяхъ комитета. Снова были перебраны всѣ тѣ мѣры, которыя намѣчались еще въ комитетѣ 6-го декабря для сокращенія дворового класса, — 1) облегчающія отпускъ на волю дворовыхъ людей, 2) стѣсняющія помѣщиковъ въ разныхъ отношеніяхъ при пользованіи услугами дворовыхъ и 3) затрудняющія переводъ во дворъ крѣпостныхъ крестьянъ. Николай Павловичъ, сочувствуя всѣмъ этимъ мѣрамъ, однако, рѣшительно высказался противъ прямого запрещенія помѣщикамъ переводить крестьянъ съ пашни во дворъ. Въ концѣ концовъ работы комитета разрѣшились изданіемъ лишь двухъ постановленій 12 іюня 1844 г.: 1) помѣщикамъ было предоставлено отпускать дворовыхъ людей на волю безъ земли по обоюднымъ договорамъ, причемъ предписывались подробныя правила о порядкѣ взиманія выкупной суммы и о мѣрахъ взысканія на случай несостоятельности отпущенныхъ, 2) дозволялось отпускать на волю дворовыхъ людей изъ имѣній, заложенныхъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ, безъ испрошенія разрѣшенія этихъ учрежденій, а при отпускѣ не болѣе 10 душъ на каждыя 100 душъ, состоящихъ въ залогѣ, — и безъ взноса выкупныхъ денегъ. Оба эти постановленія не получили сколько-нибудь замѣтнаго практическаго значенія.

И по отношенію къ крѣпостнымъ крестьянамъ, и по отношенію къ крѣпостнымъ дворовымъ людямъ правительство Николая Павловича упорно избѣгало дѣйствительныхъ, обязательныхъ мѣропріятій. Самъ государь боязливо отказывался отъ такихъ мѣръ, какъ напр., ограниченіе крестьянскихъ повинностей инвентарными нормами, или запрещеніе помѣщикамъ переводить крестьянъ въ дворовые.

Въ одномъ только случаѣ правительство Николая I проявило большую рѣшительность въ урегулированіи крѣпостныхъ отношеній. Я разумѣю введеніе инвентарей въ юго-западномъ и сѣверо-западномъ краѣ. Здѣсь крестьянскій вопросъ развивался въ иной политической обстановкѣ, чѣмъ во внутренней Россіи, и это обстоятельство глубоко отрази-

лось на всемъ поведеніи правительства въ направленіи крестьянскаго дѣла. У себя дома правительство боялось облегчительными для крестьянъ мѣрами вызвать ропотъ и неудовольствія дворянства. Тамъ, на западной окраинѣ дворянство, составлявшее польскій элементъ въ краѣ, и безъ того уже стояло въ открытой враждѣ съ русской правительственной властью. Правительству приходилось искать противъ него надежныхъ союзниковъ, и оно возложило надежды въ этомъ отношеніи на подвластное помѣщикамъ русское крестьянство. Ослабленіе крѣпостного права явилось здѣсь въ рукахъ правительства средствомъ національной политической борьбы съ мятежнымъ полонизмомъ. Насколько умѣло и успѣшно использовало оно это средство, — вопросъ особый, но специальныя задачи руссификаторской политики во всякомъ случаѣ придали здѣсь правительству такую рѣшительность въ крестьянскомъ дѣлѣ, какой оно ни разу не обнаружило въ царствованіе Николая Павловича примѣнительно къ коренной Россіи. Впрочемъ и здѣсь правительство отнюдь не помышляло объ отмѣнѣ крѣпостного права. Оно рѣшилось только на ту самую мѣру, которую императоръ Николай Павловичъ категорически призналъ неосуществимой въ собственной Россіи: на урегулированіе крестьянскихъ земельныхъ надѣловъ и повинностей обязательными инвентарями.

Осуществленіе этой мѣры выпало на долю Бибикова, назначеннаго въ 1839 г. генералъ-губернаторомъ Юго-западнаго края. Подъ вліяніемъ его представленій, подкрѣпленныхъ между прочимъ и авторитетнымъ голосомъ Киселева, въ 1844 г. въ губерніяхъ Юго-западнаго края были учреждены губернскіе комитеты изъ представителей мѣстной губернской администраціи и помѣщиковъ по выбору самихъ дворянъ (по 3 человѣка въ каждомъ комитетѣ). Комитеты должны были, разсмотрѣть и составить инвентари по каждому помѣщичьему имѣнію. Однако по окончаніи этихъ работъ въ 1846 г. Бибиковъ заявилъ, что привести въ дѣйствіе составленные комитетомъ инвентари нѣтъ возможности, такъ какъ они основаны на слишкомъ недостаточныхъ и непровѣренныхъ статистическихъ матеріалахъ и отличаются крайней несогласованностью по отдѣльнымъ имѣніямъ. Бибиковъ предлагалъ въ замѣнъ этого ввести инвентари по составленной имъ едино-

образной формѣ, въ которой были обозначены лишь общія нормы. Эта мысль получила одобреніе особаго комитета, образованнаго для разсмотрѣнія предложенныхъ Бибиковымъ правилъ, и 26 мая 1847 г. вступили въ силу «Правила для управленія имѣніями по утвержденнымъ для оныхъ инвентарямъ въ Кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ». Съ этими общеобязательными правилами должны были согласоваться инвентари по отдѣльнымъ имѣніямъ. Такое согласованіе было поручено тѣмъ же упомянутымъ выше губернскимъ комитетамъ, которые и выполнили означенную работу въ теченіе четырехъ лѣтъ. Разумѣется, эта инвентарная реформа изобиловала недостатками. Въ опредѣленіи инвентарныхъ нормъ было много произвольнаго, и многія постановленія «общихъ правилъ» оказались невыгодными для крестьянскихъ интересовъ. И все-таки инвентари наносили серьезный ударъ рабовладѣльческому произволу, ставя ему освященныя закономъ границы. Ничего подобнаго не было допущено при Николаѣ Павловичѣ для коренной Россіи.

Инвентарную реформу рѣшено было распространить и на губерніи Сѣверо-западнаго края. Но здѣсь былъ испробованъ другой путь. Общихъ, для всѣхъ одинаково обязательныхъ правилъ и нормъ установлено не было. Приступили прямо къ составленію и узаконенію инвентарей для каждаго отдѣльнаго имѣнія. Дѣло чрезвычайно затянулось; мѣстныя инвентарныя комиссіи дѣйствовали подъ вліяніемъ помѣщиковъ и мало принимали въ расчетъ интересы крестьянъ.

Въ 1852 г. по настоянію того же Бибикова, только что занявшаго постъ министра внутреннихъ дѣлъ, на Сѣверо-западный край были распространены тѣ же общія инвентарныя правила, которыя были изданы и для кіевскаго генералъ-губернаторства. Помѣщики встрѣтили эту мѣру упорнымъ противодѣйствіемъ, и въ 1854 г. — передъ самымъ концомъ интересующаго насъ царствованія — дѣло крестьянской реформы въ Сѣверо-западномъ краѣ рѣшено было подвергнуть новому пересмотру.

Мы исчерпали всѣ главнѣйшія преобразовательныя начинанія царствованія Николая Павловича. Всѣ они носили общую печать нерѣшительности и половинчатости. Всемогущая бюрократія робѣла передъ всякой серьезной жизненной задачей. Она боялась толковъ публики и потому чувство-

вала необходимость сдѣлать «что-нибудь», но она боялась и всякаго измѣненія существующихъ отношеній и потому прилагала всѣ усилія къ тому, чтобы это «что-нибудь» превратилось на дѣлѣ въ «ничто».

Однако, даже и такіе двусмысленные опыты преобразованій совершенно прекращаются съ 1849 г. Въ послѣднее пятилѣтіе Николаевскаго царствованія правительство уже вполнѣ отказывается отъ какой бы то ни было творческой работы. Послѣ революціонныхъ событій 1848—49 гг. на западѣ Европы правительственная дѣятельность цѣликомъ и безраздѣльно сосредоточивается на полицейской охранѣ «стараго порядка».

5.

КОДИФИКАЦІЯ.

Дѣйствительно крупное дѣло было совершено въ царствованіе императора Николая Павловича лишь въ сферѣ кодификаціи русскихъ законовъ. Здѣсь не приходилось помышлять объ обновленіи жизненныхъ отношеній, все сводилось лишь къ систематизаціи наличнаго законодательнаго матеріала, и на такую работу оказалась способной и Николаевская эпоха.

Весь XVIII вѣкъ прошелъ въ безпрерывныхъ и всегда неудачныхъ попыткахъ привести въ систему русскіе законы, накопившіеся послѣ Уложенія 1649 года.

Петръ I, Петръ II, Анна, Елизавета, Екатерина II приступали къ этой задачѣ съ одинаковымъ неуспѣхомъ. Въ царствованіе Александра I надъ тѣмъ же дѣломъ трудилась особая «Комиссія для составленія законовъ». И ея дѣятельность не ознаменовалась практическими результатами. Въ 1826 г. Николай Павловичъ преобразовалъ эту комиссію во Второе Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи, возложивъ на его обязанность кодификаціонныя работы. Во главѣ дѣла сталъ Сперанскій, и подъ его руководствомъ къ 1833 г. были изготовлены два грандіозные труда: «Полное собраніе законовъ» и «Сводъ Законовъ Россійской имперіи».

Сперанскій различалъ три стадіи кодификаціонной работы: 1) составленіе *Полнаго собранія законовъ,* т.-е. расположеніе всѣхъ актовъ законодательства въ хронологическомъ порядкѣ, 2) составленіе *Свода законовъ,* т.-е. расположеніе всѣхъ дѣйствующихъ законовъ въ систематическомъ порядкѣ, но безъ всякихъ измѣненій въ существѣ ихъ и 3) составленіе *Уложенія,* т.-е. приведеніе въ систему дѣйствующихъ законовъ съ надлежащими дополненіями и исправленіями.

По волѣ императора работы II Отдѣленія были ограничены двумя первыми задачами. Мысль объ Уложеніи казалась Николаю Павловичу чѣмъ-то отвлеченнымъ и слишкомъ теоретичнымъ. Руководящій лозунгъ эпохи — держаться рамокъ существующаго — сказался и въ этой области. Изданіемъ полнаго собранія законовъ была принесена громадная польза и для текущихъ потребностей суда и управленія, и для нуждъ русской исторической науки. Ранѣе существовали различные, какъ правительственные, такъ и частные сборники узаконеній, но всѣ они страдали неполнотой состава и неточностью помѣщенныхъ въ нихъ текстовъ. Воспользовавшись всѣми этими сборниками, Сперанскій предпринялъ кромѣ того обширныя архивныя разысканія, въ результатѣ которыхъ удалось включить въ Полное собраніе законовъ всего 35.993 акта. Изъ этого числа — 30.920 актовъ пришлось на такъ называемое *первое* собраніе законовъ, въ которое вошли законы и указы отъ Уложенія 1649 г. и по 1825 г. и 5073 акта *второе* собраніе законовъ — съ 1825 г. по 1832 г. Первое собраніе составило 45 томовъ въ 48 частяхъ, второе — 6 томовъ въ 8 частяхъ *).

Составленіе Полнаго собранія законовъ должно было служить по мысли Сперанскаго подготовительной работой для составленія Свода законовъ. Работа надъ Сводомъ состояла въ слѣдующемъ. Изъ Полнаго собранія составлены были спеціальные историческіе своды по отдѣльнымъ матеріямъ. Изъ этихъ историческихъ сводовъ было устранено затѣмъ все недѣйствующее, а законоположенія, сохранившія силу, окончательно сведены въ опредѣленную систему. Сперанскій принялъ при этомъ за образецъ Corpus juris Юсти-

*) Съ 1832 г. Собраніе послѣдовательно пополняется дальнѣйшими томами по мѣрѣ накопленія новаго матеріала.

ніана, а за руководство — правила, преподанныя Бэкономъ: исключеніе всѣхъ повтореній; сокращеніе слишкомъ многословныхъ законовъ; изъ двухъ противорѣчащихъ другъ другу законовъ предпочтеніе позднѣйшаго; и — за выполненіемъ всѣхъ этихъ условій — внесеніе въ сводъ законовъ дословно въ тѣхъ самыхъ выраженіяхъ, въ какихъ они были первоначально составлены*). Подъ каждою статьею Свода означались источники, изъ которыхъ она была почерпнута. Самая система Свода или планъ распредѣленія его частей состояла въ слѣдующемъ. Законы раздѣлялись на двѣ категоріи: 1) законы, опредѣляющіе союзъ государственный, и 2) законы, опредѣляющіе союзъ гражданскій. Законы первой категоріи опредѣляютъ:

а) порядокъ, коимъ верховная власть образуется и дѣйствуетъ въ законодательствѣ и управленіи, — основные законы;

б) органы дѣйствія этой власти — учрежденія — томы I—III Свода;

в) силы, предназначенныя для сего дѣйствія:

уставы о повинностяхъ — т. IV Свода;

уставы казеннаго управленія — тт. V—VIII Свода;

г) участіе подданныхъ въ составѣ этихъ органовъ и силъ — законы о состояніяхъ — т. IX Свода.

Законы второй категоріи опредѣляютъ:

а) отношенія семейственныя и имущественныя:

законы гражданскіе и межевые;

законы о гражданскомъ и межевомъ судопроизводствѣ — т. X Свода;

б) порядокъ дѣйствія имущественныхъ правъ въ особомъ ихъ отношеніи къ государственному и частному кредиту, торговлѣ, промышленности — уставы государственнаго благоустройства (государственное хозяйство) — тт. XI — XII Свода.

Наконецъ, Сводъ заключается законами, охраняющими силу какъ государственнаго, такъ и гражданскаго союзовъ

*) Впрочемъ, есть данныя, указывающія на то, что Сперанскій все-таки выходилъ иногда изъ роли простого собирателя дѣйствующаго права и являлся, можетъ быть, невольно творцомъ новыхъ юридическихъ нормъ. Ср. А. Филипповъ—Сперанскій, какъ кодификаторъ, «Русская Мысль, 1892, № 10».

и возникающихъ отъ нихъ правъ, мѣрами общаго государственнаго порядка:

а) уставы благочинія — тт. XIII—XIV Свода;

б) уставы уголовные — т. XV Свода.

Огромная работа, которую пришлось совершить при составленіи Свода — въ соединеніи съ новизною предпринятаго дѣла — не могла обойтись безъ существенныхъ недостатковъ. Отдѣльныя узаконенія, вошедшія въ статьи Свода, возникшія въ разное время и при неодинаковыхъ обстоятельствахъ, сведены въ немъ безъ внутренней переработки, благодаря чему сводъ страдаетъ слабостью связи между отдѣльными статьями, разнородностью началъ и неравномѣрностью въ развитіи отдѣльныхъ частей законодательства. Частныя опредѣленія рѣшительно преобладаютъ въ Сводѣ надъ общими началами. Распредѣленіе матеріала недостаточно систематично, статьи, относящіяся къ одному предмету, нерѣдко разбросаны по различнымъ частямъ. Не мало оказалось въ Сводѣ статей, не имѣющихъ законодательнаго характера. Наконецъ, Сводъ далеко не былъ свободенъ отъ противорѣчій и пропусковъ *). Всѣ эти недостатки были естественны и, пожалуй, даже неизбѣжны въ столь громадномъ и новомъ дѣлѣ. Къ сожалѣнію, въ послѣдующихъ изданіяхъ Свода (второе изданіе вышло еще при Николаѣ I — въ 1842 г.) указанные недостатки не только не были устранены, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще болѣе усилились. Согласно первоначальной мысли Сперанскаго, Сводъ долженъ былъ послужить лишь подготовительной основой для составленія Уложенія, подъ которымъ Сперанскій разумѣлъ совокупность дѣйствующихъ законовъ, исправленныхъ и дополненныхъ сообразно требованіямъ времени. Мы уже видѣли, что мысль о составленіи Уложенія не была одобрена государемъ и по изданіи Свода въ 1833 г. ему была придана сила закона. Однако, частичныя работы по Уложенію все же были начаты. Самъ Сперанскій трудился надъ Уголовнымъ Уложеніемъ, которое уже послѣ его смерти было закончено въ 1845 г.

---

*) Пахманъ.—Исторія кодификаціи гражданскаго права, т. II, стран. 19—20.

6.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Я уже сказалъ, что 1849 г. явился предѣльнымъ хронологическимъ пунктомъ реформаціонныхъ попытокъ въ царствованіе Николая Павловича. Испуганное западно-европейскими политическими событіями, русское правительство съ этого времени отказывается отъ надежды рѣшить квадратуру круга, т.-е. произвести реформы, ничего не реформируя, и открыто и всецѣло сосредоточиваетъ всѣ свои заботы на томъ, чтобы остановить на точкѣ замерзанія всякое жизненное движеніе въ Россіи. Открывается эпоха настоящей вакханаліи полицейскаго и цензурнаго произвола. Гоненіе на мысль принимаетъ до нелѣпости уродливыя формы*). Знаменитый Бутурлинскій комитетъ объявилъ жестокую войну не только свободомыслію, но и просто здравому смыслу. Полицейскій гнетъ кошмаромъ нависъ надъ всѣмъ русскимъ обществомъ.

Послушаемъ одного изъ самыхъ искреннихъ русскихъ писателей, по личнымъ воспоминаніямъ изобразившаго психологію того общества, которому довелось пережить эту зловѣщую пору: «Не шевелиться, хотя и мечтать; не показать виду, что думаешь; не показать виду, что не боишься; показывать, напротивъ, что «боишься», трепещешь, — тогда какъ для этого и основаній-то никакихъ нѣтъ: вотъ что выработали эти годы въ русской толпѣ. Надо постоянно бояться — это корень жизненной правды, все остальное можетъ быть, а можетъ и не быть, да и не нужно всего этого остального, еще наживешь хлопотъ — вотъ что носилось тогда въ воздухѣ, угнетало толпу, отшибало у нея умъ и охоту думать... увѣренности, что человѣкъ имѣетъ право жить, не было ни у кого; напротивъ,—именно эта-то увѣренность и была умерщвлена въ толпѣ... атмосфера была полна страховъ; «пропадешь»! кричали небо и земля, воздухъ и вода, люди и звѣри.

---

*) Мы не будемъ обременять изложенія фактическими иллюстраціями этого бѣлаго террора николаевской цензуры. Общій характеръ его достаточно общеизвѣстенъ. Интересующихся отсылаемъ къ спеціальному труду по этому вопросу: «Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики». М. Лемке, С.-Пб. 1904 г.

И все ежилось и бѣжало отъ бѣды въ первую попавшуюся нору» *).

Практическіе результаты такого положенія вещей были зловѣщи. Всѣ стороны государственной жизни приходили въ полное разстройство. Для характеристики этого разстройства мы умышленно воспользуемся не оппозиціонной обличительной литературой, а чисто офиціальнымъ документомъ, составленнымъ для самого государя. Я разумѣю докладную записку, поданную государю генералъ-адъютантомъ Кутузовымъ послѣ объѣзда имъ нѣсколькихъ губерній во второй половинѣ царствованія Николая Павловича **). Записка открывается общей картиной народной угнетенности: «При проѣздѣ моемъ, — пишетъ Кутузовъ, — по тремъ губерніямъ въ самое лучшее время года при уборкѣ сѣна и хлѣба не было слышно ни одного голоса радости, не было видно ни одного движенія, доказывающаго довольство народное. Печать унынія и скорби отражается на всѣхъ лицахъ, проглядываетъ во всѣхъ чувствахъ и дѣйствіяхъ.

«... Эта печать унынія была для меня поразительна тѣмъ болѣе, что благословеніе Божіе лежало на поляхъ губерній, мною проѣханныхъ, на нихъ красовались богатыя жатвы, обѣщавшія вознаградить труды земледѣльца болѣе, чѣмъ обыкновенно вознаграждаетъ ихъ сѣверное небо нашей родины. Отпечатокъ этихъ чувствъ скорби такъ общъ всѣмъ классамъ, слѣды бѣдности общественной такъ явны, неправда и угнетеніе вездѣ и во всемъ такъ губительны для государства, что невольно рождается вопросъ: неужели все это не доходитъ до престола Вашего Императорскаго Величества?» Въ дальнѣйшемъ изложеніи записки находимъ столь же краснорѣчиво выраженное перечисленіе тѣхъ явленій, которыя авторъ считаетъ главными язвами общественнаго порядка. Это во-первыхъ: всесиліе корыстной бюрократіи, не знающей надъ собой общественнаго контроля: «бѣдственное состояніе государства происходитъ отъ недостатка административнаго устройства, производящаго множество чиновниковъ, желающихъ обогащенія, а отъ сего нѣтъ правды въ судахъ, нѣтъ истины

---

*) Сочиненія Глѣба Успенскаго. Изд. Павленкова. С.-Пб. 1889 г.— т. I, стран. 175—176.

**) «Русская Старина», 1898 г. Сентябрь.

въ дѣлахъ, одна корысть и угнетеніе. У насъ каждый министръ для доказательства важности своего управленія старается объ учрежденіи множества департаментовъ, комиссій, канцелярій, наполненныхъ множествомъ чиновниковъ, отчего управленіе идетъ гораздо хуже по очень простой причинѣ — чѣмъ болѣе предметовъ окружаетъ движущееся тѣло, тѣмъ движеніе его медленнѣе и неправильнѣе». Эта бюрократія, всесильная по отношенію къ управляемой массѣ, мало поддается и надзору свыше: «у престола Вашего Величества нѣсколько человѣкъ, окружая оный, составили ограду, чрезъ которую никакія злоупотребленія Вамъ не видны и голоса угнетенія и страданія Вашего народа не слышны... Къ кому обратиться угнетенному? Къ министрамъ? Но они всегда отвѣчаютъ — не мое дѣло и, составляя между собою союзъ наступательныхъ и оборонительныхъ дѣйствій, не выдадутъ одинъ другого. Къ комиссіи прошеній? Но она по многимъ предметамъ не можетъ входить въ разсмотрѣніе, а по которымъ должна, не хочетъ, чтобы не вступить въ борьбу съ сильными. Она всегда плыла по вѣтру и держалась того берега, который грѣетъ солнце и изобиленъ земными благами: ей тепло и сытно, а народу и холодно и голодно».

Результатомъ такого бюрократическаго режима авторъ считаетъ то обстоятельство, что вниманіе власти сосредоточивается на предметахъ, не имѣющихъ отношенія къ нуждамъ страны въ то время, какъ настоятельныя жизненныя задачи первостепенной важности не находятъ разрѣшенія. Отрѣшенность правительственной политики отъ реальныхъ потребностей народа ярко выражается, по мнѣнію автора записки, въ господствѣ неразумнаго, ненужнаго и нецѣлесообразнаго развитія «военщины», которая занимаетъ первое мѣсто въ ряду правительственныхъ заботъ: «войско блестяще, но это — наружный блескъ, тогда какъ въ существѣ своемъ оно носитъ сѣмена разрушенія нравственной и физической силы. Четвертая часть арміи исчезаетъ ежегодно отъ необыкновенной смертности... изъ отчета дѣйствующей арміи за 1835 г. видно, что по спискамъ состояло 231.099 чел., заболѣло 173.892 чел. Итакъ, почти вся армія была въ госпиталяхъ. Умерло 11.023 ч., т.-е. двадцатый человѣкъ. При Суворовѣ на 500 человѣкъ здоровыхъ бывалъ одинъ больной, теперь на 500 чел. больныхъ одинъ здоровый. Метода обученія гибельна для

жизни человѣческой. Солдата тянутъ вверхъ и внизъ въ одно и то же время, вверхъ для какой-то фигурной стойки, внизъ— для вытяжки ногъ и носковъ. Солдатъ долженъ медленно съ напряженіемъ всѣхъ мускуловъ и нервовъ вытянуть ногу въ половину человѣческаго роста и потомъ быстро опустить ее, подавшись на нее всѣмъ тѣломъ, отъ этого вся внутренность, растянутая и безпрестанно потрясаемая, производитъ чахотки и воспалительныя болѣзни. По отчету арміи за 1835 г. видно, что изъ 173.892 чел. больныхъ было одержимо воспалительными и изнурительными болѣзнями 130.000 чел. Явилась мысль пересоздать человѣка. Требуютъ, чтобы солдатъ шагалъ въ полтора аршина, когда Богъ ему создалъ ноги шагать въ аршинъ... послѣ всѣхъ вытяжекъ и растяжекъ солдатъ идетъ въ казармы, какъ разбитая на ноги лошадь. Присоединяя къ этому дурное лѣченіе и содержаніе солдатъ въ госпиталяхъ — изъ отчета арміи за 1837 г. видно, что въ госпиталяхъ умираетъ 15-й человѣкъ, а въ лазаретѣ — 28-й, надо удивляться, что не половина войска ежегодно уничтожается. Военная повинность, выбирая изъ семействъ лучшихъ людей, приводитъ въ бѣдность и семейства и государство, теряющія производительныя силы безъ пользы и славы для себя. Огромнѣйшая армія есть выраженіе не силы, а безсилія государства. И для чего эта громадная армія, когда она исчезаетъ отъ болѣзней, когда она, можно сказать, съѣдаетъ благосостояніе государства безъ пользы и славы для имперіи». Въ то время, какъ масса народныхъ силъ непроизводительно уходила на подобныя ненужныя затѣи, бюрократія относилась съ преступнымъ безучастіемъ къ насущнымъ нуждамъ народа: «Въ прошедшемъ году — пишетъ авторъ записки, — нѣкоторыя губерніи поражены были голодомъ. Бѣдствіе было ужасное! Но развѣ голодъ вдругъ упалъ съ неба? Нѣтъ, еще въ ноябрѣ предшествующаго года въ тѣхъ губерніяхъ ѣли желуди, не было ни всходовъ, ни хлѣба, ни овощей, голодъ представлялся вездѣ и во всемъ, а въ Петербургѣ узнали объ этомъ лишь черезъ шесть мѣсяцевъ — въ маѣ, когда цѣлыя селенія заражены были повальными болѣзнями, когда уже младенцы умирали у грудей матери, находя въ нихъ не жизнь, а заразу смерти. Причина столь предосудительной невнимательности заключается въ томъ, что все вниманіе главныхъ начальниковъ обращено на очистку бумагъ для

представленія въ отчетахъ блестящей дѣятельности, когда сущность управленія — въ самомъ жалкомъ положеніи».

Въ началѣ настоящаго очерка я привелъ докладную записку Боровкова, въ которой были сведены указанія декабристовъ на общественныя язвы Россіи. То было на порогѣ царствованія императора Николая Павловича. Теперь передъ нами—записка Кутузова, отъ второй половины того же царствованія. Чѣмъ разнятся другъ отъ друга эти двѣ картины внутренняго состоянія Россіи? Не повторяетъ ли Кутузовъ все то же, на что указывали декабристы нѣсколько придесятилѣтій тому назадъ? Во что же разрѣшилась, что принесла многолѣтняя работа секретныхъ комитетовъ и комиссій, претендовавшихъ на то, чтобы вязать и рѣшить судьбы страны? Жизнь выдвигала на очередь крупныя и сложныя задачи, но старый режимъ, въ которомъ цѣпенѣла Россія, не былъ способенъ ни разрѣшить, ни снять ихъ съ очереди. Ему оставался только одинъ исходъ: пасть жертвой собственнаго безсилія.

ОГЛАВЛЕНІЕ.